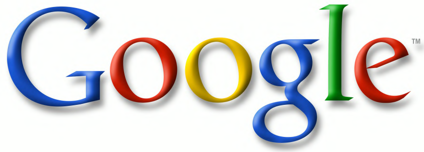

VE
RI
TAS

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

МАРТЪ, 1905 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1905 г.

(См. слѣд. стран.).

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1905 года).

СТРАН.

СТРАН.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ И РОСТОВЪ-НА-ДОНУ)

ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

СТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Четвертое изданіе, дополненное и исправленное, съ 80 портретами и иллюстраціями.

—oıo—

Настоящее четвертое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ трехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году и третье въ 1893 году). Въ него включены **двѣнадцать новыхъ статей**, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 80 (вмѣсто 56 третьяго изданія); всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 570 страницъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ“.

Цѣна 3 рубля 50 коп.

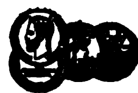
СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дептфортѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Овадьба карликовъ. — Московскіи маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Императрица Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Жена Суворова. — Пѣвица Габріелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Кирьянова, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература.

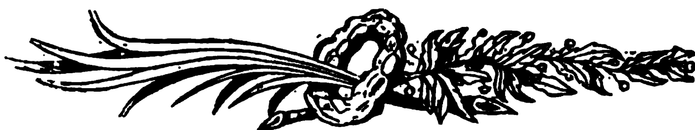
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

СЕРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1905

ЕВРАЛЯ 5-го дня газеты вышли съ напечатаннымъ въ нихъ высочайшимъ манифестомъ, оповѣстившимъ Россію о слѣдующемъ прискорбномъ событіи:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Провидѣнію угодно было поразить Насъ тяжелою скорбью. Любезнѣйшій Дядя Нашъ Великій Князь Сергій Александровичъ скончался въ Москвѣ въ 4-й день сего февраля, на 48 году отъ рожденія, погибнувъ отъ дерзновенной руки убійцъ, посягнувшихъ на дорогую для Насъ жизнь его. Оплакивая въ немъ Дядю и друга, коего вся жизнь, всѣ труды и попеченія были безпрерывно посвящены на службу Намъ и Отечеству, Мы твердо увѣрены, что всѣ Наши вѣрные подданные примутъ живѣйшее участіе въ печали, постигшей Императорскій Домъ Нашъ, и соединятъ теплыя молитвы свои съ Нашими объ успокоеніи въ Царствѣ праведныхъ души усопшаго Великаго Князя.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 4-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«НИКОЛАЙ».

Газеты въ тотъ же день сообщили и слѣдующія подробности этого кроваваго происшествія. 4-го февраля, въ 3 часа дня, когда великій князь ѣхалъ изъ своего пригороднаго Александровскаго дворца въ историческомъ Нескучномъ саду черезъ Кремлевскую площадь въ генералъ-губернаторскій домъ, подъ его карету была брошена бомба, которая и причинила ему мгновенную смерть. Вѣсть объ ужасномъ происшествіи съ быстротой молніи облетѣла всю Москву. Уже въ 4-мъ часу тысячныя толпы народа окружили Кремль со стороны Спасскихъ и Никольскихъ воротъ. Ея императорское высочество великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна въ это время находилась въ кремлевскомъ складѣ, и ея высочеству были уже поданы лошади, чтобы ѣхать въ генералъ-губернаторскій домъ на Тверской, куда собрался ѣхать и великій князь. Когда до ея высочества дошла вѣсть о совершенномъ злодѣяніи, она немедленно пріѣхала на Сенатскую площадь. Здѣсь великая княгиня опустилась на колѣни передъ останками своего августѣйшаго супруга. Тутъ же была цѣлая толпа народа. Многіе плакали навзрыдъ. Все окружающее представляло ужасную картину разрушенія.

Сенатская площадь обыкновенно малолюдна, и въ этотъ разъ на ней, кромѣ нѣсколькихъ прохожихъ и постового городового Леонтьева, да еще часового у арсенала, никого не было. Карета благополучно миновала почти всю площадь. Вдругъ раздался адскій трескъ. Къ мѣсту взрыва бѣгутъ и солдаты Екатеринославскаго полка, и офицеры, и городовой отъ Никольскихъ воротъ. Тутъ открывается потрясающая картина. Тѣло великаго князя лежитъ бездыханнымъ и обезображенное. Голова отдѣлилась отъ туловища. Одна нога оторвана, одна рука закинута назадъ. Отъ шинели остались одни клочья, мундиръ весь изорванъ. На землѣ буквально одни осколки кареты, разбитой въ мелкія щепки, клочья войлока отъ обивки кареты и тутъ же три ямки, очевидно вырытыя силою снаряда. Отдѣльныя пули изъ бомбы впились въ стѣны арсенала. Испуганныя и раненыя лошади унесли низъ кареты съ дышломъ и четырьмя колесами ближе къ Никольскимъ воротамъ и здѣсь бились въ изнеможеніи. Одна лошадь тутъ же околѣла. Кучеръ Андрей въ изодранномъ кафтанѣ съ окровавленнымъ затылкомъ былъ поднятъ толпой и поставленъ къ рѣшеткѣ, такъ какъ онъ не могъ держаться на ногахъ до прибытія кареты скорой помощи. Его отвезли въ больницу. Въ самый моментъ взрыва городовой Леонтьевъ видѣлъ, что какой-то человѣкъ бросился бѣжать отъ кареты. Леонтьевъ, околоточный надзиратель Виноградовъ и слѣдовавшіе за каретой охранные чины задержали этого человѣка. При задержаніи онъ быстро сунулъ руку въ карманъ, но чины полиціи

успѣли схватить его за руку. Въ карманѣ у него оказался револьверъ системы Браунинга. Преступникъ объяснилъ задержавшимъ его, что онъ приготовилъ этотъ револьверъ для перваго, кто его схватитъ. Задержанный и не пытался отрицать своего участія въ этомъ дѣлѣ. Онъ прямо заявилъ, что онъ членъ соціалъ-революціонной партіи, что своего званія онъ объяснить не желаетъ, и что онъ сдѣлалъ то, что ему было нужно. Преступникъ средняго роста, въ рабочемъ костюмѣ, довольно невзраченъ на видъ: лѣтъ 30—35, но съ замѣтными морщинами на лицѣ, которое совсѣмъ не интеллигентное. Его сейчасъ же отправили въ 1-й участокъ Городской части. Осколки бомбы ранили и преступника, причинивъ ему цѣлый рядъ царапинъ, но настолько незначительныхъ, что не потребовалась медицинская помощь.

На мѣсто печальнаго происшествія между тѣмъ поданы были носилки, на которыя были уложены части тѣла въ Бозѣ почившаго великаго князя. Ихъ покрыли простой солдатской шинелью и отнесли въ Чудовъ монастырь. Носилки переносили офицеры изъ Александровскихъ казармъ и случайно проходившіе здѣсь офицеры, а также нижніе чины. На мѣсто происшествія немедленно прибыли судебныя власти и вся администрація. Остатки кареты и колеса были убраны, а самое мѣсто катастрофы, на которомъ валялись щепы и клочья войлока, было окружено охраной. Это мѣсто рѣзко было замѣтно на снѣгу тѣмъ опаломъ, который произведенъ бомбой. На снѣгу же были лужи крови. Приставъ Локатошинъ нашелъ на мѣстѣ происшествія бумажникъ великаго князя. Въ Бозѣ почившій великій князь неоднократно получалъ анонимныя письма съ предупрежденіемъ относительно готовившагося на него покушенія, и, конечно, принимались всевозможныя мѣры охраны, но именно не предполагалось возможности какой либо засады на Сенатской площади, довольно широкой и открытой. Все наблюденіе было сосредоточено въ воротахъ Кремля, такъ какъ они узкія, и здѣсь всегда возможно было какое либо нападеніе. Къ тому же малолюдность Сенатской площади давала всегда возможность окружающимъ видѣть всякое покушеніе. Этой малолюдностью и объясняется отсутствіе очевидцевъ происшествія въ самый моментъ взрыва бомбы, а также и то обстоятельство, что никто изъ публики не пострадалъ.

Покойный великій князь Сергій Александровичъ, четвертый сынъ императора Александра II, родился 29-го апрѣля 1857 года. Получивъ образованіе подъ наблюденіемъ августѣйшихъ родителей, онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ день своего рожденія, слѣдующій чинъ великій князь получилъ пятнадцати лѣтъ, а двадцати лѣтъ въ разгаръ войны съ турками отправился на театръ

военныхъ дѣйствій. 12-го октября 1877 года онъ участвовалъ въ рекогносцировкѣ Кара-Лома близъ Кошева. За мужество и храбрость въ дѣлѣ съ непріятелемъ во время рекогносцировки былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Проходя службу въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, командовалъ въ теченіе 5 лѣтъ батальономъ и съ 1887 года по 1891 годъ полкомъ. 3-го іюня 1884 года состоялось его бракосочетаніе съ дочерью великаго герцога гессенскаго Людвига IV, великою княгинею Елизаветою Ѳеодоровною. Императоромъ Александромъ III великій князь Сергій Александровичъ былъ назначенъ въ 1891 году московскимъ генералъ-губернаторомъ съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1896 году былъ назначенъ командующимъ войсками Московскаго военнаго округа. Великій князь занималъ оба поста до нынѣшняго года, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками Московскаго округа. Въ бытность генералъ-губернаторомъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ покойный великій князь принималъ ближайшее участіе въ благоустройствѣ первопрестольной столицы и по должности командующаго—въ боевой подготовкѣ войскъ округа. Подъ его наблюденіемъ и руководительствомъ былъ воздвигнутъ въ Московскомъ кремлѣ памятникъ императору Александру II. Великій князь неослабно слѣдилъ за строительными работами и давалъ цѣнныя указанія своимъ сотрудникамъ въ этомъ дѣлѣ. За время московскаго генералъ-губернаторства онъ получилъ шесть разъ высочайшую признательность за свою дѣятельность, а также удостоился высочайшей благодарности за смотръ подъ Курскомъ во время большихъ маневровъ войскамъ Московскаго военнаго округа. Съ 1894 года великій князь состоялъ членомъ государственнаго совѣта.

Его императорское высочество принималъ живое участіе во многихъ научныхъ и благотворительныхъ обществахъ и учрежденіяхъ. Въ 1881 году онъ вмѣстѣ съ великими князьями Павломъ Александровичемъ и Константиномъ Константиновичемъ предпринялъ путешествіе по Европѣ и въ Палестину, въ которой на мѣстѣ ознакомился съ нуждами и положеніемъ русскихъ богомольцевъ. Вернувшись въ Петербургъ, учредилъ императорское Палестинское общество, въ которомъ принялъ на себя предсѣдательство. Благодаря его покровительству и энергіи, Палестинское общество стало собирать, разрабатывать и распространять въ Россіи свѣдѣнія о святыхъ мѣстахъ Востока, оказывать содѣйствіе русскимъ паломникамъ, въ Палестинѣ же открылись русскіе больница, школа и страннопріимный домъ. По иниціативѣ великаго князя на средства Палестинскаго общества были произведены раскопки въ Іерусалимѣ, давшія цѣнные результаты.

Затѣмъ великій князь интересовался вопросами русской археологіи, исторіи, художества и зодчества. Въ его лицѣ археологическіе институты въ Петербургѣ и Константинополѣ и общества художниковъ исторической живописи лишились своего покровителя, императорскій историческій музей въ Москвѣ, Московское общество акклиматизаціи животныхъ и растеній и Россійское общество рыбоводства и рыболовства — своего предсѣдателя, Московская практическая академія коммерческихъ знаній — своего попечителя. Когда началась война съ японцами, великій князь содѣйствовалъ общественному движенію по оказанію помощи вдовамъ и сиротамъ пострадавшихъ на войнѣ. Кромѣ того, онъ интересовался дѣятельностью православныхъ братствъ, Московской духовной академіи, церковно-приходскихъ школъ и распространеніемъ духовно-нравственныхъ книгъ и носилъ званіе ктитора Александро-Николаевской часовни въ Петербургѣ.

Великій князь былъ почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ и академіи художествъ, Московской духовной академіи, Московскаго и С.-Петербургскаго университетовъ, Московскаго археологическаго общества, Одесскаго общества исторіи и древностей, Ростовскаго музея древностей, православнаго миссіонерскаго общества и множества другихъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій и обществъ, а также шефомъ лейбъ-гвардіи второго стрѣлковаго батальона и 38-го пѣхотнаго Тобольскаго полка.

Приводимъ отзывы о кровавомъ событіи 4-го февраля «Новаго Времени», «Новостей», «Руси», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Слова»:

«Новое Время».

Ужасное убійство великаго князя Сергія Александровича вызоветъ глубокое потрясеніе всей Россіи. Мы повторимъ то, что говорили по поводу каждаго изъ такихъ покушеній,—увы, столь участившихся за послѣдніе годы!—что кровь всегда отвратительна, что убійца есть разбойникъ при однихъ его мотивахъ и палачъ при другихъ—лицо, одинаково не переносимое для мирныхъ гражданъ. Какъ остановить эти убійства, ставшія столь частыми? Ссылаются на самыя свободныя страны, гдѣ они есть, какъ Франція, какъ Италія, какъ Соединенныя Штаты. Однако же позволимъ себѣ замѣтить, и твердо замѣтить, что вездѣ они рѣже, исключительнѣе, нежели въ нашей несчастной Россіи, гдѣ они превращаются въ какую-то траурную хронику, становясь чуть не ежегодными и чуть не ежемѣсячными, если считать и неудавшіяся покушенія.

Только время такъ называемыхъ «тайныхъ судилищъ» въ Германіи, въ пору феодальнаго «кулачнаго права», даетъ аналогію этой ужасной системѣ личнаго истребленія, подъ какою мы живемъ. Новое проявленіе этой системы, противъ которой нѣтъ апелляціи, гдѣ нѣтъ адвокатовъ, гдѣ есть только само-

званные прокуроры, распоряжающіеся чужою жизнью издалека,—вызоветъ величайшее волненіе и смятеніе въ народѣ.

Кто же эти убійцы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, если и важенъ, то для правосудія только. Гораздо важнѣе другой вопросъ: почему это преступленіе не было предупреждено? Нѣсколько десятковъ лѣтъ революціонная партія дѣйствуетъ терроромъ. Она организуется, она открыто печатаетъ прокламаціи, открыто публикуетъ въ своихъ листкахъ «приговоры» и ихъ «исполненіе», она знаетъ все, что дѣлается въ правительствѣ; на протяженіи десятковъ лѣтъ мы не знаемъ случая, чтобы наша полиція предупредила какое нибудь убійство, точно это не въ силахъ человѣческихъ. Почти хочется сравнивать революціонную полицію съ государственной. Очевидно, организація какъ правительственныхъ, такъ и общественныхъ силъ у насъ страдаетъ огромными недостатками. Обѣ эти силы, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать согласно, дѣйствуютъ порознь, или правительство принимаетъ мѣры, а общество остается пассивнымъ и ничего разобрать и понять не можетъ, что кругомъ его дѣлается.

Вотъ главная наша болѣзнь, главное зло. Понятно, что невозможно всегда избѣжать удара тайнаго врага, какого-то тайнаго судилища, у котораго свои судьи и своя прокуратура. Орудія истребленія такъ усовершенствовались, что они могутъ дѣйствовать навѣрняка, что даже малая кучка террористовъ въ состояніи надѣлать величайшихъ бѣдъ, можетъ остановить пульсъ жизни. Зоркость правительственныхъ агентовъ, даже при ихъ совершенствѣ, иногда безсильна спасти человѣка. Но эта зоркость во сто разъ увеличивается, если само общество заинтересовано сознательно въ поддержаніи порядки, если онъ ему дорогъ, какъ дорогъ порядокъ семейный, какъ дорога жизнь каждаго изъ членовъ семьи. А у насъ все распаталось, все разрозненно, а общественное воспитаніе возможно только при стройномъ развитіи всѣхъ общественныхъ слоевъ, при крѣпкой ихъ связи между собою и при взаимной отвѣтственности. Это приходится повторять при всякомъ ударѣ добровольныхъ палачей.

Погибъ сынъ Царя-Освободителя, погибъ такою же насильственною смертью. Тѣнь Александра Второго невольно встаетъ передъ нами съ тѣми добрыми и великими дѣлами, которыя онъ совершилъ для Россіи, и которыя закончить помѣшали ему убійцы.

Смерть великаго князя прежде всего горе августѣйшей семьи, и передъ этимъ горемъ склоняются всѣ. Да поможетъ Богъ Государю сохранить всю крѣпость души и всю доброту своего сердца въ эту ужасную годину несчастій и испытаній. Да поможетъ ему Богъ укрѣпить свое мужество среди ударовъ судьбы и вѣру въ русскій народъ, который понимаетъ его печаль и горе и раздѣлитъ ихъ съ привычнымъ глубокимъ чувствомъ.

«Новости»:

Трагическая вѣсть пришла изъ Москвы: убитъ великій князь Сергій Александровичъ. То успокоеніе, о которомъ такъ страстно, такъ горячо молилось

все русское общество, и которое, казалось, было такъ близко отъ него, теперь,—въ этомъ нѣтъ уже сомнѣній,—такъ же далеко, какъ и полгода назадъ...

Мы живемъ въ жестокое время. Сотни тысячъ людей сдѣлались жертвами войны, нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ лишились жизни въ борьбѣ съ другой стихійной силой, сотни людей погибли на улицахъ русскихъ городовъ...

Излишне говорить, что общество не сочувствуетъ насилію, но признаетъ убійства средствомъ, пригоднымъ для оздоровленія жизни, для достиженія государственнаго блага.

То государство, гдѣ возможны такія событія, не можетъ быть признано здоровымъ, и необходимость скорѣйшаго исцѣленія его встаетъ, какъ угроза грядущей гибели и всеобщаго распада.

Такъ жить больше нельзя, нельзя допускать, чтобы кровью людей покупалось ихъ грядущее счастье!

Общество взволновано, смущенная совѣсть его ищетъ выхода, и выходъ есть. Та бюрократія, которая одна только повинна во всемъ, должна уступить мѣсто общественнымъ силамъ страны. Только такимъ путемъ общественная жизнь войдетъ въ спокойное русло, и кровавые акты возмездія станутъ немыслимы... Общество сильное, властное, увѣренное въ своихъ правахъ, сумѣетъ направить государство, не прибѣгая къ призракамъ революціи.

Не полицейскими мѣрами, не насиліями и казнями добьется оно спокойнаго счастья, разъ у него будетъ право законное, признанное, самому вѣдать своей жизнью...

Пропасть между государствомъ и обществомъ должна быть уничтожена. Робкія полумѣры, уступки не спасутъ бюрократіи, не вернутъ ей былого значенія. Довольно крови, довольно ужасовъ! Пора понять это, и искренно, честно пойти навстрѣчу законнымъ надеждамъ общества...

Опасно, невозможно блуждать во мракѣ, поддерживать нестерпимое положеніе, которое ведетъ только къ разнузданію страстей. Необходимо призвать русское общество къ властному почину по охраненію Престола и обезпеченію народной свободы.

Въ этомъ одномъ—наше спасеніе какъ отъ произвола, такъ и отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій, могущихъ омрачить наше будущее.

«Русь»:

Въ политическомъ характерѣ этого событія сомнѣваться невозможно. Съ 15-го іюля, дня убійства В. К. Плеве, революціонная партія, такъ называемая «боевая организація», прекратила свою дѣятельность, и пятимѣсячное министерство князя Святополкъ-Мирскаго было временемъ самой оживленной и даже страстной общественной политической дѣятельности, но мирной. Нынѣ опять пролилась кровь, опять потрясена страна.

Въ скорби и ужасѣ должны мы остановиться и задуматься надъ трагическими событіями, потрясающими русскую жизнь и заставляющими заграничное

общественное мнѣніе твердить, что Россія охвачена революціей. Мы, русскіе, знаемъ, что болѣзнь, охватывающая нашу родину, — не смертельная болѣзнь; что русскіе люди, какъ только сойдутся они по довѣрію и свободному избранію своей земли, сумѣютъ быстро вывести націю и правительство на путь мирнаго и плодотворнаго развитія.

Но продолжающаяся и продолжающаяся смута, дѣлающая иллюзію полнаго, мертвеннаго разложенія нашей страны, заставляетъ каждаго, искренно переживающаго съ родиной ея терзанія, воскликнуть: «Когда же конецъ? Гдѣ предѣлъ испытаніямъ?»

Мы страшно утомлены, мы измучены этою маляріей, которою тягостно страдаемъ всѣ, отъ малаго до великаго. Гигантская мощь великаго народа точно зажата въ тиски какого-то рокового недоразумѣнія, и бьется въ нихъ съ тѣми потугами, какихъ и надо ждать отъ исполина.

Тревогою и кровью жить нельзя. Мира и успокоенія, органической работы жаждемъ мы всѣ, жаждемъ выхода къ свѣтлому грядущему. Отдавая себѣ полный отчетъ въ громадности надвинувшейся на насъ и непрекращающейся тревоги, обрѣтемъ силы, чтобы выковать Россіи прочное будущее въ тѣсномъ, свободномъ и до конца договорсиномъ союзѣ Верховной власти съ народомъ, который не хочетъ крови, не хочетъ насилій, но жаждетъ мира, успокоенія и и труда въ условіяхъ, твердо обезпечивающихъ ихъ.

Этой надеждой мы живемъ и въ ней видимъ вѣрную защиту отъ падающихъ и падающихъ на русскую жизнь трагическихъ событій.

«С.-Петербургскія Вѣдомости»:

Мы вступили въ полосу страшныхъ политическихъ бурь. Зловѣщимъ пламенемъ окрашена даль разсвѣта. На преступленіяхъ и жизни ближнихъ безумные, фанатичные люди пытаются создать какое-то болѣе чѣмъ проблематичное лучшее будущее...

То, что случилось вчера въ Москвѣ, такъ ужасно, что перо отказывается медлить на невѣроятномъ событіи... Сынъ Царя-Освободителя убитъ среди бѣла дня у самаго Кремля, какъ разъ въ тотъ историческій моментъ, когда все общество ждало вѣщаго призыва съ вершины Престола, когда толки о земскомъ соборѣ, объ единеніи съ правительствомъ, о необходимости стряхнуть съ себя оцѣпенѣніе, которое насъ привело къ Портъ-Артуру и неисчислимымъ бѣдамъ этой войны, могучимъ подъемомъ духа начинали охватывать разные слои населенія...

Грозная пропасть между ними опять растетъ... Брызги крови, пролитой изступленными врагами всякаго порядка въ имперіи, опять кладутъ несмываемый слѣдъ на переживаемое нами невозможное по своей тревожности и напряженности время. Партійная борьба, внутренніе раздоры, изнуряющіе и позорящіе Россію въ годину боевыхъ неудачъ, тяжелое и больное состояніе умовъ, омертвѣніе національно-патріотическихъ чувствъ, на которыя еще такъ недавно

возлагались преувеличенныя надежды,—все точно сливается въ одинъ безпросвѣтный туманъ, изъ котораго тщетно ищешь скораго исхода. Только бы Богъ поддержалъ въ столь тяжкія минуты болящаго за родину Государя, одаривъ его крѣпостью смѣлѣе и тверже, чѣмъ когда либо, взглянуть впередъ!

Творческія, великія необъятныя задачи обновленія и возрожденія ввѣренныхъ ему Богомъ народовъ и царствъ не допускаютъ промедленія и колебанія. Многія тысячи рукъ, осѣняющихъ его въ помыслахъ своимъ крестнымъ знаменіемъ, призывно молятъ объ одномъ: сплоти вокругъ себя твою Русь, ожидающую зари и пробужденія! Тогда только намъ безразличны будутъ подкопы и удары какихъ бы то ни было все громче и громче надъ нами насмѣхающихся, все тѣснѣе сдвигающихся недруговъ...

«Слово»:

Объ общественномъ негодованіи въ подобныхъ случаяхъ и о томъ справедливомъ отвращеніи, которое нормальнымъ людямъ внушаютъ подобныя убійства, почти всегда изъ-за угла, засадою, надъ безоружной или ничего не ожидающей жертвой, писано было такъ много и такъ часто, что мы не остановимся на этой сторонѣ вопроса, считая его общимъ мѣстомъ. Въ свою очередь и значеніе такихъ убійствъ, и причины, и послѣдствія ихъ могутъ быть столь разнообразны, что о нихъ надо по каждому случаю говорить отдѣльно, и, пожалуй, цѣлесообразнѣе будетъ вернуться къ этому, когда ближе выяснятся обстановка самаго событія, непосредственныя причины и способы его подготовленія, сдѣлавшіе возможнымъ осуществленіе всего замысла.

Но третья сторона дѣла,—какимъ образомъ пресѣчь такія кровавыя проявленія существующаго въ извѣстномъ народѣ или томъ или другомъ его слоѣ или кругѣ недовольства и остановить повтореніе такихъ событій или распространеніе такой формы проявленія недовольства,—эта сторона заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться подробнѣе—и притомъ именно въ настоящее, переживаемое всею Россіею время.

Мѣры для этого могутъ быть двоякія: однѣ направляются исключительно къ предупрежденію или, по крайней мѣрѣ, затрудненію самой фактической возможности политическихъ убійствъ или покушеній на таковыя. Мѣры предосторожности, носящія характеръ преимущественно полицейско-предупредительный, сопровождаются обыкновенно усиленіемъ государственной репрессіи и господствомъ, часто временнымъ, реакціоннаго направленія во внутренней политикѣ. Четверть вѣка тому назадъ Россія пережила уже почти трехлѣтнюю полосу политическаго террора, и правительство боролось тогда противъ враговъ общественнаго порядка усиленіемъ репрессіи и полицейскаго надзора. Привели ли, однако, эти мѣры къ тому, что явленія террористическаго характера смолкли именно вслѣдствіе этихъ мѣръ, или же успокоеніе вызвано иными причинами,—отвѣтъ на это можетъ дать только исторія.

Другой способъ воздѣйствія противъ подобныхъ результатовъ и проявленій революціонной пропаганды и дѣятельности носитъ характеръ, такъ сказать, профилактическій. Мѣры противъ крамолы могутъ быть приняты не охранительныя, а творческія, и должны заключаться въ выработкѣ и въ установленія настолько твердой и устойчивой системы управленія государствомъ, которая, опираясь на мнѣніе всего народа, дѣлала бы соціальное движеніе внутренне несостоятельнымъ и для самихъ участниковъ, очевидно, безцѣльнымъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что необходимое внутреннее государственное равновѣсіе будетъ достигнуто, если правительственная власть въ развитіи нашей государственной жизни пойдетъ рука объ руку съ обществомъ, т.-е. съ его наиболѣе разумными слоями—слоями умѣренными, вдумчивыми и глубоко проникнутыми нашими историческими началами.

Торжественное отпѣваніе останковъ великаго князя по заранѣе обнородованному церемоніалу состоялось 10-го февраля въ Москвѣ въ Алексѣевскомъ храмѣ Чудова монастыря въ слѣдующемъ порядкѣ и обстановкѣ, какъ то описано въ «Новомъ Времени». Въ половинѣ 11 утра перезвонъ колоколовъ московскихъ соборовъ и церквей оповѣстилъ о началѣ печальнаго торжества, и одновременно начались заупокойныя литургіи во всѣхъ столичныхъ храмахъ. Обширная трапезная церковь святителя Алексѣя могла вмѣстить лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, такъ какъ большую часть мѣста занималъ помостъ, на которомъ подъ серебрянымъ балдахиномъ стоялъ на катафалкѣ гробъ съ останками великаго князя. Балдахинъ увѣнчанъ великокняжеской короной, края его поддерживаются штангами съ золочеными государственными гербами. Помостъ и катафалкъ обиты краснымъ сукномъ. Дубовый гробъ украшенъ позументомъ и серебрянымъ государственнымъ гербомъ. По угламъ гроба свѣшиваются четыре большія серебряныя кисти, а на гробовой крышкѣ помѣщенъ восьмиконечный крестъ, близъ котораго прикрѣплены парадная барашковая шапка великаго князя и его шашка. Внутри гробъ выложенъ бѣлой шелковой матеріей. Останки великаго князя, одѣтые въ мундиръ 5-го гренадерскаго Кіевскаго полка, покрыты царскимъ покровомъ изъ кованаго золотого глазета съ серебрянымъ позументомъ, подшитымъ горностаемъ. Кругомъ на обитыхъ серебрянымъ глазетомъ подушкахъ ордена и знаки отличія почившаго великаго князя. Впереди аналой съ иконой Спаса Нерукотвореннаго, а у изголовья — подсвѣчникъ и аналой со св. Евангеліемъ. На груди въ Бозѣ почившаго великаго князя небольшой золотой съ эмалью складень. Кругомъ цѣлые холмы изъ серебряныхъ и цвѣточныхъ вѣнковъ. Хотя часть вѣнковъ уже успѣли перенести въ сосѣднюю церковь св. Андрея Первозваннаго, гдѣ временно послѣ отпѣванія будетъ находиться гробъ съ тѣломъ великаго князя, но цвѣточные холмы не уменьшаются, такъ какъ

возлагаются все новые и новые вѣнки. Вѣнки возложены: отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, отъ Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, отъ герцога Георгія Георгіевича Мекленбургъ-Стрелицкаго—съ надписью: «товарищу дѣтства»; серебряные вѣнки: отъ флота, воспитанниковъ Александровскаго лицея, отъ «глубоко скорбящихъ» офицеровъ генеральнаго штаба Московскаго округа и многіе другіе; въ общемъ болѣе 200 вѣнковъ, въ томъ числѣ свыше 60 серебряныхъ.

Въ исходѣ 11-го часа въ алтарѣ собрались митрополитъ, архіереи, архимандриты и высшее придворное духовенство. Къ этому же времени стали съѣзжаться особы, имѣвшія право присутствовать при отпѣваніи согласно повѣсткамъ отъ высочайшаго двора. Дамы въ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ и черныхъ головныхъ уборахъ группировались съ правой стороны гроба; придворные кавалеры, военные и гражданскіе чины собирались частью съ лѣвой стороны, частью въ церкви, гдѣ находится рака съ мощами святителя Алексѣя, и черезъ которую августѣйшія особы должны были слѣдовать изъ Николаевскаго дворца по пути въ трапезную. Здѣсь, между прочимъ, находились: оберъ-гофмейстеръ князь А. С. Долгорукій, оберъ-егермейстеръ П. П. Голенищевъ-Кутузовъ-Толстой, члены государственнаго совѣта: генералъ-адъютантъ графъ А. П. Игнатьевъ, генералъ-лейтенантъ А. И. Пантелѣевъ, М. Н. Галкинъ-Врасской, И. Л. Горемыкинъ, П. А. Сабуровъ, С. Ф. Платоновъ и графъ С. А. Толь, министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ, русскій посолъ въ Римѣ Н. В. Муравьевъ, товарищъ министра финансовъ князь А. Д. Оболенскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьяновъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ князь В. С. Оболенскій-Нелединскій-Мелецкій и многіе другіе. Здѣсь же были всѣ московскія военныя и гражданскія власти, губернскій и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ, московскій городской голова, представители московскаго и иностраннаго купечества, депутаціи отъ всѣхъ московскихъ обществъ, въ которыхъ почившій великій князь былъ августѣйшимъ предсѣдателемъ, покровителемъ или почетнымъ членомъ. Независимо отъ этихъ депутацій были еще депутаціи изъ Петербурга отъ православнаго Палестинскаго общества, отъ Сергіевскаго братства и отъ слѣдующихъ воинскихъ частей: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, отъ Кирасирскаго ея величества государыни императрицы Маріи Θеодоровны полка, отъ лейбъ-гусарскаго его величества полка, отъ 4-го стрѣлковаго императорской фамиліи батальона и отъ лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, отъ шеф-

скихъ частей: Тобольскаго пѣхотнаго полка, 5-го гренадерскаго Кіевскаго полка и 2-го лейбъ-гвардіи стрѣлковаго батальона.

Къ началу литургіи у гроба стало дежурство, распредѣлившееся на три смѣны. На площади передъ Чудовымъ монастыремъ былъ выставленъ почетный караулъ отъ Кіевскаго полка при знамени и хорѣ музыки. У входа въ монастырь стояли парные часовые.

Въ 11-ть часовъ утра изъ внутреннихъ покоевъ Николаевскаго дворца изволили выйти великая княгиня Елизавета Өеодоровна съ августѣйшимъ братомъ, великимъ герцогомъ Гессенскимъ Эрнестомъ-Людвигомъ, великая княгиня Марія Александровна, вдовствующая герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, съ великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ, великій князь Константинъ Константиновичъ съ принцессой Викторіей Баттенбергской; далѣе слѣдовали великій князь Димитрій Павловичъ, великая княжна Марія Павловна, принцесса Беатриса Саксенъ-Кобургъ-Готская, великая герцогиня Гессенская и герцоги Михаилъ Георгіевичъ и Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе. Августѣйшія особы стали съ правой стороны гроба. Митрополитъ въ сослуженіи съ духовенствомъ при пѣніи синодальныхъ пѣвчихъ совершилъ литургію. Въ часъ дня началось отпѣваніе, послѣ котораго великая княгиня Елизавета Өеодоровна и всѣ августѣйшія особы приблизились къ гробу для прощанія и послѣдняго поклоненія смертнымъ останкамъ великаго князя. За августѣйшими особами отдаютъ послѣднее поклоненіе митрополитъ и духовенство, затѣмъ ближайшія къ почившему великому князю лица, свита его высочества и личные его слуги. Адъютантъ его высочества, капитанъ Джунковъ, графъ Игнатьевъ, графъ Олсуфьевъ и графъ Бѣлевскій приносятъ крышку гроба, на которой прибита металлическая доска съ надписью: «Императорское Высочество, Великій Князь Сергій Александровичъ, родился въ Царскомъ Селѣ 1857 г., 29 апрѣля; скончался въ Москвѣ 1905 г., 4 февраля». Четыре генерала снимаютъ съ гроба покровъ и относятъ его въ алтарь. Провозглашается «вѣчная память», и всѣ августѣйшія особы, а за ними и всѣ присутствовавшіе опускаются на колѣни. Митрополитъ, августѣйшія особы и высшее духовенство особой лопаточкой посыпаютъ землею останки великаго князя. Великая княгиня Елизавета Өеодоровна еще разъ приближается къ гробу, который затѣмъ покрывается крышкой. Всѣ присутствующіе великіе князья и августѣйшія особы вмѣстѣ съ состоявшими при почившемъ генералами и адъютантами поднимаютъ гробъ. Впереди шествуютъ митрополитъ съ высшимъ духовенствомъ, а за гробомъ слѣдуютъ великая княгиня Елизавета Өеодоровна съ великимъ герцогомъ Гессенскимъ и всѣ остальныя августѣйшія особы. Гробъ переносится въ находящуюся рядомъ,

на той же площадкѣ, церковь св. Андрея Первозваннаго. Церковь эта вся устлана чернымъ сукномъ, а посрединѣ поставленъ бѣлый катафалкъ; стѣны увѣшаны возложенными на гробъ вѣнками. Когда гробъ съ останками великаго князя внесли въ церковь, его поставили на катафалкъ. Митрополитъ совершилъ литію, послѣ которой всѣ августѣйшія особы подходили подъ благословеніе владыки. Ихъ высочества снова поклонились гробу и тѣмъ же порядкомъ возвратились черезъ трапезную въ церковь св. Алексѣя митрополита, гдѣ прикладывались къ мощамъ святителя, послѣ чего прослѣдовали внутреннимъ ходомъ въ Николаевскій дворецъ.

Гробъ съ останками великаго князя Сергія Александровича останется въ Андреевской церкви до времени, когда будетъ назначенъ день ихъ погребенія.

Слѣдствіе объ убіеніи великаго князя Сергія Александровича еще не выяснило ни имени убійцы, ни подробностей заговора, ни участниковъ его. Газеты первопрестольной успѣли только сообщить два трогательныхъ эпизода изъ вдовьей нынѣ жизни великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны. Она присутствовала при погребеніи погибшаго вмѣстѣ съ ея супругомъ его кучера и приняла на себя заботу объ осиротѣвшей его семьѣ, а также посѣтила въ мѣстѣ заключенія убійцу великаго князя. Встрѣтившись одна лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, причинившимъ ей такое зло, она спросила его, за что онъ убилъ ея мужа. Преступникъ отвѣтилъ: «я исполнилъ волю революціоннаго комитета». Великая княгиня спросила: «вы вѣрующій?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, дала ему образокъ и сказала: «я васъ прощаю, Богъ будетъ судьею между княземъ и вами, а я буду ходатайствовать о сохраненіи вамъ жизни».

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1905 году

(ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" издается въ 1905 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать пять лѣтъ (1880—1904).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени"**.

КОНСТАНТИНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СТАНЮКОВИЧЪ.

Доз. ценз. 22 февраля 1905 г. спб.

СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ [1].

Повѣсть.

XVII.

УЖЕ ШЕЛЪ четвертый годъ, что Павла Тимоѳеевна была пострижена въ сосѣдней пустыни, женскомъ Рождественскомъ монастырѣ. Имя ея осталось только въ Ларинскомъ, а въ монастырѣ была мать Маріанна. И только одному Ларину разрѣшила она звать себя прежнимъ мірскимъ именемъ.

Въ оградѣ монастырской, не вдалекѣ отъ главнаго храма и среди могильныхъ плитъ и крестовъ стоялъ маленькій домикъ въ три комнаты, выстроенный на средства Алексѣя Андреевича.

А сдѣлать это завѣщала ему, умирая, его мать, а не отецъ. И въ этомъ приказѣ сыну сказалось ясно, какъ относилась женщина къ многолѣтней сожительницѣ мужа, которая «всего его себѣ взяла», по ея же собственному выраженію.

Правда, сначала и довольно долго Екатерина Семеновна глубоко ненавидѣла молодую, красивую и обожаемую мужемъ Пашу, мать двухъ красивыхъ дѣтей, сына и дочери... Но затѣмъ, когда у нея самой родился Алеша, она сразу измѣнилась по отношенію къ наложницѣ мужа, явной, всѣмъ въ округѣ извѣстной и вдобавокъ всѣми уважаемой.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIX, стр. 387.

Когда Андрей Петровичъ вдругъ, чуть не скоропостижно умеръ, Екатерина Семеновна, узнавъ о его смерти, выговорила тотчасъ тревожно:

— Павлѣ Тимоѳеевнѣ сказали? Что она?

Теперь дѣти часто ѣздили къ матери въ гости. Андрей по правиламъ монастырскимъ останавливался и ночевалъ за оградой въ домѣ дьячка, Маряша оставалась и ночевала въ кельѣ.

Дѣвушка особенно любила ѣздить въ пустынь и всегда запаздывала. Собравшись на два, три дня, оставалась недѣлю. Она ходила ко всѣмъ службамъ и постоянно говорила, что тоже постриглась бы съ удовольствіемъ.

Мать Маріанна только улыбалась кротко на слова дочери, изрѣдка же отвѣчала:

— Глупая голова. Это не про тебя... Твое мѣсто въ міру.

И тайно монахиня мечтала о замужествѣ дочери, не простомъ, а подходящемъ къ ея урожденію отъ дворянина.

О происходящемъ въ Ларинскомъ между Ларинымъ и дочерью монахиня не знала ничего, и, конечно, то, что самъ Ларинъ прозвалъ «навожденіемъ», никогда не пришло бы ей на умъ. Какъ бы подѣйствовала на нее эта ужасная вѣсть, трудно было и предугадать.

Теперешняя мать Маріанна была далеко не прежняя Паша. Лицемъ она была попрежнему пригожа, несмотря на свой пятый десятокъ лѣтъ. Душой она была другая женщина. И не монастырь измѣнилъ ее. Нѣсколько дней въ Ларинскомъ преобразили женщину.

Неожиданная смерть Андрея Петровича, котораго болѣзнь будто скрутила въ пять, шесть дней, поразила всѣхъ, но было существо въ Ларинскомъ, которое при этомъ событіи почти потеряло разсудокъ. Это была, конечно, Павла Тимоѳеевна.

Женщина, ухаживавшая за больнымъ въ качествѣ сидѣлки, сначала потребованная самимъ больнымъ, а затѣмъ оставленная при немъ по распоряженію лежащей въ постели барыни, всѣхъ удивила въ роковую ночь. Она говорила, что баринъ заснулъ крѣпко, и когда проснется, то ему будетъ много лучше, и онъ даже будетъ въ полномъ сознаніи, котораго было лишился...

Дѣти плакали, дворовые ходили пораженные и какъ бы потерянные, барыня, которой доложили о кончинѣ мужа, поднялась съ трудомъ съ постели и, еле двигаясь, съ двумя остановками добрела до комнаты умершаго, закрыла ему глаза и вернулась къ себѣ въ постель...

Павла Тимоѳеевна все видѣла, все будто понимала и удивлялась...

— Да что же это вы такое дѣлаете?—повторяла она.—Чего вы, глупые, плачете?—говорила она дѣтямъ.—Сказываютъ вамъ, что Андрей Петровичъ почиваетъ.

И все, что дѣлала и говорила Паша, дѣлалось и говорилось такъ просто и спокойно, что не только чужіе люди, а ея собственныя

дѣти не сразу догадались... А догадавшись зарыдали уже не по отцѣ, а по матери... умалишенной...

Дѣйствительно что-то удивительное, непонятное сдѣлалось съ Павлой Тимоѳеевной и сдѣлалось въ одно мгновеніе.

Она первая увидала и поняла, что Андрей Петровичъ покойникъ. И она простояла истуканомъ недвижно и молча около его кровати около часа времени, покуда кто-то не пришелъ... Тогда она очнулась и заговорила. И объявила тихо и даже отчасти радостно.

— Започивалъ...

Разумѣется, женщину увели во флигель и тотчасъ уложили въ постель. Маряша въ своей чередъ усѣлась у постели матери сидѣлкой и не отходила отъ нея ни на шагъ.

Докторъ, бывшій въ домѣ уже дня четыре, вызванный изъ города, когда болѣзнь Ларина приняла бурный характеръ, теперь уже хлопоталъ около тихо лежащей Павлы Тимоѳеевны и строго приказалъ ея дочери не отлучаться.

Онъ объяснилъ, что женщина можетъ прійти сразу въ полное сознаніе, все вспомнитъ, все пойметъ и тотчасъ же можетъ покуситься на свою жизнь.

Дѣйствительно чрезъ день послѣ похоронъ состояніе женщины перешло въ глубокій болѣзненно крѣпкій сонъ, продолжавшійся почти безъ перерыва трое сутокъ.

Наконецъ она проснулась слабая, позвала дочь, спросила, опросила, поняла горькое молчаніе Маряши и сказала:

— Стало взаправду? Не сонъ то былъ?...

И она заплакала тихо, безпомощно, будто по-дѣтски, будто обиженно.

Набожность спасла ее. Она тотчасъ же объявила дочери, что послѣ сорокового дня по кончинѣ Андрея Петровича пострижется въ монахини. Барыня, конечно, должна это дозволить... Если же изъ-за какого худого чувства она не дозволитъ, то какой ни есть страшный грѣхъ, а все-таки она рѣшится на то, что разъ въ жизни уже дѣлала, когда ея дѣтей еще и на свѣтѣ не было, а былъ тотъ мальчикъ первый, Петруша, который умеръ по второму году... Иначе говоря, женщина грозилась опять итти топиться.

Екатерина Семеновна, которой Маряша объяснила просьбу матери, тотчасъ же согласилась и велѣла даже передать ей, что выстроитъ ей особую келлію-домикъ въ монастырской оградѣ, не хуже тѣхъ, что̀ строятъ себѣ постригающіяся дворянки.

Сынъ и дочь уговаривали мать оставаться съ ними, жить попрежнему въ Ларинскомъ. Больная, почти умирающая Екатерина Семеновна и молодой Алексѣй тоже просили Павлу Тимоѳеевну поразмыслить, хотя бы отсрочить на время свое постриженіе. Алексѣй, любившій мать своихъ друзей дѣтства, долго считавшій ее

родней, «тетушкой», убѣждалъ ее, что жизнь ея съ дѣтьми въ Ларинскомъ измѣнится еще къ лучшему, и они заживутъ, какъ настоящая родня его.

Но всѣ уговоры не привели ни къ чему. Павла Тимоѳеевна стояла на своемъ и объясняла, что не хочетъ грѣшить, оставаясь въ міру,—грѣшить противъ покойнаго. Онъ скончался совсѣмъ, и ей надо тоже скончаться совсѣмъ, постричься, принять схиму, чтобы сдѣлаться затворницей, чтобы не видѣть и не слышать людей.

Съ постриженіемъ Павлы Тимоѳеевны и ея отсутствіемъ изъ Ларинскаго, связь ея дѣтей и Ларина еще болѣе окрѣпла, такъ какъ они остались одни. Но зато ея отсутствіе привело Ларина къ тому, что, быть можетъ, никогда не случилось бы, если бы Маряша оставалась подъ глазами матери.

XVIII.

До Рождественскаго монастыря было отъ Ларинскаго три пути, смотря по времени года, и было около двадцати верстъ, шестнадцать и наконецъ тринадцать. Первый путь былъ лѣтній, второй осенній, заливными лугами вдоль рѣчки, которымъ пользовались послѣ покоса, и наконецъ зимой, благодаря переѣзду чрезъ ледъ подъ самыми стѣнами монастыря, путь зимній сокращался на шесть верстъ.

Теперь среди лѣта Ларину приходилось ѣхать дальнимъ путемъ. Дорога на тринадцатой верстѣ приводила къ рѣкѣ, за которой на противоположномъ берегу высился монастырь, а, чтобы быть въ немъ, нужно было сдѣлать еще шесть верстъ чрезъ деревню, гдѣ былъ мостъ.

Крестьяне оставляли лошадей на берегу и переправлялись на монастырской лодкѣ. Дворяне-помѣщики колесили чрезъ мостъ, считая неблагопристойнымъ являться въ монастырь пѣшкомъ.

На этотъ разъ Ларинъ, подъѣхавъ къ рѣкѣ и видя стѣны монастыря на подачу руки, вдругъ остановилъ кучера.

— Сдѣлаю по-мужицкому,—подумалось ему.—Можетъ, счастье принесетъ, коли пѣшкомъ пройду.

И, приказавъ удивленному кучеру ѣхать на мостъ версты за три, Ларинъ вылѣзъ изъ экипажа.

Понявъ прихоть барина, приключившуюся впервые, кучеръ заявилъ:

— Надо допрежде докликаться, Лексѣй Андреичъ. Тутъ бѣда. Вѣдь не перевозъ какой да поромъ. Монашки порядковъ не соблюдаютъ. Инъ бываетъ, часъ бьются люди, дозваться не могутъ никого. А которая старая монашка завсегда перевозитъ, то глухая.

— Какъ глухая? Совсѣмъ?—невольно усмѣхнулся Ларинъ.

— Точно такъ-съ. Да и почитай слѣпая. На голосъ переѣзжаетъ. Ей кричатъ. А замолчи, она отъ своего берега невѣдомо куда заберетъ. И больше все влѣво беретъ. А почему—не вѣдомо.

И кучеръ крикнулъ изъ всѣхъ силъ:

— Мать Лямпида... А Лямпида!

— Такъ звать ее?—спросилъ Ларинъ.

— Звать Алямпидой, а кликаютъ Лямпидой. А почему—не вѣдомо!—бойко отвѣтилъ кучеръ.

На этотъ разъ оказалась удача. Ларину посчастливилось. Чрезъ минутъ пять завыванія кучера изъ калитки домика близъ монастырской стѣны появилась черная фигурка и быстро побѣжала къ берегу.

— Это-то слѣпая твоя?—сказалъ Ларинъ:—Лямпида?

— Какъ можно-съ! Старая Лямпида, полагать надо, ни въ жисть не бѣгала. Это послушница, Ѳимка. Бѣсъ дѣвченка, хоть и въ ряскѣ монашеской.

Чрезъ нѣсколько минутъ черненькая фигурка была уже на берегу, отвязала лодку, вскочила въ нее и начала гресть. Кучеръ тронулъ лошадей.

Вскорѣ лодка причалила къ берегу, вѣрнѣе уперлась въ песокъ на разстояніи аршинъ двухъ отъ сухого мѣста. Ларинъ уже собрался скорѣе кликать назадъ кучера, не видя возможности попасть въ лодку. Не разуваться же по-крестьянски... Но маленькая монашка въ секунду соскочила въ воду, подбирая подолъ, схватилась за носъ лодки и подтянула ее къ самому берегу.

Поглядѣвъ въ веселое, хорошенькое личико дѣвушки, которой было, конечно, не болѣе шестнадцати лѣтъ, Ларинъ невольно выговорилъ:

— Вишь ты... молодецъ... шустрая ты...

Онъ сѣлъ въ лодку, дѣвушка, скорѣе дѣвочка по росту и сложенію, снова оттолкнула лодку, идя чуть не по поясъ въ водѣ, но будто не видя, не сознавая своей наготы. Затѣмъ она также быстро и ловко вскочила, сѣла лицомъ къ нему и взялась за весла.

Ея оживленное чернобровое лицо, веселое, почти бойкое, бросилось въ глаза Ларину...

«Видалъ что ли когда?»—подумалъ онъ.

Это хорошенькое личико послушницы было ему знакомо. Глаза подъ прямыми узенькими линейками бровями, вздернутый, будто отчасти даже забавно маленькій носикъ, пухлыя, слегка отдутыя губы и въ нихъ вострые заячьи зубки, наконецъ черныя сильно вьющіяся кудри, выбивавшіяся изъ-подъ замасляной шапочки ермолки,—все было Ларину знакомо. Онъ сталъ вспоминать свои рѣдкіе пріѣзды къ Павлѣ Тимоѳеевнѣ, не болѣе разъ двухъ въ годъ, стало быть, всего не болѣе шести, семи разъ, и не помнилъ этой послушницы. Затѣмъ онъ сообразилъ, что пять лѣтъ назадъ,

даже три года назадъ эта дѣвушка должна была быть совсѣмъ ребенкомъ на видъ. Можетъ быть, онъ ребенкомъ и видѣлъ ее.

— Ты давно ли въ монастырѣ?—невольно задалъ онъ вопросъ.

— Давно!—весело и бойко отозвалась эта.

— А какъ давно? Годъ... больше...

Дѣвушка разсмѣялась и отвернулась въ сторону.

— Тебя Ѳимой звать?

— Ѳимка.

— Ну, скажи, Ѳимка. Ты откудова? Гдѣ родилась? Чья?

— Ларинская.

— Ларинская?—удивился Алексѣй Андреевичъ.—Кто жъ тебя сюда отдалъ въ послушаніе?

— Баринъ.

— Баринъ. Давно, стало быть, еще махонькой.

— Нѣту. Подъ Рождество. Въ Миколы годъ будетъ.

— Въ прошлое Рождество? Стало, недавно, съ полгода всего. Стало быть, по моему указу. По моему?

Ѳимка перестала смѣяться, присмирѣла сразу, а затѣмъ, искоса глядя въ лицо Ларина, молчала на всѣ его вопросы, упорно, но не изъ упрямства, а со страху.

Она сообразила, что въ лодкѣ Ларинскій баринъ, ея баринъ.

«Очень просто,—рѣшилъ Алексѣй Андреевичъ.—Стало быть, видалъ у себя на селѣ и теперь призналъ».

Но затѣмъ, продолжая вглядываться въ лицо дѣвушки, онъ все болѣе удивлялся тому, насколько черты и даже взглядъ, даже улыбка, даже манера подбирать нижнюю губу ему знакомы.

И вдругъ эта Ѳимка, съ усиліемъ налегая на весла, подобрала нижнюю губку своими заячьими зубками и косо взглянула на него.

Ларинъ ахнулъ и вслухъ, громко. Онъ вспомнилъ, или, вѣрнѣе, узналъ, понялъ, сообразилъ...

То, что въ одно мгновеніе возникло въ его головѣ, тотчасъ же перешло въ соображеніе, въ догадку, а чрезъ нѣсколько мгновеній стало увѣренностью.

Послушница монастыря была живымъ портретомъ Андрюши. Сходство было настолько велико, настолько поразительно точно, что сомнѣнію не было мѣста.

Андрюша и эта полумонашка Ѳимка походили другъ на друга, какъ могутъ походить только братъ съ сестрой.

«Это живой маленькій Андрюша!—мысленно воскликнулъ Ларинъ.—Что же это можетъ означать? Вѣдь Андрюша, какъ всѣ сказываютъ, и какъ самъ я помню, страшно похожъ на батюшку, а еще больше на красавца дѣдушку Петра Петровича. Стало быть, и эта Ѳимка»...

Ларинъ не додумалъ, какъ бы вдругъ испугавшись своихъ мыслей.

Чрезъ минуту, однако, онъ сталъ спокойнѣе, ухмылялся, глядя на полудѣвочку въ монашеской ряскѣ, и говорилъ себѣ.

— Все можетъ быть. Диковины или чуда никакого нѣтъ. Чудно только, что въ Ларинскомъ никогда про это не слыхать было...

И чрезъ минуту онъ опять говорилъ себѣ.

— Кронидъ долженъ знать. И старая вѣдьма Макарушкина должна знать. Коли двое скажутъ то же самое, то и разскажутъ, какъ оное приключилось.

Однако чрезъ минуту онъ рѣшилъ:

— А, можетъ, мнѣ просто почудилось. Все самъ измыслилъ.

И онъ, чтобы доказать себѣ, что измыслилъ вздоръ, сталъ еще пристальнѣе и внимательнѣе вглядываться въ послушницу.

— Пригрезилось наяву!—выговорилъ онъ вслухъ.

Лодка уперлась къ деревянному плоту, послушница тихо сложила весла, степенно, будто задумчиво. Затѣмъ она подняла правую руку и, приблизивъ не ладонью, а тыльной частью къ лицу, потерла себѣ лобъ.

Ларинъ тихо ахнулъ, разинулъ ротъ и не двигался изъ лодки.

Это былъ всегдашній, привычный, сто разъ въ день повторявшійся, жестъ его отца.

XIX.

Когда Ларинъ былъ въ монастырѣ и въ маленькомъ домикѣ, или келліи матери Маріанны, оказалось, что ея нѣтъ.

Поздняя обѣдня еще не отошла, и она была въ храмѣ.

Очень старая монахиня, впустивъ Ларина въ комнату въ родѣ гостиной, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ буфетомъ и накрытымъ столомъ, попросила его обождать.

Ларинъ, какъ всегда, когда бывалъ у прежней Павлы Тимоѳеевны, прежде всего сталъ разглядывать большой живописный портретъ пожилого человѣка въ дворянскомъ мундирѣ, висѣвшій надъ диваномъ. Это былъ портретъ его отца, уступленный имъ женщинѣ не по ея просьбѣ, а опять-таки по приказанію матери, данному дня за три до смерти.

Екатерина Семеновна, предвидя и ожидая свой конецъ, заботилась обо многомъ и многихъ, но болѣе всего о Павлѣ Тимоѳеевнѣ и ея двухъ дѣтяхъ. Про портретъ она сказала загадочно:

— Отдай ей... Онъ ей нужнѣе, чѣмъ тебѣ. Послѣ ея смерти возьми себѣ, а еще правильнѣе отдай Андрюшѣ и Маряшѣ. Ты все получилъ, а у нихъ ничего нѣту.

Портретъ Андрея Петровича былъ сдѣланъ очень хорошимъ художникомъ, который случайно заѣхалъ изъ столицы въ Тулу. Веселое, беззаботное, крайне оживленное лицо будто вылѣзало изъ рамы и глядѣло, какъ живое.

На этотъ разъ Ларинъ особенно внимательно пригляделся къ портрету. Ему казалось, что онъ отчасти сталъ забывать лицо отца, и теперь, пристально вглядываясь, возстановлялъ въ памяти черты.

И прежде всего бросились ему въ глаза эти черныя прямыя «линейки» брови, затѣмъ вздернутый будто весело носъ, затѣмъ тонкіе, острые заячьи зубы между пухлыми губами.

— Да, удивительно... прямо чудеса,—шепнулъ онъ самъ себѣ.

Онъ вспомнилъ послушницу Ѳимку.

Даже на портретѣ была она похожа.

— Если бы привести ее сюда,—подумалъ Ларинъ,—да поставить подъ портретъ, всякій, поглядѣвъ, замѣтитъ и ахнетъ отъ подобія двухъ лицъ.

И онъ рѣшилъ, что, конечно, сегодня же узнаетъ и разгадку, которой Павла Тимоѳеевна не можетъ не знать. Она не можетъ равно не видѣть сходства дѣвочки послушницы съ такимъ близкимъ ей человѣкомъ.

Спустя полчаса, въ комнату, тихо и мягко ступая, вошла монахиня со словами.

— Спаси, Господи. Рада я... рада. Давно не навѣщалъ.

Обнявъ Ларина, она поцѣловала его въ обѣ щеки и, улыбаясь ясной улыбкой, стала смотрѣть ему въ лицо.

— Полнѣешь, спаси, Господи. Румяный, что дѣвица. Ну, что мои?.. Чего не пріѣхали съ тобой?

Ларинъ передалъ, что Андрей и Маряша приказали цѣловать ручки, прислали всякой всячины, холста, варенья, даже пуху на подушку, и что все это ѣдетъ, еще въ пути.

— Какими судьба?—спросила мать Маріанна.

Ларинъ объяснилъ, что переѣхалъ рѣку въ лодкѣ, и хотѣлъ тотчасъ заговорить о послушницѣ Ѳимкѣ, но подумалъ:

— Послѣ. Не до того...

Дѣйствительно въ присутствіи монахини, въ ожиданіи минуты объясненія съ ней по своему ужасному дѣлу, онъ снова сильно смутился. Онъ даже не зналъ, рѣшится ли заговорить, или не рѣшится, и уѣдетъ, не сказавъ ни слова.

— Пустое. Слабодушество!—проговорилъ онъ про себя.—Надо, и конецъ. Будь, что будетъ. Права Соня... Что мнѣ до нея? Хоть на смерть испугайся. Своя рубашка къ тѣлу ближе.

И какъ трусы на войнѣ, сказывается, не могутъ выдержать ожиданія опасности, а кидаются сами въ нее, такъ и Ларинъ вдругъ выговорилъ:

— Они хотѣли оба ѣхать со мной, да я не согласился. Нельзя. Я къ вамъ, Павла Тимоѳеевна, нынѣ по дѣлу пріѣхалъ, по важному дѣлу побесѣдовать и просить васъ... Сердечно слезно молить... Молить спасти меня. Да и не меня одного.

Сказавъ это, Ларинъ смолкъ и задохнулся отъ усилія, которое сдѣлалъ надъ собой. Далѣе онъ не зналъ, что говорить, съ чего начать.

— Не поняла я, дорогой мой, спаси, Господи. Не поняла ничего.

И монахиня улыбнулась своей милой, кроткой улыбкой, той же самой, которой лѣтъ около тридцати назадъ сразу прельстила и обворожила на всю жизнь покойнаго Ларина.

При этой улыбкѣ женщина подъ пятьдесятъ лѣтъ становилась еще красивой, а главное, лицо ея какъ-то просвѣтлялось, глаза будто сіяли ярче, но тихимъ лучистымъ свѣтомъ. Женщина становилась даже въ полусумракѣ маленькой комнаты, будто освѣщенная проскользнувшими лучами солнца. Такъ казалось... Отъ улыбки и взгляда она становилась свѣтлолицая.

И если теперь въ ея годы, послѣ всего пережитаго горя, послѣ жестокой болѣзни, душевнаго хворанія, хотя и не долгаго, въ теперешнемъ ея одѣяніи съ чернымъ платкомъ, плотно обрамляющимъ лицо по самыя брови и по самыя щеки, если она все-таки была красива, почти красавица, то что же она была тридцать лѣтъ назадъ?

Это спросилъ у себя Алексѣй Андреевичъ, невольно любуясь монахиней. И онъ тотчасъ же и отвѣтилъ:

— Что была? Моя Маряша.

И это была правда. Въ двадцать лѣтъ «Паша» была Маряша. Дочь была поразительно похожа на мать и, можетъ быть, была бы краше матери, если бы въ ея глазахъ не было суровой задумчивости и была бы хотя малая доля доброты или ясности, которая сіяла въ глазахъ монахини.

Глаза были тѣ же и цвѣтомъ, и очертаньемъ, но жизнь Маряши въ двадцать лѣтъ была не та же и сложилась иначе, чѣмъ жизнь двадцатилѣтней Паши.

Между тѣмъ Ларинъ, собравшись съ духомъ, снова заговорилъ о томъ, что пріѣхалъ по дѣлу, и такому важному, что ему даже страшно и начать объясняться.

— Охъ, ужъ вы, на міру, спаси, Господи,—отозвалась монахиня.—Все-то у васъ страшное да важное. А все суета суетъ. Все грѣхъ одинъ.

— Да, конечно, грѣхъ... И часто... началъ Алексѣй Андреевичъ и запнулся... Часто страшный смертный грѣхъ. И вотъ... что дѣлать? Человѣкъ не воленъ, не можетъ. Такъ вотъ и я, Павла Тимоѳеевна... Простите, что я васъ все этакъ называю.

— Можешь. Тебѣ разрѣшила. Знаешь—тебѣ одному. Богъ проститъ. Я иногда даже люблю услышать свое мірское прозвище,—вдругъ потупилась женщина, какъ бы смущаясь или стыдясь.

Алексѣй Андреевичъ заговорилъ, повторяя почти все тѣ же слова, путался, но самъ не сознавалъ, что изъ его рѣчи ничего

понять нельзя. Поэтому онъ удивлялся, что мать Маріанна слушала его, шире раскрывая добродушно удивленные глаза, которые, однако, сохраняли всегдашній, кротко спокойный взоръ, тогда какъ ей слѣдовало, по его мнѣнію, уже быть пораженной вѣстью.

На его увѣреніе, что онъ страстно любитъ Маряшу и не допускаетъ мысли жить безъ нея, какія бы помѣхи или бѣды ни грозили, мать Маріанна отвѣтила, что давно знаетъ, какъ велико его чувство къ Маряшѣ съ дѣтства, а что ихъ разлукѣ ничто покуда не угрожаетъ, ибо дѣвушкѣ въ ея положеніи не то дворянки, не то крѣпостной дворовой замужъ выйти не только трудно, но и невозможно.

— Маряшѣ жениха выискать, пожалуй, нигдѣ никогда не придется,—сказала наконецъ женщина печально.

Ларинъ схватился за эти слова и выговорилъ рѣзко.

— Я ей ни за кого не позволю итти. Она должна быть моей женой.

И, будто обозлившись, онъ закричалъ.

— Моей женой, да, моей женой. Ничьей! Моей!

Монахиня приподняла голову, закинула ее слегка назадъ, ротъ ея раскрылся, глаза блеснули, почти сверкнули, но не обычно, не кротостью, а будто испугомъ.

И она сидѣла, не двигаясь и не отвѣчая.

Молчаніе продолжалось нѣсколько мгновеній.

— Да... вотъ... вотъ до чего... И иного ничего нѣтъ,—произнесъ наконецъ Ларинъ трусливѣе.

Мать Маріанна продолжала молчать, но пристально смотрѣла ему въ лицо, будто не понявъ его или спрашивая себя, вѣрно ли она поняла слышанное сейчасъ.

— Что же вы скажете, Павла Тимоѳеевна?—воскликнулъ онъ почти отчаянно.

— Что?... — упавшимъ голосомъ отозвалась женщина, будто прійдя въ себя и вмѣстѣ съ тѣмъ теряя силы.

— Вы скажете... Изувѣрство. Грѣхъ великій. Преступленіе законовъ и заповѣдей Божескихъ. Смертный грѣхъ... Все это я знаю. Давно, давно я все обсудилъ... И на все я пойду... Или грѣшить или умирать, руки на себя самого подымать... Лучше грѣхъ этотъ, чѣмъ грѣхъ самоубійства... А если вы положите намъ запретъ, то я сейчасъ же покончу съ собой...

Мать Маріанна ахнула пугливо и закрыла лицо руками.

— Страшное дѣло... Павла Тимоѳеевна. Страшное, но я вѣрю, Господь проститъ. Господь все видитъ. Видитъ наши мучительства... И вотъ уже сколько лѣтъ... Мы истомились... И теперь вотъ больше не можемъ. Теперь отъ васъ все зависитъ. Но вашего согласія мало. Надо больше, много больше требуется отъ васъ.

XX.

Ларинъ смолкъ, ожидая хоть слова отвѣта, чтобы судить, что происходитъ въ душѣ монахини, но видя, что она сидитъ неподвижно, не отнимая рукъ отъ лица, онъ боязливо спросилъ:

— Что съ вами? Скажите слово одно...

Мать Маріанна приняла руки и поглядѣла на молодого человѣка... Онъ внутренно ахнулъ... Лицо монахини было не перепуганное, не пораженное, даже не грустное, а только кротко оживленное. Чудилось, что она вотъ сейчасъ способна улыбнуться своей чудной, свѣтлой улыбкой.

— Павла Тимоѳеевна,—тихо воскликнулъ Ларинъ и ничего не прибавилъ. Его восклицаніе говорило многое.

И наступило снова молчаніе. Монахиня уже смотрѣла не на него, а въ тусклое окно, и, повидимому, задумалась о чемъ-то будто иномъ, а не о его словахъ.

— Что же вы скажете? Скажите. Не томите...

— Что же сказать?..—едва слышно вымолвила она.—На все воля Божья. Безъ Бога ничего не бываетъ. Самое диковинное—людямъ на диковину. А Господь давно зналъ, что повелитъ и что въ людяхъ приключится.

— Павла Тимоѳеевна!—воскрикнулъ Ларинъ.—Стало быть, вы не считаете, что мы съ Маряшей на смертный грѣхъ идемъ, и что Господь насъ накажетъ.

— Нѣтъ,—едва слышно отвѣтила женщина, какъ бы пересиливая себя.

— Нѣтъ! Господь проститъ?... Великій грѣхъ, но Онъ проститъ?

— Проститъ,—опять чрезъ силу произнесла она.

— Господи. Слава тебѣ, Господи!..—проговорилъ Ларинъ, хватая себя за голову.

Онъ вдругъ почувствовалъ какую-то чрезвычайную слабость во всемъ тѣлѣ. Будто послѣ тяжелой борьбы съ сильными противниками онъ увидѣлъ, что побѣдилъ, но уже потерялъ всѣ силы и слабѣе малаго ребенка.

Сколько прошло времени при вновь наступившей тишинѣ, онъ даже не замѣтилъ, но вдругъ нѣчто какъ бы разбудило его отъ полусна блаженнаго состоянія.

Мать Маріанна перекрестилась три раза, тихо, медленно кладя крестное знаменіе на себя.

— Вы намъ дадите ваше благословеніе? — робко вымолвилъ Ларинъ.

— Дамъ,—шопотомъ отвѣтила она.

Ларинъ вскочилъ, опустился предъ монахиней на колѣни и сталъ цѣловать ея руки. Она обняла его за шею и поцѣловала.

— Господи!.. Вотъ не ждалъ... Господи!... Стало быть, вы и облегчите нашъ бракъ, согласитесь на то, что нужно? Вы знаете, что нужно?.. Для людей, для ...священника нужно.

— Что? Сказывай.

— Нужно, Павла Тимоѳеевна, для людей, да и для закона, чтобы мы съ Маряшей были чужіе, совсѣмъ чужіе. Записана Маряша дочерью... дочерью дѣвушки Павлы,—потупляясь проговорилъ Ларинъ.—И больше ничего, никого... не поименовано... Но въ Ларинскомъ, да и вездѣ, въ уѣздѣ, даже въ Тулѣ, всѣ знаютъ. И всѣ закричатъ, заахаютъ... И дойдетъ дѣло до архіерея... А онъ уже сказалъ, какъ на такое бракосочетаніе смотритъ... И вотъ одно спасеніе, Павла Тимоѳеевна. Я надумалъ... Отъ васъ зависитъ все облегчить. Только скажите... И всѣмъ скажите, кто спроситъ. Священнику, отцу Елисѣю, или иному кому скажите...

И Ларинъ смолкъ, не рѣшаясь произнесть послѣднихъ словъ.

— Что же сказать?—кротко вымолвила монахиня.

— Что Маряша не того человѣка дочка, на коего всѣ всегда думали.

— Что? Какъ?—глухо отозвалась монахиня.

— Инако нельзя. Это одно спасеніе... Что Маряша родилась отъ другого человѣка... а батюшка вамъ прощеніе далъ и за свою ее выдалъ, какъ и Андрюшу.

— Богъ съ тобой! Богъ съ тобой!—ахнула мать Маріанна, отстраняясь отъ стоявшаго передъ ней на колѣняхъ Ларина и почти оттолкнувъ его отъ себя невольно или нечаянно.

Молодой человѣкъ, смутившись, поднялся съ пола, сѣлъ на свой стулъ и испуганно глядѣлъ на нее.

— Инако нельзя... Ничего нельзя... Въ этомъ вся сила. Инако никакой священникъ вѣнчать не будетъ...—проговорилъ онъ безпомощно и чрезъ мгновенье прибавилъ:—вѣстимо, на себя напраслина... Я понимаю, что тяжко это... Но это для счастія Маряши. Пожертвуйте себялюбствомъ для родной дочери.

— Нѣтъ, на этакое я никогда не пойду! — твердо и отчасти громко произнесла мать Маріанна.—Клеветать на себя... Этакъ! Да меня Андрей Петровичъ съ того свѣта укорять бы сталъ. Да я хоть далеко отъ міра и людей и мірскихъ суетъ всякихъ, но все-таки стыда не оберусь. Я-то Андрея Петровича промѣняла, будто согрѣшила предъ его долголѣтней ласковостью, любовью, почитай, супружеской... Нѣтъ, ни въ жизнь. Спаси, Богъ! Спаси, Богъ!

— Тогда, Павла Тимоѳеевна, ничего и быть не можетъ. Всѣ будутъ знать, что знаютъ давно. И будетъ такой шумъ, что, говорю, никакой священникъ не станетъ вѣнчать... А если и обвѣнчаетъ, то... намъ пропадать тогда. Отъ шума людского и власти духовныя понуждены будутъ вступиться.

— Нѣтъ... нѣтъ... Поняла... понимаю я...—быстро, съ чувствомъ заговорила вдругъ мать Маріанна.—Мнѣ на умъ не пришло... Поняла теперь... Охъ, Господи, какъ же теперь?..

— Нужна жертва, Павла Тимоѳеевна. Нужно свое себялюбіе усмирить.

— Жертвовать, говоришь ты? — страннымъ голосомъ выговорила монахиня, пристально глядя въ лицо Ларину.

— Да,—горячо воскликнулъ Ларинъ.—И не собой, не жизнью, не душой что ли своей, а однимъ себялюбіемъ, гордостью предъ людьми. Себялюбіе даже порокъ... Отъ сатаны онъ намъ данъ, а не отъ Бога.

— Правда твоя, Алешенька... Ну, вотъ ты такъ и сказывай... Такъ на этомъ и стой.

— И буду стоять,—уже отчасти гнѣвно вымолвилъ Ларинъ.

— Тогда все и устроится благополучно...

— Коли не согласны вы на жертвованіе собой, то...

— Не нужно оно. Не справедливо оно. Лгать, клеветать на себя ли, на другихъ ли—я не стану, не могу. Никогда я въ жизни ни единаго раза не солгала, а подъ старость стану на себя лгать, да еще клеветать. Нѣтъ, правду жъ будемъ сказывать, одну правду истинную. И все будетъ слава Богу. Все на ваше счастье... Господи!—вдругъ произнесла она съ чувствомъ.—Подумать, что и это-то на счастье моей Маряшѣ!..

Ларинъ изумленно смотрѣлъ въ лицо монахинѣ и не понималъ ничего.

— Что же тогда, что? Поясните, что вы придумали дѣлать, если не по-моему.

— Дѣлать по правдѣ, по правдѣ...

— По правдѣ?

— Да. И никому не обидно будетъ.

— Павла Тимоѳеевна, ничего я не понимаю!

— А если кому... памяти чьей и обидно — то не зря, не клевета. Если живому кому обида, то иди на обиду, ради себя же, своего счастія, жертвуй. Ты говоришь, что жертва нужна?

— Да.

— Ну, вотъ...

И подумавъ мать Маріанна выговорила почти радостно:

— Ступай домой и напиши тотчасъ въ Москву Якову Антоновичу, ступай. И разскажи ему все... Все, что мы говорили, то и ему скажи. Понялъ?

— Понялъ. Но при чемъ же тутъ Яковъ Антоновичъ? Онъ ничего не можетъ облегчить въ нашемъ дѣлѣ.

— Много, много можетъ. И какъ дѣйствовать, онъ тоже надумаетъ. Онъ не мы, ты да я... Онъ сейчасъ порѣшитъ, что нужно. Напиши, Алешенька, генералу. И крѣпися... дорогой ты мой, хорошій..

Крѣпися... Генералъ Мордвинъ такой можетъ тебѣ совѣтъ дать, который все сразу наладитъ, но тебѣ-то самому станетъ жутко, тяжко. Что дѣлать!.. Вотъ и говорю, крѣпися...

— Не понимаю я, Павла Тимоѳеевна... Но сдѣлаю по-вашему. Сейчасъ отпишу все... И скажу, что вы ваше согласіе дали, грѣхомъ не почитаете. Такъ вѣдь?

— Такъ, такъ.

— А генералъ мнѣ скажетъ, какъ взяться, чтобы власти не вступились?

— Скажетъ... Онъ скажетъ, что нужно... Ты только отпиши все точію, какъ мнѣ говорилъ.

— И скажу, что именно вы мнѣ посовѣтовали къ нему за указаньемъ обратиться... а не самъ я...

— Такъ, именно. Я посовѣтовала... сказала тебѣ, что онъ все распутаетъ.

Ларинъ сталъ прощаться, расцѣловался съ монахиней крѣпко и горячо, а затѣмъ выговорилъ:

— Мнѣ главное ваше согласіе, ваше благословеніе. Главное мнѣ, что вы не считаете этого смертнымъ грѣхомъ. И я почитаю дѣло конченнымъ, порѣшеннымъ. Почитаю вотъ, какъ если бы мы уже были обвѣнчаны.

И Ларинъ, радостный, чуть не бѣгомъ вышелъ изъ келліи и бросился чрезъ монастырскій дворъ къ главнымъ воротамъ подъ колокольней.

XXI.

«Вьюнъ», или «егоза», или «непосѣда», какъ звали всѣ молодую вдовушку за ея горячій нравъ и энергію не по лѣтамъ, не теряла ни одного дня, занятая своимъ дѣломъ, для котораго собственно и пріѣхала въ Ларинское.

Между прочимъ, она упросила Ларина ежедневно посылать въ сосѣдній городъ на почту, такъ какъ нетерпѣливо ждала извѣстій и даже двѣ важныя бумаги изъ Москвы.

На вопросъ, какія бумаги, она отвѣчала:

— Одна изъ суда, которая мнѣ скажетъ, когда я получу мою вдовью часть наслѣдства. А какая другая бумага, не скажу теперь. Когда придетъ бумага, тогда покажу всѣмъ. Она важная. А касается близко до Алеши, до Алеши, господина Ларинскаго барина.

Разумѣется, это объясненіе озадачивало всѣхъ, такъ какъ никто не могъ понять, какая бумага офиціальная можетъ касаться самого Алексѣя Андреевича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ишимова, повидавъ мѣстнаго священника отца Елисѣя, нашла, что онъ далеко не прытокъ разумомъ, да и дѣло свое «божеское», кажется, плохо знаетъ.

— Я грѣшная,—заявила Софья Алексѣевна,—мало свѣдуща въ божескихъ дѣлахъ. Обѣденъ, вечеренъ и молебновъ хорошо не знаю. За «преждеосвященной» обѣдней, хоть убей, не знаю, скоро ли конецъ... Ну, а все-таки скажу, что отецъ Елисѣй частенько подвираетъ, когда служитъ. Не знаю, а чую, что подвираетъ. Я вотъ никогда нигдѣ не слыхивала прежде, что онъ возглашаетъ здѣсь за обѣдней. Онъ говоритъ: «Свѣты божьи, свѣты крѣпки, свѣты безсмертны»...

Однако это не мѣшало «егозѣ» призывать отца Елисѣя и совѣтоваться съ нимъ о своемъ бракѣ.

Священникъ ларинскій былъ уже старикъ, чрезвычайно скромный, добрый, очень недалекій и собственно почти ничѣмъ не отличавшійся отъ крестьянъ села или отъ дворовыхъ своей неряшливой внѣшностью и своими повадками. Къ тому же онъ не обстоятельствами жизни, а какъ бы отъ природы былъ какимъ-то забитымъ существомъ, никогда не противорѣчащимъ и на все соглашающимся, какъ бы всего опасающимся. При упоминаніи не только объ архіереѣ, но и о благочинномъ онъ сразу будто съеживался и настораживался трусливо и безпомощно, какъ бы заяцъ, заслышавшій хоръ гончихъ.

Ишимова, раза три побесѣдовавъ съ отцомъ Елисѣемъ, рѣшила, что онъ для нея ни въ какую помощь быть не можетъ.

Что касается до согласія вѣнчать ее съ Андреемъ, отецъ Елисѣй простодушно заявилъ, что онъ уже старикъ, жить ему осталось немного, и ему «очень бы желательно было», если баринъ Алексѣй Андреевичъ на то соизволитъ, дать ему умереть въ священническомъ санѣ, а не разстригой.

Въ самый день поѣздки Ларина въ монастырь вдова получила съ почты бумагу и стала особенно весела. На вопросъ Андрея, есть ли это извѣстіе изъ суда о наслѣдствѣ, Ишимова объявила, что бумага еще важнѣе, что ихъ бракъ зависитъ отъ нея, хотя, конечно, онъ еще болѣе зависитъ отъ наслѣдства.

Андрей, какъ прежде, такъ и теперь, не понималъ, что, собственно, общаго между наслѣдствомъ и ихъ бракомъ, а Софья Алексѣевна ему не объясняла, говоря:

— Это мое дѣло. Когда получу наличными свою седьмую долю, тогда и разъясню.

Впрочемъ, ожидая уже скоро получить извѣщеніе изъ московскаго суда, Ишимова оставшись наединѣ съ Маряшей послѣ отъѣзда Ларина, сообщила ей, прося не говорить Андрею и его не пугать, что она трогать свое собственное состояніе не хочетъ. Если будутъ изъ-за брака «какія привязки» со стороны властей, то она употребитъ наслѣдство послѣ покойнаго мужа на «закупаніе и ублаженіе» враговъ.

— Пусть хоть все это наслѣдство,—сказала она,—уйдетъ на кляузниковъ и піявокъ, которыя къ намъ прилипнутъ. Мое все иждивеніе останется цѣло и въ рукахъ.

Маряша была своего мнѣнія насчетъ послѣдствій брака Андрея съ Соней. Она объяснила:

— Деньги не понадобятся. Или ничего не будетъ или будетъ такое столпотвореніе, что никакихъ денегъ не хватитъ. Тысячи уйдутъ и пропадутъ безъ прока.

— Ничего ты не смыслишь. Міра не знаешь,—отвѣчала Соня.— Сидѣла сидьмя всю жизнь здѣсь въ трущобѣ. А я немало напрыгалась въ міру. Ты вотъ все говоришь про законы да про начальство. А я тебѣ на это все-таки говорю и буду говорить, что всякіе законы и всякіе чиновники существуютъ на свѣтѣ только для видимости и страшны только для неимущихъ и для мужиковъ. А для дворянскаго состоянія людей они, эти законы и начальственныя персоны, выдуманы только для устрашенія. Вотъ, что пугалы на огородахъ, ихъ всегда можно умѣючи обойти или закупить. Это всякому человѣку извѣстно, кромѣ васъ, трущобныхъ обитателей.

— Храбра ты,—смѣясь замѣтила Маряша.

— Храбра?! Я не на словахъ храбрюсь,—гордо произнесла Соня, выпрямляясь.—Я на дѣлѣ храбра. Вотъ теперь въ Москвѣ, я двѣ съ половиной тысячи ухлопала, да зато весь судъ кверху ногами поставила.

— Двѣ съ половиной тысячи! — ахнула дѣвушка, широко раскрывая глаза.

— Удивилась? Мало что? Это немного! — бойко затараторила Ишимова.—По-теперешнему надо бы, если не умѣть тягаться въ судахъ, надо бы истратить тысячъ пять. А я умѣю... Я прикидываюсь злосчастной и неимущей вдовой безъ покровителей, безъ родственниковъ. Съ меня, говорю, больше и взять нельзя. Да потомъ это самое судейское тяганіе и всякая волокита цѣны постоянной или безсмѣнной не имѣетъ. Сказывали мнѣ въ Москвѣ всякіе ходоки, что сто лѣтъ тому я бы обошлась съ сотней рублей, а пятьдесятъ лѣтъ тому мнѣ бы понадобилось только полтысячи рублей. А еще, говорятъ они, чрезъ сто лѣтъ если кто пожелаетъ судейскіе крючки за себя получить, да все и всѣхъ закупить, то на такое дѣло, какъ мое, понадобятся и всѣ десять тысячъ.

— Что ты!—ахнула Маряша.

— Да, десять... И чѣмъ дольше міръ будетъ стоять, тѣмъ всѣ эти приказные ярыги, да стрекулисты, да крючки будутъ дороже и дороже.

— Почему?

— Таковъ свѣтъ, говорятъ. Теперь иную важную піявку судейскую за сто рублей вокругъ своего пальчика обовьешь, а черезъ сто лѣтъ развѣ только за тысячу.

— Чудно это...—недоумѣвала дѣвушка.

— Ничуть не чудно, Маряша. Они говорятъ, чѣмъ больше свѣтъ стоитъ и будетъ стоять, все будетъ дороже. И души дороже, и хлѣбъ дороже, и судьи дороже. Прежде вотъ цѣлая семья стоила пять рублей, а теперь вотъ въ Москвѣ родственникъ моего покойника супруга продалъ дѣвку... знаешь, за сколько? За семнадцать рублей.

— Что ты, Соня!—ахнула Маряша.

— Да, за семнадцать рублей. Сама я бумагу видѣла.

— Да что же она—особая рукодѣльница какая?

— Иголки въ руки взять не умѣетъ.

— Ну, такъ, можетъ, изъ-за другихъ какихъ видовъ?—слегка смущаясь, вымолвила Маряша.

— Какихъ? Насчетъ то-ись... Нѣтъ, нѣтъ, красивымъ дѣвкамъ цѣны опредѣленной нѣтъ и не было никогда. Въ Петербургѣ былъ случай, что одна дѣвка за двѣ или три сотенныхъ пошла.

— Скажи на милость!—опять ахнула дѣвушка.

— Охъ, глупая ты!.. — вскрикнула Ишимова.—Да ты вотъ послушай... Къ примѣру, ты причитаешься крѣпостной братца Алексѣя Андреевича... Ну, вотъ захоти онъ тебя свезти въ столицу и начать продавать. За сколько ты пойдешь? Какъ ты полагаешь?

— Не знаю.

— А я тебѣ скажу. За такую, какъ ты, раскрасивую да распріятную, съ такими косами да глазищами, за тебя иной пять, шесть сотъ отвалитъ.

— Вотъ еще... Что ты!..—усмѣхнулась Маряша, закраснѣвшись.

— Вотъ тебѣ Богомъ божусь. Пятьсотъ сейчасъ дадутъ!—воскликнула Ишимова.

XXII.

Болтовню молоденькой, но прыткой вдовушки съ наивной дѣвушкой прервалъ Андрей, весело и шумно вбѣжавъ въ комнату.

Онъ ѣздилъ за десять верстъ отъ Ларинскаго въ большую сосѣднюю вотчину за мѣстнымъ священникомъ, съ которымъ Ишимова тоже захотѣла посовѣтоваться, такъ какъ онъ слылъ за очень умнаго и дѣльнаго человѣка.

— Отецъ Гавріилъ,—говорили про него,—законникъ.

— Привезъ!—заявилъ Андрей весело.—Привезъ чуть не силкомъ.

— Отчего?—удивилась Соня.

— Не знаю... Ничего не разберу. Упирался страхъ. Вотъ ты, моя умница, сейчасъ его раскусишь, что у него на умѣ. Сдается мнѣ, онъ робѣетъ, смекая, о чемъ ты съ нимъ рѣчь поведешь. Дорогой онъ мнѣ разъ пять зачиналъ говорить, что онъ ни крестить, ни вѣнчать, ни хоронить, кромѣ своего прихода, нигдѣ не можетъ.

— Знаемъ! А за деньги?—воскликнула Ишимова.

Андрей молча развелъ руками.

— За деньги онъ мнѣ французскую королевну съ аѳонскимъ монахомъ обвѣнчаетъ, курицу съ козломъ, жида съ лягушкой.

— Ну, ужъ не знаю!—простодушно заявилъ Андрей.—Можетъ быть.

— Давай его сюда,—приказала Соня.—Я его по косточкамъ разберу и по коробочкамъ разложу.

Чрезъ нѣсколько минутъ Ишимова и Маряша уже сидѣли въ гостиной со священникомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, степенный, почти строгій на видъ, благодаря рѣзкимъ чертамъ лица. Съ черными, какъ уголь, волосами и бородой, большими черными глазами и крупнымъ орлинымъ носомъ, онъ не походилъ совсѣмъ на русскаго, а скорѣе на инородца.

— Совсѣмъ вы, батюшка, на россіянина не похожи,—тотчасъ бойко и смѣясь заявила Ишимова.

— Да-съ, мнѣ таковое не разъ сказывали,—заявилъ священникъ.—Говорятъ люди, будто я на грузина похожъ и еще на кого-то... Не знаю... Мудреное прозваніе,—отвѣтилъ священникъ.—Никакъ запомнить не могу.

— На гишпанца!—воскликнула Ишимова.

— Охъ, что вы, какъ можно. Что вы, сударыня...—ахнулъ священникъ и подумалъ про себя: «сказала тоже!»

Выраженіе молодой барыни отчасти даже обидѣло батюшку, такъ какъ онъ, не зная, что оно означаетъ, почелъ слово почти браннымъ.

— Ну, вотъ, батюшка, слушайте,—заявила тотчасъ вдовушка:—не будемъ время терять.

И быстро, но толково и подробно она стала объяснять священнику свое дѣло, прося дать свое мнѣніе.

Отецъ Гавріилъ выслушалъ все внимательно, какъ бы слыша все впервые. Между тѣмъ, благодаря слухамъ въ околоткѣ, онъ уже давно зналъ, что затѣвается въ Ларинскомъ вдовой и побочнымъ братомъ самого Ларина.

Выслушавъ все, отецъ Гавріилъ на вопросъ: «что скажете, батюшка?» заявилъ спокойно.

— Неподобное дѣло-съ, неблагопотребное-съ.

— Почему же это?—воскликнула Соня.

— Грѣховное и кровосмѣсительное.

— Что, что? Кровосмѣстильное? Это еще что?

— Кровосмѣсительное,—поправилъ священникъ.—Такъ сказывается. Вы и Андрей Андреевичъ единокровны, отъ двухъ родныхъ братьевъ рожденные, а единая кровь не сочетавайся. Такъ сказано въ законѣ.

— Ну, а если мы на законъ не посмотримъ?

— Какъ такъ?

— Да такъ... Обойдемъ законъ.

— Напрасно, сударыня барыня,—строго выговорилъ отецъ Гавріилъ.—Вы-то обойдете его, а онъ вотъ не обойдетъ. Въ отвѣтъ попадете...

— Что намъ будетъ по-вашему?..

— Расторгнутъ бракъ и накажутъ за грѣшное посягательство на кровосмѣсительство и соблазнъ людской.

— А какъ накажутъ по-вашему, батюшка? — не смущаясь и почти весело спросила Соня.

— Этого я вамъ доподлинно сказать не могу. Могутъ и васъ и Андрея Андреевича, расторгнувъ вашъ бракъ, обоихъ сослать въ монастыри дальніе на покаяніе и подъ епитимію.

— Вотъ!—воскликнула Маряша.—И я такъ-то слышала.

— Вѣрно-съ. И здѣсь въ округѣ были такіе примѣры. Лѣтъ тому двадцать одинъ изъ нашихъ дворянъ вотъ этакъ же собрался бракосочетаться...

— Что вы!..— воскликнула Ишимова. — Двадцать! Какія двадцать! Какія двадцать! Въ Москвѣ въ прошломъ году два случая такіе были,—въ прошломъ году. А вы выкопали за двадцать лѣтъ.

— И съ рукъ сошло по-вашему?—изумился священникъ.

— Нѣтъ какъ можно!—отозвалась Соня.—Говорили мнѣ, что ихъ съ лица земли стерли. Невѣдомо даже, гдѣ они теперь... Какъ сквозь землю провалились.

И священникъ и Маряша вытаращили глаза на вдовушку.

— Такъ какъ же послѣ того, извините, сами вы говорите? Сами же вы знаете, чѣмъ этакое пахнетъ,—сказалъ отецъ Гавріилъ.

— Знать-то, я знаю лучше васъ, да оно мнѣ не примѣръ. Робкіе люди. Дались. А не надо даваться.

И, поглядѣвъ въ изумленное ея рѣчами лицо священника, Ишимова выговорила громко и рѣзко:

— Вы, батюшка, стало быть... меня съ Андреемъ Андреевичемъ... вѣнчать не возьметесь?..

Отецъ Гавріилъ почти привскочилъ на мѣстѣ... Затѣмъ онъ машисто перекрестилъ вдовушку и произнесъ:

— Во имя отца и сына... сударыня.

И священникъ умно, толково и краснорѣчиво въ пространной нравоучительной рѣчи сталъ доказывать Ишимовой, что она сама не знаетъ и не понимаетъ по молодости, на какое мытарство собирается итти, на угнетеніе, преслѣдованіе, разореніе, заключеніе, «самоизведеніе».

Отецъ Гавріилъ говорилъ настолько убѣдительно и краснó, что Маряша испуганно слушала его, но вдовушка не переставала улыбаться бодро и весело.

Когда священникъ уѣхалъ, Маряша осталась подъ впечатлѣніемъ его словъ и стала говорить, что не только ей самой, но и Сонѣ слѣдуетъ «одуматься».

— Нечего думать. Ничего придумать нельзя, — сказала твердо Ишимова.

— Пожертвовать своей любовью. Вотъ я готова. Пожертвую своею...

— Ты! Своей любовью?—воскликнула вдовушка.

— Да. Что же дѣлать, если надо!..

— Да любишь ли ты, Маряша? Сновидѣніе это у тебя!

— Ты чего? Что? Я не пойму...—удивилась дѣвушка.

— Любишь ли ты Алешу?.. Мнѣ сдается, что ты его совсѣмъ таки не любишь по-настоящему. Ну, вотъ такъ, какъ я люблю Андрюшу. Мнѣ жертвовать нельзя. А тебѣ плевое дѣло.

— Что ты, Богъ съ тобой, Соня!

— Богъ-то со мной... да. А ты вотъ мнѣ поясни, докажи...

— Какъ же я тебѣ это докажу?

— Трудно, вѣстимо... Ну, вотъ я тебѣ сама буду доказывать,— и усмѣхаясь и съ серіознымъ взглядомъ произнесла Ишимова.— Я вотъ Андрюшу люблю... Когда я была дѣвченкой, я его что ни ночь во снѣ видала, а днемъ всѣ глаза на него проглядывала. Что онъ ни сдѣлай, я во всѣ глаза на него... Къ вечеру даже рѣзь въ глазахъ. Выдали меня замужъ. Я мужа любила... любила. Какъ любила! Чудно. Вотъ какъ наши холопы намъ служатъ. Приказано, ну, и служатъ. Мы баре, а они холопы. Они должны намъ служить. Вотъ этакъ я по указу и мужа любила. Бывало и смѣхъ и грѣхъ! Онъ меня поцѣлуетъ въ темнотѣ, а я думаю себѣ: это меня Андрюша цѣлуетъ. И поцѣлуи-то мнѣ эти были слаще. По видимости я жила съ мужемъ, а душевно, мыслями съ Андрюшей. Померъ мужъ, я была сдуру въ горѣ. А затѣмъ скоро, какъ пришло мнѣ на умъ, что я вдова, да свободна, да могу повѣнчаться съ Андрюшей... такъ меня, Маряша, въ жаръ и въ холодъ стало бросать... И вотъ теперь, кромѣ Андрюши, я ни за кого не пойду... А если, избави Богъ, разныя тяжкія обстоятельства приключатся отъ властей, да станутъ насъ гнать... Ну, тогда я и не знаю, что будетъ! Грѣхъ великій. Я за него на все пойду, на все... На смертоубійство пойду. Скажутъ мнѣ: для твоего счастья надо вотъ архіерея прирѣзать... Прирѣжу.

— Богъ съ тобой. Ума рѣшенная ты, Соня,—ахнула Маряша.

— Пущай совсѣмъ безумная. Но я вотъ знаю, что люблю. А ты не знаешь, Алеша тебѣ поетъ: люблю, молъ, тебя. Помираю, люблю. И это правда. Онъ не лжетъ. А ты ему въ отвѣтъ: и я, молъ, люблю тебя... И ты лжешь. Ты не любишь. Ты не обманываешь его... А ты себя обманываешь. Ты отъ его пѣсенокъ отъ зари до зари втемяшила себѣ въ голову, что тоже его любишь. А

это—неправда. Да, неправда. Вотъ что я думаю, Маряша. Не сердись. Я по сердцу сказываю.

Маряша глубоко задумалась и не отвѣчала.

— Вотъ такъ-то... произнесла тихо Ишимова... Такъ любить куда легко. А на мой ладъ любить—прямая пытка. А все-таки скажу. Я и обвѣнчаюсь, и не дамся. Не дамся никому.. Отвоюю Андрюшу и у властей, и у законовъ, и у самихъ чертей, коли они въ дѣло замѣшаются.

И вдовушка весело разсмѣялась.

XXIII.

Возвращаясь домой изъ монастыря, Ларинъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что самъ не понималъ, что съ нимъ творится. Онъ постоянно погонялъ кучера. Лошади скоро уже шли вскачь, а онъ продолжалъ кричать:

— Пошелъ. Очумѣлъ ты, пошелъ, говорятъ...

Кучеръ гналъ, но самъ былъ смущенъ, понимая, что съ бариномъ «чтой-то приключилось недоброе», и бѣдная тройка по прибытіи падетъ.

Алексѣй Андреевичъ почти потерялъ разумъ, потому что считалъ цѣль достигнутой,—цѣль, которая была недостижима столько лѣтъ.

Для него главнымъ препятствіемъ было не духовенство, не говоръ людской, а противодѣйствіе матери монахини. Теперь послѣ согласія матери Маріанны все остальное было не въ счетъ. Стало быть, конецъ всему, и цѣль достигнута.

Вернувшись домой, Ларинъ тотчасъ же послалъ за Маряшей перваго попавшагося лакея, но дѣвушка въ ту же минуту уже вошла къ нему, такъ какъ ждала его у окна все время и, завидя экипажъ, бросилась бѣгомъ навстрѣчу...

Она вошла взволнованная, отчасти тревожная и выговорила черезъ силу.

— Матушка? Что?... Здорова?...

Она боялась, конечно, за мать, боялась того, что можетъ приключиться съ ней отъ внезапной вѣсти.

— Павла Тимоѳеевна согласна! Она рада! Да, да! Она рада, а не то, что перепугалась,—вскрикнулъ Алексѣй Андреевичъ.

Маряша оторопѣла, слегка измѣнилась въ лицѣ и стояла истуканомъ, олицетворяя собой само изумленіе.

— Да, Маряша, да, я самъ понимаю... Садись, слушай. Непостижимо!..

И, усадивъ дѣвушку на диванъ около себя, Ларинъ сталъ подробно передавать ей весь свой разговоръ съ монахиней.

Когда онъ кончилъ и спросилъ у дѣвушки: «что скажешь?» то замѣтилъ, что она сидитъ понурившись, какъ если бъ онъ передалъ ей самыя плохія вѣсти о полной неудачѣ.

— Маряша, что же ты? О чемъ?...—спросилъ онъ тревожно.

Дѣвушка не сразу пришла въ себя. Очнувшись она подняла руку къ головѣ и стала себѣ тереть лобъ, какъ бы отъ головной боли.

— Что ты, Маряша?

— Ничего не понимаю... Матушка не можетъ... не можетъ она на такое дать свое согласіе... Стало быть, есть что нибудь... Будетъ что нибудь новое, удивительное. Яковъ Антоновичъ насъ удивитъ. Но что? что онъ скажетъ? Про матушку онъ ничего не скажетъ... Она сама бы сказала. Нѣтъ, что-то другое, Алеша, другое.

— Что другое?—удивился Ларинъ.

— Не знаю...

— Да я тебя не пойму, Маряша.

— Что же тутъ не понимаешь! Матушка не можетъ дать свое согласіе, да еще быть, какъ ты говоришь, довольной. Стало быть, есть на все это причины особыя... темныя.

— Темныя...—повторилъ Ларинъ, какъ бы крайне озадаченный.

— Да... А что такое? что?

— Ты путаешь, Маряша.

— Ничего не путаю. Спроси Соню. Она то же скажетъ.

Разумѣется, Алексѣй Андреевичъ тотчасъ кликнулъ человѣка и велѣлъ позвать двоюродную сестру.

Чрезъ нѣсколько минутъ Ишимова вмѣстѣ съ Андреемъ сидѣла уже въ кабинетѣ и выслушивала разсказъ Ларина о своемъ свиданіи и объясненіи съ Павлой Тимоѳеевной.

Когда онъ кончилъ, Ишимова выговорила.

— Диковинно все это... Скажу я то же, что и Маряша. Тутъ есть какая-то загвоздка. Есть крючекъ, какъ говорятъ въ Москвѣ мои стрекулисты. Или же Павла Тимоѳеевна разсуждаетъ по-моему. Родство родствомъ, а любовь любовью. И одно другому не препятствіе.

— Охъ, нѣтъ... вступился Андрей.—Не вѣрно ты матушку судишь, Соня. Такъ ли, Маряша?

— Вѣстимо,—отвѣтила сестра.—Матушка этакъ судить не можетъ.

— Однако же судитъ! — воскликнула Ишимова. — Однако согласна.

— Да, но съ тѣмъ, чтобы Алеша съѣздилъ въ Москву, и чтобы крестный все это на себя взялъ.

— Инако говоря, что если Яковъ Антоновичъ разрѣшитъ, то и она согласна будетъ.

— Нѣтъ, Соня, нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтилъ Андрей:—не то, не то. Матушка всякое дѣло судитъ сама, а не съ голосу. Что ей рѣше-

ніе или согласіе генерала! А тутъ по-моему есть что-то особливое, невѣдомое.

— Вотъ и ты говоришь, какъ я... — воскликнула Маряша.—И я сказываю: темное.

— Темное, темное...—разсмѣялся Ларинъ радостно.—Будь хоть черное, будь чернѣе сажи, а все-таки я счастливъ. Главное, что Павла Тимоѳеевна не противится,—главное, а все остальное намъ трынъ-трава. Такъ вѣдь, Соня?

— Вѣстимо. По-моему хоть свѣтъ Божій провались въ преисподнюю, лишь бы намъ съ Андрюшей живыми остаться.

— А мы-то съ Маряшей,—вскрикнулъ Ларинъ.—И намъ провалиться? Спасибо, Софья Алексѣевна. За что жалуете?

И всѣ четверо весело разсмѣялись.

— Да, вотъ что... — вспомнила Ишимова. — Покуда свѣтъ-то Божій стоитъ, надо не терять время. Бумага-то, Алеша, пришла ко мнѣ, та, что̀ про тебя писана.

— Покажи. Любопытно. Давно ею пугаешь. Давай сюда.

— Нѣтъ, сегодня ввечеру. На досугѣ да толкомъ побесѣдуемъ,— серіозно и дѣловито отвѣтила вдова.

И въ тотъ же вечеръ, когда Пашины ушли уже къ себѣ спать, Ишимова вошла къ Ларину съ большимъ листомъ бумаги въ рукахъ и, замысловато улыбаясь, заявила:

— Вотъ, Алеша... господинъ баринъ ларинскій, Алексѣй Андреевичъ Ларинъ. Соизвольте оную бумагу вашимъ именованіемъ помѣтить, чтобы она силу имѣла.

— Что такое? — удивился онъ, глянувъ на исписанный листъ.

— А это то, о чемъ мы все говорили, да изъ пустого въ порожнее переливали. А вотъ теперь намочи перо въ чернилахъ, да и отцарапай, какъ слѣдуетъ, свои имя и отчество и фамилію...

— Да что? Что это?

— Вольноотпускная, данная дворяниномъ Ларинымъ своему крѣпостному Андрею Пашину...

Ларинъ взялъ въ руки листъ и, прочитавъ нѣсколько строкъ, разсмѣялся.

— Откуда это? Изъ суда? Когда ты успѣла? Кто тебѣ это состряпалъ?

— Вѣстимо, не здѣсь, въ Ларинскомъ,—разсмѣялась тоже Ишимова.—Въ Москвѣ заготовлена. И въ полномъ порядкѣ, какъ полагается, чтобы не было ни сучка, ни задоринки.

— Ахъ, ты, шутиха, право, шутиха!

— Почему же это?

— Да зачѣмъ намъ писать бумаги? Ты знаешь, что онъ мнѣ братомъ приходится... Ты хочешь за него итти замужъ. Ну, и иди. Ничего писать не надо. Что же я потребую его что ли назадъ отъ тебя, какъ холопа?

— Ладно. Ты шутъ, а не я шутиха,—возразила Ишимова холодно и серіозно.—А не шутъ, то малый младенецъ. Развѣ я могу съ крѣпостнымъ человѣкомъ вѣнчаться? Надо, чтобы онъ былъ вольнымъ. Да мало того. Завтра бумага эта пойдетъ въ городъ, а чрезъ нѣкоторое время Андрей Пашинъ будетъ уже прописанъ купцомъ. И я буду вѣнчаться съ этимъ купцомъ. И это все по закону. А по-твоему все это можно на словахъ. Младенецъ ты, право.

— Не знаю... А по-моему промежъ насъ и слова честнаго, дворянскаго довольно.

— Да. Такъ вотъ что! Сдѣлай ты своимъ дворянскимъ словомъ Андрюшу сейчасъ же капитаномъ гвардіи или ужъ прямо генералъ-аншефомъ.

— Не пойму я, Соня.

— То-то не пойму... Макай перо. Подписывай-ка.

— Изволь,—сказалъ Ларинъ, садясь за столъ, и, подмахнувъ бумагу, онъ прибавилъ:—я давно хотѣлъ этого.

— Да, да... Но хотѣніе и сновидѣніе—все одно!—заявила Ишимова и, взявъ бумагу, разсмѣялась:—вотъ женихъ теперь и въ карманѣ.

XXIV.

Между тѣмъ Алексѣй Андреевичъ съ возвращенія изъ монастыря былъ въ странномъ состояніи духа, какъ тотчасъ показалось Марящѣ. Ей чудилось, что онъ иначе взглядываетъ на нее, не выдерживаетъ ея взгляда, опускаетъ глаза. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ задумывался чаще, будто озабоченный какой-то навязчивой мыслью. Иногда онъ начиналъ видимо волноваться и нѣсколько разъ будто собирался что-то объяснить Марящѣ, но сдерживалъ себя, какъ бы не имѣя духу заговорить.

Дѣвушку это смущало.

«Не все онъ разсказалъ что ли, что было промежъ нихъ съ матушкой?—думалось ей.—Или совсѣмъ все солгалъ? Никогда матушка своего согласія не давала! Можетъ, прогнала даже отъ себя!»

Пораздумавъ, дѣвушка рѣшила, что Ларинъ не могъ солгать. Этого за нимъ не бывало никогда.

«Стало быть, есть что-то другое на душѣ. А что другое?»

На второй день по пріѣздѣ уже поздно вечеромъ, оставшись наединѣ съ Маряшей, Алексѣй Андреевичъ сталъ сразу волноваться и наконецъ выговорилъ:

— Маряша, не могу я скрываться дольше... Послушай, что я тебѣ скажу, что я тебѣ поясню... Буду тебя просить. Если ты любишь меня, то, конечно, согласишься.

— Сказывай,—отозвалась Маряша и отчасти смутилась не столько отъ словъ Ларина, сколько отъ его взгляда, особаго

взгляда, который появлялся у него изрѣдка, и который она давно знала и не любила.

Она объясняла себѣ этотъ взглядъ сравненіемъ:

— Точно злая собака смотритъ, когда собирается укусить.

Иногда этотъ взглядъ бывалъ ей даже противенъ, и она изъ-за этого становилась угрюма и непріязненно настроена.

Ларинъ это замѣчалъ и, будто сразу поборовъ въ себѣ скрытое чувство, смотрѣлъ иначе, проще, ласковѣе, покорнѣе...

Теперь Маряша замѣтила то же выраженіе въ его глазахъ, но что-то, ей всегда ненавистное въ нихъ, сказывалось еще ярче, сильнѣе, упрямѣе.

Она смутилась—и какъ бывало это всегда—стала сразу сурова. Голосъ ея зазвучалъ тверже и глуше, глаза изъ свѣтлыхъ стали темными и строгими. Сама же она вся какъ-то подобралась или съёжилась, но не робко и боязливо, а вѣрнѣе, какъ кошка, собирающаяся защищаться.

Ларинъ тоже, съ своей стороны, зналъ это явленіе въ дѣвушкѣ и тоже не любилъ этого.

— Ощетинилась!—объяснялъ онъ себѣ мысленно съ чувствомъ раздраженія на душѣ, но никогда, однако, не сказалъ этого вслухъ.

И Алексѣй Андреевичъ началъ говорить, сначала смущаясь, а затѣмъ постепенно оживляясь и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе. Наконецъ его голосъ сталъ звучать рѣзко, самовластно, хотя и пылко, но не мягко, не ласково, а повелительно.

По мѣрѣ того, что онъ говорилъ, молчавшая дѣвушка все мѣнялась въ лицѣ. Она становилась все суровѣе, холоднѣе и наконецъ стала почти озлобленной.

Ларинъ объяснилъ пространно и сбивчиво, путаясь и повторяясь, что онъ давно мучится, что выбился изъ силъ, что долѣе терпѣть не въ состояніи. Его любовь—не любовь, а каторга, пытка, истязаніе ежедневное и ежечасное. Его держало, какъ путы на рукахъ и ногахъ, невѣдѣніе, какъ отнесется къ его чувству Павла Тимоѳеевна. До всѣхъ остальныхъ и до всего остальнаго міра ему, какъ и сестрѣ Сонѣ, не было и нѣтъ никакого дѣла. Теперь, когда мать Маряши не стоитъ на дорогѣ ихъ, не есть препятствіе къ счастью, то ничто не воспрещаетъ имъ, какъ любящимся, принадлежать другъ другу... Мечты и грезы станутъ дѣйствительностью, хоть сейчасъ же. Это въ ихъ волѣ. Скажи она только одно слово...

Маряша сначала отказывалась мысленно понять, о чемъ говоритъ онъ, что предлагаетъ. Убѣдившись наконецъ, что она не ошибается, она ощутила бурю на душѣ своей, бурю, какой, кажется, еще никогда не бывало въ ней. Какія-то разныя чувства, которымъ она и имени дать не могла,—забушевали въ ней.

Ларинъ былъ настолько взволнованъ, что, быть можетъ, даже впервые въ жизни не замѣтилъ страшной перемѣны въ лицѣ дѣ-

вушки. Онъ приписалъ яркій взглядъ ея глазъ и легкую блѣдность въ лицѣ такому же волненію, которое чувствовалъ самъ.

— Маряша, надо на это смотрѣть проще... Вѣдь мы любимъ другъ друга. Мы вольны въ себѣ. Если была какая помѣха, которая насъ держала, какъ на привязи, то ея нѣтъ. Что же намъ продолжать мучиться? Все это протянется... Всякія такія дѣла не скоро дѣлаются. Будемъ мы обвѣнчаны только чрезъ мѣсяца два... А мы вольны въ себѣ. Мы можемъ быть сейчасъ... вотъ хоть сегодня...

— Будетъ, будетъ... глухо проговорила Маряша.. Замолчи!..

И наступило дѣйствительно молчаніе, такъ какъ голосъ дѣвушки озадачилъ Ларина. Онъ смолкъ сразу.

Но волненіе все увеличивалось въ немъ. У него тоже была теперь буря на душѣ, хотя много иная, чѣмъ та, чтó захватила все существо Маряши. Присмотрѣвшись къ ней, онъ вспыхнулъ:

— Если такъ... то, стало быть, ты не любишь...—воскликнулъ онъ наконецъ.—А если и любишь, то не по-моему. Тебѣ хоть еще десять лѣтъ терпѣть—все равно. Ты, Маряша, истуканъ какой-то безчувственный. Ну, отвѣчай же мнѣ что нибудь.

— Нечего отвѣчать. Ты... ты...

Дѣвушка запнулась отъ прилива чувства гнѣва.

Чрезъ мгновенье она заговорила, объясняя Ларину, что онъ «ума рѣшился», но это еще не все. Главное дѣло не въ этомъ. Главное то, что его рѣчи, его предложеніе, для нея сдается самымъ лютымъ оскорбленіемъ, отъ котораго вся ея любовь къ нему будто сразу пропала.

— Спроси меня кто теперь, люблю ли я тебя, то, вотъ Богъ, не знаю, что отвѣчать!—вскрикнула Маряша такъ громко, что голосъ ея былъ слышенъ чрезъ двѣ комнаты, въ столовой.

Въ эту минуту Волковъ пришелъ въ столовую, чтобъ поглядѣть, который часъ, и услышалъ рѣзкое восклицаніе дѣвушки. Вдобавокъ голосъ ея, который Волковъ узналъ, показался ему все-таки будто не барышнинымъ голосомъ.

«Живой покойникъ Андрей Петровичъ, когда бывало запылитъ, загорится»,—подумалъ Кронидъ Захарычъ.

Понявъ, что между бариномъ и дѣвушкой происходитъ не простой разговоръ, а горячее объясненіе, и, конечно, объясненіе важное, необычное, Волковъ невольно остановился среди комнаты и сталъ прислушиваться.

Голоса барина и Маряши все усиливались. Скоро это уже былъ не простой споръ. Это была настоящая ссора... Многія слова ясно долетали до слуха старика, и по нимъ можно было легко заключить, что баринъ, сначала о чемъ-то просившій горячо, но съ ласковостью, теперь будто начинаетъ требовать, начинаетъ даже грозиться...

— Я все-таки баринъ... Моя власть!—ясно слышались слова Алексѣя Андреевича.—Никто мнѣ не указъ! Долго я терпѣлъ. Не могу, не могу. Заставила. Прикажу...

Въ отвѣтъ на слова Ларина дѣвушка отвѣчала сравнительно тихо, и Волковъ не могъ разобрать, что она говоритъ. Только два слова, повторенныя ею громко и два, три раза, ясно долетѣли до его слуха.

— Силой!—кричала Маряша.—Умалишенный!

И вдругъ дверь кабинета барина растворилась, и Волковъ отчетливо услыхалъ слова дѣвушки съ порога...

— Да, лучше уйти. Ты умалишенный... Ты, что хворые въ горячкѣ... Говоришь, самъ не вѣдая что.

И чрезъ мгновеніе дѣвушка вскрикнула отчаянно:

— Не смѣй такъ сказывать, не только собираться на этакое. Умалишенный!.. Кто меня скрутитъ этакъ, тотъ человѣкъ еще не родился.

Маряша захлопнула дверь кабинета и быстрыми шагами двинулась въ столовую...

Волковъ еще быстрѣе вышелъ въ переднюю. Маряша прошла мимо него, даже не замѣтивъ его, настолько была она, повидимому, взволнована.

— Что за притча?—взволновался и старикъ, любившій дѣвушку.

Потушивъ огонь въ комнатахъ, такъ какъ баринъ легъ спать, Волковъ ушелъ къ себѣ, легъ, но долго не могъ заснуть.

Много передумавъ, онъ сдѣлалъ свое заключеніе, но не хотѣлъ ему вѣрить. «Не злодѣй же онъ сущій?!»—повторялъ старикъ.

На другой же день около полудня горничная позвала его къ Маремьянѣ Андреевнѣ.

Тотчасъ собравшись, Волковъ, войдя къ Маряшѣ, ахнулъ и остановился предъ ней, ни слова не говоря. Видъ дѣвушки поразилъ его.

— Кронидъ Захарычъ, я за вами дослала... У меня до васъ...

— Что такое? Что приключилось?—воскликнулъ наконецъ старикъ, перебивая ее.

— У меня просьба до васъ. Помогите.

— Приказывайте. Все, что пожелаете... Все... все... Прикажите за васъ на смерть итти. Сказывайте, не томите...

— Мнѣ надо ѣхать... уѣзжать...

— Куда?

— Въ монастырь къ матушкѣ... Надо лошадей...

— Что же, скажите барину. Что вы? Не пойму ничего. Развѣ онъ не даетъ что ли?

— Онъ не долженъ знать, Кронидъ Захарычъ. Никто не долженъ знать. Я и Андрюшѣ не скажуся.

— Охъ, Господи... что же это?

— Вотъ... Увольте. Не разспрашивайте... Помогите мнѣ. Достаньте телѣжку на деревнѣ... Въ ночь... Можете...

— Все... все... сдѣлаю. Когда? Нынѣ, завтра?

— Нынче же въ ночь, раньше полуночи... Я выйду изъ сада въ калитку за оранжереями... А вы мнѣ тамъ запасите телѣжку и мужика поумнѣе, чтобы съ дороги не сбился...

— Гдѣ сбиться? Кто же у насъ не знаетъ дороги въ пустынь? Малые ребята на деревнѣ знаютъ... Но скажите, милая моя, голубушка... Зачѣмъ?.. зачѣмъ все этакое? Потихоньку отъ всѣхъ... Отъ барина, отъ Андрюши... Андрея Андреевича,—поправился Волковъ, не могшій отвыкнуть отъ давнишней привычки звать обоихъ Пашиныхъ уменьшительными именами.

Маряша грустно молчала и глядѣла въ сторону.

— Мнѣ можно все сказать, Маремьяна Андреевна,—съ чувствомъ произнесъ Волковъ.

— Знаю, знаю... Кому же, если не вамъ? Я же вотъ съ просьбой моей къ вамъ и обращаюсь... Но сказать... разсказывать все... нельзя, нельзя, Кронидъ Захарычъ.

— Ну, какъ изволите... тихо произнесъ Волковъ съ оттѣнкомъ упрека.

— Если вернуся изъ монастыря отъ матушки, то, можетъ, вамъ все разскажу.

— Если вернетесь... Стало быть, вы предполагаете, что можетъ выйти такъ, что и не вернетесь къ намъ сюда. При ней останетесь?..

— Не знаю, ничего не знаю,—отвѣтила Маряша и, заслыша шаги брата, ласково прибавила:—уходите, уходите. Андрюша по вашему лицу догадается, что что-то не ладно.

XXV.

Возвращаясь къ себѣ, старикъ нѣсколько разъ повторилъ вслухъ:

— Стало быть, сущій злодѣй.

И Кронидъ Захарычъ долго сидѣлъ въ своей комнатѣ, недвижно и глубоко задумавшись. Онъ былъ озадаченъ, какъ никогда еще съ нимъ не случалось въ жизни.

Съ малыхъ лѣтъ служилъ онъ господамъ Ларинымъ. За это время многое перевидалъ онъ въ усадьбѣ. Всякая всячина прошла предъ глазами, и всякое происшествіе бывало понятно. А теперь приключилось такое, что понять нельзя.

Зачѣмъ Маряшѣ уѣзжать вдругъ чуть не ночью, да къ матери и тайкомъ отъ Алексѣя Андреевича... и даже тайкомъ отъ брата и двоюродной сестры.

— Стало быть, баринъ замышляетъ что-то не доброе,—рѣшилъ старикъ.

Волковъ давно дивился страннымъ дружескимъ отношеніямъ барина съ побочной сестрой. Дружба такая нѣжная, такая горячая не бываетъ на свѣтѣ между молодыми людьми.

Недавній разговоръ съ Алексѣемъ Андреевичемъ и объясненіе его насчетъ рожденія или происхожденія Маряши поразили Волкова сначала своей неожиданностью и невѣроятностью, а затѣмъ своей лживостью, своимъ очевиднымъ вымысломъ.

— А измышленіе этакое?—спрашивалъ себя тогда Волковъ.— Зачѣмъ оно нужно? Понадобилось вдругъ. Зачѣмъ?!

И старику дворовому теперь окончательно приходилось поневолѣ согласиться и убѣдиться, что все ему «прыгавши» въ глаза съ давнихъ поръ, и всѣ его подозрѣнія, якобы ни на чемъ не основанныя, оказываются «сущей правдой матушкой». Не грезилось ему давнымъ давно нѣчто «не суразное», а было и есть наяву и воочію.

— И что же? Дѣло тянулось, тянулось и пришло къ своему концу...

И она спасается отъ него, такъ какъ онъ собрался злодѣйствовать!—рѣшилъ Кронидъ Захарычъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздумья лицо его приняло болѣе суровое и озабоченное выраженіе. Онъ глубоко вздохнулъ, потеръ себѣ лобъ, темя и опять вздохнулъ.

— Да, такъ выходитъ... Какъ ни верти... самовольство, и даже отчаянное, неуважительное самовольство.

Волковъ сообразилъ, что самъ находится въ особо трудномъ и опасномъ положеніи.

Подумавъ еще минуту, онъ вдругъ всталъ и выговорилъ:

— Куръ во щахъ! Куръ, ты, Кронидъ! И въ Маряшиныхъ щахъ...

Побродивъ по своей комнатѣ въ волненіи, старикъ снова сѣлъ и сталъ спокойнѣе, рѣшивъ, что «будь, что будетъ», а онъ долженъ не давать въ обиду и всячески помочь своей барышнѣ противъ Алексѣя Андреевича.

Ее я люблю, а онъ мнѣ только баринъ. Ее я люблю душой и сердцемъ, а его только уважаю, какъ барина.

Въ сумерки старикъ отлучился изъ усадьбы и побывалъ на деревнѣ.

Наступила и полночь. Во всемъ домѣ и во всей усадьбѣ стало, какъ всегда, и темно и тихо. Обитатели уже давно улеглись спать.

Во флигелѣ, гдѣ жили Пашины, было тоже темно. Андрей уже часа съ два сладко спалъ въ своей комнатѣ, но рядомъ, гдѣ жила его сестра, теплилась маленькая лампадка у образовъ, а сама дѣвушка была не только не въ постелѣ, а сидѣла у открытаго окна, одѣтая по-дорожному.

Она сидѣла, уныло задумавшись, и, изрѣдка приходя въ себя прислушивалась чутко, будто въ ожиданіи чего-то, что запаздываетъ.

И дѣйствительно нѣчто сильно запоздало. Волковъ, обѣщавшій справить все дѣло и притти доложить ей, не являлся. Простившись съ братомъ, Маряша прошла въ комнату, чтобы лечь якобы тоже спать. Вмѣсто этого она одѣлась, накинула платокъ на голову и стала тревожиться, что братъ не успѣетъ крѣпко заснуть и можетъ услышать приходъ Волкова.

Вмѣсто этого явилась уже иная тревога въ дѣвушкѣ. Прошло болѣе двухъ часовъ, а о Кронидѣ Захарычѣ не было и помину.

— Что, если онъ ничего не устроитъ? Что тогда?—смущалась Маряша.

И, раздумывая, она начала шептать сама себѣ вслухъ:

— Не ждала я этакого никогда. Онъ, какъ ума рѣшенный. За себя я не боюсь. Да и Андрюша за меня на все пойдетъ. И Соня остервенится... Но не хочу я этого шума. Не хочу содома въ домѣ. Надо, чтобы все тихо обошлось безъ споровъ и крика и безъ ссоры. Надо дать ему время образумиться. Онъ теперь прямо ума рѣшенный. Пройдетъ это, и все опять наладится. А будетъ шумъ, то въ ссорѣ мы всѣ такого наговоримъ, что потомъ не вырубишь топоромъ. Въ памяти застрянетъ поневолѣ. Я-то сдержуся, хоть малость. А Соня и Андрюша изъ-за меня Богъ вѣсть чего Алешѣ наскажутъ. А онъ теперь прямо не въ себѣ. Да, не въ себѣ. Уѣхать, уѣхать, отлучиться! Одно спасенье. А въ монастырѣ у матушки я, какъ за горами. Тамъ не достанешь...

Прислушавшись снова, Маряша встрепенулась, встала и высунулась въ окно.

Среди тихой и ясной лунной ночи она отчетливо увидѣла подъ окномъ фигуру Волкова и услыхала шепотъ.

— Маремьяна Андреевна, пожалуйте...

Дѣвушка быстро, хотя и осторожно, двинулась изъ комнаты въ коридоръ и на лѣстницу. Чрезъ минуту она была уже въ саду и шибко шагала, сопровождаемая Волковымъ. Она двигалась въ край сада, гдѣ около оранжереи была калитка въ поле.

Молчавшая все время Маряша шла, опустивъ голову, но вдругъ она выпрямилась и остановилась.

— Кронидъ Захарычъ,—произнесла она тревожно:—мнѣ и на умъ не пришло. Я вамъ не сказала... главное. Вы не сказывайтесь. Вы ничего не знаете, не знали якобы... Понимаете?..

— Понимаю, барышня...—съ страннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ отозвался Волковъ.

Маряша поняла или почувствовала, что значитъ этотъ особый звукъ голоса.

— Что же? По-вашему нельзя или не слѣдъ вамъ молчать? А я васъ прошу. Молчите. Не берите на себя. Алексѣй Андреевичъ не въ себѣ. Онъ... онъ, какъ ума рѣшенный. А это пройдетъ. Когда пройдетъ, скажитесь, пожалуй. А сейчасъ, завтра поутру, когда

меня хватятся всѣ, вы и виду не подавайте, что вы мнѣ все уладили. Слышите? Обѣщаете это мнѣ?

— Извольте... Но все-таки, барышня, это будетъ ни къ чему,— отвѣчалъ Волковъ нерѣшительно.—Да и что же, коли баринъ узнаетъ сейчасъ же? Разгнѣвается, побурлитъ и успокоится. Я не бунтую. Я ваше приказаніе исполняю. А вы та же, почитай, наша барышня.

— Обѣщайте молчать! — настойчиво выговорила Маряша. — Я знаю, что говорю... Пройдетъ дня два, три, тогда можете сказаться, если Алексѣй Андреевичъ будетъ приставать. А завтра ни ему, ни брату, ни Сонѣ ни слова не говорите. Пущай, меня хватившись, хоть въ пруду ищутъ. Обѣщайте. Побожитесь.

— Извольте.

— Побожитесь.

— Слушаю-съ... Вы не извольте...

— Нѣтъ, скажите: Богомъ божусь, буду молчать.

— Божусь Богомъ... Только Андрею Андреевичу позвольте шепнуть на ушко, если онъ начнетъ убиваться, что съ вами смертельное что приключилось...

Маряша промолчала и снова шибко двинулась по аллеѣ къ оранжереямъ и къ калиткѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ она уже садилась въ крестьянскую телѣгу, запряженную въ одну лошадь, и вымолвила, показывая на старика мужиченку, сидѣвшаго на облучкѣ:

— Нашъ онъ?

— Вѣстимо, нашъ,—отвѣтилъ Волковъ:—Сидорка Акулининъ.

— Я ихъ не знаю, не помню... Какая Акулина?

— Гдѣ же вамъ ихъ всѣхъ знать?—отвѣтилъ Волковъ и прибавилъ: — барышня... я съ вами Ваньку Безухаго отрядить хочу. Что же одной ѣхать? Я ему открылся, но вѣдь онъ, коли съ вами уѣдетъ, то не можетъ разболтать. Дозвольте.

— Напрасно, Кронидъ Захарычъ: я и одна доѣду.

— Возьмите, барышня. Онъ тутъ ужъ въ кустахъ ждетъ. Ему и самому въ монастырь до смерти хочется. Тамъ у чего своя зазноза: наша дѣвченка Ѳимка, чтó у матери Маріанны въ услугахъ.

И на согласіе Маряши Волковъ кликнулъ Безухаго, который усѣлся тоже на облучекъ, веселый и радостный.

Графъ Е. А. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО [1].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Школа.

I.

ТЕЦЪ рѣшилъ, что пора меня готовить въ гимназію. Онъ принесъ программы. Оказалось, что въ первый классъ я давно готовъ.

Но отецъ хотѣлъ, чтобъ я росъ дома и былъ приходящимъ. Онъ мечталъ о юридической карьерѣ, и непремѣнно черезъ университетъ, а не черезъ правовѣдѣніе или лицей.

— Въ лицеѣ Пушкинъ былъ,—возражала мать.— И форма у нихъ красивая. Они, лицеисты, такъ дружно держатся другъ возлѣ друга. Помогаютъ потомъ.

Отецъ стоялъ на гимназіи. Тогда мать начала настаивать на какой-то «благородной» гимназіи. Она слышала, что есть такая, гдѣ все-таки соблюдаются извѣстныя традиціи, и не принимаютъ всякую шушеру. Дѣйствительно, оказалась одна гимназія, переформированная изъ «благороднаго пансіона», основанная при университетѣ спеціально для дѣтей дворянъ. Но, увы, и въ эту гимназію уже принимались дѣти мѣщанъ и крестьянъ. Въ ней было единственное достоинство,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIX, стр. 417.

за которое и стоялъ отецъ: она была не классическая, а «полуклассическая», безъ греческаго языка, но давала такія же права для университета, какъ и всѣ прочія. Рѣшено было меня готовить именно туда.

Въ послѣдній разъ поѣхалъ я въ деревню дѣда. Тамъ каждый день на рыженькомъ конькѣ, мимо двухъ стѣнъ колыхающейся ржи, я скакалъ въ сосѣдній лѣсокъ, а потомъ, черезъ его березовую опушку, выѣзжалъ къ дѣдовской деревенькѣ. Это было всегда на закатѣ, когда стадо только что приходило съ поля, и въ воздухѣ пахло парнымъ молокомъ. Какъ и прежде, ходили за грибами, купались въ рѣчкѣ, гуляли на заливныхъ лугахъ и рвали цвѣты. Но на этотъ разъ я безъ горя оставлялъ деревню: я рвался къ ученью, и мнѣ такъ хотѣлось скорѣе поступить въ школу.

Началъ ходить ко мнѣ выпускной воспитанникъ полуклассической гимназіи, и покатилось дѣло, какъ по маслу. Занятія шли легко и свободно. Меня готовили прямо во второй классъ, и я ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что экзаменъ выдержу. Особенно очаровалъ меня латинскій языкъ: въ немъ столько было точности, опредѣленности, звучности. Я по цѣлымъ днямъ декламировалъ: «rana coaxat, agricola serit». Если бъ я зналъ, какое разочарованіе ждало меня въ гимназіи, и какъ всѣ мои иллюзіи о сладости ученья должны были разлетѣться прахомъ!

Къ веснѣ я совершенно былъ приготовленъ къ поступленію, о чемъ мой преподаватель и заявилъ отцу. Отецъ поѣхалъ къ директору съ просьбой, чтобъ меня экзаменовали не въ августѣ, а въ маѣ. Онъ хотѣлъ этимъ доставить мнѣ возможность погулять лѣтомъ и не заниматься во время жаровъ: онъ упустилъ изъ вида, что въ теченіе трехъ съ половиной мѣсяцевъ можно забыть пять латинскихъ склоненій, которыя пока я зналъ твердо.

Директоръ сперва заявилъ, что на это нужно разрѣшеніе попечителя. Потомъ сказалъ, что позволитъ экзаменоваться подъ условіемъ, что я буду полупансіонеромъ. Отцу не особенно нравилось это. Не говоря о томъ, что за полупансіонеровъ вносилось тогда на сто двадцать рублей больше, чѣмъ за приходящихъ, и на эти деньги давали имъ рублей на двѣнадцать книжекъ, нѣсколько тетрадокъ изъ скверной бумаги да кормили отвратительными завтраками и обѣдами,—не говоря уже объ этомъ, отцу было непріятно, что я долженъ былъ съ 9-ти часовъ утра оставаться въ гимназіи до восьми вечера. Онъ не зналъ, что стоило только ему заикнуться о желаніи видѣть меня приходящимъ, и только вносить плату, какъ за полупансіонера, какъ директоръ тотчасъ бы это разрѣшилъ. Узнали объ этомъ слишкомъ поздно, когда мнѣ пришлось уже поплатиться разстроеннымъ здоровьемъ.

Итакъ, я держалъ экзаменъ въ маѣ. Повезла меня на экзаменъ мать. Она наканунѣ съѣздила со мной въ домикъ Петра Великаго,

отслуживъ тамъ молебенъ и заставивъ меня собственноручно поставить свѣчку передъ образомъ, сопровождавшимъ основателя Петербурга въ его походахъ. Вечеромъ, впрочемъ, она едва не каялась въ этомъ: пришли старушки сибирячки и въ голосъ заговорили:

— Охъ, напрасно вы туда ѣздили, надо было у Казанской отслужить молебенъ.

Это очень разстроило мать. Она строго держалась установленныхъ вѣками взглядовъ. У меня надъ кроватью висѣло два образка святыхъ: Іустиніана, который вообще покровительствовалъ дѣтямъ, почему и изображался съ ребенкомъ на рукахъ, и Антонія, который спеціально врачевалъ отъ зубной боли; изображеніе послѣдняго святого было отдѣлано въ гладкую ризу, чтобъ легко можно было класть его подъ подушку, во время зубныхъ страданій. При такихъ воззрѣніяхъ, конечно, мать была огорчена сообщеніемъ старушекъ.

Но она поправила дѣло. Утромъ, передъ экзаменомъ, мы заѣхали въ Казанскій соборъ. Молебна не служили, да и священника еще не было, такъ какъ время было раннее; мы только помолились, поставили свѣчу и покатили въ гимназію.

Экзаменовали меня въ теченіе двухъ дней, такъ какъ не всѣ учителя были сразу налицо. Экзаменовали въ учительской комнатѣ, на диванѣ, экзаменовали хотя и благодушно, но довольно строго. Баллы я по всѣмъ предметамъ получилъ хорошіе, и директоръ, самъ меня экзаменовавшій, похвалилъ:

— И способности есть, и приготовленъ хорошо.

Черезъ полгода ему пришлось совершенно разочароваться во мнѣ.

Мы переѣхали изъ Измайловскаго полка въ центръ города— поближе къ гимназіи. Теперь все лѣто было свободно, и я занялся своимъ любимымъ дѣломъ—чтеніемъ.

У меня дѣтскихъ книгъ совсѣмъ не было. Кромѣ нѣсколькихъ книжонокъ, подаренныхъ матерью въ дѣтскомъ возрастѣ, — вся остальная моя библіотека состояла изъ книгъ, которыя могли бы показаться сухими и скучными для большинства взрослыхъ. Кромѣ томовъ «Вокругъ Свѣта», о которомъ я упоминалъ, тутъ были путешествія Кэна съ сѣверному полюсу, Ливингстона — въ Африку, Аткинсона—въ Сибирь. Большое значеніе имѣло то обстоятельство, что путешествія эти были иллюстрированы.

Съ другой стороны, у меня была библіотека матери. Кромѣ Пушкина и Лермонтова, которыхъ она боготворила, у нея собралась цѣлая коллекція книгъ, вырѣзанныхъ ею изъ журналовъ: особенно изъ «Современника» и «Библіотеки для Чтенія». Тутъ были и переводные романы—Теккерея, Диккенса, Флобера, Жоржъ Зандъ, Тролоппа, Сю, и отечественные авторы: какъ теперь помню «Казаковъ» Толстого, «Столичныхъ родственниковъ» Григоровича,

его же «Школу гостепріимства». Каждая книга была переплетена отдѣльно, и по степени дряхлости или свѣжести переплета можно было судить, насколько она была мною любима, или нелюбима. Были впрочемъ книги, которыхъ чтеніе мнѣ строго было воспрещено; къ нимъ причислялись «Петербургскія трущобы» Крестовскаго, вырѣзанныя изъ «Отечественныхъ Записокъ». Это нисколько мнѣ не мѣшало читать «Лондонскія тайны», миніатюрное пятитомное изданіе съ гравюрами, ставшее теперь рѣдкостью. Памятно мнѣ и крохотное изданіе «Горе отъ ума», гдѣ чья-то невѣдомая рука вписала красными чернилами всѣ цензурные пропуски. Теперь эти чернила поблѣднѣли и еле видны, но тогда я съ особенной жадностью вчитывался въ «запрещенныя строки» въ родѣ:

... весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фрунтѣ и чинахъ,—
Онъ слова умнаго не выговорилъ сроду...

Если бы на экзаменѣ учитель спросилъ меня не некрасовскаго «Школьника», а заставилъ бы прочесть наизусть грибоѣдовскую поэму, я бы это сдѣлалъ съ несравненно большимъ успѣхомъ, такъ какъ въ «Школьникѣ» я запнулся и перепуталъ что-то въ риемахъ—«четвертачекъ» и «на чаекъ». Съ неменьшимъ успѣхомъ я отбарабанилъ бы половину стиховъ Пушкина и Лермонтова или разсказалъ бы про разные способы ловли слоновъ въ Южной Африкѣ.

Но эти знанія были совершенно не нужны для гимназіи.

II.

Лѣто казалось мнѣ безконечнымъ. Я считалъ дни: сколько осталось времени до 15-го августа,—времени начала классовъ. Я рвался къ ученью. Я не могъ забыть тѣхъ шкаповъ съ чучелами животныхъ, что̀ видѣлъ въ залѣ конференціи. Приборы физическаго кабинета представлялись мнѣ прекрасными, таинственными. Я просматривалъ дальнѣйшія страницы латинской грамматики, и меня особенно прельщали историческіе разсказы, носившіе привлекательныя названія въ родѣ «Tres Persarum in Graecos expeditiones». Форма мнѣ была уже сшита, и я не разъ щеголялъ въ ней на улицахъ. Нельзя сказать, чтобъ она отличалась красотою и изяществомъ формъ. Въ шестидесятыхъ годахъ стремились къ «опрощенію», но до блузъ не додумались, а замѣнили мундиры съ красными воротниками—черными пиджаками, которые по формѣ висѣли длиннымъ мѣшкомъ, спускаясь до колѣнъ. На отложномъ воротникѣ были нашиты два лоскута синяго сукна, что̀ обозначало петлицы. Глухой черный жилетъ и военный галстукъ языкомъ замѣнялись у франтоватыхъ учениковъ открытымъ, почти бальнымъ жилетомъ съ манишкой и цвѣтнымъ галстучкомъ. Брюки полага-

лись темносѣрые. Но такъ какъ названіе этого цвѣта не представляетъ ничего опредѣленнаго, то ноги тогдашнихъ гимназистовъ представляли собою удивительное разнообразіе, начиная отъ свѣтло-фіолетоваго и кончая почти чернымъ цвѣтомъ. Иные даже носили панталоны въ клѣтку, и начальствомъ это не возбранялось. Пальто было чернаго сукна, тоже съ синими петлицами, съ черными пуговицами, а на головѣ красовалась фуражка съ синимъ околышемъ и краснымъ (для нашей гимназіи) кантомъ. Форма эта продержалась очень недолго, и съ 1869 года была, при графѣ Толстомъ, замѣнена новой, той, что держится до сихъ поръ, но теперь считается парадной.

Я слишкомъ рано началъ щеголять въ формѣ. Оказалось, что по случаю ремонта зданія классы откроются только въ сентябрѣ. Я изнывалъ и томился. Время было душное, жаркое, городъ весь чистился, красился. Мы переѣхали, чтобъ быть поближе къ гимназіи, въ Разъѣзжую улицу,—и она съ своимъ грохотомъ экипажей, вѣчной толкотней, какъ артерія, соединявшая Ямской рынокъ съ Гостинымъ дворомъ и Апраксинымъ рынкомъ, представлялась моей матери какимъ-то адомъ, и она почти не выходила изъ дома. Да и къ гимназіи и къ будущимъ занятіямъ моимъ она относилась скептически, говоря:

— Богъ знаетъ, что еще будетъ.

Но наконецъ насталъ вожделѣнный день. Отецъ счелъ долгомъ надѣть черный сюртукъ и лично сдать меня на руки директору. Директоръ потрепалъ меня по плечу и сказалъ:

— Учись хорошенько. Поддержи имя твоего дяди. Тебя бы надо отдать не въ нашу гимназію, а въ классическую, чтобъ ты и греческій языкъ изучалъ. Иди наверхъ.

Я отправился наверхъ. Въ огромномъ рекреаціонномъ залѣ стоялъ невообразимый гамъ. Нѣсколько сотъ мальчиковъ говорили, кричали, бѣгали, дрались и пѣли. Старикъ гувернеръ тщетно порывался возстановить порядокъ. На благородный пансіонъ это было похоже очень мало. Не успѣлъ я сдѣлать трехъ шаговъ по паркету залы, какъ меня сбили съ ногъ. Едва я поднялся, какъ былъ сбитъ снова. Кто-то схватилъ меня за ногу и потащилъ въ сторону. Я проѣхалъ бокомъ по желтой мастикѣ. Потомъ вскочилъ на ноги и съ розмаха залѣпилъ кому-то пощечину.

— Новичекъ, новичекъ! что это?—послышалось надо мной увѣщаніе гувернера. — Плохо вы себя рекомендуете. Подите, почиститесь. Какъ ваша фамилія? Я васъ запишу. Такъ нельзя вести себя.

Это былъ мой первый дебютъ. Мнѣ было обидно и больно. Новый пиджачекъ былъ разорванъ; я пытался оправдаться, но гувернеръ, отъ котораго пахло какой-то кислотой, не слушалъ меня, и все повторялъ:

— Стыдно! стыдно!

Потомъ всѣмъ велѣли встать въ пары. Я никого не зналъ и сумрачно стоялъ въ сторонѣ, пока не получилъ приказанія отъ гувернера встать въ длинный хвостъ.

— Мнѣ не съ кѣмъ,—сказалъ я.

— Здѣсь триста пятьдесятъ человѣкъ,—засмѣялся гувернеръ и, поймавъ какую-то стриженую голову съ заячьимъ лицомъ, прибавилъ:

— Вотъ вамъ пара.

Мальчишка сталъ рядомъ со мной, и тотчасъ пустился плясать въ присядку, напѣвая:

— Въ четвергъ я именинникъ, въ четвергъ я именинникъ!..

Стоявшій впереди гимназистъ съ огромной царапиной на лбу спросилъ? меня:

— Вы какого класса? Второго? Чего же вы стоите съ первоклассникомъ. Вонъ!

Онъ повернулся, далъ мальчишкѣ подзатыльникъ, и тотъ, вертясь, какъ волчекъ, вылетѣлъ изъ шеренги. Гувернеръ снова устремился ко мнѣ, но въ это время стеклянныя двери раскрылись, и насъ повели въ церковь. Старикъ священникъ, съ большой бородавкой у носа, проговорилъ всѣ слѣдуемыя молитвы, потомъ снялъ камилавку и сказалъ самымъ равнодушнымъ тономъ проповѣдь. Онъ говорилъ, что такъ какъ насъ отдали сюда учиться, то мы должны учиться; но главное — мы должны слушаться наставниковъ и начальства, потому что они замѣняютъ намъ родителей. Пятая заповѣдь, говоря о почтеніи къ отцу и матери, имѣетъ въ виду косвеннымъ образомъ и директора гимназіи, и гувернеровъ, и духовнаго отца, и педагоговъ. Проповѣди, кажется, никто не повѣрилъ. Потомъ всѣхъ отвели въ большой актовый залъ съ колоннами и портретомъ Александра II въ ярко-красныхъ узкихъ панталонахъ на выпускъ. Тамъ прочли очень скучный годовой отчетъ и затѣмъ объявили, что на сегодня никакихъ больше занятій не будетъ, и можно пойти по домамъ.

Я воротился домой съ яснымъ ощущеніемъ запаха свѣжей краски, которымъ была продушена вся гимназія, да съ болью въ локтѣ. Впрочемъ объ ушибѣ ея ничего не сказалъ, только вынулъ изъ кармана оторванную пуговицу и просилъ пришить. Завтра въ девять часовъ начнутся занятія, и непріятное впечатлѣніе перваго дня уничтожится.

Нашъ классъ представлялъ изъ себя большую высокую комнату, съ двумя досками на возвышеніяхъ, и каѳедрой, на которую вели двѣ ступени. Всѣхъ насъ было болѣе пятидесяти человѣкъ. На только что выкрашенныхъ голубыхъ стѣнахъ висѣли дряхлыя карты Африки и Азіи, до того пожилыя, что по нимъ не было никакой возможности учить. Ни книгъ, ни тетрадей, ни перьевъ

ни у кого не было. Всѣ сидѣли передъ пустыми столами и чего-то ждали.

Но ждать было нечего. Прошелъ и один часъ, и другой, и третій—учителей не приходило. Въ классѣ дѣлалось все душнѣе. Воспитанники «благороднаго пансіона» держали себя болѣе, чѣмъ развязно. Сквернословіе, которому позавидовалъ бы тюремный замокъ, или притонъ бродягъ на Сѣнной площади, такъ стояло въ воздухѣ—«спиралью», какъ говорилъ блаженной памяти И. Ѳ. Горбуновъ. Если бы благовоспитанныя мамаши могли себѣ представить, какія пѣсенки распѣвались ихъ дѣтками, какія фотографическія карточки ходили по рукамъ десятилѣтнихъ мальчиковъ! Пѣсни были самыя отборныя, составляющія любимое достояніе всѣхъ полковыхъ пѣсенниковъ; въ прежнее время отцы командиры весьма поощряли этотъ репертуаръ. Но не всякій солдатъ рѣшился бы ихъ пропѣть и пьяной кумѣ. Удивительнѣе всего было то̀, что классъ помѣщался дверь-о-дверь съ квартирой директора, и оттуда не слышалось никакого протеста.

Звонки аккуратно возвѣщали концы уроковъ. Тогда вся орава выкатывалась въ залу, а сторожа открывали форточки и провѣтривали классъ. Черезъ четверть часа снова загоняли насъ въ прежнее помѣщеніе, и снова раздавались ругательства и пѣсни.

Къ первому часу дня разыгрывались въ молодыхъ желудкахъ аппетиты. Кой у кого появились буттерброды, булки и пирожныя.

— У тебя ѣсть пожрать?—обратился ко мнѣ здоровый, рослый мальчуганъ лѣтъ тринадцати.

— Я полупансіонеръ: буду завтракать въ столовой въ половинѣ перваго.

Мой собесѣдникъ захохоталъ.

— Вотъ болванъ-то! Да ты ѣлъ ли когда нибудь казенный завтракъ? Развѣ его можетъ кто ѣсть, кромѣ гувернеровъ?

И я скоро убѣдился, что только семидесятилѣтній гувернеръ (онъ же — учитель нѣмецкаго языка), давно уже оглохшій, могъ ѣсть ту рисовую кашу, что подавалъ нашъ толстый экономъ на завтраки. Здоровые, голодные молодые желудки, которые могли свободно переваривать, что угодно,—и тѣ не могли видѣть этого риса, аккуратно дважды въ недѣлю разносимаго «дядьками» въ сѣрыхъ фракахъ по столовой. Эти «дядьки» да серебряныя ложки съ вензелями Б. П. (благородный пансіонъ) были послѣдними остатками «аристократическаго» заведенія. Невнимательности ли директора надо приписать тотъ отчаянный «паёкъ» что̀ отпускался на удовлетвореніе нашихъ аппетитовъ, или просто «традиціи» и постоянно напоминаемой пословицѣ о сытомъ брюхѣ, что оно глухо къ ученью,— но только насъ держали, какъ звѣрей въ зоологическомъ саду— вѣчно впроголодь, и возношеніе благодарности передъ образомъ

съ лампадой о «насыщеніи земными благами» звучало нехорошей насмѣшкой.

Послѣ завтрака и обѣда (который былъ не менѣе гнусенъ въ своемъ родѣ) насъ выпускали на дворъ и въ садъ. Вотъ чѣмъ тогда могла похвалиться гимназія! Было мѣсто, гдѣ побѣгать и разгуляться. Теперь часть двора застроена, да и садъ, кажется, уменьшенъ. Но и до сихъ поръ густыя вѣтви вѣковыхъ деревьевъ заманчиво зеленѣютъ изъ-за деревяннаго забора. Ихъ мощная листва перекидывается чуть ли не на другую сторону улицы и даетъ широкую тѣнь. Когда-то посрединѣ сада былъ прудъ, но, послѣ того какъ тамъ кого-то утопили, или кто-то утопился, прудъ былъ засыпанъ.

Послѣ пятичасового сидѣнія въ душныхъ классахъ здѣсь можно было развернуться. Впрочемъ дальше лапты, игры въ котлы да казаковъ-разбойниковъ дѣло не шло. Да и лапту оставили послѣ того, какъ палкой проломили голову сыну инспектора. Въ теченіе восьми лѣтъ, при смѣнѣ цѣлаго ряда директоровъ и инспекторовъ, никто и не подумалъ объ устройствѣ англійскихъ игръ, о каткѣ, о катаньѣ на салазкахъ. Ученики старшихъ классовъ съ презрѣніемъ смотрѣли на забавы младшихъ. А вѣдь и ихъ легко было бы привлечь къ лаунъ-тэннису или футъ-болу.

. . . .

Я уже нѣсколько дней ходилъ въ гимназію. Ко мнѣ никто изъ начальства въ теченіе этихъ дней не обращался ни съ однимъ словомъ. Ни директоръ, ни инспекторъ, ни гувернеръ не обращали на меня никакого вниманія и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, еще не знали моей фамиліи. Скажу больше: я убѣжденъ, что и черезъ пять-шесть лѣтъ было то же: никто изъ начальства не зналъ степени развитія ученика, ни его склонностей, ни его семейнаго положенія. Отецъ крайне изумлялся этому.

— Странно!—говорилъ онъ, шагая по комнатамъ въ халатѣ: — я бы на ихъ мѣстѣ... Я бы, когда пришелъ ко мнѣ со стороны мальчикъ, я бы сказалъ ему: «здравствуй! Ты чьихъ, какой губерніи? Хорошо подготовленъ? А чѣмъ собираешься быть? Что больше всего любишь? Здоровый малый? Сколько гирь вытянешь? А бѣгать мастеръ? А ну-ка я тебя проэкзаменую». Я бы непремѣнно такъ и сказалъ... А у васъ никто ни съ кѣмъ ничего не говоритъ?

— Никто ни съ кѣмъ.

Отецъ пожималъ плечами.

— Не понимаю.

Мать больше интересовалась составомъ воспитанниковъ. Разъ, увидѣвши великовозрастнаго усатаго юношу, съ которымъ я поздоровался въ церкви, она спросила: «А онъ какого класса?» — Когда я сказалъ, что нашего,—она сперва не повѣрила, а потомъ— проговорила:

— Сохрани тебя Господь отъ такихъ товарищей. Да у него уже свои дѣти гимназисты должны быть.

Въ слѣдующее воскресенье она поѣхала со мной въ домикъ Петра Великаго служить молебенъ. Ей чуялось въ гимназіи что-то недоброе.

А недоброе дѣйствительно начиналось. Только три дня я ходилъ въ классы охотно. На четвертый день мнѣ было уже тяжело итти. Я чувствовалъ, что даромъ трачу время, что учителямъ нѣтъ до меня дѣла, что учатъ не тому, чего я ожидалъ. Вмѣсто веселаго совмѣстнаго ученія были формалистика и распущенность, шедшія рука объ руку. Никто на меня не взглянулъ ласково и любовно, никто не улыбнулся. Во входящемъ въ классъ учителѣ я не видѣлъ того друга, котораго привыкъ видѣть сперва въ матери, потомъ въ дядѣ, потомъ въ моихъ учителяхъ-гимназистахъ. Напротивъ, онъ мнѣ казался врагомъ, спеціально призваннымъ меня мучить. Я шелъ въ гимназію какъ будто для того, чтобы отбывать наказаніе, а не для того, чтобы научиться чему нибудь.

Насъ не били, никто не обращался съ нами грубо. Только одинъ священникъ да учитель рисованія, полупьяный старикъ, говорилъ намъ «ты». Остальные учителя были вѣжливы, даже изысканно учтивы. Но отъ этой учтивости было не легче. Весь классъ занимался отвратительно; никто не работалъ съ любовью, никто не хотѣлъ работать ради предмета, — всѣ заботились только объ удовлетворительныхъ отмѣткахъ.

— И тебя не наказываютъ за дурныя отмѣтки? никто ничего не говоритъ?—спрашивалъ отецъ.

— Никто,—никто ничего не говоритъ.

Слѣдовало пожатіе плечъ:

— Не понимаю.

III.

На меня нашло какое-то странное озлобленіе. Я чувствовалъ, что тупѣю, что дальше такъ итти дѣло не можетъ. Особенно «подготовка уроковъ» выводила меня изъ себя.

Мы собирались для этого въ большой, скупо освѣщенной комнатѣ. Тутъ помѣщались пансіонеры и полупансіонеры младшихъ трехъ классовъ. Большинство занималось—чѣмъ хотѣло: гувернеръ сидѣлъ у себя за столикомъ съ романомъ и требовалъ только безусловной тишины. Помочь онъ въ занятіяхъ ничѣмъ не могъ, такъ какъ сомнительно было, чтобъ онъ зналъ хотя бы курсъ перваго класса. Поэтому мальчики читали кто что хотѣлъ — по преимуществу «Швейцарскихъ Робинзоновъ», рисовали, писали роднымъ письма, тихонько разговаривали, хихикали, просились «выйти» и сидѣли по часу въ «умывалкѣ».

Были и такіе, что безотчетно для самихъ себя, совершенно машинально, съ необычайнымъ тщаніемъ готовили уроки. Какъ теперь помню, разъ вечеромъ, сидя на боковой скамьѣ рядомъ съ такимъ аккуратнымъ, гладко причесаннымъ юношей, я не безъ изумленія слѣдилъ за его системой приготовленія уроковъ. Сперва онъ спросилъ у меня, сдѣлалъ ли я задачу на дроби. Потомъ сказалъ, что спишетъ, и списалъ ее въ чистенькую тетрадку, красиво выставляя цифры. Возвращая мнѣ назадъ мою задачу, онъ строго замѣтилъ, что цифру четыре я пишу безобразно, и тутъ же преподалъ мнѣ урокъ каллиграфическаго начертанія цифръ. Потомъ онъ принялся за изученіе священной исторіи. Для этого онъ раскрылъ книгу, и заучивалъ отъ слова до слова обстоятельства Благовѣщенія, хотя священникъ у насъ требовалъ передачи событій своими словами. Когда я спросилъ у него, зачѣмъ же онъ учитъ наизусть, и даже закрываетъ для прочности знанія глаза, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Потому что ты лѣнтяй, и никогда ничего не знаешь.

Покончивъ съ Благовѣщеніемъ, онъ тотчасъ же перешелъ къ заучиванью свойствъ крота, продиктованныхъ учителемъ естественной исторіи,—и тоже наизусть заучилъ съ такимъ же похвальнымъ стараніемъ все сказанное въ классѣ. Овладѣвъ черезъ полчаса кротомъ, онъ принялся за книжечку переводовъ Эмэ Константенъ, гдѣ были помѣщены довольно странныя для упражненія во французскомъ языкѣ фразы, въ родѣ: «Кошка задыхалась въ душной комнатѣ», «Пушкинъ былъ великій поэтъ» и проч. Упрятавъ себѣ въ голову и эти знанія, онъ съ удовольствіемъ потянулся и сказалъ, смотря на меня:

— А ты такъ-таки ничего и не дѣлаешь? Отчего ты такой лѣнтяй? Вотъ сейчасъ будутъ танцы,—я тебя приглашаю визави.

Досидѣвъ до половины восьмого, я уходилъ домой. Я скрывалъ дома, что насъ такъ скверно кормятъ, и притворялся сытымъ: мнѣ было стыдно за гимназію; мнѣ не хотѣлось, чтобы мать еще болѣе безпокоилась обо мнѣ. Мои грязныя руки, вымазанный мѣломъ, пылью и мастикой пиджакъ приводилъ ее въ содроганіе. Я прямо изъ прихожей шелъ къ умывальнику, переодѣвался, и тогда только подходилъ къ столу.

Съ каждымъ днемъ мнѣ становилось все грустнѣе. Точно смутныя сумерки охватывали меня. Я шелъ въ классы, не видя впереди никакого просвѣта.

. . . .

Скучно, томительно, однообразно шли дни ученія. Скверное питаніе, скудное освѣщеніе, запахъ ламповаго масла, отсутствіе теплаго слова, драка, сквернословіе—все изо дня въ день одно и то же, одно и то же.

А между тѣмъ молодымъ головамъ хотѣлось работать. Подъ столомъ, во время уроковъ, у всѣхъ лежали томы Рида, Эмара и Купера. Охотничьи разсказы читались запоемъ, какъ читаются, вѣроятно, подростками и до сихъ поръ. Съ жаднымъ любопытствомъ разсматривались плохія картинки, изображающія индѣйцевъ и какихъ-то животныхъ. Страница проглатывалась за страницей, и воображеніе мальчиковъ уносилось изъ душныхъ стѣнъ класса въ далекіе лѣса Америки.

Я какъ-то гдѣ-то читалъ мнѣніе о томъ, что сочиненія Рида и Эмара безнравственны, что ихъ нельзя давать въ руки юношеству. Въ нихъ, видите ли, не цѣнится человѣческая жизнь, и дикарей рѣжутъ, какъ барановъ. Но этой стороны никто изъ насъ не замѣчалъ: гораздо болѣе цѣнились молодежью благородство и манерная вычурность высшихъ этическихъ началъ у краснокожихъ. Всякій благородный поступокъ блѣдиолицаго или индѣйца заставлялъ мальчика трепетать отъ восторга. Разсказы эти настраивали его на высокій ладъ, прямо-таки на героическій. Подъ вліяніемъ ихъ они всегда готовы были защищать слабаго, душу положить за ближняго, наказать зло и наградить добродѣтель. Книги эти настраивали мальчиковъ къ лѣтнимъ прогулкамъ въ стилѣ американскихъ охотниковъ, къ выслѣживанію по слѣдамъ, переплыванію рѣкъ, лазаньямъ по деревьямъ, скачкамъ на лошадяхъ, перенесенію голода, жары, жажды и холода,—словомъ ко всему тому, что было имъ куда полезнѣе занятій въ промозглыхъ классахъ.

Въ охотничьихъ разсказахъ передъ ними развертывалась картина куда болѣе обширная, чѣмъ та, что рисовалъ передъ ними учитель зоологіи, говоря о кротѣ, бабочкѣ-капустницѣ и коровѣ. И когда дѣтей наказывали за чтеніе постороннихъ книгъ,—которыхъ они даже не имѣли права приносить въ гимназію,—они, отбывая наказаніе, смѣло могли себя считать мучениками: отъ нихъ отбирали единственную возможность самообразованія. Никогда никому изъ учителей и въ голову не приходило пойти съ учениками въ музей академіи наукъ и показать имъ зоологическую коллекцію. Изъ разговоровъ съ моими товарищами я узналъ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ въ Эрмитажѣ, и даже не зналъ о его существованіи. Когда отецъ свелъ меня на «Ревизора» съ Сосницкимъ въ роли городничаго, директоръ, котораго мы встрѣтили въ театрѣ, сказалъ отцу:

— Рановато стали брать его въ театръ,—онъ учится плохо.

— Я думаю,—возразилъ отецъ,—что гоголевскую комедію всегда полезно посмотрѣть, и въ ущербъ знаніямъ это не будетъ.

Директоръ поднялъ брови и сказалъ:

— У каждаго свое мнѣніе. Мнѣ не нравится, когда мои ученики бываютъ въ театрѣ не на праздникахъ.

Въ разговорѣ съ товарищами меня поражало именно то обстоятельство, что они точно свалились съ луны. Дальше «Дѣтскаго міра» они не знали ничего изъ русской литературы. Никакого представленія о Лермонтовѣ, Грибоѣдовѣ, Гоголѣ у нихъ не было. Ихъ никогда не возили ни на одну художественную выставку, и они не знали ни одного имени русскаго художника, хотя многіе декламировали глупѣйшіе стихи про какую-то бурую корову, пляшущую съ микроскопомъ передъ брюловской картиной. Въ театры ихъ тоже не брали, и ихъ знакомство съ драмой ограничивалось посѣщеніемъ балагановъ на масляной недѣлѣ, что̀ считалось необходимымъ для развитія.

Товарищи въ свой чередъ съ удивленіемъ поглядывали на меня, а одинъ даже рѣшилъ, что я все вру, ничего не знаю, и только пускаю пыль въ глаза.

— Учишься ты скверно, ablativus absolutus объяснить на тройку не можешь, а туда же лѣзешь съ разговорами.

Учителя были обо мнѣ еще худшаго мнѣнія. Они меня считали просто тупымъ и неспособнымъ. Что меня нельзя перевести въ слѣдующій классъ,—это было ясно. Только по естественной исторіи, у священника да у учителя рисованія были хорошія отмѣтки,—по остальнымъ были единицы и двойки. Но тутъ на помощь явилось одно неожиданное обстоятельство.

Въ посту я заболѣлъ корью. Шесть недѣль я пролежалъ въ темной комнатѣ. Отецъ воспользовался этимъ и поѣхалъ просить у директора полнаго экзамена въ третій классъ въ августѣ.

— Да пусть его держитъ. Только не выдержитъ. Вѣдь онъ очень плохъ.

Но, къ удивленію учителей, я по всѣмъ предметамъ выдержалъ осенью экзаменъ, какъ нельзя лучше, самъ подготовившись за лѣто.

— Въ прокъ болѣзнь послужила!—удивился директоръ.—Что жъ, я очень радъ.

Но радость директора была непродолжительна.

Новый классъ былъ свѣтлѣе, чѣмъ прежній, въ три окна, залитый солнцемъ. У меня опять явилось желаніе учиться: мнѣ казалось, что съ третьяго класса и начнется настоящее мое воспитаніе. Вдобавокъ начался курсъ новаго предмета, съ новымъ учителемъ—русской исторіи.

Два урока подъ рядъ, ходя по классу, онъ безпрерывно разсказывалъ о древнихъ славянахъ. Моя душа просто прыгала отъ восторга. Я не выдержалъ: въ три вечера отмахалъ оба тома исторіи Водовозова (по которымъ тогда преподавали), а исторію Ивана Грознаго прочелъ даже два раза подъ рядъ... и сразу получилъ нѣсколько единицъ за неприготовленные уроки.

Я сдѣлалъ надъ собою усиліе, началъ кропотливо по вечерамъ сидѣть въ общей залѣ за приготовленіемъ уроковъ. Училъ въ ори-

гиналѣ стихи Гейне, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, кто онъ такой; заучивалъ города въ германскихъ владѣніяхъ и число фабрикъ и заводовъ въ Глазго; затверживалъ тексты изъ катихизиса Филарета, тоже закрывая глаза, какъ мой прилежный товарищъ, что давалъ мнѣ примѣръ добронравія. Учитель естественной исторіи проходилъ на этотъ разъ ботанику, и очень подробно говорилъ объ органахъ размноженія у растеній, а мальчики его стыдили и говорили, что это неприлично. Учитель математики все разсказывалъ объ учетѣ векселей, и я никакъ не могъ понять этого учета, потому что и вексельной-то бумаги никогда не видывалъ. Почти сорокъ лѣтъ прошло съ той поры, и ни разу мнѣ не пришлось примѣнить въ жизни моего знанія по вычисленію сложныхъ процентовъ. Въ задачахъ все время купцы переливали спиртъ, что-то подмѣшивали,—очевидно, плутовали. Рѣзали какую-то штуку сукна; наливали въ бассейнъ изъ двухъ трубъ воду, а изъ третьей выпускали. Все это было такъ намъ чуждо, такъ мы стремились къ инымъ знаніямъ, что опять пошли у всѣхъ двойки и единицы, а я опять оказался гдѣ-то въ послѣднихъ рядахъ несчастныхъ. Только по исторіи я и держался на нѣкоторой высотѣ и не уступалъ въ знаніяхъ товарищамъ.

А дома шла своимъ чередомъ работа. Моя библіотека пополнялась,—и предо мной, при яркомъ свѣтѣ лампы, звенѣли звонки на мулахъ въ горныхъ ущельяхъ, сіяло солнце надъ Палестиной, охотники бились со змѣями въ лѣсныхъ дебряхъ. На ряду съ ними гоголевскіе Иваны Ивановичи и Иваны Никифоровичи, Чичиковы и Маниловы казались близкими знакомыми, только вчера бывшими у насъ. Помню я, какъ, читая съ матерью вслухъ «Мертвыя души», мы находили необычайное сходство Ноздревыхъ и Коробочекъ съ нашими сосѣдями и даже родственниками. Мать иногда даже восклицала:

— Странное дѣло, Гоголь ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ умеръ, очевидно, Петра Ивановича не зналъ совсѣмъ, а написалъ, какъ вылитаго.

Въ гимназіи, когда директоръ увидѣлъ у меня въ портфелѣ «Вечера на хуторѣ», высоко поднялъ брови.

— А ты все съ Гоголемъ. Рано! Ну, да лучше Гоголь, чѣмъ шалости. А только лѣнивъ ты. Не въ дядюшку.

Это «не въ дядюшку» мнѣ повторяли постоянно. «Дядюшка» у насъ лежалъ на этажеркѣ въ видѣ толстенькаго томика «Иліады». Отецъ мнѣ признавался, что, по его мнѣнію, гораздо легче построить любую дорогу, мостъ и домъ, чѣмъ прочесть главу изъ этой поэмы, по крайней мѣрѣ, на его взглядъ. Я самъ одолѣлъ дядинъ переводъ, только уже перейдя въ четвертый классъ, когда мы принялись за изученіе Эллады. Потомъ, когда я въ седьмомъ уже классѣ познакомился съ оригиналомъ (у насъ все-таки ввели

греческій языкъ), мнѣ показались ухищренія почтеннаго Николая Ивановича въ словообразованіи такихъ словъ, какъ «лилейнораменный», «длиннотѣнный», «пышнопоножный»,—очень неудачными.

Когда я передавалъ домашнимъ сомнѣнія директора о моемъ несходствѣ съ дядюшкой, отецъ съ недоумѣніемъ пожималъ плечами.

— Онъ, вѣдь, былъ библіотекаремъ въ Публичной библіотекѣ... До этого, я думаю, ты дойти можешь. А главное—онъ былъ другомъ Пушкина и Крылова: вотъ ужъ этого никакъ ничѣмъ нельзя добиться, потому что ихъ нѣтъ въ живыхъ. Говорятъ, читалъ онъ хорошо, а по-моему скверно. Вонъ и Аксаковъ въ «Хроникѣ» смѣется надъ нимъ. Придворнымъ чтецомъ онъ сумѣлъ сдѣлаться,—это онъ умѣлъ.

— Будь чѣмъ хочешь,—говорила мать,—только не морякомъ. Я такъ боюсь воды; и потомъ, они на три года уходятъ въ кругосвѣтное плаваніе. Ты у меня одинъ, и если любишь — никогда не пойдешь въ моряки. Еще съ мачты свалишься въ воду да утонешь. И потомъ еще объ одномъ попрошу: не будь докторомъ. Хорошихъ докторовъ очень мало; ѣздить по грошевымъ визитамъ что за радость. Кромѣ того, я видѣла, что такое студентъ-медикъ. Когда они на второмъ курсѣ въ препаровочной возятся—къ нимъ не подойти, такой запахъ мертвечиной.

— До моряковъ и докторовъ далеко,—резонно замѣчалъ мнѣ отецъ,—а вотъ перейдетъ ли онъ въ четвертый классъ,—неизвѣстно.

Что по балламъ я не могъ перейти,—это было внѣ всякаго сомнѣнія. Но я зналъ, что если бъ мнѣ дали экзамены въ августѣ, я бы выдержалъ экзамены непремѣнно. И снова, во второй разъ, пришла мнѣ на помощь болѣзнь, но какого-то страннаго характера.

По мѣрѣ того, какъ росла моя апатія къ занятіямъ, я началъ худѣть. У меня появился кашель, стало ломить ноги, я потерялъ аппетитъ. Въ это время мою мать лѣчилъ одинъ полковой врачъ. Меня ему показали. Онъ осмотрѣлъ меня и вдругъ сказалъ:

— У него чахотка.

Мать, какъ теперь помню, поблѣднѣла, а отецъ только руки разставилъ.

— Надо принять немедленно мѣры. Везите его въ Египетъ.

— Въ Египетъ!—воскликнула мать.

— Или въ Алжиръ, словомъ въ Африку. Иначе это кончится плохо, и очень скоро.

Онъ уѣхалъ, оставивъ моихъ родителей въ полномъ отчаяніи. Мать принялась плакать, отецъ сталъ ходить изъ комнаты въ комнату, а я сидѣлъ у камина въ своей маленькой комнатѣ и думалъ:

— А хорошо теперь въ Египтѣ. Пирамиды, фараоны... Фараоновъ, можетъ быть, и нѣтъ, а сфинксы,—вотъ такіе, какъ на Невѣ у академіи. Ибисы, ихневмоны, крокодилы... Хорошо бы ружье ку-

пить да поѣхать на охоту за ними. Потомъ есть еще нильскія лошади...

Мать плакала надо мною и гладила меня по головѣ.

— У тебя и золотухи-то никогда не было,—говорила она,—а онъ придумалъ чахотку!

До поздней ночи мои безпокоились. Наконецъ, часу уже въ двѣнадцатомъ, отецъ вдругъ сказалъ матери:

— Знаешь, что я сдѣлаю: я позову къ намъ Красcовскаго.

— Да вѣдь онъ акушеръ!—воскликнула мать.

— Я знаю, что онъ акушеръ, но вѣдь онъ его принялъ.

Аргументъ былъ вѣскій.

— Онъ не только принялъ, — подтвердила мать: — онъ за сколько времени сказалъ тогда, что я беременна.

— Ну, вотъ видишь! А потомъ,—ты знаешь,—мы всегда съ нимъ были въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ, что онъ не откажетъ, хоть и лейбъ-медикъ. Неужели онъ понимаетъ меньше другихъ докторовъ?

Мысль эта утѣшила мою мать. Она еще немножко поплакала и заснула.

На утро я пошелъ въ гимназію, а отецъ — къ Красcовскому. Моя чахотка и предстоящая поѣздка въ Египетъ нисколько не помѣшали мнѣ получить двойку изъ латинскаго языка. Въ одиннадцать часовъ меня вдругъ, во время перемѣны, вызвали внизъ. Тамъ ждалъ меня отецъ.

— Идемъ домой, сейчасъ будетъ профессоръ,—сказалъ онъ.— Съ директоромъ я уже говорилъ. Онъ отпустилъ тебя.

Черезъ полчаса къ нашему подъѣзду подкатила коляска, запряженная парой рыженькихъ шведокъ. Изъ коляски вылѣзъ усатый господинъ и еще черезъ пять минутъ уже сидѣлъ въ гостиной и весело разговаривалъ съ матерью, которой не видѣлъ лѣтъ десять: съ тѣхъ поръ, какъ «пошелъ въ гору».

Осмотрѣлъ онъ меня, ощупалъ и выстукалъ со всѣхъ сторонъ, и вдругъ сказалъ:

— Странно, у васъ всегда прежде былъ хорошій столъ. Отчего же у него такое скверное питаніе?

Я сказалъ, что завтракаю и обѣдаю въ гимназіи.

— А ну-ка, юноша, разскажите, чѣмъ васъ кормятъ?

Я сталъ разсказывать. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, докторъ морщился все больше и больше, точно онъ во рту чувствовалъ рисовую кашу.

— Первымъ дѣломъ,—сказалъ онъ, выслушавъ меня,—не пускайте его обѣдать въ гимназію. И завтракать пускай бѣгаетъ домой,—здѣсь двѣ минуты перебѣжать улицу.—А потомъ, поѣзжайте въ Ораніенбаумъ и наймите тамъ подъ городомъ дачу. Пусть купается, бѣгаетъ по солнцу и больше ѣстъ.

— А занятія?—боязливо освѣдомилась мать.

— Теперь бы лучше не заниматься... У него развились и малокровіе, и бронхитикъ. Съ первой весной на дачу. Верхомъ бы ему теперь, грести въ лодкѣ, плавать. Бифштексовъ ему побольше, да потолще. А латынь не уйдетъ,—поспѣете еще.

Словно солнцемъ освѣтилъ онъ нашу квартиру. Мать такъ и расцвѣла.

— Значитъ, въ гимназію можно совсѣмъ не ходить?—спросилъ я.

— Нѣтъ, походи еще,—сказалъ отецъ,—только ѣшь дома. Чего баклуши бить? Вѣдь ничего серьезнаго нѣтъ.

Крокодилы и пирамиды отъ меня ускользнули невозвратно. Я искренно пожалѣлъ, что чахотка оказалась недомысліемъ полкового доктора. Когда теперь попадешь въ Египетъ?

Отмѣтки, получаемыя въ классахъ, были все печальнѣе и печальнѣе. Дольше тянуть было нельзя. Если доканчивать курсъ и ходить до Святой въ гимназію,—никакихъ экзаменовъ въ августѣ не дадутъ.

И я съ величайшимъ наслажденіемъ отрясъ прахъ отъ своихъ ногъ, досталъ сочиненія Вуда—«Гнѣзда, норы и логовища», и принялся за изученіе естественныхъ наукъ, мечтая о томъ, какія коллекціи насѣкомыхъ, какіе акваріи и гербаріи заведу я въ Ораніенбаумѣ.

IV.

Погода въ тотъ годъ была убійственная. Дождь шелъ только разъ въ лѣто. Стояла засуха. Солнце, какъ раскаленный уголь, горѣло среди облаковъ торфяного дыма. Подъ Петергофомъ горѣли болота, и воинскія команды рыли канавы и заливали подземный огонь. На солнцѣ было сорокъ градусовъ, въ тѣни—28. Вся трава въ половинѣ іюля сгорѣла, деревья пожелтѣли. Заниматься было тяжело. Только забравшись въ глубь сада, въ тѣнь, можно было продѣлывать превращенія и раздробленія. И я продѣлывалъ все это весьма успѣшно—одинъ, безъ помощи учителя. Но вдругъ громовымъ ударомъ разразилось непріятное извѣстіе. Отецъ, пріѣхавъ изъ города, сказалъ, что видѣлъ директора, и тотъ ему заявилъ, что не можетъ допустить никакихъ экзаменовъ и льготъ для меня, въ виду новыхъ реформъ, что вводятся въ гимназію. И тѣмъ болѣе мнѣ придется оставаться на второй годъ, что съ третьяго класса теперь вводится греческій языкъ. Выйдетъ явное послабленіе, если, воспользовавшись моей «миѳической» болѣзнью, дать мнѣ возможность уйти отъ изученія этого почтеннаго предмета.

— А потому и не привозите его,—сказалъ директоръ.—Годами онъ молодъ для четвертаго класса (мнѣ было двѣнадцать лѣтъ), пусть посидитъ еще годъ въ третьемъ. А чтобъ ему легче училось, я на основаніи новаго правила дамъ ему одну льготу.

Я не особенно горевалъ, тѣмъ болѣе, что меня теперь переводили изъ полупансіонеровъ въ приходящіе. Задачники и грамматики опять были сложены на этажерку и сдѣлались любимымъ мѣстомъ отдохновенія и прогулокъ для мухъ, жуковъ, стрекозъ и кузнечиковъ. У морского побережья я собралъ коллекцію камней, которые мнѣ казались совершенно соотвѣтствующими изображеннымъ въ атласѣ хризолитамъ, агатамъ, опаламъ и калчеданамъ. Собралъ я ихъ пуда полтора; но потомъ пріѣхавшій къ намъ въ гости одинъ знакомый увѣрилъ меня, что это «чистокровные булыжники»; тогда я выбросилъ ихъ въ сосѣднюю канаву, оставивъ себѣ желтый кусокъ отполированнаго мрамора—вѣроятно, обломокъ какого нибудь прессъ-папье, случайно попавшій на дно и выброшенный моремъ.

Конецъ лѣта я провелъ на солнцѣ и почти не вылѣзалъ изъ воды. Сосѣдъ по дачѣ, спеціалистъ по плаванію, получившій какой-то призъ въ Варшавѣ за это искусство, открылъ мнѣ тайны всѣхъ пріемовъ,—и я сталъ нырять, какъ головастикъ. Мать была очень рада: если я пойду даже въ морскую службу, такъ не потону. Чахотки моей, какъ не бывало.

И вотъ снова насталъ учебный годъ. Опять новая комната, такъ какъ для приходящихъ — особое отдѣленіе. Гораздо чище и опрятнѣе: нѣтъ безобразной пансіонерской одежды, нѣтъ толстыхъ несуразныхъ полотняныхъ рукавовъ рубашекъ, служащихъ спеціально для вытиранія чернильныхъ пятенъ. Всѣ одѣты по-человѣчески, вымыты, причесаны, сыты, здоровы, веселы, потому что остаются въ гимназіи до трехъ часовъ, и не кормятся казенными яствами. Приготовленный къ четвертому классу, я ничего не дѣлаю въ третьемъ и получаю хорошія отмѣтки. Греческій языкъ оказывается пріятнымъ. Я хорошо черчу географическія карты и приготовляю преподавателю начерченный на доскѣ мѣломъ по сѣткѣ контуръ Европы для каждаго урока, стараясь особенно кудряво изобразить берега Скандинавіи. Среди преподавателей чувствуется оживленіе: начинаютъ пріѣзжать для контроля изъ министерства попечители, окружные инспектора, товарищи министровъ. Нашимъ классомъ довольны, и все идетъ хорошо.

На смѣну Майнъ-Рида появляется Жюль-Вернъ съ своими фантастическими путешествіями. При первыхъ весеннихъ лучахъ мальчиковъ тянетъ за городъ. Мы бродимъ за Московской заставой, по Невѣ, ходимъ въ Биржевой скверъ, нанимаемъ лодки и ѣздимъ въ Екатерингофъ. Время идетъ весело вплоть до экзаменовъ. Гимназія гдѣ-то въ сторонѣ. Льгота, обѣщанная директоромъ, заключается въ томъ, что мнѣ не позволяютъ учиться нѣмецкому языку. Тщетно я доказываю, что ничего не имѣю противъ него, директоръ неумолимъ.

— У васъ слабое здоровье и плохія способности. Я долженъ васъ освободить отъ одного изъ новѣйшихъ языковъ, чтобы вы всѣ свои силы направили на латинскій и греческій.

И такъ меня и отставили отъ нѣмецкаго, такъ что впослѣдствіи пришлось самому браться за нѣмецкій букварь.

Я въ четвертомъ классѣ. Кромѣ исторіи да отчасти географіи, все остальное навѣваетъ необычайную скуку. Учиться хочется, но учиться нечему. Юлій Цезарь съ своей Галльской войной никакого интереса не представляетъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ насъ не знаютъ, кто такой Юлій Цезарь: мы исторіи Рима еще не проходили. Мы ростемъ, мускулы требуютъ физическихъ упражненій.

Вмѣсто этого изо дня въ день «De bello Gallico».

Я уже сказалъ, что гимназическое начальство конца шестидесятыхъ годовъ смотрѣло съ подозрительнымъ недовѣріемъ на всякія физическія упражненія. Въ нихъ видѣли стремленіе къ шалостямъ и отлыниванье отъ серьезныхъ занятій. Когда первоклассникъ, просидѣвшій три часа въ душномъ классѣ, обрадовавшись, какъ щенокъ, спущенный съ цѣпи, что ему дали свободу,—мчался по коридорамъ и рекреаціоннымъ заламъ, ему степенный гувернеръ внушалъ:

— Фуй, точно уличный мальчикъ!

Начиная съ третьяго класса, бѣганье уже почиталось неприличнымъ дѣломъ, и бѣгущаго тотъ же гувернеръ останавливалъ возгласомъ:

— Что это вы, точно первоклассникъ!

Даже гимнастикой не позволяли заниматься такъ, какъ того хотѣли бы мальчики. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что учитель гимнастики, горбатый, мохнатый человѣкъ, котораго звали «Родимомъ Родимовичемъ», не позволялъ лазать по лѣстницамъ и веревкамъ. На этомъ, конечно, настаивало начальство: оно опасалось, чтобъ мальчики не сорвались сверху и не ушиблись. Занимались больше присѣданіемъ, поднятіямъ кверху рукъ, болтаніемъ ногой, словомъ, той комнатной гимнастикой, которая по своей безсмысленности не имѣетъ ничего равнаго. Когда заставляли прыгать черезъ веревку, — это было блаженствомъ, все-таки хоть разбѣгъ былъ. Но каждому приходилось ждать очереди и прыгать чуть ли не сотымъ. Поэтому все это было скучно, тоскливо, и на все только безплодно тратилось время.

Такое отношеніе къ физическимъ упражненіямъ явилось, какъ реакція, какъ слѣдствіе той военной дисциплины и маршировки, что была заведена Николаемъ I и подверглась остракизму при реформированіи гимназій. Нашъ старикъ священникъ утверждалъ, что Николай Павловичъ именно и ввелъ въ гимназіяхъ шагистику въ силу одного случая, происшедшаго во время майскаго парада съ

воспитанниками нашей гимназіи [1]). Разсказывалъ онъ это событіе такимъ образомъ.

Въ какой-то праздничный день гувернеръ съ нѣсколькими питомцами отправились на прогулку въ Лѣтній садъ. По дорогѣ они увидѣли, что на Марсовомъ полѣ собраны войска, и имъ дѣлаютъ смотръ. Конечно, интересно было посмотрѣть и на войска и на государя. Юноши протолкались впередъ и, благодаря своему форменному платью и присутствію гувернера, добрались до самаго виднаго пункта. Видѣли они все съ своего мѣста прекрасно, но покончилось это зрѣлище печально.

Государь былъ, замѣтно, не въ духѣ. Проѣзжая мимо гимназистовъ, онъ скользнулъ по нимъ внимательнымъ взглядомъ, вдругъ протянулъ руку по направленію одного изъ нихъ и крикнулъ:

— Это что такое? Взять его!

Изъ свиты отдѣлился адъютантъ, подскакалъ къ первому попавшемуся мальчику, перекинулъ его черезъ сѣдло и куда-то умчалъ. Гувернеръ перетрусилъ и кинулся бѣгомъ въ гимназію къ директору. Директоръ тоже перепугался, но никакъ не могъ добиться, за что мальчика взяли, и что онъ сдѣлалъ. Къ вечеру его привезли (фамилія его была, если не ошибаюсь, Медвѣдевъ или Мартыновъ), съ словеснымъ приказаніемъ выдержать трое сутокъ на хлѣбѣ и на водѣ. Конечно, это было немедленно приведено въ исполненіе, но недоумѣніе директора этимъ не разрѣшилось, такъ какъ Мартыновъ рѣшительно не зналъ, въ чемъ заключалась его провинность. Одѣтъ онъ былъ по формѣ, какъ каждый пансіонеръ, и стоялъ очень смиренно. Какъ директоръ его ни допрашивалъ,— ни къ чему допросъ не привелъ.

Между тѣмъ, надо было подать рапортъ объ исполненіи высочайшаго распоряженія. Послѣ долгихъ потугъ директоромъ была найдена формула, долженствовавшая обозначать вину гимназиста: сказано, что онъ подвергся наказанію «за несвоевременное снятіе фуражки». Рапортъ этотъ былъ черезъ министра доложенъ государю, но государь, собственноручно зачеркнувъ «несвоевременное снятіе фуражки», сбоку написалъ: «за то, что стоялъ, какъ бурлакъ». На словахъ тутъ же министру было высказано замѣчаніе, что вообще гимназисты не умѣютъ ходить, стоять и сидѣть, горбятся и косолапы, какъ гуси. Для того, чтобы исправить эту сторону ихъ воспитанія, съ слѣдующаго учебнаго года ввели фронтовыя ученія.

Въ какой бы ужасъ пришелъ императоръ Николай, увидѣвъ насъ, въ широченныхъ пиджакахъ, заморенныхъ пятичасовымъ сидѣньемъ на скамьяхъ! Многіе дѣйствительно были косолапы. Танцовать никто

---

[1]) Помнится, я вскользь разсказалъ про этотъ эпизодъ лѣтъ пятнадцать назадъ въ одномъ изъ фельетоновъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Но больше мнѣ нигдѣ не доводилось о немъ читать. П. Г.

почти не учился, и болѣе половины совсѣмъ танцовать не умѣли, считая это занятіе недостойнымъ нашего высокаго уровня образованія и предоставляя это лицеистамъ и правовѣдамъ. О фехтованіи не было и рѣчи: никто не умѣлъ взять въ руки рапиры. Изъ насъ готовили чиновниковъ, учителей и, въ крайнемъ случаѣ, ученыхъ, а зачѣмъ этимъ людямъ танцы и рапиры?

Когда въ семидесятыхъ годахъ была введена всеобщая воинская повинность, вопросъ о гимнастикѣ и маршировкахъ снова началъ всплывать. Первыми проявившими свою дѣятельность въ этомъ направленіи оказались нѣмецкія училища. Вѣроятно, многіе помнятъ до сихъ поръ, какъ на Невскомъ, у рѣшетки церкви Петра и Павла, собиралось множество зрителей любоваться сценой маршировки подъ барабанъ мужской половины этого училища. Зрѣлище это было тѣмъ болѣе исключительное, что формы въ Петро-Павловской школѣ не полагалось, и молоденькіе нѣмчики и еврейчики маршировали въ самыхъ фантастическихъ одѣяніяхъ, въ какихъ ихъ отпускали расчетливые родители въ школу.

У насъ въ гимназіи тоже вдругъ стали говорить о физическихъ упражненіяхъ. А одинъ преподаватель греческаго языка, чистокровный нѣмецъ, около полугода руководилъ нашей гимнастикой (тоже съ присѣданьями и битьемъ ладонями по ребрамъ) и проявилъ такой талантъ въ этой отрасли знаній, что его даже прозвали «гимнастеромъ». Къ сожалѣнію, онъ портилъ свою репутацію тѣмъ, что читалъ съ нами очень скверно Гомера.

Все это дѣлалось какъ-то помимо высшаго начальства. Я думаю, что вопросъ физическихъ упражненій былъ въ прямой зависимости отъ взгляда директора или инспектора. Министръ Толстой, вводя свою реформу, едва ли думалъ, что исполнители совершенно извратятъ его замыселъ. Я полагаю, что онъ ни одной минуты не хотѣлъ вселить въ юношей отвращеніе къ классикамъ. Но лично самъ онъ не посѣщалъ гимназій. Я помню его всего только одинъ разъ пріѣхавшимъ къ намъ. Онъ самъ сдѣлалъ диктовку въ четвертомъ классѣ (по русскому языку), говорилъ рѣчь о томъ, что изученіе отечественнаго языка первое дѣло, потомъ собралъ всѣ листки съ диктовкой къ себѣ и впослѣдствіи всѣмъ писавшимъ прислалъ въ подарокъ по книгѣ съ своимъ автографомъ.

Латинская поговорка о здоровомъ духѣ въ здоровомъ тѣлѣ оставалась теоріей. Никто не хотѣлъ обратить вниманія на землистый цвѣтъ лицъ мальчиковъ, точно всѣ съ третьяго класса страдали геморроемъ. Развѣ только, когда почему-то въ теченіе мѣсяца думали, что пріѣдетъ государь, и готовились къ его пріему, инспекторъ замѣтилъ:

— Отчего у васъ такой видъ? Точно вы никогда на воздухъ не выходите.

Да, мы точно, не ходили на воздухъ, если не считать прогулокъ въ гимназію и обратно домой.

Инспекторъ очень волновался возможнымъ пріѣздомъ царя. Главное онъ безпокоился тѣмъ обстоятельствомъ, что въ одной гимназіи, когда государь поздоровался съ воспитанниками, они ему отвѣтили:

— Здравствуйте, ваше величество.

Инспекторъ дѣлалъ даже репетиціи. Онъ входилъ въ классъ, здоровался и требовалъ бойкаго и одновременнаго отвѣта всѣмъ классомъ.

Ожиданія оказались напрасными: государь такъ и не пріѣхалъ. Но въ теченіе мѣсяца завтраки были у пансіонеровъ превосходны, такъ что многіе приходящіе покупали въ буфетѣ себѣ бутерброды и пироги на завтракъ.

По поводу заморенности и неповоротливости нашей молодежи мнѣ всегда вспоминается пріѣздъ Виктора Тиссо въ Кіевскій университетъ. Онъ спрашивалъ у своего проводника: гдѣ фехтовальный залъ, гдѣ манежъ, какіе спорты среди студентовъ болѣе развиты? Когда же ему сказали, что никакихъ спортовъ при университетѣ не полагается, онъ спросилъ съ изумленіемъ:

— Неужели и танцевъ нѣтъ?

По крайней мѣрѣ, онъ самъ разсказываетъ объ этихъ впечатлѣніяхъ въ своей книгѣ: «La Russie et les russes».

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

«ВЪ ЛИХОЙ ЧАСЪ».

(Эпизодъ изъ памятнаго дня наводненія 7-го ноября 1824 года).

АННА АНДРЕЕВНА, крѣпкая старушка въ чепцѣ и вязанной душегрѣйкѣ, поставила на столъ круглую корзину, вынула изъ нея мѣшечекъ съ сладкими сухарями, жестяную сахарницу съ замочкомъ, пару чайныхъ чашекъ, кофейникъ и банку съ молотымъ кофе.

Анна Андреевна, — послѣдняя владѣлица маленькаго домика на Большой Разночинной улицѣ, впрочемъ, она проводитъ въ немъ сегодня послѣдній день: она объяснила мнѣ, что городское начальство давно ужъ, очень давно требовало, чтобы домикъ снести долой, какъ опасный для человѣческой жизни; мезонинъ ужъ давно необитаемъ и заколоченъ, а въ нижнемъ этажѣ потолокъ два раза «чуть-чуть не провалился», да все Богъ миловалъ; и окошечки совсѣмъ въ землю вросли!.. Но теперь вдругъ такія строгости отъ начальства пошли, что пришлось наконецъ продать все мѣсто и съ садикомъ, и съ огородикомъ.

— Завтра переѣзжаю на вольную квартиру... и видите, дорогая моя, все у меня уже уложено и упаковано, хоть сейчасъ на подводу! Ужъ извините за безпорядокъ! А все же кофейкомъ я васъ угощу; все у меня тутъ необходимое отложено въ этой корзинѣ... древняя она тоже: еще съ мужемъ, покойникомъ, на Кулербергское гулянье на Ивановъ день мы ее съ провизіей съ собою нашивали... А кофе у меня, ей-Богу, безъ переварки! — шутила маленькая старушка, какъ-то кругло, беззвучно и уютно суетясь около стола.—Да! всего пережито въ домикѣ этомъ — и сладкаго, и горькаго, и дивнаго!..

Пушечный выстрѣлъ прервалъ ея рѣчь: была поздняя осень, вѣтеръ дулъ съ моря, вода въ Невѣ прибывала.

Старушка насторожилась, потомъ набожно перекрестилась и продолжала.

— А дивнѣе не было, какъ то, что̀ съ покойной маменькой моей приключилось въ то великое наводненіе 7-го ноября 1824 года. Мнѣ тогда еще годика не было, но маменька потомъ во всю жизнь свою такъ любила эту исторію разсказывать, что я ее наизусть знаю и все, что и какъ было, точно передъ собою вижу... Да неужели я вамъ этого не разсказала еще? Нѣтъ? Ну, слушайте.

Во-первыхъ, надо вамъ сказать, что бѣда одна никогда не приходитъ, а «пришла бѣда—отворяй ворота!» Папенька мой (а онъ тоже чиновникъ сенатскій былъ, какъ и мужъ покойникъ) имѣлъ слабость «насчетъ рюмаріи»; но какъ былъ онъ необыкновенно доброй души человѣкъ, то его очень любили товарищи и такъ ловко его прикрывали отъ начальства, что все шло очень благополучно, пока не завелся между ними одинъ врагъ, самый опаснѣйшій! Такіе только изъ закадычныхъ друзей происходятъ. И захотѣлъ этотъ человѣкъ, чтобы ему не встрѣчаться съ папенькой въ сенатѣ... потому что очень просто онъ у отца моего, лѣтъ пять до того, сто рублей ассигнаціями выманилъ на свои прожекты (онъ прожектеръ прежде былъ), ну, конечно, взялъ по-пріятельски, безъ всякой расписки; денежки ухнули—и дружба врозь! А тутъ онъ еще наслѣдство вскорѣ получилъ, сейчасъ начальство къ нему больше расположилось, въ гору пошелъ, а у насъ, напротивъ того, нужда, дѣтки—что ни годъ, какъ грибы родятся... Папенька ему какъ-то и напомнилъ: отдайте же, молъ, Савлъ Степанычъ, мнѣ сто-то рублей моихъ; ты въ достаткахъ теперь, а мнѣ ужъ такъ-то кстати бы! Что ты, говоритъ, Андрей Платонычъ! Какіе-такіе сто рублей? Это, говоритъ, тебѣ только отъ лишней рюмаріи пригрезиться могло, что я у тебя занималъ!

А какое тутъ «пригрезиться», когда маменька сама все слышала, какъ онъ это послѣ крестинъ (да онъ еще и кумомъ у насъ былъ!), когда гости всѣ разошлись, къ папенькѣ подольщаться сталъ: «я, молъ, такую штучку изобрѣлъ для раскуриванія трубокъ, что и въ самомъ англійскомъ магазинѣ съ руками оторвутъ, а еще самонакрывающійся дорожный погребецъ для господъ помѣщиковъ тоже изобрѣлъ; надо только съ десятокъ моделей такихъ надѣлать, такъ заказовъ потомъ не оберешься, и сотня ваша вамъ въ самое непродолжительное время втройнѣ вернется».

Маменька еще лежала тогда послѣ родовъ въ большой слабости, вотъ тутъ же рядомъ, вотъ въ этой самой спальнѣ, а они вотъ тутъ, за этимъ самымъ столомъ, и бесѣдовали. А ключи отъ комода у маменьки подъ подушкой находились; и вотъ, видитъ она, папенька въ спальню крадется, думаетъ, она спитъ, да къ постели,

да руку къ ней подъ подушку и цапъ ключи! А маменька отъ слабости и огорченія нисколько даже противодѣйствовать не могла, только слезы по щекамъ въ два ручья бѣгутъ, но при свѣтѣ лампадки папенька ихъ и не примѣтилъ: онъ въ ту минуту на маменьку-то и взглянуть боялся, а прямо въ комодъ, вынулъ тамъ изъ конфектной коробочки послѣдніе сто рублей, что отъ маменькинаго приданаго уцѣлѣли,—взялъ да куму и отдалъ! Ну, и понятно, что послѣ всего этого Савлу Степановичу съ папенькой встрѣчаться на службѣ непріятно было, и онъ подвелъ его передъ начальствомъ «насчетъ рюмаріи». Хотѣлъ только, чтобы его въ другое отдѣленіе перевели, чтобы не встрѣчаться съ нимъ ежедневно, анъ, папенькѣ-то и вовсе отъ службы отказали! Ну, онъ, конечно, пропилъ съ горя теплую шинель, простуду получилъ, слегъ и Богу душу отдалъ.

Осталась маменька сама шеста безъ всякихъ средствъ къ жизни, одно только, что домикъ свой собственный, да въ мезонинѣ жилецъ жилъ, сочинитель, благороднѣйшей души человѣкъ, 15 рублей въ мѣсяцъ за квартиру съ обѣдомъ платилъ; да на бѣду, какъ разъ въ эту пору познакомился онъ съ самыми подозрительными лицами и сочинилъ запрещенную книгу. Его, конечно, въ самое непродолжительное время скрутили и—въ Сибирь!

Тутъ ужъ маменька при всей своей кротости и слабости надѣла въ послѣдній разъ свою лисью шубу и атласный капоръ и пошла въ самый сенатъ, гдѣ Савлъ Степановичъ служилъ, а въ ридикюль съ собой забрала ватную кацавеечку, чтобы, если придется шубу заложить у ростовщика на обратномъ пути, такъ было бы въ чемъ домой вернуться. Вотъ пришла она въ этакомъ отчаянномъ расположеніи въ сенатъ и спрашиваетъ, въ какомъ отдѣленіи засѣдаетъ Савлъ Степановичъ Подсуботинъ. Чиновники, конечно, видятъ—дама молодая, съ манерами, одѣта прилично,—всѣ отъ любопытства собрались вкругъ нея, и Савлъ Степановичъ тоже—ужъ тутъ-какъ тутъ. Она къ нему со всей деликатностью,—такъ и такъ, молъ, мое дѣло вдовье, пятеро сиротъ на рукахъ, не откажите возвратить взятые вами у моего мужа сто рублей. А онъ ей на это: мадамъ, вы ошибаетесь, денегъ отъ супруга вашего я никакихъ не бралъ, и вы можете быть вполнѣ благонадежны, что если бы это и было, какъ вы изволите говорить, то при моемъ капиталѣ и моемъ служебномъ положеніи деньги эти были бы давно при васъ.

А самъ этакъ изогнулся и рукою себѣ повыше груди похлопываетъ, а тамъ у него ужъ орденъ на шеѣ виситъ.

— Но, говоритъ, сострадая вашему несчастному положенію, я могу, говоритъ, въ видѣ пособія...

И полѣзъ въ карманъ и сейчасъ маменькѣ синенькую бумажку протягиваетъ.

Тутъ ужъ не стерпѣла она и, при всей своей деликатной слабости, отчитала его и при чиновникахъ, какъ нельзя лучше, и синенькую, не принявъ въ руку, ногой отшвырнула.

Онъ поднялъ ассигнацію, обдулъ и спряталъ въ свой кошелекъ.

— Передъ нами, говоритъ, дама—явно помѣшанная или пьяная... Эй! сторожа! освободить присутственное мѣсто отъ постороннихъ!

Маменьку подхватили подъ обѣ руки, но она съ неестественной силой вырвалась и прокричала ему такія пророческія слова:

— Знай же ты и помни, душегубъ и сиротскій грабитель: отольются тебѣ сиротскія слезы, и о долгѣ своемъ ты вспомянешь... придетъ и на тебя лихой часъ! Самъ покойникъ за сиротъ своихъ вступится, изъ могилы напомнитъ тебѣ въ лихой твой часъ!

И какъ бы вы думали? Вѣдь точка въ точку такъ и сбылось и въ самое непродолжительное время!

Какъ разъ на третій день послѣ того случилось это самое великое наводненіе 7-го ноября 1824 года.

Нашу и свою жизнь маменька спасла тогда, только вотъ благодаря этому самому мезонину, который развалился теперь, а тогда еще весь домикъ новенькій былъ, крѣпенькій... а многіе сосѣдніе домики, которые постарше,—вода смыла начисто! Много народу въ тотъ день погибло! Мы же, хоть милостью Божьею и не утонули, но голодной смерти могли ожидать.

Когда вода ушла, маменька натаскала дровъ и щепокъ и лому всякаго, что̀ послѣ воды осѣло по улицамъ, и стала растоплять печку, чтобы насъ отогрѣть, а единственную прислугу свою, приданую крѣпостную дѣвушку Домну, послала къ лавочнику на проспектъ—заложить ради чая и булки съ колбасой свое обручальное колечко. Но мокрое дерево въ печи только трещало, мокрые уголья не разгорались въ самоварѣ, а дѣти трясутся и пищатъ отъ холода и голода; сальный огарокъ нагорѣлъ и чуть свѣтитъ; Домна чего-то запропастилась. Сидитъ бѣдная маменька на корточкахъ передъ темной печью и холоднымъ самоваромъ и горькими слезами плачетъ.

Вдругъ заскрипѣли ступеньки деревянной лѣстницы,—кто-то къ намъ въ мезонинъ поднимается спѣшными мужскими шагами... Вотъ распахнулась дверь, и Савлъ Степановичъ входитъ самъ своей особой! Шинель нараспашку, орденъ на шеѣ, и вдругъ передъ маменькой моей на колѣни—бухъ! и въ ноги! и кладетъ передъ нею толстую пачку ассигнацій и столбикъ червонцевъ.

Маменька — ахъ! ахъ! что̀ такое?!—а онъ: простите, говоритъ, меня, матушка, Марья Дмитріевна! Будьте великодушны! простите и примите сіе... примите за долгъ мой эту тысячу цѣлковыхъ, коими я все же не чаю искупить великую вину мою! Примите эту

тысячу, какъ наслѣдство, завѣщанное сиротамъ отъ ихъ покойнаго родителя... Ибо сбылося, матушка, Марья Дмитріевна, все сбылося по вѣщему и праведному слову вашему! Примите эти деньги: такова воля покойнаго.

А на самомъ лица нѣтъ, и весь какъ осиновый листъ дрожитъ.

Маменька видитъ, что тутъ Божіе соизволеніе совершается, простила его и даже разспрашивать не стала его сейчасъ-то, что съ нимъ такое приключилось. А тутъ и Домна вернулась съ чаемъ. Общими силами самоваръ разогрѣли, печь растопили и посадила его маменька за столъ чаемъ обогрѣться.

И вотъ что онъ потомъ разсказалъ ей.

—«Хотя уже въ ночь на сегодня буря была, и изъ пушекъ палили, и на адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари зажглись, и я могъ это видѣть, живя на Гороховой (куда переѣхалъ, когда получилъ наслѣдство), но я не обратилъ на это должнаго вниманія, потому что только и думалъ объ одномъ моемъ неисправномъ должникѣ: какъ бы не пропали мои денежки? и сегодня, чуть свѣтъ, въ седьмомъ часу утра, побѣжалъ къ нему на Васильевскій островъ, въ 17-ю линію: думаю, обернусь до службы и душу свою успокою. Ненастье было страшное, вѣтеръ съ моря, и вся черная въ бѣлыхъ гребняхъ Нева поднялась и была уже въ уровень съ берегами, но я не вернулся, а добѣжалъ въ 17-ю линію, за Средній проспектъ; нашелъ своего должника у постели больного ребенка и еще тутъ задержался, пока не получилъ отъ его жены золотого браслета въ залогъ... Слышу—снова изъ пушки палятъ, выбѣжалъ—вода ужъ на улицѣ по щиколотку и быстро прибываетъ. Я бѣжать припустился, а воду волнами такъ и накатываетъ и глубже и глубже. Добѣжалъ до Большого проспекта—вижу вокругъ себя море воды, и съ ногъ ужъ сшибаетъ меня волной-то,—вода по колѣна. Вижу—домъ деревянный строящійся, срубъ этакій крѣпкій стоитъ съ пустыми окнами и дверьми и ужъ подъ крышу подведенъ, и лѣса кругомъ съ лѣсенкой-стремянкой,—я по лѣстницѣ этой влѣзъ, нашелъ укромное мѣстечко на балкѣ потолочной и примостился, думаю — пережду, пока вода убудетъ. Однако, воды все прибывало, и, при полномъ окоченѣніи моихъ ногъ, пришлось мнѣ тутъ претерпѣть до конца стихійное бѣдствіе. Постройка подо мною вся такъ ходуномъ и ходила, и невозможно было разсчитывать на помощь мятущихся среди волнъ людей, кои всѣ еще въ худшемъ были положеніи, нежели я. Когда стало смеркаться, я услыхалъ—у окна, надъ которымъ я примостился, что-то глухо стукнуло въ стѣну, и снова, и снова стукъ да стукъ! Приглядѣлся я внизъ: огромнѣйшій могильный крестъ приплылъ со Смоленскаго и стучится въ стѣну мою... Смотрю, ужъ онъ въ окошко соваться сталъ... то съ волною

отплыветъ, то опять къ окошку приплыветъ и лѣзетъ въ него, словно живой, только перекладиной задерживается. Вновь отплыветъ, и снова лѣзетъ въ окно. Вотъ раскачнулся на волнѣ и угодилъ весь прямо въ окошко, скользнулъ—и успокоился, и заплескался подъ моими ногами. Нельзя словами выразить, что испыталъ я, что передумалъ и перечувствовалъ за этотъ часъ или два—въ виду этого плещущаго и шевелящагося у моихъ ногъ креста... И главный ужасъ въ томъ, что я при всемъ желаніи не могъ отвести отъ него моихъ глазъ. Я видѣлъ раньше, какъ плыли мимо другіе кресты, и гробы плыли, ныряя, и даже одинъ раскрытый гробъ плылъ и волочилъ за собою выпавшую изъ него и прицѣпившуюся платьемъ покойницу. Но видъ ихъ не былъ для меня столь ужасенъ, какъ видъ этого нашедшаго меня креста. Этотъ крестъ, точно магнитомъ, притягивалъ меня къ себѣ. По смерканіи вода пошла на убыль, и, не сводя глазъ съ креста, я могъ видѣть, какъ онъ опускался все ниже и меня будто тянулъ за собой; тутъ мнѣ стоило большого усилія удержаться и не полетѣть внизъ головой. Голова кружилась, и при пустомъ желудкѣ я чувствовалъ сильную слабость. Наконецъ, какъ ни темно было, но я убѣдился, что вода съ улицъ ушла; только въ моемъ срубѣ задержалась еще вершка на три. Крестъ уже не плескался, а лежалъ спокойно. Пора было слѣзать. Но лѣса и лѣстницу стремянку, по которымъ я сюда забрался, унесло водой. Я догадался размотать длинный шарфъ со своей шеи, связалъ его съ галстукомъ и, прикрѣпивъ однимъ концомъ къ стропилинѣ, другой спустилъ, но спустилъ не наружу, на улицу, а именно въ свой срубъ, къ кресту, и иначе не могъ поступить. Такъ, по шарфу спустился я, спрыгнулъ на полъ, но убѣжать отсюда не могъ... я еще долженъ былъ высѣчь огонь, разжечь фитиль, освѣтить надпись на желѣзной доскѣ, прибитой къ кресту, и прочесть тонкими бѣлыми буквами по черному слова: «Здѣсь успокоился коллежскій совѣтникъ Андрей Платоновичъ Черемухинъ». И знаете ли?—это не удивило меня нисколько. Весь этотъ страшный день я твердо помнилъ ваши слова: «Самъ покойникъ за сиротъ своихъ вступится».... И я зналъ, что это—о н ъ... Давно зналъ! Когда еще первый глухой стукъ въ стѣну раздался, я ужъ былъ увѣренъ, что это—о н ъ... «за сиротъ своихъ... въ лихой часъ ко мнѣ...». И я тогда же еще, сидя на балкѣ, зарокъ далъ: какую сумму наличными деньгами найду у себя въ квартирѣ, ту и вручить вамъ для сиротъ его. Когда я прочелъ надпись, то будто какъ отпускъ получилъ, и будто силъ у меня прибавилось,—съ легкостью необычайной пустился я бѣжать къ своей квартирѣ; нашелъ въ ней все въ порядкѣ, ибо живу въ третьемъ этажѣ каменнаго дома. Въ ящикѣ моего письменнаго стола оказалась сумма въ тысячу рублей, какъ я и предполагалъ,—и вотъ, взявъ эти деньги и только переодѣв-

шись въ сухое платье, я устремился къ вамъ, взявъ для скорости перваго попавшагося извозчика, ибо чувствовалъ, что не обрѣту спокойствія душевнаго, пока не вручу вамъ этихъ денегъ и не получу вашего прощенія.

— Богъ вамъ прости!—отвѣтила маменька,—а я ужъ простила... а только дайте вы мнѣ ваше честное слово, что вернете завтра же золотую браслеточку той матери, у которой ребеночекъ боленъ... Ей, можетъ быть, она на доктора, на лѣкарство пригодится...

И онъ далъ маменькѣ это слово и исполнилъ его.

Старушка умолкла и забылась, предавшись воспоминаніямъ былого или грусти послѣднихъ часовъ въ родномъ домикѣ на Большой Разночинной улицѣ.

Мой извозчикъ, соскучившись ждать меня, постучалъ кнутовищемъ въ низенькое окно.

А. Бизюкина.

СЕМЬ ДНЕЙ ВЪ КОМЕНДАНТСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

I.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда я еще самостоятельно издавалъ и редактировалъ журналъ «Лучъ», помнится, въ ноябрѣ явился ко мнѣ очень приличнаго вида, но нѣсколько озабоченный и взволнованный, штабъ-офицеръ, отрекомендовавшійся полковникомъ Савицкимъ.

Онъ мотивировалъ такъ свой визитъ.

Его мать, тоже вдова полковника, постоянно живущая въ Варшавѣ, подавала прошеніе о пособіи. Случилось это въ лѣтніе мѣсяцы. Не получая отвѣта, она написала сыну, прося узнать о результатахъ ходатайства. По справкамъ, наведеннымъ полковникомъ Савицкимъ въ октябрѣ, оказалось, что пособіе его матери назначено и уже отослано въ Варшаву. Онъ увѣдомилъ объ этомъ мать и направилъ за полученіемъ денегъ въ управленіе варшавскаго оберъ-полицеймейстера, тогда полковника Бутурлина. Далѣе Савицкій разсказалъ, что уже въ ноябрѣ мать написала ему вторично, что была нѣсколько разъ въ управленіи оберъ-полицеймейстера; два раза ей отвѣтили, что никакого пособія ей нѣтъ, а въ третій разъ грубо выпроводили.

— Мало ли васъ тутъ такихъ шляется!—сказали ей.—Будутъ еще всякой пособія выдавать!.. Ничего вамъ нѣтъ—и не будетъ. Нечего и ходить.

Изъ официіальной справки, предъявленной мнѣ Савицкимъ, я увидѣлъ, что деньги отосланы въ Варшаву подлежащимъ учрежденіемъ, болѣе полутора мѣсяца назадъ. Гдѣ же онѣ находились?

— Чего же вы отъ меня желаете?—спрашиваю Савицкаго.

— Напечатайте обо всемъ этомъ. Вѣдь это же возмутительно.

— Обратитесь въ которую нибудь изъ ежедневныхъ газетъ.

— Обращался. Ни одна не рѣшается. Боятся запрещенія розничной продажи по жалобѣ Бутурлина, а вашъ «Лучъ» все равно розницы не имѣетъ и съ этой стороны не уязвимъ. Подумайте: не одна моя мать терпитъ отъ задержекъ денегъ мелкими сошками оберъ-полицеймейстерскаго управленія. Много такихъ... А Бутурлинъ, къ которому обратилась съ жалобой моя мать, и слышать не хочетъ о возможности у него такихъ злоупотребленій.

Доводы полковника Савицкаго показались мнѣ основательными, и я, уступая его просьбамъ, написалъ и въ ближайшемъ номерѣ напечаталъ рѣзкую статью подъ заголовкомъ: «Жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь»...

Статья была, что называется, черезчуръ. Каюсь: такая ужъ у меня манера писать, усвоенная еще во дни сотрудничества въ приснопамятномъ журналѣ Г. Е. Благосвѣтлова «Дѣло». Но я въ виду не имѣлъ украшать Бутурлина (вскорѣ, впрочемъ, уволеннаго) нелестнымъ эпитетомъ, а просто привелъ общеупотребительную пословицу, относя ее къ тѣмъ мелкимъ полицейскимъ сошкамъ, которыя скрывали пособіе.

Въ статьѣ моей говорилось, что по Петровскому указу за сокрытіе царской милости виновнаго полагалось шельмовать: натянуть на деревянную кобылу и бить шелепами [1]). Указъ этотъ не отмѣненъ, но по гуманности, присущей нашей эпохѣ, уже болѣе не примѣняется. «Все же виновнаго въ сокрытіи царской милости,—писалъ я,—шельмовать слѣдуетъ, хотя бы и болѣе современнымъ способомъ; имя его подлежитъ опубликованію на всеобщій позоръ и осужденіе»...

Чрезъ двѣ недѣли Савицкій зашелъ и увѣдомилъ меня, что варшавская полиція вызвала его мать и, съ извиненіями въ задержкѣ, выдала ей деньги. Онъ очень горячо благодарилъ меня за статью, но прибавилъ:

— Кажется, Бутурлинъ подалъ на васъ жалобу.

Не прошло и мѣсяца, какъ я очутился подъ судомъ за диффамацію.

— Почему же не за клевету?—спросятъ.

Потому, что, обвиненный въ клеветѣ, я могъ бы представить письменные документы, очень непріятные для жалобщика.

---

[1]) Шелеповать—измѣненное шельмовать.

На судѣ я защищался самъ. Знакомыхъ адвокатовъ у меня не имѣлось; я никогда не чувствовалъ симпатіи къ этому сословію, за плату охотно представляющему черное бѣлымъ и наоборотъ. Что касается платы денегъ незнакомымъ адвокатамъ, то лишнихъ денегъ у меня не было. О судьбищахъ распространяться не стану. Правосудіе отнеслось ко мнѣ очень снисходительно, приговоривъ всего къ ста рублямъ штрафа, съ замѣною семью днями ареста въ случаѣ несостоятельности. Пока дѣло прошло всѣ инстанціи, минуло нѣсколько лѣтъ. «Лучъ» ускользнулъ изъ моего вѣдѣнія; всѣмъ, кромѣ литературной части, распоряжался покойный уже нынѣ Мих. Мих. Спе—скій, человѣкъ не дурной, но до крайности легкомысленный. За печатаніе журнала я долженъ былъ типографщику Евдокимову (нынѣ за растрату какихъ-то благотворительныхъ суммъ лишенному правъ состоянія) нѣсколько тысячъ. И вотъ С—скій и онъ отобрали у меня изданіе (хозяйственную часть), но редакторомъ я продолжалъ оставаться.

С—скій отказался внести за меня штрафныхъ сто рублей. Онъ божился, что у него такихъ денегъ нѣтъ, и до извѣстной степени это была правда.

Получивъ, какъ замѣнившій меня, широкій кредитъ на бумагу у В. П. Печаткина, онъ взглянулъ на кредитъ съ своей оригинальной точки зрѣнія: сталъ забирать бумагу въ усиленной пропорціи и, постепенно нуждаясь въ деньгахъ, сбывалъ излишекъ по дешевой цѣнѣ жидкамъ типографщикамъ. Кромѣ того, онъ бланкировалъ у Печаткина и еще у кое-кого свои векселя на значительныя суммы въ расчетѣ на грядущую подписку. Продѣлывалось это съ непонятнымъ легкомысліемъ, а что пріобрѣталось, тратилось безъ дальнихъ думъ. С—скій частенько сидѣлъ безъ гроша. Подписка на «Лучъ» была все еще не дурна. Куда же дѣвались деньги?

Я уже сказалъ, что С—скій былъ легкомысленъ. Онъ занималъ большую квартиру на Невскомъ; пышно меблировалъ ее; наставилъ въ кабинетѣ чучелъ и какихъ-то горшковъ, за которые платилъ по сто и болѣе рублей; спальня у него была обита персидскими шалями и, какъ у кокотки, уставлена полдюжиной огромныхъ зеркалъ. Имѣлъ онъ двухъ секретарей и собственный, обильно снабженный винами и ликерами погребъ. Кажется, онъ содержалъ одновременно чуть ли не трехъ подругъ жизни, а у подъѣзда помѣщенія редакціи постоянно дежурили или рысакъ или щегольская коляска. Около него толклась цѣлая фаланга прихвостней, наталкивавшая слабохарактернаго человѣка на нелѣпыя траты и пользовавшаяся при этомъ.

На мои представленія, что такіе порядки могутъ плохо кончиться, жуиръ только отшучивался и увѣрялъ, что у него, какъ нѣкогда у французскаго генерала Трошю, имѣется «свой» планъ, и

все отлично устроится. Относительно уплаты за меня 100 рублей штрафныхъ онъ успокаивалъ меня, говоря, что торопиться не къ чему.

— Подойдетъ подписка, получу деньги—и заплачу.

Что за типъ былъ въ сущности этотъ С—скій, лучше всего даетъ понятіе слѣдующій инцидентъ.

Онъ не былъ литераторомъ, и, конечно, въ литературномъ мірѣ его никто не зналъ. На юбилеѣ «Петербургскаго Листка», явившись въ литературную семью, онъ, расфранченный, надушенный и даже слегка подмалеванный, съ орденомъ на шеѣ и въ шикарномъ фракѣ, взиралъ на скромную братію свысока и возбудилъ любопытство:

— Кто это такой?—спрашивали.—Писатель?!

— Да, писатель.

— Что же онъ пишетъ?

— Векселя...

Теперь немало такихъ писателей, но тогда онъ былъ почти «уника», и шутка возбудила общій смѣхъ.

II.

Былъ очень прескверный осенній день. Жилъ я на Моховой, въ меблированныхъ комнатахъ—пріютѣ цирковыхъ артистовъ; въ одномъ изъ своихъ романовъ я и описалъ эти комнаты очень типичныя. Обстоятельства мои тогда были тѣсныя и скверныя. Жаль было «Луча», мною основаннаго, моими трудами достигшаго довольно широкой извѣстности, и вотъ, вотъ готоваго погаснуть, и, что еще хуже, въ немъ уже работали, несмотря на мои протесты, несимпатичныя мнѣ личности: нѣкій Гейнце, М. Майковъ и разныя дамы, явно заимствовавшія свои романы и повѣсти изъ иностранныхъ литературъ. Тогда плагіатъ не успѣлъ еще войти въ домашній обиходъ писателей извѣстной марки.

— Къ тебѣ пришелъ околоточный,—сказала мнѣ жена, отворяя дверь кабинета.

— Околоточный! А зачѣмъ?

— Не знаю. Принесъ какую-то бумагу.

Бумага оказалась приглашеніемъ пристава пожаловать къ нему для объясненій по важному дѣлу.

Надѣваю пальто и иду.

— Ты поторопись вернуться. Пора обѣдать,—говоритъ мнѣ жена на прощаніе.

— Вернусь черезъ полчаса. До участка десять шаговъ.

По губамъ околоточнаго надзирателя мелькнула загадочная улыбка. Но я не обратилъ на это вниманія.

Въ участкѣ приставъ проситъ обождать въ особой комнатѣ. Жду. Хочу спросить, долго ли мнѣ еще ждать. Пытаюсь отворить дверь—заперта.

— Что бы это значило? Неужели я подъ арестомъ?

Время было тревожное. Все можно было предполагать. Но я напрасно ломаю голову, усиливаясь дознать причину моего внезапнаго ареста. О приговорѣ суда къ штрафу въ 100 рублей (не уплаченному) и о замѣнѣ его арестомъ на гауптвахтѣ по дѣлу Бутурлина я давнымъ давно забылъ. Со дня перваго судебнаго рѣшенія прошло болѣе двухъ лѣтъ.

Проходитъ часъ, сижу взаперти и томлюсь неизвѣстностію. Наконецъ дверь отворилась; вошелъ приставъ.

— За что вы меня арестовали?—спрашиваю.

— А это вамъ скажутъ тамъ, куда я васъ сейчасъ отошлю,—отвѣчаетъ онъ.

— Куда же вы меня отошлете?

— Въ комендантское управленіе.

Часъ отъ часу не легче.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, зайти домой, взять вещи и успокоить жену.

— Не могу. Изъ комендантскаго управленія письмо напишете. Тамъ это въ правѣ разрѣшить, а я не могу.

Меня взорвало.

— Человѣкъ вѣдь вы?—спрашиваю его.—Не предупредивъ, вы завлекли меня сюда. У меня больная жена... Что она теперь переноситъ? И за что все это?

Улыбнулся только приставъ и пожалъ плечами.

Очутился въ канцеляріи комендантскаго управленія—большой свѣтлой комнатѣ, наполненной писарями. Здѣсь совсѣмъ инымъ духомъ вѣяло, и не было никакой таинственности.

Можно судить, какое волненіе я испытывалъ, пока везъ меня околоточный, подозрительно наблюдавшій, чтобы я какъ нибудь не улизнулъ, пока въ канцеляріи комендантскаго управленія раскрыли мнѣ тайну ареста.

Тогдашнія горькія впечатлѣнія улетучились, и теперь становится даже смѣшно, когда вспомнишь тогдашніе мои страхи. Но, сидя въ закрытомъ экипажѣ съ угрюмымъ бутаремъ, отмалчивавшимся на всѣ мои вопросы, и перебирая свои воспоминанія, въ тщетныхъ поискахъ открыть причины ареста, я страдалъ и физически и нравственно, боялся за близкихъ мнѣ людей, боялся за то, что вотъ они останутся безъ средствъ, лишась моихъ заработковъ, если арестъ мой будетъ продолжителенъ . . . .

. . . .

— Васъ арестовали по приговору суда, по дѣлу Бутурлина, и вы у насъ просидите всего семь сутокъ,—улыбаясь сказалъ мнѣ молодой офицеръ, младшій сынъ бывшаго военнаго министра Ванновскаго, служившій тогда, кажется, плацъ-адъютантомъ.

— Только-то!—и я вздохнулъ свободно.

— А можно мнѣ послать отсюда съ письмомъ кого нибудь?—спрашиваю.

— Отчего же нельзя? Пишите.

— Письмо мое предварительно отсылки будутъ читать?

— Ни въ какомъ случаѣ. Пишите, что хотите.

— Я редактирую журналъ. Кромѣ жены, свиданье съ которой прошу мнѣ разрѣшить, еще мнѣ необходимо видаться съ секретаремъ редакціи. Можно это устроить?

— А вотъ я о вашей просьбѣ сейчасъ доложу коменданту, генералу А—ну.

Офицеръ вернулся и объявилъ, что комендантъ разрѣшилъ съ женой два свиданья въ день и одно съ секретаремъ редакціи.

— Васъ посадятъ, такъ приказалъ генералъ А—нъ, въ тотъ самый номеръ, въ которомъ нѣкогда содержался арестованный Лермонтовъ. У насъ этотъ номеръ такъ и называется литераторскимъ,—добавилъ плацъ-адъютантъ и передалъ меня унтеръ-офицеру для водворенія по назначенію.

III.

Номеръ, въ которомъ содержался Лермонтовъ, и въ который меня посадили, былъ довольно большой комнатой съ однимъ окномъ, выходившимъ на дворъ, но не прямо, а на балкончикъ—въ родѣ галлерейки, окружавшей всѣ флигеля комендантскаго управленія, кромѣ высокаго, мрачнаго зданія напротивъ моего окна; въ этомъ флигелѣ всѣ окна были съ желѣзными рѣшетками. У единственныхъ дверей внизу стояла карета тоже съ окошками, закрытыми рѣшетками. Я глядѣлъ съ любопытствомъ, ожидая, что будетъ. Съ обѣихъ сторонъ отъ дверецъ экипажа до входа стали рядами солдаты; кого-то высадили и торопливо протолкнули въ дверь. Дверь заперлась, карета уѣхала, и дворъ опустѣлъ.

Никто не ходилъ по этому двору; нигдѣ не было даже признаковъ, что здѣсь люди живутъ. Сумерки сгустились; пошелъ дождь, издали только доносился глухой гулъ городской ѣзды. Но этотъ гулъ казался такимъ далекимъ, точно исходилъ совсѣмъ изъ другого міра.

На сердцѣ у меня сдѣлалось очень тяжело.

Осматриваю свой номеръ. Высокій потолокъ, довольно таки закоптѣлый; обои грязные, на нихъ нацарапаны надписи все больше ругательныя; въ углу узкая желѣзная кровать съ тощимъ тюфяч-

комъ и не совсѣмъ чистымъ тканьевымъ одѣяломъ. Возлѣ окна простой столъ, выдвинувъ ящикъ котораго я увидѣлъ миріады тараканов. По бокамъ стола стояли два стула изъ такъ называемой дачной мебели—и больше ничего. Дверь заперта. Въ ней прорѣзано оконце, и вставленъ въ прорѣзь фонарикъ. Фонарикъ зажгли, было уже темно, и свѣтъ его падалъ прямо на изголовье кровати. Плохая лампа, которую усатый и очень грязный солдатъ-служитель поставилъ на столъ, больше чадила, чѣмъ свѣтила.

— Послѣ десяти часовъ вечера мы ее уберемъ,—предупредилъ онъ меня.—Ночью держать огонь строго воспрещено.

За дверями, мѣрно и звучно топая, ходитъ часовой и каждыя десять-пятнадцать минутъ заглядываетъ въ оконце: что дѣлаетъ арестованный и не скрылся ли?

Тишина. Гдѣ-то поблизости переговариваются солдаты, и звенятъ ружья. Тоскливо и даже жутко дѣлается среди тюремнаго безмолвія и мрака, понемногу окутывающаго углы комнаты. Улегся я было спать, но заснуть не могъ.

— Что-то теперь обо мнѣ думаетъ жена? Дознилась ли она, гдѣ я и за что арестованъ?—думая такъ, напрасно жмурилъ я глаза; опасенія не давали успокоиться. Къ тому же проклятый фонарь свѣтилъ прямо въ глаза. Попробовалъ было я закутать голову одѣяломъ—не помогало, да и отъ одѣяла пахло чѣмъ-то сквернымъ. Пришлось отбросить его прочь подальше. Всю первую ночь заключенія я проворочался съ боку на бокъ. Какія-то необыкновенно крупныя блохи кусали меня; странныя, горячечныя мысли лѣзли въ голову; мыши бѣгали галопомъ изъ угла въ уголъ, пищали, дрались... Очевидно, и между ними, какъ между людьми, миръ исключеніе, а война—общее правило. Около полуночи раздался страшный шумъ. Въ коридорѣ слышались ругательства, сдавленные вопли; что-то тяжелое, упиравшееся, волокли... Сосѣдняя дверь отворилась; еще нѣсколько минутъ слышался шумъ, и наконецъ все утихло.

Вскочивъ съ постели, я подбѣжалъ къ оконцу въ дверяхъ, пытаясь заглянуть, и встрѣтилъ физіономію часового, заглядывавшаго ко мнѣ.

— Что это такое?—спрашиваю.—Кто кричалъ?

Часовой отходитъ, не отвѣчая.

Какъ длинно, безконечно длинно тянулась ночь!

— Кого это привезли?—думалось мнѣ.—Сопротивлялся, кричалъ, волокли... Какія драмы совершаются тутъ?

Проходивъ по комнатѣ до утомленья, я отворилъ форточку и высунулъ голову въ окно. На галлереѣ шагахъ въ десяти стоялъ часовой съ ружьемъ.

— Эге, да тутъ крѣпко!—подумалъ я.

Городская ѣзда совсѣмъ прекратилась. Это былъ тотъ мертвый часъ, когда притихаетъ и неугомонный Петербургъ. Наконецъ

разсвѣло. Явился служитель-солдатъ и принесъ чайникъ съ кипяткомъ.

— Нельзя ли получить самоваръ? Мнѣ надо купить чая, сахара, булокъ.

— Можно. Его превосходительство все это арестованнымъ разрѣшилъ.

— Кого это привезли сегодня ночью?

— Казака какого-то привезли.

— Кричалъ онъ, волокли его. Ты не знаешь, за что онъ арестованъ?

— Намъ это неизвѣстно. Спросите у полковника плацъ-майора. Они къ вамъ сегодня зайдутъ.

Но плацъ-майоръ ко мнѣ не зашелъ. И вообще во всѣ дни моего пребыванія въ комендантскомъ управленіи я его не видалъ.

Около двѣнадцати часовъ изъ окна увидалъ я мою жену, торопливо бѣжавшую по галлерейкѣ. Послышались голоса: ефрейтора! Зазвенѣли ружья. Кто-то крикнулъ: пропустить! и жена, въ слезахъ, красная отъ испуга, влетѣла въ мою камеру и долго не могла слова сказать отъ волненія. До вечера она не знала, гдѣ я. Въ участкѣ, куда она ходила, г. приставъ не вышелъ, а околоточный заявилъ:

У насъ вашъ супругъ болѣе не содержится.

— Гдѣ же онъ? куда отправленъ?

— Не въ правѣ сообщить. Своевременно васъ увѣдомятъ...

Очень характерно это «своевременно васъ увѣдомятъ», куда дѣвался дорогой вамъ человѣкъ, сказанное женщинѣ, потерявшей голову отъ отчаянія.

Слушая эти скорбныя повѣствованія, я никакъ тогда не могъ взять въ толкъ, да и теперь не понимаю, зачѣмъ въ участкѣ понадобились всѣ эти таинственности въ дѣлѣ моего ареста.

— Я бы просто не пережила ночи,—говорила мнѣ жена,—не зная, куда тебя увезли. Къ счастію, загадка разъяснилась: заѣхавъ къ сестрѣ Во—битъ, нашла я у нея Катерину Павловну С—кую, двоюродную сестру Ванновскаго (нынѣ уже покойную), нарочно посѣтившую В—битъ, чтобы сказать ей, что племянникъ ея, возвратясь со службы, передавалъ объ арестѣ редактора «Луча» за диффамацію на семь сутокъ.

Разумѣется, жена сейчасъ же поѣхала въ комендантское управленіе, но былъ уже десятый часъ, и ея не впустили.

Боже мой! сколько тутъ незаслуженной муки и ненужныхъ тревогъ!

Въ этотъ день я кое-какъ устроился въ моемъ заключеніи. Постель, подушки и одѣяло мнѣ доставили изъ дома; за обѣдомъ разрѣшено было посылать въ трактиръ.

— Если прикажете, могу и водки принесть. Запрещено это, но для васъ постараюсь,—умильно улыбаясь, предложилъ мнѣ солдатъ-служитель.

— Нѣтъ, не надо. Я водки не пью.

Онъ удивленными глазами посмотрѣлъ на меня.

— А табаку прикажете? Это тоже запрещено, но ничего—пронесу.

— Благодарствуй. Я не курю.

Служитель ушелъ разочарованный.

Въ два часа пополудни пришелъ секретарь редакціи и сообщилъ, что Михаилъ Михаиловичъ (С—скій) очень огорчился моимъ арестомъ, хотѣлъ сейчасъ же внести сто рублей, но денегъ не приняли, сказали, что уже теперь поздно...

Еще принесъ онъ мнѣ для просмотра романъ г. Г—це...

Замѣчательно бездарный писака! Ни одной живой сцены на протяженіи ста съ чѣмъ-то листовъ мелко исписанной рукописи.

Присланныя мнѣ книги были пропущены безъ осмотра.

Самое непріятное были формальности, строго соблюдавшіяся при впускѣ посѣтителей: всякій разъ слышались крики: ефрейтора! звенѣли ружья, раздавался откликъ: «пропустить»,—и посѣтитель проскользалъ въ камеру и напуганный и разсерженный.

Въ восемь часовъ всѣ посѣтители ушли. Я сѣлъ писать.

Весь день двери камеръ не запирались. Арестованные могли посѣщать другъ друга, не выходя впрочемъ изъ коридора, о чемъ мнѣ предупредительно сообщилъ служитель. Но, разумѣется, итти къ незнакомымъ людямъ, занимавшимъ сосѣднія камеры, у меня не было ни малѣйшей охоты.

Незадолго до запора дверей моей камеры послышался стукъ: кто-то забарабанилъ пальцами. Вошелъ высокій, тучный казакъ офицеръ. Это былъ настоящій гигантъ, съ плечами шириною въ косую сажень. На головѣ топорщился цѣлый стогъ черныхъ, всклоченныхъ волосъ. Красно багровое лицо, большой носъ фіолетоваго оттѣнка и маленькіе воспаленные глаза дополняли портретъ. Говорилъ онъ хрипло, такъ называемымъ пьянымъ басомъ. Гость оглянулъ меня и произнесъ:

— Здравствуйте! вы, господинъ, и будете литераторъ?

— Я редактирую журналъ. Пожалуйста, присядьте.

— Сяду-съ. Не безпокойтесь. Мнѣ такъ и сказали: здѣсь сидитъ литераторъ, я и зашелъ. Погляжу, думаю, какой такой литераторъ? Скучно одному, батенька, торчать въ этой западнѣ.

— Побесѣдуемъ въ такомъ случаѣ.

— Гм!... побесѣдуемъ. А предварительно надо бы того...

Казакъ при этомъ подмигнулъ мнѣ.

— Чего это «того»?

— Водки. Понимаете: водки. Какой, однако, вы не догадливый, а еще литераторъ.

— Нѣтъ у меня водки. Не пью.

— Не пьете?! Да полно скромничать: навѣрное выпиваете?

— Не пью, говорю вамъ.

— Странно, очень странно. Литераторъ—и не пьетъ. Мнѣ сказывали: всѣ литераторы пьютъ, не хуже нашего брата военнаго.

Казакъ, молча, просидѣлъ съ минуту и, улыбаясь, дружески трепля меня по колѣнкѣ, сказалъ:

— Пошлите за водкою.

— Не могу. Это запрещено. Отчего вы сами не пошлете?

— Приказано строго-настрого мнѣ не давать водки. Такъ я ничего—человѣкъ, а какъ выпью—буяню. Не пить, одначе, мнѣ невозможно. Подъ грудью вотъ тутъ сосетъ. Змѣй водочный у меня и сосетъ за сердце.

— Какіе пустяки вы разсказываете!

— Вы не вѣрите? Ну, да вы—литераторъ. Литераторы, сказываютъ, и въ Бога не вѣруютъ.

— За что вы попали сюда?—спрашиваю.

— А чортъ ихъ знаетъ, за что посадили?

— Это васъ привезли вчера, въ третьемъ часу ночи? Еще шумъ былъ...

— Коли шумъ былъ, значитъ—меня. А за что арестовали, вамъ не скажу. Поѣхалъ я гулять за городъ. Ну, всеконечно, пили и шумѣли. Какого-то штафирку я точно билъ, полицейскому тоже досталось — не суйся. А дальше, что случилось не упомню. Сегодня просыпаюсь: ба! знакомое мѣсто. Я уже тутъ разъ сидѣлъ. Чувствую: во рту точно эскадронъ ночевалъ—мерзостно и засосало. Водки бы выпить. Мнѣ и говорятъ: рядомъ литераторъ сидитъ. У него навѣрное водка есть.

Я и пришелъ къ вамъ.

— Очень жаль, но водки у меня нѣтъ.

— Такъ таки совсѣмъ нѣтъ?

— Такъ таки совсѣмъ нѣтъ.

— И не спосылаете за водкою? Видите: главное денегъ у меня нѣтъ, но когда я выйду—не сомнѣвайтесь, щедро вознагражу васъ. Слово честнаго офицера.

Казакъ порядочно начиналъ надоѣдать мнѣ.

— Не въ деньгахъ, говорю, дѣло. Но не могу я способствовать покупкѣ вина. Вотъ вы сами сознаетесь: какъ выпьете, можете буянить. Я попаду въ отвѣтъ.

— Странно, очень странно и даже не благородно,—въ раздумьѣ проговорилъ казакъ и поднялся уходить.

— Куда же вы?

— А водки не будетъ?

— Нѣтъ, водки не будетъ. Чаю, если хотите, велю подать?

— Безъ рому вашъ чай?

— Безъ рому, съ булками.

Казакъ плюнулъ съ презрѣніемъ и, не поклонившись, вышелъ.

IV.

Страшная тоска овладѣваетъ мною. Особенно невыносимо долго тянутся вечера. Читать трудно при свѣтѣ казенной лампы, да и ту въ десять часовъ уносятъ. Камера освѣщается только лампочкою, поставленной въ прорѣзи дверей. Какъ тутъ читать?

Чтобы убить время, ходишь въ полумракѣ изъ угла въ уголъ, до тѣхъ поръ ходишь, пока наконецъ теряешь представленіе о времени и мѣстѣ, въ которомъ находишься. Въ головѣ какой-то хаосъ. Событія жизни проходятъ безконечною, пестрою вереницею. Я ли, не я ли во всемъ этомъ участвовалъ? Какъ будто и не я... кто-то другой. Мучительно, до слезъ болѣзненно желается вернуть это прошлое. Гдѣ теперь затерянные, погибшіе, близкіе сердцу люди? Чаще всего я раздумываю о событіяхъ 1863 года и о моемъ участіи въ этихъ событіяхъ. Тогда было за что попасть въ одиночную камеру, однако вотъ не попалъ. А теперь—чортъ знаетъ за что—сижу. Бутурлинъ уволенъ, значитъ, я писалъ про него правдиво; жуиръ Спер—скій пожалѣлъ ста рублей, и меня засадили.

— Напиться развѣ?—приходило мнѣ не разъ въ голову въ тяжелые часы моихъ ночныхъ томленій.—Напиться и заснуть. Проклятая лампочка въ дверяхъ, выжигающая глаза, тогда пьяному не помѣшаетъ спать. Служитель-солдатъ мигомъ доставитъ водку. Казаку онъ таки доставилъ живительную влагу и взялъ съ него, за неимѣніемъ у казака наличныхъ, расписку. Напиться развѣ?

Я, однако, устоялъ отъ соблазна.

Днемъ въ камеру зашелъ ко мнѣ котъ, большой, толстый сѣрый Васька. Какъ я обрадовался и приласкалъ его! Все же товарищъ молчаливый, ласковый... Чего еще? Оставилъ кота ночевать; думалъ: напугаетъ мышей. Ничуть не бывало: мурлыча, онъ проспалъ всю ночь на столѣ, а мыши продолжали эскадронами бѣгать по камерѣ. Онѣ пищали, топали, дрались и добирались до остатковъ съѣстного, а жирный Васька, равнодушный ко всему, только изрѣдка открывалъ свои желтые глаза; прослѣдитъ лѣниво за убѣгающею мышью и снова невозмутимо дремлетъ.

Подражая его благоразумію, я тоже рѣшилъ быть равнодушнымъ ко всему и ждать терпѣливо исхода роковой недѣли ареста.

Кажется, на четвертый день заключенія, вставъ поутру, увидѣлъ я, что солнце ярко свѣтило въ окно; виднѣется синее небо, и гулъ жизни большого города ясно доносится чрезъ открытую форточку. Захотѣлось, мучительно захотѣлось глотка свѣжаго воздуха. Подумалъ: отчего бы мнѣ могли отказать въ разрѣшеніи выйти погулять, хотя бы только на галлерейку? Надо попробовать попроситься.

Написалъ письмо на имя коменданта и передалъ служителю для передачи. Отвѣтъ пришелъ не милостивый: нельзя допускать

арестованныхъ гулять по галлереѣ... Пусть литераторъ сидитъ въ камерѣ и глупостей не выдумываетъ.

— Такъ и сказали: пусть глупостей не выдумываетъ?—спрашиваю.

— Такъ и сказать изволили, а письмо разорвали.

Какія же это глупости—пожелать глотокъ чистаго воздуха?

На пятый день зашелъ самъ генералъ А—онъ, высокій, сухощавый, очень благообразный, но очевидно чѣмъ-то возстановленный противъ литературы вообще, а, можетъ быть, и противъ меня спеціально. Войдя, онъ не поклонился, а, продолжая начатый разговоръ, осмотрѣлъ камеру и проговорилъ:

— Просторъ, чистота, воздуху много... Чего еще захотѣлось? Какія тутъ прогулки? Коли засадили—и отсиди. Не правда ли?

Сопровождавшій генерала офицеръ подтвердилъ:

— Точно такъ, ваше превосходительство.

Очевидно, вся эта реплика относилась къ моей просьбѣ: дозволить прогулку по галлереѣ.

Собираясь уходить, А—нъ подмигнулъ мнѣ насмѣшливо и спросилъ:

— А что, господинъ литераторъ, довольны вы здѣсь, въ комендантскомъ управленіи, своимъ мѣстомъ?

— Доволенъ, отвѣчаю. Но все же не настолько, насколько ваше превосходительство довольны здѣсь своимъ.

Лицо генерала покрылось краскою. Онъ произнесъ нѣсколько разъ: а! а! и ушелъ.

Больше этого начальства я уже не видалъ. Ночью пріѣзжало и осматривало камеры заключенныхъ другое начальство. Кто такой пріѣзжалъ—не могъ дознаться. Со свитою нѣсколькихъ человѣкъ начальство это ходило по камерамъ, дошло до моей двери.

— Тутъ кто сидитъ?—послышался громкій вопросъ.

Послѣдовалъ докладъ вполголоса:

— Литераторъ за пасквили...

Еще что-то было добавлено къ моему кондуитному списку.

— А ну его къ чорту!—проговорилъ сердитый голосъ. И начальство меня не посѣтило.

Самое тяжелое время для меня были седьмыя сутки. Ахъ, какъ хотѣлось вырваться поскорѣе! Вѣроятно, за мой нелюбезный отвѣтъ А—нъ не разрѣшилъ въ этотъ день допустить ко мнѣ посѣтителей: ни жена, ни секретарь не явились. Прошелъ часъ свиданій—и никого. Сердце защемила тоска. Спрашиваю служителя о причинѣ. Наклоняется къ уху и конфиденціально сообщаетъ.

— Разсердили вы генерала. Не приказалъ къ вамъ пущать съ воли... И за обѣдомъ тоже не велѣно ходить. Пусть литераторъ, говорилъ мнѣ генералъ, ѣстъ, что даютъ другимъ. Не велика птица.

Но обѣдъ, хотя и вечеромъ, былъ мнѣ, однако, доставленъ.

Медленно тянулся день. Мнѣ вспомнилось выраженіе поэта: день потерялъ свой конецъ... Да, по временамъ казалось, что и мой послѣдній день заключенія навѣрное потерялъ свой конецъ. Прочелъ всѣ газеты, даже иностранные отдѣлы ихъ, отъ доски до доски; прочелъ корреспонденціи, въ которыхъ обличались разные думскіе и земскіе дѣятели разныхъ Царевосанчурсковъ и Нахичеваней, проштудировалъ фельетонъ Буренина, избивающаго литературныхъ младенцевъ,— и вдругъ мнѣ пришло въ голову: не сидѣлъ ли онъ когда либо въ одиночномъ заключеніи, и не отъ того ли такъ озлобленъ талантливый писатель?

Я самъ чувствовалъ такіе приливы злости, какихъ не ощущалъ ни прежде, ни послѣ во всю мою жизнь.

Опять зашелъ казакъ. Онъ оказался немного подъ шофе. Не то, чтобъ очень пьянъ, а такъ—веселъ безконечно... Съ нимъ притащился какой-то субъектъ, тоже, должно быть, военный и тоже не совсѣмъ трезвый.

— Литераторъ, хотите, сыграемъ въ карты?—предложилъ казакъ.

— Въ карты? да развѣ здѣсь можно? И картъ нѣтъ.

— Эге! поглядите-ка: а это что?

И казакъ вытащилъ колоду картъ изъ кармана своихъ широчайшихъ шароваръ.

Но я отъ игры съ пьяными рѣшительно отказался.

— Начальство узнаетъ,—говорю.—Нельзя.

— И пусть узнаетъ. Что оно, напримѣръ, со мною сдѣлаетъ? Отберетъ карты... наплевать: другія достанемъ. Спроситъ у меня, кто передалъ карты. Отвѣчу: ангелъ ночью принесъ, сжалился надъ скучающимъ человѣкомъ... Можетъ, не вѣришь, а мнѣ опять одно: наплевать. Скука сидѣть такъ-то, голубчикъ литераторъ. И что это за кара такая, этотъ арестъ: поскучай и только. Ну, я поскучаю и опять за прежнее, чтобы прогнать скуку. Водки мы добыли вотъ съ нимъ... Это—Васюкъ...

Казакъ ткнулъ при этомъ пальцемъ въ грудь своего товарища и продолжалъ:

— Рекомендую: отличный человѣкъ. Васюкъ сидитъ здѣсь уже третій мѣсяцъ. Тамъ у него въ казенномъ сундукѣ недочетъ оказался... мыши завелись. Вы не вѣрите, что бы мыши могли перегрызть билеты? Какъ честный офицеръ, ручаюсь: могли.

Пьяный казакъ при этомъ выпучилъ на меня свои глаза. Еще минута, и онъ впалъ бы въ азартъ. Но, къ счастію, этого не случилось.

— Играемъ что ли? Штосикъ заложу, или вы, пожалуй, закладывайте. Васюкъ свирѣпо понтируетъ.

— Не буду играть. Никогда не игралъ.

— Попробуйте. Начинающимъ всегда чортовски везетъ. Ну, голубчикъ, не упрямься: закладывай маленькій банчишка—такъ отъ скуки, рубликовъ пятокъ... Знаю: деньги имѣете. А?

— Отъ скуки я дамъ вамъ книгъ. Читайте.

— Читать! это ваши сказки-то читать? Много благодаренъ.

Въ голосѣ говорившаго послышалась даже нотка обиды.

— Я и въ школѣ читать не любилъ, а теперь... Ну, ихъ къ чорту, ваши книги! Такъ что ли, Васюкъ?

Васюкъ подтвердилъ, что это именно такъ.

Посѣтители ушли.

Стемнѣло. Лампы долго не подавали. Ходилъ, думалъ и злился. Вечеромъ попробовалъ читать, писать, даже стихи пытался сочинять—и все не удавалось.

— И какъ вы, баринъ, мучитесь!—пожалѣлъ меня служитель.— Угораздило же васъ попасть въ комендантское! На гауптвахтѣ много вольготнѣй.

— Чѣмъ же тамъ вольготнѣй?

— Помилуйте: общество есть. Здѣсь вѣдь какіе сидятъ? Сами видѣли. А тамъ за легкія провинности все больше посажены. Потомъ—караульный офицеръ, благородный баринъ... За чѣмъ хотите спосылать можно, а у насъ—строгости.

— Водку казаку ты, однако, проносишь.

Онъ засмѣялся.

— Никакъ ему невозможно безъ водки. Привыкъ съ младенчества, можно сказать. Змѣй водочный у него внутри, самъ сказывалъ. И бѣда, коли не дать ему выпить. Заболѣетъ такой, сразу заболѣетъ. Въ чахотку вдарится, какой ни на есть здоровенный. Табакъ опять же... Безъ этого зелья, кто привыкъ, не вытерпитъ. Вотъ даже тѣмъ табакъ потихоньку проносятъ...

И солдатъ указалъ на корпусъ напротивъ, окна котораго были съ желѣзными рѣшетками.

— Кто тамъ сидитъ?—спрашиваю.

— Подслѣдственные тамъ сидятъ. За важныя провинности посажены. Вотъ вы томитесь. Семь дней—не великъ срокъ. И что у насъ за строгости? А тамъ такъ строгонько. Не приведи Господь и попасть...

Я долго смотрѣлъ на окна таинственнаго корпуса. Вездѣ было темно, только въ одномъ верхнемъ окошкѣ мерцалъ огонекъ. Сквозь частую рѣшетку мнѣ померещилась даже чья-то тѣнь.

— Кто тамъ сидитъ?—думалось.—Сидитъ и томится и смотритъ на огонекъ моей лампы, какъ я смотрю на его огонекъ. Меня завтра выпустятъ, а онъ останется... У него навѣрное есть близкіе: жена, дѣти, любимая особа, и отъ всего-то онъ отрѣзанъ. Сидитъ и, когда освободится,—не вѣдаетъ.

Страшное положеніе.

Въ наши дни въ модѣ тенденція упразднить всѣ наказанія, кромѣ тюремнаго заключенія. И это якобы вызвано гуманностію. Да развѣ тюрьма — гуманна? Какъ ее ни облагораживай, все же

тюрьма. Негра какъ ни мой, бѣлымъ не будетъ. Такова и тюрьма. Немного въ ней гуманности. По мнѣ, одиночное заключеніе для развитого, мыслящаго человѣка—самое ужасное, самое безчеловѣчное наказаніе. Въ благоустроенной тюрьмѣ даже спать не дозволяютъ больше положеннаго. Вредно!—говорятъ. А думать, думать и не имѣть права забыться во снѣ—это развѣ не вредно?!

Сопоставимъ смертную казнь и долговременное одиночное заключеніе. Смертная казнь легче. Смерть — ужасное мгновеніе; тюрьма — ужасные годы. Каторга, работы въ шахтахъ—и одиночная камера. И тутъ каторжная казарма является степенью легче. Каторжниковъ только за провинности сажаютъ въ одиночную камеру. Прочтите «Мертвый домъ» Достоевскаго... А наши юристы вообразили, что они весьма милосердны, осуждая человѣка сидѣть мѣсяцы, годы одиноко со своими мыслями. Тюрьма, арестъ для крестьянина, простого человѣка тяжелѣе розогъ и гораздо болѣе деморализируютъ. Тюрьма пріучаетъ его, рабочаго человѣка, ничего не дѣлать. Тѣлесное наказаніе, не спорю, унижаетъ. Но тюрьма накладываетъ несмываемое пятно.

Всю ночь мнѣ опять не удалось уснуть.

Отъ скуки сталъ слѣдить за крысами.

Онѣ очень смѣлы. Когда я нахожусь въ дальнемъ углу, безцеремонно влѣзаютъ на столъ, грызутъ хлѣбъ и прочее. Вотъ взобралась большая, толстая, старая крыса. Шерсть на ней вылѣзла мѣстами, очень безобразна, но глаза умные, зорко смотрятъ. Я не двигаюсь, и она послѣ небольшого колебанія рѣшаетъ: опасности нѣтъ, можно заняться ѣдой. Грызетъ... Пріостановится, посмотритъ на меня и опять грызетъ. Голодна... За старой крысой взобрались мышата. Пискъ, драка изъ-за добычи. Одинъ мышонокъ укушенный свалился и долго, жалобно пищалъ. Еще и еще появляются крысы и мышата. И сколько же ихъ! Грызутъ, что подвернется, съ ожесточеніемъ.

Прошла ночь. Наступило утро. До освобожденія остается всего нѣсколько часовъ. Принесли газеты... Богъ съ ними: даже строкъ не разбираю.

— Кушайте, баринъ, чай. Съ освобожденіемъ поздравляю,—говоритъ служитель.

Но чай остается не тронутымъ: не до него. Сердце бьется усиленно; слѣжу за стрѣлкою часовъ: какъ будто и не подвигается. Даю солдату рубль и велю сбѣгать узнать, нѣтъ ли кого, ожидающаго меня въ пріемной.

— Нѣтъ, говоритъ, никого нѣтъ.

Значитъ, еще рано. Просовываетъ голову казакъ.

— А вы на свободу?—спрашиваетъ.

— Да, сегодня срокъ.

— Поздравляю. Мнѣ выходить на волю еще не скоро. Одолжи, литераторъ, рубликовъ пятокъ.

Даю съ охотою.

— Возвратить обѣщаюсь: порукою слово, какъ честный офицеръ.

За казакомъ приходитъ несчастный Васюкъ.

Онъ не рѣшается просить, но глядитъ такъ жалобно.

— Не осталось ли у васъ неравно табаку или чаю, сахару? Уступите человѣку въ несчастіи.

Даю ему все, что онъ проситъ, и вдобавокъ три рубля.

Служитель солдатъ очень обиженъ. Все это онъ считалъ своею неотъемлемою добычею. Но онъ свободенъ и зарабатываетъ, «пронося» запрещенное, они—узники. Кто бы они ни были, какіе бы ни были плохіе люди,—узники стóятъ сочувствія.

Бьетъ двѣнадцать.

Я совсѣмъ готовъ, одѣтъ и жду.

Звенятъ ружья, слышится знакомое: «ефрейтора! пропустить»,— и я въ пріемной.

Жена вывела меня на улицу. Дождикъ, вѣтеръ, сумрачно, недовольная толпа прохожихъ; но я не хочу сѣсть на извозчика, не хочу ѣхать домой; иду пѣшкомъ и не вправо къ Симеоновскому мосту, а на Невскій.

Страстно хочется пройтись на волѣ.

Да, господа, тюрьма—жестокое наказаніе.

С. С. Окрейцъ.

ВОСПОМИНАНІЯ НѢМЕЦКАГО МУЗЫКАНТА О М. А. БАКУНИНѢ[1].

Все, что я могу сообщить о Михаилѣ Бакунинѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ указаній, которыя, конечно, могутъ касаться только близкихъ дружескихъ отношеній, существовавшихъ между нами много лѣтъ. Эта дружба была основана на чистотѣ идей, которой онъ, по моему мнѣнію, руководствовался въ своихъ политическихъ дѣлахъ, а я—въ музыкальныхъ. Вслѣдствіе этого намъ никогда не приходило въ голову спрашивать другъ друга о нашихъ личныхъ дѣлахъ; поэтому я не въ состояніи дать никакихъ поясненій о томъ, какія отношенія онъ поддерживалъ съ семьей и отечествомъ, которыя онъ рано покинулъ. Вспоминая признанія, которыя рѣдко вырывались у него, я могу только сказать, что онъ питалъ къ своему отцу безграничное уваженіе и любовь, а къ матери чувствовалъ такое сильное отвращеніе, которое, по его собственнымъ словамъ, доходило даже до ненависти. Онъ не былъ въ хорошихъ

---

[1]) Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны двѣ статьи о Бакунинѣ: «Воспоминаніе» о немъ Мечникова (1897 г., мартъ) и «Бѣгство его изъ Сибири» В. Глинскаго (1898 г., мартъ). Въ дополненіе къ названнымъ статьямъ сообщаю еще воспоминанія о Бакунинѣ, не лишенныя, по моему мнѣнію, интереса. Авторъ настоящихъ воспоминаній—довольно извѣстный музыкантъ Адольфъ Рейхель, директоръ Бернской консерваторіи. Онъ былъ женатъ на М. К. Эрнъ (о которой часто упоминается въ перепискѣ Герцена), получившей воспитаніе въ Москвѣ на средства отца Герцена и выѣхавшей вмѣстѣ съ семьей А. И. Герцена за границу. Рейхель былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Герцена, а также съ Бакунинымъ и Прудономъ. В. Батуринскій.

отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ братьевъ и сестеръ, кромѣ брата Павла, который былъ моложе его, и сестры Татьяны, къ которой онъ проникся прочной и сердечной симпатіей.

Въ 1842 году, одинъ общій знакомый представилъ мнѣ трехъ молодыхъ русскихъ, которые всѣ три поразили меня своимъ необычайнымъ ростомъ. Это были Михаилъ и Павелъ Бакунины и Иванъ Тургеневъ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ такую извѣстность своими замѣчательными романами. Михаилъ Бакунинъ скоро сумѣлъ увлекательной силой своей рѣчи завоевать мою симпатію и симпатію моей старшей сестры. Когда вскорѣ послѣ того Тургеневъ и Павелъ Бакунинъ возвратились въ Россію, Михаилъ предпочелъ продолжать свое пребываніе за границей.

Бакунинъ, который былъ тогда красивымъ молодымъ человѣкомъ, не могъ не производить своимъ блестяще одареннымъ умомъ сильнаго впечатлѣнія на людей, которые горячо противились его взглядамъ, тогда уже открыто революціоннымъ, и Германія вскорѣ сдѣлалась для него страной настолько опасной, что онъ счелъ за лучшее не оставаться долѣе въ Дрезденѣ, а уйти на свободную почву Швейцаріи; тамъ, сперва въ Цюрихѣ, потомъ въ Бернѣ, онъ могъ разсчитывать на безопасное убѣжище. Незадолго до его выѣзда (это было въ 1843 г.) я имѣлъ случай присутствовать у него на собраніи, въ которомъ участвовало нѣсколько молодыхъ нѣмцевъ, и тамъ, въ числѣ прочихъ, я познакомился съ Арнольдомъ Руге, издателемъ «Halle'sche Jahrbücher», гдѣ Бакунинъ помѣстилъ свою статью, главнымъ пунктомъ которой являлись слова: «духъ разрушенія есть творческій духъ» [1]).

---

[1]) Рейхель, очевидно, имѣетъ въ виду статью Бакунина «О реакціи въ Германіи», напечатанную подъ именемъ Jules Elizard: Die Reaction in Deutschland (Fragment eines Franzosen), въ №№ 247—251 «Halle'sche Jahrbücher». Рейхель не совсѣмъ точно цитируетъ «центральную» фразу статьи Бакунина. Бакунинъ говоритъ не о «духѣ разрушенія», а о страсти: «страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ и творческая страсть» (Die Lust der Zerstörung ist zugleich eine shaffende Lust). Статья Бакунина произвела сильное впечатлѣніе въ тогдашнихъ русскихъ кружкахъ, интересовавшихся нѣмецкой философіей. Герценъ, не знавшій, что статья принадлежитъ Бакунину, слѣдующимъ образомъ отмѣчаетъ ее въ своемъ дневникѣ (1843 г., янв. 7)... «Статья J. Elizard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. Это чуть ли не первый французъ, понявшій Гегеля и германское мышленіе... Вся статья отъ доски до доски замѣчательна». Вскорѣ Герценъ, узнавши объ авторствѣ Бакунина, записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Вѣсть объ Jules Elizard. Онъ умомъ дошелъ до того, чтобы выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ». (Сочин. Герцена, т. I, стр. 70—71, 82). Очевидно, ту же статью Бакунина имѣлъ въ виду Бѣлинскій, писавшій въ 1842 г. Боткину о «Мишелѣ» Бакунинѣ, съ которымъ онъ разстался въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ: «До меня дошли хорошіе слухи о М(ишел)ѣ, и я написалъ ему письмо!.. М(ишел)ь во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа» (Невѣденскій, «Катковъ и его время», стр. 94). В. Б.

Какъ странно должны были звучать подобныя изреченія для меня, замкнутаго въ моей музыкальной области, занятаго скорѣе сохраненіемъ пріобрѣтеннаго блага, чѣмъ уничтоженіемъ предполагаемаго зла, въ то время какъ мнѣ на этомъ собраніи предсказывали близкую, огромную всеобщую революцію, послѣ которой карта Европы долженствовала представлять совершенно новый видъ. Но возбужденные голоса гостей покрывали слабыя возраженія музыканта-консерватора, и онъ ограничился тѣмъ, что заключилъ пари съ Бакунинымъ, который утверждалъ, что въ теченіе пяти лѣтъ весь политическій строй Европы подвергнется полному измѣненію. Это пари было проиграно обѣими сторонами, хотя черезъ пять лѣтъ послѣ того и была произведена революція въ Парижѣ. Слишкомъ ясно чувствовалось съ самаго ея начала, что для ея успѣха необходимы болѣе продолжительныя измѣненія и болѣе жестокія столкновенія, чѣмъ тѣ, какія происходили во время трехдневнаго мятежа. Теперь всякій знаетъ, что вмѣстѣ съ политическими интересами выступали на первый планъ и соціальные, которыхъ не могутъ уладить ни войны, ни договоры, которые могутъ быть удовлетворены только путемъ природы (?) и воспитанія.

Бакунинъ нашелъ, при своемъ прибытіи въ Швейцарію, зародыши коммунистическаго движенія, и его подстрекало присоединиться къ нему лично и направлять, какъ можно лучше, революціонныя начинанія. Послѣ недолгой разлуки мы встрѣтились осенью 1843 года въ Женевѣ, и, быстро объѣхавъ Швейцарію черезъ Шамуни, Сенъ-Бернаръ, Гримзель, Фурну и т. д., проживши нѣкоторое время надъ Женевскимъ озеромъ, мы было собирались поселиться на болѣе продолжительное время въ Бернѣ, но русскій посланникъ въ Бернѣ потребовалъ, чтобы Бакунинъ возвратился въ Россію. Имѣя нѣкоторыя основанія предполагать, что его поѣздка на родину можетъ окончиться не вполнѣ благополучно, Бакунинъ предпочелъ поискать другого мѣстожительства и послѣ нѣкотораго размышленія остановился на Бельгіи. Такъ какъ наша дружеская связь стала еще крѣпче вслѣдствіе нашего общаго путешествія, Бакунинъ и я направились вмѣстѣ въ половинѣ марта 1844 года въ Брюссель, гдѣ мы нашли обильную пищу: онъ—для своихъ революціонныхъ интересовъ, я—для музыкальныхъ. Такъ какъ Брюссель находится почти на дорогѣ изъ Москвы въ Парижъ, то Бакунину случалось время отъ времени видѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей, которые, хотя и рѣдко раздѣляли его крайніе взгляды, но очень хорошо понимали, что его положеніе изгнанника—не изъ пріятныхъ. Бакунинъ дѣятельно поддерживалъ отношенія съ польскими эмигрантами въ Брюсселѣ (изъ всѣхъ ихъ наиболѣе интересовалъ его профессоръ Лелевель).

По приглашенію одного московскаго друга, весной 1844 года, онъ ѣздилъ не надолго въ Парижъ и возвратился оттуда такимъ

возбужденнымъ отъ впечатлѣній, которыя произвело на него могучее оживленіе парижскаго населенія, что онъ легко опровергъ мои сужденія по этому вопросу, и я наконецъ, хотя и съ отвращеніемъ, далъ себя убѣдить поселиться тамъ, по крайней мѣрѣ, на время празднествъ въ честь іюльскихъ дней; впрочемъ, я еще не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Но возможный разрывъ нашей тѣсной дружбы былъ предупрежденъ, какъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ и уступчивостью моего характера, и вскорѣ я нашелъ въ Парижѣ занятіе, подходящее и производительное для моей музыкальной дѣятельности, такъ что пятнадцать дней, которые я обѣщалъ провести въ этомъ городѣ, обратились почти въ пятнадцать лѣтъ.

До этихъ поръ Бакунинъ занимался страстно ожидаемой имъ революціей скорѣе теоретическимъ и спекулятивнымъ образомъ, но въ Парижѣ онъ не только нашелъ подходящій случай присоединиться дѣятельно къ мѣстнымъ революціоннымъ элементамъ (въ чемъ ему помогало блестящее знаніе французскаго языка и личное близкое знакомство съ редакторомъ «National», Марастомъ), но и былъ поощренъ къ дальнѣйшему развитію своихъ нравственныхъ силъ для того, чтобы принять участіе въ имѣвшихъ наступить событіяхъ. Онъ все съ большимъ увлеченіемъ занимался изученіемъ французскихъ революціонныхъ движеній, увлекался словами и дѣйствіями государственныхъ людей, которые направляли эти движенія или погибли въ нихъ; это давало мнѣ часто поводъ подшучивать надъ его «вѣчной» книгой о революціи, которую онъ писалъ каждый день, чтобъ никогда не кончить. При нашихъ все болѣе и болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ у насъ было много пунктовъ разногласій; взрывъ, къ которому фатально должны были привести разрушительныя идеи, былъ слишкомъ далекъ отъ моего мирнаго образа мыслей, и я не могъ, подобно Бакунину, говорить съ восхищеніемъ объ этихъ вопросахъ. Однако, я не хотѣлъ, да и не могъ противорѣчить его симпатіямъ. Эти симпатіи направлялись къ измѣненію не только политическаго, но и общественнаго строя. Самъ Прудонъ, бросившій въ своей книгѣ о собственности перчатку буржуазіи, не пренебрегалъ совѣтами и мнѣніями русскаго гегельянца [1]).

---

[1]) Къ этому періоду жизни Бакунина относятся слѣдующія строки въ воспоминаніяхъ Герцена (Герценъ, Сочиненія, IX, 52): «Я встрѣчалъ Прудона раза два у Бакунина, съ которымъ онъ былъ очень близокъ. Бакунинъ жилъ тогда съ А. Рейхелемъ въ чрезвычайно скромной квартирѣ за Сеной, въ Rue de Bourgogne. Прудонъ часто приходилъ туда слушать Рейхелева Бетховена и Бакунинскаго Гегеля,—философскіе споры длились дольше симфоній. Они напоминали знаменитыя восточныя бдѣнія Бакунина съ Хомяковымъ у Чаадаева, у Елагиной, о томъ же Гегелѣ. Въ 1847 году Карлъ Фохтъ, жившій тоже въ Rue de Bourgogne и тоже часто посѣщавшій Рейхеля и Баку-

Послѣ рѣчи, открыто произнесенной въ одномъ собраніи польскихъ эмигрантовъ, Бакунину было запрещено дальнѣйшее пребываніе во Франціи [1]), и Гизо съ тѣмъ большей готовностью передалъ это приказаніе Бакунину, что мѣстная оппозиція причинила ему уже достаточно непріятностей, и онъ съ трудомъ переносилъ присутствіе безпокойныхъ иностранцевъ. Бакунинъ возвратился въ Брюссель, куда къ нему легко могли доходить слухи и новости о всѣхъ парижскихъ событіяхъ; и когда въ февралѣ слѣдующаго года произошла въ Парижѣ революція, я встрѣтилъ его на другой же день утромъ среди самыхъ возбужденныхъ монтаньяровъ, въ одномъ погребкѣ въ Сенъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Восторженный характеръ русскаго эмигранта совсѣмъ былъ не по душѣ сверженному французскому правительству, но и новое временное правительство Французской республики настолько не было склонно предпринимать что либо съ нимъ вмѣстѣ, что сочло за лучшій способъ избавиться отъ него, пославъ его неофиціально въ Берлинъ, думая, что его пламенныя рѣчи помогутъ пропагандѣ революціи среди тамошнихъ революціонныхъ кружковъ [2]). Дѣйствительно, онъ завелъ тамъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣятельныя сношенія въ Вальдекомъ и его товарищами; я не знаю, принималъ ли онъ дѣятельное участіе въ берлинскомъ возстаніи, но его

нина, наскучивъ какъ-то вечеромъ слушать безконечные споры о феноменологіи, отправился спать. На другой день утромъ онъ зашелъ за Рейхелемъ; имъ обоимъ надо было итти въ Jardin des Plantes: его удивилъ, несмотря на ранній часъ, разговоръ въ кабинетѣ Бакунина; онъ пріотворилъ дверь,—Прудонъ и Бакунинъ сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ передъ потухшимъ каминомъ и оканчивали въ краткихъ словахъ начатый вчера споръ». В. В.

[1]) Рейхель имѣетъ въ виду рѣчь Бакунина, произнесенную имъ на польскомъ банкетѣ, въ 17-ю годовщину польскаго возстанія, 29-го ноября 1847 года. В. В.

[2]) Сравните слѣдующее мѣсто въ воспоминаніяхъ Герцена: «Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 29-го ноября 1847 года, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ: коммунизмъ и l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянскихъ народностей, уничтоженіе «всѣхъ австрій», революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій «порядокъ изъ безпорядка», Коссидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ: «Quel homme! Quel homme!—говорилъ Коссидьеръ о Бакунинѣ:—въ первый день революціи это просто кладъ, а на другой день его надобно разстрѣлять».—Скажите Коссидьеру, говорилъ я шутя его пріятелямъ, что тѣмъ-то Бакунинъ и отличается отъ него, что и Коссидьеръ славный человѣкъ, но что его лучше бы разстрѣлять наканунѣ революціи». (Герценъ, Посмертныя сочиненія, стр. 194—195).

участіе въ революціи, вскорѣ происшедшей въ Дрезденѣ, внѣ сомнѣнія: и потомъ еще долго передавались разсказы объ этомъ самые веселые и самые ужасные. Когда при помощи Пруссіи дрезденское возстаніе было усмирено и городъ взятъ, то предводители должны были сдаться, и нѣкоторые изъ нихъ, а въ томъ числѣ и Бакунинъ, были заключены въ Хемницѣ, а вскорѣ послѣ того переведены въ крѣпость Кенигштейнъ, гдѣ имъ предстояла смертная казнь. Но судъ приговорилъ его только къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Но черезъ годъ этотъ приговоръ былъ замѣненъ выдачей на австрійскую территорію по требованію тамошняго правительства, такъ какъ Бакунинъ обвинялся также въ Пражскихъ волненіяхъ [1]). Я получилъ отъ него два письма изъ Кенигштейнской крѣпости: несмотря на чувство безотраднаго одиночества, видно изъ писемъ, что съ нимъ обращались гуманно.

Послѣ перевода его въ одну крѣпость въ Моравіи я не получилъ никакихъ извѣстій ни отъ него, ни о немъ и только изъ смутныхъ слуховъ узналъ, что обращеніе съ нимъ тамъ было самое жестокое, какъ съ большимъ преступникомъ: обѣ руки были закованы въ цѣпи. Это состояніе продолжалось до той минуты, когда онъ былъ выданъ русскому правительству по требованію послѣдняго, и когда въ Шлиссельбургѣ онъ нашелъ, хотя и строгое, но все же болѣе человѣчное обращеніе, чѣмъ то, которому онъ подвергался въ австрійской крѣпости. Между прочимъ, императоръ Николай I спросилъ у Бакунина откровеннаго мнѣнія на основаніи его личнаго опыта, о состояніи революціонныхъ движеній въ Европѣ. Арестантъ съ обычной прямотой удовлетворилъ требованіе императора, хотя отказался сдѣлать какія либо сообщенія, могущія компрометировать людей его партіи. Императоръ Николай на поданной ему запискѣ Бакунина о европейскихъ революціонныхъ теченіяхъ собственноручно написалъ о содержаніи «подъ строгимъ присмотромъ этого умнаго и опаснаго человѣка» [2]).

Когда въ апрѣлѣ 1848 года я, въ сопровожденіи Этьена Араго, провожалъ Бакунина на почту, я не предвидѣлъ, что потеряю надолго изъ виду моего стараго друга, еще менѣе, что ему предстояли долгіе годы суроваго заключенія, самая мысль о которомъ, еще и раньше, всегда казалась ему самой ужасной перспективой. Однако же у него хватило силъ перенести и превозмочь это тя-

---

[1]) Подробности о «Славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ» и участіи Бакунина см. въ брошюрѣ S. Černeho: «Slovensky zjezd v Praze», S. Maleho: «Naše znovunaroženi».

[2]) См. Записки Фитцтума-фонъ-Экштадта: «St. Petersbourg und London in den Jahren 1852—1864» («Русск. Старина» 1887, V, 804), а также «Russland vor und nach dem Kriege» (2 Aufl. 1879 г.); интересныя подробности о пребываніи Бакунина въ крѣпости Хемницѣ см. von Varchmin: «Die Sociale Frage», 1876.

железное испытаніе страданій и лишеній, благодаря гибкости его ума, несмотря на чувствительную потерю здоровья и тѣлесной крѣпости [1]).

Послѣ смерти императора Николая мать Бакунина просила императора Александра II о помилованіи сына. Онъ былъ освобожденъ изъ крѣпости и сосланъ на поселеніе въ Сибирь, откуда бѣжалъ въ 1862 году. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ лишь въ 1868 году въ Бернѣ по случаю перваго съѣзда «Лиги Мира и Свободы». Всѣ опасности и лишенія, какимъ онъ подвергался, казалось, не сломили силы его духа и воли, и хотя его внѣшній видъ не имѣлъ уже изящества и ловкости блестящаго артиллериста-гвардейца, но онъ придавалъ ему сходство съ пророкомъ или реформаторомъ, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ; я нашелъ въ немъ несокрушимую отвагу и нравственную силу, и его ближайшая среда, составлявшая какъ бы его придворный штатъ, придавала еще больше внушительности всей его фигурѣ. Изящество его одежды и внѣшнихъ пріемовъ, которымъ онъ прежде щеголялъ, уступило мѣсто значительной небрежности; но въ общемъ эта небрежность не менѣе шла пожилому человѣку, чѣмъ изящество—молодому.

Отсюда Бакунинъ уѣхалъ, по закрытіи съѣзда «Лиги Мира», въ Тессинъ, куда раньше отправилась его жена, полька [2]), на которой онъ женился въ Сибири. Одинъ итальянскій землевладѣлецъ, Карло Кафіеро, пламенный соціалистъ, посвятившій свое большое состояніе коммунистическому предпріятію, соединился съ Бакунинымъ въ Лугано, гдѣ они основали коммунистическое общество.

Впрочемъ, здоровье Бакунина было подорвано, и его непреклонная воля могла поддержать только до 1876 года его все болѣе слабѣвшее тѣло: и, ясно предвидя свой близкій конецъ, онъ прибылъ въ іюнѣ этого года къ намъ, своимъ старымъ друзьямъ, и, какъ только пріѣхалъ, сказалъ Адольфу Фогту и мнѣ: «я пріѣхалъ къ вамъ умирать!» Медицинское искусство Фогта не могло остановить хода болѣзни; и хотя въ продолженіе почти сорока дней безпокойный духъ Бакунина былъ все время живымъ и дѣятельнымъ, такъ

---

[1]) Бакунинъ до 1854 года находился въ Петропавловской крѣпости, а потомъ былъ переведенъ въ Шлиссельбургъ. По словамъ Герцена, императоръ Николай, прочитавъ записку Бакунина о европейской революціи, сказалъ: «Онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ; его надобно держать взаперти». (Герценъ. Посм. сочин., стр. 192). Въ воспоминаніяхъ остзейца В. У. Ф.)«Русская Старина» 1884 года, май, 396) находится любопытное сообщеніе, что И. С. Тургеневъ осмѣлился просить облегченія участи Бакунина и снабжалъ его книгами, хотя самъ былъ на дурномъ счету у императора Николая. Подробнѣе объ этой эпохѣ жизни Бакунина см. въ его письмахъ къ Герцену, приведенныхъ въ нашей статьѣ «Иркутская дуэль» («Всемірный Вѣстникъ» 1904 года, №№ 7, 8, 9 и 11).

[2]) Урожденная Квятковская.

что послѣдніе его разговоры сохраняли юношескій характеръ прошлыхъ годовъ, но мы скоро должны были оставить всякую надежду на его выздоровленіе, и 1-го іюля онъ умеръ послѣ короткой, но сильной агоніи. Въ немъ мы схоронили глубоко страстную натуру, которая изошла въ пламенной ненависти противъ всего, что ставило препятствія человѣческой свободѣ. Но эта пламенная ненависть, постоянно проявлявшаяся возмущеніями, мирилась съ самыми нѣжными и тонкими ощущеніями, поэтому онъ чувствовалъ пристрастіе къ музыкѣ, которое онъ сохранялъ всю жизнь, и которое, можетъ быть, немало было поддержано и воспитано нашей долгой совмѣстной жизнью. Онъ, говорившій не только хорошо, но и охотно, могъ слушать молча по цѣлымъ часамъ музыку; творенія Бехтовена, самыя трогательныя и страстныя, производили на него самое живое впечатлѣніе, но онъ не былъ безчувственъ и къ болѣе нѣжнымъ душевнымъ движеніямъ, если только они выражали чисто человѣческія чувства. Еще въ тотъ вечеръ, когда онъ въ послѣдній разъ прибылъ въ Лугано, онъ пришелъ ко мнѣ развлечься музыкой, и только въ ту минуту, когда усиленная боль опять внезапно схватила его, онъ вскричалъ: «Довольно, не могу больше!» И я долженъ былъ проводить его въ ближайшую больницу, изъ которой ему не пришлось выйти.

Какъ всѣ натуры, расположенныя къ предпріятіямъ и абсолютнымъ дѣйствіямъ, Бакунинъ не могъ переносить никакого сужденія или соображенія, парализовавшихъ его непосредственную силу дѣйствія. Я помню, какъ въ прежнее время я спрашивалъ его въ видѣ возраженія, что̀ онъ намѣренъ дѣлать, если бы исполнились всѣ его реформаторскіе планы, онъ мнѣ отвѣчалъ: «Тогда я все опрокину! А ты играй, милый другъ, и не разсуждай. Ты знаешь не хуже меня, что передъ вѣчностью все тщетно и ничтожно». И послѣ этого онъ могъ совершенно погрузиться въ музыку, которая не позволяла никакого вопроса и не трѐбовала отвѣтовъ. Онъ имѣлъ такую вѣрную память, что послѣ нашей долгой разлуки, онъ могъ напомнить мнѣ мелодіи, о которыхъ я давно забылъ. Онъ утверждалъ, что часто въ тюремномъ уединеніи эти мелодіи утѣшали его и оживляли. И какъ музыкальныя впечатлѣнія оставались вѣрно въ его памяти, такъ же неизмѣнно удерживалъ онъ отношенія съ людьми, связанными съ нимъ дружбой, а они и въ разлукѣ съ нимъ, въ свою очередь, сохраняли любовь къ нему и привязанность.

На Бернскомъ кладбищѣ, близъ Брунгартенвальда, возвышается камень, поставленный семействомъ Фогтовъ надъ могилой Бакунина, въ которой покоится его безпокойное тѣло, и моя дорогая жена охраняетъ ее, насколько ея тревожная жизнь позволяетъ ей выбирать время, чтобы вспомнить о тѣхъ, кого уже нѣтъ.

Сообщилъ **В. П. Батуринскій.**

ПОСЛѢДНІЕ ПОЛГОДА ЖИЗНИ К. М. СТАНЮКОВИЧА.

КОНСТАНТИНЪ Михайловичъ Станюковичъ скончался въ Неаполѣ 8-го мая 1903 года. Проживъ нѣсколько дней въ Римѣ, онъ пріѣхалъ сюда въ первыхъ числахъ ноября 1902 года. Здѣсь онъ собирался провести зиму, чтобы поправить здоровье. Уже болѣе десяти лѣтъ онъ страдалъ діабетомъ. По мнѣнію покойнаго профессора Манасеина, лѣчившаго его въ Россіи, а также и врачей, пользовавшихъ его въ Неаполѣ, болѣзнь обусловливалась преимущественно мозговымъ переутомленіемъ, находилась въ связи съ общимъ нервнымъ разстройствомъ и представляла опасную воспріимчивую почву для многихъ случайныхъ заболѣваній. Года два раньше, когда припадки діабета проявлялись съ особенной силой, К. М., по совѣту русскихъ врачей, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Крыму и значительно поправился. Это приписывали благопріятному вліянію климата. Естественно, что, подмѣтивъ осенью 1902 года признаки новаго усиленія недуга, онъ возложилъ еще бо̀льшую надежду на Италію.

Пріѣхалъ онъ въ Неаполь явно недугующій. Рѣчь и теченіе мыслей, правда, были почти нормальны, но въ движеніяхъ замѣчалась слабость, неувѣренность. Вообще же проявлялось чрезмѣрное нервное возбужденіе. Однако онъ утверждалъ (видимо хотѣлъ убѣдить самого себя), что онъ здоровъ. Сравнивалъ свои силы до крымской поѣздки съ настоящими. «Тогда,—говорилъ онъ,—я доходилъ до того, что произносилъ одно слово вмѣсто другого. Хочу, напримѣръ, сказать чай, а твержу ножницы или солнце, и бѣшусь, что меня не понимаютъ. Этого теперь нѣтъ. Голова ра-

ботаетъ свободно. Мнѣ же работать необходимо. И не могу я не работать. Только проснусь утромъ—мозгъ требуетъ упражненія, какъ желудокъ пищи въ извѣстные часы».

За обычную литературную работу онъ принялся тотчасъ же по пріѣздѣ сюда. Вставалъ въ 6 часовъ утра; немедленно натощакъ (чтобъ не будить прислуги въ пансіонѣ) брался за перо, которое покидалъ за полдень. Однако онъ чувствовалъ необходимость подкрѣплять и возбуждать за это время свои силы слишкомъ большими количествами чая, чернаго кофе, какао, устрицами, къ тому же курилъ безъ перерыва папиросы. Эта необходимость почти насильственнаго подкрѣпленія себя во время занятій пробуждала въ въ немъ тревожныя сомнѣнія насчетъ здоровья. Однажды, уходя отъ меня, онъ попросилъ, въ случаѣ чего, прислать къ нему врача, присовокупивъ: «только не сегодня,—мнѣ теперь отлично». Черезъ два дня меня увѣдомили, что со Станюковичемъ ночью случился рѣзкій и, повидимому, опасный приступъ недуга. Я немедленно направилъ къ больному доктора Манна, который нашелъ его въ такомъ состояніи, что не могъ въ первый день даже добиться отъ паціента необходимыхъ для діагноза объясненій. Съ тѣхъ поръ К. М. хотя и поправлялся, но не выздоравливалъ. Въ маѣ онъ скончался.

За все время пребыванія К. М. въ Неаполѣ мы почти ежедневно съ нимъ видались. Часто онъ проводилъ у меня цѣлые дни въ кружкѣ русскихъ знакомыхъ, между прочими доктора Н. К. Чермака (бывшаго профессора Юрьевскаго университета), профессора Московскаго университета Н. К. Кольцова, корреспондента «Вѣстника финансовъ и промышленности» И. И. Шрейдера.

Всѣ они принимали сердечное и практическое участіе въ положеніи Станюковича такъ же, какъ и другіе его знакомые, пріѣзжавшіе сюда на короткое время, В. В. Лесевичъ, Ю. И. Безродная, Е. А. Ганейзеръ и проч.

Н. К. Кольцовъ, студентъ С.-Петербургскаго университета В. Д. Зеленскій, Е. П. Мельникова, дочь покойнаго писателя Андрея Печерскаго, находились при больномъ почти безотходно въ послѣдніе дни его жизни и закрыли ему глаза.

Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю въ виду передать то, что переживалъ за послѣдніе полгода своей жизни К. М. на нашихъ глазахъ, и впечатлѣнія, которыя онъ производилъ на насъ (наиболѣе къ нему здѣсь близкихъ) за это роковое время лично, какъ человѣкъ по преимуществу.

Послѣдніе полгода, проведенные имъ сплошь въ Неаполѣ, были жестоко мучительны. Онъ хотѣлъ жить и работать въ прежнемъ направленіи; онъ ощущалъ потребность въ тепломъ отношеніи близкихъ; хотѣлъ самъ быть добръ и мягокъ, а между тѣмъ съ ужасомъ сознавалъ, что жизнь уходитъ, что работоспособность пропадаетъ, что въ силу своего темперамента и болѣзни онъ не можетъ

сдерживать порывы раздражительности, что онъ поколебалъ связи съ наиболѣе близкими, дорогими ему издавна людьми. Все это, не говоря уже о постоянныхъ денежныхъ затрудненіяхъ, причиняло ему жестокую душевную боль.

Онъ часто старался относиться къ себѣ критически, какъ бы подводилъ итоги своего прошлаго, мучительно пытаясь разрѣшить вопросъ: кто виноватъ? есть ли исходъ? Чувствовалъ себя часто неправымъ передъ близкими дорогими и «навсегда одинокимъ». Принимая въ расчетъ все свое прошлое, онъ къ иному результату и не могъ прійти. Слова курсивомъ онъ часто произносилъ въ дружеской бесѣдѣ; они подчеркнуты имъ самимъ и въ заключеніи его посмертнаго очерка: «Оба хороши» [1]), который въ формѣ спора отца съ сыномъ представляетъ внутреннюю борьбу автора съ самимъ собой; отражаетъ и настроеніе и отчасти внѣшнюю обстановку его здѣсь. Намъ извѣстно, что автору очень хотѣлось заключить свой разсказъ примиреніемъ отца съ сыномъ, но это не удалось, и едва ли могло удаться, ибо рѣчи сына—Коли—въ разсказѣ въ значительной степени были не что иное, какъ возникавшія авторскія самопротиворѣчія.

При этомъ не лишнее замѣтить, что образъ «Коли Долинина» въ разсказѣ «Оба хороши» тѣсно связанъ съ образомъ, который вставалъ въ памяти и сердцѣ Константина Михайловича. У него былъ сынъ Котя, къ которому въ дѣтствѣ и ранней юности послѣдняго онъ относился со всей страстною дружбой любящаго отца. Котя умеръ рано; отецъ и теперь продолжалъ горевать о немъ. Лежа въ больницѣ въ Неаполѣ, онъ бредилъ Котей и даже доходилъ до галлюцинацій. Въ болѣе спокойные дни Константинъ Михайловичъ часто размышлялъ: что бы вышло изъ его обожаемаго сына? Какъ бы тотъ относился теперь къ отцу? Каковы бы были его общественныя воззрѣнія? Когда больной относился къ себѣ критически, терзался сомнѣніями въ самомъ себѣ, онъ нерѣдко мысленно ставилъ Котю своимъ судьей.

Первая опасная вспышка болѣзни Станюковича обнаружилась здѣсь, какъ сказано, въ концѣ ноября; но несомнѣнно, что онъ уже нѣсколько дней ранѣе чувствовалъ себя плохо,—только не хотѣлъ этого признавать.

Когда его постигъ первый здѣсь припадокъ, то онъ почти не могъ двигаться, мысли его стали болѣе чѣмъ смутны, языкъ плохо повиновался, зрѣніе застлалось густой, бѣлой пеленой, сквозь которую онъ едва различалъ крупные предметы.

Докторъ Манна, подавъ первую помощь, съ согласія паціента, на другой день перевелъ больного въ международный госпиталь,

---

[1]) Напечатанъ уже послѣ его смерти въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ № 135, 18-го мая 1903 года.

гдѣ онъ могъ имѣть всѣ необходимыя удобства. Константинъ Михайловичъ хотѣлъ вылѣчиться и потому, что любилъ жизнь, и потому, что считалъ себя необходимой поддержкой семьи: жены и двухъ незамужнихъ дочерей. Онъ даже теоретически не допускалъ, чтобы нормально-мыслящій человѣкъ могъ желать смерти, не бороться съ нею. Когда въ самыя тяжкія минуты желаніе умереть проявлялось у него самого, то онъ приходилъ въ ужасъ, предполагая, что это признакъ начинающагося безумія. Онъ былъ вообще доволенъ больничной обстановкой, уходомъ, лѣченіемъ, но, тѣмъ не менѣе, былъ не всегда разумно требователенъ и безъ мѣры раздражителенъ. Между прочимъ онъ иногда выходилъ изъ себя, когда сидѣлки отказывались подавать шоколадъ, кофе, бисквиты и т. д. навѣщавшимъ его знакомымъ, которыхъ онъ по своей привычкѣ къ хлѣбосольству желалъ угостить, не принимая въ соображеніе, что больница—не гостиница. Раздражительность затрудняла лѣченіе; но все-таки недугъ недѣли черезъ три настолько поддался, что врачи позволили ему выѣзжать кататься, проводить нѣсколько часовъ въ день и даже изрѣдка обѣдать у меня. Работать же, т.-е. обдумывать новыя произведенія, принялся онъ еще ранѣе, не взирая на запретъ врачей. «Безъ работы мнѣ крышка»,—раздражительно восклицалъ онъ. Подъ крышкою же разумѣлъ крышку гроба, т.-е. смерть.

Въ началѣ января онъ окончательно покинулъ международный госпиталь и продолжалъ лѣченіе, живя въ пансіонѣ Поли, но былъ далекъ отъ выздоровленія.

Онъ могъ передвигаться по комнатѣ съ палочкой, ноги были очень слабы, руки дрожали, а главное—зрѣніе поправлялось медленно: иногда онъ натыкался на столы и даже стѣну; два раза, полагая, что можетъ обойтись безъ помощи, выходя въ коридоръ, упалъ; онъ не могъ на столѣ отыскать очковъ, за обѣдомъ солонки, ножа и т. д. Читать могъ съ большимъ трудомъ, при очень яркомъ свѣтѣ, и все-таки быстро утомлялся. Больно было видѣть, какъ онъ, сидя у меня долгіе часы и не замѣчая, что я наблюдаю за нимъ, бралъ книгу или газету. Съ четверть часа болѣзненно напряженно-внимательно читалъ, потомъ печально задумывался, пытался возобновить чтеніе и не могъ. Перевертывалъ листъ, не отыскивая, гдѣ верхъ, гдѣ низъ; руки безсильно опускались на колѣни. Мнѣ раза два случилось подмѣтить, какъ изъ-подъ безполезнаго pince-nez скатывались крупныя слезы.

Писать онъ могъ только съ величайшимъ трудомъ. Зрѣніе и руки плохо повиновались; строки его мелкаго письма шли вкривь и вкось, иногда уходили внѣ листа бумаги, а онъ этого не замѣчалъ. Бывало, въ хорошую минуту онъ радовался, когда ему удавалось самому написать десять строкъ. «Видите, я взялъ папиросу въ зубы,—безъ папиросы я никогда не могу писать,—расша-

талъ свои мозги, ну, и пошло...»,—говорилъ онъ съ дѣтскимъ хвастовствомъ, съ улыбкой надежды на близость выздоровленія.

Но то были очень рѣдкія минуты, да и онѣ отравлялись необходимостью задерживать изложеніе мысли наблюденіемъ за процессомъ письма.

Вообще же ему приходилось прибѣгать къ помощи окружающихъ—диктовать. А онъ къ этому не привыкъ. Сначала ему помогалъ М. И. Половенецъ, проводившій съ нимъ каждое утро, потомъ одна пожилая русская дама, живущая въ Италіи. Помогали они усердно; но сами помощники были люди непривычные, незнакомые съ техникой литературнаго писанія. Ихъ невольныя, мелкія ошибки раздражали больного несоразмѣрно.

Стѣсняла его и переписка чужими руками: а главное—неизбѣжность просмотра переписаннаго опять таки другими. Онъ просилъ всѣхъ, литературному вкусу которыхъ болѣе или менѣе довѣрялъ, прочитывать работу по частямъ вслухъ; обдумывалъ ея подробности. Одобренія были ему, конечно, пріятны, бодрили его, но одобреніямъ онъ вѣрилъ робко. Только послѣ продолжительныхъ колебаній, со страхомъ рѣшался отправить разсказъ въ печать. Съ письмами ему было также затруднительно справляться.

Ходить по улицѣ одному ему было въ то время опасно не только по слабости ногъ, но и по слабости зрѣнія. Да и силы не позволяли. Доктора ему совѣтовали кататься, но онъ не дѣлалъ никакихъ экскурсій, частью изъ экономіи, частью потому, что изъ экипажа плохо видѣлъ далѣе дома. Дальнѣйшіе же предметы, напримѣръ, море, пейзажъ за городомъ, которыми бы ему хотѣлось любоваться, людская жизнь, за которой онъ привыкъ наблюдать, были отъ него застланы бѣлымъ туманомъ, такъ что катанье не развлекало его объективно, субъективно же удручало, усиливая сознаніе болѣзненной безпомощности.

Особенно тягостны были для него безсонныя ночи. Ему все казалось темно: сколько ни зажигалъ онъ лампъ и свѣчей, чтеніе не давалось. Приходилось проводить время въ мрачныхъ думахъ.

Діэта врачами предписывалась ему весьма строгая, между тѣмъ самое свойство его недуга обусловливало большой, хотя болѣзненный аппетитъ. Въ воздержаніи для него заключалась основная надежда; но его натура и привычки заставляли часто забывать объ опасности, какъ только онъ началъ поправляться, и особенно когда силы поокрѣпли и начала выясняться возможность возвращенія въ Россію.

Какъ мы замѣтили, К. М. еще въ больницѣ возвращался къ работѣ, но понятно, что при описанныхъ условіяхъ не могъ писать и половины (даже количественно), такъ, какъ писалъ раньше. Общій характеръ написаннаго выходилъ тоскливый, безотрадный и часто черезчуръ субъективный, какъ, напримѣръ, «Оба хо-

роши». Одинъ изъ предшествовавшихъ очерковъ (напечатанный въ Русскихъ Вѣдомостяхъ), «Тоска», тоже передаетъ едва замаскированныя съ внѣшней стороны личныя впечатлѣнія автора, хотя, надо сознаться, при не совсѣмъ вѣрномъ освѣщеніи. Онъ писалъ «Тоску» въ больницѣ, едва выйдя изъ опасности, при сильномъ умственномъ напряженіи. Наблюдательность ослабѣла, юморъ проявлялся туго.

Онъ понималъ, что ему трудно создавать новое беллетристическое, и пытался писать въ фельетонномъ родѣ, который, по справедливому замѣчанію г. И., автора статьи о Станюковичѣ [1]), прежде ему весьма удавался, задумалъ было продолжать свои Письма знатнаго иностранца, имѣвшія въ свое время успѣхъ. Однако и тутъ почувствовалъ свое болѣзненное безсиліе. Къ тому же онъ не могъ слѣдить за текущей общественной жизнью, ибо почти не могъ читать.

Хотѣлъ было онъ заняться драматизированіемъ одного своего романа и передѣлкой нѣкоторыхъ давно напечатанныхъ разсказовъ, но и это ему не давалось отчасти по инымъ, хотя не менѣе грустнымъ, причинамъ. А именно: онъ просилъ своихъ петербургскихъ друзей выслать ему эти разсказы и романъ; томительно ждалъ присылки цѣлое полугодіе. Романа вовсе не прислали, изъ разсказовъ же доставили сюда только одинъ, да и тотъ почти въ день его кончины.

Тяжко отзывалась на здоровьѣ его невозможность работать, но немало мучила подобная казавшаяся ему (основательно или нѣтъ, не беремся судить) неаккуратность друзей, которые въ то же время писали ему письма, проникнутыя «горячей дружбой, глубокой привязанностью». Къ одному изъ такихъ друзей онъ однажды, чтобы отвести душу, написалъ письмо, въ которомъ просилъ обратиться къ другому лицу съ порученіемъ отъ него (Станюковича) по одному дѣлу, прибавляя: «этому господину я никакого добра не сдѣлалъ, онъ не выражалъ мнѣ никогда чувствъ глубокой, горячей привязанности и дружбы, поэтому, я полагаю, онъ исполнитъ мою просьбу».

Всякое же проявленіе теплой заботливости, искренно дружескихъ чувствъ онъ цѣнилъ глубоко. Сочувственная телеграмма, полученная въ началѣ болѣзни отъ П. И. Вейнберга, письма лицъ почти постороннихъ, узнававшихъ изъ газетъ о его болѣзни (между прочимъ, нѣсколько открытыхъ отъ совершенно незнакомыхъ ему юношей-гимназистовъ), дѣйствовали на больного лучше успокоительнаго лѣкарства.

Нельзя не упомянуть объ участіи, которое принялъ въ Станю-

---

[1]) Напечатана вскорѣ послѣ его кончины въ № 126 «Русскихъ Вѣдомостей» 1903 г.

ковичѣ Ник. Карл. Чермакъ. Послѣдній раньше совсѣмъ не зналъ его лично, но всегда уважалъ его дарованіе и стойкое отношеніе къ общественнымъ вопросамъ. Узнавъ отъ меня, что больной Станюковичъ въ Неаполѣ, Чермакъ тотчасъ же пошелъ къ нему въ больницу. И съ этой минуты въ теченіе всей зимы и начала весны принималъ горячее участіе въ облегченіи его положенія. Навѣщалъ во всякую непогоду въ ущербъ своему разстроенному здоровью; занималъ его разговоромъ, развлекалъ, излагалъ сюжеты для разсказовъ; принималъ участіе въ приведеніи въ порядокъ денежныхъ средствъ больного.

Жилъ Кон. Мих. въ Неаполѣ очень скромно, насколько позволяла болѣзнь и привычки, къ которыми бороться было ему не легко. Онъ пріѣхалъ сюда почти безъ денегъ, увѣренный, что скоро оправится въ благодатномъ климатѣ и получитъ возможность много работать и проживетъ текущимъ литературнымъ трудомъ безбѣдно. Вышло иначе. Какъ бы то ни было, онъ, хотя «не могъ питаться медомъ и акридами[1]), однако сумѣлъ ограничивать себя. Его возмущали слухи, порожденные, вѣроятно, ранѣе составленной репутаціей человѣка, «любящаго пожить», ходившіе въ Россіи о его моговствѣ въ Неаполѣ. Эти слухи, какъ часто бываетъ, доходили до него сюда чрезъ «преданныхъ ему друзей».

— Я имъ хочу телеграфировать,—говорилъ онъ:—что я купилъ здѣсь виллу на берегу моря, завелъ кровныхъ лошадей и содержу рыжую француженку.

Такой телеграммы онъ не послалъ, но въ письмѣ къ одному петербургскому пріятелю продиктовалъ мнѣ нѣчто подобное.

Въ самомъ же дѣлѣ на себя самого и на дочь, Зинаиду Константиновну (пріѣхавшую въ Неаполь, едва она узнала о первомъ приступѣ болѣзни отца), онъ тратилъ не только относительно, но и безусловно не много.

Зинаида Константиновна жила въ скромномъ пансіонѣ. Полное содержаніе самого К. М. въ меблированныхъ комнатахъ, пансіонахъ и отеляхъ стоило въ сутки около 8 фр. (3 р.). Только незадолго до кончины онъ провелъ нѣсколько дней въ отелѣ, гдѣ приходилось платить около 12 фр. (4½ р.). Въ больницахъ (Международной въ ноябрѣ и Нѣмецкой въ маѣ) жизнь и лѣченье обходились тоже около 12 съ небольшимъ франковъ день. Покупокъ онъ не дѣлалъ, экскурсій не предпринималъ; изрѣдка ѣздилъ по городу всегда на скромномъ одноконномъ извозчикѣ.

Тѣмъ не менѣе самая болѣзнь вызывала экстренные расходы: докторъ, лѣкарства, необходимый при отсутствіи движенія массажъ, плата лицу, писавшему по его диктовкѣ и переписывавшему его

---

[1]) «Оба хороши».

работы; нѣкоторыя добавленія къ пищѣ, иногда необходимыя, а иногда извинительныя, вызываемыя прихотями больного. Кромѣ того, ему здѣсь не счастливилось съ квартирами. Онъ ихъ перемѣнилъ (а каждый переѣздъ лишній расходъ) въ полгода—девять, считая два госпиталя, но не считая нѣсколькихъ кратковременныхъ пребываній у меня въ тѣ дни, когда онъ не желалъ болѣе оставаться на старомъ мѣстѣ, а новое не было еще пріискано. Его неусидчивость вызывалась частію излишней требовательностію больного и его рѣзкой раздражительностію, а частью непокладистостью хозяевъ, мало снисходительныхъ къ истинно-больнымъ со скромными средствами постояльцамъ здѣсь въ Италіи, какъ и у насъ въ Крыму. Едва ли не одинъ изъ крупнѣйшихъ постороннихъ и не всегда необходимыхъ расходовъ вызывали телеграммы. Онъ и въ лучшіе свои годы на родинѣ предпочиталъ депеши письмамъ, даже по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Здѣсь же это обратилось у него въ потребность тѣмъ болѣе томительную, что онъ зачастую былъ лишенъ возможности удовлетворить ее, за недостаткомъ денегъ. Эта потребность объяснялась въ значительной степени его психическимъ и финансовымъ положеніемъ. Писемъ онъ самъ писать не могъ, какъ мы уже сказали. Получаемыя же имъ письма часто вызывали (при его впечатлительной натурѣ вообще и при нервной болѣзни) несоразмѣрно тяжелыя мысли, негодованіе, цѣлую душевную бурю. Случалось, получивъ письмо, онъ по телефону настойчиво вызывалъ въ больницу кого либо изъ русскихъ друзей, чтобы ему немедленно написали телеграмму. Однажды онъ прибрелъ ко мнѣ изъ Международнаго госпиталя безъ разрѣшенія доктора, одинъ, что было очень опасно, потому что онъ плохо видѣлъ. Обливаясь слезами, сѣлъ на стулъ къ яркому свѣту, чтобы имѣть возможность читать только что полученное, сильно взволновавшее письмо. Помочь ему я ничѣмъ не могъ, но ему было нужно теплое слово.

Работать подъ такимъ давленіемъ онъ уже совсѣмъ не могъ, разговаривалъ и дѣйствовалъ часто не впопадъ. И только, пославъ телеграмму, или получивъ разъясненіе волновавшаго его письма въ болѣе пріятномъ смыслѣ, а иногда самъ додумавшись до такого смысла, успокоивался и даже веселѣлъ. Особенно многочисленны были дѣловыя телеграммы, по преимуществу издателямъ и редакторамъ, съ которыми К. М. велъ дѣла.

Если онъ требовалъ присылки слѣдующихъ ему денегъ, то требовалъ, чтобы ихъ перевели по телеграфу. Въ періоды безденежья онъ накоплялъ начерченные имъ самимъ едва разборчиво проекты депешъ, а какъ только деньги появлялись, давалъ кому нибудь изъ насъ эти замѣтки, прося написать по нимъ настоящія депеши набѣло и отослать ихъ.

Общая стоимость депешъ доходила каждый разъ до относительно крупной цифры, дѣлавшей изрядную брешь въ полученной суммѣ. Окружающіе его здѣсь друзья старались отклонять отъ безполезныхъ въ этомъ отношеніи издержекъ. Иногда онъ сдавался, соглашался добродушно, что у него къ діабету присоединяется новая, еще мало извѣстная въ медицинѣ, болѣзнь «телеграфоманія». Однако наши доводы касательно денегъ, которыя онъ тотчасъ же по полученіи здѣсь всегда отправлялъ по телеграфу кому либо въ Петербургъ, напримѣръ, своему семейству,—не могли его убѣдить. «Я согласенъ, что теряю около 20% на этомъ двойномъ переводѣ, но знаю, что иначе ни я здѣсь, ни жена въ Россіи ничего бы не добились во время», твердилъ онъ. И, къ сожалѣнію, иногда нельзя было по опыту съ нимъ не согласиться.

Въ общемъ онъ получалъ, или могъ получать, денегъ достаточно, если и не за текущія свои работы, то за продажу разнымъ издателямъ той или другой группы—прежнихъ. Редакція «Русскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ онъ главнымъ образомъ участвовалъ, присылала авансы. Литературный Фондъ въ Петербургѣ и нѣкоторые друзья (изъ нихъ первый профессоръ Чупровъ), узнавъ о его болѣзни, озаботились доставить ссуды. И все-таки Константинъ Михайловичъ здѣсь почти постоянно былъ безъ денегъ, отчасти присылка замедлялась, иногда по легко объяснимымъ причинамъ. Главное же онъ, пріѣхавъ сюда почти безъ денегъ, былъ неожиданно захваченъ болѣзнью. Какъ бы то ни было, все это тревожило больного. Особенно же терзала его невозможность аккуратно къ 1-му числу каждаго мѣсяца высылать опредѣленную сумму семьѣ, остававшейся въ Петербургѣ.

Въ послѣдній день своей жизни, близкій къ агоніи, Станюковичъ произносилъ по временамъ невнятныя слова. Н. К. Кольцовъ подслушалъ между прочимъ, что больной нѣсколько разъ повторялъ, словно беззвучно рыдая: «Я любилъ людей! Я такъ сильно любилъ людей!» И всѣ мы, слѣдившіе за нимъ въ теченіе послѣдняго полугода его жизни, имѣемъ основаніе знать, что онъ обладалъ глубоко любящимъ сердцемъ, вопреки его неуживчивости и рѣзкой раздражительности, которыхъ онъ и самъ не отрицалъ. Намеки на эти тяжелыя стороны его характера появлялись и въ печати вскорѣ послѣ его кончины, и въ виду ихъ мы считаемъ себя обязанными изложить наше безпристрастное мнѣніе, основанное на наблюденіи. Станюковичъ былъ характернымъ типомъ людей, которые искренно, глубоко любятъ, но не умѣютъ любить, и сами страдаютъ не менѣе тѣхъ, кого заставляютъ страдать. Они понимаютъ боль, причиняемую лицамъ, любимымъ ими, испытываютъ въ душѣ чувство усугубленной нѣжности къ своей жертвѣ, «но остаются безсильны передъ мучительной внутренней потребностью» явить. Чѣмъ больше проявляется ихъ безсиліе предъ своимъ темпераментомъ,

тѣмъ болѣе они раздражаются на самихъ себя, гнѣвъ же срываютъ на близкихъ, дорогихъ существахъ. Они сами переживаютъ эту чужую боль, но рѣдко умѣютъ во время въ этомъ сознаваться.

Этотъ трагическій типъ очень распространенъ. Намъ приходилось его встрѣчать среди весьма выдающихся извѣстныхъ людей не только Россіи, но и Западной Европы. Нравъ такого человѣка для окружающихъ тяжелъ и непріятенъ. Кому какое дѣло, что у него глубоко любящее сердце? Кто можетъ, тотъ просто старается его обходить. Конечный результатъ его жизни—обыкновенно горькое нравственное одиночество, тѣмъ болѣе тягостное, что такой человѣкъ всегда, въ самыя отталкивающія отъ него другихъ минуты, испытываетъ глубокую потребность въ добротѣ, ласкѣ, привязанности къ себѣ. Между этими людьми встрѣчаются лица, полюбившія въ ранней юности высокіе научные, художественные, общественные идеалы, которымъ они остаются вѣрны до конца. Это ихъ свойство доставляетъ имъ заслуженно глубокія симпатіи, часто популярность среди тѣхъ, кто знакомъ съ ними только по ихъ общественной дѣятельности или ихъ твореніямъ. Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ характеръ Станюковича. Въ частности же для него (какъ и для другихъ разновидностей этого типа) существуютъ облегчающія вину обстоятельства. Неровность въ обращеніи съ близкими, требовательность, запальчивыя, язвительныя, ѣдкія остроты и насмѣшки, а иногда оскорбительные поступки обусловливаются въ значительной степени темпераментомъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ. (Константинъ Михайловичъ ни отъ кого не скрывалъ, что одинъ изъ его популярнѣйшихъ разсказовъ: «Грозный адмиралъ», представляетъ портретъ его отца). Его собственный темпераментъ былъ страстный, впечатлительный, подвижный, темпераментъ художника и въ то же время бойкаго общественнаго дѣятеля. Онъ сознавалъ въ концѣ своей жизни, что свою непосредственную личную обстановку онъ не можетъ въ силу темперамента согласовать всегда съ принципами и идеалами, которые воспринялъ, и испытывалъ большую скорбь и вмѣстѣ раздраженіе противъ своего безсилія.

Онъ глубоко болѣлъ душой и волновался. Кромѣ того, съ лѣтами укоренилась непобѣдимая привычка выражаться остро, ѣдко и мѣтко, привычка писателя-фельетониста и публициста, ратовавшаго противъ возмущавшихъ его общественныхъ явленій, борца за извѣстныя убѣжденія, которыя ему нерѣдко приходилось, по разнымъ обстоятельствамъ, отстаивать не столько логическими доводами, сколько хлесткой діалетикой, ярко рѣзкимъ изложеніемъ. Эту привычку онъ сталъ постепенно вносить и въ частныя, личныя, даже дружескія отношенія. Онъ привыкъ наблюдать, улавливать то, что у людей противорѣчило его идеаламъ или вкусамъ; рѣзко, образно, часто остроумно (хотя иногда ошибочно по существу) выставлять

эти стороны на смѣхъ въ разговорахъ. Онъ повторялъ свои удачныя «словечки» и тогда, когда давно улеглось въ немъ раздраженіе, которымъ они были вызваны; повторялъ потому, что ему нравились они и связанная съ ними творческая образность его ума. Эта склонность сказывается и въ его произведеніяхъ (и, къ сожалѣнію, иногда въ ущербъ ихъ достоинству), въ особенности въ тѣхъ, которыя онъ писалъ сгоряча.

Однако, съ другой стороны, для тѣхъ, кто ежедневно видался съ нимъ въ Неаполѣ, еще яснѣе обрисовывались его лучшія сердечныя свойства. Онъ съ трогательною признательностью относился къ вниманію, которое оказывалъ ему кружокъ русскихъ друзей. Правда, по временамъ онъ и на нихъ раздражался, зато быстро искупалъ свою вину теплой искренностью. Даже и относительно квартирныхъ хозяекъ и прислуги, которымъ изрядно отъ него доставалось, онъ держалъ себя также. Часто, обидѣвъ ихъ немало, К. М. начиналъ ихъ сожалѣть, хотя имѣлъ бы право сознавать себя правымъ по существу, спѣшилъ загладить свою рѣзкую выходку какой нибудь любезностью, подаркомъ. Надо замѣтить, что Станюковичъ, подобно многимъ, какъ-то не усвоивалъ, что букетъ цвѣтовъ или коробка конфетъ далеко не заживляютъ раны, нанесенной обиднымъ словечкомъ. Не усвоивалъ потому, что для такихъ людей, какимъ былъ К. М., искупительные подарки представляютъ символъ полнаго душевнаго примиренія, ибо они сами ихъ дѣлаютъ, искренно примирившись.

Въ его письмахъ и многочисленныхъ телеграммахъ, разсылаемыхъ изъ Неаполя, проявлялась также его неудержимая наклонность язвить, но еще болѣе доброта его сердца.

Друзья вообще старались сдерживать его отъ посылки безполезныхъ депешъ или безполезнаго удлиненія ихъ. Это его иногда сердило. Но зато, когда мы, какъ покойный выражался, конфисковали какую нибудь телеграмму, и потомъ обнаруживалось, что ее дѣйствительно лучше было не посылать,—онъ долго потомъ повторялъ свое «спасибо». Впрочемъ это относилось болѣе до телеграммъ частныхъ, которыми онъ имѣлъ въ виду «уязвить» кого нибудь, чтобъ отвести душу, но отправивъ которыя начиналъ тотчасъ же терзаться сомнѣніемъ: «не обидѣлъ ли я напрасно человѣка?». И опять не могъ успокоиться, покуда не посылалъ искупительной депеши.

Вообще К. М. въ рѣдкую депешу, даже дѣловую, не вставлялъ выраженія, соотвѣтствующаго его чувству или настроенію.

Въ телеграммахъ, хотя бы и дѣловыхъ, но къ лицамъ, ему симпатичнымъ, К. М. неизмѣнно прибавлялъ привѣтливое слово.

Напримѣръ, у него былъ родственникъ, проживающій на о. Сахалинѣ, отъ котораго Станюковичъ получилъ черезъ Петербургъ письмо. Родственникъ, не зная, что дядя за границей, просилъ

выслать нѣсколько русскихъ книгъ. К. М. написалъ въ Петербургъ о высылкѣ книгъ, а самъ изъ Неаполя отправилъ къ племяннику на Сахалинъ по телеграфу увѣдомленіе, что книги ему вышлютъ, прибавивъ «крѣпко обнимаю». Въ то время онъ былъ самъ безъ денегъ, а изъ Италіи на Сахалинъ каждое слово по телеграфу оплачивается очень дорого. М. И. Половенецъ, помогавшій К. М. составлять депешу, посовѣтовалъ съэкономничать на этихъ не необходимыхъ словахъ.

— Вы ничего не разумѣете въ психологіи,—раздраженно сказалъ Станюковичъ,—вы не понимаете, что человѣкъ сидитъ тамъ одинокій, тоскуетъ; что эти—по-вашему безполезныя—слова дохнутъ на него тепломъ, хоть на минуту, ободрятъ его сердце.

И, несомнѣнно, Станюковичъ чувствовалъ себя счастливѣе, доставивъ хоть каплю отрады другому несчастливцу.

Еще примѣръ, подтверждающій, какое любящее было сердце у покойнаго, и какъ его терзало безсиліе удерживаться отъ рѣзкости съ дорогими ему.

Его дочь Зинаида Константиновна горячо любила отца. Пріѣхавъ въ Неаполь, она старалась оберегать его отъ волненія, раздраженія. Она бы желала посильно ходить за нимъ, невзирая на слабость своего здоровья, хотѣла бы помогать ему по части диктовки и переписки. Но К. М. все это отклонялъ, придавая своимъ отказамъ обыкновенно насмѣшливую, рѣзкую, иногда и остроумно-обидную форму.

Однажды по поводу стихотвореній Б. В. Бера, Станюковичъ разошелся съ дочерью въ нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ. Въ спорѣ играло роль слово «стиль». К. М. острилъ по поводу «стиля» до того, что самъ начиналъ волноваться; она старалась отмалчиваться, чтобъ не раздражать отца, но онъ не унимался. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ и въ разговорѣ съ нами даже часто возвращался къ разногласію съ дочерью «о стилѣ». Однажды я ему сказалъ: пора бы вамъ и забыть объ этомъ стилѣ, Константинъ Михайловичъ!—Этого нельзя забыть, умирать стану, не забуду,—отвѣчалъ онъ храбрясь, а въ сущности добродушно улыбаясь. И тотчасъ же сталъ съ глубокимъ чувствомъ говорить, какой это рѣдко хорошій человѣкъ—его Зина, и какъ ему бываетъ больно, когда онъ на нее вспылитъ.

Между тѣмъ мы знаемъ, что онъ не дозволялъ дочери близко, активно помогать ему въ трудахъ и въ болѣзни не потому, что не хотѣлъ имѣть ее близъ себя, а потому, что, сознавая безсиліе своего темперамента, боялся утомить ее, повредить ея здоровью своей требовательностью и раздражительностью. Когда К. М., испытывая жестокія страданія, предвидя близость конца, лежалъ на смертномъ одрѣ, З. К. нѣсколько дней и ночей не отходила отъ отца, сидѣла на полу у изголовья, подавленная горемъ, слабенькая, но во вся-

кую минуту готовая чѣмъ возможно облегчить его муки. Она сдавливала душившія ее рыданія, стараясь придать своему лицу спокойное выраженіе. Когда больной едва слышнымъ голосомъ молилъ: «спасите меня, я погибаю», она произносила твердо: «папочка, отъ такой болѣзни не умираютъ». Сама же знала, что часы отца сочтены. А онъ гладилъ ея головку слабѣющими руками; почти уже не зрѣвшими глазами пытался глядѣть ей въ лицо. И едва ли эта близость любимой дочери, ея заботливость о немъ не представляли для умирающаго лучшей отрады, которую онъ испытывалъ въ жизни.

Теченіе роковой болѣзни Станюковича было таково.

Острый и опасный приступъ недуга, какъ мы сказали выше, обнаружился въ концѣ ноября и былъ подавленъ къ началу января. Тогда К. М. могъ покинуть госпиталь и переѣхалъ въ пансіонъ Поли. Тѣмъ не менѣе основныя болѣзни—діабетъ и неврастенія мозга—требовали внимательнаго ухода, а главное осмотрительности со стороны паціента. Помощью врачей ихъ можно было сдерживать въ сносныхъ предѣлахъ, но искоренить вполнѣ невозможно, особенно при постоянно тревожномъ настроеніи больного и заботахъ, и умственномъ напряженіи.

На такой почвѣ всякое случайное заболѣваніе, даже легкая простуда могли имѣть важныя послѣдствія. Этого отъ него не скрывалъ и д-ръ Манна, котораго по выходѣ изъ больницы К. М. пригласилъ продолжать лѣченіе. И оно шло удовлетворительно, покуда больной строго выполнялъ предписанія (кушая впроголодь, безусловно избѣгая сахара, всего мучного и пр.). Въ теченіе шести недѣль указаніе на діабетъ при разложеніи мочи понизилось съ 9 (при выходѣ изъ госпиталя) до $2^1/_2$. Около половины марта онъ уже настолько окрѣпъ, что могъ бы поѣхать въ Россію, если бы не опасеніе врача, что холодная погода за Альпами и особенно въ Петербургѣ и Москвѣ можетъ вызвать простудное осложненіе.

Отъѣздъ былъ отложенъ до конца апрѣля или начала мая. Чувствуя облегченіе, К. М. сталъ, вопреки настояніямъ доктора, упорнѣе работать. Когда же ощущалъ упадокъ силъ, то для подкрѣпленія ихъ разрѣшалъ себя отъ діэты. Менѣе чѣмъ до болѣзни, но все-таки обильно сталъ употреблять и сладкое и мучное, кушалъ даже внѣ обычныхъ трапезъ: ветчину, мясо, которыя по существу не были ему вредны, но въ излишкѣ вредили тѣмъ, что онъ, имѣя мало зубовъ, глоталъ плохо разжованные куски, этимъ раздражалъ свой пищеварительный аппаратъ, и безъ того разстроенный.

Наблюдать за нимъ было крайне затруднительно. Онъ прибѣгалъ къ ребяческимъ хитростямъ. Потихоньку отъ доктора и своихъ близкихъ выпивалъ утромъ во время работы по нѣскольку чашекъ какао съ молокомъ и сахаромъ; приказывалъ покупать

колбасу, сыръ, pâté de foie gras, сладкое, пирожки. Вслѣдствіе такой неосторожности въ половинѣ апрѣля у него обнаружился легкій параличъ связокъ пальцевъ лѣвой ноги. И лѣчившій его постоянно докторъ, Манна, и русскій докторъ, профессоръ Чермакъ (слѣдившій за нимъ со стороны), изслѣдовавъ больного въ присутствіи К. Н. Кольцова у меня на квартирѣ, нашли, что явленіе это діабетическаго происхожденія, легко устранимо массажемъ и воздержаніемъ въ пищѣ. Такъ это и оказалось черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ больной, встревоженный частичнымъ проявленіемъ недуга, сталъ осмотрительнѣе. Ко второй половинѣ русскаго апрѣля онъ опять достаточно оправился. Докторъ разрѣшилъ (и самъ К. М. сознавалъ, также и его друзья) возможность пуститься въ путь, на родину. Нѣкоторые денежные недохваты были устранены; билеты для него и для дочери были взяты. Этому главнымъ образомъ содѣйствовалъ К. Н. Кольцовъ. Только Станюковичъ самъ сталъ словно колебаться. Имѣя въ виду, что билетъ прямого сообщенія дѣйствителенъ на цѣлый мѣсяцъ, онъ какъ-то началъ затягивать отъѣздъ: казалось, чего-то ждалъ изъ Россіи. Однако послѣ обстоятельной бесѣды со всѣми его здѣшними друзьями и врачами поддался наконецъ; видимо сосредоточилъ свои мысли на близости отъѣзда и даже, какъ впослѣдствіи мы узнали отъ него самого, скрывалъ отъ врача новые болѣзненные припадки, опасаясь, чтобы вновь не былъ отложенъ отъѣздъ. Впрочемъ этимъ припадкамъ онъ, кажется, и самъ сначала не придавалъ большого значенія, относя ихъ къ давно ему, какъ онъ говорилъ, знакомому геморою. Геморой опять таки былъ не опасенъ, если бы не діабетъ и не вновь начавшееся злоупотребленіе больного неподходящей пищей. Главная же бѣда была, что онъ до этой поры никогда не указывалъ на застарѣлые геморроидальные припадки ни друзьямъ, ни врачу. Врачъ теперь былъ буквально потрясенъ этимъ открытіемъ. Когда онъ наконецъ сказалъ объ этомъ врачу и позволилъ себя изслѣдовать, то обнаружились рѣзкія указанія на воспаленіе прямой кишки. Тотчасъ же были приняты мѣры, но отъѣздъ поневолѣ отложили. Болѣзнь развивалась очень быстро. Черезъ нѣсколько же дней, въ видахъ удобства для больного, его перевезли въ нѣмецкій госпиталь (Ospedale Tedesco), пользующійся отличной репутаціей по уходу за больными, по гигіеническимъ условіямъ, по здоровому мѣстоположенію и искусству главнаго врача, д-ра Грессера (который, кстати замѣтить, самъ литераторъ). Діагнозъ д-ра Грессера и его система лѣченія совпали съ таковыми же д-ра Манны. Оба признали быстро развивающееся воспаленіе прямой кишки, и оба имѣли мало надежды на излѣченіе. Въ госпиталѣ К. М. не давали ничего, кромѣ молока и кусочковъ льду. Невзирая на страданія, онъ ясно относился къ окружающимъ; любилъ иногда по-

долгу бесѣдовать съ друзьями о политикѣ, о литературѣ; проявлялъ остроуміе и образность въ разговорахъ.

Уходъ, опрятность и спокойствіе въ этой больницѣ оправдали свою репутацію вообще. Комната была очень хорошая. Но уходъ все-таки оказывался недостаточнымъ для такого больного, около котораго надо было почти ежеминутно производить разныя сложныя манипуляціи, довольно тягостныя для состоящихъ при немъ. Тѣмъ болѣе, что при его нервности и возвышенной чувствительности необходимо было дѣлать все очень осторожно. Между тѣмъ госпитальный персоналъ слишкомъ формально и для даннаго случая неудовлетворительно исполнялъ эти обязанности. Это сложное неудобство съ первыхъ же часовъ пребыванія въ нѣмецкомъ госпиталѣ было подмѣчено и самимъ Станюковичемъ и его друзьями. Тогда на ночь для него наняли особую сидѣлку, и кто либо изъ русскихъ заглядывалъ къ нему непрерывно. Зинаида Константиновна, русскіе друзья, особенно Н. К. Кольцовъ, итальянецъ де-Менна почти постоянно были при больномъ. Оставаться одинъ онъ бы и не могъ. Кромѣ болѣзни, его часто сильно угнетала тоска, которую хоть немного разгоняли бесѣды съ симпатичными ему людьми. Больной настоятельно требовалъ, чтобы д-ръ Манна продолжалъ посѣщать его въ больницѣ, и, только благодаря его вліянію, исполнялъ предписанія Грессера и принималъ лѣкарства, назначенныя послѣднимъ. Вообще къ д-ру Грессеру Станюковичъ относился раздражительно-недовѣрчиво. А Грессеръ видѣлъ въ обстановкѣ, которой друзья окружали больного, при строго-корректномъ порядкѣ нѣмецкаго госпиталя нарушеніе дисциплины.

Д-ръ Грессеръ особенно протестовалъ противъ частыхъ посѣщеній больного друзьями и дочерью, и сталъ настаивать на перевозкѣ Станюковича изъ больницы. Друзья настояли бы на оставленіи больного, если бы не желаніе его самого избавиться отъ быстро ставшей ему ненавистной обстановки и не ихъ собственное убѣжденіе, что она вредна для К. М., потому что сильно его волнуетъ и раздражаетъ.

Благодаря хлопотамъ Н. К. Кольцова, были пріисканы и наняты двѣ хорошія комнаты въ здоровой мѣстности (Via delle Mille, № 18, a Santa Teresella). Въ прелестный, теплый день К. М. былъ туда бережно перенесенъ. Онъ оставался въ памяти, даже о литературѣ разговаривалъ съ профессоромъ Кольцовымъ.

Я видѣлся съ Константиномъ Михайловичемъ въ послѣдній разъ 7-го мая, послѣдній день его жизни. Я пріѣхалъ къ нему поутру. Въ просторную, со свѣжими свѣтло-сиреневыми обоями, комнату вливалось ласковое майское солнце. Изъ сада, съ большими деревьями подъ окномъ, доносился ароматъ южной весны и веселые голоса играющихъ дѣтей. По комнатѣ беззвучно двигались, предупреждая малѣйшія потребности больного, Н. К. Кольцовъ, обыкно-

венно веселый, теперь скорбный, строго озабоченный; итальянецъ Максъ де-Менна (какъ больной выражался, его «повожатый»), въ теченіе всей весны и теперь исполнявшій при немъ, главнымъ образомъ, фельдшерскія обязанности.

К. М. лежалъ, разметавшись на широкой постели: блѣдное, исхудалое лицо, измученное страданіемъ; какой-то окаменѣлый испугъ во взглядѣ, силившемся проникнуть сквозь застилавшую болѣзненную завѣсу полуслѣпоты.

Между стѣной и кроватью, у изголовья, сидѣла на полу его дочь, Зинаида Константиновна, убитая горемъ и безсонной ночью. Она, сама больная, съ мучительнымъ трудомъ сдерживала слезы, когда отецъ могъ ихъ видѣть.

К. М. узналъ еще меня, пожалъ руку, взялъ яркія розы и красныя гвоздики, которыя я ему привезъ. Въ послѣдніе дни онъ все просилъ, чтобы ему приносили цвѣты, и чтобы они были ярки и душисты. Въ спальнѣ и сосѣдней комнатѣ уже стояло нѣсколько букетовъ. Онъ понюхалъ мои розы, гвоздики, старался вглядѣться въ нихъ и опустилъ на грудь, кинувъ на меня взоръ, выражавшій его печаль, невозможность видѣть даже такіе яркіе предметы. Онъ начиналъ нѣсколько разъ говорить, но это ему было тяжело, голосъ былъ слабъ, невнятенъ. Онъ сначала старался прислушиваться къ тому, что говорили ему или около него, но, повидимому, безплодно, и погружался въ страдальческую безучастную печаль; онъ поминутно жаловался на недостатокъ свѣта и воздуха, тогда какъ яркое солнце и благоуханный воздухъ вливались въ спальню изъ оконъ и изъ сосѣдней комнаты...

Послѣ полудня боли усилились; онъ тихо, но тяжко стоналъ; по временамъ словно терялъ сознаніе; начиналъ слабымъ голосомъ по-нѣмецки умолять, чтобы ему при перемѣнѣ припарокъ и обмываніяхъ не причиняли боли. Очевидно ему грезилось, что онъ еще находится въ нѣмецкомъ госпиталѣ, гдѣ сидѣлки обращались съ нимъ недостаточно осторожно. Его повернули на лѣвый бокъ. Это, какъ намъ казалось, доставило больному нѣкоторое облегченіе, а, можетъ быть, отраду, потому что онъ могъ ласкать ослабѣвшими руками приклонившуюся съ этой стороны постели голову дочери. Это какъ будто освѣжало его мысли, онъ переставалъ говорить по-нѣмецки, понималъ опасность своего положенія и жалобно просилъ иногда: «спасите, спасите меня»...

Ему такъ не хотѣлось умирать.

Вернувшійся послѣ полудня докторъ Манна съ другимъ врачемъ облегчили страданія больного припарками и вдыханіемъ кислорода.

— Вотъ теперь мнѣ хорошо стало,—произнесъ, видимо довольный К. М., вдохнувъ кислородъ.

Съ тѣхъ поръ до послѣдняго мгновенія онъ оставался спокоенъ, не испытывалъ болей. Я уѣхалъ отъ него подъ вечеръ. Онъ скон-

чался около полуночи тихо, какъ бы заснулъ, при немъ были тогда, кромѣ дочери, Кольцовъ, докторъ Манна, де-Менна, студентъ С.-Петербургскаго университета В. Д. Зеленскій и Е. П. Мельникова, на рукахъ которой (она поддерживала мѣшокъ съ кислородомъ) К. М. испустилъ духъ.

Лица, видавшія, какъ люди умираютъ (между прочимъ, одна интеллигентная больничная сидѣлка), разсказывали мнѣ, что нѣкоторые больные передъ агоніей говорятъ о лошадяхъ, ожидающихъ ихъ для отъѣзда куда-то.

Н. К. Кольцовъ разсказывалъ мнѣ, что Станюковичъ при такихъ же обстоятельствахъ бредилъ о пароходѣ, выражая нетерпѣніе, что тотъ долго не отчаливаетъ.

Похоронили Константина Михайловича въ ясный солнечный день на православномъ (греческомъ) кладбищѣ Неаполя. Къ похоронамъ собрались всѣ русскіе, успѣвшіе узнать о кончинѣ маститаго писателя. На гробѣ лежалъ большой вѣнокъ съ черной лентой, на которой было вытѣснено на родномъ языкѣ: «Станюковичу отъ русскихъ».

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

МОНАСТЫРЬ-ТЮРЬМА.

«Богъ не желаетъ погубить душу и помышляетъ, какъ бы не отвергнуть отъ Себя и отверженнаго».

(2 Царствъ, XIV, 14).

Случилось мнѣ съ однимъ пріятелемъ, окончившимъ духовную академію, заѣхать въ древній Суздаль. Девятьсотъ лѣтъ стоитъ этотъ городъ въ самой срединѣ Русскаго государства, но до сихъ поръ нѣтъ къ нему порядочной дороги, ни желѣзной, ни шоссейной. Онъ не обставленъ, какъ другіе промышленные города Владимирской губерніи, ни высокими дымовыми трубами, ни огромными кирпичными зданіями фабрикъ и заводовъ; на его улицахъ и площадяхъ не видно толпящагося народа, не слышно ни свистковъ, ни криковъ, ни шумнаго говора. Зато на небольшомъ пространствѣ, занимаемомъ городомъ, красуются пестрыя главы болѣе тридцати церквей! Всѣ онѣ прекрасно содержатся, пріятно раскрашены, съ каменными оградами, съ башенками.

Эта коллекція старинныхъ храмовъ и монастырей всегда привлекала сюда любителей археологіи, къ которымъ принадлежалъ и мой пріятель. Онъ съ неутолимою жадностью бросался отъ одного памятника древности къ другому, и я не знаю, сколько бы времени мы провели здѣсь, если бы не торопили его обязанности службы ѣхать далѣе.

Осмотрѣвъ наиболѣе интересные храмы, мы отправились въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, расположенный на краю города.

Высокія, толстыя стѣны съ башнями-бойницами по угламъ и массивныя ворота съ громадными желѣзными запорами напомнили

намъ старинныя русскія крѣпости. Мы въѣхали въ средину монастыря и остановились противъ игуменскихъ келлій. Самъ игуменъ, представительный инокъ, поспѣшилъ намъ навстрѣчу и съ большимъ радушіемъ взялся обвести насъ по монастырю и показать всѣ здѣшнія достопримѣчательности.

Благодаря его любезности и вниманію, мы подробно осмотрѣли соборъ, ризницу и нѣкоторыя постройки. Наконецъ, игуменъ подводитъ насъ къ могилѣ героя 1612 года, князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. Недавно поставленный памятникъ изъ бѣлаго мрамора прекрасной художественной работы начинаетъ уже портиться: нѣжный матеріалъ не выноситъ суроваго климата. Непріятно портятъ бѣлизну мрамора и желтые ржавые подтеки: должно быть, камни связаны желѣзными болтами. Вотъ ужъ неумѣстная экономія въ такомъ богатомъ произведеніи!

Мой пріятель неутомимо осматриваетъ каждую подробность, постоянно задаетъ игумену разные вопросы, на которые тотъ иногда не въ состояніи и отвѣтить, а я въ это время горю нетерпѣніемъ: да когда же все это кончится?! У меня было только одно затаенное желаніе—заглянуть за кирпичную стѣну, отдѣляющую внутри ограды монастыря тюрьму для религіозныхъ преступниковъ. Меня все время занимала мысль: покажетъ, или не покажетъ намъ игуменъ этотъ всероссійскій тайникъ? Воображеніе рисуетъ здѣсь фанатично убѣжденныхъ старцевъ, десятки лѣтъ заключенныхъ въ массивныхъ стѣнахъ. Одно ихъ слово покаянія раскрыло бы имъ двери темницы, но они предпочитаютъ нести всевозможныя лишенія, терпѣть и скудость, и болѣзнь и твердо стоять за свою вѣру. Взглянуть бы, что это за колоссы духа!

— Ну, вотъ, кажись, и все я вамъ показалъ въ монастырѣ,— сказалъ игуменъ, вопросительно засматривая въ глаза моему пріятелю.

Это «кажись» говорило мнѣ, что не все еще имъ показано, и у меня явилась надежда проникнуть за нѣмую стѣну.

— У васъ имѣется тюрьма при монастырѣ, — небрежно замѣтилъ мой спутникъ.—Интересно ли заглянуть туда?

— Да какой интересъ въ этомъ десяткѣ сумасшедшихъ!—отвѣтилъ равнодушно игуменъ, какъ бы отклоняя своимъ тономъ наше вниманіе.

Я затаилъ дыханіе.

— Сумасшедшіе! Зачѣмъ же вы ихъ держите? — спрашиваетъ пріятель.

— Да ихъ и то понемногу выпускаютъ. Я называю ихъ сумасшедшими за то упорство, съ какимъ они проповѣдуютъ свое ученіе.

— А вы не пробовали ихъ разубѣждать?

— Пытались съ ними говорить, да толку мало.

И игуменъ сталъ разсказывать о четырехъ сектантахъ, неправильно учившихъ о пришествіи Антихриста, о проповѣди Иліи и Еноха предъ кончиной міра и о второмъ пришествіи Господа.

— Интересно бы съ ними побесѣдовать. Не буйные? Не опасно къ нимъ входить?—снова спросилъ мой пріятель.

— Нѣтъ, ничего! Смирные, какъ овцы. Если желаете, пойдемте къ Алексѣю Калѣчину. Это, пожалуй, самый интересный заключенный. Изъ его товарищей нѣкоторые раскаялись и были выпущены. Вотъ попробуйте-ка его убѣдить!

Мы подошли къ красной кирпичной стѣнѣ. Глухія ворота были на запорѣ. По приказанію игумена открыли ихъ. Тамъ насъ встрѣтилъ тюремный надзиратель въ формѣ своего вѣдомства съ синими кантами. Одноэтажное длинное зданіе тюрьмы отдѣлялось отъ внутренней стѣны узкимъ промежуткомъ, густо засѣяннымъ макомъ.

Надзиратель пропустилъ насъ въ длинный коридоръ, въ который выходятъ двери изъ всѣхъ камеръ, расположенныхъ въ одну линію. Немногія заперты висячими замками. Заключенные только-что пообѣдали. Противъ нѣкоторыхъ дверей на окнахъ лежала неубранная оловянная посуда. Гулко раздавались наши шаги въ мертвой тишинѣ. Мы прошли во всю длину коридора съ окнами на лѣвой сторонѣ его и остановились у послѣдней камеры, кажется, подъ номеромъ двадцать первымъ. Дверь камеры была притворена, но не заперта на задвижку.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!—нѣвуче произнесъ игуменъ и помедлилъ въ ожиданіи отвѣта.

Молчаніе. Тогда спутникъ мой громко отвѣтилъ:

— Аминь!

Игуменъ отворилъ дверь камеры, и мы вошли въ нее.

Въ правой сторонѣ на кровати лежалъ заключенный, Алексѣй Калѣчинъ, прикрывшись чернымъ подрясникомъ. Въ углу стоялъ деревянный столъ. Висѣла небольшая икона.

Алексѣй проснулся, не торопясь спустилъ ноги на полъ и сѣлъ на кровать. Я впился въ него глазами. Внѣшній видъ его напоминалъ монаха: черные волосы съ едва замѣтными серебряными нитями лежали по плечамъ, черная борода, темно-каріе прекрасно сохранившіеся глаза, блѣдное лицо, черное одѣяніе. Онъ изъ тѣхъ монастырскихъ типовъ, которымъ по виду можно дать немного болѣе сорока лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ окажутся чуть ли не всѣ шестьдесятъ.

На его вопросы—кто мы, зачѣмъ, откуда—мы поспѣшили рекомендоваться, называя себя случайными гостями въ Суздальскомъ монастырѣ.

Мнѣ показалось, Алексѣй отнесся къ нашимъ рекомендаціямъ очень равнодушно, и онъ просто вступилъ въ разговоръ съ нами.

Мой спутникъ сразу подошелъ къ темѣ о кончинѣ міра, о предсказаніяхъ Іисуса Христа, о Его второмъ пришествіи.

— Христосъ уже нѣсколько лѣтъ какъ явился на землю,— вдругъ выпалилъ Алексѣй,—но люди опять Его не узнали.

Пріятель мой, какъ боевой конь, почуялъ поле для словесной битвы и съ жаромъ сталъ доказывать, ссылаясь на Евангеліе, что второе пришествіе Христа будетъ явно для всѣхъ.

— Какъ молнія исходитъ отъ востока и видна бываетъ даже до запада, такъ будетъ пришествіе Іисуса Христа. Я допускаю вашу мысль, что кончина міра близка. Вы сами служите признакомъ этой кончины. Господь предсказалъ, что будутъ приходить лжехристы, а лжепророки будутъ указывать на нихъ и дѣлать знаменія, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Но, предупреждаетъ Господь, вѣрить имъ не надо.

— Скажи, пожалуйста,—перебиваетъ его Алексѣй,—когда Христосъ явился на землѣ первый разъ, многіе ли Его узнали? Очень мало! Сами апостолы повѣрили въ Христа послѣ Его воскресенія. Ожидали, что Мессія придетъ, какъ царь, и тотчасъ же установитъ на землѣ царство евреевъ. А сами же евреи распяли Его, какъ преступника. Если такъ таинственно было первое пришествіе Христово, то въ сто разъ премудрѣе будетъ второе. Это надо понимать!

Пріятель мой въ отвѣтъ опять разразился цѣлымъ потокомъ текстовъ Евангелія:

— Берегитесь, говорилъ Господь, чтобы кто не прельстилъ васъ, ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ. Это мы и видимъ теперь около Петербурга. Тамъ немало есть людей, которые признаютъ отца Іоанна Кронштадтскаго за Христа.

Богословъ обратился къ игумену и сталъ ему разсказывать о своемъ послѣднемъ свиданіи съ отцомъ Іоанномъ. Алексѣй Калѣчинъ насторожилъ уши и внимательно слушалъ.

— А вы что скажете про отца Іоанна?—вдругъ спросилъ его богословъ.

— Онъ есть Духъ Святый, третье лицо Святой Троицы!—внушительно произнесъ Калѣчинъ.

— Пожалуй, и я скажу,—соглашался мой спутникъ,—что въ отцѣ Іоаннѣ, какъ въ священникѣ, почиваетъ Духъ Святой. По апостолу, Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на всѣхъ насъ, христіанахъ. И какъ у каждаго тѣло есть храмъ живущаго въ немъ Святого Духа, такъ и всѣ мы вмѣстѣ составляемъ одно огромное тѣло, напоенное однимъ Духомъ. Въ этомъ я съ вами согласенъ.

— Нѣтъ, не то я говорю,—возразилъ Алексѣй, драпируясь въ ряску, приспущенную съ праваго плеча.—Не про людей я говорю

а про Самого Бога, Духа Святого. Третье лицо Святой Троицы воплотилось на землѣ въ Іоаннѣ Кронштадтскомъ.

— По-вашему, значитъ, теперь два лица Святой Троицы воплотились на землѣ!—удивляясь воскликнулъ богословъ.

— Не два, а всѣ три лица: Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, воплотились въ тысяча восемьсотъ девяносто шестомъ году,—съ горящими глазами торжественно произнесъ Алексѣй.

Мы переглянулись между собою и первое время не могли сказать ни слова: такъ онъ поразилъ насъ своимъ откровеніемъ. Я подумалъ: должно быть, онъ назоветъ себя Богомъ.

— Да понимаете ли, какія страшныя вещи вы говорите!—наконецъ воскликнулъ мой спутникъ.

— Понимаешь ли ты, какія я говорю страшныя вещи?—многозначительно повторилъ Алексѣй.—Подумай, другъ мой, о томъ, что сейчасъ слышишь отъ меня. Ой, какъ надо понять это! Теперь во сто кратъ таинственнѣе явленіе Бога на землѣ, чѣмъ прежде.

— Такъ скажите, пожалуйста, кто же это три лица Святой Троицы? Одно вы намъ указали. А кто же другія два?

— Первое лицо, Отецъ, есть священникъ Николай. Онъ былъ, кажется, въ Соловкахъ, а теперь не знаю—гдѣ. Второе лицо—здѣсь.

Я опять подумалъ, не себя ли онъ считаетъ Христомъ, но игуменъ замѣтилъ намъ:

— Это есть здѣсь іеродіаконъ Пареeній, котораго онъ зоветъ Андреемъ.

Алексѣй промолчалъ на его замѣчаніе.

— Вы видѣли всѣ три лица?—спросилъ и я его.

— Видѣлъ.

— И Богородица на землѣ?

— Есть и Богородица, нѣкая Марія.

— Бога не видѣлъ никто никогда!—не вытерпѣлъ мой богословъ:—Онъ обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, и никто изъ людей Его не видѣлъ и видѣть не можетъ. А вы говорите, что видѣли Бога. Когда Господь Саваоѳъ открылся Израилю, то народъ видѣлъ знаменія и чудеса, о которыхъ и теперь, черезъ тридцать слишкомъ вѣковъ, вспоминаютъ ежедневно во всѣхъ христіанскихъ церквахъ. Сынъ Божій, въ продолженіе какихъ нибудь трехъ лѣтъ, также проявилъ свою божественную силу знаменіями и чудесами, обратившими весь цивилизованный міръ въ христіанство. А вашъ невѣдомый Николай, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, ничѣмъ себя не заявилъ. Какъ же вы могли признать его Богомъ?!

Алексѣй спокойно слушалъ и не возражалъ. Разговоръ перешелъ на тему о мѣстѣ пребыванія Бога. На всѣ пространныя объясненія моего пріятеля Алексѣй говорилъ о раѣ что-то мистическое, неуловимое.

— Я у васъ книгъ не замѣчаю,—спросилъ я его:—есть ли у васъ Евангеліе?

— Было, да вотъ онъ отобралъ—Алексѣй указалъ на игумена.

— Ему предлагаютъ книги изъ нашей библіотеки. Не хочетъ!—возразилъ игуменъ.

— А ты зачѣмъ мою отобралъ?

Чтобы прекратить препирательство, я испросилъ разрѣшеніе у игумена подарить заключенному Евангеліе, но Алексѣй отнесся къ этому отрицательно, объясняя, что Евангеліе у него написано въ сердцѣ.

Игуменъ напомнилъ ему о его товарищахъ, которые раскаялись и вышли изъ заключенія.

— А вы? Развѣ не хотите отсюда выйти?—обратился къ нему богословъ.

Алексѣй задумался, устремивъ свой взглядъ въ пространство. По лицу видно было, что эти слова вызвали въ немъ борьбу. Вѣроятно, онъ думалъ: отсюда и я легко могу выйти на свободу, стоитъ лишь мнѣ прекратить свою проповѣдь. Но вѣдь я не утерплю,—и меня опять засадятъ сюда. Сдаваться на убѣжденія православныхъ, а потомъ опять стать въ противорѣчіе съ ними—это значитъ шататься изъ стороны въ сторону.

— Нѣтъ, ужъ лучше итти прямымъ путемъ! — медленно, но твердо произнесъ вслухъ Алексѣй.

Прощаясь съ нимъ, пріятель мой протянулъ ему руку, но тотъ, сжимая свои подъ ряской, сказалъ:

— Я руки не дамъ!

И началъ говорить о соблюденіи «чистоты».

Мы поднялись, чтобы выйти. Поднялся и Алексѣй и проводилъ насъ съ благопожеланіями въ коридоръ. Здѣсь мы разстались. Очевидно, въ предѣлахъ зданія тюрьмы онъ пользуется свободой: по крайней мѣрѣ, его не запираютъ, такъ что онъ всегда можетъ выходить въ коридоръ.

— Скажите намъ,—спрашиваю игумена,—ваше мнѣніе о Калѣчинѣ: вамъ приходилось, вѣроятно, здѣсь часто его видѣть и слышать отъ него подобныя проповѣди о пришествіи Господа.

— На мой взглядъ,—сказалъ монахъ,—Калѣчинъ—неученый, грубый мужикъ. Онъ ни о чемъ не можетъ говорить отъ Божественнаго Писанія. Что ему понравилось, онъ то и заучилъ, какъ попугай, твердитъ каждому, кто бы ни пришелъ къ нему, одно и то же.

— Интересно взглянуть на іеродіакона Парѳенія, котораго Алексѣй считаетъ за Христа. Будьте любезны свести насъ въ его камеру,—попросили мы оба.

— Не стоитъ, господа: пьяница! Впрочемъ, если желаете, пойдемте.

И онъ приказалъ стражнику открыть висячій замокъ въ одной изъ среднихъ камеръ. Опять раздался пѣвучій возгласъ игумена:

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!..

Но «христосъ» Алексѣя глухъ остался къ молитвѣ. Пришлось опять отвѣтить моему спутнику:

— Аминь!

Тяжелая дверь медленно подалась, и мы вошли въ камеру такого же вида, какъ и первая. Іеродіаконъ Парѳеній лежалъ ничкомъ, растянувшись во весь свой богатырскій ростъ, на кровати и спалъ, по крайней мѣрѣ, не шевелился при нашемъ входѣ.

— Не стоитъ, господа, его тревожить, пойдемте! — совѣтуетъ игуменъ.

Но въ это время Парѳеній перевернулся. Лежа съ задранными руками наверхъ, онъ взглянулъ на насъ. Мы увидѣли лицо брюнета съ крупными чертами.

Кратко объясняя причину своего посѣщенія, мой спутникъ старался навести его на тѣ же вопросы, которые только-что подымалъ съ Алексѣемъ. Но Парѳеній пренебрежительно промычалъ что-то неопредѣленное и сталъ говорить о своей распрѣ съ настоятелемъ, по жалобѣ котораго онъ и попалъ въ этотъ монастырь. Игуменъ замѣтилъ ему, что онъ долженъ заслужить здѣсь хорошую рекомендацію, и тогда получить свободу.

— Пустое!—грубо перебилъ его Парѳеній:—я и сейчасъ буду свободенъ, стоитъ лишь мнѣ разстричься.

Какъ мы ни старались перемѣнить тему разговора, Парѳеній говорилъ только о своемъ положеніи, въ которое онъ попалъ за свою «нетрезвость и грубость съ настоятелемъ».

Передъ нами былъ самый земной, обыкновенный человѣкъ. Все время, пока мы говорили съ нимъ, онъ валялся на кровати, потирая свои оголенныя по локоть руки. Видъ непривлекательный! При чемъ тутъ второе лицо Святой Троицы?! У меня даже забралось сомнѣніе, про него ли говорилъ намъ Алексѣй.

Мы вышли изъ камеры и обратились съ разспросами къ игумену.

— О Парѳеніи трудно сказать что нибудь вѣрное, опредѣленное, — передавалъ монахъ. — Онъ какой-то особенный и со странностями. Почти ни съ кѣмъ не говоритъ. Иногда кажется — онъ психически разстроенъ. А относительно того, его ли Алексѣй чтитъ за Христа, а не кого другого, то это я вамъ вѣрно сказалъ. И, я думаю, Алексѣй продолжаетъ почитать за Бога Парѳенія не отъ убѣжденія, а отъ упрямства: не хочетъ себя переломить. Онъ привыкъ итти всегда передовымъ у своихъ сектантовъ, а теперь остался позади. Вотъ ему и совѣстно сознаться предъ своими товарищами въ своемъ заблужденіи. Каждый день, послѣ утреннихъ молитвъ, онъ идетъ за кипяткомъ. И когда проходитъ мимо комнаты Парѳенія, становится на колѣни и съ воздѣтыми вверхъ руками кричитъ, что только взбредетъ ему въ голову: «Христосъ воскресе!», «Троица воскресла!», «Вся Святая Троица воплотилась!»... По-моему, онъ просто озорничаетъ. Иной разъ соберутся они въ коридорѣ,

начнутъ обсуждать религіозные вопросы, а потомъ найдетъ на нихъ: и вотъ одинъ назовется Іоанномъ Предтечей, другой—апостоломъ Петромъ, кто—Павломъ, а кто—Ильей и Енохомъ. Разъ какъ-то они съ пѣніемъ, съ образами, съ свѣчами пришли къ Пареенію, какъ ко Христу. Но тотъ мрачно взглянулъ на это и велѣлъ все оставить: дескать, въ духѣ должно кланяться. Не пойму я ничего у нихъ!—заключилъ свою рѣчь игуменъ.

Я описалъ свои впечатлѣнія отъ двухъ заключенныхъ, потому что изъ остальныхъ большая часть—священники Рудаковъ и Синцоровъ, сектантъ Ковалевъ, замуравившій нѣсколько человѣкъ своихъ единомышленниковъ, діаконъ Добролюбовъ и др.—въ настоящее время выпущены изъ тюрьмы, а, кромѣ того, одинъ умеръ и одинъ не сегодня-завтра тоже освобождается. Итакъ, остаются только Алексѣй Калѣчинъ да іеродіаконъ Пареееній, какъ послѣдніе могикане длиннаго ряда суздальскихъ заключенныхъ. Стоитъ ли изъ-за двухъ содержать тюрьму и при ней восемь стражниковъ, а главное—стоитъ ли этою тюрьмою наводить попреки и укоризну на монастырь и на всю православную церковь?! Въ Соловецкомъ монастырѣ упразднена старинная тюрьма, гдѣ еще такъ недавно томились религіозные преступники. Теперь очередь за суздальской монастырской тюрьмой. Давно пора смыть это одно изъ черныхъ пятенъ нашей религіозной жизни, на которое такъ настойчиво указываютъ пальцемъ и на Руси, и за границей. Да и зачѣмъ вообще быть темницамъ при монастыряхъ, когда у насъ имѣются для преступниковъ спеціальныя тюрьмы гражданскаго вѣдомства, а для сумасшедшихъ—психіатрическія больницы?! До меня дошелъ слухъ, что упраздненіе тюрьмы при Спасо-Евеиміевомъ монастырѣ есть вопросъ нѣсколькихъ дней. Въ принципѣ будто бы давно рѣшено закрыть эту тюрьму. Дай Богъ!

Одинъ миссіонеръ, оправдывая существованіе тюремъ при монастыряхъ, указывалъ на темницу Божію, въ которую Господь заключитъ діавола и всѣхъ его послѣдователей. Въ нашей земной жизни должны быть образы дѣлъ Божіихъ, а потому на ряду съ храмами должны быть и темницы. На это ему сказали тогда: пусть гражданскія тюрьмы прообразуютъ адъ и преисподнюю, но монастыри должны изображать святое мѣсто, Небесный Іерусалимъ, гдѣ живутъ «святые ангелы и небесные человѣки», гдѣ Самъ Богъ обитаетъ съ ними. Главное же, надо помнить, что Христосъ пришелъ на землю, чтобы «открыть глаза слѣпыхъ, узниковъ вывести изъ заключенія и сидящихъ во тьмѣ—изъ темницы». А мы, христіане, должны подражать Христу.

Ив. Ювачевъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II И ЦЕНЗУРНЫЯ РЕФОРМЫ 1860 ГОДОВЪ.

—

I.

МПЕРАТОРЪ Николай I, мечтавшій оставить своему наслѣднику царство мирное, благоустроенное и счастливое, какъ извѣстно, имѣлъ несчастіе глубоко разочароваться въ результатахъ своей внутренней политики и на смертномъ одрѣ принужденъ былъ произнести рѣшительное слово осужденія всему дореформенному строю русской общественной и государственной жизни. Вызванная неожиданными для государя результатами его внутренней и внѣшней политики катастрофа — несчастная севастопольская война—сдѣлала настолько очевидными многочисленные и серьезные застарѣлые недуги русскаго общественнаго и государственнаго организма, что побудила и высшія правящія сферы въ значительной степени измѣнить свои прежніе взгляды и признать коренныя и существенныя либеральныя реформы единственнымъ выходомъ изъ опаснаго и рискованнаго положенія. Передовыя идеи мыслящей части русскаго общества, нашедшія себѣ сочувствіе и поддержку въ высшихъ правящихъ сферахъ, не могли уже теперь встрѣчать серьезныхъ препятствій къ проведенію въ практическую жизнь и въ самомъ царствующемъ государѣ, такъ какъ преемникъ Николая—императоръ Александръ II, по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ далеко не походилъ на своего отца.

Прекрасно сознававшій крупные недостатки собственнаго образованія и съ неподдѣльною горечью говорившій по адресу своего

бывшаго воспитателя: «Богъ судья Ламсдорфу за жалкое образованіе, полученное нами», императоръ Николай внимательно и заботливо относился къ такому важному вопросу, какъ умственное и нравственное формированіе наслѣдника престола и будущаго самодержца Русскаго государства. Когда-то, еще во время дѣтства наслѣдника, Николай Павловичъ говорилъ: «я хочу воспитать въ моемъ сынѣ человѣка, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него государя». Тотчасъ же по вступленіи на престолъ онъ избралъ главнымъ наставникомъ и руководителемъ воспитанія цесаревича извѣстнаго поэта Жуковскаго. Нечего, конечно, и говорить, что по своимъ взглядамъ на дѣла и задачи просвѣтительно-педагогической дѣятельности мягко-сердечный и широко образованный поэтъ стоялъ неизмѣримо выше суроваго и недалекаго генерала Ламсдорфа. Глубоко проникнутый сознаніемъ всей важности успѣшнаго выполненія такого труднаго и отвѣтственнаго дѣла, какимъ было воспитаніе будущаго самодержавнаго повелителя Россіи, Жуковскій рѣшилъ посвятить ему всѣ свои силы, чтобы выработать изъ царственнаго ученика «человѣка», въ лучшемъ смыслѣ этого слова, способнаго впослѣдствіи сдѣлаться истинно-просвѣщеннымъ и гуманнымъ государемъ. «Можетъ быть..,—писалъ Плетневъ [1]),—ни одно лицо не приступало къ исполненію своихъ педагогическихъ обязанностей съ такимъ страхомъ и благоговѣніемъ, какъ Жуковскій. Не довѣряя легкомысленно одной своей опытности, своимъ только знаніямъ и живому уму, онъ читалъ все, что могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ извѣстнѣйшими въ столицѣ педагогами и постепенно все болѣе и болѣе усовершенствовалъ свой воспитательно-педагогическій планъ. Выработавъ довольно сложный планъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія наслѣдника престола, Жуковскій въ противоположность Лагарпу, наставнику императора Александра I, начинявшему своего воспріимчиваго ученика готовыми политическими, общественными и нравственными идеями, считалъ необходимымъ, по возможности всегда и во всемъ, вырабатывать въ своемъ воспитанникѣ желательные взгляды и убѣжденія путемъ самодѣятельности его собственной мысли; съ этою цѣлью онъ настойчиво рекомендовалъ подчиненному ему штату придворныхъ педагоговъ, чтобы ихъ ученикъ не воспринималъ только готовые отвѣты на всевозможные запросы человѣческаго ума, а постепенно доводился до ихъ сознательнаго и разумно-самостоятельнаго рѣшенія путемъ цѣлой системы вспомогательныхъ учительскихъ вопросовъ и разъясненій. Правда, въ педагогической литературѣ уже были отмѣчены, и притомъ не безъ достаточныхъ основаній, методологическіе недостатки воспитательной системы Жуковскаго, увлекавшагося идеями Пе-

[1]) Сочиненія и переписка Плетнева, т. III.

сталоцци и не всегда вполнѣ удачно примѣнявшаго ихъ въ дѣлѣ умственнаго развитія наслѣдника престола, но во всякомъ случаѣ историкъ, не забывающій состоянія учебно-воспитательнаго дѣла въ разсматриваемую эпоху, необходимо долженъ признать, что педагогическіе взгляды Жуковскаго для своего времени представляли собою довольно отрадное явленіе. Недаромъ изслѣдователи учебно-просвѣтительной дѣятельности главнаго наставника императора Александра считали себя въ правѣ очень рѣшительно утверждать, что, «если принять во вниманіе самоотверженную преданность Жуковскаго своему дѣлу и его горячую любовь къ своему воспитаннику, то придется признать, что лучшаго воспитателя для наслѣдника русскаго престола едва ли можно было и найти три четверти вѣка тому назадъ»[1]). Мы не будемъ подробно останавливаться на всей сложной системѣ обученія будущаго преобразователя Россіи, выработанной Жуковскимъ, а отмѣтимъ здѣсь лишь его основныя идеи о царской власти и объ обязанностяхъ государя по отношенію къ своимъ подданнымъ.

«Вѣрь,—писалъ онъ въ обширномъ докладѣ на имя императора Николая [2]),—что власть царя происходитъ отъ Бога, но вѣрь сему, какъ вѣрили Маркъ Аврелій и Генрихъ Великій; сію вѣру имѣлъ и Іоаннъ Грозный, но въ душѣ его она была губительною насмѣшкой надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе; оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, чѣмъ изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха. Мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безпечно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, т.-е. правосудіе; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю».

По поводу удачнаго назначенія въ законоучители молодому наслѣднику извѣстнаго протоіерея Павскаго Жуковскій писалъ императрицѣ, что назначенный на такую отвѣтственную должность просвѣщенный и ученый богословъ, какъ нельзя болѣе, способенъ выяснить будущему государю истинный смыслъ словъ: «власть царей исходитъ отъ Бога», которыя такъ часто повторялись въ по-

[1]) «Образованіе», 1902 г., №№ 5—6. «Жуковскій, какъ педагогъ», стр. 51.

[2]) Сборникъ Импер. Русс. истор. общества, т. XXX, стр. XV.

слѣднее время. «Да, эти слова,—разсуждалъ онъ,—высокая истина, когда подъ ними разумѣютъ отвѣтственность предъ верховнымъ судилищемъ, но они не болѣе, какъ пагубное правило для сердца монарха, если означаютъ: «мнѣ все позволено, потому что я зависимъ только отъ Бога». Это понятіе о божественномъ судилищѣ, неразлучное съ уваженіемъ къ мнѣнію человѣческому, которое въ общемъ своемъ значеніи есть не иное что, какъ то же божественное судилище,—это понятіе должно всецѣло овладѣть душою будущаго государя... Только оно можетъ подчинить его долгу, внушить ему довѣріе къ праву, справедливости, свободѣ, просвѣщенію и научить его царствовать для блага народа».

Понятно, что при такихъ взглядахъ на обязанности государя главный и отвѣтственный руководитель воспитанія наслѣдника престола могъ легко и удобно дѣйствовать въ духѣ первоначальнаго намѣренія Николая, желавшаго выработать изъ своего сына прежде всего человѣка, а затѣмъ уже будущаго самодержавнаго монарха. Правда, замѣтивъ однажды въ цесаревичѣ недостатокъ усердія къ военнымъ наукамъ, императоръ Николай довольно рѣшительно потребовалъ, чтобы военныя науки занимали въ образовательной системѣ наслѣдника доминирующее положеніе, способное образовать изъ него «военнаго въ душѣ», безъ чего, по словамъ государя, онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ [1]). Правда и то, что императоръ Николай, высоко цѣнившій военное образованіе, настойчиво требовалъ, чтобы наслѣдникъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ обязательно участвовалъ во всѣхъ смотрахъ и парадахъ. Но, въ данномъ случаѣ, взгляды государя и отвѣтственнаго руководителя воспитанія Александра, которому императоръ Николай вполнѣ довѣрялъ и предоставлялъ значительную свободу дѣйствій, далеко не совпадали между собою; по крайней мѣрѣ, по поводу постояннаго участія наслѣдника въ военныхъ смотрахъ и парадахъ Жуковскій, нисколько не стѣсняясь, высказывалъ императрицѣ свои опасенія, какъ бы «эти воинственныя игрушки не испортили въ немъ того, что должно быть первымъ его назначеніемъ». «Долженъ ли будущій государь,—писалъ онъ,—быть только воиномъ, дѣйствовать въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будутъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность? Государыня, простите мои восклицанія, но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ—казарму». Можно думать, что Жуковскій не ограничивался только одними безплодными сѣтованіями на внесеніе нежелательныхъ элементовъ въ воспитаніе наслѣдника престола и употреблялъ, съ своей стороны, всѣ находившіяся въ

[1]) Татищевъ. Императоръ Александръ II, т. I, стр. 58.

его распоряженіи средства, чтобы парализовать вредное вліяніе излишняго увлеченія «воинственными игрушками». Къ сожалѣнію, ни документальныя данныя, имѣющія отношеніе къ воспитанію и образованію наслѣдника престола и обнародованныя Императорскимъ Русскимъ историческимъ обществомъ [1]), ни обширная монографія Татищева, посвященная жизни и царствованію императора Александра II [2]), не предоставляютъ въ наше распоряженіе достаточнаго количества матеріала, необходимаго для того, чтобы научно обосновать высказанную мысль и превратить ее изъ болѣе или менѣе вѣроятнаго предположенія въ несомнѣнный историческій фактъ. Историкъ можетъ лишь констатировать, что стремленіе императора Николая привить наслѣднику престола свою страсть къ военнымъ смотрамъ и парадамъ, несмотря на вполнѣ вѣроятныя усилія воспитателей парализовать нежелательное вліяніе излишняго увлеченія «воинственными игрушками», не осталось совершенно безрезультатнымъ; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что императоръ Александръ II въ первое время своего царствованія не былъ вполнѣ свободенъ и отъ увлеченія чисто внѣшнею, парадною стороною военной дѣятельности. Да и впослѣдствіи, въ теченіе всего своего 25-лѣтняго царствованія онъ уже никогда не былъ въ состояніи совершенно освободиться отъ внушенной ему съ дѣтства страстной привязанности къ военному дѣлу. Не даромъ и авторъ новѣйшаго изслѣдованія александровской эпохи, спеціально посвятившій свою обширную монографію изученію жизни преобразователя Россіи, долженъ былъ признать, что въ царственной дѣятельности императора Александра II изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія развитіе и усовершенствованіе военныхъ силъ имперіи занимали едва ли не первое мѣсто. Императоръ Александръ II, не безъ основанія утверждаетъ Татищевъ, авторъ упомянутаго изслѣдованія [3]), «посвящалъ арміи и флоту значительную часть своего времени, трудовъ и заботъ. Военныя занятія и упражненія служили для него самого какъ бы отдыхомъ и развлеченіемъ. Воскресные разводы въ манежѣ зимою, лѣтомъ — лагерные сборы въ Красномъ Селѣ, постоянные объѣзды войскъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи, ученья, смотры, парады, маневры наполняли, такъ сказать, жизнь государя».

Вмѣстѣ съ излишнимъ пристрастіемъ къ «парадной» военной дѣятельности, какъ отдаленнымъ и безсознательнымъ результатомъ отрицательныхъ сторонъ въ воспитательной системѣ наслѣдника русскаго престола, будущій императоръ Александръ II не могъ похвалиться

---

[1]) Сборникъ Импер. Русск. ист. общества, т.т. XXX и XXXI.
[2]) Татищевъ. Императоръ Александръ II.
[3]) Татищевъ. Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Т. II, стр. 183—184.

и тѣмъ громаднымъ запасомъ энергіи и силы воли, какой былъ рѣшительно необходимъ самодержавному государю, чтобы довести до благополучнаго конца выпавшую на его долю трудную и сложную задачу всесторонняго обновленія государственной и народной жизни. Не даромъ воспитатель Александра, можетъ быть, даже несовсѣмъ безпристрастный къ своему любимому питомцу, констатируя у него «доброе сердце, готовое на все хорошее и благородное», въ то же время не разъ высказывалъ безпокойство по поводу одного крупнаго недостатка порученнаго его руководству царственнаго ученика. Такимъ крупнымъ недостаткомъ наслѣдника, нерѣдко безпокоившимъ нѣжно привязаннаго къ нему воспитателя, было отсутствіе твердаго характера, непостоянство въ добровольномъ исполненіи различныхъ моральныхъ обязанностей и значительная инертность, апатичность въ борьбѣ съ трудностями и препятствіями, какія часто приходится преодолѣвать каждому при достиженіи извѣстной цѣли. Но, несмотря на то, что такіе важные недостатки въ характерѣ будущаго самодержавнаго русскаго государя иногда вызывали чувство безпокойства въ средѣ нѣкоторыхъ изъ воспитателей Александра, не видно, чтобы принимались какія либо удачныя и энергичныя педагогическія мѣры для сглаживанія и устраненія замѣченныхъ недостатковъ. Не видно также, чтобы и въ болѣе поздній періодъ, когда уже Александръ освободился изъ-подъ ферулы различныхъ воспитателей и многочисленныхъ наставниковъ, наслѣдникъ престола самостоятельно работалъ надъ собою, надъ искорененіемъ тѣхъ существенно-важныхъ дефектовъ своей натуры, которые успѣли развиться и окрѣпнуть въ немъ подъ вліяніемъ различныхъ недочетовъ самой воспитательной системы. А между тѣмъ ему, поставленному условіями исторической жизни во главѣ могущественнаго общественнаго движенія, неудержимо требовавшаго всесторонняго обновленія русской государственной и общественной жизни, былъ не только важенъ, но и положительно необходимъ сильный и энергичный характеръ, не способный отступать предъ воображаемыми препятствіями и опасностями, чтобы осуществить на практикѣ, во всей ихъ полнотѣ и объемѣ, разнообразныя передовыя преобразовательныя идеи лучшей части мыслящаго русскаго общества.

II.

Время вступленія на престолъ императора Александра II, какъ извѣстно, совпало съ однимъ изъ наиболѣе критическихъ и знаменательныхъ періодовъ исторической жизни Русскаго государства. Несчастная крымская война, наглядно убѣдившая самые заскорузлые умы въ полной несостоятельности давно уже отжившаго свой вѣкъ отечественнаго административнаго и общественнаго устройства, естественнымъ образомъ вызвала неизбѣжную и спасительную ре-

акцію почти во всѣхъ областяхъ нашей внутренней правительственной политики. Передовые общественные элементы, прекрасно сознававшіе печальное положеніе своей родины, но не имѣвшіе въ николаевское царствованіе никакой возможности проводить въ практическую, реальную жизнь свои либеральныя, передовыя идеи, теперь, почувствовавъ подъ собою твердую почву въ широкомъ общественномъ сочувствіи, путемъ упорной борьбы сумѣли отвоевать себѣ мѣсто и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Прежніе дѣятели суровой и печальной николаевской эпохи подъ вліяніемъ тяжелыхъ уроковъ былого правительственнаго режима или умственно прозрѣли и сознательно и добровольно присоединились къ новому могучему общественному движенію, или же увидѣли себя вынужденными временно отойти отъ отвѣтственнаго завѣдыванія государственными дѣлами.

Правда, въ нашей литературѣ высказывались и взгляды на время вступленія на престолъ императора Александра II, какъ на рѣдкій, исключительный моментъ въ жизни русскаго народа, когда все безъ исключенія мыслящее, интеллигентное общество дружно объединилось между собою въ одномъ общемъ, неудержимомъ стремленіи къ коренному переустройству всѣхъ сторонъ давно уже обветшавшаго государственнаго и общественнаго механизма. Когда послѣ Севастопольскаго погрома съ его горькими уроками и печальными неожиданностями для русскаго общества вся Россія точно проснулась отъ летаргическаго сна, читаемъ въ одной изъ довольно удачныхъ характеристикъ «шестидесятыхъ годовъ», «всѣ почувствовали, что порвался какой-то нервъ, что теперь уже дорога къ старому закрылась. Это былъ одинъ изъ тѣхъ начинающихся историческихъ моментовъ, которые подготовляются не годами, а вѣками, а они такъ неустранимы, какъ лавины въ горахъ, какъ ливни подъ экваторомъ. Единоличная воля въ такихъ случаяхъ исчезаетъ и всѣми, сверху до низу, овладѣваетъ одинъ общій жизненный порывъ, въ началѣ инстинктивный, какъ глубокій вздохъ послѣ летаргическаго сна, какъ первое свѣтлое пробужденіе послѣ горячки», а затѣмъ постепенно переходящій въ сознательное и энергичное стремленіе къ новой плодотворной работѣ. «Тогда всѣми и каждымъ овладѣваетъ одно и то же душевное состояніе, всѣ и каждый изъ безсознательнаго, инстинктивнаго состоянія переходятъ къ работѣ мысли, всѣ и каждый начинаютъ думать. Въ томъ, что послѣ Севастополя всѣ очнулись, всѣ стали думать, и всѣми овладѣло критическое настроеніе, и заключается разгадка мистическаго секрета шестидесятыхъ годовъ. Всѣ—вотъ секретъ того времени и секретъ успѣха всѣхъ реформъ» [1]).

---

[1]) Шелгуновъ. «Собраніе сочиненій».

Но намъ кажется, что въ дѣйствительности, къ несчастію русскаго общества и государства, ясное сознаніе всей несостоятельности устарѣвшей государственной системы, несмотря на самые осязательные печальные уроки, далеко не было настолько универсальнымъ въ высшихъ правящихъ сферахъ, какъ это представляется авторамъ многочисленныхъ полуисторическихъ и полупублицистическихъ статей, съ типичнымъ образчикомъ которыхъ мы только что познакомились. Нижнее общественное теченіе, давно уже стремившееся прорвать неестественныя преграды и войти въ надлежащее, природное, просторное русло, подъ низкимъ давленіемъ возмущенной политической атмосферы и подъ вліяніемъ вызванныхъ имъ обильныхъ атмосферическихъ осадковъ, временно справилось съ своей нелегкой задачей, подхватило съ собою не только передовыхъ правительственныхъ дѣятелей, но и нѣкоторыхъ изъ старыхъ николаевскихъ служакъ, однакоже не потопило въ своихъ бурныхъ волнахъ и даже не обезсилило совершенно тѣхъ далеко еще немалочисленныхъ представителей противоположнаго общественнаго теченія, для которыхъ, къ сожалѣнію, могутъ иногда проходить безслѣдно самые назидательные историческіе уроки. Стоявшіе у власти консервативные и ретроградные общественные элементы, оказавшіеся безсильными сдержать энергичный напоръ новыхъ либеральныхъ идей, частью сознательно перешли на сторону новаго курса, частью же просто вынужденно примолкли, занявъ выжидательное положеніе и нисколько не отказавшись отъ мысли пользоваться всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи средствами, чтобы тормазить и парализовать прогрессивное общественное движеніе.

Императоръ Александръ II, призванный къ управленію государствомъ въ самый критическій, переходный моментъ его исторической жизни, хотя по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ далеко не стоялъ во главѣ передового общественнаго движенія, все же вполнѣ искренно сочувствовалъ многимъ, давно уже назрѣвшимъ, либеральнымъ преобразовательнымъ идеямъ и въ началѣ совершенно добровольно пользовался своимъ положеніемъ для проведенія ихъ въ практическую русскую жизнь. Но затѣмъ, когда нѣсколько улегся первый порывъ небывалаго общественнаго настроенія, нашедшаго себѣ выходъ въ наиболѣе крупныхъ и цѣнныхъ правительственныхъ реформахъ, вновь оживились старыя традиціонныя стремленія высшихъ бюрократическихъ сферъ, отодвинутыя было на задній планъ свѣжей идейной волной первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія. Дѣйствуя во имя старыхъ, давно уже отжившихъ, принциповъ, блестяще опровергнутыхъ самою жизнью, или же руководясь односторонними узко-сословными интересами и даже чисто эгоистическими побужденіями, оживившіеся консервативные общественные элементы вновь стали оказывать

всевозможными способами свое вліяніе на неугодный для нихъ ходъ внутренней политики Русскаго государства. Императоръ Александръ, никогда не отличавшійся особенной твердостью характера и упорнымъ постоянствомъ въ достиженіи разъ намѣченной цѣли и еще въ молодости безпокоившій воспитателей своею апатичностью въ борьбѣ съ трудностями и препятствіями, не пожелалъ или оказался безсильнымъ воспользоваться своимъ властнымъ положеніемъ, чтобы обезопасить сдѣланныя и задуманныя преобразованія отъ всевозможныхъ урѣзокъ и серьезныхъ искаженій. Результатомъ такого печальнаго положенія дѣлъ и явилась та малосмысленная реакція, которая совершенно неожиданно дли передового русскаго общества началась въ высшихъ правящихъ сферахъ, уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ вступленія на престолъ императора Александра, когда, повидимому, его широкая преобразовательная дѣятельность находилась еще въ полномъ разгарѣ.

Едва ли не ранѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ государственной и общественной жизни, болѣе или менѣе замѣтное вліяніе прогрессивныхъ идей передовыхъ общественныхъ элементовъ сказалось съ прекращеніемъ николаевскаго тридцатилѣтія въ такой эластичной области, какой является печатное слово, гдѣ всегда возможны значительныя перемѣны и безъ особыхъ законодательныхъ мѣръ въ силу простыхъ вѣяній въ высшихъ правящихъ сферахъ. Извѣстно, въ какомъ плачевномъ положеніи находилась наша печать, особенно повременная, въ послѣдніе годы николаевскаго царствованія. И вотъ мы видимъ, что едва лишь успѣлъ вступить на престолъ императоръ Александръ и прежде, чѣмъ были приняты при немъ какія бы то ни было мѣры по вопросу о положеніи печати, какъ уже въ средѣ самихъ представителей сдерживающей цензорской силы стали пробиваться новыя свѣжія мысли. Подъ 20 числомъ мѣсяца марта 1855 года въ «Дневникѣ» бывшаго цензора Никитенка встрѣчается, напримѣръ, такая интересная замѣтка: «Былъ поутру у министра и представилъ ему, что намъ прежде всего нужно заняться цензурою... Министръ съ жаромъ ухватился за эту мысль и просилъ меня заняться теперь исключительно инструкціею цензорамъ... Предметъ важный. Настаетъ пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и пьяницами» [1]). Хотя изъ приведенной, очень цѣнной для насъ, замѣтки Никитенка, а также и изъ другихъ мѣстъ дневника бывшаго цензора, увѣряющаго, что Норовъ пришелъ въ восторгъ отъ выработанной имъ инструкціи [2]), и можно, повидимому, сдѣлать заключеніе, что министръ,

---

[1]) Записки и дневникъ Никитенка, т. II, стр. 3.

[2]) Тамъ же, стр. 5.

подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній только что начавшагося царствованія, былъ готовъ совершенно отрѣшиться отъ традиціонныхъ николаевскихъ отношеній къ печатному слову, но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе происшедшей перемѣны въ высшихъ министерскихъ сферахъ. Министръ народнаго просвѣщенія и другіе николаевскіе дѣятели, имѣвшіе ближайшее отношеніе къ дѣламъ печати, хотя и не могли считать себя совершенно застрахованными отъ вліянія прогрессивныхъ идей передовой части русскаго общества, однако были еще слишкомъ далеки отъ рѣшительныхъ и радикальныхъ перемѣнъ въ интересующей насъ области государственной и общественной жизни. По крайней мѣрѣ, министръ, пришедшій въ восторгъ отъ новой инструкціи цензорамъ и въ восхищеніи обнимавшій ея автора [1]), въ дѣйствительности не исполнилъ своего обѣщанія, даннаго Никитенку, и, при личномъ докладѣ государю по цензурнымъ дѣламъ, не нашелъ нужнымъ представить ее на высочайшее утвержденіе [2]). Онъ даже не сумѣлъ или, вѣрнѣе, не пожелалъ настоять предъ государемъ на необходимости закрытія печальной памяти негласнаго николаевскаго комитета, создавшаго въ исторіи нашей литературы такъ называемую «эпоху цензурнаго террора».

И только уже послѣ севастопольскаго погрома, когда въ общественное сознаніе все болѣе настойчиво стала проникать мысль о крѣпостничествѣ мысли, какъ объ одной изъ главныхъ и существенныхъ причинъ крайне печальнаго и рискованнаго положенія государства, самъ предсѣдатель цензурнаго комитета, баронъ Корфъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ представить государю всеподданнѣйшій докладъ о прекращеніи дѣятельности негласнаго комитета, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ игравшаго роль Дамоклова меча не только надъ лицами, непосредственно причастными къ литературѣ, но и надъ самими цензорами. Осмѣлюсь сказать,—писалъ Корфъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ,—что комитетъ, окончательно совершивъ свое назначеніе, «въ настоящее время не только пересталъ быть полезнымъ, но и сдѣлался вреднымъ. Во всѣхъ законодательствахъ принято за основаніе, что представленіе авторомъ книги въ цензуру избавляетъ его отъ всякаго личнаго преслѣдованія; опасенія же авторовъ, что они, несмотря на пропускъ цензора, могутъ подвергнуться взысканію (отъ негласнаго комитета) безъ истребованія какихъ бы то ни было предварительныхъ объясненій, доводитъ иногда до цѣли, совершенно противоположной: распространяется рукописная литература, гораздо болѣе опасная, такъ какъ она читается съ жадностью, и противъ нея безсильны всѣ полицейскія мѣры».

---

[1]) Записки и дневникъ Никитенко, т. II.
[2]) Тамъ же, стр. 8.

Необычныя для одного изъ видныхъ столповъ николаевскаго режима и косвеннаго виновника минувшаго литературнаго террора, обличительныя рѣчи самого предсѣдателя комитета, вызванныя, очевидно, давленіемъ зарождавшагося и развивавшагося общественнаго мнѣнія, повліяли на молодого государя, и негласный комитетъ, по высочайшему повелѣнію, прекратилъ свое существованіе въ концѣ перваго же года новаго царствованія.

Но какъ ни важенъ былъ фактъ прекращенія эпохи цензурнаго террора, созданной и поддерживавшейся упраздненнымъ негласнымъ комитетомъ, и какъ ни знаменательны были новыя неслыханныя рѣчи въ устахъ высшихъ представителей типичной николаевской бюрократіи, все же до основныхъ и радикальныхъ перемѣнъ, способныхъ существеннымъ образомъ улучшить положеніе нашей печати, въ самомъ началѣ новаго царствованія было пока еще очень далеко. Послѣ упраздненія комитета, читаемъ въ одной изъ новѣйшихъ работъ по интересующему насъ вопросу, «русское общество, сдавленное желѣзными обручами тридцатилѣтней ковки, единогласно стало высказываться за необходимость предоставленія себѣ свободы слова»[1]). Правда, передовые общественные круги, по словамъ того же автора послѣднихъ трудовъ по исторіи русской цензуры, прекрасно сознавали «всю неосновательность надеждъ оптимистовъ на какія бы то ни было серьезныя реформы въ цензурномъ отношеніи, такъ какъ видѣли отсутствіе для этого и людей и настроенія въ бюрократическихъ верхахъ, чувствовали присутствіе кругомъ еще крѣпкихъ столповъ рухнувшаго желѣзнаго тридцатилѣтія, но, все-таки, не могли не привѣтствовать упраздненія комитета, какъ заключенный въ казематѣ, при всей своей пессимистической сдержанности, не можетъ не привѣтствовать своего перевода въ общую камеру»[2]).

И дѣйствительно, несмотря на то, что послѣ закрытія негласнаго комитета почти еще въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ александровское правительство, занятое другими крупными и сложными реформами, не принимало никакихъ существенныхъ законодательныхъ мѣръ по вопросу о печати, и пресса попрежнему должна была жить и развиваться при дѣйствіи старыхъ суровыхъ николаевскихъ законовъ, никогда, какъ извѣстно, наша печать не отличалась такою относительной смѣлостью въ правдивомъ обсужденіи различныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, какъ именно теперь въ первые годы послѣ прекращенія эпохи цензурнаго террора, созданнаго и усердно поддерживавшагося упраздненнымъ негласнымъ комитетомъ. Такое, повидимому, довольно странное и несовсѣмъ понятное явленіе просто объяснялось

---

[1]) Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. VII.
[2]) Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры, стр. 311.

тѣмъ обстоятельствомъ, что новый духъ времени, новое господствовавшее общественное настроеніе, захватившее самые широкіе круги нашей интеллигенціи, не могло пройти совершенно безслѣдно и для самихъ представителей русской цензуры. Послѣдовавшее послѣ крымской войны общее реформаціонное, чисто стихійное движеніе, увлекшее за собою нашу повременную печать,—справедливо замѣчаетъ Скабичевскій, авторъ извѣстныхъ Очерковъ по исторіи русской цензуры,—«вмѣстѣ съ тѣмъ увлекло и значительную часть самихъ цензоровъ, и грозныя цензурныя постановленія конца сороковыхъ годовъ начали безцеремонно обходиться, а если и употреблялись, какъ слѣпое орудіе со стороны наиболѣе рьяныхъ приверженцевъ дореформенныхъ порядковъ, то возбуждали протесты и оппозицію въ либеральномъ мірѣ, и реакціонеры очень часто принуждены бывали отступать»[1]).

Правда, въ общей исторической литературѣ, не занимавшейся спеціально изслѣдованіемъ интересующаго насъ вопроса, какъ, напримѣръ, въ пользующихся обширною популярностью очеркахъ Джаншіева «Изъ эпохи великихъ реформъ», высказывались безъ достаточныхъ фактическихъ основаній и такія мысли, что будто бы правительство уже при самомъ началѣ рѣшительныхъ работъ по освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ значительно смягчило формальныя цензурныя строгости, но, къ сожалѣнію, документальные источники нисколько не подтверждаютъ такого мнѣнія. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ для насъ свидѣтельство такого компетентнаго лица, какимъ былъ баронъ Корфъ, создавшій негласный николаевскій цензурный комитетъ и въ первые годы александровскаго царствованія имѣвшій ближайшее отношеніе къ цензурнымъ дѣламъ. Въ своихъ объясненіяхъ происхожденія небывалой свободы русской печати въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—объясненіяхъ, имѣвшихъ чисто офиціальный характеръ, баронъ Корфъ прямо и рѣшительно утверждалъ, что «въ постановленіяхъ цензурныхъ не послѣдовало въ истекшіе годы (т.-е. до 1864 года, къ которому относятся цитируемыя слова) никакихъ существенныхъ измѣненій; въ цензора,—увѣрялъ онъ,—назначались люди не менѣе благонадежные; ...попеченія высшаго правительства о предупрежденіи заблужденій печати не прекращались и не ослабѣвали; напротивъ, никогда не было столько, сколько въ началѣ новаго царствованія, заботъ и стараній о бдительнѣйшемъ надзорѣ за литературою. Были создаваемы даже особыя учрежденія собственно съ цѣлью направлять общественное мнѣніе. Но всѣ усилія, въ окончательномъ результатѣ, приводили къ послѣдствіямъ, прямо противнымъ желаемому». Разбираясь въ такомъ сложномъ явленіи, Корфъ съ полнымъ пониманіемъ дѣла

[1]) Скабичевскій. Очерки русской цензуры, стр. 390—391.

объяснялъ его измѣненіемъ той обстановки, той атмосферы, которою прежде окружена была наша русская цензура. Появились новыя условія жизни,—говорилъ онъ,—и вездѣ принесли съ собой смертный приговоръ старой, отжившей цензурѣ. «Оказалось, по его словамъ, что когда въ обществѣ возникаетъ истинная потребность свободно высказываться, правительству дѣлается невозможнымъ противодѣйствовать (такому движенію), потребность эта обращается въ неудержимую силу, отъ которой не спасется и офиціальный кругъ, такъ какъ и онъ дышитъ однимъ воздухомъ со всѣми. Мы безпрестанно видѣли это въ событіяхъ истекшихъ годовъ. Цензоры, прежде пользовавшіеся репутаціею строгости, вдругъ стали на все смотрѣть сквозь пальцы»[1]).

Немало подтвержденій высказанному положенію объ отсутствіи какихъ либо серьезныхъ правительственныхъ цензурныхъ облегченій въ началѣ александровскаго царствованія можно встрѣтить и въ запискахъ другого виднаго дѣятеля изучаемой эпохи, имѣвшаго ближайшее отношеніе къ русской цензурѣ,—бывшаго цензора Никитенка. Сообщая объ одной неудавшейся попыткѣ министра народнаго просвѣщенія Норова внести значительныя послабленія въ дѣйствія цензуры, Никитенко писалъ въ 1858 году, что противъ Норова, прочитавшаго въ засѣданіи совѣта министровъ спеціальную записку по интересующему насъ вопросу, возсталъ гр. Панинъ, «врагъ мысли и всякаго гражданскаго, умственнаго и нравственнаго усовершенствованія». «Бѣдный Норовъ», по словамъ Никитенка[2]), «началъ было защищать дѣло просвѣщенія и литературы, но защита его вышла хуже нападокъ». Панинъ, не лишенный ума, а главное—умѣвшій говорить, восторжествовалъ, и цензурѣ было приказано строже относиться къ литературѣ.

И самъ государь при всемъ своемъ нежеланіи стѣснять литературу далеко не вполнѣ довѣрялъ благонамѣренности оживившейся прессы и не разъ даже высказывался за необходимость неослабнаго цензурнаго надзора. Тотъ же Никитенко, упоминая въ своемъ дневникѣ о первомъ засѣданіи особаго комитета, учрежденнаго въ 1858 году для пересмотра стараго и составленія новаго цензурнаго устава, дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній, характеризующихъ и отношеніе самого государя къ прочитанной въ засѣданіи запискѣ о направленіи современной литературы. Министръ народнаго просвѣщенія представилъ императору Александру II, составленный княземъ Вяземскимъ, спеціальный докладъ о состояніи повременной прессы, гдѣ авторъ въ интересахъ мысли и просвѣщенія оправдывалъ литературу отъ возводимыхъ на нее обвиненій. Государь не оставилъ безъ своихъ замѣчаній

---

[1]) Матеріалы, собранные особою комиссіею... 1869 г....

[2]) Записки и дневникъ, т. II, стр. 76.

прочитанную записку. «Нѣкоторыя мѣста въ ней,—читаемъ въ дневникѣ Никитенка [1]),—онъ одобрилъ, къ другимъ отнесся недовѣрчиво, и въ замѣчаніяхъ его тогда проглядывало какъ бы нерасположеніе къ литературѣ и сомнѣніе въ ея благонамѣренности. Вообще онъ считалъ необходимымъ бдительное цензурное наблюденіе за нею». То же колебаніе и нерѣшительность въ своихъ отношеніяхъ къ печати высказалъ государь и въ личномъ разговорѣ съ самимъ авторомъ цитируемаго дневника. Похваливъ записку о цензурѣ, составленную Никитенкомъ и направленную противъ стѣснительныхъ цензурныхъ мѣръ, императоръ Александръ замѣтилъ, что въ литературѣ несомнѣнно существуютъ стремленія, несогласныя съ видами правительства. «Ихъ,—говорилъ государь [2]),—надо останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ бы, чтобы важные вопросы разсматривались и обсуждались научнымъ образомъ: наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики».

Неудивительно, что такая неустойчивость и нерѣшительность императора Александра имѣли огромное значеніе для немалочисленныхъ еще и вліятельныхъ враговъ свободы слова, стоявшихъ тогда во главѣ государственнаго управленія и усердно пользовавшихся слабохарактерностью государя для упорнаго реакціоннаго противодѣйствія прогрессивному общественному движенію. Во главѣ враговъ и свободы слова, по справедливому замѣчанію Арсеньева, автора перваго выпуска новѣйшаго изслѣдованія о великихъ реформахъ 60-хъ годовъ [3]), стояли министръ юстиціи, гр. Панинъ, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. Орловъ, шефъ жандармовъ Долгоруковъ, министръ финансовъ Брокъ и министръ путей сообщенія Чевкинъ. Къ сожалѣнію, «такихъ послѣдовательныхъ и сильныхъ защитниковъ, какими», по его словамъ [4]), «были великій князь Константинъ Николаевичъ, Ростовцевъ, Милютинъ, даже Ланской для крестьянской реформы, Бутковъ, Стояновскій, Зарудный, Замятнинъ—для реформы судебной и Головнинъ—для реформы университетской,—свобода печати въ офиціальномъ мірѣ не имѣла». Отсутствіе такихъ стойкихъ и сильныхъ защитниковъ давало легкую возможность крѣпкимъ еще столпамъ минувшаго николаевскаго режима дѣйствовать въ интересахъ своей партіи на колебавшагося государя, не успѣвшаго выработать себѣ твердыхъ, разъ навсегда установившихся и неизмѣнныхъ убѣжденій по интересующему насъ вопросу. Панинъ, Чевкинъ и ихъ единомышленники, обвинявшіе русскую прессу ни болѣе, ни менѣе, какъ въ подготовленіи революціи въ Россіи [5]), оказывали еще сильное да-

---

1) Т. II, стр. 79.
2) Тамъ же, стр. 141.
3) Арсеньевъ. Великія реформы 60-хъ гг. Законодательство о печати, стр. 7.
4) Тамъ же, стр. 8.
5) Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, стр. 120.

вленіе на правящіе бюрократическіе верхи, несмотря на присутствіе въ нихъ и около самого государя новыхъ прогрессивныхъ элементовъ. «Насколько эта темная клика была сильна поддержкой,—вполнѣ справедливо замѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь по исторіи русской цензуры [1]),—можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что очень близкій къ государю великій князь Константинъ Николаевичъ, «защитникъ и глава всѣхъ мыслящихъ людей, глава такъ называемаго прогресса», часто не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ мракобѣсіемъ панинской партіи»...

Подъ давленіемъ панинской партіи, временно забравшей въ сферу своего вліянія и самого государя, который теперь даже написалъ на докладѣ министра народнаго просвѣщенія о несовмѣстимости нѣкоторыхъ стѣсненій съ современнымъ прогрессомъ: «что за прогрессъ!!! прошу слова этого не употреблять въ офиціальныхъ бумагахъ»,—съ 1858 года стали значительно усиливаться всевозможныя репрессивныя мѣры противъ періодической прессы, постепенно дѣлавшейся все болѣе рѣшительной въ обсужденіи разнообразныхъ вопросовъ государственной жизни.

«По предложенію Панина,—читаемъ въ дневникѣ Никитенка за 1858 годъ [2]),—на печать страшно налегаютъ...». «У насъ поворотъ назадъ,—замѣчаетъ Никитенко чрезъ нѣсколько дней [3]),—становится очевиднымъ... изъ цензурныхъ стѣсненій».

Но такъ какъ цензурныя стѣсненія могли только сдерживать прессу въ извѣстныхъ предѣлахъ, но были безсильны дѣйствовать на самое направленіе литературы, которое признавалось «дурнымъ» самимъ государемъ [4]), то въ высшихъ правительственныхъ кругахъ задумали вновь создать верховный негласный комитетъ для нравственнаго воздѣйствія на литературу. Въ началѣ 1859 года реакціонной бюрократической партіи удалось добиться высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи негласнаго «Комитета по дѣламъ книгопечатанія», и государь согласился предоставить послѣднему очень важное право неофиціальнаго надзора за самымъ направленіемъ нашей литературы и принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ регулированію литературныхъ направленій въ видахъ и цѣляхъ правительства. «Если бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей,—замѣтилъ Никитенко по поводу наличнаго состава вновь организованнаго комитета [5]),—то лучше не нашли бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ, нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ,—они, которые никогда ни

[1]) Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры, стр. 321.
[2]) Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, стр. 94.
[3]) Тамъ же, стр. 95.
[4]) Тамъ же, т. II.
[5]) Тамъ же, стр. 120.

о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читаютъ! Смѣхъ и горе!»

Не трудно понять, что организованный съ такими своеобразными побужденіями и составленный изъ такихъ оригинальныхъ государственныхъ дѣятелей комитетъ въ скоромъ же времени оказался совершенно непригоднымъ для достиженія намѣченной цѣли и успѣлъ вызвать противъ себя сильное недовольство въ литературныхъ и общественныхъ кругахъ. «Комитетъ,—писалъ авторъ не разъ уже цитированнаго нами дневника,— вступилъ наконецъ гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій. Комитету дано, между прочимъ, право задерживать до его разрѣшенія выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это, негодовалъ Никитенко, хуже бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже императоръ Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото!».

Императоръ Александръ зналъ объ отношеніи общества къ непопулярному комитету [1]), да и самъ комитетъ уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ своего неудачнаго негласнаго руководительства непослушною русской литературой долженъ былъ офиціально признать, что его дальнѣйшая дѣятельность сдѣлалась не только затруднительной, но и прямо невозможной [2]). Совѣтъ министровъ, собравшійся подъ предсѣдательствомъ самого государя для обсужденія оригинальнаго комитетскаго доклада о своемъ собственномъ самоуничтоженіи, хотя и прекратилъ дальнѣйшее существованіе негласнаго комитета, но не внесъ существенныхъ улучшеній въ положеніе русской литературы. Вліяніе сильной реакціонной панинской партіи на императора Александра сказалось вновь обострившимся и довольно значительнымъ нерасположеніемъ государя къ періодической прессѣ. «Государь,—писалъ Никитенко по поводу новыхъ цензурныхъ перемѣнъ [3]),—оказался сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородные, разумные и справедливые доводы министра въ защиту ея, кажется, не произвели большого впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безсмыслія».

Правда, по прекращеніи самостоятельнаго существованія негласнаго комитета, было признано цѣлесообразнымъ отдѣлить цензурное управленіе отъ министерства народнаго просвѣщенія и превратить его въ особое учрежденіе, на правахъ независимаго министерства. Въ данномъ случаѣ нельзя, конечно, не согласиться съ

---

[1]) Никитенко. Записки и Дневникъ, стр. 142.
[2]) Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры, стр. 365.
[3]) Никитенко. Дневникъ, т. II, стр. 169.

нѣкоторыми изслѣдователями нашего историческаго прошлаго [1]), что идея отдѣленія цензуры отъ всѣхъ другихъ министерствъ, всегда способныхъ изъ-за личнаго недовольства вносить въ дѣло гласности совершенно несовмѣстимые съ нею элементы, была одна изъ самыхъ удачныхъ и свѣтлыхъ мыслей, нашедшихъ себѣ мѣсто въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, занятыхъ вопросомъ объ урегулированіи ненормальнаго положенія русской печати. Къ сожалѣнію, однако же, государь рѣшился поручить постъ главы вновь учреждаемаго министерства барону Корфу, состоявшему когда-то предсѣдателемъ печальной памяти николаевскаго негласнаго комитета, и Корфъ успѣлъ еще до образованія министерства вызвать сильную оппозицію задуманному дѣлу во многихъ вліятельныхъ лицахъ, сумѣвшихъ поколебать Александра II въ разъ принятомъ рѣшеніи.

Проектированное, по иниціативѣ самого государя [2]), новое министерство совсѣмъ не увидѣло свѣта, и высшее завѣдываніе всѣми дѣлами о печати было сосредоточено въ началѣ 1860 года въ главномъ управленіи цензуры, хотя и нѣсколько реорганизованномъ, но попрежнему оставленномъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Незначительныя измѣненія въ организаціи главнаго управленія нисколько, конечно, не могли внести какихъ либо существенныхъ улучшеній въ положеніе прессы, такъ какъ отношеніе къ ней современнаго правительства и даже самого государя было далеко неблагопріятное. «Вообще для литературы,— писалъ Никитенко въ скоромъ времени послѣ реорганизаціи главнаго управленія цензуры [3]),—настала эпоха весьма неблагопріятная. Главное, государь сильно противъ нея вооруженъ». «Въ Россіи цензура свирѣпствуетъ» [4]), «цензура стала убійственно сурова» [5]), такими мрачными красками характеризовали многіе видные современники тяжелое положеніе, созданное для русской литературы главнымъ цензурнымъ управленіемъ, гдѣ нѣкоторые члены, по словамъ Никитенка [6]), «дышали ненавистью ко всякой мысли и вообще къ печати».

Но, несмотря на суровыя цензурныя мѣры, повышенное общественное настроеніе неудержимо вліяло на литературу, и періодическая пресса неизмѣнно служила вѣрнымъ выразителемъ взглядовъ и убѣжденій лучшей части русской интеллигенціи. Между тѣмъ, ходъ политической жизни на западѣ Европы и многія важныя отечественныя событія начала 60-хъ годовъ вызвали еще

---

[1]) Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 20.
[2]) Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, стр. 171.
[3]) Тамъ же, стр. 173.
[4]) Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 29.
[5]) Тамъ же, стр. 31.
[6]) Никитенко. Записки и дневникъ, т. II, стр. 179.

бóльшую тревогу въ высшихъ правящихъ сферахъ, и въ самомъ русскомъ обществѣ стали уже раздаваться новые голоса, звучавшіе въ унисонъ съ реакціонной правительственной партіей. Изъ общей массы интеллигентнаго русскаго общества, сознательно относившагося къ протекавшей на его глазахъ государственной и народной жизни, начала выдѣляться постепенно усиливавшаяся партія, которая стремилась объяснить всѣ обнаруживавшіяся неурядицы и происходившіе безпорядки излишней, по ея мнѣнію, лихорадочной поспѣшностью въ реформахъ. Шаблонныя фразы, что «мы еще не созрѣли» для государственной и общественной жизни, разумно организованной на свободныхъ, либеральныхъ началахъ, и что намъ слѣдуетъ не только остановиться, но и возвратиться назадъ, стали сильнѣе раздаваться и въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, которые еще недавно были всецѣло на сторонѣ широкаго реформаціоннаго движенія. Реакціонные элементы, получившіе преобладающее значеніе въ высшихъ правящихъ бюрократическихъ сферахъ, не преминули примкнуть къ новому частичному, партійному общественному движенію, найдя въ немъ значительную и сильную поддержку.

Не имѣя возможности справиться съ сильно выросшей литературой, явно принявшей оппозиціонный характеръ и настойчиво боровшейся противъ всякой посторонней опеки надъ собой, правительство сильно колебалось въ своей неустойчивой политикѣ по отношенію къ періодической прессѣ и часто переходило отъ одной неудачной мѣры къ другой. Министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ, признавъ свое безсиліе въ борьбѣ съ безпрерывными уклоненіями литературы отъ цензурныхъ правилъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ государю съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, гдѣ проектировалъ установить новую «карательную» систему правительственнаго воздѣйствія на частную полунезависимую прессу и привлечь къ этому дѣлу министерство внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ въ высшихъ руководящихъ правительственныхъ сферахъ стали замѣчаться нѣкоторые, хотя и слабые, признаки перемѣны курса политики въ сторону довольно скромнаго либерализма. Стоявшему во главѣ прогрессивной партіи великому князю Константину Николаевичу удалось повліять на государя не въ интересахъ графа Путятина, прибѣгавшаго къ крутымъ мѣрамъ для борьбы съ безпокойнымъ духомъ времени. А такъ какъ Путятинъ не сумѣлъ удовлетворить, въ особенности своими проектами, и реакціонную партію, то отсутствіе сильной поддержки въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ позволило сравнительно легко замѣнить его болѣе либеральнымъ министромъ народнаго просвѣщенія—Головнинымъ.

Но выдвинутый прогрессивной партіей и встрѣченный сочувственно передовымъ русскимъ обществомъ, новый министръ, хотя

и внесъ несомнѣнныя улучшенія въ положеніе литературы, однако далеко не оправдалъ всѣхъ возлагавшихся на него надеждъ. Оцѣнивая его министерскую дѣятельность, имѣвшую своимъ объектомъ русскую періодическую прессу, и, съ этой точки зрѣнія, дѣлая общую характеристику Головнина, новѣйшій изслѣдователь эпохи цензурныхъ реформъ, на основаніи добросовѣстно изученнаго богатаго фактическаго матеріала, довольно вѣрно замѣтилъ, что въ первое время новый министръ казался человѣкомъ, расположеннымъ къ просвѣщенію и свободѣ печати и, повидимому, неспособнымъ ни на компромиссы, ни на карьеризмъ. «Но не прошло и года», по словамъ автора цитируемаго изслѣдованія [1]), «какъ сдѣлалось яснымъ, что твердость не его качество, компромиссъ— способъ его дѣйствій. У него оказалась общая черта съ вліятельнымъ въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ: много говорить, часто либеральничать, но дѣлать слишкомъ мало. Сколько разъ пришлось ему поступаться собственными убѣжденіями, въ видахъ дальнѣйшей прочности на министерскомъ посту»...

Принявъ отъ своего предшественника, начавшееся подъ давленіемъ требованій времени, дѣло о коренной реформѣ цензурной системы, Головнинъ въ первое время, повидимому, не обнаружилъ особеннаго сочувствія къ проекту Путятина, что̀ и не замедлило отразиться на офиціальной разработкѣ даннаго вопроса въ спеціальной правительственной комиссіи. Нужно замѣтить, что проектъ замѣны предупредительной, предварительной цензуры системой карательной цензуры еще при Путятинѣ былъ отданъ на разсмотрѣніе особой смѣшанной комиссіи, составленной изъ представителей министерства народнаго просвѣщенія и министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ отставкою графа Путятина представители министерства народнаго просвѣщенія оказались уже неспособными совершенно отрѣшиться отъ привычной для нихъ традиціонной цензурной практики и высказались, что «карательная система цензуры въ полномъ ея значеніи не можетъ быть введена у насъ въ то время, когда сильное броженіе умовъ, разгаръ страстей отдѣльныхъ партій и политическое движеніе между европейскими народами указываютъ на необходимость предупреждать сильными мѣрами вредное на массу публики вліяніе неблагонамѣренныхъ публицистовъ», и что намъ необходимо только сближеніе бдительной предупредительной цензуры съ системою карательною [2]). Представители же министерства внутреннихъ дѣлъ оказали полную поддержку проекту Путятина и рѣшительно высказались за преобладаніе карательной системы и передачу цензуры въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

---

[1]) Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 85.

[2]) Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры, стр. 472—473.

Работы смѣшанной комиссіи, несмотря на значительное разногласіе во взглядахъ представителей двухъ министерствъ, выяснили, что и Головнинъ, высказывавшійся за предупредительную цензурную систему съ привнесеніемъ въ нее элементовъ карательной, и министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, державшійся противоположнаго мнѣнія, были въ сущности согласны между собой въ самомъ главномъ и существенномъ. Оба они пока еще думали достигнуть соединенія различныхъ элементовъ двухъ цензурныхъ системъ путемъ палліативныхъ мѣръ, съ помощью простыхъ дополненій и измѣненій въ существовавшемъ цензурномъ уставѣ. Но, имѣя уже вполнѣ опредѣленныя намѣренія не подвергать какой либо коренной ломкѣ дѣйствовавшій цензурный уставъ, Головнинъ все же нашелъ нужнымъ обратиться къ самой печати съ предложеніемъ редакціямъ періодическихъ изданій высказать свои взгляды и пожеланія о необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, цензурныхъ преобразованіяхъ. Журналистика, еще не успѣвшая совсѣмъ разувѣриться въ доброкачественности либерализма Головнина, поспѣшила отозваться на небывалый у насъ правительственный призывъ и высказалась противъ цѣлесообразности въ задуманномъ дѣлѣ различныхъ палліативовъ, компромиссовъ и полумѣръ. «Основательное и справедливое измѣненіе въ положеніи литературы, какъ было даже заявлено въ одномъ изъ письменныхъ редакціонныхъ мнѣній, невозможно безъ измѣненія всего характера нашего законодательства и нашихъ учрежденій». Въ то же время вполнѣ справедливо было поставлено на видъ министру народнаго просвѣщенія, что въ такомъ важномъ дѣлѣ нельзя ограничиться однимъ запросомъ письменныхъ мнѣній только отъ нѣкоторыхъ редакцій и литераторовъ, а слѣдуетъ дозволить на опредѣленное время гласное печатное обсужденіе задуманной реформы, съ тѣмъ, чтобы статьи о ней не подвергались предварительному цензурному пересмотру».

Къ сожалѣнію, однакоже, Головнинъ, какъ вполнѣ справедливо замѣтилъ Лемке въ своей интересной монографіи, посвященной эпохѣ цензурныхъ реформъ [1]), «не только не далъ безусловной свободы статьямъ о цензурѣ, о чемъ просили его нѣкоторые изъ литераторовъ, но и сумѣлъ сдѣлать фикціей даже опубликованное призваніе журналистики высказаться по этому важнѣйшему для нея вопросу». Не придавая никакого значенія мнѣніямъ и пожеланіямъ опрошенныхъ имъ представителей самой литературы, Головнинъ внесъ въ совѣтъ министровъ особый докладъ, гдѣ констатировалъ ни болѣе ни менѣе, какъ почти совершенное прекращеніе за послѣднее время цензурныхъ взысканій, результатомъ чего явилась будто бы полная безнаказанность, дѣйствующая на

[1]) «Эпоха цензурныхъ реформъ», стр. 194.

самыя основы общества. Утверждая, что «нельзя оставлять безнаказаннымъ то, что вредитъ христіанской религіи, народной нравственности и основнымъ началамъ нашего государственнаго устройства», онъ и предложилъ пересмотрѣть въ намѣченномъ уже духѣ устарѣвшій цензурный уставъ и немедленно сдѣлать нѣсколько новыхъ распоряженій. Въ томъ же докладѣ проводилась и ранѣе намѣченная мысль о соединеніи элементовъ предупредительной и карательной системы, а также идея о привлеченіи министерства внутреннихъ дѣлъ къ наблюденію за исполненіемъ статей цензурнаго устава, съ оставленіемъ за министерствомъ народнаго просвѣщенія обязанности слѣдить за направленіемъ литературы.

Докладъ Головнина былъ сочувственно принятъ совѣтомъ министровъ, и 10-го марта 1862 года государь, подъ вліяніемъ заинтересованныхъ лицъ, сдѣлалъ первый шагъ къ переходу «литературной команды» въ руки давно уже добиравшагося до цензуры министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Высочайшимъ указомъ наблюденіе за печатью съ полицейской точки зрѣнія было возложено на министра внутреннихъ дѣлъ, но при этомъ еще вмѣнялось ему въ обязанность сообщать обо всѣхъ литературныхъ проступкахъ и преступленіяхъ, требовавшихъ правительственной кары, министру народнаго просвѣщенія. Въ то же время была организована особая комиссія для пересмотра цензурнаго устава и выработки проекта новаго законоположенія о печати. Практика, однако же, показала крайнее неудобство раздѣленія цензуры между двумя вѣдомствами, и въ началѣ 1863 года надзоръ за печатью окончательно перешелъ въ завѣдываніе министра внутреннихъ дѣлъ. Понятно, что теперь и разработка новаго законоположенія о печати должна уже была поступить въ сферу ближайшаго вліянія Валуева.

Валуевъ, создавшій свою служебную карьеру своевременнымъ, съ практической точки зрѣнія, проявленіемъ разумнаго и смѣлаго либерализма, добившись власти, въ дѣйствительности оказался, какъ извѣстно, ревностнымъ противникомъ рѣшительныхъ, коренныхъ реформъ и большимъ сторонникомъ всевозможныхъ палліативовъ и компромиссовъ, очень мало улучшавшихъ положеніе дѣлъ. Неудивительно, что и въ основу выработаннаго подъ его непосредственнымъ воздѣйствіемъ проекта новаго законоположенія о печати былъ положенъ компромиссъ: смѣшеніе противоположныхъ началъ двухъ различныхъ системъ. Соединеніе предупредительной и карательной системы, привлеченіе къ законному суду и наложеніе административныхъ взысканій, всегда оставляющихъ широкое мѣсто личному усмотрѣнію и произволу, освобожденіе отъ предварительной цензуры однихъ періодическихъ изданій и сохраненіе ея надъ другими—все это было слишкомъ далеко отъ тѣхъ корен-

ныхъ, радикальныхъ реформъ, въ какихъ давно уже нуждалась наша печать по сознанію передового русскаго общества.

Даже и въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, привлеченныхъ къ обсужденію проекта новаго цензурнаго устава, находились отдѣльныя личности, открыто возстававшія противъ намѣченнаго пути палліативовъ и компромиссовъ, хотя ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрѣть въ излишнемъ либерализмѣ. «Несомнѣнно, — писалъ, напримѣръ, баронъ Корфъ въ своемъ отзывѣ на проектъ Валуева,—что словами постепенность и осторожность, когда дѣло идетъ о преобразованіяхъ государственныхъ, иногда очень злоупотребляютъ: они нерѣдко служатъ маскою, чтобы прикрыть простое противодѣйствіе всякому серьезному шагу на пути развитія. Но подъ постепенностью, въ разумномъ смыслѣ этого слова, не слѣдуетъ еще понимать нерѣшительности и робости. Она не должна исключать реформъ существенныхъ и важныхъ... Необходимо, чтобы въ основаніе новаго устава были рѣшительно приняты начала карательной системы, составляющей окончательную цѣль законодателя, предварительная же цензура и другія ненормальныя ограниченія—остатокъ прежняго порядка, представлялись лишь въ видѣ временныхъ изъятій, долженствующихъ отпасть съ минованіемъ причинъ, которыя дѣлаютъ ихъ пока еще нужными». Между тѣмъ, по словамъ Корфа, предварительная цензура въ проектѣ Валуева представлялась преобладавшею, и единственная существенная уступка, сдѣланная въ пользу карательной системы, касалась только извѣстной части литературы, положеніе же всей остальной періодической прессы не только не улучшалось, но, частью, еще болѣе стѣснялось введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ строгостей и ограниченій. По мнѣнію Корфа, проектъ Валуева къ существовавшимъ уже недостаткамъ нашего цензурнаго устава прибавлялъ еще «новую язву—административныя взысканія, заключающія въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливости, что противъ нихъ постоянно протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди. Система административныхъ взысканій еще болѣе заражена произволомъ, чѣмъ предупредительная цензура, такъ какъ наказываетъ за вину, не предвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ, и даетъ власть одному административному лицу, по индивидуальному воззрѣнію, иногда по одному минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей предъ закономъ отвѣтственности, лишать человѣка права собственности, права на продолженіе занятія, которымъ онъ, можетъ быть, жилъ, и, что еще важнѣе, исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе».

Но, несмотря на массу всевозможныхъ возраженій и замѣчаній, проектъ Валуева не подвергся какой либо существенной и радикальной ломкѣ и лишь съ незначительными измѣненіями получилъ,

наконецъ, по высочайшему повелѣнію отъ 6-го апрѣля 1865 года, силу дѣйствующаго закона. Впрочемъ, нужно замѣтить, что новый законъ, при самомъ своемъ изданіи, пріобрѣлъ характеръ какъ бы временныхъ правилъ, разсчитанныхъ на измѣненія въ будущемъ въ пользу расширенія свободы печати. По крайней мѣрѣ, въ своемъ высочайшемъ указѣ верховный законодатель заявилъ русскому обществу, что, желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, онъ призналъ за благо сдѣлать перемѣны и дополненія въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта.

Къ несчастію, однако же, дѣйствительныя фактическія отношенія Валуева къ періодической прессѣ очень плохо мирились съ основною мыслью законодателя о доставленіи возможныхъ облегченій и удобствъ нашей отечественной печати, да и самыя законодательныя измѣненія, которыя начали подъ вліяніемъ «указаній опыта» постепенно вносить въ дѣйствующія цензурныя постановленія, замѣтно стали клониться не къ расширенію свободы слова, а къ возможно-большему стѣсненію печати. Извѣстно, какое огромное вліяніе оказали на высшія правящія сферы и даже нѣкоторую часть русскаго общества тревожныя событія начала 60-хъ годовъ. По свидѣтельству современниковъ, всевозможные нестроенія и безпорядки вызвали явный и несомнѣнный поворотъ въ сторону реакціи, такъ какъ «половина людей, еще вчера либеральныхъ, сегодня стала крайними реакціонерами, и каждый удивлялся, почему не запрещаютъ того или другого». Опираясь на такія перемѣны въ правительственномъ и общественномъ настроеніи, Валуевъ еще ранѣе изданія закона 6-го апрѣля 1865 года обнаруживалъ явное стремленіе при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ накладывать свою тяжелую руку на періодическую печать. Недаромъ одинъ изъ литераторовъ-публицистовъ, немало пострадавшій отъ Валуевскаго режима, выведенный изъ терпѣнія ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ, замѣтилъ, что никогда цензура не доходила до такого безумія, какъ теперь, при Валуевѣ, сумѣвшемъ придать ей характеръ чисто инквизиціонный. «Энергія моя слабѣетъ, — писалъ онъ [1]),—руки опускаются, и, кажется, бѣжалъ бы вонъ изъ Россіи, этой неизлѣчимо-больной. Что бы тамъ ни говорили, а свобода слова, если и не есть панацея отъ болѣзней, то, по крайней мѣрѣ, есть воздухъ, которымъ дышишь. Стѣсненіе слова есть лишеніе легкихъ воздуха. Нельзя ни двигаться, ни дѣйствовать, ни мыслить, если вы чувствуете стѣсненіе въ груди, а это именно ощущеніе душитъ и давитъ современнаго человѣка въ Россіи». Правда, приведенный отзывъ не свободенъ отъ значительныхъ преувеличеній и совершенно лишенъ исторической перспективы, такъ какъ

[1]) Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ, стр. 270.

мы прекрасно знаемъ, что наша литература испытывала въ прошломъ и несравненно болѣе тяжелыя времена, но, тѣмъ не менѣе, въ основѣ своей онъ заключаетъ въ себѣ и значительную долю правды.

Неудивительно, что и послѣ изданія новаго цензурнаго устава 1865 года, хотя и сдѣлавшаго значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ прежнимъ законоположеніемъ, но далеко не обезпечивавшаго литературѣ желательной свободы, Валуевъ нисколько не измѣнилъ характера своихъ отношеній къ періодической прессѣ. Недаромъ люди, близко стоявшіе къ ходу цензурныхъ преобразованій и хорошо знавшіе Валуева, не ожидали ничего особенно утѣшительнаго отъ произведенной реформы. «Кажется,—писалъ въ своемъ дневникѣ Никитенко, самъ принимавшій близкое и непосредственное участіе въ пересмотрѣ и выработкѣ новыхъ цензурныхъ постановленій [1]),—литературу нашу ожидаетъ лютая судьба. Валуевъ достигъ своей цѣли. Онъ забралъ ее въ свои руки и сдѣлался полнымъ ея властелиномъ. Худшаго господина она не могла получить. Онъ, кажется, замыслилъ огромный планъ—уничтожить въ ней всякія «нехорошія поползновенія» и сдѣлать ее «вполнѣ благонамѣренною», т.-е. сдѣлать то, чего не въ состояніи были сдѣлать раньше (до 1855 года). Онъ, должно быть, также точно презираетъ всякое умственное движеніе, какъ презирали его въ предшествовавшее время, и думаетъ, что административныя мѣры выше и сильнѣе всякой мысли. Уставъ о печати отдаетъ ему въ полное распоряженіе всякое печатное проявленіе мысли... Надъ головами писателей и редакторовъ повѣшенъ Дамокловъ мечъ, въ видѣ двухъ предостереженій и третьяго, за которымъ слѣдуетъ пріостановка изданія. Мечъ этотъ находится въ рукѣ Валуева: онъ опускаетъ его, когда ему заблагоразсудится, и даже не обязанъ мотивировать свой поступокъ».

Печальная дѣйствительность не замедлила въ значительной степени оправдать довольно мрачныя предчувствія пессимистически настроенной части русскаго общества, успѣвшей уже войти въ истинныя намѣренія правительства и оцѣнить по достоинству министерскую дѣятельность Валуева. Предостереженія, судебныя преслѣдованія и другія мѣры административнаго воздѣйствія на печать въ скоромъ времени неопровержимымъ образомъ доказали, что ни изданіе новыхъ постановленій, повидимому, улучшавшихъ безправное положеніе прессы, ни желаніе самого государя предоставить возможныя облегченія отечественной литературѣ не оказались еще достаточными для того, чтобы и въ дѣйствительности, фактически, создать сносное положеніе для нашей періодической прессы. Напротивъ, извѣстное уже намъ настроеніе высшихъ бюрократическихъ сферъ отразилось на ней самымъ нежелательнымъ

[1]) «Записки и дневникъ», т. III, стр. 27—28.

образомъ, и во вторую половину правленія императора Александра II, несмотря на новыя постановленія 1865 года, действительное, фактическое положеніе періодической печати не только не улучшилось въ сравненіи съ предшествовавшимъ періодомъ, когда въ первое время александровскаго царствованія суровое законодательство николаевской эпохи совмѣщалось съ небывалымъ еще у насъ относительнымъ просторомъ мысли и слова, но сдѣлало значительный шагъ назадъ и во многихъ отношеніяхъ стало вновь приближаться къ старымъ дореформеннымъ временамъ.

Ѳ. Благовидовъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи Николая I) [1].

IV.

Друзья.

I.

АНАТЧИКОВЪ и Воейковъ были закадычными друзьями: они проводили вмѣстѣ все свободное время, вмѣстѣ читали, ходили въ театръ. У Канатчикова на рукахъ была мать, сестра, и Воейковъ любилъ проводить время въ этой симпатичной, простой семьѣ, гдѣ на него смотрѣли, какъ на родного.

Анна Васильевна, мать Канатчикова, души не чаяла въ Воейковѣ и благодарила Бога, что судьба послала ея сыну такого хорошаго, серьезнаго человѣка, какъ Воейковъ. Она всегда боялась, что дѣти могутъ испортиться отъ дурного вліянія товарищей, въ дѣтскомъ возрастѣ она зорко слѣдила за ними, слѣдила за товарищами сыновей, устраняла дурныхъ, приближала и сдружала хорошихъ.

Теперь Канатчиковъ былъ уже офицеромъ, но мать, не переставая заботиться о сынѣ, никогда не упускала случая напомнить сыну, что нѣтъ на свѣтѣ ничего хуже дурныхъ товариществъ, а потому надо заводить только такія знакомства и такія товарище-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIX, стр. 528.

ства, которыя не могли бы набросить «тѣнь на фамилію Канатчиковыхъ».

Сынъ съ улыбкой выслушивалъ наставленія матери и успокаивалъ, что у него уже есть другъ—Воейковъ, въ которомъ она сама видитъ только одни совершенства.

Дѣйствительно, дружба Канатчикова и Воейкова сдѣлалась общимъ мѣстомъ, и когда кому либо приходилось встрѣчать одного изъ нихъ, то ему непремѣнно задавался вопросъ о томъ, гдѣ же другой. Да и сами друзья настолько привыкли другъ къ другу, что въ разлукѣ имъ всегда чего-то недоставало...

Всѣ вечера они проводили вмѣстѣ у камина, мечтали о будущемъ, строили планы дальнѣйшей жизни и разставались такими же друзьями, какими и встрѣчались.

И ничто, казалось, не могло смутить ихъ дружбы. Они служили въ одномъ и томъ же гвардейскомъ полку, служили одинаково хорошо и не имѣли поводовъ ссориться изъ-за служебныхъ отношеній. Другъ другу они говорили «ты», много спорили по принципіальнымъ вопросамъ, но всѣ и они сами смотрѣли на эти споры, какъ на простое средство обмѣна мыслей. Они часто горячились по самому пустяшному поводу, и всѣ смотрѣли на эту горячность, какъ на нѣчто хорошее, здоровое, сильное. Во взглядахъ они не расходились и «спорили только потому, что были очень дружны», какъ объясняла это Анна Васильевна, съ любовью поглядывая на молодыхъ людей.

Лѣтомъ 1833 года они вмѣстѣ пошли на маневры, происходившіе близъ Гатчины, и первое время маневровъ чувствовали себя оба превосходно. По вечерамъ, на дневкахъ полка, товарищи проводили время за книгами и не чувствовали усталости. Воейкову пришла мысль писать дневникъ походной жизни, и эта мысль была встрѣчена Канатчиковымъ, какъ того и ожидалъ Воейковъ, съ полнымъ сочувствіемъ. Разумѣется, въ этотъ дневникъ общими усиліями заносились самыя интимныя иногда вещи полковой жизни...

Но по характерамъ Воейковъ и Канатчиковъ были совершенно разные люди.

Воейковъ—это была воплощенная торопливость: говорилъ онъ необыкновенно скоро, такъ что нѣкоторые не сразу понимали его, ѣлъ онъ также быстро, ходилъ мелкими шагами, быстро сѣменя ногами и покачивая головой на ходу; всегда онъ куда нибудь спѣшилъ, въ театръ приходилъ задолго до поднятія занавѣса, не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, словомъ былъ «непосѣда», по выраженію той же Анны Васильевны.

Канатчиковъ говорилъ тихо и медленно, словно пережевывая слова, его движенія были лѣнивы и неторопливы, ходилъ онъ большими шагами, жевалъ пищу до боли въ вискахъ и во всемъ былъ полною противоположностью своему другу.

Повторяю, что это обстоятельство нисколько не мѣшало ихъ дружбѣ, и одинъ какъ бы дополнялъ другого.

Такъ жили друзья до іюля 1833 года, когда неожиданно между ними произошла маленькая непріятность, создавшаяся на почвѣ походной обстановки.

II.

Полкъ стоялъ близъ Гатчины. Всѣ офицеры батальона, въ которомъ служили пріятели, расположились на ночлегъ въ квартирѣ, богато и хорошо обставленной. Она принадлежала нѣкоему полковнику, который предоставилъ ее въ распоряженіе офицерамъ, такъ какъ ни самъ, ни его семья не жили въ ней въ теченіе лѣта.

Офицеры занимали всего лишь двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной помѣщался командиръ, а въ другой всѣ остальные офицеры.

Батальонъ совершилъ днемъ большой переходъ и вернулся на стоянку только поздно вечеромъ. Солдаты и офицеры были утомлены и поспѣшили поскорѣе раздѣться и лечь на сѣнники, любезно предоставленные офицерамъ заботливымъ хозяиномъ.

Были среди офицеровъ и такіе неутомимые люди, для которыхъ переходъ въ 25—30 верстъ не значилъ ровно ничего. Такіе сидѣли за столомъ и перебрасывались въ карты. Къ числу неутомимыхъ принадлежалъ и Воейковъ, который съ большимъ интересомъ слѣдилъ за игрою, стоя у стола, но не принимая участія въ игрѣ.

Потомъ ему надоѣло смотрѣть на играющихъ, и онъ пошелъ къ Канатчикову.

Тотъ уже раздѣлся и легъ на постель. Около него стоялъ подсвѣчникъ со свѣчою, у него въ рукахъ была книга, которую онъ и читалъ.

Воейковъ подошелъ къ нему, сѣлъ на постель и съ удовольствіемъ вытянулъ ноги.

— Усталъ, братъ?—спросилъ любовно Воейковъ, обнимая Канатчикова.—Ничего, отдохнешь!..

— Не привыкъ я такъ много ходить,—отвѣтилъ Канатчиковъ,—ноги что-то болятъ...

— Что ты читаешь? Покажи... Брось читать и ложись на другой бокъ... Спи...

— Что-то не спится мнѣ сегодня... Усталъ, ноги ноютъ, все тѣло словно разбито, а спать не могу, глаза не закрываются... Отчего это?

Воейковъ ничего не отвѣтилъ Канатчикову. Онъ молча глядѣлъ на фитиль свѣчки...

— Завтра никуда не надо итти...—сказалъ Воейковъ.—Будемъ отдыхать, я буду свой дневникъ писать, давно ужъ его не трогалъ, не держалъ въ рукахъ... Ты спишь?

— Нѣтъ! И не засну я сегодня... Помню, когда отецъ умеръ, я также не могъ заснуть... Что тамъ съ мамой, дома?.. сестра какъ?..

— Все благополучно... Что ты безпокоишься? Охота тебѣ, право, на себя тоску нагонять...

— Я ничего, я только такъ,—прошепталъ Канатчиковъ и закрылъ глаза.

— А я странный человѣкъ: достаточно мнѣ только къ постели подойти, а я ужъ и сплю. Бывало и въ корпусѣ такъ: всѣ еще разговариваютъ, болтаютъ, а я ужъ десятый сонъ вижу... Мастеръ я спать, и никакими меня пушками не разбудишь...

— Кажется, и я начинаю засыпать! — сказалъ тихо Канатчиковъ.—Уходи, я засну...

— Ну, нѣтъ, теперь ужъ я не уйду! — возразилъ улыбаясь Воейковъ. — Теперь я буду сидѣть на твоей постели и болтать... Ужасно мнѣ хочется поболтать сегодня... такъ меня и подмываетъ... Послушай, я хочу говорить!..

— Говори, говори, я тебя слушаю со вниманіемъ... Болтай на здоровье...

Воейковъ усѣлся на постели поудобнѣе, поджалъ ноги и продолжалъ:

—- Хорошо бы теперь въ Петербургѣ сидѣть въ хорошей комнатѣ... Такъ уютно, весело, а почему—и не знаешь... Сидишь, а тебѣ на умъ разныя мысли приходятъ... Смотри, никогда мнѣ мысли не приходятъ въ голову, когда я сижу въ полку, въ казармахъ или на улицѣ. А дома или у тебя,—такъ и лѣзутъ мысли въ голову... Вотъ сейчасъ мнѣ просто хочется болтать и безъ всякихъ мыслей, а дома, дома... Ты спишь, что ли?

— Я засыпаю, прощай... Усталъ я сегодня!—отозвался Канатчиковъ и, повернувшись на другой бокъ, захрапѣлъ довольно громко.

Воейковъ съ тоской оглянулся: многіе офицеры уже спали, другіе играли въ карты...

Онъ посмотрѣлъ на скорчившуюся фигуру Канатчикова и засмѣялся веселымъ смѣхомъ.

— Послушай, Канатчиковъ, проснись, проснись... Ну, какого чорта такъ рано заваливаться спать?.. Еще девяти часовъ нѣтъ... Завтра успѣешь выспаться...

— Оставь меня, пожалуйста,—проговорилъ изъ-подъ одѣяла Канатчиковъ,—я хочу спать...

— Глупости, глупости, — не унимался Воейковъ, продолжая теребить Канатчикова за плечо:—я тебѣ говорю, глупости... завтра выспишься... Канатчиковъ...

— Оставь меня, ради Бога, въ покоѣ, — недовольно сказалъ Канатчиковъ.—Это свинство. Коли ты самъ не хочешь спать, такъ дай другимъ... Уйди отъ меня... Я только сталъ засыпать, а ты...

— Нѣтъ ужъ я не уйду! Вотъ когда ты не хотѣлъ спать, я съ удовольствіемъ ушелъ бы отъ тебя, а теперь не хочу и не уйду...

Канатчиковъ закрылся одѣяломъ и рѣшилъ больше не отзываться на слова Воейкова.

Но Воейковъ, не смущаясь этимъ, взялъ за конецъ одѣяла и быстро стянулъ его съ Канатчикова. Тотъ приподнялся и разсердился...

— Что за глупыя шутки!—воскликнулъ онъ.—Я прошу тебя оставить меня въ покоѣ...

— Ни за что!—смѣялся Воейковъ.—Я желаю съ тобою шутить, и ты не смѣешь мнѣ чинить къ сему препятствія... Проснись, проснись... Слышишь, ты... Канатчиковъ...

Канатчиковъ легъ и закрылъ глаза, не отвѣчая ни слова Воейкову. Тогда тотъ подошелъ къ столу, взялъ бумажку и свернулъ изъ нея «гусара». Онъ опять подошелъ къ Канатчикову и осторожно провелъ бумажкой по краешку уха Канатчикова.

Тотъ отмахнулся рукою. Воейковъ засмѣялся и сунулъ бумажку въ носъ пріятелю...

Канатчиковъ быстро поднялся и проговорилъ отрывисто и рѣзко:

— Прошу оставить меня въ покоѣ!.. Я не желаю никакихъ шутокъ!.. Оставь меня!..

Этотъ тонъ не понравился Воейкову, но отстать онъ не хотѣлъ.

— А я хочу шутить и буду!—тономъ капризнаго ребенка возразилъ Воейковъ.—И буду!...

— Не позволю больше... не позволю!.. — заговорилъ Канатчиковъ.—Чортъ знаетъ...

Воейковъ покраснѣлъ и, отойдя отъ постели, проговорилъ съ пренебреженіемъ:

— Если ваши товарищи желаютъ съ вами шутить, вы должны удовлетворять ихъ капризамъ... вы должны удовлетворять, а не сердиться и возражать...

— Я не понимаю такой логики!.. Ну, оставь меня и уходи отсюда прочь... спать надо...

Воейковъ выждалъ, когда Канатчиковъ снова завернулся въ одѣяло, и тогда неслышно подошелъ къ нему и снова сорвалъ одѣяло. Канатчиковъ остался въ одномъ бѣльѣ.

— Ради Бога, скажи, что тебѣ нужно? Зачѣмъ ты меня мучишь? — произнесъ Канатчиковъ, складывая руки. — Пожалуйста, ложись спать... поздно ужъ!..

Воейковъ сердито бросилъ одѣяло Канатчикову и отошелъ отъ него въ другой уголъ комнаты, потомъ сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть приготовленныя для него ягоды.

— Вотъ ты и сонъ мой прогналъ! — недовольно проговорилъ Канатчиковъ, садясь на постель и спуская ноги на полъ.—Свинство это!..

Воейковъ не отвѣтилъ ему и продолжалъ ѣсть ягоды, быстро кладя ихъ въ ротъ.

— Эхъ, ты... Весь мой сонъ согналъ, — продолжалъ Канатчиковъ.—Что теперь я буду дѣлать? Ну, Воейковъ, иди теперь развлекать меня... мнѣ скучно...

И вдругъ Воейковъ неожиданно поднялся со стула и крикнулъ Канатчикову:

— Вы—дрянь, презираемая всѣмъ полкомъ!.. Дрянь... дрянь... презрѣнная!..

Канатчиковъ отъ неожиданности откинулся назадъ туловищемъ и широко раскрытыми глазами впился въ Воейкова. Играющіе за столомъ въ карты офицеры съ изумленіемъ поглядѣли на пріятелей и онѣмѣли отъ произнесенныхъ словъ.

— Замолчите! — крикнулъ наконецъ Канатчиковъ, приходя въ себя.—Замолчите, иначе... иначе я вамъ дамъ... пощечину... Слышите вы?

— Этого не говорятъ и не обѣщаютъ, а дѣлаютъ! — отвѣтилъ Воейковъ и съ этими словами, схвативъ со стола подсвѣчникъ съ горящею свѣчею, запустилъ имъ въ Канатчикова.

Въ комнатѣ стало темно, но въ темнотѣ ясно послышалось, какъ вскочилъ съ постели Канатчиковъ и бросился по направленію къ Воейкову. Быстро зажгли свѣчу. Кто-то впотьмахъ бросился къ Канатчикову и удержалъ его.

Наступило неловкое молчаніе, и никто не рѣшался прервать его.

III.

Спавшіе офицеры проснулись и въ недоумѣніи глядѣли, какъ виновато ложился Канатчиковъ, какъ Воейковъ заторопился выйти изъ комнаты.

— Да!—произнесъ одинъ изъ игравшихъ офицеровъ.—Да, нехорошо, господа, нехорошо!..

Ему никто не отвѣтилъ, и всѣ ждали, что скажетъ еще этотъ офицеръ.

— Нехорошо,—повторилъ онъ,—такъ въ гвардіи не полагается... Этотъ случай долженъ быть обсужденъ всѣми офицерами полка и теперь же, несмотря на вечеръ... Вамъ, Канатчиковъ, неудобно оставаться при разговорахъ офицеровъ по вашему дѣлу... Благоволите...

— Я одѣваюсь и ухожу!—прервалъ говорившаго Канатчиковъ и поторопился уйти.

Зажгли еще нѣсколько свѣчей, пригласили офицеровъ и баталіоннаго командира.

Больше всѣхъ возмущался баталіонный командиръ. По его понятіямъ, офицеры совершили отвратительный поступокъ, который положилъ пятно на всю гвардію.

— Виданное ли это дѣло,—говорилъ онъ, — чтобы гвардейскіе офицеры дрались?! Такого позора я не зналъ въ теченіе всей своей службы... я служу 25-ть лѣтъ, присутствовалъ при ссорахъ, былъ свидѣтелемъ раздоровъ между офицерствомъ, но такого дѣла никогда не видалъ... Нѣтъ, нѣтъ, такъ дѣло кончить нельзя!.. Какъ вамъ всѣмъ будетъ угодно, но оставаться служить съ такими господами, какъ Воейковъ и Канатчиковъ, я не намѣренъ... И если эти господа не выйдутъ въ отставку, я самъ подамъ въ отставку или буду просить о переводѣ отсюда... Невиданное дѣло, неслыханная вещь!..

Къ баталіонному командиру присоединились почти всѣ офицеры, за исключеніемъ только одного капитана, который сталъ было доказывать, что ссора между Воейковымъ и Канатчиковымъ не болѣе какъ ссора между двумя пріятелями, и что эта ссора не должна принимать официальной окраски.

— Да? вы такъ разсуждаете?—съ ироніей спросилъ его баталіонный командиръ.—Странно!.. у гвардейскаго офицера и вдругъ не развито чувство достоинства полка, въ которомъ онъ имѣетъ честь служить... Вы можете, капитанъ, остаться при особомъ мнѣніи, васъ никто не пожелаетъ стѣснять... Странный взглядъ!..

— Да я только такъ, къ слову! — оправдывался капитанъ. — Если они виноваты, то и наказывайте ихъ, какъ знаете... Я тутъ не при чемъ...

— Рѣчь идетъ не о наказаніи,—поправилъ его баталіонный:— мы не судъ и не можемъ никого наказывать... Но мы офицеры одной съ ними части войскъ, ихъ проступокъ бросаетъ пятно позора на всѣхъ насъ, вмѣстѣ взятыхъ... Если оставить ихъ на службѣ въ полку, то всѣ люди, дорожащіе своимъ именемъ, должны будутъ уйти изъ полка... И я первый... я не задумаюсь поставить начальству на выборъ: или они, или я... Да-съ!..

Совѣщаніе офицеровъ длилось долго. Собственно говоря, никакого совѣщанія не происходило, и все время говорилъ только одинъ баталіонный командиръ; остальные слушали и молчаливо соглашались съ тѣмъ, что поступокъ поссорившихся офицеровъ долженъ наложить позоръ на весь полкъ, а потому слѣдовало принудить виновныхъ подать въ отставку, не откладывая этого вопроса до завтрашняго дня.

— Да, вѣдь, они друзьями были!..—съ мучительнымъ стономъ выговорилъ капитанъ.

— Позвольте, капитанъ,—сердито воскликнулъ баталіонный:— кто носитъ честь полка и охраняетъ эту честь? вы или я? кто?

Потомъ позвали Канатчикова. Онъ пришелъ блѣдный, съ горящими глазами.

Баталіонный сказалъ ему отъ лица всѣхъ офицеровъ полка, что его поступокъ наложилъ на все офицерство несмываемое пятно позора, и что виновные должны выйти въ отставку. Если Канатчиковъ согласенъ съ рѣшеніемъ офицеровъ, то пусть дастъ честное слово, которое надлежитъ сдержать завтра же.

Канатчикову оставалось согласиться и громогласно дать честное слово.

Такимъ же образомъ былъ призванъ и Воейковъ, который сначала не понималъ, чего хотятъ отъ него, и только послѣ многорѣчивыхъ объясненій баталіоннаго далъ слово.

Затѣмъ баталіонный ушелъ въ свою комнату, офицеры легли по своимъ мѣстамъ, и потухли огни. Настала тишина.

И почудилось ли Канатчикову, или то было на самомъ дѣлѣ, но онъ ясно слышалъ не то сдавленный плачъ, не то тоскливый мучительный вздохъ. И ему казалось, что неподалеку отъ него страдалъ другой человѣкъ, и этотъ человѣкъ былъ Воейковъ.

IV.

Рано утромъ на другой день Воейковъ и Канатчиковъ были приглашены къ командиру полка. Ихъ встрѣтилъ суровый взглядъ, имъ не подали руки, ихъ не пригласили садиться. Разговоръ былъ кратокъ и выразителенъ и не оставлялъ сомнѣній.

— Ко мнѣ обратились офицеры полка и заявили, что они не могутъ вмѣстѣ съ вами продолжать службу,—сказалъ командиръ.— Вы понимаете, насколько священно для меня поддержаніе чести полка и его славнаго прошлаго. А потому вы сами прекрасно понимаете, что надо дѣлать... Итакъ, господа?..

Канатчиковъ почтительно подалъ командиру бумагу. Воейковъ проговорилъ:

— Я не успѣлъ еще приготовить прошеніе... Позвольте уйти, я сейчасъ напишу!..

— Пожалуйста... Я никогда не насилую чужихъ желаній. Можете итти, господа, и... больше вы полку не нужны... Вашимъ прошеніямъ будетъ данъ ходъ...

Офицеры одновременно вышли отъ командира. Канатчиковъ хотѣлъ остановить Воейкова, сказать ему, что онъ не сердится на него, но что-то помѣшало ему, какая-то неловкость задержала его на крыльцѣ дома, и Воейковъ поспѣшно ушелъ.

Канатчиковъ быстро собрался и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ начинать новую жизнь. И когда передъ нимъ засверкали вдали купола города, побѣжали дома, магазины, онъ закрылъ глаза и тихо прошепталъ:

— Кто могъ бы ожидать? кто могъ бы?.. — и на рѣсницы набѣжали теплыя, непрошенныя слезы, а смутное чувство подсказывало ему, что еще не все кончилось, что самое страшное еще далеко впереди.

Онъ не зналъ этого страшнаго, но угадывалъ его, оно говорило о себѣ смутнымъ языкомъ, заставляло думать и сосредоточиваться, мучиться отъ неизвѣстности...

— На новую жизнь, на новую жизнь! — восклицалъ онъ безпрестанно.—Что сулитъ мнѣ она, эта невѣдомая жизнь? Къ чему приведетъ она? И кто могъ бы ждать?..

Канатчиковъ вспомнилъ, съ какимъ радостнымъ чувствомъ онъ подъѣзжалъ обыкновенно къ Петербургу. Теперь этого чувства не было. Онъ не зналъ, что сказать матери, какъ объяснить ей причину своего пріѣзда, что повѣдать ей о Воейковѣ...

Мать не повѣритъ ему, будетъ искать другихъ причинъ, другого объясненія. И не повѣритъ, что ссора двухъ пріятелей, хотя бы и окончившаяся бросаньемъ подсвѣчника, могла бросить пятно позора на полкъ, въ которомъ они служили, опозорить ихъ товарищей, стоявшихъ отъ всего этого далеко въ сторонѣ...

Канатчиковъ ѣхалъ съ тяжелымъ чувствомъ. Было жарко, но руки его были холодны, кружилась голова, мутнѣло въ глазахъ.

— Да,—вспомнилъ онъ,—вѣдь я не спалъ сегодняшнюю ночь... Понятно это...

V.

Когда Анна Васильевна узнала отъ сына о всемъ происшедшемъ между нимъ и Воейковымъ, она отказалась вѣрить: для нея вся эта исторія представлялась чѣмъ-то необыкновенно нелѣпымъ, страннымъ, въ ней не было ни смысла, ни справедливости. Извѣстіе сына объ уходѣ изъ полка она приняла съ мужествомъ, и только дрогнула ея нижняя губа. Она посмотрѣла на сына долго, молчаливо, какъ бы испытывая его состояніе.

— Что жъ ты теперь будешь дѣлать? — спросила она. — Чѣмъ займешься? Служить будешь?

— Да, пойду по гражданской части,—отвѣтилъ Канатчиковъ.— Не волнуйся, мама, ничего не случилось... У насъ большія знакомства, я пристроюсь куда нибудь... Конечно, у насъ нѣтъ средствъ, первое время намъ будетъ тяжело, придется переѣхать на другую квартиру, но все это только временно, до пріисканія мною мѣста...

— Дѣлай, какъ знаешь,—проговорила мать,—для меня ничего не трудно, я ко всему привыкла... А что касается мѣста, то нужно будетъ просить родныхъ... Они помогутъ...

Для Канатчикова началась новая жизнь. Онъ сдѣлалъ себѣ штатскую одежду. И когда пришелъ въ ней первый разъ домой, то мать и сестра залились горькими слезами...

Потомъ онъ принялся за пріисканіе мѣста. У него было много знакомыхъ, и онъ началъ обходить ихъ. Всѣмъ приходилось, разумѣется, объяснять причину своей неожиданной отставки. Многіе обѣщали похлопотать, но ссылались на затишье лѣтняго времени, на отсутствіе нужныхъ людей.

А пока онъ оставался безъ дѣла и скучалъ. До него доходили слухи, что Воейковъ, какъ человѣкъ обезпеченный, живетъ у своихъ родителей и не нуждается ни въ чемъ. Понятно, ему не приходилось подвергать себя непріятностямъ по пріисканію мѣста, по устройству своей будущей жизни, и онъ чувствовалъ себя отлично.

Однажды поздно ночью Анна Васильевна Канатчикова, вернувшись домой, зашла въ комнату сына. Тотъ еще не спалъ и съ удивленіемъ поглядѣлъ на мать.

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить!—произнесла она какимъ-то сдавленнымъ голосомъ, стараясь не глядѣть сыну въ глаза.—Дѣло очень важное!..

— Я слушаю, мама,—отвѣтилъ Канатчиковъ и приподнялся на постели.

— Только ты не волнуйся,—продолжала мать,—я была сейчасъ у Н. (она назвала фамилію одного важнаго и всесильнаго чиновника николаевской эпохи) и просила за тебя. И тамъ мнѣ сказали, что мѣста есть, и что тебѣ можно было бы устроиться...

— Ну, вотъ и отлично!—воскликнулъ сынъ.—Завтра я и поѣду къ нему и похлопочу...

— Да, да... Но вотъ въ чемъ дѣло-то... какъ бы тебѣ сказать,—произнесла Анна Васильевна въ замѣшательствѣ.—Я говорила съ нимъ, а онъ мнѣ отвѣтилъ...

— Что же онъ отвѣтилъ, мама? Говори, ради Бога... Что онъ сказалъ тебѣ?

— Онъ сказалъ, что мой сынъ выгнанъ изъ полка... выгнанъ... офицеры выгнали...

Канатчиковъ опустился на подушки и сжалъ руками голову. Мать продолжала:

— Я стала объяснять ему, что ты не совершилъ ничего дурного, а онъ поглядѣлъ на меня, какъ на сумасшедшую, да и говоритъ: вашъ сынъ оскорбленъ своимъ товарищемъ, и они еще не потребовали другъ отъ друга удовлетворенія, а вашъ сынъ публично оскорбленъ, замаранъ, и такіе люди не могутъ быть терпимы ни въ какомъ обществѣ! Потомъ еще онъ сказалъ мнѣ, что ты напрасно ходишь просить мѣста, что тебѣ все равно никто не дастъ, что ты замаранъ...

Канатчиковъ съ горящими глазами сѣлъ на кровать и схватилъ руку матери.

— Да, мама, они—правы, правы... иначе думать и разсуждать они не могутъ: такъ они привыкли съ дѣтства... они правы... Они

хотятъ, чтобы я потребовалъ отъ обидчика удовлетворенія, чтобы эту дѣтскую обиду я смылъ съ себя кровью... Другихъ средствъ не имѣется. И меня никто не приметъ къ себѣ на службу, меня будутъ бѣгать, какъ зачумленнаго, со мной перестанутъ кланяться.. Они этого хотятъ!..

— Что же ты задумалъ? что ты собираешься дѣлать?—испуганно проговорила мать.

— Я сдѣлаю, что имъ хочется,—отвѣтилъ Канатчиковъ,—я долженъ сдѣлать такъ...

— Твое дѣло, и я не хочу въ него вмѣшиваться!—сказала мать и вышла изъ комнаты.

Черезъ мѣсяцъ вернулся изъ лагеря полкъ, воротились въ столицу сильные чиновнаго міра, но Канатчиковъ не получалъ мѣста, и его не узнавали недавніе полковые товарищи. Встрѣчались съ нимъ многіе и проходили поспѣшно, а если онъ останавливалъ кого нибудь изъ нихъ, то онъ могъ видѣть, какъ встрѣтившійся офицеръ торопился отойти отъ него, вырвать свою руку, не быть замѣченнымъ проходящими.

Въ домахъ, гдѣ его прежде принимали, какъ хорошаго знакомаго, онъ встрѣчалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что господъ нѣтъ дома, а въ одномъ домѣ прямо сказали, что не приказано принимать... Такъ отнесся къ Канатчикову городъ.

Сначала Канатчиковъ хотѣлъ отнестись ко всему этому, какъ къ старому, отжившему предразсудку, и не платить ему дани. Онъ улыбался, когда видѣлъ, какъ убѣгали отъ него недавніе знакомые, онъ собирался перекочевать въ Москву и тамъ найти мѣсто вдали отъ петербургскихъ знакомствъ, отъ сплетенъ и нелѣпыхъ слуховъ.

Но пойти на это онъ не могъ. Много тяжелыхъ дней и ночей провелъ онъ, обдумывая свое положеніе. Конечно, онъ не уважалъ этихъ людей, которые такъ относились къ нему, и смѣялся надъ ними, но все-таки положеніе его въ обществѣ было дурное.

Тогда Канатчиковъ рѣшился поговорить со своею матерью и спросить ея совѣта.

Анна Васильевна спокойно выслушала его, подумала и проговорила тихо:

— Напрасно въ такихъ случаяхъ ты обращаешься къ родственникамъ, а ко мнѣ въ особенности. Что я могу отвѣтить тебѣ на твой вопросъ? Ты—мой сынъ. Можетъ быть, общество предъявляетъ нелѣпыя требованія, поступаетъ безсмысленно, но оно живетъ и существуетъ... Мы—только часть общества, его члены. И разъ общество не желаетъ принимать какого либо члена, значитъ, оно имѣетъ къ тому основаніе. Не общество нуждается въ отдѣльномъ человѣкѣ, а отдѣльный человѣкъ нуждается въ обществѣ...

— Значитъ, мама, ты не противъ требованій этого общества?— спросилъ въ недоумѣніи Канатчиковъ и пристально посмотрѣлъ на мать.—Значитъ, мама, ты совѣтуешь?..

— Я ничего не совѣтую и ни на чемъ не настаиваю!—воскликнула Анна Васильевна.

— Но смыслъ твоихъ словъ не оставляетъ сомнѣній!.. Итакъ, ты не желаешь говорить больше по этому поводу?.. Мнѣ надо подчиниться?..

— Повторяю, дѣлай, какъ знаешь, и я не хочу тебя ни въ чемъ стѣснять!—отвѣтила мать.

— Хорошо, мама... я самъ теперь знаю... я больше никого не буду безпокоить совѣтами, буду дѣлать по своему разумѣнію!..— отвѣтилъ Канатчиковъ.

Вечеромъ въ тотъ же день онъ отправился къ своему брату, прапорщику артиллеріи. Тотъ принялъ его, какъ показалось старшему Канатчикову, не особенно дружелюбно.

— И ты тоже съ ними, съ обществомъ?—спросилъ онъ.—И ты противъ меня? да?

Младшій Канатчиковъ замялся и не зналъ, что отвѣчать на вопросъ брата.

— Ты, мать, сестра, всѣ словно сговорились не отвѣчать мнѣ!— съ неудовольствіемъ проговорилъ Канатчиковъ.—Но вѣдь это, по крайней мѣрѣ, жестоко... Вы предоставляете меня самому себѣ, а моя совѣсть совершенно мирится съ тѣмъ, что произошло. Я потерялъ друга, а теперь меня хотятъ натравить на него, продолжить глупую исторію, которая произошла помимо нашего желанія... Это не исторія, а такъ, глупая шутка, ссора... И неужели она можетъ отразиться на мнѣ? Я не чувствую угрызеній совѣсти, я не испытываю чувства обиды и только сожалѣю, зачѣмъ все это произошло и на виду у всѣхъ. Случись это съ глаза на глазъ, и никому не было бы до этого дѣла, мы помирились бы, и все было бы кончено... А теперь не только чужіе, но даже близкіе мнѣ люди, мать и братъ, толкаютъ меня куда-то, въ какую-то яму... Неужели я долженъ катиться по вашей волѣ? Я не признаю ничьего вмѣшательства, я хочу дѣлать такъ, какъ дѣлаю, безъ руководства, безъ указки, и вы не смѣете мнѣ мѣшать...

Младшій Канатчиковъ не отвѣчалъ брату и сосредоточенно смотрѣлъ въ окно...

— Что же ты молчишь? Отвѣть мнѣ, какъ и что ты думаешь. Научи меня, я потерялъ голову... Научи...

— Ты долженъ потребовать отъ него удовлетворенія!—сказалъ тихо младшій Канатчиковъ.—Никакимъ инымъ путемъ ты не выйдешь изъ такого положенія... повѣрь мнѣ...

— Драться? дуэль?—въ раздумьѣ прошепталъ Канатчиковъ.— Драться надо? Я такъ и зналъ, что ты это мнѣ скажешь, больше

ничего нельзя сказать, конечно. И мать не хотѣла мнѣ сказать этого, хотя она понимала, на что я долженъ рѣшиться... Братъ! значитъ, драться надо? драться? Хорошо! я буду драться... Зову тебя въ секунданты!... Сдѣлай честь!..

Онъ опустилъ на грудь голову, и она повисла безсильно и виновато...

Младшій Канатчиковъ не выдержалъ и бросился на шею къ брату съ крикомъ.

— Братъ... братъ! Ничего, такъ надо, ничего нельзя сдѣлать, надо такъ, нельзя, братъ!..

VI.

Воейковъ былъ очень удивленъ, когда ему сказали, что его желаетъ видѣть Канатчиковъ. Онъ велѣлъ просить войти. У него сильно забилось сердце.

Вошелъ младшій Канатчиковъ, котораго Воейковъ не зналъ. Вошедшій представился.

— Я пришелъ къ вамъ по дѣлу моего брата, отставного поручика Канатчикова...

— Я васъ слушаю,—отвѣтилъ Воейковъ.—Чѣмъ могу служить для вашего брата?

— Вамъ небезызвѣстно, что въ городѣ ходятъ различные слухи относительно вашей ссоры съ братомъ. Братъ не можетъ не чувствовать себя оскорбленнымъ. А потому и просилъ меня съѣздить къ вамъ и попросить отъ васъ удовлетворенія, при чемъ онъ заранѣе просилъ поставить васъ въ извѣстность, что одно лишь ваше извиненіе его не удовлетворитъ... Онъ предлагаетъ вамъ стрѣляться. Я—его секундантъ!..

Воейковъ растерялся отъ неожиданности. Онъ поднялся со своего стула и вопросительно поглядѣлъ на Канатчикова. Что-то сдавило ему горло, и онъ не могъ говорить.

— Какой отвѣтъ прикажете передать моему брату?—продолжалъ Канатчиковъ.

— Конечно, я согласенъ, ваше желаніе... исполнено будетъ... конечно, я не отказываюсь. Стрѣляться, такъ стрѣляться, мнѣ все равно. Передайте, что я согласенъ...

— Вашъ секундантъ?—спросилъ Канатчиковъ.—Вы потрудитесь выбрать секунданта!

— Да, да, я выберу и пришлю его къ вамъ!—пробормоталъ Воейковъ.—Сегодня же...

Канатчиковъ поклонился и пошелъ къ двери, но Воейковъ остановилъ его.

— Скажите вашему брату, что я... я готовъ... Впрочемъ, нѣтъ, ничего... До свиданья...

Воейковъ остался одинъ и бросился на постель: слезы душили его...

Потомъ онъ одѣлся и поѣхалъ къ своему товарищу, гусарскому штабсъ-ротмистру Магницкому. Тамъ въ безсвязныхъ словахъ онъ передалъ товарищу и о ссорѣ съ Канатчиковымъ и о вызовѣ. Магницкій выслушалъ спокойно.

— Что жъ? я ничего не имѣю противъ твоего желанія имѣть меня секундантомъ. Хотя, знаешь, по нынѣшнимъ временамъ за дуэли наказываютъ здорово, и секундантамъ тоже попадаетъ немало. Впрочемъ, я согласенъ и благодарю за честь предложенія...

— Какія же условія поставить?—спросилъ Воейковъ. — Я никогда не дрался и ничего не знаю. Онъ предлагаетъ стрѣляться на пистолетахъ...

— Обыкновенно стрѣляются на пистолетахъ... По-моему теперь ваша ссора уже отошла въ область исторіи и потеряла свою остроту. А потому лучше всего сдѣлать такъ, чтобы устранить всякую опасность для васъ. Возьмемъ побольше разстояніе, шаговъ этакъ въ 10—15, и все будетъ хорошо. Ты согласенъ со мною?

— Дѣлай, какъ желаешь!—отозвался Воейковъ.—Я ничего въ этомъ не понимаю и вполнѣ полагаюсь на тебя... Я только хочу, чтобы въ случаѣ чего нибудь... секунданты не пострадали, поэтому я со своей стороны предложу такое условіе, чтобы каждый изъ насъ передъ дуэлью имѣлъ въ карманѣ у себя записку, что онъ стрѣлялся безъ посредниковъ.

— О насъ заботишься? Это очень похвально,—сказалъ Магницкій.—Хорошо это...

Воейковъ уѣхалъ, а Магницкій отправился договариваться объ условіяхъ дуэли съ младшимъ Канатчиковымъ.

На слѣдующій день посредники рѣшили вопросъ такимъ образомъ: дуэль должна была состояться 19-го октября въ 5 часовъ вечера на Крестовскомъ островѣ. Разстояніе установили въ 10 шаговъ, но съ отходомъ отъ барьера еще на 5 шаговъ, такъ что въ окончательномъ видѣ противники должны были стрѣлять на 20 почти шаговъ. По жребію первый выстрѣлъ достался Канатчикову, осѣчка не должна была считаться за выстрѣлъ.

— Ну, всѣ мѣры приняты,—пробасилъ Магницкій,—и теперь вы можете стрѣляться безбоязненно: на 20 шаговъ попасть трудновато, а убить еще труднѣе... Съ Богомъ,—все будетъ хорошо. Не забудьте, однако, записочку-то написать... Такъ-то лучше...

У Воейкова защемило сердце и закружилась голова.

VII.

Воейковъ поѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Магницкимъ. По дорогѣ они молчали... Магницкій безпрестанно курилъ и глядѣлъ по сторонамъ.

— Записку-то взяли съ собой?—спросилъ Магницкій.—Она пригодится намъ... право...

— Успокойтесь, — улыбнулся Воейковъ, — вотъ она: я пишу тутъ на имя военнаго генералъ-губернатора... Да что это вы мнѣ все напоминаете? Какъ будто я непремѣнно убитъ буду... Подождите, не каркайте...

— Не каркаю я,—буркнулъ Магницкій, — только не понимаю, что это мы съ вами на «вы» перешли. Чего ради сіе? а?

— Не знаю,—отвѣтилъ Воейковъ,—какъ-то это само случились, помимо насъ...

— А вонъ и море! Видите?—вскрикнулъ Магницкій, поднимаясь въ экипажѣ.

— Вижу!..—отозвался Воейковъ.—И еще какой-то экипажъ тамъ... Не они ли—братья?

— Не разгляжу я! Должно быть, они. Лошади у нихъ плохія, наемныя, не на своихъ...

Противники и секунданты съѣхались въ одно мѣсто. Они вышли изъ экипажей близъ самаго берега моря и направились въ лѣсъ, стоявшій неподалеку.

Всѣ шли молчаливо. Магницкій остановился на площадкѣ, окруженной деревьями, и осмотрѣлся: лучшаго мѣста для дуэли кругомъ не было. Къ нему подошелъ младшій Канатчиковъ, и они вдвоемъ стали совѣщаться.

Потомъ Магницкій отсчиталъ десять шаговъ и положилъ на землю сорванныя вѣтки елокъ, отмѣчая тѣмъ самымъ барьеръ. Младшій Канатчиковъ провѣрилъ разстояніе, поправилъ небрежно брошенныя вѣтки и подошелъ къ брату.

Тотъ равнодушно прислонился къ дереву и ждалъ, когда же, наконецъ, окончатся предварительныя приготовленія. Изрѣдка онъ взглядывалъ на Воейкова. Въ штатскомъ платьѣ Канатчиковъ былъ неузнаваемъ, но попрежнему строенъ и изященъ. Разъ онъ встрѣтился со взглядомъ Воейкова и тотчасъ же отвернулся.

— Господа, я заряжаю пистолеты!—проговорилъ Магницкій и вынулъ ихъ изъ ящика.

Всѣ издали слѣдили за дѣйствіями Магницкаго и относились къ нимъ какъ бы безучастно, но у всѣхъ подъ личиною холодности и равнодушія сильно бились сердца...

— Готово!—опять крикнулъ Магницкій.—Пожалуйте, господа, къ барьеру! Пожалуйте...

Съ разныхъ сторонъ подошли Воейковъ и Канатчиковъ-старшій и поглядѣли почти одновременно на лежащія подъ ихъ ногами вѣтки... Магницкій роздалъ имъ пистолеты...

— Господа!—крикнулъ Магницкій,—потрудитесь повернуться другъ къ другу спиною и отойти отъ барьера на пять шаговъ каждый...

Противники послушно исполнили предложеніе секунданта и отошли отъ вѣтокъ...

— Сходитесь!—сказалъ уже тихо Магницкій и отошелъ въ сторону, гдѣ стоялъ младшій Канатчиковъ и съ затаеннымъ дыханіемъ смотрѣлъ на брата.

Тотъ поднялъ пистолетъ и двинулся къ барьеру. Воейковъ тоже пошелъ впередъ...

Но вотъ Воейковъ замѣтилъ, что Канатчиковъ остановился и сталъ цѣлиться. Тогда остановился и Воейковъ... Все замерло въ ожиданіи...

А Канатчиковъ все еще цѣлился, и эти мгновенія всѣмъ казались вѣчностью...

...Выстрѣлъ, негромкій, отрывистый, чистый... И Воейковъ падаетъ безъ стона, безъ звука на землю далеко отъ зеленой вѣтки...

Старшій Канатчиковъ оглядывается на брата. Тотъ неподвижно стоитъ, блѣдный, съ опущенными глазами, и потомъ идетъ къ лежащему Воейкову.

— Черепъ... надъ лѣвымъ глазомъ... онъ убитъ, не дышитъ!—сказалъ Магницкій, дотрогиваясь до Воейкова.—Надо позвать людей помочь.

Потомъ онъ равнодушно вынулъ изъ кармана мертваго Воейкова запечатанное письмо и передалъ его старшему Канатчикову.

— Я никакого участія во всемъ этомъ не принималъ и съ вами на дуэли не былъ. Такъ желалъ покойный, и вамъ остается только исполнить его желаніе...

Подняли тѣло Воейкова и понесли его въ экипажъ...

VIII.

Оба брата Канатчиковы съ Крестовскаго отправились къ тогдашнему военному генералъ-губернатору Эссену. Старикъ принялъ ихъ.

— Сейчасъ я убилъ на дуэли отставного подпоручика Воейкова! — доложилъ Канатчиковъ. — Моимъ секундантомъ былъ мой родной братъ, у моего противника не было секунданта, а убитый просилъ передъ смертью передать вашему превосходительству это письмо...

Эссенъ насупился, разорвалъ конвертъ и прочелъ вслухъ коротенькое письмо:

«Я убитъ на дуэли, свидѣтеля не имѣлъ. Воейковъ».

— Угу!.. не имѣлъ свидѣтеля... а мы поищемъ, можетъ быть, и найдёмъ... Арестовать ихъ...

Обоихъ братьевъ арестовали и предали суду.

Несмотря на оставленное Воейковымъ письмо, были приняты мѣры къ разысканію секунданта убитаго, и власти безъ особеннаго труда напали на слѣдъ. Магницкій былъ также арестованъ и преданъ суду.

Судъ тянулся до начала 1834 года, и только 1-го февраля былъ представленъ государю докладъ объ обнаруженномъ на судѣ. Главный судъ отнесся строго ко всѣмъ участникамъ поединка и считалъ необходимымъ разжаловать старшаго Канатчикова въ рядовые съ лишеніемъ дворянства и съ церковнымъ покаяніемъ; по отношенію къ младшему Канатчикову предлагалось примѣнить арестъ на гауптвахтѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а по отношенію къ Магницкому «за недонесеніе и неупотребленіе средствъ къ примиренію»—шесть мѣсяцевъ крѣпости.

Николай I взглянулъ на дѣло иначе, и въ результатѣ наказанію былъ подвергнутъ только одинъ старшій Канатчиковъ. На высочайшей конфирмаціи значилось:

«Прапорщика Канатчикова, продержавъ мѣсяцъ на гауптвахтѣ, возвратить на службу».

Надо думать, что такое рѣшеніе должно было удовлетворить всѣхъ и въ особенности военное начальство, которое уже теперь не могло отказать Канатчикову въ принятіи па службу.

Не былъ удовлетворенъ только самъ Канатчиковъ, и причина понятна намъ, а образъ убитаго товарища не покидалъ его никогда.

V.

Польскій мятежникъ.

I.

У воротъ небольшого домика стояла кучка людей въ странныхъ одеждахъ...

Слышался смѣхъ, шутки. Кто-то кричалъ гнусавымъ голосомъ и прыгалъ на одной ногѣ.

Было холодно. Вѣтви деревьевъ, окутанныя снѣговымъ пухомъ, въ сумракѣ зимняго вечера казались фантастическими, сказочными созданіями, съ длинными, бѣлыми лапами, съ кудрявыми, взлохмаченными головами. Низенькіе домики, обледенѣлые, сонные и мол-

чаливые, прятались и пугливо тонули въ безбрежномъ пространствѣ снѣговъ...

А кучка людей въ странныхъ одеждахъ попрежнему стояла у воротъ небольшого домика и, повидимому, не собиралась уходить, несмотря ни на морозъ, ни на позднее время.

— Ряженые! ряженые! пустите ряженыхъ! — слышалось въ толпѣ.—Пустите ряженыхъ!.. Эй!..

Въ домикѣ показался огонекъ. Толпа оживилась, смѣхъ зазвенѣлъ громче, веселѣе...

— Уходите: никого дома нѣтъ, ушли всѣ!—сказалъ кто-то за воротами.—Уходите!..

Гулко раздался этотъ голосъ въ морозномъ воздухѣ. Въ толпѣ послышались восклицанія, брань, насмѣшки, а за воротами прежній голосъ повторялъ съ досадою:

— Уходите, уходите... Дома только я да Чоткарма!.. Хозяева въ гости ушли!..

— А-а! Это ты, польская собака? Ну, и сиди со своимъ киргизомъ. Нехристи: ряженыхъ не пускаютъ. Пойдемте дальше, ребята! Здѣсь нехристи, поганцы, шляхетскія собаки!..

Толпа, шумная, пьяная, нахальная, двинулась впередъ. Залаяли псы, захрустѣлъ снѣгъ.

— Ну, это ты погоди! Рыломъ не вышелъ!—крикнулъ кто-то изъ толпы.—Въ своей Польшѣ себѣ ищи, а здѣсь и для насъ пригодятся. Думаетъ, что онъ—баринъ, а по-нашему—просто польскій бѣглецъ... И никто съ тобой знаться не хочетъ. Нехристь, погань!..

Въ отвѣтъ на эту брань быстро отворилась калитка. Въ ней показался солдатъ. Глаза его блестѣли, руки сжимались. Но толпа была уже далеко, и ея смѣхъ все еще продолжалъ висѣть и носиться въ морозномъ гулкомъ воздухѣ.

— Ужо, погодите, я вамъ покажу!—прошепталъ онъ, вглядываясь въ улицу, гдѣ затихали голоса.—Я вамъ всѣмъ покажу... мужики, кацапы!.. Покажу всѣмъ... Конечно, баринъ, да!..

Онъ постоялъ немного, подумалъ, потомъ заперъ ворота и пошелъ въ домъ.

Въ кухнѣ было темно. На печкѣ спала старая глухая Настасья, на лавкѣ лежалъ хмурый киргизъ Чоткарма и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то тягучую пѣсню.

— Это ты, Кохлевскій?—спросилъ киргизъ вошедшаго солдата, когда тотъ остановился на порогѣ кухни, ощупью добравшись до двери.

— Я,—отвѣтилъ Кохлевскій и сѣлъ на скамейку рядомъ съ киргизомъ.

— Кто тамъ приходилъ, зачѣмъ тамъ кричали?—спросилъ киргизъ, давая мѣсто солдату.

— Мужики, ряженые. Они пьяны, бранятся. Я прогналъ ихъ... Какъ я ненавижу ихъ!.. — тихо прошепталъ Кохлевскій, сжимая кулаки.—Какъ я ихъ ненавижу!..

— Привыкнешь, — невозмутимо отвѣтилъ киргизъ, — надо привыкнуть. У насъ всѣ ругаются...

— Грубые, наглые... Что имъ отъ меня нужно? что я имъ сдѣлалъ? за что?

— Всѣ ругаются! — продолжалъ Чоткарма. — А ты не сердись: ругаться будешь тоже...

Кохлевскій быстро поднялся съ лавки, сдѣлалъ въ темнотѣ нѣсколько шаговъ, наткнулся на табуретку и вернулся на прежнее мѣсто. Чоткарма молчаливо лежалъ.

— Они назвали меня польскимъ бѣглецомъ,—сказалъ Кохлевскій.—Но они лгутъ: я не бѣжалъ, нѣтъ. Но всѣ наши сдались, отдались. Иначе нельзя было поступить...

— Знаю, — отозвался равнодушно киргизъ, — ты мнѣ про это уже разсказывалъ!..

— Слушай, слушай, старикъ!.. Я тебѣ разскажу. Я разскажу тебѣ все, все...

И въ голосѣ Кохлевскаго послышалась грусть, задрожали слезы. Чоткарма зѣвнулъ...

— Разсказывай! — проговорилъ онъ и повернулся на другой бокъ.

II.

— Они ненавидятъ меня, и я ненавижу ихъ! — тихо и злобно прошепталъ Кохлевскій.—Слушай. Давно это было, такъ давно, что я начинаю думать, не приснилось ли мнѣ все это, не выдумалъ ли я это самъ. Но когда я вспомню большіе, свѣтлые хоромы, которыхъ ты, Чоткарма, никогда не видалъ и видѣть не могъ; когда мнѣ вспоминаются чистые, блестящіе полы, красивые сады, прекрасныя, широкія улицы, огромные дома, тогда я думаю, что все это было, что я ничего не выдумалъ...

Кохлевскій помолчалъ, потомъ опустилъ голову на руки и продолжалъ:

— Я помню: было хорошее утро, ясное, тихое. Меня привезли въ школу. Хорошая, важная школа. Тамъ были одни паны, и я былъ панскій сынъ. Нашу школу звали кадетскимъ корпусомъ. Насъ плохо кормили, здорово сѣкли, но тамъ были одни панскія дѣти и не было мужиковъ. Меня привезъ въ школу мой отецъ. Онъ вернулся изъ-за границы. Онъ служилъ французамъ, дослужился до подполковника. Его всѣ уважали. Въ школѣ съ нимъ говорило начальство, пожимало ему руку. Я сталъ учиться, а отецъ поѣхалъ къ французамъ.

— Какъ воютъ собаки!—произнесъ разсѣянно Чоткарма.—Зачѣмъ онѣ воютъ?

— Да, отецъ уѣхалъ къ французамъ,—продожалъ Кохлевскій, не обращая вниманія на вопросъ киргиза.—А когда ко мнѣ пріѣхала потомъ мать, то она плакала и говорила, что отецъ умеръ, что я больше не буду учиться. Я былъ радъ и поѣхалъ съ матерью. А дома мы голодали, жили съ мужиками, научились браниться и говорить дурныя слова... А потомъ умерла и моя мать. Я плакалъ и не зналъ, что дѣлать. Мнѣ хотѣлось жить хорошо, по-пански, а мнѣ нечего было ѣсть. Потомъ мы захотѣли свободы, а русскіе не хотѣли давать намъ ее. И мы стали драться съ ними. Насъ побѣдили, взяли къ себѣ, прогнали изъ большихъ городовъ... И теперь я здѣсь, въ вашемъ маленькомъ, грязномъ городишкѣ, гдѣ нѣтъ ни одного пана, и гдѣ такъ много мужиковъ...

И Кохлевскій ясно услышалъ, какъ храпитъ на печкѣ Пастасья, какъ рядомъ съ нимъ храпитъ измучившійся за день тяжелой работой Чоткарма.

— Эй, Чоткарма! Не спи: я тебѣ еще разскажу про себя. Послушай!—произнесъ солдатъ.

Но Чоткарма не слыхалъ ничего и сладко спалъ на своемъ твердомъ ложѣ.

Кохлевскій посидѣлъ на скамейкѣ и, махнувъ рукою, поднялся и пошелъ въ горницу.

Тамъ было темно, какъ и на кухнѣ, только въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ тихо свѣтилась лампадка. Кохлевскій пошелъ было туда, но у воротъ раздался нетерпѣливый стукъ, который заставилъ его вернуться въ кухню, разбудить Чоткарму и сказать ему:

— Хозяева вернулись!.. Слышишь, стучатся!.. Иди отворять...

III.

Чоткарма, пожимаясь отъ холода, пошелъ во дворъ. Кохлевскій легъ на лавку.

Онъ слышалъ, какъ въ горницу вошелъ самъ хозяинъ дома—старикъ Ушаковъ, какъ онъ чинно и спокойно выбранилъ Чоткарму за то, что онъ долго не отворялъ калитку, какъ суетливо шмыгнула въ дверь хозяйка—жена Ушакова, и какъ весело разсмѣялась чему-то Даша, хозяйская дочь. Кохлевскій лежалъ съ открытыми глазами и прислушивался къ шуму въ горницахъ. Потомъ въ кухню вернулся Чоткарма, легъ на скамейку и мгновенно заснулъ.

Кохлевскій лежалъ, а рядомъ за стѣною слышался смѣхъ Даши и степенный голосъ ея отца. Мать по обыкновенію молчала и только усиленно вздыхала.

И чѣмъ звонче звучалъ Дашинъ смѣхъ, тѣмъ веселѣе становилось на сердцѣ у Кохлевскаго, и тѣмъ дальше уходило отъ него чувство недавней обиды.

— Милая моя,—думалъ Кохлевскій, прислушиваясь къ голосу Даши,—ты меня поймешь... Мнѣ больше ничего и не надо. А какъ я буду тебя любить, какими ласками я окружу тебя. Мы будемъ жить не такъ, какъ живутъ всѣ здѣшніе мужики. Я научу тебя многому, ты будешь читать книги, хорошія книги, ты не будешь похожа на другихъ... И какъ я люблю тебя! Если бы ты это могла понять, ты не стала бы смѣяться надъ моею любовью...

Вспомнился Кохлевскому тотъ день, когда онъ впервые пріѣхалъ въ этотъ городъ. Изъ далекой Польши его привезли сюда, въ грязный, вонючій Троицкъ. И скоро изъ польскаго мятежника онъ превратился въ рядового оренбургскаго линейнаго баталіона.

Уже около двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ сюда. И пока онъ былъ на постоѣ у стараго, почти умирающаго сапожника, онъ чувствовалъ необыкновенную тоску, и нѣсколько разъ ему приходило на мысль покончить съ собою.

Но вотъ умеръ старый сапожникъ, и Кохлевскаго перевели на постой къ Ушакову.

Самъ Ушаковъ, его жена и дочь ласково приняли постояльца, и Кохлевскій, встрѣтивъ въ хозяевахъ участіе, пересталъ тосковать, а тамъ хорошенькая Даша приглянулась ему и совершенно завладѣла имъ.

Сколько разъ порывался Кохлевскій сказать ей объ этомъ, да что-то мѣшало ему. Даша все видѣла, все понимала, но едва лишь она замѣчала, что Кохлевскій хочетъ ей сказать о своемъ чувствѣ, она заливалась громкимъ смѣхомъ и убѣгала.

Кохлевскій лежалъ и не могъ заснуть. Близость Даши волновала его.

Скоро въ домѣ погасли огни, замолкъ Дашинъ смѣхъ, и только въ тишинѣ можно было уловить ухомъ отдѣльныя слова, степенно и тихо произносимыя Ушаковымъ.

— Нечего дѣвкѣ болтаться,—говорилъ Ушаковъ,—пора ужъ... Не маленькая... Нечего засиживаться. Пока молода, и женихи хороши, а то пойдутъ разные...

Кохлевскій приподнялся на локтѣ и весь обратился въ слухъ. Но Чоткарма громко храпѣлъ, и этотъ храпъ мѣшалъ слушать ему.

— Чиновникъ... доходы хорошіе... нечего зѣвать... кого другого найдешь здѣсь?...—слышалось изъ хозяйской спальни.

А потомъ затихъ громкій храпъ киргиза, и въ хозяйской спальнѣ не было уже слышно голосовъ. Кохлевскій сѣлъ на лавку и почувствовалъ, что у него на лбу выступили холодныя, крупныя капли пота, а сердце учащенно забилось, словно въ испугѣ.

— Что это?—подумалъ онъ.—Замужъ? Быть можетъ, уже сосватали? Нѣтъ, нѣтъ...

Онъ опять легъ, но заснуть было нельзя: не закрывались глаза, и сильно колотилось въ вискахъ Бѣжали мысли, и зрѣло какое-то рѣшеніе...

IV.

Чоткарма проснулся рано. Онъ вычистилъ лошадь, заложилъ сани, одѣлся тепло и сталъ дожидаться хозяина. Тотъ проснулся и, пока еще всѣ въ домѣ спали, уѣхалъ съ киргизомъ.

Кохлевскій всталъ. Онъ долго сидѣлъ на своей лавкѣ и слѣдилъ за движеніями старой ворчливой Настасьи. Потомъ она ушла въ комнаты и разбудила женщинъ.

Слышно было, какъ стала позѣвывать хозяйка, какъ долго отбивалась Даша отъ назойливыхъ приставаній Настасьи. А Кохлевскій сидѣлъ и ждалъ.

Отворилась дверь, и въ ней показалась заспанная Даша съ полотенцемъ въ рукахъ.

Было еще темно. Огарокъ свѣчки чадилъ и мигалъ подслѣповатымъ свѣтомъ.

— Здравствуйте, Дашенька!—сказалъ Кохлевскій, не вставая съ лавки.

Даша кивнула ему головой, подошла къ умывальнику и стала полоскаться.

И пока она умывалась, разливая воду по полу и по лавкѣ, Кохлевскій, не вставая со своего мѣста и не спуская глазъ съ Даши, тихо говорилъ ей:

— Я не спалъ всю ночь, дорогая моя, хорошая! Я не могу, не хочу больше ждать. Скажи мнѣ, скажи, что я могу надѣяться. Если бы ты знала, какъ я измучился, изстрадался!..

Даша лукаво поглядѣла на него, залилась звонкимъ смѣхомъ, покачала головой.

— Умылся бы раньше! — проговорила она. — Ишь неумытый какой, а тоже лѣзетъ...

— Дашенька, скажите мнѣ, скажите!—шепталъ Кохлевскій, не отрывая глазъ отъ Даши.

— Что сказать-то? Надѣяться всякому можно. На то и дѣвка, чтобы всѣмъ обѣщать...

И въ этихъ словахъ Кохлевскій почувствовалъ что-то хорошее для себя.

— Можно надѣяться? правда? не шутишь?—задыхаясь шепнулъ Кохлевскій и всталъ.

Даша засмѣялась и выбѣжала изъ кухни, чуть не сваливъ съ ногъ входившую Настасью... А Кохлевскій стоялъ въ какомъ-то восторгѣ, и радостная улыбка не сходила съ его измятаго лица.

Потомъ онъ пришелъ въ себя, одѣлся по формѣ и вышелъ изъ дома. Начиналось утро...

До казармы было недалеко. Солдаты уже собирались на ученье, и въ воздухѣ носился ихъ говоръ и смѣхъ. Кохлевскій вошелъ въ казарму и остановился у входа.

— Когда придетъ ротный?—спросилъ онъ у унтеръ-офицера.— У меня къ нему дѣло есть...

— Чего захотѣлъ! ротнаго!—удивился унтеръ.—Да онъ теперь небось безъ заднихъ ногъ валяется. Они вчера съ батальоннымъ куда-то уѣзжали, а вернулись недавно...

— Мнѣ бы ротнаго повидать, по дѣлу. У меня есть дѣло къ нему!—сказалъ Кохлевскій.

— Ступай къ нему, если хочешь. А только его сегодня въ казарму не жди: пьянъ!..

Кохлевскій повернулся и пошелъ обратно къ городу, гдѣ уже начиналась жизнь.

V.

Унтеръ-офицеръ ошибся: ротный не спалъ. У него въ гостяхъ сидѣлъ баталіонный и тянулъ тоскливыя пѣсни пьянымъ голосомъ. На столѣ стояли бутылки, огурцы...

Денщикъ не хотѣлъ докладывать ротному о приходѣ Кохлевскаго, но, на его счастье, въ прихожую вышелъ самъ ротный и увидѣлъ Кохлевскаго.

— Тебѣ что надо?—спросилъ ротный.—Я сегодня боленъ и въ роту не пойду.

— По своему частному дѣлу къ вашему благородію,—отвѣтилъ солдатъ тихо.

— А, это ты, польскій мятежникъ. Ну, пойдемъ въ горницу. Скажешь, что надо.

Въ комнатѣ было накурено, грязно и душно. Батальонный, повидимому, не сознавалъ окружающаго и тянулъ свою пѣсню, положивъ голову на руки.

— Господинъ майоръ, — крикнулъ ротный, — видѣли нашего польскаго мятежника?

Майоръ ничего не слыхалъ и ни на что не обращалъ вниманія, какъ будто вокругъ него никого и ничего не было. Но ротный не унимался и продолжалъ говорить, не обращаясь къ нему.

— Рекомендую: польскій мятежникъ, сынъ подполковника французской арміи, бывшій кадетъ Калишскаго кадетскаго корпуса, а нынѣ рядовой ввѣренной мнѣ роты. Слышите?

Отвѣтомъ ему была та же старая, пьяная, тоскливая пѣсня баталіоннаго.

— Что скажешь мнѣ, бывшій кадетъ и сынъ подполковника?— спросилъ ротный.—Но только помни, что теперь ты—не подполковничій, а собачій сынъ. Понялъ? Ну, помни это!..

Кохлевскаго передернуло отъ любезности ротнаго командира, но онъ удержался.

— Позвольте просить вашего содѣйствія!—сказалъ Кохлевскій.— Мнѣ это такъ нужно!

— Позволяю, проси, только помни: ни отпуска, ни денегъ не дамъ. Понялъ?

— Ваше благородіе, мнѣ нужно другое!—отвѣтилъ Кохлевскій.— Позвольте вамъ доложить, что я состою на постоѣ у здѣшняго, троицкаго мѣщанина Ушакова, торговца...

— Знаю. Этого ты могъ и не докладывать,—проговорилъ лѣниво ротный.

— У него, у Ушакова, есть жена и дочь, Даша. Давно уже я полюбилъ ее и хочу просить разрѣшить мнѣ вступить съ нею въ бракъ. Вотъ я и пришелъ просить васъ...

— Въ посаженные отцы? Это я могу, и даже съ удовольствіемъ!—воскликнулъ ротный.

— Нѣтъ, не въ отцы, — въ замѣшательствѣ прошепталъ Кохлевскій.—Я хотѣлъ просить ваше благородіе поговорить съ ея отцомъ. Человѣкъ онъ богатый, важный. А они всѣ не вѣрятъ мнѣ, что я—дворянинъ, что я — хорошей крови. Они думаютъ, что я такой же мужикъ, какъ и всѣ они. Вотъ я и прошу васъ похлопотать за меня. Васъ они послушаютъ!..

— Гм... ладно!—въ раздумьѣ произнесъ ротный.—Сегодня же пойду твоимъ сватомъ!

— Сдѣлайте милость. Самъ Ушаковъ не раньше вечера вернется!—сказалъ Кохлевскій.

— Ладно. Вмѣстѣ съ майоромъ пойдемъ, если только майоръ до тѣхъ поръ проспится.

— Будьте отцомъ роднымъ, заставьте за васъ Бога молить... Будьте отцомъ...

— Ладно. Буду и роднымъ, и посаженнымъ, и разрѣшеніе на свадьбу даю. Ступай, жди!..

Кохлевскій вышелъ изъ квартиры ротнаго командира и направился къ дому.

Ему было весело, хотѣлось смѣяться, прыгать. Встрѣчались сумрачные киргизы, и Кохлевскому казалось страннымъ, какъ можно было хмуриться и сердиться...

VI.

Когда воротился хозяинъ, и Чоткарма принялся за обѣдъ, Кохлевскій ушелъ изъ дома.

Онъ пошелъ въ поле, гдѣ лежалъ рыхлый, пушистый снѣгъ по обѣимъ сторонамъ почернѣвшей дороги. И долго бродилъ онъ, весь полный ожиданія и какого-то смутнаго предчувствія. Какъ-то

странно сжималось сердце, подгибались ноги, затуманивались глаза.

Онъ зналъ, что теперь въ домѣ Ушаковыхъ сидитъ ротный командиръ и своимъ грубымъ голосомъ объясняетъ степенному и молчаливому хозяину цѣль своего посѣщенія.

— Онъ согласится. Онъ не можетъ не согласиться! — думалъ Кохлевскій.

И передъ нимъ вставалъ образъ Даши, изящной, гибкой, стройной, какою она была всегда.

— Я—дворянинъ, она станетъ дворянкой. Мы заживемъ не по-ихнему,—продолжалъ мечтать Кохлевскій. — Я выйду со службы, увезу ее къ себѣ въ Польшу. Заживемъ...

Потомъ зажглись звѣзды, и Кохлевскій медленно пошелъ назадъ въ городъ.

Проходя мимо командирской квартиры, онъ замѣтилъ въ ней свѣтъ, услышалъ голоса.

— Что это?—подумалъ онъ. — Неужели уже вернулся? Такъ скоро? Не можетъ быть.

Онъ быстро пошелъ къ своему дому. У воротъ стоялъ равнодушный Чоткарма.

— Чоткарма... У насъ былъ кто нибудь?—спросилъ Кохлевскій взволнованнымъ голосомъ.

— Былъ,—отвѣтилъ киргизъ.—Два были, тебя ругали, замужъ Дашу выдавали...

— За что ругали? за кого замужъ? Я ничего не понимаю!— лепеталъ Кохлевскій.

— А офицеръ велѣлъ тебя къ нему послать, тогда ты поймешь!—отвѣтилъ Чоткарма.

Кохлевскій хотѣлъ было пройти въ домъ, но Чоткарма загородилъ ему дорогу.

— Иди къ офицеру понимать. Не велѣлъ тебя домой пущать. Къ нему иди.

Кохлевскій растерянно поплелся къ командирскому дому, а Чоткарма глядѣлъ издали.

— Ты—настоящій собачій сынъ!—накинулся на него командиръ, едва лишь онъ переступилъ порогъ его квартиры, гдѣ пьяный баталіонный сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ.—Настоящій собачій, а не подполковничій. Что жъ ты мнѣ говорилъ? а? Зачѣмъ ты меня посылалъ? Вѣдь, она просватана, шляхетскій песъ, просватана!..

— Просватана?—воскликнулъ Кохлевскій, и инстинктивно схватился рукою за дверь, чтобы не упасть.—Просватана? Я не зналъ объ этомъ, ничего не зналъ... Виноватъ!..

— Я ему о тебѣ, а онъ мнѣ о женихѣ своей дочери, — продолжалъ командиръ. — Нашли они ей какого-то таможеннаго чиновника и вчера еще рѣшили отдать ее за него замужъ.

— Вчера? рѣшили? А зачѣмъ же она мнѣ не сказала этого? зачѣмъ?—шепталъ солдатъ.

— Хотѣлъ я тебя, подполковничьяго сына, подъ арестъ посадить, да вижу, что ты дуракъ и не умѣешь своихъ дѣлъ обдѣлывать... А дѣвчонка не дурна... Пошелъ вонъ...

Кохлевскій вышелъ, понуривъ голову. И у него уже не было больше надеждъ.

У воротъ дома попрежнему стоялъ Чоткарма и курилъ трубку. Самъ Ушаковъ былъ во дворѣ и возился надъ какимъ-то полѣномъ. Кохлевскій подошелъ къ нему.

— Хозяинъ, извините!—проговорилъ онъ, останавливаясь близъ него.—Я не зналъ!..

— Да, братъ, просватали еще вчерась,—отвѣтилъ Ушаковъ.—За чиновника выдаемъ, за дворянина тоже... Онъ тутъ въ таможнѣ служитъ. Смольяниновъ,—слыхалъ?

— Этотъ? пьяница? — воскликнулъ Кохлевскій упавшимъ голосомъ.

— Пьяница! у насъ всѣ пьютъ,—возразилъ Ушаковъ.—Пей, да дѣло разумѣй, по русской пословицѣ. Вчерась уже все дѣло рѣшили. Такъ ты не прогнѣвайся. Твой ротный сказываетъ, что ты изъ знатнаго польскаго рода. Пріятно это, конечно. Только и мы не за простого мужика ее выдаемъ, за чиновника, да еще за русскаго. Такъ-то...

— А она? Даша? вы ее спрашивали? — выкрикнулъ Кохлевскій и испугался своего голоса.

— Не безъ того,—проговорилъ хозяинъ и медленно пошелъ къ дому.—Не безъ того!..

Кохлевскій двинулся за нимъ. Онъ былъ, какъ въ чаду, и не могъ говорить.

Хозяинъ также медленно вошелъ въ домъ, вытеръ ноги о рогожу и скрылся въ горницѣ, откуда слышался звонкій, веселый голосъ Даши и ровное сопѣніе ея матери.

Кохлевскій пришелъ въ себя на порогѣ горницы. Онъ остановился и оглядѣлся.

— Шапку-то сыми, въ горницѣ, небось, тутъ образа есть!—сказалъ кто-то ему.

Солдатъ снялъ фуражку, увидѣлъ лукавое личико Даши. Она смотрѣла прямо на него.

— Даша, Даша! Зачѣмъ же не сказала правду? Зачѣмъ ты не сказала?—проговорилъ Кохлевскій, и вдругъ судорожныя рыданія схватили его горло, словно клещами.

VII.

— Большой такой, а плачетъ. Мужчина не долженъ плакать!— укоризненно говорилъ Чоткарма, грубо укутывая Кохлевскаго въ въ одѣяло.—Ужъ двѣ недѣли прошло, какъ узналъ, а все еще плачешь. Солдатъ не плачетъ, онъ не умѣетъ плакать, солдатъ дерется...

А Кохлевскій попрежнему продолжалъ лежать на своей лавкѣ и рыдалъ, какъ дитя.

Хозяевъ опять не было дома, опять глухая Настасья спала, какъ убитая, на печкѣ, и только одинъ Чоткарма могъ слышать, какъ плачетъ солдатъ. И онъ плакалъ.

— Слушай, ты, баба!—продолжалъ киргизъ.—Если бы у меня была веревка, я сталъ бы колотить тебя ею за то, что ты плачешь. Слушай: разъ одинъ киргизъ полюбилъ бабу, а баба не полюбила киргиза. И киргизъ взялъ ножъ и зарѣзалъ бабу. Онъ не плакалъ, онъ взялъ ножъ и пошелъ къ ней. И баба умерла. А ты... Двѣ недѣли реветъ, какъ младенецъ. Тебя не за что любить, плаксивыя бабы не любятъ плаксъ. У меня есть ножъ. Видишь? Въ немъ два аршина длины, онъ острый, надежный, съ нимъ не пропадешь. Онъ всегда лежитъ у меня подъ кроватью. А плакать не хорошо, стыдно... Завтра хозяева устраиваютъ праздникъ, будутъ гости, будетъ женихъ. А ты плачь, плачь!.. Курица... Такихъ не любятъ!...

Потомъ Чоткарма легъ на свою скамейку и замолчалъ, а Кохлевскій продолжалъ плакать. И его плачъ сливался съ храпомъ глухой Настасьи.

Поздно ночью вернулись хозяева. Имъ отворилъ Кохлевскій. И прежде, чѣмъ Даша успѣла войти въ сѣни, онъ схватилъ ее за руку и тихо проговорилъ, наклоняясь къ ней:

— Милая моя, не ходи за него, не надо! Я люблю тебя, буду беречь тебя. Не ходи...

— Ты съ ума сошелъ!—вскрикнула испуганно Даша, вырывая у него свою руку.

— Я знаю: завтра у васъ будутъ гости, будетъ твоя помолвка. Умоляю тебя: не ходи, пожалѣй меня и себя. Моя дорогая, милая, пожалѣй меня.

Даша вырвала свою руку и бросилась въ горницу, дрожа отъ охватившаго ее страха.

Кохлевскій еще долго стоялъ на дворѣ и глядѣлъ въ синее небо... Морозило...

— Ушла, не отвѣтила,—прошепталъ онъ,—не любитъ. Тогда я знаю, что дѣлать...

VIII.

Весь вечеръ гости не уходили изъ дома Ушаковыхъ. Хозяева звали къ себѣ и Кохлевскаго, но тотъ не пошелъ и оставался все время въ кухнѣ.

Чоткарма былъ пьянъ, Настасья все ворчала и сердилась на хозяйку и безпрестанно бѣгала изъ кухни въ горницу, подавая разныя блюда.

Женихъ пришелъ позже всѣхъ. Самъ старикъ Ушаковъ обнялъ его и посадилъ въ передній уголъ. Даша сѣла рядомъ съ нимъ у стола, и улыбка не сходила съ ея лица.

Уже поздно въ кухню вышелъ хозяинъ и заплетающимся языкомъ проговорилъ:

— Погляди, солдатикъ, на жениха. Чѣмъ онъ хуже тебя? Тоже дворянинъ, баринъ, видный...

Кохлевскій ничего ему не отвѣтилъ и сталъ ходить по кухнѣ быстро и нервно.

— А ты не сердись,—продолжалъ хозяинъ,—на этакое дѣло нельзя сердиться. Дѣло полюбовное, не желаю дѣвку принуждать: за кого хочетъ, за того и идетъ. Иди, выпей!..

Пили за здоровье хозяевъ, за здоровье помолвленныхъ, за здоровье гостей.

И всѣ были пьяны, крикливы, грубы. Женихъ нагло обнималъ невѣсту и чмокалъ ее въ щеку. И у Кохлевскаго больно сжималось сердце при каждомъ звукѣ поцѣлуя, при каждомъ взрывѣ пьянаго хохота гостей, кричавшихъ безъ конца:

— Горько, чиновникъ, горько! Цѣлуй послаще, не скупись! Загодя-то оно слаще!..

— Чоткарма, Чоткарма, что они дѣлаютъ?—говорилъ Кохлевскій, толкая заснувшаго киргиза.—Чоткарма, что мнѣ дѣлать? куда уйти мнѣ? Чоткарма, я не могу слышать...

Но Чоткарма спалъ и не могъ проснуться. А солдатъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и слезы сами катились изъ его глазъ быстро, одна за другою.

— Ты бы, касатикъ, пошелъ, выпилъ бы!—проговорила Настасья, замѣтивъ эти слезы.—Оно, горе-то твое, и прошло бы, какъ рукою сняло бы... Поди, выпей!..

Кохлевскій пошелъ. Онъ рванулъ дверь и замеръ на порогѣ: въ переднемъ углу сидѣла Даша и рукою нѣжно проводила по волосамъ жениха.

— А служивый!—крикнулъ хозяинъ.—Выпей! Наливайте ему: онъ хочетъ поздравить!..

И пока Ушаковъ успѣлъ дотянуться до графина, въ комнатѣ уже не оставалось Кохлевскаго. Онъ выбѣжалъ на улицу и крикнулъ громко, сильно, крикнулъ какой-то звукъ...

Потомъ онъ пошелъ впередъ, не зная куда, и когда оглянулся, то городъ темнѣлъ гдѣ-то далеко, такъ что собачій лай долеталъ еле слышными, глухими отзвуками...

Потомъ Кохлевскій пошелъ назадъ. Шелъ онъ тихо, долго, желая продлить время.

Мелькнула знакомая улица, приглядѣвшіеся заборы, дома. И вездѣ было тихо, только гдѣ-то въ сторонѣ раздавались человѣческіе голоса. И онъ пошелъ на голоса.

Это возвращались отъ Ушаковыхъ гости. Шелъ женихъ, пошатываясь брели какіе-то люди. Они кричали и будили сонныхъ псовъ въ подворотняхъ.

Кохлевскій пошелъ за ними. Онъ слышалъ смѣхъ, говоръ, шутки и все шелъ.

Вотъ остановилась толпа у казеннаго зданія, и кто-то скрылся въ воротахъ.

Кохлевскій выждалъ и, когда толпа удалилась отъ дома, пошелъ въ тѣ же ворота.

— Кто тутъ? — спросилъ его сторожъ, кутаясь въ зипунъ. — Кого надо тутъ?

— Свои!—отвѣтилъ Кохлевскій и быстро скрылся въ дверяхъ дома.

IX.

Коллежскій регистраторъ Смольяниновъ не успѣлъ еще снять съ себя пальто, какъ отворилась дверь, и въ ней показалось смущенное лицо Кохлевскаго.

— Тебѣ тутъ что надо? — спросилъ Смольяниновъ, недоумѣвающе глядя на солдата.

Кохлевскій, не отвѣтивъ ему на вопросъ, подошелъ къ нему вплотную и прошепталъ:

— Ты отнялъ у меня все, ты взялъ мою Дашу. Я ненавижу тебя, проклятый!..

— Ну, ты не ругайся. Ишь тоже... — испуганно проговорилъ Смольяниновъ и отступилъ назадъ, въ глубь комнаты. — Я тебя не звалъ, уходи отсюда, а то сторожей разбужу!..

— Испугался?! Не бойся, я тебѣ ничего не сдѣлаю. Слушай ты, дворянинъ! Если ты настоящій дворянинъ, если въ тебѣ течетъ благородная, а не мужицкая кровь, то ты мнѣ долженъ дать удовлетвореніе. Понимаешь ты это слово? Я тебя вызываю. Понялъ?

— Чего это ты сердишься?—ухмыльнулся Смольяниновъ.—Я тебѣ ничего не сдѣлалъ, а ты ко мнѣ пристаешь. Какое тебѣ удовлетвореніе надо? Ничего я у тебя не отнималъ, не бралъ. За Дашу посватался, такъ я не виноватъ, что она меня, а не тебя выбрала...

— Слушай: я самъ дворянинъ. Въ нашей землѣ за оскорбленіе платятъ оскорбленіемъ, за обиду—обидой. Я тебѣ говорю, что я

люблю Дашу, ты всталъ на моей дорогѣ, она полюбила бы меня... Давай драться. Ты выберешь оружіе, назначишь мнѣ время, и мы рѣшимъ нашъ споръ на оружіи. Поставимъ условіе: драться до смерти одного изъ насъ...

Смольяниновъ глядѣлъ на Кохлевскаго испуганными глазами и молчалъ.

— Говори же мнѣ, отвѣчай, — продолжалъ Кохлевскій возбужденнымъ голосомъ.—Я тебѣ предлагаю въ послѣдній разъ, иначе я застрѣлю тебя изъ-за угла. Согласенъ?

Чиновникъ растерялъ свой хмель и все дальше отступалъ отъ Кохлевскаго.

— Давай секундантовъ, они будутъ нашими посредниками, они рѣшатъ. А то давай бросимъ жребій, и одинъ изъ насъ долженъ будетъ тогда покончить съ собою. Согласенъ?

И вдругъ случилось то, чего никакъ не могъ ожидать Кохлевскій: чиновникъ бросился вонъ изъ комнаты съ крикомъ, въ ужасѣ, боясь погони солдата.

Кохлевскій постоялъ немного и засмѣялся дикимъ смѣхомъ. Въ темнотѣ онъ отворилъ дверь и вышелъ на улицу мимо спящаго сторожа. Вездѣ было тихо и сонно.

— Теперь мнѣ уже ничего, ничего не надо. Все кончено, все сдѣлано!—говорилъ онъ, проходя пустынными, мертвыми улицами.— И ему не надо, не надо... А я такъ хотѣлъ сдѣлать ее счастливою. Не надо, все кончилось!.. Теперь не надо...

Безсвязно бормоча, онъ пришелъ домой, ворота были не заперты, въ домѣ слышались голоса, свѣтились огни. Онъ вошелъ, сѣлъ на свою скамейку и расхохотался.

— Чоткарма, Чоткарма! Гдѣ твой ножъ? Эй, Чоткарма, проснись, дѣло есть.

Киргизъ спалъ. Кохлевскій повернулъ его на бокъ, просунулъ подъ тюфякъ руку, нащупалъ ножъ и вытащилъ его.

— Ничего... все хорошо. Настасья, все хорошо!—крикнулъ онъ дремавшей на табуретѣ Настасьѣ и потушилъ въ кухнѣ огонь.

Рядомъ въ комнатѣ Даша смѣялась. У нея оставались подруги, и всѣ онѣ съ визгомъ и крикомъ стлали себѣ постели на ночь... А тамъ скоро затихли голоса, и весь домъ замолкъ въ тяжеломъ, непривычно позднемъ снѣ. А Кохлевскій сидѣлъ на лавкѣ и улыбался... Потомъ онъ всталъ и неслышно пошелъ въ горницы...

X.

У самой двери на стулѣ сидѣлъ Ушаковъ и тяжело храпѣлъ. Кохлевскій миновалъ его, миновалъ неприбранный столъ съ остатками пиршества, миновалъ хозяйскую спальню и остановился на порогѣ Дашиной комнаты.

Было темно, и въ темнотѣ нельзя было разглядѣть лицъ. Въ комнатѣ, вмѣстѣ съ Дашей, спали еще двѣ дѣвушки. И Кохлевскій сталъ прислушиваться къ ихъ дыханью.

— Ставни... Зачѣмъ затворены ставни? Ничего не видно!—подумалъ онъ.—Какъ бы не ошибиться... темно... темно!..

Послышался вздохъ, кто-то повернулся на другой бокъ, и опять все стихло.

Кохлевскій громко захохоталъ, бросился впередъ, крѣпко сжавъ ножъ киргиза...

— Кто тутъ? Ай... Меня убиваютъ... Больно. Спасите, спасите!—кричала Даша, чувствуя, какъ впивается въ тѣло длинный, хорошо отточенный киргизскій ножъ.—Спасите!..

Изъ сосѣдней комнаты со свѣчей въ рукахъ прибѣжала мать. Она вскрикнула, схватила Кохлевскаго за руку. Свѣтъ скользнулъ по одѣялу, по простынѣ.

— Убилъ, убилъ!—вопила мать, обнимая Дашу.—Убилъ, разбойникъ! Держите его!

Кохлевскій выпустилъ изъ рукъ ножъ и грузно опустился на скамью.

Подруги Даши быстро выбѣжали изъ комнаты... Стали собираться люди. Пришелъ отецъ.

Блѣдный, съ испариной на лбу, сидѣлъ Кохлевскій и смотрѣлъ на Дашу. Ни на одинъ вопросъ, обращенный къ нему, онъ не отвѣтилъ, и только когда его привели на гауптвахту, и караульрый офицеръ коротко спросилъ его о случившемся, онъ прошепталъ:

— Не я виноватъ. Она сама хотѣла того...

А въ домѣ Ушаковыхъ надъ ранами Даши хлопоталъ уже призванный лѣкарь.

... Надъ Кохлевскимъ нарядили судъ. Выяснилось, что онъ вызывалъ на дуэль чиновника Смольянинова, что онъ взялъ у Чоткармы ножъ.

А тѣмъ временемъ Даша лежала почти безъ сознанія. Сначала лѣкарь увѣрялъ, что четыре раны, которыя были нанесены ей Кохлевскимъ,—не опасны, что имѣется полная надежда на выздоровленіе; но потомъ ухудшеніе пошло быстро, замѣтно, и скоро она умерла... Ее похоронили, а надъ Кохлевскимъ все еще тянулся судъ.

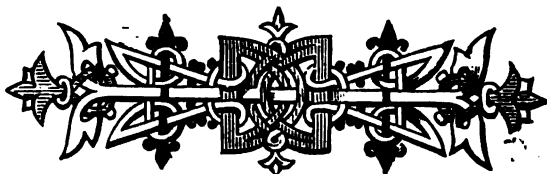
Прошло болѣе двухъ лѣтъ послѣ описаннаго случая, но слѣдователи не спѣшили съ окончаніемъ дѣла. Наконецъ, всѣ процессуальныя формальности были исчерпаны.

Кохлевскій, какъ дворянинъ, по законамъ той эпохи, не могъ быть подвергнутъ наказанію безъ утвержденія приговора государемъ. Въ верховномъ судилищѣ былъ составленъ докладъ и представленъ на высочайшую конфирмацію.

По резолюціи Николая I, данной 20-го мая 1838 года въ Берлинѣ, Кохлевскій былъ присужденъ къ тяжелому наказанію: онъ былъ лишенъ дворянства и сосланъ въ каторжную работу.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

«СВОБОДОДѢЙСТВУЮЩІЕ» ВОСЬМИДЕСЯТНИКИ [1].

ЛОВО «свобододѣйствующіе»—неологизмъ самаго послѣдняго времени, однако я не рискую впасть въ ошибку, если скажу, что понятіе, или, вѣрнѣе, явленіе, обозначаемое этимъ словомъ, существовало еще въ эпоху 80-хъ годовъ. Такъ, вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе новаго университетскаго устава среди московскихъ студентовъ, главнымъ образомъ, юристовъ-первокурсниковъ, образовалась группа лицъ, которыя, замкнувшись въ свой тѣсный кружокъ, держали себя вызывающимъ образомъ по отношенію къ остальнымъ товарищамъ, относились къ нимъ съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, почти презрительно. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ богатымъ купеческимъ семьямъ, кое-кто даже къ высшему аристократическому кругу. То были, по большей части, «матушкины сынки», исковерканные свѣтскимъ воспитаніемъ, самовлюбленные Нарциссы, неизвѣстно зачѣмъ поступавшіе въ университетъ, во всякомъ случаѣ не для изученія высшей науки. Большинство изъ нихъ ровно ничего не дѣлало, лишь жуировало напропалую, щеголяя въ театрахъ, клубахъ и разныхъ общественныхъ собраніяхъ своими новенькими съ иголочки мундирчиками, а на улицахъ—«николаевскими» шинелями. Кстати сказать, эти шинели, впослѣдствіи совсѣмъ вышедшія изъ употребленія, были предметомъ ихъ особенной гордости. «Представьте,—говорилъ одинъ изъ нихъ, са-

---

[1]) См. мою статью «Первые шаги» въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника». Авторъ.

модовольно хихикая,—за офицера принимаютъ, въ особенности вечеромъ: солдаты и городовые такъ и козыряютъ!» И лицо юноши сіяло неподдѣльной радостью.

На лекціяхъ эти господа бывали рѣдко, и то только у «благонамѣренныхъ» профессоровъ, къ которымъ они, въ качествѣ самозванныхъ охранителей, питали даже своего рода нѣжность. Такъ, у профессора римскаго права Н. П. Боголѣпова всегда можно было видѣть на лекціи нѣсколько чистенькихъ, изящно одѣтыхъ студентовъ, неизмѣнно сидѣвшихъ въ первомъ ряду, съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣвшихъ профессору въ ротъ и подъ медленные, протяжные звуки римскихъ юридическихъ формулъ добросовѣстно заносившихъ въ свои тетрадки... римскіе профили.

Зато у этой группы студентовъ далеко не пользовались фаворомъ либеральные профессоры, которыхъ они всячески старались игнорировать, не посѣщали ихъ лекцій, какъ общее правило (исключенія допускались лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ!), и никогда не кланялись имъ при встрѣчѣ. Мало того, протестъ противъ несимпатичнаго имъ профессорскаго «направленія» они выражали иногда и въ болѣе осязательной формѣ. Напримѣръ, однажды, придя на лекцію М. М. Ковалевскаго въ количествѣ пяти-шести человѣкъ, они, усѣвшись въ рядъ, принялись такъ громко кашлять и чихать, что многихъ словъ профессора совсѣмъ невозможно было разслышать. М. М. нѣсколько разъ довольно недружелюбно взглядывалъ на странно ведущую себя группу щегольски одѣтыхъ студентовъ и пожималъ плечами, но они не унимались. Наконецъ, когда уже стали раздаваться съ разныхъ сторонъ негодующіе возгласы: «Вонъ, вонъ отсюда! Негодяи!»—демонстранты опомнились. Одинъ изъ нихъ, нѣкто К—скій, тотчасъ же всталъ и, нагло улыбаясь, вышелъ изъ аудиторіи, а вслѣдъ за нимъ потянулась и остальная компанія.

К—скій былъ лидеромъ своей партіи. Но онъ вліялъ на товарищей не умомъ или нравственными качествами,—то и другое у него отсутствовало,—а исключительно богатствомъ и связями. Одни подлаживались къ нему потому, что частенько кутили на его счетъ и брали у него деньги взаймы, разумѣется, никогда ихъ не отдавая, другіе мечтали со временемъ устроить черезъ него свою карьеру, и на этомъ основаніи спѣшили записаться къ нему въ преданные и послушные друзья. Партія всячески старалась ему льстить и угождать, а К—скій важничалъ, не на шутку воображая себя настоящей величиною, съ которой необходимо считаться рѣшительно всѣмъ, даже университетскому начальству. Послѣднему онъ какъ-то умѣлъ импонировать, благодаря, можетъ быть, своему ухарски-развязному виду, веселому, раскатистому смѣху, нагло прищуреннымъ глазамъ и бойкому, чисто хлестаковскому вранью.

Дѣйствительно, съ инспекціей К—скій держалъ себя за панибрата, а педелей даже слегка третировалъ.

— Послушай, братецъ... какъ тебя тамъ? Петровъ!—подзывалъ онъ къ себѣ педеля, небрежно цѣдя сквозь зубы слова, и педель съ любезной миной бросался къ нему со всѣхъ ногъ, тотъ самый педель, который, можетъ быть, еще вчера только тащилъ за шиворотъ его товарища однокурсника, какого нибудь бѣдняка-стипендіата, попавшагося ему на улицѣ въ «смѣшанной формѣ»,—тащилъ къ инспектору Брызгалову на расправу.

Надо замѣтить, что К—скій всѣмъ педелямъ говорилъ «ты», и они не только не обижались на него за это, но даже относились къ нему съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ, низко ему кланялись и говорили съ нимъ не иначе, какъ съ заискивающей улыбочкой на лицѣ. Конечно, кромѣ почтенія, они испытывали къ нему еще чувство страха, такъ какъ знали, что К—скій «друженъ» съ Брызгаловымъ, бываетъ у него запросто на квартирѣ и даже «перекидывается съ нимъ въ картишки». «Неровенъ часъ, пожалуй, и наплететъ еще что нибудь про нихъ самому-то,—ну, и по шапкѣ тогда!» Вотъ почему, главнымъ образомъ, они и боялись К—скаго и раболѣпствовали передъ нимъ.

Такія же приблизительно чувства педели питали и къ другимъ членамъ партіи, во главѣ которой стоялъ К—скій. Ни на кого изъ нихъ они не осмѣливались простирать своихъ педельскихъ полномочій, справедливо разсуждая, что этой группѣ студентовъ, какъ и вождю ея, рѣшительно все дозволено. Еще бы! Они прекрасно знали, что всѣ эти господа находятся въ близкихъ отношеніяхъ съ инспекціей, что они лучшіе ея друзья и союзники, и, слѣдовательно, не только не нуждаются въ ихъ педельской опекѣ, но даже сами могутъ «опекать», кого угодно.

Одного изъ членовъ партіи, нѣкоего М., педели побаивались даже больше, чѣмъ самого К—скаго. М. былъ товарищемъ послѣдняго по гимназіи и происходилъ изъ небогатой дворянской семьи. Какъ хитрый и чрезвычайно практическій юноша, онъ сумѣлъ втереться къ К—скому въ дружбу и даже имѣлъ на него вліяніе. Самъ К—скій, родные и знакомые его, всѣ почему-то принимали М. за очень умнаго и развитого человѣка, тогда какъ, въ сущности, онъ былъ весьма недалекъ и мало развитъ. Но онъ какъ-то умѣлъ разыгрывать изъ себя то, чего въ немъ въ дѣйствительности не было, между прочимъ, умѣлъ и прикидываться умнымъ, когда это требовалось, такъ сказать, по обстоятельствамъ дѣла. Случалось, напримѣръ, что онъ подойдетъ къ кучкѣ разговаривающихъ и съ молчаливо-сосредоточеннымъ видомъ начинаетъ прислушиваться. Разговоръ постепенно переходитъ въ шумный споръ. М. все прислушивается. Наконецъ, улучивъ паузу, выразительно произноситъ:

— Н... да-съ! Это я вамъ доложу—исторія!

Всѣ смотрятъ на него, ожидая, что онъ выскажетъ свое мнѣніе, но онъ молчитъ. Наконецъ, его спрашиваютъ:

— А какъ по-вашему?

— По-моему? Гм... о, это не такъ просто, какъ вы думаете! гм!..

И, загадочно промычавъ, М. бросаетъ сквозь дымчатыя очки глубокомысленный взглядъ; вслѣдъ за тѣмъ на губахъ его появляется ехидная улыбка, и онъ отходитъ, не проронивъ больше ни одного слова.

— О, этотъ М. себѣ на умѣ, онъ—дипломатъ!—составилось о немъ общее мнѣніе.

А, въ сущности, этотъ «дипломатъ» былъ только ловкимъ пройдохой. Онъ чутьемъ угадывалъ, что для него было выгодно въ данный моментъ, и для достиженія цѣли не гнушался никакими средствами. Оклеветать, очернить человѣка, донести на него, кому слѣдуетъ, узнавъ о немъ предварительно всю подноготную,—было самымъ разлюбезнымъ для него занятіемъ. Вообще изъ М. вышелъ бы великолѣпный сыщикъ, если бы онъ не былъ студентомъ. Не даромъ его подозрѣвали нѣкоторые въ сношеніяхъ съ охраннымъ отдѣленіемъ: по крайней мѣрѣ, «злые языки» говорили объ этомъ, какъ о фактѣ.

К—скій слушалъ М., какъ оракула. Въ университетѣ ихъ всегда можно было видѣть вмѣстѣ: взявши товарища за локоть и прогуливаясь съ нимъ по коридору, М. обыкновенно нашептывалъ ему что-то съ самымъ таинственнымъ видомъ. Иногда у него громко вырывались такія фразы: «надо ему обрѣзать языкъ... это невозможно... до чего же это, наконецъ, дойдетъ? Скоро онъ будетъ открыто проповѣдывать анархію!»

Не трудно было догадаться, что рѣчь шла у нихъ объ одномъ либеральномъ профессорѣ, лекцію котораго они только что прослушали.

— Ты вѣдь, кажется, записалъ?—озабоченно спрашивалъ К—скій.

— Какъ же! Дословно воспроизвелъ!

Помню, во время одного изъ такихъ интимныхъ разговоровъ поблизости очутился субъ-инспекторъ. Они тотчасъ же подошли къ нему. М. вытащилъ записную книжку и показалъ субъ-инспектору. Тотъ прочиталъ и захихикалъ.

— Недурственно?—спросилъ К—скій, оскаливая свои крупные, лошадиные зубы и фамильярно похлопывая начальство по плечу.

— Надо показать Алексѣю Александровичу[1]),—отозвался субъ-инспекторъ, продолжая хихикать.

— О, да, разумѣется, мы сейчасъ къ нему пойдемъ,—заявилъ М. съ полнымъ сознаніемъ всей огромной важности лежащей на немъ миссіи.

Припоминается и такой эпизодъ. Кто-то изъ студентовъ принесъ съ собой революціонный листокъ «Самоуправленіе», издава-

[1]) Брызгалову.

вшійся, если мнѣ не измѣняетъ память, въ Женевѣ. Въ антрактѣ между лекціями, читавшимися въ актовомъ залѣ, листокъ ходилъ по рукамъ. Среди студентовъ находился и М., который вдругъ куда-то исчезъ. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ снова появляется въ актовомъ залѣ, а вскорѣ вслѣдъ за нимъ влетаетъ, какъ пуля, Брызгаловъ съ блѣднымъ, встревоженнымъ лицомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ педелей, которые, по его распоряженію, немедленно закрываютъ кругомъ всѣ двери. Начинается обыскъ. Брызгаловъ разражается отборнѣйшей руганью по адресу студентовъ, требуя, чтобы ему выданы были виновные. Но послѣдніе сознаются сами и представляютъ ему поличное. А въ это время М. уже успѣлъ куда-то скрыться: онъ исполнилъ свое дѣло по совѣсти, и дальнѣйшее его присутствіе среди товарищей уже не требуется.

Таковъ былъ М., типичный представитель реакціонной студенческой партіи того времени.

Нѣсколько другихъ лицъ той же партіи представляли собою уже въ полномъ смыслѣ слова «золотую молодежь». Это были настоящіе «бѣлоподкладочники», бонвиваны, занимавшіеся разнаго рода спортомъ, любительскими спектаклями, балами, карточной игрою, всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не наукой. Прокучивая цѣлыя ночи напролетъ въ разныхъ тогдашнихъ «Салошкахъ» и «Ренессансахъ», въ пьяной компаніи доморощенныхъ вакханокъ и гетеръ, они приходили въ университетъ на полъ-часа или много—на часъ, уже къ самому концу лекцій, чтобы лишній разъ поболтать о свѣтскихъ пустякахъ, занимавшихъ ихъ праздный умъ: о новой этуали, о модной пьесѣ, о предстоящемъ раутѣ у князей S. и т. п. Въ то время какъ лучшая, передовая часть университетской молодежи вела оживленные разговоры и дебаты по поводу новой статьи Льва Толстого, взбудоражившей все русское общество, эти милые «охранители» готовы были спорить чуть не до слезъ о преимуществахъ одного рысака передъ другимъ, о прелестяхъ какой нибудь Ванды Фрумъ изъ «Ренессанса», о вчерашней партіи въ винтъ...

Отъ серьезныхъ, занимающихся наукой, но бѣдно одѣтыхъ студентовъ «бонвиваны» сторонились, какъ отъ чумы, и глубоко ихъ презирали.

— Это все соціалисты, сволочь!—говорили они о нихъ съ презрительной гримасой и при каждомъ удобномъ случаѣ старались имъ нанести обиду: или рѣзкимъ словомъ, какъ бы случайно произнесеннымъ вслухъ, или нагло брошеннымъ взглядомъ.

Помнится даже такой случай. Нѣкто П—въ, одинъ изъ бонвивановъ, здоровый, широкоплечій дѣтина, большой циникъ и нахалъ, выходя изъ университета, встрѣтился въ самыхъ дверяхъ со студентомъ К., который принадлежалъ къ діаметрально-про-

тивоположному лагерю: жилъ уроками, усердно посѣщалъ лекціи, много читалъ. Замѣтивъ передъ собой «тушу», лѣзшую прямо напроломъ, съ нагло поднятымъ къ верху носомъ, К. ни за что не хотѣлъ уступить дорогу, несмотря на то, что физически былъ очень слабъ, малъ ростомъ и тщедушенъ. Противники нѣкоторое время стояли другъ противъ друга, молча, и не трогались съ мѣста.

— Пропустите же!—крикнулъ наконецъ П—въ.

— Пропустите вы сначала!—вспыхнувъ, отвѣчалъ К., но въ это время П—въ грубо оттолкнулъ его и прошелъ первый.

Взбѣшенный К. стремительно бросился на обидчика, вцѣпился сзади обѣими руками въ бобровый воротникъ его шинели и мигомъ стащилъ ее внизъ, такъ что П—въ очутился въ преглупомъ положеніи: на дворѣ, зимой, въ одномъ сюртукѣ. Отъ неожиданности онъ до такой степени опѣшилъ, что даже не могъ выговорить ни одного слова, а К., между тѣмъ, скрылся за дверью.

Встрѣтившись со мною въ аудиторіи, К. съ негодованіемъ разсказалъ мнѣ о случившемся.

— А знаете что?—пришла мнѣ въ голову мысль:—давайте, проучимъ этого молодчика, какъ слѣдуетъ!

— Какимъ образомъ?

— А вотъ какимъ: вы вызовете его на дуэль, а я буду вашимъ секундантомъ!

— Что вы, что вы, батенька?—воскликнулъ К.—Да я и револьвера не умѣю держать въ рукахъ!

— Это совсѣмъ не нужно,—успокоивалъ я его.—П—въ самъ не станетъ драться: повѣрьте, что у подобныхъ господъ нахальство идетъ рука объ руку съ трусостью... Ручаюсь, что онъ всячески будетъ уклоняться отъ дуэли.

— Вы думаете?

— Совершенно убѣжденъ въ этомъ... Дуэль не состоится, но зато крови этому П—ву мы испортимъ немало.

К. замѣтно просвѣтлѣлъ: моя идея, повидимому, начинала ему нравиться.

— Ну, что-жъ, катайте!—проговорилъ онъ.—Я согласенъ.

И мы ударили по рукамъ.

Въ тотъ же день, часовъ около шести, нарядная горничная, съ бѣлымъ кружевнымъ чепцомъ на головѣ, впускала меня въ богатую, роскошно обставленную квартиру П—выхъ, которые въ это время обѣдали. Я былъ приглашенъ въ кабинетъ, куда тотчасъ же вслѣдъ за мной почти вбѣжалъ студентъ П—въ, съ салфеткой, заткнутой около шеи за воротникъ, еще жевавшій на ходу.

— А, collega! Очень радъ... Не хотите ли пообѣдать съ нами?—тотчасъ же любезно предложилъ онъ мнѣ.

Я отказался, извинившись за причиненное безпокойство, и поспѣшилъ заявить, что пришелъ по «весьма экстренному дѣлу». П—въ сдѣлалъ озабоченное лицо и приготовился слушать.

— Мой пріятель К.,—началъ я офиціальнымъ тономъ:—съ которымъ вы имѣли сегодня непріятный конфликтъ...

— Какъ?!—съ изумленіемъ перебилъ меня П—въ.—Этотъ К. вашъ пріятель?

— Ну, да,—сказалъ я.—Что же васъ удивляетъ?

— Не понимаю,—пожалъ плечами П—въ,—что между вами общаго: аристократъ и какой-то жалкій плебеишка?!

— Виноватъ,—рѣзко оборвалъ я его:—это къ дѣлу не относится... Повторяю: господинъ К. за нанесенное ему вами оскорбленіе вызываетъ васъ на дуэль,—я его секундантъ... Надѣюсь, вы принимаете вызовъ?

Эффектъ получился полный. П—въ поблѣднѣлъ и совершенно растерялся.

— Но... но позвольте...—залепеталъ онъ.—Оскорбленіе было взаимное... К. сорвалъ съ меня шинель...

— Я ничего не знаю. К. считаетъ себя оскорбленнымъ вами, слѣдовательно, вы должны или извиниться передъ нимъ, или принять вызовъ... Вы, можетъ быть, извинитесь?

— Какъ это такъ извиняться?—запротестовалъ П—въ.—Съ меня сорвали шинель, и я же долженъ извиняться... Вотъ еще!

— Въ такомъ случаѣ вы принимаете вызовъ?

П—въ въ волненіи сорвалъ салфетку, швырнулъ ее куда-то подъ столъ и сталъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Чортъ знаетъ что! Какая-то нелѣпая дуэль! Вотъ еще недоставало!—волнуясь, бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— Если вы согласны принять вызовъ,—продолжалъ я съ разстановкой, любуясь все увеличивающимся волненіемъ П—ва:—то благоволите прислать ко мнѣ завтра же вашего секунданта для переговоровъ объ условіяхъ дуэли... Вотъ вамъ моя карточка и адресъ.

П—въ очень нерѣшительно взялъ у меня карточку, но вдругъ спохватился, и радостный лучъ пробѣжалъ по его лицу.

— По правиламъ дуэли я вѣдь долженъ стрѣлять первый?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да,—отвѣчалъ я съ усмѣшкой,—но я долженъ васъ предупредить, что если вы промахнетесь, ваша гибель неминуема, такъ какъ мой пріятель бьетъ безъ промаха: въ двадцати шагахъ онъ разбиваетъ пулей грецкій орѣхъ...

П—въ опять поблѣднѣлъ, но, тотчасъ же овладѣвъ собой, съ притворнымъ спокойствіемъ произнесъ:

— Хорошо, я пришлю къ вамъ своего секунданта!

Однако ни на другой, ни на третій день секундантъ ко мнѣ не являлся. Наконецъ, уже къ вечеру третьяго дня получаю отъ П—ва лаконическую записку: «Простудился, лежу въ постели, не знаю, когда буду въ состояніи выйти изъ дому... Въ виду такой

неожиданности мнѣ остается только извиниться передъ К., что̀ я и дѣлаю, а васъ прошу ему объ этомъ передать».

Такъ окончился этотъ траги-комическій инцидентъ. Долго хохотали мы потомъ съ К., вспоминая разныя подробности эпизода,— какое было у П—ва испуганное лицо, когда я говорилъ съ нимъ о предстоящей ему дуэли, какъ онъ изъ страха быть убитымъ притворился больнымъ и добровольно обрекъ себя на домашній арестъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, и проч. и проч.

Цѣлая вереница живыхъ фигуръ проходитъ передо мной изъ недавняго, печальной памяти прошлаго. Когда вспоминаешь всѣхъ этихъ К—скихъ, М., П—выхъ и К°, всю эту «черную накипь», образовавшуюся въ самыхъ нѣдрахъ университетской жизни вскорѣ послѣ введенія новаго устава, какъ-то обидно и грустно, и больно становится на душѣ.

Князь Б. А. Щетининъ.

ДУЭЛЬ ПУШКИНА СЪ ДАНТЕСОМЪ [1].

II.

Бароны Людвигъ Геккеренъ и Жоржъ Дантесъ.

АРОНАМЪ Геккерену и Дантесу не суждена участь милліоновъ людей, имена которыхъ теряются въ пыли забвенія. Мы обречены на печальную необходимость говорить о нихъ и съ мучительнымъ интересомъ заниматься изслѣдованіемъ духовной личности того и другого. Роковой силой вдвинуты они въ біографію поэта, и послѣднія страницы ея должны быть отведены характеристикѣ личности и мотивовъ убійцы Пушкина и его пріемнаго отца. Ихъ фигуры должны быть нарисованы во весь ростъ. И мы должны сознаться, что до сихъ поръ наши источники нисколько не могли помочь намъ составить опредѣленное представленіе о Геккеренѣ и Дантесѣ, потому что всѣ наши свѣдѣнія исчерпывались мало достовѣрными и сильно прикрашенными разсказами о положительно злодѣйскихъ свойствахъ упомянутыхъ лицъ. Матеріаловъ же документальныхъ у насъ подъ руками почти не было.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду опубликовать собранные нами матеріалы для исторіи жизни и характеристики

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIX, стр. 178.

Геккерена и Дантеса. Эти матеріалы извлечены нами изъ различныхъ архивовъ и имѣютъ характеръ достовѣрности. Они значительно измѣняютъ наши обычныя представленія объ этихъ лицахъ. Дантесъ вовсе не оказывается проходимцемъ, безъ поддержки, безъ семьи: наоборотъ, мы узнаемъ изъ приводимыхъ ниже данныхъ, что онъ принадлежалъ къ дружной семьѣ съ извѣстными традиціями. Знакомство его съ Геккереномъ, какъ оказывается, вовсе не завязалось въ Петербургѣ и не имѣло противоестественнаго характера: Геккеренъ находился въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ къ семьѣ Дантеса и поддерживалъ сношенія съ его родными.

Изслѣдуя исторію послѣдней дуэли Пушкина, мы слышали горячія рѣчи друзей поэта, но голоса самого Геккерена и самого Дантеса мы не слышали. Тѣмъ большій интересъ имѣютъ печатаемыя нами письма и объясненія барона Геккерена по дѣлу о дуэли. Эти объясненія подлежатъ, конечно, строжайшей критикѣ, но, несомнѣнно, они вносятъ новыя и важныя подробности о дѣйствіяхъ прикосновенныхъ къ дуэли лицъ: таковы, напримѣръ, сообщаемыя Геккереномъ данныя о роли Натальи Николаевны Пушкиной.

Главнѣйшій матеріалъ для нашей статьи извлеченъ изъ архивовъ—государственнаго и с.-петербургскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Считаемъ пріятнымъ долгомъ принести благодарность С. М. Горяинову и Н. П. Павлову-Сильванскому за ихъ постоянно предупредительное вниманіе къ нашимъ занятіямъ въ этихъ архивахъ. Безъ этого вниманія были бы невозможны новыя открытія матеріаловъ. Данными о службѣ Дантеса мы обязаны С. А. Панчулидзеву, сообщившему намъ ихъ изъ архива Кавалергардскаго Ея Величества полка. Сообщенія пословъ, британскаго и нѣмецкаго, выдержки изъ которыхъ приводятся нами, получены изъ архивовъ лондонскаго и берлинскаго министерствъ иностраныхъ дѣлъ, благодаря содѣйствію Пушкинской комиссіи при отдѣленіи русскаго языка и словесности академіи наукъ и государственнаго архива [1]).

I.

Свѣдѣнія о Геккеренѣ и его службѣ. — Семья Дантеса; данныя о его жизни.— Архивная справка о бракосочетаніи.

Баронъ Геккеренъ принадлежалъ къ одной изъ важнѣйшихъ и вліятельныхъ голландскихъ фамилій. Онъ былъ сыномъ майора отъ кавалеріи Эверта-Фридриха барона ванъ-Геккерена (1755—1831) и Генріетты-Жанны-Сузанны-Маріи графини Нассау. Полное имя

---

[1]) Сообщенія пословъ въ подлинномъ и полномъ видѣ будутъ опубликованы нами въ органѣ комиссіи «Пушкинъ и его современники».

барона Геккерена—Jacob Théodore-Borhardt-Anne Baron van Heeckeren de Beverwaard. Онъ родился 30 ноября 1791 года. Судя по тому, что, поднимая въ 1837 году вопросъ о своемъ отозваніи изъ Петербурга, Геккеренъ неоднократно указывалъ въ объясненіяхъ своему правительству на недостаточность своихъ средствъ, можно думать, что Геккеренъ не располагалъ значительнымъ состояніемъ, но, конечно, не былъ и бѣднымъ человѣкомъ. Въ 1837 году Геккеренъ считалъ за собой тридцать одинъ годъ безкорыстной службы своему государству. Значитъ, онъ началъ служить въ 1806 году, 15-ти лѣтъ отъ роду. Мы не знаемъ, какъ онъ проходилъ свою службу, но уже въ 1823 году онъ былъ въ Петербургѣ въ нидерландскомъ посольствѣ: въ этомъ году бывшій нидерландскимъ посланникомъ въ Россіи Верстолкъ ванъ-Зеленъ отъѣхалъ изъ Петербурга, и баронъ Геккеренъ 26 марта 1823 года вступилъ въ отправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ. А черезъ три года, 26 марта 1826 года, онъ представилъ кредитивную грамоту на званіе посланника. Такимъ образомъ, къ 1837 году Геккеренъ являлся однимъ изъ старожиловъ дипломатическаго корпуса въ Петербургѣ.

Повидимому, его отношенія съ русскимъ правительствомъ,—съ государемъ и вице-канцлеромъ графомъ Нессельроде,—складывались довольно благопріятно. Въ 1833 году баронъ Геккеренъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Рескриптъ на орденъ подписанъ 15 іюля 1833 года [1]). По этому поводу графъ Нессельроде 17 іюля 1833 года писалъ Геккерену: «Его величество государь императоръ, желая по случаю вашего отъѣзда [2]), выказать вамъ свидѣтельство своего высокаго благоволенія, а также и удовольствія по поводу отличнаго исполненія вами во время вашего пребыванія въ этой столицѣ обязанностей, возложенныхъ на васъ вашимъ августѣйшимъ государемъ, удостоилъ назначить васъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени». 18 іюля баронъ Геккеренъ отмѣнно учтиво благодарилъ графа Нессельроде [3]).

---

[1]) Приводимъ текстъ рескрипта: «Желая ознаменовать особенное наше къ вамъ благоволеніе, пожаловали мы васъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени. Препровождая при семъ орденскіе знаки, пребываемъ къ вамъ благосклонны». Данъ 15 іюля 1833 года въ Александріи, близъ Петергофа.

[2]) Геккеренъ въ это время уѣзжалъ на родину.

[3]) Вотъ подлинный отвѣтъ барона Геккерена. Написано обычнымъ для дипломата стилемъ, но, быть можетъ, съ нѣсколько большей, чѣмъ обыкновенно, долей низкопоклонства.

S-t Pétersbourg le 18/30 Juillet 1833. Monsieur le Comte, j'ai l'honneur d'accuser à Votre Excellence réception de la gracieuse lettre par laquelle elle a la bonté de m'informer en date d'hier, que Sa Majesté l'Empereur a daigné me nommer Chevalier Grand Croix de l'ordre de S-te Anne.

«Je ne saurais vous exprimer, Monsieur le Comte, combien je m'estime heureux que ma conduite à S-t Pétersbourg ait pu me valoir de la part de Sa Majesté l'Empereur une distinction aussi flatteuse. Si quelque chose pouvait encore ajouter

Другихъ свѣдѣній о дипломатической службѣ Геккерена въ Россіи у насъ нѣтъ. Въ общемъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилось обширное дѣло о баронѣ Геккеренѣ, то-есть собственно не о немъ, а о выписываемыхъ имъ безпошлинно вещахъ изъ-за границы. Геккеренъ использовалъ предоставленное ему, какъ посланнику, право безпошлиннаго полученія вещей изъ-за границы. Онъ выписывалъ массу вещей, начиная съ напитковъ и кончая мебелью. Быть можетъ, онъ получалъ ихъ и не для личнаго своего употребленія, а для знакомыхъ. Въ сентябрѣ 1833 года департаментъ внѣшней торговли обратилъ вниманіе министерства иностранныхъ дѣлъ на то, что «съ нѣкотораго времени привозятся къ Геккерену значительныя партіи вещей».

Къ концу 1833 года относится появленіе Дантеса въ Россіи. Кажется довольно правдоподобнымъ предположеніе, что пріѣздъ Дантеса находится въ извѣстной зависимости отъ пребыванія Геккерена за границей въ этомъ году. Юлій Эккардтъ, авторъ книги «Aus der Petersburger Gesellschaft», пишетъ: «кѣмъ собственно былъ этотъ господинъ, и что побудило его искать счастья именно въ Петербургѣ, было вначалѣ тайною, такъ какъ онъ не былъ въ связи ни съ одной изъ извѣстныхъ старыхъ дворянскихъ фамилій и былъ совершенно неизвѣстенъ завсегдатаямъ нашего общества, которые вообще вѣдь были очень хорошо освѣдомлены въ Парижѣ» [1]). Мы не можемъ видѣть ничего необыкновеннаго въ появленіи Дантеса въ Петербургѣ, такъ какъ онъ ѣхалъ въ Россію въ Петербургъ къ давнему другу своей семьи и родственнику, занимавшему видное положеніе въ русской столицѣ. Фактъ дружественныхъ отношеній барона Геккерена съ семьѣ Дантесовъ будетъ удостовѣренъ перепиской его съ Дантесами, которую мы въ свое время приведемъ. Князь Трубецкой разсказывалъ, что Дантесъ доводился племянникомъ голландскому посланнику [2]).

à la profonde reconnaissance dont une si haute marque de la bienvéillance Impériale m'a penetré, ce sont les expressions de bonté dont Sa Majesté a daigné l'accompagner. Je rendrais mal, Monsieur le Comte, tout ce que j'ai eprouvé en la recevant et lorsqu' aujourd'hui je viens supplier Votre Excellence de vouloir bien être mon interprêté et de déposer aux pieds de Sa Majesté Impériale l'expression de toute ma gratitude, c'est à ses propres sentiments que je fais appel, sur d'avance que ils lui fourniront tout ce que je ne pourrais dire moi-même, pour témoigner à Sa Majesté la satisfaction que m'a causé tant de bonté.

«Je dois également prier Votre Excellence de vouloir bien me permettre de Lui offrir mes vifs remerciments pour tout ce que sa lettre contient d'obligeant pour moi et de Lui exprimer le désir que mon prompte retour à la santé ne me prive pas longtemps de l'agrément et du plaisir de mes relations avec elle.

«Je saisis encore avec empressement cette occasion de Lui renouveler les assurances de ma plus haute considération».

[1]) Не имѣя подъ руками книги Эккардта, цитируемъ по брошюрѣ г. Никольскаго «Послѣдняя дуэль Пушкина», стр. 12.

[2]) См. «Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу». Спб., отд. отт., стр. 2. Дантесъ былъ племянникъ голландскаго посланника Геккерена, родная сестра котораго была замужемъ за французскимъ chevalier Дантесомъ.

Дѣйствительно, русскимъ завсегдатаямъ въ Парижѣ Дантесъ могъ быть не извѣстенъ, потому что постояннымъ мѣстопребываніемъ его семьи былъ Эльзасъ. Дантесы искони владѣли землями въ Эльзасѣ, въ Кольмарѣ и Сульцѣ, и отличались преданностью королямъ. Это была роялистская фамилія. Въ дворянское достоинство Дантесы были возведены не задолго до событій, разыгравшихся въ тридцатыхъ годахъ [1]).

Георгъ Карлъ Дантесъ (d'Anthès) родился въ Кольмарѣ 5-го февраля 1812 года. Его отецъ—баронъ Конрадъ Дантесъ и мать—графиня Марія-Людовика Гацфельдъ. Учился Дантесъ въ Сенъ-Сирской военной школѣ. Отецъ Пирлингъ сообщилъ Л. Н. Майкову слѣдующія свѣдѣнія о школьныхъ годахъ Дантеса, извлеченныя имъ изъ его послужного списка, сохранившагося въ архивѣ училища[2]). 19-го ноября 1829 г. Дантесъ былъ принятъ въ Сенъ-Сирское военное училище. 30 августа 1830 года онъ отбылъ въ отпускъ, а 19 октября уволенъ изъ училища по желанію семейства. По преданію же, которое извѣстно и отцу Пирлингу и распространено не только въ Россіи, но и во Франціи, Дантесъ былъ исключенъ за участіе въ политическихъ манифестаціяхъ. Русскіе біографы совершенно не склонны признавать политическихъ тенденцій за какими либо дѣйствіями Дантеса. Дантесъ выдавалъ себя за шуана, и русскіе изслѣдователи находили невозможнымъ вѣрить этому. Между тѣмъ, нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ вѣрности свидѣтельствъ о первыхъ шагахъ Дантеса. Онъ вышелъ изъ роялистской семьи; естественно думать, что въ молодые годы онъ явился посильнымъ защитникомъ идей роялистовъ. Въ іюлѣ 1830 года, какъ разъ въ то время, когда Дантесъ находился въ стѣнахъ Сенъ-Сирской школы, произошла извѣстная революція: Карлъ X былъ низвергнутъ, а 9 августа Луи-Филиппъ принесъ присягу на вѣрность хартіи. Въ самомъ началѣ дѣятельности новый король и его правительство встрѣтили немало затрудненій. Противъ нихъ были враждебно настроены и роялисты (которыхъ иногда звали карлистами), и республиканцы. Депутаты изъ роялистовъ отказывались приносить присягу. Броженіе среди легитимистовъ продолжалось первые годы новаго правленія, и въ 1832 году привело къ довольно нелѣпому возстанію, поднятому герцогиней Беррійской. Прокатились послѣдніе слабые отзвуки вандейскихъ бурь [3]).

Мы знаемъ,—правда, на основаніи не документальныхъ данныхъ, а только преданія,—что въ 1830 году Дантесъ принялъ участіе въ

---

[1]) Свѣдѣнія о родѣ Дантеса смотри: V-te Révérend. Armorial du Premier empire. Paris, 1897, и Annuaire de la Noblesse, 1897.

[2]) Смотри «Старина и Новизна», книга 3-я, Спб., 1900, стр. 340.

[3]) Грегуаръ, Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ, Томъ I, ч. 1, гл. 6 и 13.

роялистской манифестаціи и вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами былъ исключенъ изъ школы. 30 августа, по бумагамъ училища, онъ отбылъ въ отпускъ: первый мѣсяцъ правленія новаго короля былъ очень подходящимъ временемъ для подобной манифестаціи. Есть слухи, что въ 1832 году онъ принялъ участіе въ вандейскомъ возстаніи, руководимомъ герцогиней Беррійской. По ходу событій, нѣтъ ничего неестественнаго и въ этомъ участіи [1]).

Въ 1833 году Дантесъ появился въ Россіи. Барону Геккерену не трудно было, конечно, ввести Дантеса въ высшее общество и устроить его зачисленіе въ Кавалергардскій полкъ. Разсказы о томъ, какъ художникъ Ладюрнеръ, по одному показанію, или архитекторъ Монферранъ, по другому, подстроилъ цѣлую исторію, чтобы обратить вниманіе Николая Павловича на своего молодого соотечественника, кажутся намъ мало вѣроятными именно потому, что авторитетъ самого Геккерена былъ достаточно великъ при дворѣ.

Баронъ Георгъ Дантесъ, по высочайшему повелѣнію 27 января 1834 года, былъ допущенъ къ офицерскому экзамену, а 14 февраля въ приказѣ по полку было отдано:

«Опредѣленный на службу по высочайшему приказу, отданному въ 8 день сего февраля, а объявленному въ приказѣ по отдѣльному гвардейскому корпусу 11 числа за № 20, бывшій французскій королевскій воспитанникъ военнаго училища Сентъ-Сиръ баронъ Дантесъ въ сей полкъ корнетомъ зачисляется въ штатное состояніе съ записаніемъ въ 7-й запасный эскадронъ, коего и числить въ ономъ налицо».

28 апрѣля 1834 года Дантесъ былъ переведенъ въ 6-й эскадронъ [2]).

Въ 1836 году (5-го мая) Дантесъ былъ усыновленъ барономъ Геккереномъ, по законамъ Нидерландскаго королевства [3]).

Не лишены интереса архивныя данныя о женитьбѣ Дантеса.

Въ концѣ ноября 1836 года Геккеренъ обратился къ графу Нессельроде съ просьбой выхлопотать ему разрѣшеніе его пріемному сыну вступить въ бракъ съ Екатериной Николаевной Гон-

[1]) Поэтому всѣ попытки г. Никольскаго опровергнуть слухи о политическихъ тенденціяхъ Дантеса (его брошюра «Послѣдняя дуэль Пушкина», Спб., 1900, стр. 13—14) неудачны. Нужно отмѣтить, что историческія соображенія г. Никольскаго, отрицающаго участіе Дантеса въ вандейскомъ возстаніи и роялистское направленіе его дѣятельности, обнаруживаютъ полнѣйшее незнакомство съ исторіей Франціи въ XIX вѣкѣ.

[2]) Нѣкоторыя данныя о службѣ Дантеса сообщены въ брошюрѣ В. В. Никольскаго: «Идеалы Пушкина», изданіе 3-е, Спб., 1899, стр. 121 и слѣд.

[3]) См. дѣло «объ усыновленіи Дантеса» въ книгѣ Н. А. Гастфрейнда: «Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ. Спб., 1900 г., стр. 62 и слѣд.

чаровой. 1-го декабря вице-канцлеръ графъ Нессельроде отправилъ въ вѣдомство православныхъ исповѣданій управляющему этимъ вѣдомствомъ графу Протасову слѣдующую бумагу:

«Пребывающій здѣсь нидерландскій посланникъ баронъ Геккеренъ проситъ исходатайствовать дозволеніе усыновленному имъ барону Георгу-Карлу Геккерену, служащему поручикомъ въ Кавалергардскомъ ея императорскаго величества полку вступить въ законный бракъ съ фрейлиной Екатериной Николаевной Гончаровой, съ разрѣшеніемъ, чтобы имѣющія родиться въ семъ бракѣ дѣти были крещены и воспитывались въ исповѣдуемой барономъ Г. К. Геккереномъ вѣрѣ. Покорнѣйше прося ваше сіятельство сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе по домогательству нидерландскаго посланника и о послѣдующемъ почтить увѣдомленіемъ, имѣю честь» и проч.

Только 3-го января 1837 года Протасовъ увѣдомилъ (по вѣдомству православныхъ исповѣданій, отдѣленіе духовныхъ дѣлъ столъ I, № 13) графа Нессельроде о томъ, что онъ докладывалъ государю о дозволеніи Геккерену вступить въ бракъ безъ принятія россійскаго подданства и безъ обязательства крестить воспитываемыхъ дѣтей въ православной вѣрѣ. Государю «благоугодно было изъявить на сіе высочайшее соизволеніе». Извѣщая объ этомъ, Протасовъ присовокупилъ, что онъ увѣдомилъ объ этомъ министерство внутреннихъ дѣлъ и с.-петербургскаго митрополита.

9-го января 1837 года Нессельроде письмомъ увѣдомилъ барона Геккерена о состоявшемся разрѣшеніи, но, конечно, Геккерены не дожидались офиціальнаго разрѣшенія, потому что въ римско-католической церкви св. Екатерины уже 27-го декабря 1836 года состоялось первое оглашеніе, а 1-го января въ приказѣ по Кавалергардскому ея величеству полку было отдано:

«Съ разрѣшенія г. командующаго корпусомъ, объявленнаго въ предписаніи его высокопревосходительства отъ 28-го декабря за № 1358, послѣдовавшемъ по командѣ съ № 2178, просящему позволеніе вступить въ законный бракъ г. поручику барону де-Геккерену съ фрейлиной двора ея императорскаго величества Екатериною Гончаровой дозволяется, о чемъ дѣлаю извѣстнымъ по полку».

А 3-го января въ приказѣ было отдано:

«Выздоровѣвшаго г. поручика барона де-Геккерена числить налицо, котораго по случаю женитьбы его не наряжать ни въ какую должность до 18-го сего января, т.-е. въ продолженіе 15-ти дней».

Второе и третье оглашеніе въ римско-католической церкви состоялось 3-го и 6-го января. 10-го января было совершено бракосочетаніе въ римско-католической церкви св. Екатерины по католическому обряду и въ Исаакіевскомъ соборѣ—по православному.

Въ римско-католической церкви совершилъ бракосочетаніе іеромонахъ доминиканскаго ордена Даміанъ Іодзевичъ. Свидѣтелями

были—баронъ Людовикъ Геккеренъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Григорій Строгановъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка Августинъ Бетанкуръ и графъ д'Аршіакъ.

Въ Исаакіевскомъ соборѣ вѣнчалъ священникъ Николай Райковскій; поручителями были только что перечисленныя лица и, кромѣ нихъ, л-гв. Гусарскаго полка поручикъ Иванъ Гончаровъ и Кавалергардскаго ея величества полка полковникъ Александръ Полетика [1]).

При бракосочетаніи братья Екатерины Николаевны л.-гв. гусарскаго полка поручикъ Иванъ и отставной поручикъ Сергѣй Гончаровы, вмѣстѣ съ прочими родными ихъ семейства, обязались словесно и письменно выдавать сестрѣ ежегодную пенсію въ 5.000 р. асс. и сверхъ того выдать слѣдующую ей указную часть изъ имѣнія по смерти родителей ихъ.

II.

Баронъ Геккеренъ—въ первые дни послѣ дуэли.—Графъ Нессельроде требуетъ объясненій.—Отношенія императора Николая I къ Пушкину.—Необходимость критическаго отношенія къ «традиціонной точкѣ» зрѣнія на этотъ вопросъ.—Искренніе отзывы Николая о Пушкинѣ.—Чѣмъ былъ для него Пушкинъ?—Мнѣніе его о Геккеренѣ.—Вопросъ объ оправдательныхъ документахъ, представленныхъ барономъ Геккереномъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде узналъ о роковой дуэли въ тотъ же день отъ своего государя. «Государь послалъ тотчасъ сказать о случившемся Нессельроде, который всегда такъ мало высказываетъ свои чувства,—сообщала сейчасъ же послѣ катастрофы графиня Нессельроде въ Парижъ А. О. Смирновой [2]).—Онъ мнѣ только сказалъ: «это подлость!» Онъ всегда симпатизировалъ покойному, уважалъ его и сожалѣлъ, что тотъ не остался въ министерствѣ... Вы знаете, какъ Нессельроде уважалъ Пушкина, онъ всегда восхищался его громадными дарованіями... Государь говорилъ объ этомъ съ Нессельроде, онъ огорченъ и просто взбѣшенъ этой исторіей, и рѣшилъ узнать всю правду объ анонимныхъ письмахъ, о печатномъ циркулярѣ»...

По этимъ обычнымъ фразамъ жены дипломата врядъ ли можно выяснять истинный характеръ отношеній четы Нессельроде къ Пушкину. Старый Геккеренъ, напримѣръ, въ своихъ письмахъ за границу указывалъ на графа и графиню, какъ на лицъ, ему

---

[1]) Выписка изъ метрической книги Исаакіевскаго собора напечатана въ книжкѣ В. В. Никольскаго: «Идеалы Пушкина», 8-е изданіе, Спб., 1899 г., стр. 199.

[2]) Къ сожалѣнію, письмо напечатано въ «Запискахъ» А. О. Смирновой (часть II, Спб., 1897 г., стр. 94—96) далеко не въ подлинномъ видѣ, а въ переводѣ, да и то не цѣликомъ, а въ выдержкахъ.

искренно сочувствовавшихъ. Одно изъ своихъ писемъ онъ закончилъ слѣдующей тирадой: «если что либо можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ и графиня Нессельроде, а также графъ и графиня Строгановы оставили мой домъ только въ часъ пополуночи». Геккерену, очень заботившемуся о сохраненіи своего мѣста въ Петербургѣ, было очень важно подчеркнуть доброжелательное отношеніе къ нему главы русскаго министерства. Но, кажется, старому Геккерену пришлось за знаки сочувствія выдать условныя фразы, столь распространенныя въ высшемъ свѣтѣ и среди дипломатовъ. Сношенія послѣднихъ вездѣ и всегда облечены покровомъ безукоризненной вѣжливости. Мы съ полной достовѣрностью можемъ думать, что цѣль посѣщенія Нессельроде дома Геккерена вовсе не состояла только въ выраженіи сочувствія. Въ этотъ же вечеръ Нессельроде отъ имени государя потребовалъ отъ Геккерена объясненій. Объ этомъ фактѣ мы заключаемъ изъ слѣдующаго письма, посланнаго Геккереномъ на другой же день послѣ дуэли, 28-го января, графу Нессельроде.

«Имѣю честь представить вашему сіятельству прилагаемые при семъ документы, относящіеся до того несчастнаго происшествія, которое вы благоволили лично повергнуть на благоусмотрѣніе его императорскаго величества. Они убѣдятъ, надѣюсь, его величество и ваше сіятельство въ томъ, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Примите увѣренія и проч.».

Это письмо датировано 28-мъ января, которое въ 1837 году приходилось въ четвергъ. А въ субботу утромъ Геккеренъ обратился съ новымъ письмомъ.

«Вотъ, графъ, документъ, котораго не хватало въ числѣ тѣхъ, что я уже имѣлъ честь вамъ вручить.

«Окажите милость, соблаговолите умолить государя императора, уполномочить васъ прислать мнѣ въ нѣсколькихъ строкахъ оправданіе моего собственнаго поведенія въ этомъ грустномъ дѣлѣ; оно мнѣ необходимо для того, чтобы я могъ себя чувствовать въ правѣ оставаться при императорскомъ дворѣ; я былъ бы въ отчаяніи, если бы долженъ былъ его покинуть; мои средства невелики, и въ настоящее время у меня семья, которую я долженъ содержать. Примите увѣренія» и проч. [1]).

Очевидно, уже въ эти три дня положеніе Геккерена въ Петербургѣ нѣсколько выяснилось. Старый дипломатъ начиналъ созна-

---

[1]) Это письмо датировано: «суббота утромъ». По его связи съ предыдущимъ и послѣдующими письмами Геккерена оно должно быть отнесено именно на субботу 30-го января. Всѣ письма Геккерена, конечно, писаны на французскомъ языкѣ.

вать, что замять дѣла ему не придется, а придется разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ и покинуть Петербургъ. Знаки вниманія со стороны высшаго общества утонули въ волнѣ общественнаго негодованія. Ниже мы приведемъ письмо Геккерена своему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Верстолку; въ этомъ письмѣ мы найдемъ оцѣнку общественнаго настроенія въ первые дни по смерти Пушкина. Эта оцѣнка вполнѣ вѣрна, и именно потому, что она принадлежитъ Геккерену. Но для Геккерена въ рѣшеніи вопроса о продолженіи службы въ Петербургѣ общественное мнѣніе играло незначительную роль, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ: для него безконечно важнѣе было мнѣніе о немъ государя хотя бы уже по одной той причинѣ, что королева нидерландская Анна Павловна приходилась родной сестрой императора Николая I. И понятно, ему не осталось безызвѣстнымъ совершенно отрицательное отношеніе къ нему Николая Павловича.

Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу мы видѣли, какъ Вяземскій и его друзья оцѣнивали отношенія императора Николая къ Пушкину. У нихъ не хватало словъ для эпитетовъ. Государь оказалъ нѣкоторую матеріальную поддержку вдовѣ своего камеръ-юнкера, прислалъ справиться о здоровьѣ, попросилъ Пушкина исполнить христіанскія обязанности, т.-е. сдѣлалъ то, что никоимъ образомъ не выходитъ за предѣлы принятаго въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ и даже въ отношеніяхъ царя къ подданному. И вотъ такія-то выраженія вниманія князь Вяземскій и друзья поэта, придворные, окружавшіе поэта, и люди, воспитанные въ душной атмосферѣ дворца (примѣръ: Смирнова), приняли за проявленія высокаго духа, за подвиги необыкновенной добродѣтели. Указывая на эти выраженія обычной посмертной вѣжливости, стали говорить о томъ, что Николай Павловичъ необыкновенно высоко цѣнилъ и поэзію, и личность Пушкина, что онъ признавалъ все огромное значеніе Пушкина для Россіи и т. д. Эта безсознательная идеализація выростаетъ изъ условныхъ отношеній, изъ трафаретныхъ фразъ, изъ своеобразной психологіи дворцовой массы. И, кажется, никогда такъ рѣзко не расходилась съ дѣйствительностью ни одна характеристика, созданная процессомъ идеализаціи, какъ характеристика императора Николая I. Возьмите, напримѣръ, записки фрейлины А. О. Смирновой. Въ первомъ томѣ извѣстнаго труда объ императорѣ Николаѣ покойнаго Н. К. Шильдера собраны данныя, неопровержимо доказывающія всю скудость и незначительность образованія и развитія Николая Павловича. Николай Павловичъ самъ признавалъ воспитаніе свое и брата «скуднымъ». А въ запискахъ А. О. Смирновой императоръ Николай выставляется большимъ знатокомъ и тонкимъ цѣнителемъ литературы, русской и иностранной. И Смирнова приводитъ цѣлый рядъ фразъ, аргументовъ завѣдомо апокрифическаго характера,

но мы далеки отъ мысли предполагать, что Смирнова выдумывала факты. Ложенъ былъ самый тонъ ея отношеній къ Николаю Павловичу, ихъ паѳосъ. При такомъ тонѣ обыкновенная фраза кажется необыкновеннымъ изреченіемъ, обыкновенныя дѣйствія—актомъ значительнымъ и т. д.

Не разбираясь въ критикѣ показаній друзей Пушкина, біографы пошли по ихъ стопамъ въ изображеніи отношеній Николая Павловича. Въ воспоминаніяхъ друзей о послѣднихъ минутахъ жизни поэта, проникнутыхъ ложнымъ паѳосомъ и констатирующихъ цѣлый рядъ пышныхъ и едва ли произнесенныхъ изреченій, стоитъ отмѣтить два факта. Нельзя не обратить вниманія на то, что текстъ знаменитой записки государя Пушкину, содержавшей утѣшеніе, намъ неизвѣстенъ: по совершенно непонятнымъ мотивамъ Николай Павловичъ потребовалъ, чтобы эту записку отнюдь не оставляли у Пушкина, а возвратили бы ему. Почему бы не оказать утѣшенія умирающему? Умирающій нуждался и въ другомъ утѣшеніи, онъ тревожился за участь Данзаса и неоднократно просилъ ѣхавшихъ къ царю передать ему просьбу за Данзаза. «Просите за Данзаса, за Данзаса, онъ мой братъ», — говорилъ Пушкинъ. И прямого отвѣта, прямого удовлетворенія этой просьбы умирающій не получилъ. Правда, кн. Вяземскій пишетъ, что «на довольно успокоительный (не категорическій, исходившій отъ говорившаго, а не отъ государя) отвѣтъ Арендта изъявилъ снова преданность и благодарность къ государю». Двѣ маленькихъ подробности—о запискѣ и о прощеніи Данзаса—никакъ не позволяютъ намъ согласиться съ заключеніемъ С. М. Лукьянова: «мы будемъ далеки отъ какого бы то ни было преувеличенія, если позволимъ себѣ утверждать, что наибольшую медицинскую помощь на первыхъ же порахъ несчастному раненому оказалъ не Арендтъ и не другой кто изъ врачей, а именно самъ царь, слившій съ нимъ свою душу въ общемъ сознаніи братства передъ смертью и въ чувствѣ отвѣтственности передъ единымъ высшимъ нравственнымъ закономъ»[1]).

Вопросъ объ отношеніяхъ императора Николая къ Пушкину чрезвычайно важенъ для біографіи поэта, но при его рѣшеніи нужно подвергать серьезнѣйшей критикѣ всѣ источники нашихъ свѣдѣній, а при критикѣ — не забывать вліяній процесса безсознательной идеализаціи. Интересно, напримѣръ, сопоставить съ разсказомъ князя Вяземскаго, съ его превозпесеніями императора Николая именно за его отношенія къ Пушкину, за сдѣланную имъ высокую оцѣнку поэта, опубликованныя въ послѣднее время «Выписки изъ писемъ Бенкендорфа къ Николаю Павловичу о Пушкинѣ» и отмѣтки послѣдняго на этихъ письмахъ[2]).

---

[1]) «О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина, съ медицинской точки зрѣнія» въ «Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов». 1899, кн. 3, стр. 974.

[2]) «Старина и Новизна», т. 6-ой, Спб., 1903 г., стр. 2—20.

Выписки и отмѣтки на нихъ Николая I опредѣляютъ настоящіе, дѣйствительные взгляды государя и Бенкендорфа на Пушкина, остававшіеся, конечно, тайной для самого поэта. Между высшими официальными сферами и Пушкинымъ лежала глубокая, непроходимая бездна, и разница въ отношеніяхъ Пушкина и этихъ сферъ въ томъ, что послѣднія всегда сознавали всю непроходимость бездны (Пушкинъ казался почти-что пигмеемъ, ничтожествомъ), а Пушкинъ, чувствуя всю ложность своего положенія, врядъ ли ясно сознавалъ глубину бездны и то, что онъ можетъ кому бы ни было казаться ничтожествомъ. И потому Пушкинъ душу отдавалъ въ этихъ отношеніяхъ, а въ отвѣтъ получалъ нѣчто холодное и расчетливое. Вотъ отзывъ Бенкендорфа о Пушкинѣ: «Онъ мнѣ только что прислалъ свои замѣтки на общественное воспитаніе, которыя при семъ прилагаю,—замѣтки человѣка, возвращающагося къ здравому смыслу». Отмѣтка государя: «Посмотрю, что это такое». Въ другомъ донесеніи 1826 г. Бенкендорфъ сообщаетъ: «Пушкинъ авторъ въ Москвѣ и всюду говоритъ о вашемъ императорскомъ величествѣ съ благодарностью и глубочайшей преданностью; за нимъ всѣ такъ слѣдятъ внимательно». Въ 1827 году Бенкендорфъ доноситъ: «въ день моего отъѣзда Пушкинъ послѣ свиданія со мной съ восторгомъ говорилъ въ англійскомъ клубѣ о вашемъ величествѣ и заставилъ лицъ, обѣдавшихъ съ нимъ, пить здоровье вашего величества. Онъ все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно». Къ 1830 году относится собственноручная записка императора Николая: «я забылъ вамъ сказать, любезный другъ, что въ сегодняшнемъ номерѣ «Пчелы» находится опять несправедливѣйшая и пошлѣйшая статья, направленная противъ Пушкина; къ этой статьѣ будетъ продолженіе: поэтому предлагаю вамъ призвать Булгарина и запретить ему отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія»... Но графъ былъ въ странно пріятельскихъ отношеніяхъ съ Булгаринымъ и всегда находилъ возможность отводить отъ него грозу. Любопытно донесеніе Бенкендорфа по поводу прошенія Пушкина о возвращеніи поданной имъ отставки. «Такъ какъ онъ (т.-е. Пушкинъ) сознается въ томъ, что сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непослѣдовательнымъ, нежели неблагодарнымъ, то я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило человѣка; лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ». Государь положилъ слѣдующую резолюцію: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю безсмысленность его поведенія, и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно двадцатилѣтнему безумцу (un fou de 20 ans), не можетъ примѣняться къ человѣку 35 лѣтъ, мужу и отцу семей-

ства». Приведенныя выписки достаточно опредѣленно говорятъ о томъ, чѣмъ былъ Пушкинъ въ глазахъ руководящихъ сферъ.

Объ отношеніяхъ Николая Павловича къ Пушкину, ничуть не восторженныхъ и въ достаточной мѣрѣ холодныхъ и индифферентныхъ, можно судить еще по его перепискѣ съ княземъ Паскевичемъ, бывшимъ въ это время на Кавказѣ. 4-го февраля, среди всякихъ другихъ новостей, царь извѣщалъ «любезнаго отца командира» о прекрасныхъ результатахъ внезапнаго смотра гарнизона. «Сюрпризъ былъ для всѣхъ совершенный и всѣхъ до крайности изумилъ,—писалъ государь,—но мнѣ этого и надобно было, чтобы удостовѣриться, что все въ должномъ порядкѣ. На-дняхъ то же намѣреваюсь повторить съ загородною кавалеріей. Впрочемъ, здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служитъ пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую, имъ же писанную, картель, но, слава Бога, умеръ христіаниномъ» [1]). Фельдмаршалъ Паскевичъ писалъ въ отвѣтъ царю: «жаль Пушкина, какъ литератора: (его не стало) въ то время, когда его талантъ созрѣвалъ» [2]). Государь на эту фразу Паскевича далъ отвѣтъ: «Мнѣніе твое я совершенно раздѣляю, и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается будущее, а не прошедшее. Впрочемъ всѣ толки про это дѣло, какъ и все на свѣтѣ, проходятъ, а судъ идетъ своимъ порядкомъ» [3]). Итакъ, у Николая Павловича для характеристики трагической кончины не оказалось другихъ словъ, кромѣ «дерзкій и глупый». А самъ Пушкинъ (неотразимое впечатлѣніе фразъ Николая I въ перепискѣ съ Паскевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ!) представлялъ въ его глазахъ величину довольно малоцѣнную. Пушкинъ, весь, какъ онъ выросъ до 1837 г., съ его творческими муками, не удовлетворялъ царя, и онъ не считалъ нужнымъ его оплакивать.

Но мы не имѣемъ въ виду здѣсь выяснять детально истинный характеръ отношеній царя къ поэту. Намъ важно отмѣтить взгляды государя на дѣло дуэли и его мнѣніе о Геккеренѣ. У насъ есть матеріалъ для отвѣта, въ высшей степени цѣнный, заключающійся въ письмѣ Николая Павловича, отъ 3-го февраля 1837 г., своему брату, великому князю Михаилу Павловичу [4]). (Онъ въ это время находился въ Римѣ). Это письмо, въ которомъ автору нечего было скрывать свои интересы и инстинкты, начинается съ поздравленія съ прошедшимъ днемъ рожденія. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе событій, происшедшихъ послѣ послѣдняго письма. «Съ послѣдняго

---

[1]) Князь Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ, князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Приложенія къ тому пятому. Спб. 1896. Стр. 320.

[2]) Ibid. Томъ пятый, стр. 169.

[3]) Ibid. Приложенія къ 5-му тому, стр. 322.

[4]) «Русская Старина», 1902 г., май, стр. 225—230.

моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти **извѣстнаго Пушкина** (курсивъ нашъ!) отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ». Сейчасъ мы приведемъ разсказъ Николая Павловича о дѣлѣ Пушкина. Этому разсказу посвящена приблизительно половина письма. Во второй половинѣ государь сообщаетъ брату о своемъ осмотрѣ корпусовъ кадетскихъ, о смотрѣ образцоваго и гусарскаго полка, о видѣ рекрутовъ, о здоровьѣ великой княжны, о комнатныхъ спектакляхъ въ концертной залѣ и о здоровьѣ командира всей гвардейской пѣхоты, К. И. Бистрома.

Изложеніе дѣла—очень сухо, и при всемъ желаніи нѣтъ возможности констатировать любовь и уваженіе къ Пушкину, тѣ чувства, о которыхъ съ такимъ восторгомъ говорятъ и князь Вяземскій и другіе. Вотъ какъ писалъ Николай Павловичъ своему брату: «Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло, кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же письменно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ, а хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведеніе Дантеса, а въ особенности гнуснаго его отца, Геккерена. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Геккерену, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семъ дѣлѣ. C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop. Пушкинъ погибъ, и, слава Богу, умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тьму толковъ, наибольшею частію самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведенія Геккерена справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя, какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведенія обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же и отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться, чего не вытерпѣлъ. Дантесъ—подъ судомъ, равно какъ и Данзасъ, секундантъ Пушкина, и кончится по законамъ, и кажется, каналья Геккеренъ отсюда выбудетъ. По корпусамъ все въ порядкѣ» и т. д. [1]).

---

[1]) «Кончится по законамъ», — писалъ Николай Павловичъ, оставляя безъ вниманія предсмертную мольбу Пушкина—простить Данзаса.

Письмо Николая Павловича написано 1-го февраля, и уже 2-го февраля [illegible] могъ писать, [illegible] Геккеренъ [illegible]. [illegible] на вопросъ, предупреждалъ ли кто-нибудь изъ [illegible] Николай Павловичъ [illegible] Геккерена. Д. Ф. Фикельмонъ сообщаетъ въ своихъ записках: «[illegible] его прощальной аудіенціи. Онъ выслалъ курьера въ Гаагу и потребовалъ, чтобы Геккерена [illegible] изъ [illegible]». Въ этихъ трехъ строкахъ [illegible] свѣдѣнія въ этихъ [illegible]. О прощальной аудіенціи [illegible] курьера, [illegible] уже [illegible] но мы уже видѣли, что государь 2-го февраля [illegible] Геккерена. Сейчасъ мы увидимъ, что уже 2-го февраля Геккеренъ [illegible] свое [illegible] 1-го февраля Геккеренъ написалъ Нессельроде: «[illegible] графъ, за дружеское [illegible] и увѣряю [illegible] много разъ. [illegible] вчера я [illegible] этой просьбы [illegible]. Я чувствую, что [illegible] быть такъ [illegible] и не [illegible] объ этомъ. Я разсчитываю получить отъ васъ [illegible] въ будущемъ [illegible] въ тѣхъ [illegible] имѣть удовольствіе васъ видѣть».

Итакъ, изъ письма къ Михаилу Павловичу видно, что Николай Павловичъ имѣлъ совершенно опредѣленное мнѣніе о роли Геккерена въ этомъ дѣлѣ. Это важно отмѣтить, потому что Николай Павловичъ для своего сужденія располагалъ несравненно болѣе многочисленными и болѣе важными данными, чѣмъ тѣ, которыя находятся сейчасъ въ нашемъ распоряженіи. Мы можемъ съ достовѣрностью утверждать, что государь ознакомился съ документами, доставленными Геккереномъ графу Нессельроде. Какіе же документы передалъ Геккеренъ графу? Извѣстны ли намъ они?

Въ ихъ числѣ находились, конечно, два письма Пушкина: первое - отъ 17-го ноября 1836 года къ виконту д'Аршіаку и второе — отъ 26-го января къ барону Геккерену. Въ первомъ — Пушкинъ бралъ свой первый вызовъ Дантесу назадъ, второе—это то самое ужасное письмо, которое Пушкинъ бросилъ въ лицо барону Геккерену. Эти письма графъ Нессельроде вручилъ презусу коммиссіи о дуэли, полковнику Бреверну, 8-го февраля 1837 года. А 28-го апрѣля вице-канцлеръ потребовалъ эти письма отъ военнаго министра обратно для отсылки ихъ къ уѣхавшему уже изъ Россіи барону

Геккерену [1]). Дѣйствительно, по снятіи копій и по окончаніи дѣла, подлинныя письма Пушкина были отправлены при отношеніи генералъ-аудитора отъ 30-го апрѣля 1837 года, за № 1514, директору канцеляріи военнаго министерства для обращенія министру иностранныхъ дѣлъ [2]).

Графъ Нессельроде, возбуждая вопросъ о возвращеніи писемъ, указывалъ на то, что «при врученіи сихъ писемъ посланникъ просилъ его о возвращеніи ему оныхъ по минованіи надобности». Дѣйствительно, баронъ Геккеренъ придавалъ особое значеніе представленнымъ имъ бумагамъ. Онъ уѣхалъ изъ Россіи, не дождавшись этихъ бумагъ и получивъ отъ графа обѣщаніе переслать ихъ ему въ Гаагу черезъ русское посольство. По пріѣздѣ въ Гаагу Геккеренъ немедленно же явился въ русское посольство, имѣя между прочимъ въ виду показать, что онъ сохраняетъ добрыя отношенія съ русскими дипломатами, и тѣмъ поднять свой престижъ, сильно скомпрометированный и на родинѣ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ обратился съ слѣдующимъ не лишеннымъ интереса письмомъ къ вице-канцлеру.

«Баронъ Геккеренъ прибылъ сюда нѣсколько дней тому назадъ. Онъ тотчасъ же попросилъ и получилъ аудіенцію у ихъ королевскихъ высочествъ, у принца Оранскаго и принцессы Оранской. Но только сегодня въ среду—обычный пріемный день у короля—г. Геккеренъ долженъ предстать предъ его величествомъ. Не получая никакого увѣдомленія отъ вашего сіятельства относительно причины отозванія этого посланника и зная сверхъ того ваше всегдашнее благожелательное къ нему отношеніе, я полагалъ, что мой долгъ—отвѣчать сообразно той торопливости, съ которой онъ постарался меня видѣть тотчасъ... Геккеренъ, кажется, ожидалъ найти у меня нѣкоторые документы, которые ваше сіятельство разсчитывали доставить ему при посредствѣ посольства, и которые въ его глазахъ, повидимому, представляютъ огромную важность»...

По этому поводу повѣренный въ дѣлѣ просилъ указаній графа.

Не дожидаясь результата сношеній посольства, баронъ Геккеренъ писалъ изъ Гааги 27-го мая н. ст. своему замѣстителю въ Петербургѣ Геверсу: «Будьте добры отправиться отъ моего имени къ графу Нессельроде и скажите ему, что я не нашелъ здѣсь бумагъ, которыя онъ обѣщалъ мнѣ выслать, и которыя касаются событія, заставившаго меня покинуть Россію. Эти бумаги—моя соб-

[1]) Пушкинъ. Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изданіе Н. А. Гастфрейнда, Спб., 1900 г., стр. 59—60.

[2]) Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккерономъ. Подлинное военно-судное дѣло. Спб., 1900 г., стр. 51—52. Требуемыя письма были отправлены Нессельроде при письмѣ военнаго министра гр. Чернышева отъ 1-го мая 1837 года, за № 2701. См. Н. А. Гастфрейндъ, op. cit., стр. 54—60.

ственность, и я не допускаю мысли, чтобы министръ, давшій мнѣ формальное обѣщаніе ихъ возвратить, пожелалъ меня обмануть. Потребуйте ихъ и пошлите ихъ мнѣ немедленно же: документовъ числомъ пять».

Это письмо очень важно, потому что опредѣляетъ количество бумагъ, переданныхъ Геккереномъ графу Нессельроде. Ихъ было пять. Два изъ нихъ намъ извѣстны; остальные три неизвѣстны. Но мы знаемъ, что военно-судной комиссіи они не были представлены. Почему? Объ этомъ можно только догадываться. Съ увѣренностью можно утверждать, что, если бы эти документы маломальски говорили въ пользу Пушкина, Геккеренъ ихъ не представилъ бы. Но разъ Нессельроде не передалъ ихъ въ судъ, то не потому ли, что они заключали въ себѣ что либо компрометирующее Пушкина?

Пакетъ съ бумагами былъ присланъ въ русское посольство въ Гаагу для выдачи барону Геккерену при письмѣ графа Нессельроде 26-мая (7-го іюня) 1837 года.

III.

Объясненія, данныя Геккереномъ своему министру иностранныхъ дѣлъ. — Сообщеніе нѣмецкаго посланника Либерманна о дуэли Пушкина. — Свидѣтельства Либерманна и Геккерена объ отношеніи русскаго общества къ смерти Пушкина.— Новыя объясненія Геккерена, письмо его къ принцу Оранскому.

Геккеренъ очень скоро сообразилъ, что его фонды при русскомъ дворѣ стоятъ очень невысоко, хотя на первыхъ порахъ онъ и не уразумѣлъ всей значительности событій. Сначала онъ не представлялъ даже, чтобы смерть африкански мстительнаго Пушкина могла явиться такимъ важнымъ событіемъ и возбудить столь глубокое общественное негодованіе. Нужно было подумать о томъ, чтобы сохранить за собой положеніе на родинѣ, при дворѣ нидерландскомъ. Какъ посланникъ, онъ обязанъ былъ дать отчетъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, барону Верстолку. Геккеренъ отправилъ свой отчетъ 30-го января.

Если бы мы и не имѣли отчета Геккерена, мы могли бы всетаки a priori составить довольно опредѣленное представленіе о его содержаніи. Отчетъ сводился къ слѣдующей схемѣ. Ухаживаній Дантеса за Натальей Николаевной и его увлеченія Геккеренъ не могъ отрицать, но, понятно, онъ долженъ былъ подчеркнуть невинность Пушкиной и отрицать существованіе преступной между ними связи. Первый вызовъ Пушкина Геккеренъ приписывалъ анонимнымъ письмамъ, а улаженіе дѣла съ первой дуэлью Геккеренъ относилъ на долю «общихъ друзей». Объяснить же причины второй дуэли, поводы къ оскорбительному письму поэта Гек-

керенъ рѣшительно отказывался и все сводилъ къ характеру поэта и его африканскому происхожденію.

Но обратимся къ самому документу и приведемъ въ полномъ и буквальномъ переводѣ частное письмо посланника Геккерена къ своему министру.

«С.-Петербургъ, 11-го февраля (30-го января), 1837 г.

«Господинъ баронъ!

«Грустное событіе въ моемъ семействѣ заставляетъ меня прибѣгнуть къ частному письму, чтобы сообщить подробности о немъ вашему превосходительству. Какъ ни печаленъ былъ его исходъ, я былъ поставленъ въ необходимость поступить именно такъ, какъ я это сдѣлалъ, и я надѣюсь убѣдить въ томъ и ваше превосходительство простымъ изложеніемъ всего случившагося.

«Вы знаете, баронъ, что я усыновилъ одного молодого человѣка, жившаго много лѣтъ со мною, и который носитъ теперь мое имя.

«Уже годъ, какъ мой сынъ отличаетъ въ свѣтѣ одну молодую и красивую женщину, г-жу Пушкину, жену поэта съ тою же фамиліей. Честью могу завѣрить, что это расположеніе никогда не переходило въ преступную связь, все петербургское общество въ этомъ убѣждено, и г. Пушкинъ также кончилъ тѣмъ, что призналъ это письменно и при многочисленныхъ свидѣтеляхъ [1]). Происходя отъ одного африканскаго негра, любимца Петра Великаго, г. Пушкинъ унаслѣдовалъ отъ предка свой мрачный и мстительный характеръ (caractère ombrageux et vindicatif).

«Полученныя имъ отвратительныя анонимныя письма, около четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ, разбудили его ревность и заставили его послать вызовъ моему сыну, который тотъ принялъ безъ всякихъ объясненій.

«Однако въ дѣло вмѣшались общіе друзья. Сынъ мой, понимая хорошо, что дуэль съ г. Пушкинымъ уронила бы репутацію жены послѣдняго и скомпрометтировала бы будущность его дѣтей, счелъ за лучшее дать волю своимъ чувствамъ и попросилъ у меня разрѣшенія сдѣлать предложеніе сестрѣ г-жи Пушкиной, молодой и хорошенькой особѣ, жившей въ домѣ супруговъ Пушкиныхъ; этотъ бракъ, вполнѣ приличный съ точки зрѣнія свѣта, такъ какъ дѣвушка принадлежала къ лучшимъ фамиліямъ страны, спасалъ все: репутація г-жи Пушкиной оставалась внѣ подозрѣній, мужъ, разу-

---

[1]) Это мѣсто неясно. О какомъ письменномъ признаніи невинности Пушкиной говоритъ Геккеренъ, мы не знаемъ; быть можетъ, что нибудь подобное находилось въ числѣ бумагъ, присланныхъ Геккереномъ графу Нессельроде. А многочисленные свидѣтели, о которыхъ упоминаетъ Геккеренъ, уже не были ли это свидѣтели кончины поэта, въ предсмертные часы повторявшаго о невинности жены?

вѣренный въ мотивахъ ухаживанія моего сына, не имѣлъ бы болѣе поводовъ считать себя оскорбленнымъ (повторяю, клянусь честью, что онъ имъ никогда и не былъ), и, такимъ образомъ, поединокъ не имѣлъ бы уже смысла. Вслѣдствіе этого я полагалъ своей обязанностью дать согласіе на этотъ бракъ. Но мой сынъ, какъ порядочный человѣкъ и не трусъ, хотѣлъ сдѣлать предложеніе только послѣ поединка, несмотря на то, что зналъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Секунданты были выбраны обѣими сторонами, какъ вдругъ г. Пушкинъ написалъ имъ, что, будучи освѣдомленъ общей мольбой о намѣреніяхъ моего сына, онъ не имѣетъ болѣе причинъ его вызывать, что считаетъ его человѣкомъ храбрымъ и беретъ свой вызовъ обратно, прося г. Геккерена возвратить ему его слово и вмѣстѣ съ тѣмъ уполномочивая секундантовъ воспользоваться этимъ письмомъ по ихъ усмотрѣнію [1]).

«Когда это дѣло было, такимъ образомъ, покончено, я, какъ это принято между порядочными людьми, просилъ руки г-жи Гончаровой для моего сына.

«Два мѣсяца спустя, 10-го (22-го) января, бракъ былъ совершенъ въ обѣихъ церквахъ въ присутствіи всей семьи. Графъ Григорій Строгановъ съ супругой, родные дядя и тетка молодой дѣвушки, были ея посаженными отцомъ и матерью, а съ моей стороны графиня Нессельроде была посаженной матерью, а князь и княгиня Бутера свидѣтелями [2]).

«Съ этого времени мы въ семьѣ наслаждались полнымъ счастьемъ; мы жили, обласканные любовью и уваженіемъ всего общества, которое наперерывъ старалось осыпать насъ многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избѣгали посѣщать домъ господина Пушкина, такъ какъ его мрачный и мстительный характеръ намъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ. Съ той или другой стороны отношенія ограничивались лишь поклонами.

«Не знаю, чему слѣдуетъ приписать нижеслѣдующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свѣту вообще и ко мнѣ въ част-

---

[1]) Геккеренъ излагаетъ письмо Пушкина къ секундантамъ, посланное графу Соллогубу на квартиру Дантеса, далеко неточно, пожалуй, даже разсчитанно неточно. Пушкинъ вовсе не просилъ Геккерена возвратить ему слово и не называлъ Дантеса храбрымъ человѣкомъ. Вотъ это письмо: «Я не затрудняюсь написать то, что могу заявить устно. Я вызвалъ г. Ж. Геккерена на дуэль, и онъ принялъ это, не вступая ни въ какія объясненія. Я же и прошу господъ свидѣтелей этого дѣла, чтобы они соблаговолили смотрѣть на этотъ вызовъ, какъ на не бывшій, узнавъ по общему голосу (la voix publique), что г. Жоржъ Геккеренъ рѣшился объявить свое намѣреніе вступить въ бракъ съ г-жой Гончаровой послѣ дуэли. Я не имѣю никакого повода приписывать его рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ порядочнаго человѣка. Я прошу васъ, графъ, сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое сочтете нужнымъ».

[2]) И тутъ Геккеренъ допускаетъ неточность. Выше мы привели справку о бракосочетаніяхъ: ни князь, ни княгиня Бутера не были свидѣтелями при бракосочетаніи, по крайней мѣрѣ, они не расписывались въ книгѣ.

ности зависти, или какому либо другому невѣдомому побужденію,— но только прошлый вторникъ (сегодня у насъ суббота), въ ту минуту, когда мы собирались на обѣдъ къ графу Строганову, и безъ всякой видимой причины, я получаю письмо отъ господина Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести всѣ отвратительныя оскорбленія, которыми наполнено было это подлое письмо.

«Все же я готовъ представить вашему превосходительству копію съ него, если вы потребуете, но на сегодня разрѣшите ограничиться только увѣреніемъ, что самые презрѣнные эпитеты были въ немъ даны моему сыну, что доброе имя его достойной матери, давно умершей, было попрано, что моя честь и мое поведеніе были оклеветаны самымъ гнуснымъ образомъ.

«Что же мнѣ оставалось дѣлать? Вызвать его самому? Но, во-первыхъ, общественное званіе, которымъ королю было угодно меня облечь, препятствовало этому; кромѣ того, тѣмъ дѣло не кончилось бы. Если бы я остался побѣдителемъ, то обезчестилъ бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я самъ вызвался, такъ какъ уже разъ улаживалъ подобное дѣло, въ которомъ мой сынъ обнаружилъ недостатокъ храбрости; а если бы я палъ жертвой, то его жена осталась бы безъ поддержки, такъ какъ мой сынъ неминуемо выступилъ бы мстителемъ. Однако я не хотѣлъ опереться только на мое личное мнѣніе и посовѣтовался съ графомъ Строгановымъ, моимъ другомъ. Такъ какъ онъ согласился со мною, то я показалъ письмо сыну, и вызовъ господину Пушкину былъ посланъ.

«Встрѣча противниковъ произошла на другой день, въ прошлую среду. Дрались на пистолетахъ. У сына была прострѣлена рука навылетъ, и пуля остановилась въ боку, причинивъ сильную контузію. Господинъ Пушкинъ былъ смертельно раненъ и скончался вчера среди дня. Такъ какъ его смерть была неизбѣжна, то императоръ убѣдилъ его умереть христіаниномъ, послалъ ему свое прощеніе и обѣщалъ позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ.

«Нахожусь пока въ неизвѣстности относительно судьбы моего сына. Знаю только, что императоръ, сообщая эту роковую вѣсть императрицѣ, выразилъ увѣренность, что баронъ Геккеренъ былъ не въ состояніи поступить иначе. Его жена находится въ состояніи, достойномъ всякаго сожалѣнія. О себѣ ужъ не говорю.

«Таковъ, баронъ, быстрый ходъ изложеннаго здѣсь событія. Со слѣдующей почтой сочту своимъ долгомъ прислать вашему превосходительству новыя данныя, могущія окончательно освѣтить въ вашемъ сознаніи происшедшее, на тотъ случай, если бы вы пожелали довести до его величества этотъ отчетъ, вполнѣ точный и безпристрастный. Если что нибудь можетъ облегчить мое горе, то только тѣ знаки вниманія и сочувствія, которые я получаю отъ всего петербургскаго общества. Въ самый день катастрофы графъ

и графиня Нессельроде, такъ же, какъ и графъ и графиня Строгановы, оставили мой домъ только въ часъ пополуночи».

Въ этомъ объясненіи Геккерена бросается въ глаза крайняя краткость его сообщенія о первомъ вызовѣ. «Вмѣшались общіе друзья»... и только! О своихъ же стараніяхъ и хлопотахъ Геккеренъ умалчиваетъ. Въ письмѣ кн. Вяземскаго къ Михаилу Павловичу роль Геккерена выяснена достаточно ярко, и мы не имѣемъ основаній не довѣрять кн. Вяземскому. Геккеренъ самъ поѣхалъ къ Пушкину, самъ просилъ его объ отсрочкѣ, самъ убивался передъ нимъ и говорилъ, что «видитъ все зданіе своихъ надеждъ разрушеннымъ до основанія въ ту самую минуту, когда считалъ свой трудъ доведеннымъ до конца», и т. д. Для насъ остается неясной роль Дантеса. Кн. Вяземскій сообщаетъ, что «вызовъ Пушкина не попалъ по назначенію». Зналъ ли Дантесъ о вызовѣ и о тѣхъ махинаціяхъ, которыя предпринималъ Геккеренъ? Въ связи съ тѣмъ или инымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ находится и рѣшеніе вопроса о характерѣ сдѣланнаго Дантесомъ предложенія Екатеринѣ Гончаровой. Дѣйствія Геккерена и Дантеса нужно раздѣлять: если для перваго неожиданная свадьба съ Екатериной Гончаровой являлась средствомъ избѣжать дуэли, то вѣдь для второго, если онъ былъ искренно увлеченъ Натальей Николаевной, предложеніе было благороднымъ выходомъ и дѣйствительно могло вытекать изъ искренняго стремленія охранить честь женщины. Во всякомъ случаѣ, для будущихъ соображеній просимъ запомнить, что въ объясненіи своему министру Геккеренъ подчеркиваетъ благородный характеръ дѣйствій Дантеса.

Прежде чѣмъ, перейти къ дальнѣйшимъ объясненіямъ Геккерена, остановимся на одномъ сообщеніи объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ дуэли. Оно близко совпадаетъ съ донесеніемъ Геккерена и даетъ, между прочимъ, нѣсколько новыхъ и не расходящихся съ версіей Геккерена подробностей. Эти совпаденія, а также дипломатическое происхожденіе этого сообщенія свидѣтельствуютъ о томъ, что оно идетъ изъ сферъ, близкихъ нидерландскому посланнику, и должно быть сопоставлено съ его объясненіями. Это сообщеніе было сдѣлано нѣмецкимъ посланникомъ Либерманномъ своему двору. Приводимъ изъ него лишь отрывокъ, относящійся до исторіи дуэли: «Статскій совѣтникъ А. Мусинъ-Пушкинъ (sic!), по общему признанію, занимавшій первое мѣсто среди современныхъ русскихъ поэтовъ и пользовавшійся огромною популярностью, хотя, какъ человѣкъ, онъ былъ характера грубаго, насмѣшливаго и задирающаго (d'un coractère violent, satyrique et offensif), былъ женатъ уже нѣсколько лѣтъ на молодой женщинѣ замѣчательной красоты; она, находясь въ родствѣ со многими знатными семействами этой столицы, являлась однимъ изъ главныхъ украшеній баловъ высшаго общества. Превозносимая свѣтомъ

m-me Пушкина была также предметомъ очень пылкаго обожанія со стороны одного молодого человѣка, француза по происхожденію, который состоитъ на русской службѣ, какъ офицеръ Кавалергардскаго полка. Его имя—Дантесъ, но, будучи усыновленъ въ прошломъ году нидерландскимъ министромъ, носитъ теперь фамилію барона Геккерена. Кажется, эти ухаживанія съ нѣкоторыхъ поръ вызывали безпокойства въ г. Пушкинѣ, у котораго была крайне некрасивая фигура, и ревность котораго вошла въ пословицу,—и вся его африканская ярость (потому что онъ былъ внукомъ негра, привезеннаго въ Россію) разразилась противъ этого офицера изъза какихъ-то анонимныхъ писемъ, которыя были адресованы ему, какъ и нѣкоторымъ другимъ, и заключали что-то въ родѣ патента на званіе обманутаго мужа и т. д... Не входя ни въ какія предварительныя объясненія, Пушкинъ отправилъ молодому Геккерену вызовъ, написанный въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Они сдѣлали бы дуэль неизбѣжной, если бы письмо пришло прямо по назначенію; но случайно оно попало въ руки пріемнаго отца, который, не скрывъ отъ сына факта вызова, не сообщилъ ему всего содержанія обиднаго письма. Такъ какъ молодой человѣкъ, заявляя, что онъ готовъ драться съ Пушкинымъ, если послѣдній можетъ считать себя обиженнымъ имъ, въ то же время самымъ торжественнымъ образомъ заявлялъ своему отцу, что онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго посягательства на честь вызвавшаго, и что жена его совершенно невинна, то нидерландскій министръ сдѣлалъ нѣсколько примирительныхъ попытокъ передъ родственниками и друзьями семьи Пушкиныхъ, въ результатѣ которыхъ убѣдилъ въ истинѣ Пушкина, который къ тому же съ самаго начала всегда заявлялъ, что онъ совершенно убѣжденъ въ невинности жены. Вызовъ Пушкинымъ былъ формально взятъ обратно, и его честь, какъ и честь его жены, были въ безопасности отъ всякихъ нападокъ тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ, чтобы положить конецъ поднявшемуся по поводу этого дѣла шуму, молодой баронъ Геккеренъ совершенно добровольно рѣшился жениться на сестрѣ m-me Пушкиной, которой онъ также оказывалъ большое вниманіе. Хотя дѣвушка не имѣла никакого состоянія, пріемный отецъ молодого человѣка далъ свое согласіе на бракъ... Г-жа Пушкина, какъ прежде, появлялась на всѣхъ балахъ, окруженная, какъ всегда, поклонниками, и никто не могъ тогда подумать, что это дѣло такъ трагически кончится. Узналъ ли Пушкинъ какія нибудь новыя скверныя шутки на свой счетъ, или по какому либо другому мотиву, но въ прошлый понедѣльникъ онъ отправилъ нидерландскому министру новое письмо, которое заключало въ себѣ самыя грубыя оскорбленія не только молодого барона Геккерена, но и его пріемнаго отца. Все содержаніе этого письма полно такого бѣшенства, такой гнусности, какую трудно себѣ вообразить. Констатировавъ

авторство этого невѣроятнаго посланія, молодой баронъ не могъ колебаться въ рѣшеніи, и его пріемный отецъ отвѣтилъ Пушкину» и т. д.

Схема сообщенія нѣмецкаго посланника и донесенія Геккерена одинакова. Та же корректность Дантеса, та же необъяснимость причинъ второй дуэли... Даже опредѣленіе характера Пушкина въ письмѣ Либерманна удивительно напоминаетъ манеру Геккерена. Для послѣдняго характеръ поэта былъ «ombrageux et vindicatif», а для Либерманна «violent, satyrique et offensif». Подобно Геккерену, и Либерманнъ не упускаетъ случая отмѣтить африканское происхожденіе Пушкина и его «fureur africaine».

По письму Геккерена своему министру видно, что 30 января Геккеренъ не предполагалъ, что ему придется ставить вопросъ о своемъ отозваніи. Но событія развивались быстро, и ко дню похоронъ Пушкина волна общественнаго негодованія поднялась высоко. Недовольство общества вышло за предѣлы, дозволенные начальствомъ. Не будетъ парадоксомъ утвержденіе, что Геккерена заставило удалиться изъ Россіи вовсе не это непріязненное отношеніе къ нему Николая Павловича, а негодованіе, поднявшееся изъ интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества. Ниже мы приведемъ документальныя доказательства этого положенія. Дѣйствительно, послѣ событій 14 декабря 1825 года русское общественное мнѣніе имѣло первую и серьезную побѣду въ дѣлѣ смерти Пушкина. Кто же являлся представителемъ этого общественнаго мнѣнія? Конечно, не люди двора, не ближайшіе друзья Пушкина. Весьма любопытныя данныя на этотъ счетъ находимъ въ донесеніяхъ извѣстнаго намъ Либерманна. 2 февраля онъ писалъ своему правительству слѣдующее:

«Военный судъ, учрежденный надъ барономъ Геккереномъ, еще не вынесъ приговора, и еще менѣе извѣстно, каково будетъ то наказаніе, какое императоръ признаетъ справедливымъ наложить на молодого офицера. Правда, его величество высказался въ началѣ довольно благопріятно на его счетъ, признавая, что онъ совершенно не могъ отказаться отъ вызова своего бѣшенаго противника, и что во время дуэли, которая, по всегдашнимъ заявленіямъ Пушкина, должна быть во всякомъ случаѣ смертельнымъ поединкомъ, поведеніе его было и честно и смѣло. Но между тѣмъ начинаютъ думать, что императоръ не пожелаетъ, а, быть можетъ, не сможетъ всецѣло слѣдовать своимъ первымъ впечатлѣніямъ, но подвергнетъ барона Геккерена, по меньшей мѣрѣ, на нѣкоторое время достаточно суровому наказанію, хотя бы для того, чтобы успокоить раздраженіе и крики о возмездіи или, если угодно, горячую жажду публичнаго обвиненія, которую вызвало печальное происшествіе. Это чувство проявилось въ низшихъ слояхъ населенія столицы съ гораздо большей силою, чѣмъ въ рядахъ высшаго общества, потому что, съ одной стороны, въ послѣднихъ лучше знаютъ истин-

ный ходъ и сущность дѣла, а съ другой стороны, понятно, Пушкинъ былъ болѣе популяренъ и встрѣчалъ большее поклоненіе у русскихъ низшихъ слоевъ, которые совсѣмъ не знаютъ иностранныхъ литературъ и, не имѣя вслѣдствіе этого критерія для справедливаго сравненія, создавали преувеличенную оцѣнку его литературныхъ заслугъ. Смерть Пушкина представляется здѣсь, какъ несравнимая потеря страны, какъ общественное бѣдствіе. Національное самолюбіе возбуждено тѣмъ сильнѣе, что врагъ, пережившій поэта,—иноземнаго происхожденія. Громко кричать о томъ, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человѣка, съ которымъ исчезла одна изъ самыхъ свѣтлыхъ національныхъ славъ. Эти чувства проявились уже во время похоронныхъ церемоній... Думаютъ, что со времени смерти Пушкина и до перенесенія его праха въ церковь въ его домѣ перебывало до 50.000 лицъ всѣхъ состояній, многія корпораціи просили о разрѣшеніи нести останки умершаго. Шелъ даже вопросъ о томъ, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несеніе тѣла народу.

«Наконецъ, демонстраціи и оваціи, вызванныя смертью человѣка, который былъ извѣстенъ за величайшаго атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушенія общественнаго порядка, приказала внезапно перемѣнить мѣсто, гдѣ должны были состояться торжественныя похороны, и перенести тѣло въ церковь ночью».

Правда, Либерманнъ не ограничился констатированіемъ факта и попробовалъ подыскать объясненіе такому отношенію народа къ Пушкину съ космополитически реакціонной точки зрѣнія. Вспомнимъ, что въ 1837 году правительства были насторожѣ противъ всякихъ революціонныхъ посягательствъ, и въ ненависти къ идеаламъ новой свободы всѣ они сходились. «Но я не считаю своимъ долгомъ скрыть,—заканчивалъ свое донесеніе нѣмецкій посланникъ,— что, къ несчастію, есть основанія думать, что значительная доля овацій, которымъ дала поводъ смерть Пушкина, можетъ и должна быть поставлена также за счетъ той специфической популярности, которую покойный снискалъ у нѣкоторыхъ лицъ и въ извѣстныхъ слояхъ общества идеями современнаго либерализма. Эти идеи ему угодно было исповѣдывать, и онѣ побудили его не только писать позорные стихи по адресу покойнаго императора Александра, но и принять участіе въ политическихъ проискахъ, весьма наказуемыхъ. Я знаю положительно, что подъ покровомъ горячаго патріотизма въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Петербургѣ держатъ весьма необычныя рѣчи, утверждая, между прочимъ, что Пушкинъ былъ еще единственной опорой, единственнымъ представителемъ вольностей народа» и т. д.

Будемъ ли мы возражать противъ утвержденій Либерманна, аналогичныхъ, какъ сейчасъ увидимъ, и мнѣніями Геккерена? Для

своего времени подобныя сообщенія носили явно доносительный характеръ. Мы знаемъ о тѣхъ совмѣстныхъ усиліяхъ, которыя вложили кн. Вяземскій и Жуковскій въ исполненіе неблагодарной задачи реабилитировать политическую репутацію поэта. Они имѣли дѣло съ донесеніями, витавшими, такъ сказать, вокругъ особы Бенкендорфа; въ сообщеніяхъ же пословъ на сцену выступаетъ космополитическій сыскъ правительственной реакціи. Въ настоящее время мы можемъ безъ особаго риска разыскать въ этихъ донесеніяхъ зерно истины. Доносы тѣмъ и характеризуются, что они извращаютъ факты, но они могутъ вѣрно улавливать тенденціи. Эта возможность объясняется крайней противоположностью психологіи доносчика и того, кто является объектомъ его доноса. Тутъ—враждебная противоположность психологій, и она-то и помогаетъ вѣрно уловить намѣренія и тенденціи. Что же? Былъ ли Пушкинъ революціонеромъ? Если этотъ вопросъ мы и оставимъ безъ отвѣта, то во всякомъ случаѣ при рѣшеніи вопроса объ общественныхъ взглядахъ Пушкина мы должны вспомнить всѣ обвиненія его въ неблагонадежности и революціонности. Мы не будемъ перебирать всѣхъ аргументовъ изъ исторіи жизни и творчества, направленныхъ на доказательство того положенія, что Пушкинъ по своему міровоззрѣнію, по своимъ общественнымъ взглядамъ былъ прогрессивнымъ человѣкомъ. Еще такъ недавно эти аргументы были перебраны В. Е. Якушкинымъ въ его статьѣ «Общественные взгляды Пушкина» [1]). Для насъ достаточно только указанныхъ посмертныхъ обвиненій и доносовъ на Пушкина, чтобы констатировать, что по всему своему міровоззрѣнію, по всему складу своей жизни, по характеру работы Пушкинъ для Бенкендорфа, а за нимъ и для всего правительственнаго режима, для Либерманна и Геккерена, а за ними и для высшей части русскаго общества, консервативнаго и буржуазнаго, былъ человѣкомъ враждебной психики, былъ полной противоположностью ихъ самихъ. По психикѣ, по тенденціямъ своимъ онъ былъ для всѣхъ нихъ революціонеръ. И это доносительное признаніе является, по нашему мнѣнію, лучшимъ доказательствомъ прогрессивности его общественныхъ взглядовъ.

Но вернемся къ Геккерену. Мы оставили его послѣ отправленія объясненія въ Нидерланды. 2 февраля онъ пишетъ новое письмо, но уже совершенно иного характера. Онъ прямо взываетъ объ отозваніи. Сдержанный и полный самообладанія тонъ перваго письма мѣняется на совершенно растерянный. По освѣщенію событій онъ всецѣло примыкаетъ къ донесенію Либерманна. Геккеренъ писалъ:

[1]) «Наши Дни», 1904, декабрь.

«Долгъ чести повелѣваетъ мнѣ не скрыть отъ васъ того, что общественное мнѣніе высказалось при кончинѣ г. Пушкина съ бо́льшей силой, чѣмъ предполагали. Но необходимо выяснить, что это мнѣніе принадлежитъ не высшему классу, который понималъ, что въ такихъ роковыхъ событіяхъ мой сынъ по справедливости не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека; его поведеніе было достойно честнаго человѣка и обнаруживаетъ осмотрительность, несвойственную обыкновенно его возрасту, и на которую самъ онъ былъ бы, безъ сомнѣнія, неспособенъ при другихъ обстоятельствахъ.

«Чувства, о которыхъ я теперь говорю, принадлежатъ лицамъ изъ третьяго сословія, если такъ можно назвать въ Россіи классъ промежуточный между настоящей аристократіей и высшими должностными лицами, съ одной стороны, и народной массой, совершенно чуждой событію, о которомъ она и судить не можетъ,—съ другой. Сословіе это состоитъ изъ литераторовъ, артистовъ, чиновниковъ низшаго разряда, національныхъ коммерсантовъ высшаго полета и т. д. Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мѣрѣ, власти существованіе цѣлой партіи, главой которой онъ былъ, можетъ быть, исключительно благодаря своему таланту въ высшей степени народному. Эту партію можно назвать реформаторской: этимъ названіемъ пользуются сами ея члены.

«Если вспомнить, что г. Пушкинъ былъ замѣшанъ въ событіяхъ, предшествовавшихъ 1825 году, то можно заключить, что такое предположеніе не лишено основаній.

«Выносъ тѣла почившаго въ церковь долженъ былъ состояться вчера днемъ, но чтобы избѣжать манифестацій при выраженіи чувствъ, обнаружившихся уже въ то время, какъ тѣло было выставлено въ домѣ покойнаго,—чувствъ, которыя подавить было бы невозможно, а поощрять ихъ не хотѣли,—погребальная церемонія была совершена въ часъ пополуночи. По этой же причинѣ участвующіе были приглашены въ церковь при Адмиралтействѣ, а отпѣваніе происходило въ Конюшенной церкви.

Очень можетъ быть, что нѣсколькихъ дней будетъ достаточно, чтобы утишить это волненіе, тѣмъ болѣе, что оно не выразилось ни разу угрожающимъ образомъ; однимъ словомъ, это былъ просто взрывъ чувства и гордости народной, затронутыхъ личностью поэта самаго популярнаго въ Россіи. Въ то время, какъ честь литератора охранялась почитателями, честь частнаго человѣка насчитывала лишь немногихъ друзей. Сказанное мною есть дань, которую я, думается, могу отдать истинѣ, не нарушая тѣмъ уваженія къ могилѣ.

«Все-таки, ваше превосходительство, признаете, что я ничего не скрываю, даже, можетъ быть, самъ склоненъ преувеличивать значеніе происходящаго. Какъ бы то ни было, считаю своимъ суро-

вымъ долгомъ поставить васъ въ извѣстность объ истинномъ положеніи вещей въ ту минуту, какъ я могу опасаться, что уже буду не въ состояніи служить моему монарху здѣсь такъ, какъ моя честь и мои чувства къ родинѣ мнѣ повелѣваютъ, и какъ, смѣю надѣяться, я имѣлъ счастіе служить до сихъ поръ.

«Его величество рѣшитъ, долженъ ли я быть отозванъ, или могу помѣняться мѣстами съ однимъ изъ моихъ коллегъ. Если мнѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я лично заинтересованъ, позволено будетъ высказаться, то осмѣлюсь почтительнѣйше доложить, что немедленное отозваніе меня было бы громогласнымъ выраженіемъ неодобренія моему поведенію. Я былъ бы этимъ глубоко огорченъ, а что касается настоящаго печальнаго событія, совѣсть моя говоритъ, что я не заслуживаю такого приговора, который сразу погубилъ бы всю мою карьеру, какъ общественнаго дѣятеля. Моимъ желаніемъ было бы перемѣнить резиденцію; эта мѣра, удовлетворяя настоятельной необходимости, доказала бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не лишился довѣрія короля, моего августѣйшаго повелителя, которымъ онъ удостаивалъ меня въ теченіе стольких лѣтъ, и потери котораго, осмѣлюсь повторить, я не заслужилъ.

«Какъ вѣрный и преданный слуга, я буду ожидать приказаній его величества, будучи увѣренъ, что отеческое попеченіе короля приметъ во вниманіе при данныхъ обстоятельствахъ, которыя ни измѣнить, ни предвидѣть я не могъ, тридцать одинъ годъ моей безпорочной службы, крайнюю ограниченность моихъ личныхъ средствъ и заботы о семьѣ, для которой я служу въ настоящее время единственной опорой; заботы эти въ виду положенія молодой жены моего сына не замедлятъ еще увеличиться.

«Такъ какъ уже много лѣтъ я пользовался указаніями вашего превосходительства, то смѣю разсчитывать, господинъ баронъ, на вашу поддержку въ настоящемъ случаѣ. Ваше благоволеніе непрестанно придавало мнѣ силъ для служенія государю; мнѣ хотѣлось бы надѣяться, что еще долго я смогу помогать вамъ въ исполненіи предначертаній нашего монарха къ чести и благу нашей родины. Вы обладаете, баронъ, такой великой душой, что я могу быть увѣреннымъ въ вашемъ одобреніи моего поведенія относительно этого рокового событія, гдѣ чувство чести должно было заставить смолкнуть всѣ другія соображенія. Тотъ, кто не смогъ бы самъ заставить себя уважать, имѣлъ ли бы право быть представителемъ государя, который являетъ собою нашей эпохѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей и самой изумительной твердости?

«Ваше превосходительство поймете, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ожидать распоряженій, которыхъ я теперь домогаюсь».

Не ограничиваясь письмами къ Верстолку, Геккеренъ 3-го февраля обратился еще къ принцу Оранскому тоже съ просьбами о защитѣ и помощи. Ему онъ писалъ слѣдующее:

«Ваше высочество!

Въ ту минуту, когда меня поразило событіе, роковое и неожиданное въ одно и то же время, благоволеніе и, смѣю сказать, благорасположеніе, которымъ вашему королевскому высочеству угодно было меня удостоить, позволяетъ и даже вмѣняетъ мнѣ въ обязанность ничего не скрывать отъ васъ, что касается поводовъ и послѣдствій дуэли моего сына съ г. Пушкинымъ.

Чтобы не утруждать ваше королевское высочество подробностями, которыя, будучи, однако, необходимыми, слишкомъ бы растянули это письмо, я беру на себя смѣлость приложить къ нему копіи писемъ, посланныхъ мною по этому предмету министру иностранныхъ дѣлъ [1]). Пусть ваше королевское высочество соблаговолитъ забыть на минуту свой высокій санъ и въ качествѣ только военнаго, только порядочнаго человѣка рѣшитъ: возможно ли было какъ либо иначе отразить подобныя оскорбленія? Еще разъ прибѣгну къ мнѣнію вашего высочества, для того, чтобы судить, могу ли я оставаться при императорскомъ дворѣ послѣ всего случившагося. Въ петербургскомъ обществѣ у меня есть и сторонники и хулители. Какъ частный человѣкъ, я бы остался, такъ какъ увѣренъ, что правда рано или поздно восторжествуетъ и привлечетъ общество на мою сторону, но какъ должностное лицо, имѣющее счастіе быть представителемъ своего государя, я не въ правѣ допустить ни малѣйшаго порицанія своему образу дѣйствій.

Итакъ, смѣю надѣяться, что ваше королевское высочество поддержитъ передъ королемъ мою просьбу о переводѣ и назначеніи меня посланникомъ при другомъ дворѣ, гдѣ бы я могъ продолжать службу моему монарху и отечеству, посвящая имъ всѣ свои силы.

Ваше королевское высочество одобритъ меня, смѣю надѣяться, и эта увѣренность есть самое лучшее утѣшеніе въ горѣ, при обстоятельствахъ, отъ которыхъ страдала и страдаетъ моя любовь къ семьѣ, а карьерѣ угрожаетъ опасность, именно въ ту минуту, когда я менѣе всего могъ этого ожидать.

Благосклонность вашего королевскаго высочества всегда драгоцѣнна и почетна, но теперь я особенно живо чувствую, сколько утѣшенія заключается въ сознаніи, что можешь надѣяться на чувство дружескаго расположенія въ лицѣ судьи, такъ высоко по-

[1]) Это—тѣ два письма, которыя мы только что привели.

ставленнаго, благодаря своему сану, своимъ заслугамъ и благородству своей души».

Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ, по которымъ мы могли бы судить о томъ, какъ отнеслось къ Геккерену его правительство, въ какой мѣрѣ оно сочло его виновнымъ. Но мы знаемъ, что по выѣздѣ изъ Россіи онъ сразу не получилъ мѣста, а нѣкоторое время жилъ съ семьей Дантеса и въ службѣ не состоялъ.

П. Щеголевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГОДЫ СМУТЫ И БОРЬБЫ.

Историческія параллели.

Время, переживаемое нашимъ отечествомъ, время общаго смущенія, испуга и тревоги передъ загадочнымъ будущимъ, невольно переноситъ мысль ко временамъ прошедшимъ, когда Русская земля приходила тоже въ броженіе и полное разстройство, а по лицу ея непрерывно проносились соціальные и политическіе бури и вихри. Кровавое зарево народнаго и государственнаго пожара было частымъ спутникомъ этихъ грозныхъ бурь, и по опустошенной ими землѣ раздавались вопли и стенанія, такъ что, казалось, весь народъ во всѣхъ его слояхъ сливался въ одномъ общемъ плачѣ о гибели и послѣднихъ дняхъ родной земли. Но великъ и милостивъ ея Богъ: бури стихали, взбудораженная народная стихія улегалась, вступала въ свои берега, и обновленная кровью и слезами Россія какъ бы возрождалась къ новой жизни — производительная, сильная и единая... Пережитыя историческія горести и страданія бывали тяжки и необъятны, но великому народу суждены и великія испытанія — въ нихъ зрѣетъ національная и политическая мощь и сила, въ ихъ горнилѣ обрѣтается счастье грядущихъ поколѣній и вѣковъ. Этимъ-то историческимъ испытаніямъ и посвящаются настоящіе очерки, которымъ авторъ даетъ наименованіе «годовъ смуты и борьбы», почерпая начало изложенія ихъ изъ эпохи послѣ грознаго царя Ивана Васильевича и доводя конецъ ихъ изображенія до послѣднихъ двухъ десятилѣтій минувшаго XIX вѣка.

Передъ читателями развертывается такимъ образомъ длинный четырехсотлѣтній періодъ, на протяженіи котораго отмѣчаются главнымъ образомъ тѣ лишь годы, гдѣ или выступаютъ на первый планъ взрывы политическихъ и соціально-экономическихъ народныхъ страстей, или гдѣ мы наблюдаемъ явную и тайную организаціонную работу отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, преслѣдующихъ цѣли ниспроверженія, тѣми или иными способами, существующаго государственнаго и общественнаго порядка вещей съ замѣною его новымъ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ строемъ. Такова программа предлагаемыхъ очерковъ; что касается ихъ содержанія, то если для эпохъ древнѣйшихъ приходится пользоваться достаточно извѣстными источниками, то для тревожныхъ годовъ минувшаго XIX столѣтія берутся источники, бывшіе до сихъ поръ малодоступными читателямъ, но содержащіе въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи общественнаго развитія пореформенной Россіи. Кромѣ того, авторъ преднамѣренно допускаетъ нѣкоторое несоотвѣтствіе въ способахъ изложенія: въ первой части своей работы, въ виду достаточной извѣстности трактуемыхъ событій, онъ предпочитаетъ изложенію и перечисленію самихъ фактовъ ихъ освѣщеніе и выводы изъ нихъ, зато въ частяхъ, относящихся къ XIX столѣтію, онъ останавливается главнымъ образомъ на передачѣ событій, ихъ полнотѣ и хронологической послѣдовательности. Суммѣ собранныхъ здѣсь фактовъ еще преждевременно подводить итогъ и дѣлать изъ нихъ заключеніе; сначала ихъ слѣдуетъ опубликовать и постараться въ безпристрастномъ изложеніи представить, какъ болѣе или менѣе новый историческій матеріалъ въ нашей литературѣ, на судъ критики и читателей.

I.

Эпоха народныхъ смутъ.

Резюмируя элементы, опредѣлявшіе приближеніе соціально-политическаго кризиса въ Московскомъ государствѣ конца XVI вѣка, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ въ своемъ превосходномъ трудѣ: «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ», отмѣчаетъ, что «въ основаніи московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, давали себя чувствовать московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать политическимъ и опредѣлить словами В. О. Ключевскаго: «это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи». Такой порядокъ вещей привелъ къ

открытому столкновенію московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было соціальнымъ и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремленіе ея къ выходу съ «тяглыхъ жеребьевъ» на черныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь, вызвалъ рядъ другихъ осложненій общественной жизни. Оба противорѣчія въ своемъ раскрытіи, во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое «Смутное время». Итакъ, корни русской смуты XVII вѣка глубоко были заложены въ явленіяхъ внутренней политики царствованія Грознаго, благодаря которой, по свидѣтельству профессора Платонова, все въ государственной жизни того времени было потрясено внутреннимъ кризисомъ и военными тогдашними неудачами, все потеряло устойчивость и бродило скрытымъ, внутреннимъ броженіемъ, пока не разразилось бурными явленіями самозванщины и междуцарствія, конецъ которымъ былъ положенъ совокупными силами и дѣйствіями всей земской Россіи.

Нѣтъ надобности излагать здѣсь событія русской смуты начала XVII вѣка: они общеизвѣстны, и въ послѣднее время русское общество, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ театра и сцены, имѣло возможность заинтересоваться многими любопытными моментами того достопамятнаго періода. Знаменитая трилогія графа Ал. Толстого, драма А. Суворина «Царь Димитрій Самозванецъ и царевна Ксенія», поставленныя на сцену и подогрѣвшія интересъ къ той эпохѣ, естественно вызвали вниманіе къ событіямъ и главнымъ дѣйствующимъ лицамъ того историческаго времени, популяризировали ихъ и послужили предметомъ широкаго и внимательнаго изученія этого времени. Независимо отъ театра, той же эпохѣ оказались посвященными нѣкоторыя научныя сочиненія, журнальныя статьи и газетныя замѣтки, въ основаніе которыхъ были положены вновь открытые источники и документы, касающіеся и всего Смутнаго времени и личности Димитрія Самозванца. Поэтому авторъ предлагаемыхъ «параллелей» оставляетъ прагматическую сторону дѣла безъ изложенія и считаетъ нужнымъ отмѣтить лишь нѣкоторые главнѣйшіе моменты въ ходѣ событій, затрагивающіе вопросы объ отношеніи нѣкоторыхъ круговъ тогдашней интеллигенціи къ формѣ государственнаго правленія и о роли земщины въ утвержденіи и укрѣпленіи опредѣленной формы правленія.

Профессоръ С. О. Платоновъ устанавливаетъ въ развитіи московской смуты три періода: династическій, соціальный и національный. Въ первомъ періодѣ, начавшемся немедленно послѣ смерти Грознаго, на первомъ планѣ стоятъ борьба боярства за власть, попытки ограничить самодержавіе въ пользу боярства привлеченіемъ послѣдняго къ дѣлу управленія; въ этомъ періодѣ участіе въ ходѣ историческихъ событій со стороны народа и земщины очень слабо и почти незамѣтно, если не считать только за участіе буйство московской черни и пассивную санкцію тогдашнихъ неполныхъ и случайныхъ земскихъ соборовъ въ утвержденіи выставленныхъ тѣми или иными партіями боярства кандидатовъ на престолъ. Во второмъ періодѣ рѣшающій голосъ въ ходѣ событій беретъ на себя войско, которое послушно слѣдуетъ за излюбленными и популярными вождями, руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ не столько твердо сознаваемыми соображеніями внѣшней или внутренней политики, сколько вѣрою въ счастіе и удачу воинскихъ талантовъ своихъ руководителей. Третій періодъ выдвигаетъ на авансцену «самъ народъ», который соборне и единодушно сметаетъ съ арены историческаго театра и властолюбивое боярство съ его ограничительными политическими замыслами, и самозванщину, какъ проявленіе авантюризма, и иноземщину, какъ силу, грозящую политическому и національному единству и цѣлостности Русской земли. Этотъ «самъ народъ» громко поднимаетъ свой властный и рѣшающій голосъ, создаетъ національное правительство съ Михаиломъ Θеодоровичемъ Романовымъ во главѣ и вручаетъ послѣднему единую нераздѣльную и самодержавную власть, безъ всякой тѣни на ней какихъ либо твердо оформленныхъ ограниченій, но съ придаткомъ къ ней народосовѣтія, какъ элемента, сопутствующаго исторической формулѣ любовнаго и неразрывнаго единенія царя съ народомъ.

Искровавленное и политически-ослабленное террористическою государственною программою управленія Грознаго, боярство, успѣвшее за время Θеодора Іоанновича нѣсколько окрѣпнуть, снова стать на ноги и съорганизоваться, какъ только приблизилось силою событій къ престолу, изъ опасенія повторенія эпохи грознаго царя и исключительно въ интересахъ самозащиты и сословной безопасности, спѣшитъ уже внести въ государственную формулу управленія ограничительный придатокъ къ царской власти. Мысль объ ограниченіи этой власти впервые всплываетъ въ 1598 году, при избраніи на престолъ Бориса Годунова, но уже болѣе осязательно вводится въ политическую избирательную программу боярства, при возведеніи на престолъ Василія Шуйскаго.

Передавая о событіяхъ избранія Шуйскаго, профессоръ С. Θ. Платоновъ въ своихъ «Лекціяхъ по русской исторіи», при анализѣ крестоцѣловальной записи новоизбраннаго царя, отмѣчаетъ

въ ней три пункта ограничительнаго характера: 1) царь Шуйскій не имѣетъ власти никого лишать жизни безъ приговора боярской думы; 2) онъ не будетъ подвергать гоненію невинную родню лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ; 3) онъ обязуется не давать вѣры доносамъ, не провѣривъ ихъ тщательнымъ слѣдствіемъ; если доносъ окажется лживымъ, то доносчикъ долженъ быть наказанъ. «Этими тремя условіями исчерпываются всѣ обѣщанія Шуйскаго», — говоритъ С. Ѳ. Платоновъ и разъясняетъ, что въ этихъ условіяхъ «трудно найти дѣйствительное ограниченіе царскаго полновластія, а можно видѣть только отказъ этого полновластія отъ недостойныхъ способовъ его проявленія; царь обѣщаетъ лишь воздержаться отъ причудъ личнаго произвола и дѣйствовать посредствомъ суда бояръ, который существовалъ одинаково во всѣ времена Московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ, не ограничивающимъ, однако, власти царя». Съ этимъ толкованіемъ почтеннаго профессора врядъ ли можно согласиться, ибо идея абсолютнаго самодержавія, какъ таковаго, несовмѣстима съ условными «правовыми гарантіями», положенными въ основаніе свободнаго избранія на престолъ самодержца, и вотъ почему, при избраніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича, соборъ не бралъ съ него крестоцѣловальной записи съ опредѣленно формулированными правовыми гарантіями. Послѣднія суть аттрибуты власти конституціонной, и въ этомъ ея главнѣйшее и существеннѣйшее отличіе отъ власти единодержавной и самодержавной. Поэтому и условія провозглашенія царемъ Василія Шуйскаго должны быть разсматриваемы, какъ условія съ характеромъ ограничительнымъ или конституціоннымъ, гдѣ въ будущей конституціи власть ограничительная признается не за «земскимъ соборомъ», какъ то мы увидимъ далѣе въ договорѣ съ Владиславомъ, а исключительно за боярскою думою, то-есть мы встрѣчаемся здѣсь съ первою реальною попыткою фактическаго созданія аристократической конституціи. Жизненнаго историческаго значенія эта попытка не имѣла: намъ извѣстенъ печальный конецъ Шуйскаго и краткій періодъ его царствованія. Еще менѣе практическаго значенія получилъ договоръ съ Владиславомъ или Сигизмундомъ, которому и совершенно не было суждено фактически осуществиться, такъ какъ договаривавшіеся даже не были уполномочены на веденіе переговоровъ хотя бы какою либо широкою и властною группою, опирающеюся въ своихъ правахъ на то или иное большинство отъ имени Русской земли. Конституція Владислава шла на встрѣчу интересамъ средняго сословія — «добрыхъ дворянъ», осуществляла скорѣе всего ихъ буржуазныя вожделѣнія и была далека, какъ отъ аристократической программы бояръ при избраніи Шуйскаго, такъ и отъ соціально-революціонной программы Болотникова, этого любопыт-

наго авантюриста эпохи самозванщины, которая по дѣйствовавшимъ въ ней мотивамъ во многомъ аналогична, какъ то увидимъ далѣе, и программѣ кроваваго разгула Стеньки Разина и программѣ кровавой расправы Емельяна Пугачева и даже тѣмъ нѣкоторымъ анархическимъ программамъ, которыя были провозглашены во второй половинѣ прошлаго столѣтія за границею М. Бакунинымъ и его ближайшими послѣдователями—«молодыми бакунистами».

Договорные пункты по избранію на русскій престолъ Владислава сводились къ слѣдующимъ главнѣйшимъ: 1) Владиславъ вѣнчается на царство отъ русскаго патріарха; 2) православіе въ Московскомъ государствѣ должно быть почитаемо и оберегаемо попрежнему; 3) имущество и права какъ духовенства, такъ и свѣтскихъ чиновъ пребудутъ неприкосновенны; 4) судъ долженъ совершаться по старинѣ, измѣненіе въ законахъ не зависитъ отъ воли одного только Владислава: «то вольно будетъ боярамъ и всей землѣ»; 5) Владиславъ никого не можетъ казнить безъ вѣдома думы и безъ суда и слѣдствія, родню виновныхъ лицъ онъ не долженъ лишать имущества; 6) великихъ чиновъ людей Владиславъ обязанъ не понижать невинно, а меньшихъ долженъ повышать по заслугамъ; для науки будетъ дозволенъ свободный выѣздъ въ христіанскія земли; 7) подати собираются «по старинѣ», назначеніе новыхъ податей не можетъ произойти безъ согласія боярской думы; крестьяне не могутъ переходить ни въ предѣлахъ Московскаго государства, ни изъ Руси въ Литву и Польшу; 8) холопы должны оставаться въ прежнемъ состояніи, и вольности имъ король давать не будетъ.

Этотъ договоръ очень любопытенъ по своему содержанію: онъ консервативенъ, защищаетъ преимущественно интересы служилаго сословія и помѣстнаго дворянства и, какъ вышедшій изъ среды «тушинскихъ людей», представляетъ собою полную противоположность, антитезу анархической программы Болотникова, бывшей столь хорошо знакомой «воровскому» лагерю самозванца Лже-Петра. Болотниковъ, немало повидавшій на своемъ вѣку, побывавшій и въ Азіи, и въ Западной Европѣ, явился въ періодъ Смутнаго времени апостоломъ кровавой соціальной революціи, собирая около себя приверженцевъ во имя ненависти къ имущимъ классамъ и въ цѣляхъ главнымъ образомъ насильственнаго соціально-экономическаго переворота. Коснувшись анализа Болотниковской программы, профессоръ Платоновъ говоритъ [1]): «Дѣйствуя именемъ царя Димитрія, онъ звалъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ складомъ общественныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ и, подавая имъ надежду на соціальныя перемѣны въ ихъ пользу, возбуждалъ къ дѣйствіямъ вообще противъ господствующихъ классовъ. Не со-

[1]) «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ».

хранилось, къ сожалѣнію, подлиннаго текста его воззваній, но есть интересный о нихъ отзывъ патріарха Гермогена. Передавая содержаніе «воровскихъ листовъ», которые разсылались изъ стана Болотникова въ Москву и по другимъ городамъ, патріархъ говоритъ, что эти листы внушаютъ дворнѣ бояръ и дѣтей боярскихъ, а съ нею и всякой черни «всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ». Мятежники «велятъ боярскимъ холопомъ побивати своихъ бояръ, и жены ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; а шпынямъ и безымянникомъ-воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать и животы ихъ грабити; а призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярства и воеводство и окольничество и дьячество». Это былъ прямой призывъ противъ представителей земельнаго и промышленно-торговаго капитала, и имъ легко увлекались люди, страдавшіе отъ тогдашняго имущественнаго строя. «Собрахуся боярскіе люди и крестьяне,—говоритъ лѣтопись о движеніи Болотникова,—съ ними же пристаху украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы и казаки, и начаша по градомъ воеводы имати и сажати по темницамъ, бояръ же своихъ домы разоряху, и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху». Такимъ образомъ, войска, шедшія съ южныхъ окраинъ къ Москвѣ и состоявшія изъ знакомыхъ уже намъ общественныхъ элементовъ «прежде погибшей» украйны, громко заявляли о своей склонности къ общественному перевороту и уже покушались на демократическую ломку существовавшаго строя.

Отсюда явствуетъ, что вполнѣ сознательная и формулированная проповѣдь соціальной анархіи, безъ ясно и опредѣленно намѣченныхъ государственныхъ и политическихъ задачъ, раздается въ Россіи впервые на зарѣ XVII вѣка. Особаго успѣха, конечно, эта проповѣдь имѣть не могла, какъ не имѣющая за собою реальной обстановки, на фонѣ которой она могла бы удовлетворить чьимъ либо классовымъ интересамъ. Существо ея могли выразить и выразили дѣйствительно лишь бродячіе элементы отечественныхъ окраинныхъ областей, представители разгула и безшабашнаго молодечества, вся жизненная формула которыхъ сводилась къ понятію — «день, да нашъ».

Три приведенныхъ соціально-политическихъ программы были идейными факторами, сыгравшими выдающуюся роль въ событіяхъ Смутнаго времени; сами же событія, какъ широкая и сложная панорама народныхъ движеній, представляли собою полный общественный хаосъ, залитый кровью, которою въ настоящемъ смыслѣ слова истекала тогда несчастная московская Русь. Люди гибли, лишались своихъ животовъ и казны, вотчины стояли опустошенными, поля невоздѣланными; государственная власть съ твердымъ сознаніемъ своихъ обязанностей и правъ отсутствовала, правительственнаго войска не было, какъ равно не было и единой государ-

ственной казны, и, казалось, московская Русь переживаетъ послѣднія дни историческаго существованія съ перспективой въ недалекомъ будущемъ дробнаго расщепленія и раздѣла между сѣверными, западными и юго-восточными сосѣдями. Но спасеніе пришло, пришло неожиданное, энергичное и полное, такъ что отъ недавней еще лихой бѣды вскорѣ не осталось глубокаго и рѣзкаго слѣда.

Спасеніе Руси отъ смуты и анархіи, отъ политической гибели и историческаго крушенія явилось изъ нѣдръ земщины, которая, сплотившись и собравшись воедино, вывела отечество на широкую и мирную дорогу государственнаго бытія, почерпнувъ форму для этого бытія изъ историческаго опыта, предшествовавшаго смутной эпохѣ. Ходъ событій: земское ополченіе Нижняго Новгорода, освобожденіе Москвы отъ поляковъ, земскій соборъ 1613 года, избраніе Михаила Ѳеодоровича на престолъ шли быстрымъ темпомъ и, несмотря на встрѣчавшіяся по пути шероховатости и нѣкоторыя отклоненія отъ первоначальнаго направленія,—въ общей картинѣ своего развитія и окончательнаго дѣйствія явили собою результатъ единой и напряженной воли всѣхъ совокупныхъ силъ соборной Русской земли.

С. М. Соловьевъ въ живомъ и увлекательномъ изложеніи даетъ слѣдующую картину историческаго движенія вопросовъ [1]: «Отступленіе Сигизмунда дало досугъ заняться избраніемъ царя всею землею. Разосланы были грамоты по городамъ, съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла; писали, что Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божія въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять некому, безъ государя вдосталь Московское государство разорятъ все. Безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится: и потому бояре и воеводы приглашали, чтобы всѣ духовныя власти были къ намъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву-жъ, и чтобы эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры. Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, на-

---

[1]) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. VIII, изд. 1896 г.

значенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ или своего природнаго русскаго, и порѣшили: «литовскаго и шведскаго короля и изъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на владимирское и московское государство не избирать, а Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе: литовскій король Московское государство разорилъ, а шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ». Стали выбирать своихъ; тутъ начались козни, смуты и волненія: всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верха. Однажды,—говоритъ хронографъ,—какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «Кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ то время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. «Что это ты подалъ, атаманъ?»—спросилъ его князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій.—«О природномъ царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ»,—отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, рѣшило дѣло: Михаилъ Θеодоровичъ былъ провозглашенъ царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; знатнѣйшихъ бояръ не было: князь Мстиславскій съ товарищами тотчасъ послѣ своего освобожденія разъѣхались изъ Москвы, имъ неловко было оставаться въ ней подлѣ воеводъ-освободителей; теперь послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ вывѣдать мысль народа насчетъ новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ Мстиславскій съ товарищами пріѣхали, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила царемъ. 21 февраля, въ недѣлю православія, т.-е. въ первое воскресеніе великаго поста, былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Θеодоровича Романова. Когда рязанскій архіепископъ Θеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари: «Михаила Θеодоровича Романова»,—былъ отвѣтъ».

Этотъ историческій моментъ былъ и формальнымъ моментомъ окончанія смуты—смуты правительственной, государственной и политической. Смута соціальная и экономическая, конечно, сразу улечься не могла, и составные элементы ея еще долго пребывали въ броженіи, проявляясь подчасъ, какъ видно будетъ далѣе, въ острыхъ и бурныхъ вспышкахъ взбудораженной народной воли. Смутное время было очень серіознымъ историческимъ экзаменомъ для московской Руси, который она передъ лицомъ всего міра выдержала, и, по мѣткому выводу Н. И. Костомарова [1]), «то обстоятельство, что страшное потрясеніе, испытанное и тяжко прочувствованное государствомъ Московскимъ, оказало на него только временное вліяніе и осталось безъ важныхъ послѣдствій для его внутренняго организма,—очень знаменательно въ русской исторіи. Несмотря на множество разрушительныхъ элементовъ, которые всѣ вышли тогда съ самаго дна жизни, государство это заключало въ себѣ столько здоровыхъ и живительныхъ началъ существованія и дальнѣйшаго саморазвитія, что устояло противъ внѣшняго напора, удержалось на той самой степени развитія, до какой успѣло прежде того дойти, скоро оправилось отъ ударовъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошло своею прежнею историческою дорогою, зарубивши, такъ сказать, себѣ на память болѣе для будущаго расчета. Основной матеріалъ этого государства, несмотря на слабость связей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оказался до того крѣпокъ, что Польша, наперши на него съ размаха, скоро сама больно зашиблась объ него своимъ уже нездоровымъ тѣломъ и усилила тѣмъ свою болѣзнь, но не одолѣла сломить его и раздробить; а потому Смутное время останется чрезвычайно знаменательною эпохою въ русской исторіи, какъ свидѣтельство крѣпости внутренней жизни народа—важный задатокъ для его будущаго».

Какія же начала легли въ основаніе возрожденнаго и умиротвореннаго государственнаго строя Россіи послѣ приснопамятнаго 1613 года, и что представляло собою то учрежденіе, которое взяло на себя почипъ въ установленіи этого строя? На этихъ вопросахъ необходимо нѣсколько остановиться: это—вопросы, которые, въ связи съ текущими вопросами и явленіями современной намъ жизни, такъ интересуютъ наше общество, печать и всю интеллигентную Россію.

21-го февраля 1613 г. на Руси было возстановлено и утверждено пошатнувшееся въ предшествовавшую эпоху смуты самодержавіе, и сдѣлано это было по единодушному приговору земли черезъ ея исполнительно-законодательный органъ—земскій всесословный соборъ. Въ Московскомъ государствѣ уже съ давнихъ поръ сложилась и утвердилась монархическая форма правленія по праву

---

[1]) «Историческія монографіи и изслѣдованія». Николая Костомарова, т. VI, изд. 1884 года.

наслѣдства и на основахъ выборнаго начала. Объ этомъ правѣ наслѣдства проф. В. И. Сергѣевичъ говоритъ [1]: «Московскіе князья смотрѣли на свои княженія, какъ на долженствующія перейти, по ихъ смерти, къ ихъ нисходящимъ. Но что кому дать, и по ровну ли, или одному больше, другому меньше,—это было дѣломъ ихъ усмотрѣнія и опредѣлялось обыкновенно духовною грамотою. Право наслѣдника устанавливалось, слѣдовательно, усмотрѣніемъ царствующаго государя. Послѣдній нисколько не считалъ себя связаннымъ правами своихъ наслѣдниковъ. Наоборотъ, онъ признавалъ за собою право дѣлать между ними выборъ. По возврѣнію московскихъ князей, если престолъ и переходитъ отъ отца къ сыну, то не въ силу самостоятельнаго права сына на престолъ, а въ силу воли отца; вотъ относящійся сюда случай. У Ивана Васильевича было нѣсколько сыновей. Старшій, Иванъ, умеръ еще при жизни отца (1490 г.), оставивъ сына Димитрія. Старшій сынъ, пока былъ живъ, считался преемникомъ престола; по его смерти преемникомъ считался не внукъ Ивана Васильевича, Димитрій, а его второй сынъ, Василій. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ Иванъ считалъ своего второго сына наслѣдникомъ, но потомъ измѣнилъ свои отношенія къ нему, заключилъ его въ тюрьму, а наслѣдникомъ назначилъ внука. Но и внукъ сохранилъ за собою это званіе не болѣе 4 лѣтъ. Иванъ Васильевичъ помирился съ сыномъ; первымъ слѣдствіемъ примиренія было то, что, продолжая еще считать внука наслѣдникомъ московскаго престола, онъ назначилъ сына великимъ княземъ новгородскимъ и псковскимъ. Узнавъ объ этомъ, новгородцы и псковичи пришли въ смущеніе и отправили посольство къ Ивану Васильевичу, выражая сожалѣніе, что имъ назначенъ особый отъ Москвы князь. Они опасались, что впослѣдствіи это можетъ повести къ борьбѣ московскаго государя съ новгородскимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ посольству: «Развѣ я не воленъ въ сынѣ или внукѣ: кому хочу, тому и даю царство». Это право назначать себѣ преемника крайнее выраженіе свое получило при Петрѣ, устранившемъ единственнаго своего сына отъ престола. Неудовольствіе, которое эта мѣра вызвала въ народѣ, указываетъ, что идея наслѣдственности въ сознаніи народа имѣла тогда болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ сознаніи императора. Итакъ, московское княженіе составляетъ отчину потомковъ великаго князя Александра Невскаго, но порядокъ преемства всякій разъ опредѣляется усмотрѣніемъ царствующаго государя».

Такимъ образомъ, въ основаніе владѣнія московскимъ престоломъ прежде всего былъ полагаемъ принципъ наслѣдственности, однако внѣ обязательныхъ условій первородства, т.-е. естествен-

[1] «Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права». В. Сергѣевичъ. Изд. 1903 г.

ныхъ правъ первенца. Этотъ принципъ былъ уничтоженъ въ 1722 году единодержавнымъ произволомъ Петра Великаго, но возстановленъ въ 1797 г. Павломъ I, въ видоизмѣненной, впрочемъ, формулѣ. Петръ, выкинувшій изъ обихода былого московскаго самодержавія начало единенія царя съ народомъ, отказавшись отъ второго принципа, сопутствовавшаго до него самодержавію—утвержденія послѣдняго въ каждомъ спеціальномъ случаѣ земскимъ соборомъ, преступилъ тѣмъ самымъ вѣковую историческую традицію и нарушилъ принципъ, который былъ положенъ въ избраніе его дѣда на престолъ и въ призваніе дома Романовыхъ на царство. Согласно новому закону Петра I, за царствующимъ государемъ устанавливается право назначать своимъ наслѣдникомъ кого угодно и лишить престола назначенное лицо, если оно окажется недостойнымъ. Этотъ новый порядокъ вещей, правда, сохранилъ царствующее положеніе его женѣ, но зато странѣ создалъ рядъ смутныхъ и тревожныхъ моментовъ, когда русскій престолъ сталъ подвергаться непрестаннымъ колебаніямъ и являться предметомъ честолюбивыхъ происковъ и замысловъ, ознаменовавшихся кровавыми и жестокими сценами. Павелъ по мотивамъ личной жизни и личнаго опыта возстановилъ и узаконилъ старый обычай перехода власти по праву «естественному» и по принципу фамильной наслѣдственности. Согласно изданному имъ «учрежденію объ императорской фамиліи», порядокъ перехода престола по произвольному назначенію уничтожался и устанавливался порядокъ его перехода по прямой нисходящей линіи отъ отца къ старшему сыну, «дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать». Этотъ новый законъ возвращалъ самодержавію его историческую традицію «наслѣдственности», но не дополнялъ его, однако, вторымъ, сопутствовавшимъ нѣкогда началомъ — началомъ санкціи престолонаслѣдія и вступленія на престолъ преемника власти голосомъ всей земли. Такимъ образомъ, и петровскій, и павловскій порядокъ престолонаслѣдія явились въ русской жизни мертвымъ актомъ съ опасными въ немъ западноевропейскими началами династическаго захвата, недовѣрія къ землѣ и къ народу и оторваннымъ отъ послѣднихъ механическимъ способомъ осуществленія. Вступая на престолъ, всѣ самодержцы послѣ Петра оказывались оторванными отъ соборной земли безъ юридической увѣренности въ ея преданности, безъ формальнаго завѣренія въ этой преданности и съ исключительной опорой въ строѣ бюрократическомъ и въ военной силѣ. Отсюда гораздо болѣе слабое и неполное въ юридическомъ отношеніи значеніе самодержавія въ XVIII и послѣдующихъ столѣтіяхъ противъ такого же въ предшествовавшіе московскіе періоды, отсюда же отчасти постоянныя попытки къ его ограниченію и ниспроверженію, по-

пытки, относимыя къ категоріи преступленій противъ верховной власти, но не противъ народной воли, которая остается неорганизованною и невѣдомою, а потому и не могущею дать отпора этимъ попыткамъ, если бы даже хотѣла это сдѣлать, и въ этомъ встрѣтилась надобность.

Начало избирательное толкуется проф. В. И. Сергѣевичемъ такъ: «Въ Москвѣ, кромѣ занятія престола по завѣщанію, встрѣчаемся еще и съ избирательнымъ началомъ. Избраніе имѣло мѣсто не только въ тѣхъ случаяхъ, когда государь не оставлялъ послѣ себя наслѣдника, но и тогда, когда наслѣдники были налицо. Такъ, Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ отцомъ и избранъ (Котошихинъ, стр. 4 и 104). По смерти Өеодора Алексѣевича остались два его брата, Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ и былъ избранъ на царство. Тѣмъ необходимѣе было избраніе по прекращеніи царскаго потомства; такъ были избраны: Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, Владиславъ польскій и Михаилъ Романовъ. Въ Московской Россіи избраніе государей происходило на земскихъ соборахъ, которые по своему составу совершенно похожи на обыкновенные соборы, но по власти, которую они имѣли, хотя и временно, они весьма отъ нихъ отличаются. Созываются они, естественно, не государемъ, а боярами, къ которымъ въ этомъ случаѣ присоединялись патріархъ и высшее духовенство. Но едва нѣкоторая часть призываемыхъ съѣзжалась, дальнѣйшія мѣры о пополненіи собора принимали уже съѣхавшіеся. Главная особенность избирательныхъ соборовъ состояла въ томъ, что они, какъ дѣйствовавшие безъ государя, до времени его избранія пользовались полною властью: они принимали всякія мѣры, необходимыя для безопасности государства, и устанавливали иногда временное правительство». Избирательные соборы, какъ то мы знаемъ изъ исторіи избраній Шуйскаго и Владислава, признавали за собою право предлагать и условія избираемому государю. По мнѣнію Котошихина, и самодержавіе вновь избраннаго Михаила было до нѣкоторой степени ограничено «письмомъ», что онъ будетъ милосердъ и справедливъ и будетъ «мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думными людьми сообча», но что съ Алексѣя Михайловича такого письма взято не было потому, что «разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивысши пишется «самодержавцемъ» и государство свое правитъ по своей волѣ. И съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой, и что кому по дружбѣ отдати, или какую помощь чинити, или и иныя всякія великія и малыя своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и думными людьми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ, что хочетъ, учинити можетъ; однако, кого изъ бояръ и изъ думныхъ, и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣтуетца съ ними о всякихъ дѣлахъ. А отца его, блаженныя памяти царя Михаила Өеодоровича, хотя «самодержцемъ» писали, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего».

Разбирая это мѣсто изъ записокъ Котошихина, проф. С. О. Платоновъ [1]) вполнѣ основательно доказываетъ, на основаніи сопоставленія разныхъ показаній отечественныхъ и иностранныхъ современниковъ, что всѣ утвержденія, будто власть перваго Романова была ограничена, ничѣмъ не обоснованы и покоятся на темныхъ слухахъ и непониманіи тогдашняго механизма государственнаго аппарата. Онъ говоритъ: «На нашъ взглядъ, слухи всѣ пошли отъ того факта, что при Михаилѣ Өеодоровичѣ все рѣшалось «общимъ совѣтомъ», чтобы крѣпче было,—въ интересахъ власти и земли. Этотъ общій совѣтъ земли, выражавшійся въ формѣ постояннаго земскаго собора, не перешелъ въ право, но оставилъ по себѣ память, которую Котошихинъ и выразилъ словами, что Михаилъ Өеодоровичъ «безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего». Это смутное воспоминаніе выразилось у Фоккеродта, смѣшавшаго думу и соборъ: собора онъ не зналъ, но слышалъ, что дѣйствовало что-то болѣе широкое, чѣмъ дума, и назвалъ его «сенатомъ или соборомъ». Точно также провинціалъ—Псковичъ, зная о постоянной въ его время тенденціи боярства къ ограниченіямъ и видя, что боярство забрало прежнюю волю, «емлетъ мзду» и остается безнаказаннымъ, естественно могъ заключить, что оно теперь въ силѣ и формально. Вотъ какъ можно объяснить слухъ объ ограниченіяхъ».

Послѣ всѣхъ доводовъ проф. Платонова можно положительно утверждать, что самодержавіе, врученное въ 1613 году народомъ Михаилу, было самодержавіемъ чистымъ, безъ тѣни на немъ, какъ то уже сказано выше, какого либо ограниченія, тѣмъ идеальнымъ самодержавіемъ, которое непрестанно идеализировали въ своихъ историческихъ изысканіяхъ и публицистическихъ статьяхъ славянофилы, и которое они считали непосредственнымъ продуктомъ русской исторіи и уклада русской политической жизни.

Каково же было то учрежденіе, которому принадлежала сила голоса «всей земли», и которое имѣло власть и право стать надъ всею землею, создавать ей укладъ государственной жизни и быть регуляторомъ въ отношеніяхъ предержащей власти къ народу?

Учрежденіе это было «земскій соборъ», являющійся въ наши дни, дни общей смуты, предметомъ столькихъ разсужденій и толковъ въ печати, осуществленіе созыва котораго составляетъ предметъ чаяній и желаній весьма многихъ, и имѣющій въ нашей ученой литературѣ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, посвященныхъ его происхожденію, составу, значенію, компетенціи и пр. Проф. С. О. Платоновъ въ сжатомъ популярномъ очеркѣ «Изъ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ», напечатанномъ въ общедоступномъ ежемѣсяч-

[1]) «Лекціи по русской исторіи», стр. 263.

номъ «Журналѣ для всѣхъ»[1]), даетъ обозрѣніе главнѣйшей литературы о земскихъ соборахъ и на основаніи анализа мнѣній о нихъ профессоровъ Б. Н. Чичерина, В. И. Сергѣевича, М. Ф. Владимирскаго-Буданова и другихъ такъ опредѣляетъ составъ и значеніе земскихъ соборовъ: «Для того, чтобы отличить земскій соборъ отъ иного рода собраній или скопищъ, надобно помнить, что соборъ слагался изъ трехъ необходимыхъ составныхъ частей. Во-первыхъ, въ составъ «совѣта всея земли» входилъ освященный соборъ русской церкви съ митрополитомъ, позднѣе патріархомъ, во главѣ; освященный соборъ имѣлъ свое собственное устройство и включался въ соборъ земскій, какъ отдѣльная его часть, дѣйствовавшая по своимъ привычнымъ правиламъ и подававшая свой голосъ особо отъ прочихъ группъ соборныхъ участниковъ. Во-вторыхъ, въ составъ земскаго собора включалась боярская дума, составлявшая постоянный совѣтъ государя и сохранявшая въ составѣ собора свое обычное устройство, свои «старину и пошлину». Дѣйствовавшая обыкновенно нераздѣльно съ монархомъ, дума участвовала съ нимъ въ занятіяхъ собора въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массою собора, а какъ бы возвышаясь надъ нею. И, въ-третьихъ, въ составъ земскаго собора входили земскіе люди, представлявшіе собою различныя группы населенія и различныя мѣстности государства. Присутствіе этихъ земскихъ представителей было необходимо для того, чтобы освященный соборъ и дума, составлявшіе вмѣстѣ высшій правительственный совѣтъ, могли превратиться въ «совѣтъ земли». Безъ земскихъ людей, «соборъ» изъ духовенства и бояръ не представлялъ собою «всю землю» и такъ не назывался; равнымъ образомъ, если въ какомъ либо совѣщаніи отсутствовала дума или освященный соборъ, то совѣщаніе это не «земскій соборъ», а нѣчто другое, чему надо сыскать другое имя. Словомъ, наличность всѣхъ трехъ указанныхъ составныхъ частей есть необходимое условіе для земскаго собора: «отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ» (слова проф. Владимирскаго-Буданова)».

Остановившись на вопросѣ, откуда взяли свой генезисъ земскіе соборы, почтенный авторъ утверждаетъ, что «ими были не вѣча, а соединенныя собранія «властей» и бояръ съ участіемъ въ нихъ приглашенныхъ со стороны постороннихъ лицъ». Прототипъ такихъ собраній обрѣтается въ древне-русскомъ собраніи іерарховъ, въ освященномъ соборѣ, который издревле былъ благоустроеннымъ, канонически-опредѣленнымъ учрежденіемъ. «Не разъ соборы іерарховъ призывались самою жизнью къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и получали государственное значеніе,—говоритъ

---

[1]) «Журналъ для всѣхъ», 1905 г., № 2; о томъ же см. въ его «Лекціяхъ» и «Очеркахъ по исторіи смуты».

г. Платоновъ. — Сходясь въ такихъ случаяхъ съ «властями» въ одинъ совѣтъ, свѣтскіе совѣтники государя, его дума, уступали «властямъ» первое мѣсто и подпадали дѣйствію тѣхъ порядковъ, какими былъ давно крѣпокъ соборъ «властей». Такъ сложился типъ совмѣстныхъ совѣщаній «властей» и думы—подъ вліяніемъ освященнаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ совѣщаній было призваніе въ нихъ людей изъ общества, превратившее эти совѣщанія въ земскій соборъ. Таковъ былъ наиболѣе вѣроятный генезисъ земскихъ соборовъ. Соборы не возникали внезапно, подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтниками изо «всѣхъ людей».

Первый соборъ, о которомъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, состоялся въ 1566 году, и изучая составъ какъ этого собора, такъ и послѣдующихъ, вплоть до XVII вѣка, мы видимъ, что въ нихъ засѣдали не выборные отъ земли, а нарочито для того приглашенные правительствомъ люди, и только на рубежѣ XVI и XVII столѣтій мы усматриваемъ въ нихъ начала болѣе или менѣе правильнаго народнаго представительства, и первые опыты такого представительства дало Смутное время. Необходимо отмѣтить, что рядомъ съ земскимъ соборомъ, какъ болѣе или менѣе полной и совершенной формой народосовѣтія, въ Московскомъ государствѣ получили свое развитіе и иного рода типы совѣщаній власти съ землей въ формѣ своего рода нынѣшнихъ «комиссій свѣдущихъ людей», привлеченныхъ правительствомъ по выбору и назначенію его для сужденія по вопросамъ спеціальнымъ. Эти спеціальныя комиссіи свѣдущихъ людей работаютъ обыкновенно подъ руководствомъ боярской думы и находятся въ непосредственномъ ея вѣдѣніи. Такимъ образомъ, въ Россіи XVI и XVII столѣтій мы видимъ три ярко очерченныя формы народосовѣтія — «освященный соборъ» іерарховъ, комиссіи свѣдущихъ людей и спеціалистовъ и, наконецъ, земскій соборъ, который уже является болѣе или менѣе полнымъ выразителемъ голоса всей земли, съ правомъ не только обсужденія текущихъ будничныхъ вопросовъ жизни, но и обсужденія и рѣшенія такихъ кардинальныхъ вопросовъ русскаго историческаго бытія, какъ, напримѣръ, вопроса о формѣ правленія (ограниченной монархіи или самодержавія) и вопроса династическаго, примѣры чего мы видимъ и въ соборахъ Смутнаго времени и въ знаменитомъ и наиболѣе полномъ соборѣ 1613 года, рѣшившемъ врученіе власти дому Романовыхъ, какъ исключительно и всецѣло дому русскаго происхожденія, и притомъ власти неограниченной, самодержавной, разумѣя ее, однако, исторически-преемственно связаной съ началомъ народосовѣтія.

И Михаилъ Θеодоровичъ, и Алексѣй Михаиловичъ остались вѣрны тому договорному началу, на коемъ земля вручила имъ неограниченную власть, а потому и въ жизни страны тѣхъ историческихъ періодовъ и теоретически и практически наблюдается гармонія и единство политической жизни, гдѣ государственность и земля, гдѣ народная воля, ея руководство и выполненіе находятся въ неразрывной органической связи и не становятся другъ къ другу въ отношенія враждебныя и обостренныя, какъ то мы наблюдаемъ въ періодъ новѣйшей нашей исторіи. Петръ Великій, по соображеніямъ реформаторской дѣятельности, преступилъ краеугольныя основы власти, созданныя соборомъ 1613 года, изданіемъ закона о престолонаслѣдіи и уничтоженіемъ начала народосовѣтія. Оба элемента, непремѣнно сопутствующіе понятію и сущности русской предержащей власти, были имъ насильственно отсѣчены, а его преемниками внесенъ сюда еще элементъ, категорически отвергнутый соборомъ 1613 года и даже имъ запрещенный, а именно элементъ инородческій, благодаря которому русскій престолъ оказался впослѣдствіи во власти людей не русскаго, а иноземнаго происхожденія, вышедшихъ изъ династій ангальтъ-цербстской и голштинской. Эта эволюція въ существѣ и понятіи самодержавія, утвержденнаго народною волею въ 1613 году, имѣла бѣдственное значеніе и послѣдствія въ исторической жизни Россіи, отдѣливъ и устранивъ царя отъ народа и создавъ между ними искусственную среду бюрократіи, чуждую народу и часто недобросовѣстную въ отношеніи верховной власти, что особенно рельефно и рѣзко выразилось въ эпоху временщиковъ и фаворитовъ и въ тѣ годы русской смуты и общаго шатанія, когда въ этомъ единеніи чувствовалась особенная нужда для созданія въ Россіи спокойной и мощной жизни, на благо всѣхъ классовъ населенія и всѣхъ народовъ, въ ней обитающихъ.

Послѣдній земскій соборъ состоялся въ 1682 году, по смерти царя Θеодора Алексѣевича и въ цѣляхъ утвержденія на прародительскомъ престолѣ его младшаго брата Петра Алексѣевича; съ тѣхъ поръ земскіе соборы на Руси не повторяются—о нихъ стараются въ слѣдующіе періоды не вспоминать, и даже запрещается о нихъ говорить, такъ что даже самыя слова «земскій соборъ» начинаютъ казаться подозрительными и опасными; но идея ихъ продолжала жить въ памяти народной, и именно среди тѣхъ представителей его, которые по тѣмъ или инымъ соображеніямъ не удовлетворялись существующимъ строемъ и порядкомъ вещей и пытались въ возрожденіи этого отошедшаго было въ даль исторіи государственнаго института найти для страны средство и способъ освобожденія отъ давящихъ ее золъ и бѣдствій. Попытки къ возрожденію земскихъ соборовъ относятся къ началу XIX столѣтія, проходятъ почти столѣтній періодъ гоненій и преслѣдованій, и, наконецъ, въ XX вѣкѣ и въ наши дни представленіе о земскихъ

соборахъ становится въ сознаніи современниковъ неизбѣжною необходимостью для нашей политической жизни, безъ чего послѣдняя, по признанію весьма и весьма многихъ, рѣшительно не можетъ далѣе правильно и планомѣрно развиваться.

Время царствованія Михаила Θеодоровича было временемъ напряженной государственной дѣятельности въ сферѣ упорядоченія общихъ условій русской жизни, пришедшей въ полное разстройство въ предшествовавшую смутную эпоху. Это было время добросовѣстной будничной работы со стороны администраціи и успокоенія народныхъ страстей: взбудораженныя соціальныя и политическія стихіи вошли въ свои границы, и мы не видимъ на протяженіи періода, съ 1613 по 1645 годъ, никакихъ особенно бурныхъ и острыхъ проявленій этихъ страстей. Имъ суждено было вспыхнуть въ послѣдующее царствованіе—Алексѣя Михайловича, и притомъ съ мѣстомъ ихъ развитія не въ центральныхъ великорусскихъ областяхъ, а на рубежныхъ окраинахъ — на берегахъ великой Волги и тихаго Дона, откуда, разгорѣвшись широкимъ огненнымъ пламенемъ, страсти эти грозили перекинуться въ Москву и испепелить все Московское царство.

Двѣ главнѣйшія задачи были положены въ основаніе внутренней политики Михаила Θеодоровича—борьба съ административными злоупотребленіями и поднятіе экономическаго благосостоянія страны. Анализируя эту программу, профессоръ С. Θ. Платоновъ [1]) замѣчаетъ, что, при ея выполненіи, московскими правительственными людьми руководилъ, можетъ быть, сознательно, а, можетъ, и безсознательно одинъ принципъ: все должно быть по старинѣ, такъ, какъ было при прежнихъ царяхъ. Руководясь этимъ, они ничего не хотѣли реформировать и вновь учреждать: возстановляя государство послѣ смуты, они шли къ старымъ образцамъ и дѣйствовали старыми средствами, но, слѣдуя такому методу, «московское правительство ни цѣлей своихъ не достигло вполнѣ, ни принципа своего не провело строго,—говоритъ профессоръ Платоновъ. Возвращаясь къ старинѣ, возстановляя весь старый механизмъ управленія, московскіе люди не думали что либо мѣнять и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили многое. Такого рода перемѣны произошли, напримѣръ, въ областномъ управленіи, гдѣ правительство болѣе или менѣе систематически вводило воеводъ, такъ что воеводская власть изъ власти временной становится постоянною и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскою властью. Далѣе, держась по-старому помѣстной системы, торопясь привести въ порядокъ помѣстныя дѣла, упорядочить службу, правительство все болѣе и болѣе прикрѣпляетъ крестьянъ,

---

[1]) Лекціи по русской исторіи.

«чего при старыхъ великихъ государяхъ не было». Съ другой стороны, давая первенствующее значенiе служилому классу, все болѣе и болѣе обезпечивая его положенiе, мало-по-малу приходятъ къ сознанiю неудобства и несостоятельности дворянскихъ ополченiй, въ виду чего и заводится иноземный ратный строй, рейтарскiе полки». Примѣръ воинской реформы показываетъ, что хотя внутренняя политика Михаила была по идеѣ консервативною, но результатамъ же оказалась реформацiонной. Объясненiе этому профессоръ Платоновъ видитъ въ томъ, что «смута» внесла въ общественную жизнь и ея отношенiя много такихъ перемѣнъ, которыя дѣлали невозможнымъ поворотъ къ старому, создавъ, между прочимъ, и исключительное положенiе въ государственныхъ дѣлахъ: земскiй соборъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ явился существеннымъ элементомъ государственнаго управленiя, такъ что власть государя стояла на ряду съ властью и волею всей Русской земли: всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались по царскому указу и соборному уложенiю.

Послѣдующiй перiодъ—время царствованiя Алексѣя Михайловича—нѣсколько отличествуетъ по значенiю и результатамъ внутренней политики отъ перiода предшествовавшаго: мы видимъ необыкновенную, по сравненiю съ прошедшими временами, интензивность этой политики, когда дѣлаются попытки разрѣшить, и на самомъ дѣлѣ разрѣшается рядъ юридическихъ и экономическихъ вопросовъ, при чемъ это разрѣшенiе совершается главнымъ образомъ не столько на основанiи элемента народосовѣтiя, сколько народныхъ челобитенъ, подаваемыхъ сословными и спецiальными группами населенiя. Изъ этого явленiя выясняется, что государство окрѣпло, и что сила власти переноситъ центръ своей тяжести съ «земли» на бюрократiю, которая съ этого времени начинаетъ брать верхъ надъ представителями и сынами земской Россiи. Кипучая законодательная дѣятельность правительства и въ области свѣтскихъ дѣлъ, и въ области церковныхъ, хотя и отличалась искреннимъ желанiемъ народной пользы, тѣмъ не менѣе не вносила въ жизнь страны полнаго успокоенiя и порядка, который снова понемногу начинаетъ разрушаться, что̀ выражается рядомъ волненiй и бунтовъ и мѣстнаго и общегосударственнаго значенiя и характера. «Такого рода волненiя,—говоритъ г. Платоновъ,—происходили два раза въ Москвѣ, затѣмъ въ Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Новгородѣ, Псковѣ, и въ этихъ волненiяхъ дѣйствовало вездѣ городское населенiе, «посадскiе людишки» вездѣ являются на первомъ планѣ. Нѣсколько другимъ характеромъ отличались позднѣйшiе безпорядки, въ которыхъ дѣйствовали другiе общественные элементы, хотя одни мотивы руководили тутъ и тамъ (всѣ волненiя того времени исходили болѣе или менѣе изъ экономической неудовлетворенности). Мы говоримъ о бунтѣ Стеньки Разина. Бунтъ этотъ былъ чрезвычайно

силенъ и серьезенъ и, кромѣ того, отличался значительно отъ предыдущихъ волненій,—тѣ имѣли характеръ мѣстный, между тѣмъ какъ бунтъ Разина имѣетъ уже характеръ общегосударственной смуты. Онъ явился результатомъ не только неудовлетворительности экономическаго положенія, какъ это было въ прежнихъ безпорядкахъ, но и результатомъ недовольства всѣмъ общественнымъ строемъ. Прежнія волненія не имѣли опредѣленныхъ программъ, они просто направлялись противъ лицъ и ихъ административныхъ злоупотребленій, между тѣмъ какъ разинцы, хотя и не имѣли ясно сознанной программы, но шли противъ «боярства», не только какъ администраціи, но и какъ важнаго общественнаго слоя; государственному строю они противопоставляли казачій. Точно также и люди, участвовавшіе въ возстаніи, были не той среды: здѣсь уже не было, какъ раньше, на первомъ планѣ городское тяглое населеніе. Движеніе началось въ казачествѣ, затѣмъ передалось крестьянству и только отчасти городскимъ людямъ—посадскимъ и низшимъ служилымъ людямъ».

Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи «Бунтъ Стеньки Разина» [1]) со свойственными ему блескомъ и сочностью пера опредѣляетъ слѣдующій генезисъ этого соціально-политическаго мятежнаго движенія. Онъ усматриваетъ здѣсь главнымъ образомъ вѣковую борьбу народоправленія съ единодержавіемъ, воли всего народа съ неподвижнымъ учрежденіемъ, борьбу удѣльно-вѣчевого начала съ московскою формою государственнаго правленія. Онъ говоритъ: «Старое удѣльно-вѣчевое начало Руси облеклось теперь въ новый образъ: то было казачество. Въ лицѣ Ермака оно показало Грозному, чего можно ожидать отъ него. Между тѣмъ по смерти Грознаго явился въ Москвѣ новый борецъ единодержавія—Борисъ Годуновъ. Онъ нанесъ старому врагу новыя раны введеніемъ кабаковъ и крѣпостного права. Зато и старый врагъ отмстилъ этому борцу: онъ ниспровергъ его тронъ; ворвавшись въ Россію въ образѣ казачества, покрылъ ее развалинами и кровью, повелъ Русь до ограниченнаго избранія Владислава, до соединенія съ Польшею, до полугодичнаго правленія посредствомъ земскаго собора... Далѣе итти онъ не могъ: у него не хватало силъ, когда дѣло шло объ устройствѣ на завоеванномъ полѣ; единодержавіе опять взяло надъ нимъ верхъ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича, но принуждено было купить свое торжество значительными уступками старому врагу, который показывалъ громко, что онъ еще не при послѣднемъ издыханіи, а долженъ признать себя побѣжденнымъ только отъ неумѣнья продолжать войну. Вражда между ними, однако, была насмерть и не могла окончиться какими нибудь взаимными уступками. Едва торжествующая теперь сторона

---

[1]) «Историческія монографіи и изслѣдованія», т. II, изд. 1883 г.

укрѣпилась, какъ тотчасъ же начала уничтожать всѣ уступки, данныя во время тяжкой битвы; она вытѣснила вліяніе противника и усиленіемъ власти воеводъ, составленіемъ уложенія, и строжайшимъ укрѣпленіемъ крестьянъ, и образованіемъ регулярнаго войска. Старый врагъ, между тѣмъ, казалось, болѣе и болѣе молодѣлъ въ казацкой одеждѣ. Нѣсколько разъ соперники подавали другъ другу руку, сохраняя въ душѣ злобу, бросали одинъ другому ласковыя увѣренія, думая, какъ бы уничтожить одинъ другого съ корнемъ и заводомъ; наконецъ, улучивъ удобное время, побѣжденный столько разъ старикъ отважился на открытый бой. Сталъ у него борецъ Стенька Разинъ».

Бунтъ Разина оставилъ глубокій слѣдъ въ народной памяти и народномъ чувствѣ, что между прочимъ выразилось и въ рядѣ пѣсенъ, которыя народъ сложилъ въ честь Разина, и въ рядѣ наименованій, которыми тотъ же народъ окрестилъ многія живописныя мѣстности на Волгѣ, гдѣ народный разбойникъ-герой имѣлъ пребываніе, гдѣ онъ останавливался въ своихъ походахъ, гдѣ пировалъ и грабилъ. Въ программѣ его бунта, во всемъ его личномъ поведеніи, въ его наружности—все соединилось, чтобы дать богатую пищу народному творчеству и наложить печать разгульной поэзіи на всѣ его похожденія и дѣйствія. Никогда ни до него, ни послѣ, до нашихъ дней включительно, никто изъ живыхъ историческихъ достовѣрныхъ людей въ такой степени не являлся героемъ народной поэтической думы, народнаго чувства, какъ этотъ казакъ-анархистъ, несшій за собою по пути своего разбойничьяго движенія слѣды крови и разрушенія. Подобно Болотникову, и онъ въ основаніи своей программы дѣйствій имѣлъ въ виду анархію, тотъ соціальный и экономическій кавардакъ, который долженъ разразиться по всей Россіи, послѣ чего все уже само собою образуется и создастся новый общественный строй. Но при этомъ Разинъ не посягалъ въ своей проповѣди разрушенія на политическій принципъ, положенный въ уголъ русской государственности, ни на самодержавіе, ни даже на личность Алексѣя Михайловича; онъ не искалъ союза съ врагами Россіи, не измѣнялъ ей, а лишь объявилъ себя врагомъ боярства, какъ власти бюрократической, и дворянства, какъ представителей крупной земельной собственности и рабовладѣльцевъ. Его кличъ былъ кличемъ свободы, разгульной и необузданной, его призывъ былъ призывомъ и довѣрія къ царю, но ненависти къ тѣмъ слоямъ, которые стояли между самодержцемъ и народомъ. Психологія его программы какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала настроенію той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ, отвѣчала народнымъ политическимъ идеаламъ—союзу царя съ народомъ—и инстинктамъ собственности и воли, которыя были тогда ограничены, подавлены и порабощены. Отсюда его успѣхъ въ массѣ, отсюда—память о немъ въ народной поэзіи, передавшей

даже свои мотивы и свои настроенія поэзіи книжной, искусственной.

Захвативъ въ плѣнъ стрѣльцовъ, онъ говорилъ имъ: «Вы бьётесь за измѣнниковъ бояръ, а я съ своими казаками сражаюсь за великаго государя». Сидя съ иноземцами за столомъ, онъ поднимаетъ первую чару «за здравіе его царскаго величества, великаго государя». Признавая для себя въ принципѣ возможнымъ принести повинную царю во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, убійствахъ и грабежахъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ, что когда явится въ Москву, то сожжетъ «всѣ дѣла на верху у государя», т.-е. тѣ приказныя дѣла, которыя ведутся и правятся боярствомъ и приказными, какъ инстанціями бюрократическаго порядка, а слѣдовательно враждебными, по его толкованію, правамъ и интересамъ народа.

Вся программа Разина была какъ нельзя болѣе по плечу и вкусу, какъ казакамъ-голытьбѣ, такъ и низшимъ слоямъ земщины, которые пристаютъ къ казакамъ и вмѣстѣ поднимаются «за царя и противъ бояръ». Изъ такого союза родилось море крови и огня, которое заливаетъ Поволжье, Пріуралье, Донскія области и подходитъ своими волнами даже къ московскимъ границамъ, угрожая обратить всю имущую и правящую Россію въ груду мертвыхъ тѣлъ, а ея собственность и вотчины въ кучу развалинъ и пепла. Юрій Барятинскій съ своимъ регулярнымъ войскомъ первый нанесъ Разину рѣшительный ударъ, послѣ чего слава чародѣя-разбойника погасла, престижъ его въ народѣ и среди казаковъ палъ, и онъ погибъ въ Москвѣ на плахѣ, выданный своими же сообщниками. Но память о немъ въ народѣ не исчезла, и сожалѣніе о его гибели еще долго жило среди казаковъ, распѣвавшихъ въ своихъ пѣсняхъ:

Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Чернаго моря!
Помѣшался весь казачій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
По прозванію Стеньки Разина!
Поймали добра-молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!

Костомаровъ передаетъ любопытную легенду, которую ему лично пришлось слышать, и которая свидѣтельствуетъ, насколько память о Разинѣ была живуча въ народѣ даже въ его еще время. «За городомъ Царицынымъ,— повѣствуетъ онъ,—въ степной деревнѣ жилъ, а, можетъ быть, и теперь живетъ стодесятилѣтній старикъ, и глухой и слѣпой, и чуть движется, и трудно съ нимъ говорить: надобно на ухо кричать во все горло; но онъ сохранилъ память и

воодушевляется, когда вспомнитъ старыя времена. Онъ собственными глазами видалъ Пугачева. «Тогда (говорилъ онъ) иные думали, что Пугачевъ-то и есть Стенька Разинъ; сто лѣтъ кончились, онъ и вышелъ изъ своей горы». Впрочемъ, самъ старикъ не вѣритъ этому; зато вѣритъ вполнѣ, что Стенька живъ и придетъ снова. «Стенька (говоритъ онъ) это мука мірская! это кара Божія! Онъ придетъ! Ему нельзя не притти. Передъ суднымъ днемъ придетъ. Охъ! тяжкія настанутъ времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!»

Эта легенда характерна: народъ допускаетъ возможность повторенія кроваваго разгула Стеньки Разина, того соціальнаго и экономическаго кавардака, который нѣкогда на Руси учинилъ этотъ казакъ-анархистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что не только время этого разгула придетъ, но непремѣнно явится и герой анархіи, безъ котораго послѣдняя какъ бы даже не мыслится. Широкое народное движеніе требуетъ и своего главнаго коновода, вожака, героя, вооруженнаго всѣми аттрибутами этого геройства.

Московское правительство подавило, хотя и не сразу, народное движеніе, созданное Стенькою Разинымъ, Донское казачество принесло московскому царю повинную и вмѣстѣ съ тѣмъ присягнуло ему на вѣрность. Текстъ присяги очень любопытенъ, какъ документъ, который на протяженіи почти 60 лѣтъ повторяетъ мотивы народной воли и мысли, прозвучавшіе такъ ярко на земскомъ соборѣ 1613 г., и на составные элементы которыхъ было указано выше. Главныя статьи присяги [1]) заключались въ томъ, «чтобы старшинамъ и казакамъ всѣ открывшіяся на Дону возмущенія и тайные заговоры противу государя и отечества въ то же время укрощать, главныхъ заговорщиковъ присылать въ Москву, а ихъ послѣдователей по войсковому праву казнить смертію, если же кто изъ нихъ въ нарушеніи этой присяги, измѣня государю и отечеству, начнетъ ссылаться съ непріятелями своего отечества, или съ поляками, нѣмцами или татарами, съ таковыми предателями, не щадя жизни своей, сражаться, самимъ къ таковымъ злоумышленникамъ не приставать и даже не помышлять о томъ, съ калмыками дальнѣйшихъ сношеній не имѣть, кромѣ увѣщаній служить государю съ казаками вмѣстѣ; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить, никого не грабить и не убивать и во всѣхъ дѣлахъ ни на кого ложно не показывать. На здравіе государя и всей его царской фамиліи не посягать, и, кромѣ его величества государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и всея Россіи самодержца, другого государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другихъ земель царей и королей или принцевъ иноземныхъ и россій-

---

[1]) «Историческое описаніе земли войска Донского», 1869 г., т. I.

скихъ, на царство всероссійское никого не призывать и не желать, а ежели услышатъ или узнаютъ на государя и всю его царскую фамилію скопъ или заговоръ или другой какой умыселъ, возникшій у россіянъ или у иноземцевъ, и съ такими злоумышленниками, не щадя жизни своея, биться».

Въ текстѣ этой присяги проведена мысль не только о неприкосновенности особы самодержца, но и всей его семьи, его фамиліи; кромѣ того, подчеркнуто національное происхожденіе этой семьи—она обязательно должна быть природно-р.сская, и жителямъ страны строжайше воспрещается обращать свои взоры на представителей иноземныхъ родовъ и принцевъ иностраннаго происхожденія.

Раскаты Стенькинаго грома стихли не сразу, и его бывшіе сотоварищи и единомышленники дѣлали нѣкоторыя попытки продолжать смуту въ Русскомъ государствѣ, хотя уже не по той программѣ, которая была выдвинута и создана прародителемъ этого періода кровавой смуты. Послѣ пораженія Стеньки Разина и его сподвижника Θедора Шелудяка подъ Симбирскомъ ихъ полчища были разсѣяны и обращены въ бѣгство; въ числѣ бѣжавшихъ былъ донской казакъ, по прозванію Міусскій. Этотъ Міусскій, потерпѣвъ неудачу въ своихъ грабительскихъ и разбойничьихъ похожденіяхъ на берегахъ Донца, долженъ былъ отсюда скрыться и вскорѣ объявился въ Запорожской сѣчи въ роли покровителя якобы изгнаннаго и обиженнаго сына государева, на каковую роль имъ былъ подысканъ молодой юноша, по имени Матвѣй. Вотъ съ этимъ-то Матвѣемъ онъ и представился кошевому атаману, убѣждая принять своего спутника, наименованнаго имъ царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, подъ покровительство сѣчи Запорожской. Міусскій въ подробностяхъ разсказалъ вымышленную имъ исторію про Симеона Алексѣевича, при чемъ объявилъ за тайну кошевому атаману, что у царевича на правомъ плечѣ и рукѣ есть знакъ, изображающій царскій вѣнецъ, двуглаваго орла и мѣсяцъ со звѣздою.

Здѣсь впервые выступаетъ со всею яркостью народная легенда о непремѣнномъ нахожденіи на тѣлѣ у представителей царскаго дома символовъ власти: вѣнца, орла и звѣзды, безъ которыхъ народъ какъ бы даже и не признаетъ возможности царскаго бытія. Эмблемы власти играютъ въ представленіи народа необыкновенно большую роль: когда духовенство читаетъ царскія грамоты къ народу во время Разинскаго возмущенія, коноводы бунта спѣшатъ возвѣстить, что грамоты поддѣльныя—на настоящей грамотѣ должна быть большая красная царская печать; лже-Симеонъ доказываетъ свое цар-

ственное происхожденіе золотушными пятнами на тѣлѣ, толкуя ихъ, какъ природные символы власти. Въ позднѣйшемъ бунтѣ Пугачева эти природные символы играютъ тоже рѣшающую роль, какъ равно спеціально-царскими особенными золотыми грамотами въ періодъ революціонной агитаціи въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія представители этой агитаціи дѣлаютъ попытки поднять народъ въ юго-западномъ краѣ и дѣйствительно поднимаютъ его противъ помѣщиковъ и административной власти. Такимъ образомъ царская власть, эмблемы царской власти, царственность разныхъ грамотъ, становятся съ теченіемъ времени лучшимъ средствомъ возмущенія народа, при чемъ въ каждомъ спеціальномъ и отдѣльномъ случаѣ вожаки народнаго движенія, въ интересахъ своего авторитета и легчайшаго способа достиженія намѣченной цѣли, рѣзко дѣлятъ царское отъ боярскаго, дворянскаго и чиновничьяго, противопоставляя оба эти начала одно другому. Царь— другъ народа, это власть демократическая, народная, идеальная; чиновники (малый или большой, все равно), сановники и люди капитала и денежной власти — враги народа, стремящіеся всегда отдѣлять царя отъ народа, стать между ними, закабаляя своимъ вліяніемъ и своею неправдою оба главнѣйшіе элемента государственнаго бытія Россіи—и царя и народъ. Призывая народъ на защиту царя и противъ представителей административнаго и бюрократическаго начала, призывая народъ и рабочихъ на защиту ихъ соціальныхъ и экономическихъ правъ, большинство руководителей революціонныхъ движеній до второй половины XIX вѣка, когда въ программѣ дѣйствій, какъ это видно будетъ далѣе, совершился переломъ, главнымъ образомъ пользуются для успѣха своей проповѣди въ массѣ исконною вѣрою и любовію народными къ престижу самодержавной власти.

Авантюра лже-Симеона успѣха не имѣла, казачье войско за него не поднялось, и онъ былъ впослѣдствіи четвертованъ въ Москвѣ. Во всемъ этомъ эпизодѣ вообще мы видимъ очень слабыя начала организаціи проектированнаго возмущенія и исполненія его: тутъ звучатъ и мотивы, почерпнутые по свѣжимъ еще слѣдамъ изъ Смутнаго времени, и мотивы изъ программъ Болотникова и Разина, при отсутствіи, однако, съ самомъ замыслѣ характерной личности героя-выполнителя, хотя и при наличности обычныхъ аксессуаровъ и при отсутствіи необходимыхъ широко поставленныхъ соціальныхъ и экономическихъ обоснованій для народнаго движенія. Инцидентъ съ лже-Симеономъ не былъ собственно послѣднимъ эпизодомъ въ серіи смутныхъ событій на Дону—волненія тутъ бывали не рѣдки, но въ нихъ мы уже не видимъ элементовъ программнаго свойства для большого бунта. С. М. Соловьевъ передаетъ одинъ характерный эпизодъ, гдѣ усматривается, какъ даже при царевнѣ Софіи была сдѣлана попытка поднять Донъ, при

чемъ средствомъ возмущенія было пользованіе все тѣмъ же царскимъ словомъ. Когда Голицынъ принялся разслѣдовать на Дону тамошнія смуты, затѣянныя какимъ-то воромъ-чернецомъ Іосифомъ, то посланному разсказывали, что письмо (прокламація) вора писано отъ имени Іоанна Алексѣевича, гдѣ онъ приказываетъ казакамъ итти въ Москву, будто бояре его, государя, не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, и другія многія непристойныя слова, которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіереевъ написаны также многія непристойныя слова; печать у письма красная, но не государская, должно, монастырская. Мѣстное начальство разубѣждало казаковъ въ подлинности прокламаціи, при чемъ главныя основы доводовъ были формальнаго характера: настоящихъ государевыхъ печатей на письмѣ нѣтъ, и прислано послѣднее не съ знатною особою, а съ какимъ-то невѣдомымъ чернецомъ.

Когда посланецъ Голицына послѣ разслѣдованія уѣхалъ, то знатные казаки ему тайно говорили: «Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идетъ у насъ на Дону отъ воровъ раскольниковъ, которые у насъ живутъ по Хопру и Медвѣдицѣ, а именно: отъ старца Антонія и Пафнутія, и отъ лица ссыльныхъ, которые сбѣжали на Донъ изъ украинскихъ городовъ». Содержаніе этого тайнаго доноса вводитъ въ тогдашнюю исторію русскихъ смутъ и возмущеній новый элементъ — раскольниковъ, силу консервативную, мрачную и озлобленную, которая впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, создала правительству страшныя затрудненія и потрясла весь русскій государственный строй кровавой народной расправой Емельяна Пугачева, этого протеже раскольниковъ, консервативныхъ элементовъ былой московской старины и казацкой вольницы, которые, дружно и тѣсно сплотившись подъ самозванымъ знаменемъ самодержавія, ринулись на правительство Екатерины и обратили чуть ли не полъ-Россіи въ груду пепла и мертвыхъ костей.

Б. Глинскій.

«СТАРЫЙ МАКАРІЙ».

(Изъ волжскихъ впечатлѣній).

I.

Былъ 5-й часъ яснаго августовскаго утра, обѣщавшаго жаркій, погожій день, когда я сошелъ на Исадской пристани съ самолетскаго «Лермонтова» и усѣлся въ лодку, чтобы переправиться на лѣвый берегъ Волги, въ г. Макарьевъ. Много разъ приходилось проѣзжать мимо этого крошечнаго и жалкаго городка, пріютившагося подъ древними стѣнами Желтоводскаго Макарьевскаго монастыря. Грандіозныя постройки послѣдняго, красующіяся на самомъ берегу рѣки и хорошо извѣстныя волжскимъ туристамъ, почти совершенно закрываютъ «Старый Макарій» съ рѣки. Отсюда видны только 2—3 улички, съ убогими деревянными домишками, да возвышающіяся надъ ними — единственная маленькая церковь города, пожарная каланча да одно большое каменное зданіе старинной постройки.

Пароходы не пристаютъ къ Макарьеву, такъ какъ вдоль городского берега тянется громадная отмель. На этомъ низменномъ, песчаномъ берегу, покрытомъ чахлою растительностью тальника, не видно ни малѣйшаго движенія. Рѣдко-рѣдко когда проскользнетъ лодка, перевозящая въ монастырь и обратно, къ Исадамъ, или медленно пройдетъ поромъ, поддерживающій сообщеніе съ с. Лысковымъ, перетянувшимъ съ себѣ администрацію и всѣ городскія

функціи Стараго Макарья. Въ обездоленномъ городкѣ давно уже замерла всякая жизнь, стало такъ пустынно, мертво, какъ не бываетъ въ самомъ захолустномъ уѣздномъ городѣ, какимъ номинально продолжаетъ считаться (съ 1779 г.) и умирающій Макарьевъ.

А когда-то, безъ малаго 100 лѣтъ назадъ, здѣсь жизнь била ключемъ и на берегу, и въ городѣ, и въ окрестностяхъ его. Именно въ эти августовскіе дни былъ тутъ самый разгаръ старой Макарьевской ярмарки, возникшей еще въ XVII в. и существовавшей весь XVIII в. и начало XIX вѣка. Страшный пожаръ 1816 г., истребившій ярмарочные ряды въ Макарьевѣ, поднялъ вопросъ о переводѣ ярмарки въ Нижній, гдѣ она въ слѣдующемъ году и открылась. Съ тѣхъ поръ началось умираніе Стараго Макарья, послѣ почти двухвѣковой блестящей жизни, и эта агонія длится до сихъ поръ...

Въ такой же агоніи много лѣтъ находился, послѣ перевода ярмарки, и старинный мужской Желтоводскій монастырь, основанный еще въ XIV вѣкѣ, затѣмъ разоренный татарами и возобновленный въ 1-й четверти XVII вѣка. Монастырь богатѣлъ отъ ярмарки и сталъ падать, когда она перешла въ Нижній. Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка полуразрушенный монастырь былъ упраздненъ, но когда съ 1882 г. на этихъ вѣковыхъ развалинахъ усѣлась женская община, позже преобразованная въ монастырь, послѣдній сталъ воскресать въ умѣлыхъ и заботливыхъ женскихъ рукахъ. Теперь, можно сказать, онъ твердо стоитъ на ногахъ, энергично поднимается изъ развалинъ и бодро зажилъ новою жизнью, хотя острый періодъ нужды и борьбы за существованіе еще далеко не прошелъ для него.

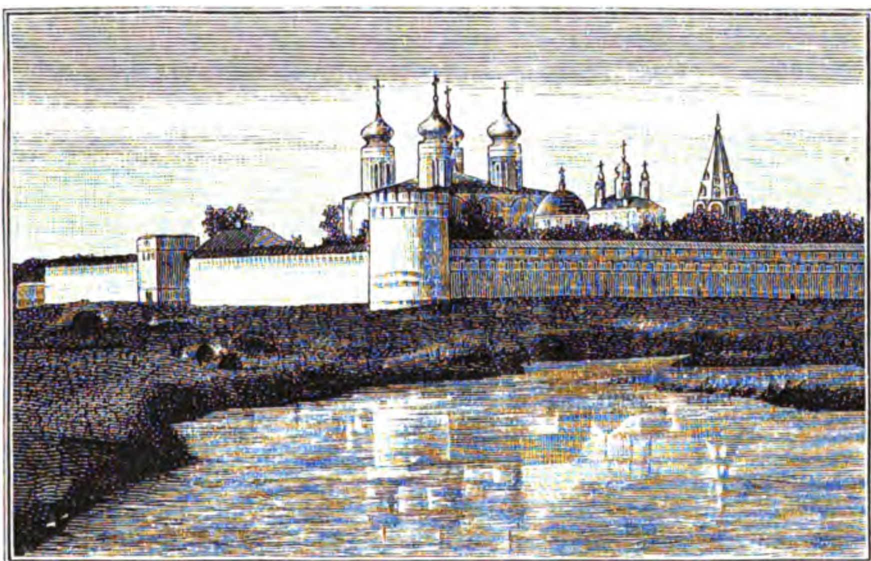
Не будетъ удивительно, если вторично воскресшій къ жизни Желтоводскій монастырь подѣйствуетъ оживляющимъ образомъ на самый городокъ, для котораго уже и теперь монастырь является главнымъ жизненнымъ нервомъ.

Давно меня тянуло взглянуть и на возникающій изъ развалинъ монастырь, и на убогій, умирающій городокъ, и на мѣсто бывшей Макарьевской ярмарки, процвѣтавшей здѣсь въ XVII и XVIII вѣкахъ. Объ этомъ періодѣ ярмарки приходилось не разъ читать въ современныхъ историческихъ актахъ [1]) и въ позднѣйшихъ очеркахъ всероссійской ярмарки. Между тѣмъ, старое ярмарочное мѣсто стало забываться даже прирожденными волгарями. Проѣзжая тутъ на пароходахъ, часто я добивался у волгарей: гдѣ именно была ярмарка— въ самомъ ли городѣ? или выше его? или ниже? Но каждый разъ получались разнорѣчивые отвѣты. И только въ прошломъ году

[1]) Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся подлинныя «таможенныя книги» Макарьевской ярмарки за XVII и XVIII вв., доселѣ не изслѣдованныя, къ сожалѣнію, какъ и документы по исторіи Ирбитской и другихъ ярмарокъ.

удалось лично познакомиться съ Старымъ Макарьемъ и выяснить вопросъ о старомъ мѣстѣ знаменитой ярмарки.

Все это припоминалось, пока наша лодка, отваливъ отъ лѣтнихъ [1]) Исадскихъ пристаней, сначала поднялась вверхъ по рѣкѣ, а затѣмъ стала пересѣкать ее (всего около 2 верстъ). При подъемѣ вверхъ у праваго берега по узкому фарватеру, стѣсненному отмелью, лодочнику приходилось съ большимъ усиліемъ бороться противъ очень сильнаго здѣсь теченія, пока мы не повернули на отмель, гдѣ теченіе много слабѣе. Но тутъ мы попали въ изрядную толчею, произведенную двумя шедшими пароходами: сверху спускался люби-

Макарьевъ-Желтоводскій монастырь.

мовскій пароходъ «Березники», а снизу двинулся оставленный мною «Лермонтовъ». Опытный лодочникъ-исадовецъ умѣло справлялся среди разведеннаго пароходами волненія, и мы быстро скользили впередъ, ловко разрѣзая порядочныя волны.

Солнце все выше поднималось изъ-за лѣсовъ Заволжья и начинало сильно пригрѣвать, обливая потоками яркаго свѣта и синія воды рѣки, и зелень береговъ, и желтые пески, и бѣловатыя громады высокихъ монастырскихъ стѣнъ, и сѣрыя постройки городка за ними. Въ прозрачномъ рѣчномъ воздухѣ ранняго утра все раз-

[1]) Весеннія пристани располагаются у самаго с. Исады, т.-е. много дальше отъ Макарьева—около 5 в. отъ него по фарватеру, а прямикомъ меньше.

нообразіе этихъ красокъ было такъ ярко, сочно, свѣжо. Всѣ детали развертывавшейся предъ глазами широкой картины были явственно видны, вплоть до оставленныхъ нами сзади Ѳадеевыхъ горъ, по уступамъ которыхъ сбѣгало красивое село Исады съ нѣсколькими церквами. Оттуда и изъ дальняго, не видного съ рѣки Лыскова несся воскресный звонъ и гулко разносился по рѣкѣ. Ушедшій вверхъ «Лермонтовъ» звучно пересвистывался со встрѣчнымъ буксирнымъ караваномъ, спускавшимся ниже устья р. Керженца. Внизу отваливалъ со свистками «Березники». По рѣкѣ съ криками рѣяли чайки, высматривая плескавшуюся на поверхности рыбу. Кое-гдѣ сновали лодки рыбаковъ.

Что-то бодрящее, зовущее къ жизни чувствовалось здѣсь, на милой рѣкѣ... Не хотѣлось уходить отъ бьющей тутъ черезъ край жизни и итти въ умирающій городокъ и въ оторванную отъ жизни обитель... Но наша лодка была уже у берега.

Лодочникъ хотѣлъ пристать около деревянной лѣстницы, спускающейся по береговому откосу, укрѣпленному камнями, отъ главныхъ «св. вратъ» монастыря до самой воды. Но было рано итти въ монастырь, гдѣ еще не звонили къ обѣднѣ, и мы высадились на песчаный берегъ ниже монастыря, у его восточной стѣны. Монастырская пристань усѣяна камнями, наваленными въ большомъ количествѣ для укрѣпленія подошвы откоса, да и весенніе разливы смываютъ съ откоса камни и засариваютъ ими дно рѣки. Монастырю слѣдовало бы позаботиться о благоустройствѣ своей пристани, подходъ къ которой при большомъ волненіи можетъ быть даже не безопасенъ.

Ниже монастыря, на волжскомъ берегу расположена частная лѣсопилка—единственное промышленное заведеніе городка, если не считать кустарное сундучное производство.

Расплатившись съ лодочникомъ (20 коп., безъ торгу), я двинулся по песчаному косогору вокругъ монастыря, обозрѣвая его чисто крѣпостныя стѣны (на глазомѣръ—около 8 саженъ высоты), образующія правильный четыреугольникъ, съ башнями по угламъ и надъ нѣсколькими воротами. Громадныя стѣны, основательно построенныя въ XVII в., сильно пострадали (особенно южная и восточная) отъ весеннихъ разливовъ Волги, когда вода подходила къ самымъ стѣнамъ и подмывала ихъ, иногда даже прорываясь, въ особенно большіе разливы, на монастырскій дворъ. Въ настоящее время разрушеніе стѣнъ прекратилось, когда монахини возобновили древнюю вторую, наружную предохранительную стѣнку въ половину высоты монастырскихъ стѣнъ, съ лицевой (южной) стороны отъ Волги и съ восточной части, наиболѣе подверженныхъ напору вешнихъ водъ. Восточная наружная стѣнка ограждаетъ довольно значительное пространство, на которомъ разбитъ молодой монастырскій садъ. Южная же стѣнка идетъ параллельно монастыр-

ской стѣнѣ, мимо св. вратъ, образуя между двумя стѣнами длинный и широкій коридоръ, напоминающій подобные переходы въ средневѣковыхъ замкахъ. Тутъ всегда прохладно, въ самые жаркіе дни, и такъ тихо, спокойно до жуткости, словно на тюремномъ дворѣ... И только голубое небо надъ головою да рокотъ Волги за стѣною говорятъ здѣсь о жизни...

Обогнувъ восточную стѣну, я повернулъ вдоль сѣверной и вышелъ на пустырь, отдѣляющій монастырь отъ города и изрѣзанный оврагами и озерками, оставшимися отъ водополья. Пески тутъ кончились, и пустырь покрытъ сочною травою, мокрою отъ сильной росы. Здѣсь наивысшій пунктъ монастыря, куда рѣдко доходятъ разливы, какъ можно судить по сѣверной стѣнѣ, лучше другихъ сохранившейся и не огражденной предохранительной стѣнкой.

Изъ экономическихъ воротъ въ этой стѣнѣ выходило монастырское стадо, небольшое (болѣе 20 головъ), но хорошо подобраннаго молочнаго скота. Пропустивъ стадо, сопровождаемое нѣсколькими послушницами, я направился въ ближайшую къ монастырю западную часть Стараго Макарья, гдѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, должно находиться мѣсто бывшей ярмарки. Переправившись черезъ мокрый оврагъ, съ протокомъ изъ сосѣдняго озера, я вступилъ въ «городъ», который не весь виденъ съ Волги, такъ какъ тянется довольно далеко вглубь берега.

II.

Пройдя мимо единственной маленькой церковки города, я вступилъ въ узенькія, небольшія улички, почти сплошь затянутыя травой. Дома высокіе и издали кажутся двухэтажными, въ дѣйствительности же они одноэтажные, но ихъ низы высоко подняты ради осеннихъ разливовъ. Въ большую воду весь городъ покрывается водою, и тогда горожане сообщаются на лодкахъ, а въ малую— спасаются отъ разлива лишь тѣ дома, которые стоятъ на вершинѣ песчаныхъ грядъ, представляющихъ поверхность города. Въ низинахъ, между песчаными буграми, весеннія воды долго застаиваются: я былъ въ августѣ и, несмотря на очень жаркое и сухое лѣто 1903 года, вездѣ въ низкихъ мѣстахъ города или стояла вода, или было грязно и сыро. Отъ испаренія застоявшейся воды воздухъ въ городѣ нездоровый, болотистаго привкуса (кромѣ монастыря, стоящаго на болѣе высокомъ пунктѣ и огражденнаго отъ города высокими стѣнами). Отъ застоя воды и близости лѣсовъ въ жару распложаются миріады комаровъ и мошекъ, отравляющихъ существованіе. Дачная жизнь здѣсь немыслима. Но кому тутъ раздолье, среди городскихъ болотъ и постоянной грязи, такъ это свиньямъ, водящимся въ городѣ въ изобиліи и представляющимъ роскошные по своему развитію экземпляры.

Только свиньи да еще козы нѣсколько оживляли совершенно пустыя, мертвыя улицы городка. Часъ былъ уже не ранній для любого уѣзднаго и самаго захолустнаго города, а между тѣмъ я почти не видѣлъ въ Макарьевѣ людей. За тѣ два-три часа, что я бродилъ по городу, я встрѣтилъ не больше 15-ти человѣкъ (не считая монахинь), и почти всѣ они были старики и старухи...

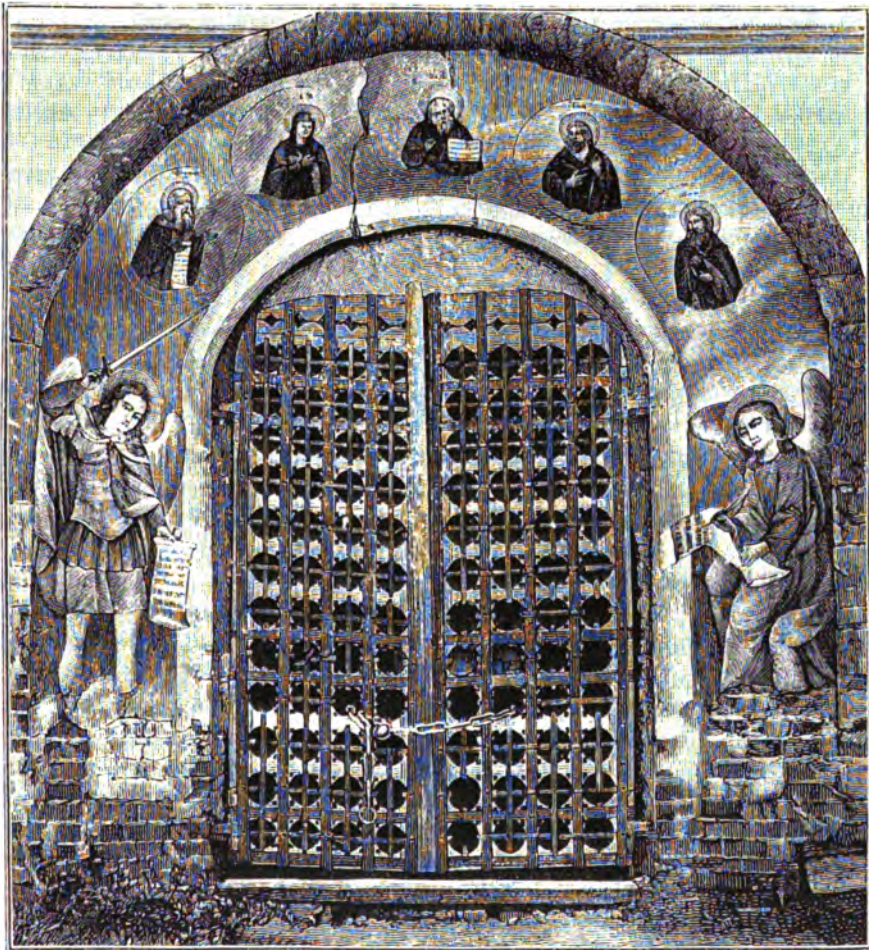
Между тѣмъ, я зналъ, что по переписи 1897 года въ Макарьевѣ числится 1.450 жителей (съ 1864 года уменьшилось на 250 человѣкъ). Если выключить отсюда 200 монахинь, то все же оставалась немалая цифра горожанъ, которые могли бы оживить пейзажъ мертваго городка. Но ихъ не было тогда видно, словно весь городъ вымеръ, или населеніе куда-то сбѣжало, исчезло...

Становилось просто жутко отъ этого безлюдья... Угрюмо и молча стоятъ пустые дома, многіе съ заколоченными окнами и входами, другіе на замкахъ. Ни дѣтскаго крика, ни лая собакъ, ни говора людей — ничего и нигдѣ не слышно. Совсѣмъ мертвый, какой-то зачумленный городъ!.. И если бы не хрюканье громадныхъ свиней и не блеянье козъ, можно было бы подумать, что городъ дѣйствительно весь вымеръ, совсѣмъ упразднился...

Рѣдко попадавшіяся одинокія фигуры горожанъ—все какія-то изможденныя, унылыя, вялыя, сонныя, съ тупыми взглядами и полнымъ отсутствіемъ жизни въ лицѣ. Помню одну высокую, сухую старуху, тащившую громадную связку хвороста, пригнувшую ее къ землѣ... Лицо ея цвѣта пергамента было воплощеніемъ полнаго безстрастія и равнодушія къ жизни. Но когда я заговорилъ съ нею о старой Макарьевской ярмаркѣ, она сразу и совершенно измѣнилась, въ глазахъ вспыхнулъ потухающій огонекъ жизни, въ голосѣ зазвучали какія-то бодрыя нотки, вызванныя воспоминаніемъ о быломъ блестящемъ періодѣ Стараго Макарья...

Другой ветхій, чистенькій старичекъ куда-то страшно торопился. Но когда я остановилъ его на минуту, разспрашивая о ярмарочномъ мѣстѣ, онъ сейчасъ же забылъ, куда ему нужно было бѣжать, и полчаса простоялъ со мною, разсказывая о старой ярмаркѣ въ повышенномъ, восторженномъ тонѣ, съ старческими взвизгиваніями въ голосѣ и захлебываясь отъ массы нахлынувшихъ воспоминаній...

Между тѣмъ, ни та старуха съ пергаментнымъ лицомъ, ни этотъ восторженный старичекъ, ни остальные макарьевцы, также съ восторгомъ разсказывавшіе о былой ярмаркѣ,—никто изъ нихъ самой ярмарки не видѣлъ, а зналъ о ней только по разсказамъ отцовъ и дѣдовъ. Они застали и видѣли однѣ ярмарочныя развалины, но хорошо усвоили и запомнили живыя воспоминанія своихъ стариковъ и также передали ихъ своимъ дѣтямъ. Въ этихъ разсказахъ, прошедшихъ черезъ вторыя и третьи руки, уже чуется много легендарнаго. Дальше легенда будетъ рости, но уже и теперь сказа-

Деревянныя двери въ соборѣ св. Троицы въ Макарьевскомъ монастырѣ.

нія о ярмаркѣ представляютъ въ Макарьевѣ какой-то особый культъ, къ которому истый макарьевецъ относится съ благоговѣніемъ, и который скрадываетъ непригдядныя стороны теперешней жалкой жизни городка.

Но, какъ уже замѣчено, бродя по городу, я не видѣлъ въ немъ никакой жизни и почти не встрѣчалъ людей. Даже позже, когда очутился въ монастырской церкви, я встрѣтилъ тамъ всего трехъ-четырехъ горожанъ, хотя это былъ воскресный день, и въ городской церкви службы не было...

Только подходя къ монастырю, я страшно обрадовался, увидя на берегу Волги цѣлую «толпу».. въ макарьевскомъ смыслѣ: цѣ-

лыхъ шесть человѣкъ!.. И народъ это былъ молодой, бодрый, свободный отъ «культа ярмарки» и пошевеливающій мозгами надъ вопросомъ о будущемъ. Но это были лодочники и рыбаки, живущіе на Волгѣ и Волгой. А эта мать-кормилица оживотворяетъ всѣхъ, кто попробуетъ ея живой воды... Это были уже не подлинные, истые макарьевцы, а только родившіеся въ Макарьевѣ.

Искалъ я какого нибудь трактира, кабака, лавокъ, гдѣ могли бы ютиться макарьевцы, но ничего не находилъ. Даже... боюсь и выпустить такую клевету на бѣдный Макарьевъ!.. и сомнѣваюсь, чтобы въ городѣ была лавочка монополіи... по крайней мѣрѣ, я не видѣлъ ея, хотя обошелъ «лучшія» улицы города... Не видѣлъ также и двухъ городовыхъ, представляющихъ, вмѣстѣ съ г. полицейскимъ надзирателемъ, единственныхъ «властей» города.

Виноватъ, впрочемъ, Макарьевъ не лишенъ и выборныхъ властей: есть «городской староста», его товарищъ и 12 гласныхъ, вѣдающихъ очень скромный городской бюджетъ — всего въ четыре тысячи. Кажется, макарьевскіе отцы города слишкомъ ужъ сонно относятся къ возможности поднять доходы города: напримѣръ, за пароходныя пристани (лѣтнія Исадскія пристани лежатъ на городской землѣ) городъ беретъ по 58 рублей съ каждой, всего 250 (или 300) рублей, тогда какъ въ сосѣднемъ Васильсурскѣ городъ получаетъ съ пристаней пять тысячъ, т.-е. больше всего макарьевскаго бюджета. Положимъ, Васильсурскъ не чета Старому Макарью, а все же аренду съ пристаней должно послѣднему поднять, какъ равно можно позаботиться и о другихъ статьяхъ дохода и расхода. Макарьевъ содержитъ двухклассное училище и проч.

Но гдѣ же было населеніе этого убогаго города? Встрѣченные мною немногіе макарьевцы объяснили, что въ другое время года Макарьевъ болѣе или менѣе кишитъ своими полусонными обывателями, но пустѣетъ и совершенно замираетъ только въ періодъ нижегородской ярмарки. Хотя ярмарка ушла изъ Макарьева, но макарьевцы не хотятъ и теперь съ нею разставаться, и какъ въ старину они кормились отъ нея, такъ и теперь она ихъ кормитъ отчасти.

Въ старые годы, когда ярмарка была дѣйствительно макарьевскою, макарьевцы богатѣли отъ нея не столько участіемъ въ торговлѣ, сколько сдачею въ наемъ своихъ домовъ пріѣзжему купечеству и насыщеніемъ его желудковъ. Послѣдняя-то функція осталась и доселѣ за макарьевскими поварихами, въ силу вѣковыхъ традицій.

Какъ только начинается ярмарочный періодъ въ Нижнемъ, макарьевцы снимаются туда цѣлыми семьями, устраиваютъ въ Кунавинѣ кухни и начинаютъ кормить ярмарочное купечество своими незатѣйливыми яствами. Жены варятъ, пекутъ, жарятъ и т. д., мужья разносятъ все это по ярмарочнымъ рядамъ, а дѣтвора кор-

мится остатками отъ купеческой ѣды. И, несмотря на обиліе въ Нижнемъ всякаго рода и ранга ресторановъ, трактировъ, кухмистерскихъ и проч., макарьевскія кухни не жалуются на отсутствіе кліентовъ. Макарьевскія поварихи имѣютъ несомнѣнное право утверждать, что за три вѣка онѣ основательно изучили вкусы желудковъ всероссійскаго купечества, и никто лучше ихъ тутъ не потрафитъ... И это такъ, повидимому, разъ само купечество не отказывается отъ традиціоннаго обычая, чтобы на ярмаркѣ кормили его поварихи отъ Стараго Макарья, какъ насыщали онѣ дѣдовъ и прадѣдовъ въ самомъ Макарьевѣ.

Но, разумѣется, не всѣ макарьевцы, отправляющіеся въ Нижній, работаютъ только около своихъ кухонь: многіе занимаются тамъ ломовымъ извозничествомъ, поденщиной и проч. Всѣ не только кормятся въ ярмарочный періодъ, но и увозятъ домой чистый заработокъ, на который и прозябаютъ значительную часть года, дополняя его кое-какими мѣстными промыслами и ремеслами.

Такъ вотъ какъ объяснилась пустота города, большинство домовъ котораго бываетъ «на замкѣ» два-три лѣтнихъ мѣсяца. Благодаря этому обстоятельству, т.-е. отсутствію надзора за домами, пожары въ Макарьевѣ бываютъ очень опустошительны. Такъ, двa-три года назадъ, во время ярмарки, здѣсь сгорѣло какъ-то 105 домовъ. Понятно, каждый такой пожаръ все болѣе и болѣе уменьшаетъ количество жителей, не имѣющихъ возможности вновь выстроиться.

Кромѣ ярмарочнаго заработка, часть макарьевцовъ занята выдѣлкою сундуковъ. Это также стародавній промыселъ Макарьева, который раньше процвѣталъ, но теперь уже падаетъ, хотя макарьевцы попрежнему способны выдѣлывать мастерскіе сундуки. Но послѣдніе мало требуются: больше въ ходу дешевые сундуки. Промыселъ захватили три-четыре скупщика, какъ водится наживающихся изрядно на счетъ мастеровъ-сундучниковъ, зарабатывающихъ гроши. По послѣднимъ даннымъ, сундуковъ вырабатывается въ годъ на 15.000, при 30-ти рабочихъ.

Остальныхъ макарьевцевъ подкармливаетъ то Волга (рыболовство, лодочный промыселъ и друг.), то лѣсопилка, то монастырь (рабочіе и мастеровые), то богатое Лысково, съ его громадными базарами и проч. Но вообще макарьевцамъ живется очень скудно и почти «безъ надеждъ впереди», если не оправдаются кое-какія туманныя и далекія надежды на поддержку монастыря. Только прогрессивный ростъ послѣдняго еще можетъ остановить постепенное таяніе городского населенія, не столько вымирающаго, сколько переселяющагося въ другіе, болѣе живые пункты. Въ противномъ случаѣ Макарьевъ можетъ закончить тѣмъ, съ чего началъ свое существованіе—въ званіи скромной подмонастырской слободы. Уди-

[illegible]

—

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Не могу сказать, существовали ли во время ярмарки тѣ низина, болото и продолговатое озерко, кои теперь находятся въ южномъ (къ Волгѣ) концѣ ярмарочнаго мѣста. Но лежащій тутъ же, недалеко отъ озерка, ближе къ городу, глубокій оврагъ, съ озеркомъ на днѣ, несомнѣнно недавняго и искусственнаго происхожденія (копанія, для добыванія глины). Этотъ оврагъ не могъ быть во время ярмарки, такъ какъ онъ преграждалъ бы доступъ къ волжскому берегу, гдѣ выгружались товары съ судовъ и вновь нагружались послѣ ярмарки. Суда приставали къ самому Макарьеву, такъ какъ нынѣшней отмели у лѣваго берега тогда не было, и фар-

ватеръ направлялся именно по луговому берегу, а не по горному, какъ теперь.

Такимъ образомъ, при выходѣ пустыря къ Волгѣ ярмарочное мѣсто расширялось вверхъ по рѣкѣ, и пристани тянулись на нѣсколько верстъ, можетъ быть, до самаго устья р. Керженца, лежащаго теперь въ 5 верстахъ отъ Макарьева. Это—капризная рѣка, не разъ измѣнявшая свое устье, а потому нельзя утвердительно сказать, въ скольких верстахъ находилось оно отъ города въ періодъ ярмарки.

За вышеупомянутымъ озеркомъ берегъ ложбины значительно поднимается и переходитъ въ довольно высокій бугоръ, на которомъ расположена теперь усадьба съ садомъ г. Аникеева (или Аникина), мѣстнаго богача-сундучника. Именно на мѣстѣ этой усадьбы былъ ярмарочный «главный домъ». Одна древняя макарьевская старуха разсказывала, что она еще помнитъ этотъ главный домъ, уцѣлѣвшій отъ пожара 1816 года и много лѣтъ стоявшій пустымъ, пока не былъ разобранъ. Она называла его «больно красивымъ», съ большими колоннами и другими украшеніями.

Отъ этого пункта до главнаго ярмарочнаго пустыря (ложбины)—около полуверсты. Несомнѣнно, и это разстояніе было заполнено ярмарочными постройками, да онѣ же тянулись и за главнымъ домомъ, такъ какъ онъ не могъ стоять съ края ярмарки. Послѣдняя также, несомнѣнно, тянулась и вправо отъ усадьбы Аникеева, по направленію къ слободкѣ, гдѣ теперь находятся заросли тальника. Это доказываютъ найденные мною именно въ этомъ мѣстѣ (вправо отъ мостика, что на дорогѣ, ведущей изъ города къ усадьбѣ Аникеева, на пригоркѣ у края ложбины и начала тальниковыхъ зарослей) послѣдніе остатки былого ярмарочнаго величія — нѣсколько размытыхъ водою кучекъ мелкаго щебня...

Кромѣ этихъ кучекъ щебня, отъ ярмарки не осталось ровно ничего!.. «Путеводитель», изданный въ 1901 году однимъ изъ солидныхъ волжскихъ пароходныхъ обществъ, положительно сочиняетъ, будто ярмарочное мѣсто въ Макарьевѣ представляетъ «голые пески и нѣсколько развалинъ»... То и другое—чистая ложь. Никакихъ развалинъ давнымъ-давно уже нѣтъ, такъ какъ весь камень, до фундаментовъ включительно, разобранъ и увезенъ въ Макарьевъ и другія мѣста. Главная масса кирпича пошла на постройку грандіознаго острога въ г. Васильсурскѣ, существующаго и донынѣ.

Неправда и насчетъ «голыхъ песковъ»: послѣдніе находятся только на берегу Волги, а самый ярмарочный пустырь и бугоръ, гдѣ усадьба Аникеева и заросли тальника — все это ярмарочное мѣсто покрыто травою, и настолько сочною на низменномъ пустырѣ, что тутъ пасутся коровы, козы, свиньи.

Все ярмарочное мѣсто съ волжскимъ берегомъ, бугромъ и т. д. занимаетъ приблизительно около квадратной версты—ничтожное пространство по сравненію съ теперешней нижегородской ярмаркой.

IV.

Осмотрѣвши ярмарочное мѣсто, я направился берегомъ къ монастырю, гдѣ уже раздавался звонъ къ обѣднѣ. Берегъ здѣсь довольно высокій, обрывистый, постоянно размываемый Волгой. Домишки стоятъ по самому краю обрыва и, вѣроятно, скоро сползутъ весною въ рѣку.

Встрѣтивъ на берегу нѣсколькихъ лодочниковъ, я договорилъ одного для обратной переправы черезъ Волгу и отправился въ монастырь, войдя въ ворота, ведущія около западной наугольной башни (надъ Волгою) въ упомянутый переходъ между южной стѣной и предохранительной стѣнкой. Въ серединѣ этого перехода находятся главныя «Святыя врата», съ возобновленной Михайловской церковью въ надвратной башнѣ. Напротивъ св. вратъ въ наружной стѣнкѣ сдѣланъ проходъ, ведущій къ лѣстницѣ, спускающейся къ монастырской пристани.

Монастырскій дворъ на первомъ планѣ представляетъ голый, неприглядный пустырь, который справа ограниченъ стѣнами и примкнутыми къ нимъ старыми каменными кельями, а слѣва упирается въ небольшой палисадникъ, за которымъ тянутся такія же кельи у стѣнъ. Пустырь слѣдовало бы скрасить деревьями и кустами. Къ восточной стѣнѣ пристроенъ новый каменный корпусъ для келлій, готовый вчернѣ уже 3 года назадъ, но съ тѣхъ поръ стоящій не отдѣланнымъ, за неимѣніемъ средствъ. Между тѣмъ, число сестеръ быстро растетъ, и онѣ уже не помѣщаются въ старыхъ, полуразрушенныхъ монастырскихъ келліяхъ. Матушка-привратница увѣряла, что въ ея кельѣ, какъ и въ другихъ, давно провалились полы и не поправляются, за скудостью монастырской казны. Часть сестеръ живетъ даже за монастырской оградой, въ старомъ больничномъ корпусѣ (большое каменное зданіе у западной стѣны, видное съ Волги), которое современемъ предполагаютъ превратить въ гостиницу (теперь ея нѣтъ).

Та же матушка сочла долгомъ заявить, что внѣ монастыря живутъ только самыя ветхія старицы, застрахованныя отъ «мірскихъ соблазновъ»... Какіе ужъ тамъ соблазны въ этомъ жалкомъ городкѣ!.. Да и весь дѣловой строй монастыря, и самый составъ сестеръ, набранный главнымъ образомъ изъ деревенской бѣдноты, ушедшей сюда отъ дѣйствительной нужды и большого горя, все служитъ ручательствомъ того, что макарьевскія сестры слишкомъ далеки отъ всякаго рода «искушеній». Это совсѣмъ не тѣ монахини, какими полны столичные и другіе богатые монастыри, куда женщинъ гонитъ часто одна блажь, неумѣнье устроиться иначе въ жизни, да стремленіе къ сытому и спокойному прозябанію, иногда же совершенно не монастырскія, а сибаритскія вожделѣнія... Въ монастырѣ у Стараго Макарія, какъ и въ другихъ подобныхъ

монастыряхъ провинціальной глуши, нельзя встрѣтить ни разжирѣвшихъ отъ бездѣлья старыхъ «постницъ», ни смиренно-лукавыхъ молодыхъ особъ «ангельскаго чина» съ «играющими» взорами, ни всякаго рода пройдохъ и т. п. некрасивыхъ продуктовъ современныхъ городскихъ монастырей. Въ глухихъ монастыряхъ фигуры дѣйствительно постныя, лица строгія, дѣловыя, нерѣдко истинно подвижническія, безъ всякой примѣси противной рисовки и искусственнаго возбужденія. Тутъ все просто, искренно, естественно. Постоянный трудъ и тяжелыя условія глухого монастырскаго быта не оставляютъ мѣста для созерцательной, праздной жизни, ведущей къ «соблазнамъ», «искушеніямъ» и т. п.

Вообще, если можно въ настоящее время мириться съ монастырями, то именно какъ съ прибѣжищами вопіющей бѣдноты, горя, обездоленной, незадавшейся, искалѣченной жизни, гдѣ эти несчастныя жертвы не только находятъ пріютъ, но и возрождаются путемъ труда. Къ такимъ монастырямъ-богадѣльнямъ можно относиться съ полнымъ уваженіемъ и желать имъ большого процвѣтанія.

Возвращаюсь къ описанію монастыря. Противъ «Святыхъ вратъ», за пустыремъ двора, возвышается хорошо видная съ Волги величественная громада Троицкаго собора, лишенная главного купола (4 малыхъ сохранились), провалившагося нѣсколько лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ соборъ пустуетъ, тщетно поджидая богатаго благодѣтеля, который далъ бы средства на его возстановленіе. О внутреннемъ видѣ этой грандіозной руины, вполнѣ еще способной къ возрожденію, поговорю ниже.

Влѣво отъ Троицкаго собора находится возобновленная Успенская церковь, а между нею и келліями часовня надъ могилой инока Авраамія, возобновившаго монастырь въ 1620-хъ годахъ.

Сзади собора лежитъ Макарьевская церковь, соединенная съ первымъ небольшой колоннадой. Эта маленькая, уютная, лѣтняя церковь, поновленная въ послѣднее время, была единственнымъ храмомъ, не закрывавшимся и въ дни полнаго упраздненія монастыря. Когда и ее собирались было закрыть, макарьевцы упросили, чтобы она была оставлена въ качествѣ кладбищенской, приписной къ городской церкви. Въ Макарьевской церкви находится чтимая икона Макарія Желтоводскаго, основателя монастыря. На время ярмарки икона перевозится въ Нижній, въ ярмарочную часовню, принадлежащую монастырю и приносящую ему порядочный доходъ.

Позади монастырскихъ церквей лежитъ хозяйственный дворъ. Здѣсь же, кажется, находятся огороды, прекрасные продукты которыхъ предпріимчивыя монахини доставляютъ на базары не только ближайшаго Лыскова, но и отдаленнаго Василя, и вездѣ эти продукты берутся нарасхватъ.

Обѣдня шла въ Макарьевской церкви. Пѣлъ недурно монастырскій хоръ со свѣжими голосами. Несмотря на праздничный день,

монахинь было очень немного (около 3—4 десятковъ) сравнительно со всѣмъ количествомъ сестеръ (200 душъ). Очевидно, остальныя были или на работѣ и разныхъ послушаніяхъ, или въ разъѣздахъ, что опять-таки говорило о дѣловомъ, рабочемъ характерѣ монастыря, не увлекающагося созерцательною жизнью.

Прослушавъ немного службу, я отправился обозрѣвать руины Троицкаго собора.

V.

Никогда я не былъ ни археологомъ, ни даже любителемъ археологіи, и не понималъ археологовъ, способныхъ увлекаться любою стариною, и только потому, что это—старина. Въ качествѣ историка мнѣ приходилось, однако, знакомиться и съ русскими древностями, архитектурными и всякими иными. Выросъ я въ древнемъ Кіевѣ, полномъ всякаго рода старины. Но и тамъ, и вездѣ я проходилъ равнодушно мимо разныхъ остатковъ древности, такъ какъ всегда интересовался только людьми и ихъ дѣлами, а не вещными памятниками внѣшней обстановки.

И вдругъ—въ захолустномъ полуразрушенномъ Троицкомъ соборѣ Стараго Макарія неожиданно получаю громадное впечатлѣніе отъ этой старины—и трогательное, и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно тяжелое, гнетущее, которое никогда не забудется... Впечатлѣніе получалось то, когда видишь здороваго, сильнаго человѣка, но опустившагося и захирѣвшаго отъ какой нибудь ничтожной ранки, которую легко залѣчить. Стоитъ только серьезно взяться за пустую въ сущности ранку, но очень запущенную, и человѣкъ снова будетъ крѣпокъ, здоровъ, силенъ. Но у больного нѣтъ силъ или возможности приняться за серьезное лѣченіе, и онъ таетъ, гибнетъ отъ пустой причины...

То же самое происходитъ и съ Троицкимъ соборомъ. Онъ вполнѣ здоровъ, могучъ и способенъ еще къ многовѣковой жизни, хотя уже прожилъ 2½ вѣка (основанъ въ 1658 году). Громадныя стѣны, толстые столбы, прочные своды, арки, боковые купола и проч.—все въ немъ еще цѣло и крѣпко. Кирпичной кладки «ломъ не беретъ». Но его гложетъ ничтожная рана—обвалъ средняго купола, и она можетъ совсѣмъ его погубить...

Мѣсто провала плохо прикрыто деревяннымъ потолкомъ и такою же плохенькою, дырявой крышей. Насколько продырявились потолокъ и крыша, достаточно доказываетъ масса голубей и воронъ, гнѣздящихся вверху храма и летающихъ вездѣ. Сквозь всѣ эти отверстія льются внутрь дождевыя и снѣговыя воды, и постепенно разрушаютъ кирпичную кладку и портятъ живопись, которою покрыты всѣ стѣны, своды, арки и столбы храма.

Замѣтьте, что это—живопись XVII вѣка, образцами которой мы далеко не богаты... А тутъ громадная галлерея произведеній этой

рѣдкой живописи—и она гибнетъ!.. Нѣкоторыя изображенія уже истерлись и потускнѣли, краски выцвѣли, потрескались или загажены птичьимъ пометомъ, исцарапаны клювами и когтями, или пострадали при паденіи огромнаго и тяжелаго купола. Но многіе рисунки еще вполнѣ цѣлы и краски ихъ такъ свѣжи, сочны, ярки, словно вчера наложены. При своей крайней близорукости я не могъ и въ бинокль разсмотрѣть изображенія, находящіяся на сводахъ очень высокаго храма (на глазомѣръ—больше 20 саженъ), а говорятъ—тамъ сохранились прекрасныя изображенія, особенно два лика Богоматери. Однако, не за горами гибель всѣхъ этихъ изображеній... Да будетъ стыдно нашимъ богатымъ археологическимъ обществамъ, если они не спасутъ отъ гибели этого рѣдкаго памятника русской живописи и архитектуры XVII вѣка. Увлекаясь непомѣрно гробокопательствомъ, вносящимъ въ науку въ большинствѣ фальшивые и фантастическіе выводы, наши археологи забываютъ, что подземные предметы древности могутъ сохранно лежать въ землѣ еще многіе десятки и сотни лѣтъ, а надземные памятники съ каждымъ днемъ разрушаются все болѣе и болѣе. На полное возстановленіе Троицкаго собора требуется около 80 тысячъ, а на поддержаніе его хотя бы въ настоящемъ видѣ много меньше.

Въ архитектурномъ отношеніи Троицкій соборъ очень простой, но величественный. Архитектурныя линіи его такъ правильно и точно соразмѣрены, что онъ не подавляетъ своей громадой. Храмъ представляетъ очень высокій и равносторонный четыреугольникъ, не загроможденный внутри никакими стѣнами, переборками и т. п. Четыре могучихъ столба, поддерживающихъ своды, при всей грандіозности такъ стройны и легки, что нисколько не затемняютъ и не загораживаютъ очень широкой внутренности храма. Большія окна льютъ массу свѣта. Вообще весь храмъ очень свѣжій и яркій отъ разноцвѣтной живописи, которою онъ весь разукрашенъ. Всѣмъ своимъ архитектурнымъ строеніемъ и массою свѣта онъ очень напоминаетъ Десятинную церковь въ Кіевѣ, соборъ въ Смоленскѣ и т. п. свѣтлые, высокіе и широкіе храмы.

Входятъ въ Троицкій соборъ или въ сѣверныя двери (подъ колоннадой, соединяющей его съ Макарьевской церковью), или въ главныя, западныя (противъ Успенской церкви), гдѣ еще сохранился входной портикъ. Чтобы получить полное впечатлѣніе и сразу обнять весь храмъ, нужно войти въ западныя двери. Отъ обѣихъ дверей протянуты деревянные помосты, ведущіе къ тремъ алтарнымъ нишамъ. На остальномъ пространствѣ половъ нѣтъ, и ихъ замѣняетъ глубокій, зыбучій песокъ, перемѣшанный съ пылью и мелкимъ щебнемъ, которымъ былъ засыпанъ храмъ при обвалѣ купола.

Въ алтарныя полукруглыя ниши, достаточно широкія, высокія и свѣтлыя, всѣ свободно входятъ. Въ среднемъ, главномъ алтарѣ

въ мѣстѣ престола поставленъ жалкій съ иконой и подсвѣчникомъ, куда богомольцы ставятъ свѣчи. Въ боковыхъ алтаряхъ склады разныхъ церковныхъ и другихъ предметовъ. Весь крупный щебень и мусоръ отъ обвалившагося купола давно убранъ, и о внутренности храма можно сказать, что она содержится въ сравнительной чистотѣ и порядкѣ. Съ упавшимъ сводомъ спустился обрывокъ цѣпи, на которой висѣло паникадило. Вызолоченный крестъ съ рухнувшаго купола спустился внѣ храма и лежитъ теперь у южной стѣны его подлѣ находящихся здѣсь древнихъ могилъ.

Я вошелъ въ соборъ черезъ западныя двери и былъ сразу же пораженъ... Я ожидалъ встрѣтить груды мусора, щебня, полуразрушенныя, обвалившіяся стѣны, всюду обломки, соръ, словомъ «мерзость запустѣнія». Но ничего подобнаго не видѣлъ, напротивъ: храмъ такой свѣтлый, чистый, бѣлый, веселый отъ массы льющагося въ окна свѣта и разнообразія красокъ стѣнной живописи. Казалось, что только вчера вынесенъ почему-то иконостасъ, и прекратились въ соборѣ службы...

На это было первое впечатлѣніе, а дальнѣйшія, когда я всмотрѣлся въ детали храма и разглядѣлъ въ верху его зіяющую рану, были совсѣмъ иныя. Было такъ больно и жутко за искалѣченнаго богатыря, и такъ стыдно и горько, что ниоткуда онъ не получаетъ помощи... Какіе, однако, мы, русскіе, еще глубокіе варвары!

Въ храмѣ я былъ совершенно одинъ. Величавую и трогательную тишину его нарушали только мои шаги по деревянному помосту, гулко раздававшіеся въ громадной пустотѣ собора, да крики птицъ, рѣявшихъ въ высотѣ подъ сводами. Тамъ наверху жизнь била ключемъ, голуби томно ворковали, вороны весело каркали, шумно перелетая подъ сводами, то вылетая наружу, то снова возвращаясь въ прохладный храмъ. А внизу его было такъ тихо, жутко, молчаливо... Строгіе лики глядятъ со стѣнъ, какъ будто съ какимъ-то недоумѣніемъ и вопросомъ косясь на случайно забредшаго къ нимъ человѣка... А въ окна льются такіе яркіе потоки солнечнаго свѣта...

Меня потянуло туда, къ свѣту, на свѣжій воздухъ, къ живымъ людямъ. Я вышелъ подъ колоннаду. Изъ сосѣдней Макарьевской церкви неслись стройные звуки хора монаховъ... Да, какая ни на есть, а тутъ все-таки была жизнь, а не та могильная пустота, какъ въ величавомъ соборѣ.

Здѣсь меня встрѣтилъ мой лодочникъ-макарьевецъ. Мы съ нимъ обошли соборъ, затѣмъ вошли внутрь, чтобы на мѣстѣ выслушать его разсказъ о катастрофѣ съ куполомъ, которую онъ хорошо помнитъ, какъ еще помнитъ и совершавшіяся въ соборѣ службы, лѣтъ 30 назадъ. Въ послѣднее время передъ катастрофой службы прекратились, когда въ главномъ куполѣ стали обнаруживаться трещины. За нѣсколько дней до обвала сторожа пре-

дупреждали о неминуемой опасности и совѣтовали вынести иконостасъ и все изъ храма, но монахи, вѣдавшіе тогда монастыремъ, не послушались и все оставили на мѣстѣ. Куполъ рухнулъ на второй день пасхи, съ ужаснымъ трескомъ. Ударъ былъ слышенъ за нѣсколько верстъ. Игравшіе около собора на монастырскомъ дворѣ ребята были далеко отброшены напоромъ воздуха, и, благодаря этому, никто не пострадалъ отъ сыпавшихся сверху обломковъ. Но главная масса купола рухнула внутрь собора и вдребезги разбила иконостасъ и все, находившееся въ церкви. Вся громадная внутренность собора заполнилась тучами известковой пыли, осѣвшей только черезъ нѣсколько дней. Боялись за остальные купола и своды собора, но они стоятъ невредимы и до сего дня, и если кое-гдѣ замѣчаются трещины, то исключительно поверхностныя, наружныя, не идущія вглубь кладки.

VI.

Когда мы съ лодочникомъ вышли изъ Троицкаго собора, къ намъ подошла матушка-привратница и приняла участіе въ бесѣдѣ, разсказывая о прошломъ и настоящемъ монастырѣ.

Въ началѣ 1870-хъ годовъ Желтоводскій монастырь былъ упраздненъ и около 10-ти лѣтъ находился въ полномъ запустѣніи, разрушаясь постепенно и не столько отъ естественныхъ причинъ (разлива Волги и проч.), сколько искусственно. Серьезнаго надзора за монастыремъ не было: смотрѣли за нимъ сторожа, которые и сами тащили, что возможно, и другимъ за мзду не препятствовали. Макарьевцы немало поживились около своего стараго монастыря, объ упадкѣ котораго льютъ теперь крокодиловы слезы...

Уцѣлѣвшіе монастырскіе корпуса стояли безъ крышъ, оконъ, дверей и проч. Всѣ металлическія принадлежности были расхищены. Всякій могъ прійти въ монастырь, какъ въ общественный магазинъ, дать гроши сторожамъ и тащить, что понадобилось, или попалось на глаза. Просто, откровенно и совсѣмъ по-россійски...

Мало того: два корпуса были совсѣмъ разобраны по кирпичику... Поднимался вопросъ о разборкѣ всѣхъ церквей, колокольни и проч. Но тутъ уже самимъ макарьевцамъ стало совѣстно, и они не только отказались отъ этого варварскаго плана, но даже настояли, чтобы сохранившаяся Макарьевская церковь была приписана къ городской, какъ кладбищенская.

Разореніе монастыря остановилось, когда 8-го іюля 1882 года открылась здѣсь женская община, позже переименованная въ монастырь. При основаніи было всего 15 сестеръ, черезъ 10 лѣтъ 120, а теперь, на 22-мъ году жизни возобновленнаго монастыря, числится больше 200 сестеръ — прогрессъ несомнѣнный, идущій равномѣрно, правильно.

Много труда и нужды перенесли первонасельницы монастыря, занимаясь приведеніемъ его въ возможный для обитанія порядокъ. Первую игуменью и возобновительницу монастыря (умершую) теперь упрекаютъ, что она не сумѣла привлечь къ пожертвованіямъ старыхъ ярмарочныхъ купцовъ, которые отчасти и сами еще помнили ярмарку у Стараго Макарья, а отцы и дѣды ихъ всѣ тамъ торговали, и всѣ относились съ традиціоннымъ уваженіемъ къ Желтоводскому монастырю. Будь игуменья поэнергичнѣе, она заставила бы де «всероссійское» купечество раскошелиться, какъ слѣдуетъ. Но этотъ моментъ упущенъ, и теперешнее поколѣніе ярмарочнаго купечества довольно равнодушно къ судьбамъ Стараго Макарья.

Во всякомъ случаѣ, нельзя говорить о полномъ равнодушіи къ монастырю теперешняго купечества: главными благотворителями, поднявшими монастырь изъ развалинъ, были купцы Дьячковы, Ермаковы, Лабзины и др. Одну изъ наиболѣе доходныхъ статей монастыря представляетъ именно ярмарочная часовня въ Нижнемъ, посѣщаемая всего болѣе ярмарочными торговцами.

Нынѣшняя, вторая игуменья, бывшая, кажется, въ числѣ первыхъ 15 сестеръ, особа очень энергичная, принимающая всѣ возможныя мѣры къ подъему монастыря. Отъ ярмарочной часовни получается 2 тысячи, по сборной книжкѣ столько же (въ первые годы монастырь имѣлъ право посылать 4 сборщицъ и получалъ чрезъ нихъ до 8 тыс.), затѣмъ доходы отъ луговъ, мельницы на рѣчкѣ Мазѣ и проч. Мельница при селѣ Мазѣ (видно съ Волги, ниже Макарьева, на лѣвомъ берегу) прежде давала очень мало доходу, затѣмъ монахини попробовали сами вести дѣло, а теперь снова сдали ее въ аренду, но на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Все это тратится на содержаніе монастыря и на кое-какую поддержку его зданій. Но капитальныя работы по возстановленію разрушеннаго возможны только на спеціальныя пожертвованія. Собирается особый капиталъ для возобновленія Троицкаго собора, но онъ пока достигъ всего 6 тысячъ. Вся надежда на случайныхъ будущихъ благотворителей монастыря.

Во всякомъ случаѣ, Желтоводскій монастырь подъ женскимъ управленіемъ не только возникъ изъ развалинъ, но, несомнѣнно, быстро растетъ и развивается. Здѣсь повторилось много разъ замѣченное явленіе, какъ монастыри, совсѣмъ погибавшіе въ мужскихъ рукахъ, вновь возрождались подъ женскимъ управленіемъ и поднимались на небывалую высоту, начиная дѣло съ самыми ничтожными средствами и руками. Для примѣра укажу еще на другой приволжскій монастырь—также Макарьевскій, въ Рѣшмѣ (ниже Кинешмы), доведенный монахами до полнаго упраздненія, но вновь воскресшій въ попечительныхъ женскихъ рукахъ.

Вообще, въ послѣднее время замѣчено, что изъ вновь возникающихъ монастырей мужскіе развиваются въ очень рѣдкихъ

случаяхъ, при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, а женскіе почти обязательно процвѣтаютъ, хотя всегда начинаютъ дѣло съ грошей (напримѣръ, изъ приволжскихъ женскихъ — въ городѣ Кузьмодемьянскѣ, Черемисскій въ Кузьмодемьянскомъ уѣздѣ и др.).

Это любопытное явленіе прежде всего говоритъ о томъ, что въ Россіи теперь монастыри болѣе нужны женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Но тутъ обнаруживается еще одна черта, очень существенная: цвѣтущее состояніе женскихъ монастырей, возникшихъ на развалинахъ мужскихъ и отлично руководимыхъ въ хозяйственномъ и др. отношеніяхъ, является однимъ изъ многихъ прямыхъ и убѣдительныхъ отвѣтовъ на текущій вопросъ русской жизни: можно ли и стоитъ ли допустить русскую женщину къ земской, городской и т. п. дѣятельности? Русская исторія давнымъ давно дала положительный отвѣтъ на этотъ непраздный вопросъ, а многіе факты нашей современной жизни, въ томъ числѣ и изъ богатой практики новыхъ женскихъ монастырей, блистательно подтверждаютъ то же самое.

VII.

Спустившись по лѣстницѣ къ монастырской пристани, я сѣлъ въ лодку, чтобы переправиться обратно. Было близко къ полудню, и до верхового парохода было еще далеко, но меня гнало изъ Макарьева гнетущее чувство пустоты и мертвенности, какое вызывали и этотъ умирающій городокъ, и совсѣмъ мертвое ярмарочное мѣсто, и трогательныя руины Троицкаго собора... Правда, жизнь теплилась въ самомъ монастырѣ, но вѣдь это—монастырская жизнь, олицетворенное отрицаніе подлинной жизни... Потянуло къ послѣдней.

На Волгѣ стояла тишь и гладь. Ни одинъ пароходъ не бороздилъ зеркальной поверхности воды. Но и въ этомъ величавомъ спокойствіи могучей рѣки было столько силы и жизни, что макарьевскія тяжелыя впечатлѣнія стали быстро ослабѣвать...

Лодка быстро скользила, направляясь выше Исадскихъ пристаней, гдѣ начинается хорошая дорога къ Лыскову, сначала мощеная деревомъ (по пескамъ), дальше камнемъ. По этой дорогѣ, идущей среди луговъ, тальниковыхъ зарослей, озеръ и болотъ заливной поймы, я направился пѣшкомъ къ Лыскову (извозчики выѣзжаютъ только къ пароходамъ), до котораго, какъ мнѣ сказали, всего 3 версты. Но я прошелъ 3 версты, а до Лыскова оставалось еще столько же. Полюбовавшись селомъ-городомъ издали, пришлось повернуть обратно.

День былъ страшно жаркій, предыдущая ночь прошла безъ сна (въ полночь сѣлъ въ Василѣ на «Лермонтова», биткомъ набитаго публикой, и мѣстъ для спанья не было), потомъ нѣсколько часовъ

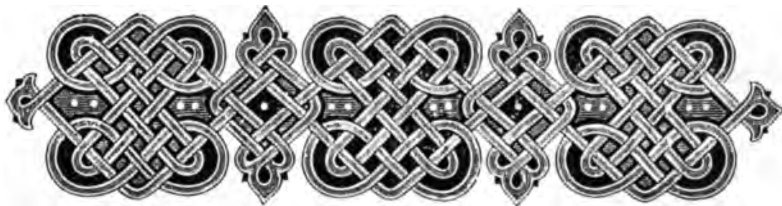
бродилъ по Макарьеву, да и голодъ давалъ себя чувствовать. Ни въ городѣ, ни на Исадской пристани негдѣ и нечѣмъ было подкрѣпиться. На послѣдней есть, правда, чайная, но настолько грязноватая, что не было охоты войти туда.

Пришлось стоически ждать парохода съ верху и тамъ вознаградить себя за паломничество къ Старому Макарью, протекшее на совершенно постномъ положенiи... Усѣлся на пристани, перебирая впечатлѣнiя дня и внося ихъ въ записную книжку. Напротивъ высился Желтоводскiй монастырь и доминирующiй надъ нимъ Троицкiй соборъ, съ его 4 главами, такъ сиротливо стоящими безъ главнаго купола... Снова всплывали жгучiя впечатлѣнiя, навѣянныя этимъ раненымъ богатыремъ...

Только въ 4-мъ часу прибыла любимовская «Пермь»... На большомъ роскошномъ пароходѣ чувствовалось такъ необычно послѣ всѣхъ предыдущихъ картинъ, образовъ, впечатлѣнiй...

Н. Н. Оглоблинъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

I.

Взгляды Бисмарка на внутреннюю и иностранную политику Россіи въ 1858—1861 годахъ.

А-ДНЯХЪ въ дополненіе къ воспоминаніямъ Бисмарка напечатана переписка его съ прусскимъ министромъ Шлейнитцемъ (Bismark's Briefwechsel mit dem Minister Fr. von Schleinitz. Berlin. 1905).

Баронъ фонъ-Шлейнитцъ увѣдомилъ 7-го ноября 1858 г. Бисмарка, состоявшаго въ то время прусскимъ посланникомъ при германскомъ союзномъ сеймѣ, что принцъ регентъ назначилъ его, Шлейнитца, министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто барона фонъ-Мантейфеля. На это Бисмаркъ отвѣчалъ новому своему начальнику поздравленіемъ, а 9-го ноября 1858 г. просилъ у него разрѣшенія независимо отъ офиціальныхъ донесеній дѣлать ему въ формѣ частныхъ писемъ сообщенія по такимъ предметамъ, которые представляютъ интересъ, но не подлежатъ включенію въ офиціальную переписку.

При изданіи «Мыслей и воспоминаній князя Бисмарка» были разысканы и тогда же оглашены всего только 4 письма Бисмарка къ Шлейнитцу, а впослѣдствіи нашлись 48 не оглашенныхъ писемъ, обнимающихъ главнымъ образомъ эпоху пребыванія Бисмарка въ Петербургѣ, въ бытность его посланникомъ при русскомъ дворѣ.

Переписка эта затрогиваетъ тогдашнія политическія злобы дня, касаясь главнымъ образомъ итальянскаго вопроса, и сопровождается характеристиками лицъ и событій, происходившихъ въ Петербургѣ. Переписка эта представляетъ тѣмъ болѣе существенное дополненіе къ мемуарамъ Бисмарка, что письма имѣли цѣлью держать министра въ курсѣ совершавшихся и подготовлявшихся событій и отнюдь не предназначались для оглашенія; поэтому здѣсь Бисмаркъ высказывается гораздо откровеннѣе, не стѣсняясь тѣми соображеніями, какія заставляли его многое оставлять не досказаннымъ въ «Воспоминаніяхъ», предназначенныхъ для напечатанія.

Пестрота содержанія переписки между посланникомъ и министромъ заставила насъ классифицировать сообщаемыя Бисмаркомъ свѣдѣнія подъ опредѣленныя рубрики, ограничившись приведеніемъ наиболѣе интересныхъ фактовъ и разсужденій.

Прежде всего значительное мѣсто въ письмахъ отводится личнымъ дѣламъ посланника и соображеніямъ, въ силу которыхъ онъ стремился извѣстнымъ образомъ обставить свое положеніе въ Петербургѣ.

«Здѣсь, —писалъ Бисмаркъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ,—до сихъ поръ живы традиціи г. фонъ-Рохова [1]), который ко всѣмъ дѣламъ, лежавшимъ за предѣлами высшихъ политическихъ соображеній и личныхъ своихъ связей съ высшими сферами, относился, какъ демократъ къ дипломатамъ, т.-е. съ полнымъ равнодушіемъ и безъ всякаго служебнаго рвенія. Въ свою очередь г. фонъ-Вертернъ [2]) съ момента моего прибытія сюда началъ отъ меня отдаляться и проявлять враждебность, чѣмъ въ значительной степени затруднилъ мнѣ ознакомленіе съ здѣшними дѣлами и обществомъ. Какъ я могъ удостовѣриться впослѣдствіи, онъ не стѣснялся даже распространять въ здѣшнихъ кружкахъ всевозможные вредившіе мнѣ слухи».

Съ другой стороны, еще и графъ Рехбергъ (австрійскій предсѣдательствующій на германскомъ сеймѣ) по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Бисмарка, похвалялся, будто Австрія имѣетъ пока достаточно вліянія, чтобы сдѣлать Бисмарка безвреднымъ. Что ради этого Рехбергъ не станетъ стѣсняться средствами, «это вполнѣ допустимо при его характерѣ и той ненависти, какую онъ ко мнѣ питаетъ», пояснялъ Бисмаркъ (письмо отъ 18 іюня 1859 года).

Это ставило Бисмарка въ необходимость на новомъ посту дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью, но интриги Вертерна и

---

[1]) Генералъ фонъ-Роховъ состоялъ прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1850 по 1854 г.

[2]) Баронъ Карлъ фонъ-Вертернъ, смѣнившій фонъ-Рохова, стоялъ во главѣ прусскаго посольства въ Петербургѣ съ 1854 по 1858 г.

Рехберга не отразились на отношеніяхъ Бисмарка къ князю А. М. Горчакову.

Отъ 20 мая 1859 года Бисмаркъ пишетъ:

«Вчера князь Горчаковъ пригласилъ меня къ себѣ въ необычайно ранній часъ и тотчасъ же сообщилъ, что изъ Берлина долженъ пріѣхать графъ Мюнстеръ [1]). Князь замѣтилъ, что этотъ пріѣздъ преждевременъ, и онъ не можетъ себѣ даже представить, къ чему эта миссія собственно можетъ послужить. Въ настоящее время не представляется никакого матеріала для особыхъ переговоровъ, а торопливыя настоянія предпринять совмѣстныя дѣйствія въ такой моментъ, который не заключаетъ въ себѣ ничего побуждающаго къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, едва ли могутъ способствовать улучшенію взаимныхъ отношеній между обоими дворами. «Да если бы и надо было что нибудь обсудить, я не вижу причины, почему рядомъ съ вами долженъ выступать еще графъ Мюнстеръ!» Если на ряду со служебными сношеніями между королевскимъ посланникомъ и императорскимъ министромъ разсчитываютъ завязывать еще переговоры съ возможными министрами «in partibus» и въ этихъ видахъ думаютъ использовать составленныя прежде графомъ Мюнстеромъ связи, то онъ, князь Горчаковъ, на этотъ счетъ совершенно споконъ, государю же едва ли можетъ понравиться подобная безцѣльная попытка.

«Въ Россіи,—продолжалъ князь,—только два человѣка освѣдомлены насчетъ истинной политики Петербургскаго кабинета—государь, который ее направляетъ, и я, который ее подготовляю и выполняю. Его величество очень скрытенъ, я же говорю то, что хочу сказать. Впрочемъ предъ вами я высказываюсь охотнѣе и откровеннѣе, чѣмъ предъ всякимъ другимъ. Государь, быть можетъ, имѣлъ достаточно вѣскія причины, чтобы именно меня назначить министромъ, но я долгое время отъ этого отказывался и предлагалъ иныя комбинаціи, а именно князя Орлова, либо барона Будберга [2]).

«Государь,—продолжалъ князь Горчаковъ,—уѣхалъ въ Москву, послѣ того, какъ я отказался принять портфель министерства, но по возвращеніи назадъ онъ продолжалъ настаивать на сдѣланномъ имъ выборѣ и преодолѣлъ мои возраженія. Ma position est inexpugnable, parce que je ne la défends pas. Пока же я занимаю этотъ постъ, распоряжаюсь я единолично, и никому чрезъ Орлова,

---

[1]) Графъ Мюнстеръ-Мейнгёвель, флигель-адъютантъ Фридриха-Вильгельма IV, состоявшій военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ при особѣ государя Николая Павловича.

[2]) Князь Алексѣй Өеодоровичъ Орловъ, предсѣдательствовавшій въ эту эпоху въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ.

Баронъ Будбергъ, занимавшій постъ Россійскаго посланника въ Берлинѣ.

Нессельроде [1]) или Панина [2]) не удастся провести того, чего не смогли бы сдѣлать чрезъ меня. Мнѣ лично будетъ даже очень пріятно, если графъ Мюнстеръ пріѣдетъ сюда, затѣмъ чтобы лишній разъ въ этомъ убѣдиться».

Бисмаркъ на это возразилъ князю, что о предполагаемомъ пріѣздѣ графа Мюнстера онъ совершенно не освѣдомленъ, но сомнѣвается, чтобы этотъ пріѣздъ могъ носить характеръ миссіи къ «возможнымъ» министрамъ in partibus.

Вѣрнѣе всего, принцъ регентъ желаетъ непосредственно и подробно довести до свѣдѣнія императорскаго кабинета и Бисмарка о разныхъ своихъ намѣреніяхъ, и, считая неудобнымъ сдѣлать это письменно, возложилъ это порученіе на лично извѣстнаго государю и снискавшаго его благоволеніе Мюнстера.

«Почему же, — удивился князь, — не предпочли вызвать васъ для этого на нѣсколько дней въ Берлинъ?

«За время здѣшняго пребыванія вы проявили большой тактъ и избѣгали всѣхъ косвенныхъ путей, которые могли себѣ открыть, и этимъ, конечно, снискали полное довѣріе государя и мое. Графъ же Мюнстеръ при покойномъ государѣ создалъ себѣ такое положеніе, которое, на взглядъ всякаго русскаго, для иностранца, хотя бы и представляющаго дружественный дворъ, едва ли допустимо?»

Затѣмъ князь съ видимымъ самодовольствіемъ вернулся опять къ прежней темѣ своего положенія и его соперниковъ. Князь Орловъ, разсказывалъ онъ, показываетъ отвращеніе ко всѣмъ дѣламъ, и по причинѣ ли чрезмѣрной осторожности или по апатіи его съ большимъ трудомъ можно заставить опредѣлительно высказаться по какому либо политическому вопросу. Графъ Панинъ, конечно, охотно бы взялся за министерство иностранныхъ дѣлъ, но онъ лично непріятенъ государю, ненавидимъ всѣми своими подчиненными и выступаетъ принципіальнымъ противникомъ эмансипаціи. Графъ Нессельроде тѣсно сросся съ тѣми преданіями, съ которыми государь во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ уже рѣшительно порвалъ. Если бы государь изволилъ признать за благо поручить возложенныя на князя Горчакова обязанности другому лицу, то наибольшіе шансы для этого имѣетъ баронъ Будбергъ; самъ князь не преминетъ рекомендовать его государю, въ качествѣ своего преемника. Но и здѣсь препятствіемъ будетъ то, что государь признаетъ неудобнымъ этотъ постъ попрежнему замѣщать «нѣмецкимъ именемъ».

Коснувшись почина, который государь беретъ на себя въ отношеніи дипломатическихъ сношеній, кн. Горчаковъ пояснилъ, что

---

[1]) Графъ Нессельроде, хотя и носилъ первенствующій чинъ россійскаго государственнаго канцлера, фактически находился уже не у дѣлъ.

[2]) Графъ Панинъ состоялъ въ это время министромъ юстиціи.

императоръ лично и въ Веймаръ и въ Штутгартъ отписалъ ясно и рѣшительно. Его величество очень чутко и непріятно относится къ многочисленнымъ совѣтамъ и внушеніямъ на счетъ русской политики, получаемымъ отъ родственныхъ ему германскихъ высочайшихъ особъ; онъ рѣшительно не выноситъ того тона, въ которомъ ему преподносятся непрошенные совѣты. Ему внушается, что Россія должна такъ-то поступить, что долженъ же онъ это усмотрѣть, а если то или другое не будетъ предпринято, то затѣмъ слѣдуютъ обидныя альтернативы. Особенно неумѣстны письма къ членамъ императорской фамиліи, которыя пересылаются ихъ роднею изъ-за границы по почтѣ, словно нарочно, затѣмъ, чтобъ были прочтены кѣмъ слѣдуетъ, хотя они заключаютъ величайшія глупости по адресу государя.

«Князь Горчаковъ въ заключеніе продолжительной бесѣды оговорился, что онъ со мною болѣе разоткровенничался, чѣмъ это ему вообще свойственно, но безусловно надѣется, что я не обману его довѣрія.

Къ миссіи гр. Мюнстера и самъ Бисмаркъ, повидимому, относился враждебно и неоднократно къ ней возвращается.

Отъ 18-го іюня 1859 г. онъ пишетъ:

«Квинтъэссенція того, что императоръ Александръ II мнѣ трижды повторилъ, до послѣобѣденной бесѣды включительно, можетъ быть сведена къ тремъ пунктамъ».

«Дружба его величества къ его высочеству принцу регенту непоколебима—высказывая это, государь видимо былъ растроганъ; во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній государь не встрѣчаетъ препятствій къ пріѣзду сюда Мюнстера; въ случаѣ нападенія Пруссіи на Францію всеобщая европейская война сдѣлалась бы совершенно неизбѣжною».

Съ другой стороны, Бисмаркъ указывалъ Шлейнитцу, что чрезъ барона Мейендорфа, директора императорскаго кабинета, онъ теперь въ точности узналъ, насколько личность графа Мюнстера императору Александру II непріятна, но императоръ старается этого не показывать только изъ уваженія къ принцу регенту и къ памяти государя Николая Павловича, у котораго Мюнстеръ былъ persona grata.

На самомъ дѣлѣ, независимо отъ отношеній графа Мюнстера къ Александру II, Бисмарку лично казалось крайне неудобнымъ имѣть возлѣ себя въ Петербургѣ какъ бы второго и при томъ самостоятельнаго посланника въ лицѣ военнаго уполномоченнаго, будь то Мюнстеръ или кто другой, безразлично.

Отъ 2 января 1861 года Бисмаркъ жалуется: «я бы гораздо чаще видѣлся съ императоромъ, если бы у меня не было военнаго коллеги (военнаго уполномоченнаго, флигель-адъютанта короля Фридриха-Вильгельма IV, барона фонъ-Лёпъ), тѣмъ болѣе, что я не

могу устранить того, чтобы Лёпъ не отвлекалъ отъ меня связей при дворѣ, да и Горчаковъ нерѣдко предпочитаетъ переговариваться съ военнымъ уполномоченнымъ помимо меня. А Лёпъ вообще чуждъ всякаго властолюбія; съ другимъ же уполномоченнымъ, въ родѣ Мюнстера, мнѣ впору было бы и совсѣмъ закрыть лавочку».

Отъ 13 марта 1861 года Бисмаркъ возвращается къ этому же предмету и говоритъ: «если бы въ намѣреніяхъ правительства лежало назначить фонъ-Лёпу преемника, желательно въ интересахъ болѣе правильнаго отправленія службы, чтобы военному уполномоченному была преподана новая инструкція, которая ставила бы его въ положеніе сочлена посольства—такое именно положеніе занимаютъ здѣсь австрійскій, французскій и шведскій уполномоченные. До сихъ поръ на практикѣ выходило такъ, будто военный уполномоченный является довѣреннымъ лицомъ, отряженнымъ королевскимъ дворомъ для непосредственныхъ сношеній съ царемъ, а гражданскій посолъ только представляетъ прусское министерство иностранныхъ дѣлъ въ сношеніяхъ съ Горчаковымъ. Это раздѣленіе власти ставитъ посольство въ фальшивое положеніе и во многихъ случаяхъ лишаетъ меня возможности вступать въ непосредственныя сношенія съ императоромъ».

Ввести уполномоченнаго въ надлежащія рамки Бисмарку въ концѣ концевъ удалось.

Этимъ, однако же, онъ не могъ удовлетвориться и добивался поднятія вѣса своего положенія и въ другомъ еще направленіи.

Отъ 22 мая 1859 года Бисмаркъ жаловался: «Будбергъ сообщаетъ сюда все, что ни узнаетъ, безъ разбора. Онъ, конечно, фактовъ не извращаетъ, но случайно кѣмъ нибудь брошенное слово, или скоропреходящія сужденія пріобрѣтаютъ не подобающее имъ значеніе, разъ безъ критики включаются въ донесенія.

«Съ другой стороны, такъ какъ Будбергъ гораздо дольше, чѣмъ я, соприкасался съ взаимными отношеніями между обоими дворами, то совершенно естественно текущія дѣла направляются преимущественно чрезъ него. Несомнѣнно, Будбергъ проявляетъ къ намъ относительное доброжелательство, но способность любить и уважать другихъ въ немъ вообще мало развита, оцѣнки же, какія онъ дѣлаетъ объ насъ и нашихъ обстоятельствахъ, мягко выражаясь, очень далеки отъ пристрастія. Этимъ предпосылкамъ отвѣчаютъ всѣ донесенія Будберга и оказываемое ими вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ его сообщенія о дѣловыхъ и личныхъ отношеніяхъ весьма точны и быстры, такъ какъ онъ почерпаетъ ихъ, какъ мнѣ еще извѣстно со времени моего пребыванія въ Берлинѣ, изъ весьма разностороннихъ и благонадежныхъ источниковъ. Въ сообщеніяхъ по текущимъ дѣламъ, которыя идутъ къ Горчакову, опираясь на самоличныя наблюденія россійскаго посланника въ

Берлинѣ, я, конечно, въ соперничество вступать съ нимъ не берусь... но въ нашихъ интересахъ лежитъ, чтобы сношенія между обоими дворами велись не столько чрезъ россійскаго посланника въ Берлинѣ, сколько чрезъ прусскаго въ Петербургѣ; поэтому я предлагаю, чтобы, по крайней мѣрѣ, тѣ переговоры, которые возникаютъ по нашему почину, велись чрезъ меня, но не чрезъ Будберга».

Не менѣе важными представлялись для Бисмарка возможность и удобные случаи къ личному обмѣну мыслями съ государемъ.

По этому поводу онъ, отъ 23 августа 1860 года, пишетъ: «Государь уѣхалъ въ Москву. Я недѣлями его не вижу. Въ прошломъ году меня, числившагося въ военной службѣ въ поручичьемъ чинѣ, приглашали на парады, а теперь, хотя я произведенъ въ ротмистры, этого не дѣлаютъ. Генералъ Веймарнъ, который вѣдаетъ приглашеніями, пояснилъ мнѣ, что русскій до глазъ не можетъ освоиться съ орденомъ Бѣлаго Орла, украшающимъ мой военный мундиръ при оберъ-офицерскихъ эполетахъ. Это, впрочемъ, имѣетъ и свои хорошія стороны, такъ какъ я не зналъ бы, какъ управиться съ текущими дѣлами, если бы мнѣ пришлось терять по нѣскольку дней на военныя экспедиціи».

Постепенно, однако же, Бисмаркъ создалъ себѣ особенное положеніе при петербургскомъ дворѣ и сдѣлался настолько persona grata у императора Александра, что внѣ аудіенцій пересылалъ государю, помимо Горчакова, разныя письменныя сообщенія.

Такъ, отъ 12 апрѣля 1861 года, онъ увѣдомляетъ Шлейнитца: «Тѣ извлеченія, какія я призналъ умѣстнымъ сдѣлать изъ донесеній Теремина [1]), я частнымъ образомъ довелъ до свѣдѣнія императора. Подобныя сообщенія дѣлаются мною безъ препроводительныхъ записокъ и передаются чрезъ камердинера его величеству запечатанными въ конверты. Этотъ способъ непосредственныхъ сношеній неоднократно мнѣ указывался самимъ императоромъ. Насколько пріятны князю Горчакову такія сношенія, я оставляю въ сторонѣ; я не дѣлаю изъ этой переписки для Горчакова тайны, тѣмъ болѣе, что государь все ему сообщаетъ, но оправдываю между мною и государемъ переписку тѣмъ доводомъ, что племяннику моего повелителя я могу непосредственно представлять многое такое, что, въ качествѣ посланника, постѣснился бы въ служебномъ порядкѣ передавать министру державы, при которой аккредитованъ».

Совершенно уже частный характеръ носятъ частыя жалобы Бисмарка на скаредную матеріальную обстановку, въ какой находился представитель Пруссіи при петербургскомъ дворѣ. Окладъ жалованія Бисмарку былъ положенъ настолько скромный,

[1]) Тереминъ состоялъ въ Варшавѣ прусскимъ генеральнымъ консуломъ.

что, несмотря на усиленныя приглашенія Александра II поселиться лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ въ то время обыкновенно пребывалъ дворъ въ теченіе лѣтняго сезона, Бисмаркъ стѣснялся изъ-за найма дачи, такъ какъ при дороговизнѣ петербургскихъ цѣнъ это ему было не по карману. Мало того, учетъ контроля былъ такой строгій, что, когда Бисмаркъ, уѣхавъ за границу въ отпускъ, принужденъ былъ по служебнымъ посольскимъ дѣламъ загоститься надолго въ Берлинѣ, у него былъ сдѣланъ вычетъ изъ жалованья, и только послѣ настойчивыхъ напоминаній Шлейнитцу ему была сдѣлана доплата, пришедшаяся очень кстати, такъ какъ не получи онъ этихъ денегъ, онъ, по его словамъ, не зналъ бы, какъ и расплатиться въ срокъ за квартиру.

Мелкія матеріальныя дрязги эти настолько наконецъ надоѣли Бисмарку, что онъ довольно рѣшительно высказался предъ Шлейнитцемъ.

«Я слишкомъ хорошій отецъ семейства, чтобы залѣзать въ долги, и мнѣ остается развѣ одно, устроиться à la Кёккеритцъ, то-есть поселиться на антресолѣ въ домѣ Жеребцова, держать двѣ прислуги и всѣмъ посѣтителямъ неизмѣнно отвѣчать: «нѣтъ дома».

«Жизнь въ петербургской каменной громадѣ, при существующихъ холодахъ, приводитъ къ тому, напримѣръ, что въ теченіе 10 недѣль изъ-за болѣзней то жены, то дѣтей не проходитъ и дня, чтобы у меня не побывалъ докторъ. Вообще, я здѣсь вижу мало привлекательности, а если сюда присоединить еще денежныя заботы и униженія свѣтскаго блистанія на ряду чуть что не съ голоданіемъ, то я предпочелъ бы занять скромный постъ гдѣ нибудь въ Средней Европѣ, или отчислиться за штатъ. Служба королю и отечеству чрезъ это нисколько не пострадали бы, потому что многіе изъ моихъ коллегъ болѣе честолюбивы, чѣмъ я, и охотно займутъ постъ, который я въ силу матеріальныхъ условій не могу занимать по той причинѣ, что не могу нести за свой счетъ расходовъ по представительству» (письмо отъ 11-го августа 1860 года).

Переходя къ вопросамъ общей политики, надо замѣтить, что переписка Бисмарка со Шлейнитцемъ, обнимая періодъ времени съ 1858 по 1862 годъ, главнымъ образомъ касается австро-итальянской войны и тѣхъ треволненій, какія вызывало въ европейскомъ концертѣ объединеніе Италіи.

Насколько это тревожное время отражалось въ Петербургѣ и нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, показываютъ письма Бисмарка, въ которыхъ разсыпано немало любопытныхъ подробностей и общихъ политическихъ соображеній.

По поводу интригъ, затѣвавшихся Англіею въ то время, какъ континентальныя державы были озабочены разрѣшеніемъ итальянскаго вопроса, Бисмаркъ, отъ 28—16 апрѣля 1859 года, приводитъ

интересный разговоръ съ княземъ Горчаковымъ, происходившій на похоронахъ князя Гогенлоэ. О попыткѣ Англіи къ посредничеству князь Горчаковъ отозвался рѣзко: «я имъ желаю полнаго успѣха, но не скрою нашего удивленія, видя, что Англія неожиданно отстаетъ отъ того самаго соглашенія, которое состоялось на основахъ, ею же предложенныхъ. Этотъ фактъ по существу таковъ, что не можетъ служить поощреніемъ предпринимать въ будущемъ какія либо дѣйствія совмѣстно съ Англіею».

Къ этому Бисмаркъ поясняетъ, что и императоръ Александръ II неоднократно ему выражалъ недовѣріе къ Англіи, утверждая, что она ведетъ двойную игру, но князь Горчаковъ и расположеніе, какимъ здѣсь заручился Крэмптонъ [1]), силились противодѣйствовать развитію высочайшаго недовѣрія.

«Теперь,—пишетъ Бисмаркъ,—здѣсь впрочемъ съ досаднымъ и обиднымъ себялюбіемъ все тѣснѣе льнутъ къ Франціи; Горчаковъ болѣе, чѣмъ когда либо, отъ меня секретничаетъ и таинственно совѣщается съ французскимъ посланникомъ. Поэтому я особенно сожалѣю, что мнѣ представляется мало случаевъ видѣться съ императоромъ. Со времени моего представленія при назначеніи на теперешній постъ я съ нимъ случайно встрѣчался неоднократно, но одинъ единственный разъ обмѣнялся онъ со мною нѣсколькими словами.

«Противъ Австріи въ русскомъ военномъ мірѣ настолько враждебно настроены даже въ рядахъ такъ называемой «нѣмецкой партіи», что старый баронъ Ливенъ, начальникъ генеральнаго штаба, вчера еще высказалъ мнѣ глубокое сожалѣніе по поводу вѣсти о перемиріи, такъ какъ Немезида далеко еще не сказала послѣдняго слова своего приговора, произнесеннаго надъ Австріею» (письмо отъ 9-го іюля 1859 года).

«Хотя князь Горчаковъ и рекомендовалъ графу Туну [2]) добиваться соглашенія съ Пруссіею какою угодно цѣною, Тунъ, которому свыше приказывалось во что бы то ни стало искать сближенія съ Россіею, именно въ Горчаковѣ видитъ главную помѣху для осуществленія преподанной ему задачи. Отъ императора Тунъ разсчитываетъ всего добиться, лишь бы только удалось смѣстить Горчакова. Возобновленіе дружбы къ Австріи, какъ кто-то сострилъ въ Петербургѣ, и является тѣмъ конемъ, на которомъ Будбергъ разсчитываетъ въѣхать въ министерство иностранныхъ дѣлъ» (письма отъ 21-го—9-го іюля 1860 года и 12-го октября 1859 г.).

---

[1]) Сэръ Джонъ Крэмптонъ, тогдашній великобританскій посланникъ при с.-петербургскомъ дворѣ.

[2]) Графъ Тунъ занималъ въ это время постъ австрійскаго посланника въ Петербургѣ.

Стремленіе прусскаго правительства добиться entente cordiale между Пруссіею, Россіею и Франціею для замиренія австро-итальянскаго конфликта было встрѣчено Россіею сочувственно, и князь Горчаковъ 9-го іюля 1859 года заявилъ Бисмарку: «qu'on acceptait avec empressement et sans phrase et que l'on conciderait volontiers à la Prusse l'honneur de la direction d'une affaire, dont le succès serait dû à son initiative».

Починъ Пруссіи въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе казался привлекательнымъ Бисмарку, что онъ въ этомъ же массировалъ путь къ сближенію съ Наполеономъ.

«Единственный способъ предупредить сближеніе мелкихъ германскихъ государствъ съ Франціею въ томъ именно и заключается, чтобы Пруссія стояла ближе къ Франціи, чѣмъ они. Для этого намъ, конечно, нѣтъ надобности дѣлаться сообщниками Наполеона и пособниками всѣхъ его путанныхъ плановъ. Откровенно же говоря, между четырехъ глазъ, я понимаю, что естественнымъ нашимъ союзникомъ и противъ Франціи и противъ Австріи скорѣе можетъ сдѣлаться Піемонтъ. Если Піемонтъ въ состояніи будетъ опереться на Пруссію, итальяно-французскій союзъ утратитъ всякую опасность и мощь» (письмо отъ 9-го февраля 1860 года).

Вообще въ письмахъ Бисмарка начинаютъ сказываться опасенія противъ Франціи и недовѣріе къ Наполеону, которыя являются любопытными предвѣстниками франко-прусской войны и дальнѣйшей эволюціи Германіи.

Отъ 20—8 ноября 1860 года, Бисмаркъ пишетъ: «Князь Горчаковъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ работаетъ съ французскимъ посланникомъ, но о содержаніи переговоровъ ни тотъ, ни другой не проговариваются. Наполеонъ прекрасно сознаетъ, что политическіе взгляды, которыми щеголяетъ герцогъ Монтебелло, не имѣютъ ничего общаго съ конечными цѣлями императорской политики. Несмотря на всю силу сангвиническаго своего воображенія, Горчаковъ слишкомъ дальновиденъ и, конечно, понимаетъ, что чрезъ посланника онъ не узнаетъ сокровенныхъ замысловъ Наполеона и, конечно, не въ состояніи оказать существенное давленіе на французскую политику. До сихъ поръ князь находитъ операціонный базисъ въ томъ фактѣ, что оба императора, по различнымъ побужденіямъ, являются противниками объединенія Италіи, хотя и не желаютъ откровенно ему противоборствовать. Но обоюдное несочувствіе итальянскому движенію едва ли составляетъ достаточно связующее начало, которое бы могло преклонить интересы Франціи къ Россіи и обусловить прочное соглашеніе насчетъ будущаго устроенія Италіи и Востока и связаннаго съ ними положенія Англіи».

Подготовлявшееся между европейскими государями свиданіе въ Варшавѣ особенно привлекало вниманіе Бисмарка. Отъ 5 октября 1860 года онъ пишетъ:

«Я позволилъ себѣ спросить вчера императора, правда ли, что и Наполеонъ пріѣдетъ въ Варшаву. Тема эта государю видимо была неугодна, и онъ быстро замялъ разговоръ, но для меня не подлежитъ сомнѣнію, что если бы Наполеонъ вздумалъ взять на себя починъ пріѣзда въ Варшаву, принятъ онъ былъ бы благосклонно... Здѣшнее общественное мнѣніе, до русской партіи включительно, къ посѣщенію Наполеона относится сочувственно, но сближеніе съ Австріею критикуется рѣзко. Если бы русское общество знало, что я могъ вывести изъ высказанныхъ мнѣ еще вчера императоромъ Александромъ соображеній о «солидарности» польской и венгерской революціи и готовности царя даже теперь еще помочь неблагодарной Австріи въ случаѣ новаго венгерскаго мятежа, то здѣсь еще рѣзче и нагляднѣе обнаружилась бы рознь между личными воззрѣніями Александра II и стремленіями большинства русской интеллигенціи».

Съ другой стороны, впрочемъ, самъ же Бисмаркъ отъ 9 ноября 1860 года сообщаетъ, что попытки къ возрожденію системъ солидарности консервативныхъ интересовъ, съ которыми принцъ Александръ Гессенскій, именовавшій себя «commis voyageur politico-militaire», выступилъ въ Петербургѣ, потерпѣли полное фіаско; онъ не разъ пытался обойти Горчакова: на поставленный принцемъ категорическій вопросъ, что предприметъ Россія, если на Австрію одновременно нападутъ Италія и Франція, князь отвѣчалъ: «Nous ne bougerons pas», и то же повторилъ на послѣдовавшій затѣмъ вопросъ, какъ поступитъ Россія въ томъ случаѣ, если бы война для Австріи имѣла неблагопріятный исходъ. Всѣ эти гаданія вызывались главнымъ образомъ тѣмъ, что Наполеонъ съ большимъ искусствомъ окружалъ непроницаемою тайною свои истинные виды и повергалъ въ недоумѣніе всѣ европейскія дипломатическія канцеляріи.

«Горчаковъ полагаетъ,—пишетъ Бисмаркъ отъ 27-го августа (8-го сентября) 1860 года,—что съ Монтебелло онъ легко бы сговорился, но Тувенеля онъ не находитъ на высотѣ положенія. Если бы къ пылкимъ словоизверженіямъ Горчакова могъ прислушаться какой нибудь англійскій корреспондентъ, въ оборотъ была бы пущена новая чудовищная утка въ родѣ континентальной коалиціи противъ Англіи, а на случай сопротивленія Пруссіи хотя бы новое изданіе союза трехъ имперій à la Шварценбергъ противъ превратныхъ стремленій Англіи и Пруссіи. На самомъ же дѣлѣ мнѣ думается, Россія пока заинтересована только тѣмъ, чтобъ освободиться отъ запрета возродить черноморскій флотъ, что не можетъ не коробить ея самолюбія при пробуждающемся теперь самосознаніи. Никакому министру не удалось бы склонить императора Александра на политику, преслѣдующую смѣлыя и широкія цѣли, но сомнительную въ нравственномъ отношеніи (въ родѣ того,

чтобы исподтишка подѣлить Турцію и удовлетворить за нашъ счетъ Францію). Императоръ тяготѣетъ къ болѣе близкимъ и мирнымъ цѣлямъ.

«Мнѣ Горчаковъ прямо заявилъ, что онъ съ нами повелъ бы переговоры о планахъ насчетъ Италіи, если бы не опасался, что мы все сообщаемъ Англіи. «Я имѣю основанія бояться,—прибавилъ Горчаковъ,—что мои вамъ довѣренныя сообщенія передаются въ Берлинъ, а потомъ становятся достояніемъ и англійскаго двора». Для меня же,—прибавляетъ Бисмаркъ,—вполнѣ достовѣрно, что все, сообщаемое нами въ Лондонъ, не остается тайною для Парижа, а оттуда идетъ назадъ въ Петербургъ, если только чѣмъ нибудь можетъ здѣсь вызвать недовѣріе или тревогу».

Разсказывая о свиданіи съ Горчаковымъ въ маѣ 1860 года, Бисмаркъ замѣчаетъ: «Въ началѣ разговора князь проявлялъ гораздо большую сдержанность, чѣмъ въ прошломъ году. Его поразило извѣстіе, переданное Будбергомъ отъ 2-го (20-го) мая, о предстоящемъ свиданіи его величества принца-регента съ Наполеономъ. Князь, впрочемъ, высказалъ надежду, что это свиданіе успокоитъ насъ и прочія нѣмецкія государства въ отношеніи миролюбивыхъ намѣреній Франціи на ближайшее будущее. Русско-французскій союзъ, по словамъ князя, принадлежитъ къ призракамъ и оговорамъ, выставляемымъ Англіею; онъ можетъ только скорбѣть о томъ, что лордъ Джонъ Россель, котораго лично онъ очень любитъ, въ качествѣ министра обнаружилъ близорукость и непостоянство.

«Судя по нѣкоторымъ намекамъ князя Горчакова, я имѣю основаніе предположить, что сдѣланныя помимо меня предложенія здѣшнимъ кабинетомъ приняты за призывъ къ образованію коалиціи противъ Франціи, на чтó будто бы и воспослѣдовалъ уклончивый отказъ. Я, конечно, не хотѣлъ дать замѣтить князю, что объ этомъ фактѣ не освѣдомленъ, и отъ дальнѣйшаго разговора на эту тему воздержался. Далѣе Горчаковъ, ссылаясь на неизвѣстное мнѣ собственноручное письмо императора Александра къ принцу-регенту, высказалъ желаніе, чтобы по восточному вопросу Пруссія не столько шла рука объ руку съ великими державами, сколько съ Россіею. Востокъ оказывается тою именно областью, въ которой тѣснѣйшее единеніе между обоими родственными дворами и можетъ представить существенный для Россіи практическій интересъ. При этомъ князь замѣтилъ, que la poire soit mûre ou non, l'empereur veut qu'elle ne tombe pas, mais qu'on la rattache; nous voulons le repos et rien que le repos; il sera compromis, si l'on persiste à s'aveugler sur les dangers, dont il est menacé».

Существенныя и цѣнныя дополненія къ объясненіямъ Горчакова Бисмаркъ вынесъ изъ послѣдовавшей затѣмъ аудіенціи у государя. Его величество отнесся къ посланнику очень милостиво, мановеніемъ руки отпустивъ церемоніймейстера, введшаго Бисмарка,

и, бросивъ послѣднему фразу «sans cérémonies», обнялъ его и началъ уговаривать на лѣто поселиться въ Царскомъ Селѣ. Перейдя затѣмъ къ политикѣ, государь высказалъ мнѣніе, что гораздо легче можно унять Наполеона, идя съ нимъ рука объ руку, чѣмъ выступая противъ него. «Разъ я буду опираться на Пруссію, а Пруссія на меня, каждый изъ насъ будетъ чувствовать себя надежнѣе и въ сношеніяхъ съ Франціею станетъ выступать гораздо рѣшительнѣе. Съ другой стороны, взаимоотношенія эти и для Наполеона представятъ тѣмъ большее значеніе, что они гарантируютъ второй имперіи безопасность и вѣсъ; эти взаимоотношенія, доколѣ будутъ длиться, явятся для Наполеона охраною отъ опасности всеобщей коалиціи, а отъ такой гарантіи онъ едва ли откажется. Такимъ образомъ мы въ состояніи будемъ миролюбиво сдерживать Наполеона, такъ какъ Россія и Пруссія будутъ другъ къ другу стоять ближе, чѣмъ каждый изъ насъ стоитъ къ Наполеону. Выступать же противъ Франціи враждебно, доколѣ этого возможно избѣжать, запрещаютъ мнѣ истинные русскіе интересы».

«Что императора,—прибавляетъ Бисмаркъ,—на такое соглашеніе наталкиваетъ не довѣріе и не расположеніе къ Наполеону, но ясное разумѣніе реальныхъ фактовъ и отношеній, я могъ вывести изъ выраженій, въ какихъ его величество высказалъ недовѣріе къ Наполеону и полную невозможность заранѣе усчитать принимаемыя имъ рѣшенія... Судя по тону, съ какимъ государь отзывался о Наполеонѣ, слѣдовало заключить, что онъ вынесъ далеко неутѣшительныя впечатлѣнія изъ опыта непосредственныхъ сношеній съ господиномъ, возсѣдающимъ у Сены» (письмо отъ 14 іюня 1860 г.).

Отъ 10-го декабря (28-го ноября) 1861 г. Бисмаркъ сообщаетъ содержаніе новой бесѣды съ княземъ Горчаковымъ.

«Горчаковъ допускалъ возможность, что послѣ Варшавскаго свиданія Австрія пыталась нащупать почву въ Парижѣ для новаго соглашенія. По крайней мѣрѣ, французское правительство въ недавнее время выставило такой планъ, чтобы за уступку Венеціи предложить Францу-Іосифу частью денежное вознагражденіе, частью расширеніе Далмаціи на счетъ Турціи, за исключеніемъ Дунайскихъ княжествъ. Россія, однако же, это предложеніе отклонила подъ тѣмъ предлогомъ, что жители помянутыхъ турецкихъ областей никогда не сдѣлаются вѣрноподданными Австріи».

По мнѣнію Горчакова, съ гораздо большею вѣроятностью можно было бы ожидать, что Австрія заявитъ державамъ—гарантируйте мнѣ обладаніе Венеціею, а съ остальною Италіею вѣдайтесь, какъ сами знаете. Несомнѣнно, въ этомъ случаѣ у Франціи относительно Неаполя и Этруріи возникли бы планы, противоположные англійскимъ, и вотъ здѣсь-то и коренится главная трудность на шаткой основѣ достигнуть соглашенія между державами и Австріею.

Отъ 17-го апрѣля 1861 г. Бисмаркъ дѣлится со Шлейнитцемъ своими недоумѣніями по поводу того, послѣдуетъ ли Франція примѣру Англіи и признаетъ ли Итальянское королевство.

«Добиться на этотъ счетъ отъ Горчакова опредѣленнаго разъясненія—трудъ напрасный. Я, впрочемъ, сильно сомнѣваюсь, могъ ли бы онъ дать опредѣленный отвѣтъ на это, если бы даже и захотѣлъ—въ сущности вѣдь своихъ картъ Наполеонъ ему не показываетъ. По натурѣ Горчаковъ весьма склоненъ къ болтливости, но въ области своихъ отношеній къ Франціи онъ замыкается въ глубокое и упорное молчаніе. Я подозрѣваю, что насчетъ таинствъ Тюильрійской политики Горчаковъ на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе освѣдомленъ, чѣмъ это показываетъ другимъ, и за молчаливостью его скрывается значительная доля незнанія и неоправдавшихся расчетовъ».

Въ заключеніе нельзя не привести любопытныя оцѣнки, дѣлаемыя Бисмаркомъ австрійской и англійской политикѣ.

«Въ Австріи,—пишетъ Бисмаркъ весною 1861 г.,—дѣла идутъ прескверно, и для меня неясно, какъ тамъ справятся съ венгерскимъ конфликтомъ. Венгрія настаиваетъ на личной уніи, а австрійское правительство этому желанію не можетъ уступить, не лишившись значенія великой державы.

«Вчера я встрѣтилъ въ пріемной князя Горчакова графа Туна, и онъ со слезами на глазахъ признавался мнѣ, что отчаивается въ будущности своей родины. Его отзывы о пригодности Рехберга на занятіе поста австрійскаго министра-президента совпадаютъ съ мнѣніемъ, какое и я себѣ о немъ составилъ послѣ долголѣтнихъ совмѣстныхъ занятій на франкфуртскомъ сеймѣ. Я вѣдь считаю Рехберга за крайне ограниченнаго государственнаго человѣка.

«Имѣй я несчастіе быть австрійскимъ императоромъ, я бы завтра же переѣхалъ въ Пештъ, облекся бы въ венгерскій гусарскій костюмъ и постарался бы выучиться по-венгерски. Я бы принялся подгонять все подъ венгерскую мѣрку, самолично выступилъ бы на сеймѣ и призналъ бы за непреложную истину, что главное преимущество австрійскаго императора въ томъ именно и заключается, что онъ является венгерскимъ королемъ, а всѣ остальныя владѣнія составляютъ къ этому только придатки (Nebenländer)».

Отъ 15-го мая 1861 года Бисмаркъ сообщаетъ объ интимныхъ бесѣдахъ, которыя онъ за послѣднее время велъ съ англійскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ, лордомъ Непиромъ.

«Непиръ сказалъ мнѣ, что и полученныя имъ инструкціи и собственныя воззрѣнія побуждаютъ его хлопотать объ установленіи дружественнаго сближенія между Англіею и Россіею. Непиръ хочетъ вѣрить, что эту задачу ему удастся выполнить; онъ де сумѣетъ убѣдить императора Александра въ томъ, что ни либеральное направленіе англійской политики, ни соприкосновеніе инте-

ресовъ обѣихъ странъ на Востокѣ отнюдь не обусловливаютъ антагонизма между ихъ правительствами, и наоборотъ именно въ послѣдней области возможно достигнуть обоюдно выгоднаго мирнаго соглашенія. Главную помѣху своимъ намѣреніямъ лордъ Непиръ усматриваетъ въ рѣдкости удобныхъ случаевъ для непосредственныхъ объясненій съ царемъ. Онъ, конечно, можетъ чаще испрашивать себѣ аудіенціи, но опасался, какъ бы этимъ не испортить отношеній къ князю Горчакову, какъ лицу, законно уполномоченному на веденіе внѣшнихъ дѣловыхъ сношеній. Поэтому Непиръ ожидаетъ отъ времени и событій, что министръ наконецъ отдѣлается отъ односторонности и того пристрастія, которое приковываетъ его взглядъ только къ Парижу. Лордъ Непиръ считаетъ, впрочемъ, французскія симпатіи князя Горчакова безвредными, потому что онѣ обречены навсегда остаться безплодными. Русско-французскій союзъ съ аггрессивными завоевательными планами— химера, которою можно запугивать только политическихъ недоумковъ. Пока моря не освободятся отъ англійскихъ судовъ, для русскихъ интересовъ на Востокѣ дружба Франціи не можетъ составлять сколько нибудь дѣйствительнаго противовѣса англійской враждѣ. Попытка же обѣихъ имперій раздавить отдѣляющую ихъ другъ отъ друга Германію, независимо отъ трудности осуществить это предпріятіе, можетъ преслѣдовать только такія цѣли, къ которымъ Россія никогда стремиться не станетъ. Вѣдь если бы Германія оказалась подавленною и уничтоженною, непосредственное сосѣдство, въ которомъ оказались бы франко-русскіе союзники, по присоединеніи къ ихъ предѣламъ нѣмецкихъ областей, рано или поздно привело бы только къ возобновленію конфликта 1812 года. Никакое вліяніе не сможетъ направить императора Александра на подобныя авантюры, ввязавшись въ которыя не можетъ уже и быть возврата назадъ».

Переписка Бисмарка касается еще и иной области, особенно интересной для русскаго читателя. Проживая въ Петербургѣ въ разгаръ осуществленія крестьянской реформы и разгорѣвшихся затѣмъ въ Польшѣ безпорядковъ, Бисмаркъ по этому поводу не разъ дѣлился съ своимъ корреспондентомъ свѣдѣніями и соображеніями, не утратившими интереса и по сей еще часъ.

Отъ 30/18 ноября 1860 года Бисмаркъ пишетъ: «Такъ какъ Горчаковъ не принимаетъ участія въ министерскихъ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу, то его горловыя страданія слѣдуетъ отнести на счетъ болтливости князя и посѣщеній Монтебелло, съ которымъ онъ ежедневно переговаривается. Предо мною князь съ большою аффектаціею и мимическимъ совершенствомъ жалуется на полную потерю голоса, хотя его секретарь только что сообщилъ мнѣ «qu'aujourd'hui il a l'organe parfaitement sonore», да и самъ я въ этомъ могъ убѣдиться еще на лѣстницѣ. Князь, однакоже,

упорно жаловался и на хрипоту и на массу ожидающихъ его дѣлъ, а мнѣ онъ ничего интереснаго сообщить не имѣетъ. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы познакомиться со Штакельбергомъ, Билибинымъ и брюссельскимъ Орловымъ, благо они оказались въ министерствѣ, и съ младшими чинами послѣдняго, среди которыхъ баронъ Жомини слыветъ за правую руку министра.

«Если Жомини—франкофилъ и жаждалъ одобреній только отъ Парижа, то остальные господа безъ изъятій и оговорокъ превратнѣйшіе Halianissimi и фанатики націонализма у себя дома и за границею. Я вообще, за исключеніемъ ближайшихъ друзей стараго Нессельроде, нахожу здѣсь и въ военной и въ гражданской средѣ молодежь и стариковъ, одинаково увлекающихся Гарибальди и объединеніемъ Италіи; всѣ громко жалуются на здѣшнюю апатію и на то, что національная идея не признается за коренное начало государственности. Поэтому же всѣ высказываютъ сочувствіе Италіи, Венгріи и даже нѣмецкимъ националистическимъ стремленіямъ.

«Совершенно новымъ явленіемъ среди высшихъ сословій Россіи представляется, какъ и въ Венгріи, тяготѣніе къ русскому національному костюму. Въ театрахъ не въ рѣдкость теперь встрѣтить изящныхъ господъ въ голубыхъ и зеленыхъ бархатныхъ поддевкахъ, отороченныхъ мѣхомъ, и въ боярскихъ шапкахъ. Духовенство поощряетъ народничаніе, а попечитель наслѣдника престола, графъ Строгановъ, вліяніе котораго при дворѣ возрастаетъ, и котораго прочатъ въ министры, началъ свою дѣятельность съ увольненія Гримма, воспитателя его императорскаго величества. Мотивировалъ Строгановъ эту мѣру тѣмъ, что будущій царь долженъ быть le plus russe des russes, и тѣмъ, что во Франціи никогда бы не потерпѣли, чтобы наслѣдника престола воспитывалъ иностранецъ. Нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ народниковъ я задалъ вопросъ, какъ же они думаютъ распорядиться съ Польшею, если правомѣрнымъ мѣриломъ государственности признаютъ только національное начало. Мнѣ отвѣчали, что въ Россіи почти нѣтъ поляковъ; западныя провинціи населены русскими, говорящими на литовскомъ языкѣ, а населеніе большей части южныхъ губерній—русины, т.-е. тоже русскіе, и при томъ, православные; на ряду съ этимъ населеніемъ имѣется болѣе или менѣе значительное количество польскихъ помѣщиковъ-дворянъ, составляющихъ пришлый элементъ. Коренное польское населеніе до трехъ милліоновъ душъ обитаетъ только вдоль Вислы, въ королевствѣ, которое и можетъ получить самостоятельную организацію, въ возмѣщеніе чего къ Россіи должна отойти восточная половина Галиціи, имѣющая православное русское населеніе.

«Что касается собственно Россіи, то для нея желаютъ и ожидаютъ,—по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, кто не кормится отъ службы,—что по обнародованіи законовъ о крестьянствѣ состоятся государ-

ственныя преобразованія, и они обезпечать за народомъ и высшими сословіями соучастіе въ дѣлахъ государственнаго управленія. Умѣренные не переходятъ границъ, но слышатся и такіе голоса, которые напоминаютъ конвентъ и далеко опережаютъ программу жирондистовъ».

Отъ 21 декабря 1860 года Бисмаркъ оговаривается, что о внѣшней политикѣ теперь въ салонѣ Горчакова почти и не заговариваютъ вовсе.

«Крестьянскій вопросъ поглотилъ почти всѣ остальные интересы. Дворянство настраивается все враждебнѣе, государь на совѣщаніяхъ склоняется въ пользу либеральнаго меньшинства, во главѣ котораго стоитъ министръ путей сообщеній Чевкинъ. Въ качествѣ свѣдущаго человѣка и я былъ привлекаемъ Мейендорфомъ и Нессельроде и долженъ былъ подробно имъ объяснить ходъ операцій освобожденія крестьянъ въ Пруссіи и современное наше аграрное положеніе. Равнымъ образомъ потребованы были отъ меня свѣдѣнія объ установленіи налога на винокурни, которымъ предполагается теперь и въ Россіи замѣнить откупную систему. По устройству этой части у насъ въ Пруссіи я дѣйствительно освѣдомленъ въ точности, въ качествѣ давнишняго владѣльца винокуренъ».

«Императоръ,—пишетъ Бисмаркъ 30 января 1861 года,—подавленъ серьезностью внутренняго положенія и далеко не проявляетъ прежняго интереса къ иностранной политикѣ. Вчера онъ мнѣ самъ съ глубокимъ вздохомъ сознался, что среды для него—единственные счастливые дни, такъ какъ онъ на 24 часа имѣетъ отдыхъ отъ текущихъ дѣлъ: государь по вторникамъ вечеромъ уѣзжаетъ на охоту. И въ предшествующую мою аудіенцію я засталъ государя въ угнетенномъ настроеніи. Скверно то, что государя дѣлаютъ отвѣтственнымъ за широко развѣтвившіяся многочисленныя злоупотребленія»...

«Варшавскіе безпорядки,—читаемъ мы подъ 5-мъ марта 1861 года,—крайне прискорбны и вполнѣ естественно произвели здѣсь удручающее впечатлѣніе. При этомъ обнаружились такая слабость и отсутствіе предосторожности, которыя не предвѣщаютъ ничего хорошаго въ случаѣ болѣе серьезныхъ замѣшательствъ. Адресъ, поднесенный императору, для Россіи тоже является многозначительною новизною».

17 апрѣля 1861 года Бисмаркъ продолжаетъ: «Упорное противодѣйствіе, какое здѣсь обнаруживается по вопросу объявленія Польши на военномъ положеніи, заставляетъ меня думать, не сдѣланы ли были (Наполеону) обѣщанія насчетъ «мягкаго обхожденія» съ поляками. Горчаковъ дѣлаетъ видъ, будто все, что ни совершается, происходитъ согласно зрѣло обдуманной программѣ, и будто польскіе планы слишкомъ ничтожны и не могутъ отклонить государя отъ давно намѣченныхъ намѣреній. «Россія достаточно

могущественна, чтобы проявлять великодушіе»,—такова тема, которая на разные лады проходитъ чрезъ разсужденія Горчакова по поводу польскихъ дѣлъ.

Отъ 6-го апрѣля 1861 года сообщается: «Я вижу на основаніи моего общенія съ представителями прогрессивныхъ взглядовъ, что они господствуютъ надъ положеніемъ, составляя генеральный штабъ великаго князя Константина и великой княгини Елены; въ нихъ нуждается Горчаковъ, а они—въ Горчаковѣ ради воздѣйствія на государя.

«На томъ, что «все должно быть устроено по-новому», сходятся аристократы, демократы, панслависты и восточники. Существующіе порядки находятъ себѣ немногихъ сторонниковъ только среди старыхъ служакъ, не пользующихся значеніемъ и не имѣющихъ видовъ на будущее и принадлежащихъ большею частью къ нѣмецкой національности. Внутреннимъ движеніямъ, сопряженнымъ съ насиліями, я не вѣрю, хотя возможно, что въ глуши провинціи и разыграются безпорядки между крестьянами по недоразумѣнію, потому что они вообразятъ, будто имъ не все то дали, что обѣщалъ царь. Чему же я вѣрю, это—что государь, не отдавая себѣ яснаго отчета въ послѣдствіяхъ, будетъ своими совѣтчиками, даже и очень высоко стоящими, вовлеченъ въ тонко задуманные планы; ему, пожалуй, придется вступить на пути, которые его поведутъ туда, куда онъ и не желаетъ вовсе итти. Разсчитываютъ на то, что дальновидныя воздѣйствія на его благородное и мягкое сердце и стремленія дать подданнымъ счастіе побудятъ государя добровольно пойти на уступки, которыхъ у него нельзя было бы вырвать силою. Правда, на прямыя указанія о цѣлесообразности участія дворянства и интеллигентныхъ классовъ при преобразованіи управленія и финансовъ его величество неоднократно отвѣчалъ: «Point de notables, je ne veux pas de 1789». Но послѣ того, какъ сдѣланы были уступки для Польши, хотя приведенію ихъ въ исполненіе и воспрепятствовали не предвидѣнныя случайности, представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы государь сталъ долго еще упорствовать, разъ со всѣхъ сторонъ, въ печати, государственномъ совѣтѣ и собственномъ его семействѣ, будутъ раздаваться голоса: «Да чѣмъ же мы, русскіе, хуже, и почему заслуживаемъ мы меньше довѣрія, чѣмъ завоеванные нами же поляки, вѣроломство которыхъ столь же часто подтверждалось, какъ вѣрность православныхъ русскихъ».

«Многія загадочности Варшавскаго эпизода, а особенно торопливость, съ которою статутъ, 30 лѣтъ покоившійся въ пыли забытыхъ документовъ, былъ дарованъ и опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, могутъ найти себѣ объясненіе только съ точки зрѣнія подобныхъ разсужденій. Тридцать лѣтъ терпѣлись завѣдомо всѣмъ извѣстныя злоупотребленія, которыя и понынѣ не устранены въ

коренныхъ русскихъ губерніяхъ, а на окраинѣ смѣлой, но матеріально безсильной, демонстраціи оказывается достаточно, чтобы чрезъ какой нибудь день уже народилось сознаніе о непригодности кары и необходимости спѣшно ввести органическія реформы.

«Событія сильнѣе человѣческихъ предначертаній, и отъ нихъ зависѣть будетъ будущность всевозможныхъ преобразовательныхъ проектовъ, направленныхъ ко благу и вреду Россіи. Но если даже настоящая эпоха окажется непроизводительною, я вѣрю, что еще достаточно долго проживу и рано или поздно увижу кн. Горчакова держащимъ рѣчи передъ русскими нотаблями. Отпуская поводья своему воображенію, Горчаковъ мечтаетъ о рѣчахъ, которыя повергнутъ въ изумленіе сенаторовъ и напечатанныя будутъ раскупаться нарасхватъ даже въ Парижѣ; высшее дворянство мечтаетъ объ установленіи новаго для себя положенія на манеръ англійскихъ пэровъ и успѣховъ à la Мирабо; Милютинъ же, наперсникъ великаго князя Константина, занимающій постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ и слывущій среди прогрессистовъ самою умною и смѣлою головою, не скрываетъ ожесточенной ненависти къ дворянству и рисуетъ себѣ будущую Россію какимъ-то крестьянскимъ государствомъ, съ равенствомъ безъ свободы, изобилующимъ интеллигенціей, промышленностью, бюрократіею и печатью, примѣрно по наполеоновскимъ образцамъ.

«Недавно я писалъ вамъ о крестьянскихъ безпорядкахъ,—читаемъ мы въ письмѣ къ Шлейницу отъ 17 апрѣля 1861 г. Между прочимъ произошли безпорядки и въ Петербургской губерніи, въ имѣніи нѣкоего помѣщика Ольхина. Нѣсколько дней назадъ сюда доставленъ цѣлый транспортъ бунтовщиковъ въ цѣпяхъ. Одновременно тамошніе крестьяне послали депутацію изъ 12 человѣкъ съ жалобою къ царю. Депутація взята подъ арестъ и не вернется на родину, но будетъ административно выслана въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Какая строгость здѣсь и какая мягкость по отношенію къ Польшѣ! Какъ это согласовать?» «О событіяхъ, происходящихъ въ провинціи,—пишетъ Бисмаркъ отъ 3 мая 1861 года,—мало что слышно; донесенія флигель-адъютантовъ сохраняются въ строгой тайнѣ. Извѣстно, впрочемъ, что въ Астраханской губерніи противъ раскольниковъ были выдвинуты войска, и 70 человѣкъ убито.

«Я не знаю, существовала ли здѣсь въ ваше время пріятельница стараго Адлерберга [1]), г-жа Ф. Бурггофъ, болѣе извѣстная подъ именемъ «Минны Ивановны». Она держитъ салонъ, гдѣ, разумѣется, мнѣ лично бывать неудобно, но я не встрѣчаю препятствій къ тому, чтобы его посѣщала наша посольская молодежь. При любезномъ посредничествѣ Минны Адлербергу передаются всевозможныя ходатайства и записки.

---

[1]) Ген.-ад. Владимира Өодоровича, занимавшаго въ царствованіе Николая Павловича должность министра высочайшаго двора.

«Крупный торговый здѣшній домъ Брандта нѣсколько дней тому назадъ долженъ былъ бы обанкрутиться, если бы не заручился ссудою въ 600.000 рублей. Миннѣ Ивановнѣ было заплачено 20.000, и ссуда изъ казны была выдана. Этимъ же путемъ графъ Б., почтенный аристократъ и крупный кіевскій сахарозаводчикъ, получилъ для поддержки его промышленныхъ предпріятій 3 милліона, съ обязательствомъ погасить ссуду равными частями въ шесть лѣтъ... Эта же дама подъ чужимъ именемъ содержитъ магазинъ «Парижскихъ модъ», и имѣющіе ходатайства предъ дворомъ направляютъ ихъ этимъ путемъ, платя за пару перчатокъ отъ 100 до 500 рублей. Только внѣшняя политика настолько монополизирована княземъ Горчаковымъ, что недоступна вліяніямъ Минны Адлербергъ; будь это иначе, и я былъ бы поставленъ въ необходимость испрашивать у вашего превосходительства ассигнованіе мнѣ значительныхъ секретныхъ фондовъ».

Дальше, отъ 6-го мая (24-го апрѣля) 1861 года, Бисмаркъ пишетъ: «По случаю праздника св. Пасхи Блудовъ, предсѣдатель государственнаго совѣта, возводится въ княжеское достоинство; теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, министръ путей сообщеній Чевкинъ и дѣти умершаго генералъ-адъютанта Ростовцева возводятся въ графское достоинство. Гораздо важнѣе и интереснѣе тотъ фактъ, что на мѣсто Ланского назначается не Милютинъ, какъ прежде ожидалось, но Валуевъ. Послѣдній былъ раньше гражданскимъ губернаторомъ въ Курляндіи, а потомъ управлялъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Милютинъ уходитъ въ сенатъ и такимъ образомъ выбываетъ изъ дѣятельной службы. Новый министръ Валуевъ, сравнительно молодой, считается принадлежащимъ къ той же національно-либеральной партіи, но окрашенъ болѣе умѣреннымъ и аристократическимъ оттѣнкомъ, чѣмъ Милютинъ, который стоялъ во главѣ враждебной дворянству крайней партіи прогрессистовъ и былъ лично близокъ великому князю Константину. Властвовалъ Милютинъ надъ своимъ непосредственнымъ начальникомъ Ланскимъ вполнѣ; какъ на формальную причину ухода Милютина въ сенатъ, ссылаются на то обстоятельство, что онъ по службѣ былъ старше новаго министра.

«Одновременный уходъ Милютина изъ министерства и Тимашева изъ управляющихъ III Отдѣленіемъ, вѣдающимъ дѣла тайной полиціи, можетъ быть разсматриваемъ, какъ устраненіе изъ внутренней политики крайнихъ направленій. Совершилъ ли Тимашевъ особенные промахи, и нашлись ли за нимъ особенныя вины, неизвѣстно; въ общемъ онъ проявлялъ антифранцузскіе и антипольскіе взгляды и занятъ былъ главнымъ образомъ подавленіемъ революціонныхъ симптомовъ. Въ городѣ разсказываютъ, будто онъ отчиталъ по адресу лорда Непира много рѣзкаго и кровожаднаго, тотъ пожаловался царю, и Тимашевъ былъ смѣщенъ. Я привожу

этотъ слухъ, какъ образчикъ тѣхъ воззрѣній и оцѣнокъ вещей, какія среди здѣшней публики имѣютъ оборотъ; я лично вполнѣ убѣжденъ, что слухъ этотъ совершенно ложенъ... Съ гораздо большею вѣроятностью возможно предполагать, что вѣсти изъ губерній о томъ, какъ сказались эмансипаціонные законы, а равно и варшавскія событія, побудили государя нѣсколько натянуть поводья, а многочисленныя аристократическія вліянія въ свою очередь сказали и свое слово и убѣдили его величество въ томъ, будто Милютинскія теоріи ведутъ къ ниспроверженію государственныхъ основъ».

Далѣе, отъ 15-го іюня 1861 года, сообщается: «Въ Москвѣ дворянство заняло будирующее положеніе; незадолго предъ прїѣздомъ государя большая часть знати покинула городъ, и ко двору представлялось не болѣе 30 дамъ. Тѣмъ представителямъ дворянства, которые пытались предъ государемъ извинить отсутствіе своихъ сочленовъ, его величество отвѣчалъ: «Я очень радуюсь тому, что эти господа отправились наконецъ въ свои имѣнія; сдѣлай они это раньше, всѣ обстоятельства сложились бы лучше».

«Экзекуціи и обращеніе къ военной силѣ все болѣе учащаются, но во многихъ губерніяхъ, благодаря отсутствію войскъ, добиться послушанія не легко. Иные изъ дворянъ, какъ, напримѣръ, графъ Хрептовичъ, Дмитрій Нессельроде и другіе, не рѣшаются даже ѣхать къ себѣ въ имѣнія. Старый канцлеръ (Нессельроде) пьетъ свою Киссингенскую воду здѣсь: остался онъ въ Петербургѣ съ тѣмъ, чтобы способствовать передачѣ Николаевской желѣзной дороги въ распоряженіе большого общества, въ которомъ Нессельроде состоитъ крупнымъ акціонеромъ. Планъ его зятя Зеебаха[1]) попасть въ директоры этого общества, съ ежегоднымъ окладомъ въ 100.000 франковъ, провалился, а Бейстъ взбѣшенъ тѣмъ, что его посланникъ добивался такого мѣста и ради этого даже самолично сюда прїѣзжалъ».

Наконецъ, отъ 28-го—16-го іюня 1861 года, Бисмаркъ пишетъ: «Спорадическіе безпорядки въ крестьянскомъ сословіи продолжаются попрежнему, но повсюду подавляются вполнѣ успѣшно.

«Во многихъ мѣстахъ поля остались незасѣянными, но не столько, чтобы можно было опасаться крупнаго недорода и серіознаго голода. Весьма вѣроятно излишковъ хлѣбовъ для вывоза окажется меньше противъ обыкновеннаго, и это повлечетъ за собою еще большее ухудшеніе денежнаго курса. Преобладающею надъ всѣмъ прочимъ злобою дня являются желѣзныя дороги. Будетъ ли строиться южная желѣзная дорога по направленію къ Черному морю, и будетъ ли поручена эта постройка большому обществу при концессіи 84.000 р. вмѣсто 60.000 съ версты?

---

[1]) Баронъ фонъ-Зеебахъ состоялъ въ это время королевскимъ саксонскимъ посланникомъ въ Парижѣ.

«Въ засѣданіяхъ совѣта министровъ, посвященныхъ разсмотрѣнію этого вопроса, графъ Нессельроде, сильно въ этомъ заинтересованный, оберегаетъ интересы акціонеровъ, а князь Горчаковъ — интересы правительства и государства. Многосторонность Горчакова, хорошая слава, которою онъ пользуется въ денежныхъ дѣлахъ, выдающіяся его способности и работоспособность дѣлаютъ его для царя совершенно незамѣнимымъ, тѣмъ болѣе, что князь снимаетъ съ государя огромную обузу заботъ и докучливыхъ дѣлъ. Едва ли кто нибудь найдется, кто бы на его мѣстѣ такъ много работалъ, поэтому, несмотря на кажущіяся принципіальныя политическія разногласія между государемъ и его министромъ, едва ли положеніе послѣдняго можетъ быть поколеблено».

На этомъ письмѣ прерывается переписка Бисмарка съ Шлейнитцемъ: сначала Бисмаркъ уѣхалъ въ продолжительный отпускъ, затѣмъ Шлейнитцъ покинулъ постъ министра, а весной 1862 года, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Парижѣ, въ должности посланника, Бисмаркъ уже осенью сдѣланъ былъ министромъ.

II.

Американка о Россіи.

Нѣмка по происхожденію, г-жа Ганзенъ нѣсколько связана съ Россіей, благодаря тому обстоятельству, что сестра ея вышла замужъ за астронома фонъ-Вагнера, занимавшаго долгое время должность помощника директора главной Николаевской астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ (при Струве). Выйдя замужъ за американскаго поэта, путешественника и дипломата Баярда Тайлора, г-жа Ганзенъ сдѣлалась вѣрною сопутницею мужу въ его подвижной жизни, воспоминанія о которой ею нынѣ изданы (Marie Hansen Taylor. Aus zwei Welttheilen. Stuttgart. 1905).

Для русской публики въ книгѣ г-жи Ганзенъ интересъ представляетъ описаніе пребыванія ея въ Петербургѣ, относящееся къ началу 1860-хъ годовъ. Наиболѣе существенное изъ этой части мемуаровъ, озаглавленной «Die Petersburger Episode», мы здѣсь и передадимъ.

26-го марта 1862 года, Баярдъ Тайлоръ, состоявшій въ то время военнымъ корреспондентомъ газеты «Tribune» при арміи Сѣверныхъ Штатовъ, сообщилъ женѣ, что Камеронъ, занимавшій въ кабинетѣ Линкольна постъ военнаго министра, а затѣмъ назначенный посланникомъ отъ правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ при с.-петербургскомъ дворѣ, предложилъ Тайлору мѣсто секретаря посольства, о чемъ уже доложилъ и президенту. «Содержаніе мнѣ назначается не большое (около 1.800—2.000 долларовъ), но Каме-

ронъ говоритъ, что останется въ Россіи не болѣе шести мѣсяцевъ, а послѣ его отъѣзда я займу должность chargé d'affaires. Камеронъ далъ мнѣ понять, что я въ близкомъ будущемъ могу разсчитывать на занятіе должности даже посланника, если Камеронъ не вернется на прежній постъ. Содержаніе посланнику опредѣлено въ размѣрѣ 12.000 долларовъ ежегодно... Камеронъ даетъ мнѣ срокъ для дорожныхъ приготовленій до 1-го мая. Предложеніе это въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ очень улыбается, такъ какъ доставитъ мнѣ превосходный случай осуществить планъ изученія Азіи [1])... Повергаетъ же меня въ колебанія неопредѣленность будущаго... Камеронъ несомнѣнно осенью уѣдетъ въ Америку, а я останусь въ Петербургѣ «уполномоченнымъ въ дѣлахъ»—это вполнѣ достовѣрно. Затѣмъ, если состоится избраніе Камерона въ сенаторы (съ этою-то цѣлью онъ и поѣдетъ въ Америку), и я буду назначенъ на его мѣсто,—настоящая затѣя пріобрѣтетъ серьезное значеніе... Тѣмъ не менѣе я настолько колеблюсь, что сегодня еще готовъ былъ сказать «нѣтъ», когда Камеронъ настоятельно уговаривалъ меня принять его предложеніе. Лично онъ очень пріятный человѣкъ и, какъ всѣ знающіе его утверждаютъ, тепло и великодушно относится къ людямъ, съ которыми сходится».

Колебанія у Тайлора и его жены, впрочемъ, длились не долго, и въ іюнѣ 1862 года они уже были въ Петербургѣ.

23-го іюня, г-жа Ганзенъ-Тайлоръ переселилась изъ Пулкова, гдѣ временно жила у Вагнеровъ, въ посольство и обзавелась для себя наставникомъ русскаго языка, такъ какъ ее тяготили скудныя знанія по этой части, сводившіяся только къ небольшому запасу нужныхъ словъ.

«Въ послѣднее воскресенье,—пишетъ она отъ 30-го іюня,—мы были въ Царскомъ Селѣ и представлялись императрицѣ. Ея грація, умѣніе держаться съ достоинствомъ и несомнѣнно незаурядный умъ чрезвычайно привлекательны. Разговаривала она со мною по-нѣмецки и много разспрашивала о моихъ путешествіяхъ вокругъ свѣта, о которыхъ уже слышала... Послѣ превосходнаго завтрака намъ была предложена прогулка въ дворцовомъ экипажѣ по Царскосельскому парку»...

«Поселившись въ Петербургѣ, всего болѣе тянуло меня въ Пулково, на высотахъ котораго расположены обширныя постройки, принадлежащія къ составу астрономической обсерваторіи. Здѣсь за все время моего пребыванія въ Россіи я гащивала часто и охотно. Высшіе служащіе этого выдающагося ученаго учрежденія, въ числѣ пяти-шести человѣкъ, были сплошь нѣмцы. Каждый изъ нихъ

[1]) Тайлоръ былъ любознательнымъ и наблюдательнымъ путешественникомъ что сказалось въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по этой части, имъ опубликованныхъ.

занималъ обширную квартиру, а семьи этихъ служащихъ составляли пріятный общительный кружокъ.

«Въ столицѣ, благодаря лѣтнему сезону, общественность проявлялась вяло. Русская знать и дипломатическій кружокъ, среди которыхъ намъ предстояло вращаться, частью разсѣялись по деревнямъ и дачамъ, частью находились въ отлучкѣ. Дворъ пребывалъ въ Царскомъ Селѣ, а позднѣе царская фамилія отправилась въ Великій Новгородъ (по случаю празднованія тысячелѣтія Россіи) и въ Москву, чтобы только къ новому году окончательно водвориться въ Зимнемъ дворцѣ. Поэтому ранѣе зимы нельзя было и разсчитывать, чтобы дамы, вновь примыкающія къ дипломатическому кружку, были представлены ко двору и получили доступъ въ русское общество.

Въ августѣ поэтому члены американскаго посольства съ особеннымъ удовольствіемъ воспользовались представившимся случаемъ къ поѣздкѣ въ Нижній Новгородъ, на ярмарку, и въ Москву. Приглашеніе предпринять поѣздку исходило отъ м-ра Россъ Уайненсъ и К°, строившихъ, по порученію русскаго правительства, Николаевскую и Московско-Нижегородскую желѣзныя дороги. «Представитель фирмы, м-ръ Пирсъ, сопровождалъ насъ въ путешествіи и обставилъ его въ качествѣ хозяина блестяще. Наше общество, состоявшее изъ десяти человѣкъ, кромѣ слугъ, имѣло въ своемъ распоряженіи комфортабельный вагонъ и повсюду пользовалось самою широкою внимательностью и предупредительностью. Г. Байардъ Тайлоръ, и раньше уже бывавшій въ Москвѣ, свои впечатлѣнія объ этой поѣздкѣ изложилъ въ одномъ изъ томовъ «Travels in Greece and Russia». По признанію г-жи Ганзенъ-Тайлоръ, пребываніе въ Нижнемъ открыло любознательнымъ американцамъ просвѣтъ на новый, невѣдомый имъ міръ подлинной Азіи.

Вскорѣ по возвращеніи изъ поѣздки, посланникъ Камеронъ съ семьею уѣхалъ въ Америку, а г. Байардъ Тайлоръ остался въ Петербургѣ единственнымъ представителемъ американскаго посольства, въ качествѣ chargé d'affaires. Назначенный ему окладъ, въ размѣрѣ 6.000 долларовъ, мало отвѣчалъ условіямъ свѣтской жизни, сопряженной съ дипломатическимъ представительствомъ, и Тайлорамъ пришлось ограничивать себя во многомъ. Г-жа Ганзенъ-Тайлоръ, впрочемъ, могла утѣшать себя тѣмъ, что въ такомъ же незавидномъ матеріальномъ положеніи оказывались представители и другихъ державъ, правда, второстепенныхъ, до Пруссіи включительно.

«Пока образъ нашей жизни протекаетъ тихо, только въ октябрѣ стали мало-по-малу съѣзжаться дипломаты, съ которыми мы постепенно и знакомились.

«Въ англійскомъ посольствѣ, за отъѣздомъ супруги посланника, лорда Непира, обязанности хозяйки отправляла мистриссъ Лококъ,

жена одного изъ attachés. Въ ней я нашла, къ моему большому удовольствію, давнишнюю знакомую по Аѳинамъ, такъ какъ она оказалась дочерью тамошняго американскаго пастора Кинга. Мистриссъ Лококъ была мнѣ очень полезна и познакомила меня съ нѣкоторыми дамами, принадлежащими къ дипломатическому корпусу, а въ числѣ ихъ съ герцогинею Монтебелло, по происхожденію англичанкою. Тѣсный кружокъ, собиравшійся за чайнымъ столомъ французскаго посольства, въ своихъ бесѣдахъ не шелъ дальше скучныхъ общихъ мѣстъ. Несравненно большую занимательность представляли вечера у бельгійскаго посланника, барона Геверса, женатаго на американкѣ, гдѣ часто бывалъ прусскій посланникъ, графъ фонъ-Гольтцъ, которому предстояло смѣнить въ Парижѣ графа фонъ-Бисмарка, призваннаго стать во главѣ прусскаго министерства, хотя въ ту пору и хорошо знавшіе Бисмарка по его пребыванію въ Петербургѣ люди не подозрѣвали еще, какая крупная звѣзда восходитъ на политическомъ горизонтѣ.

«Положеніе военныхъ дѣлъ въ Америкѣ, не многимъ улучшившееся со времени нашего отъѣзда съ родины, повергало мужа въ тѣмъ большія тревоги, что Франція и Великобританія все откровеннѣе выражали сочувствіе южанамъ, и дипломатическое вмѣшательство въ пользу послѣднихъ становилось все вѣроятнѣе. Отвѣтственность, ложившаяся на Тайлора въ качествѣ представителя американскаго правительства, являлась далеко не пустячной, такъ какъ ему предлежала задача, несмотря на всѣ прорухи союзной арміи, убѣдить русское правительство, какъ единственную великую державу, показывавшую намъ неизмѣнно благосклонное доброжелательство, что правительство Линкольна достаточно сильно для окончательнаго подавленія мятежа. Такъ какъ Тайлоръ былъ глубоко убѣжденъ въ конечномъ успѣхѣ сѣверянъ, то ему удалось, послѣ продолжительныхъ и интересныхъ бесѣдъ съ княземъ Горчаковымъ, вселить и въ него довѣріе къ интересамъ сѣверянъ и утвердить дружественныя отношенія Россіи къ Соединеннымъ Штатамъ». Успѣхъ этихъ тонкихъ дипломатическихъ переговоровъ въ значительной степени долженъ быть приписанъ неотразимой личной привлекательности Тайлора, который отъ 29-го октября 1862 года могъ съ чувствомъ самоудовлетворенія сообщить Уильяму Сьюварду о полномъ успѣхѣ своей миссіи. «Во время этого разговора мы стояли другъ противъ друга, и спокойный, убѣжденный тонъ, какимъ говорилъ князь Горчаковъ, произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что его словамъ вполнѣ можно вѣрить. Въ заключеніе разговора князь тепло пожалъ мнѣ руку, воскликнувъ: «Да будетъ надъ вами благословеніе Божіе!»

Послѣ того, какъ депеша Тайлора была опубликована сѣвероамериканскимъ правительствомъ и получила широкую огласку, лордъ Непиръ никакъ не могъ переварить успѣха своего амери-

канскаго коллеги и однажды послѣ продолжительной аудіенціи у князя Горчакова обратился съ нему съ ироническимъ замѣчаніемъ: «Когда же удостоюсь я того же счастія, что мистеръ Тайлоръ, и въ свою очередь услышу отъ вашего сіятельства пожеланіе: «God bless You?» (да благословитъ васъ Богъ). «Когда вы это заслужите!»—находчиво возразилъ князь Горчаковъ, не преминувшій съ обычной ему тонкой улыбкою разсказать Тайлору о своей удачной repartie.

Въ личныхъ, впрочемъ, отношеніяхъ къ Тайлору лордъ Непиръ тщательно избѣгалъ показывать себя представителемъ англійскихъ интересовъ, враждебныхъ Америкѣ. «Мало того, — пишетъ г-жа Тайлоръ,—онъ упорно избѣгалъ въ разговорахъ съ мужемъ касаться американскихъ дѣлъ. Но однажды лордъ Непиръ не вытерпѣлъ и обратился ко мнѣ съ конфиденціальнымъ вопросомъ, дѣйствительно ли мой мужъ такъ твердо вѣритъ въ окончательное подавленіе, какъ это высказываетъ. Лорду Непиру въ эту пору было уже за пятьдесятъ лѣтъ; голубоглазый, онъ отличался прекраснымъ цвѣтомъ лица, который еще сильнѣе подчеркивался глубокою сѣдиною; видный изъ себя мужчина, онъ отличался любезностью и непринужденностью. Къ моему удивленію, оказалось, что воспитаніе онъ получилъ въ нѣмецкой школѣ въ Мейнингенѣ.

«Отъ лорда Непира мы вообще видѣли много любезностей, тогда какъ члены прусскаго посольства, наоборотъ, проявляли въ отношеніяхъ къ намъ холодность. Жена совѣтника прусскаго посольства, г-жа фонъ-Пирхъ, урожденная княжна Турнъ-Таксисъ, была единственною нѣмкою, которая съ искреннимъ равнодушіемъ игнорировала мѣщанское мое происхожденіе. Будь я коренная американка, дипломаты изъ нѣмцевъ со мною легче бы примирились, но въ качествѣ нѣмки, не принадлежащей къ дворянской средѣ, я оказывалась докучливымъ членомъ, изгнать котораго изъ исключительнаго и замкнутаго общества не позволяло положеніе моего мужа... Несравненно обходительнѣе была русская знать, въ своемъ обращеніи неизмѣнно проявлявшая ровность, вѣжливость и отсутствіе накрахмаленной надутости. Въ русскихъ великосвѣтскихъ гостиныхъ сдѣлали мы не одно пріятное знакомство. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я одну даму (кн. Гагарину), съ которой мнѣ довелось усѣсться рядомъ на одномъ многолюдномъ вечерѣ. Хотя меня никто ей не представилъ, княгиня любезно со мною заговорила. Распространившись на тему о томъ, что людскія свѣтскія сборища ничего не говорятъ уму и сердцу—«il n'y a pourtant que le cercle intime qui donne de l'agrément»,—поучала меня словоохотливая старуха, съ чѣмъ я, конечно, вполнѣ была согласна».

«Кромѣ обязанности возможно сильнѣе укрѣпить дружественныя связи между Соединенными Штатами и Россіею, дѣла посольства, при которомъ не было даже секретаря, не особенно обременяли

мужа, и онъ оказался въ состояніи закончить зимою начатый имъ романъ. Въ эту пору Тайлора нерѣдко посѣщали и поэтическія вдохновенія. Въ числѣ стихотвореній, имъ написанныхъ за это время, слѣдуетъ отмѣтить «A thousand years», вызванное празднованіемъ въ Новгородѣ 20-го сентября 1862 года тысячелѣтія существованія Русскаго царства. Стихотвореніе это дошло до свѣдѣнія государя Александра II, который выразилъ Тайлору по этому поводу свою признательность и началъ проявлять къ нему такіе знаки благоволенія, которые при иныхъ обстоятельствахъ не достались бы на долю скромному уполномоченному въ дѣлахъ».

«Наняли мы квартиру въ бельэтажѣ, на Галерной улицѣ, не далеко отъ Адмиралтейской площади и Зимняго дворца, и устроились по-семейному»... «Выѣзжаемъ мы теперь больше, чѣмъ осенью, и это замѣтно отражается на нашемъ карманѣ. Одѣваются здѣсь роскошно; для каждаго вечера приходится наряжаться, а туалеты въ Петербургѣ стоятъ дороже, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ. Ради возможныхъ сбереженій я оказываюсь вынужденною передѣлывать на разные лады мой необширный гардеробъ; требуетъ это немало скучной и тяжелой работы, отнимая у меня много времени...

«Наступилъ наконецъ и Новый годъ, а съ нимъ вмѣстѣ представленіе ко двору. Я сдѣлала все возможное, чтобы выѣхать «bien mise»... Мы вошли въ Зимнемъ дворцѣ въ государевъ подъѣздъ (perron de l'empereur), освободились въ обширныхъ сѣняхъ отъ шубъ и по широкой мраморной лѣстницѣ, застланной ковромъ и уставленной гренадерами, поднялись на верхъ. У входа въ парадные покои стояли два дворцовыхъ гренадера въ огромныхъ медвѣжьихъ киверахъ, многочисленные дворцовые лакеи въ парадной ливреѣ и чернокожіе нубійцы въ бѣлыхъ чалмахъ и задрапированные въ роскошныя индійскія шали. Въ карточной комнатѣ, прилегающей къ роскошной пріемной императрицы, былъ собранъ дипломатическій корпусъ. Тутъ я была представлена оберъ-гофмейстеринѣ и церемоніймейстерамъ... Послѣ того, какъ сотни гостей заняли мѣста въ большомъ танцовальномъ залѣ, раскрылись боковыя двери, чтобы и намъ дать туда доступъ... Чрезъ нѣсколько минутъ раздался призывъ церемоніймейстеровъ къ молчанію, и въ залъ вошли ихъ величества, а за ними слѣдовали великіе князья и княгини и многочисленные придворные.

«Послѣ полонеза, открытаго ихъ величествами, государь разговаривалъ съ высшими сановниками, а затѣмъ перешелъ къ дипломатическому корпусу. Дошла очередь и до Тайлора; кинувъ ему нѣсколько словъ, государь обратился ко мнѣ. Такъ какъ я не ожидала, чтобы государь заговорилъ со мною раньше, чѣмъ я ему была представлена, то первый его вопросъ нѣсколько меня смутилъ, но вскорѣ я оправилась и на послѣдующіе вопросы отвѣчала съ увѣренностью. Государь пристально меня разглядывалъ, освѣ-

домляясь, къ какой національности я принадлежу, гдѣ познакомилась съ мужемъ, давно ли замужемъ и имѣю ли дѣтей.

«Только послѣ нѣсколькихъ танцевъ явился за мною графъ Армфельдтъ и провелъ меня въ карточную комнату, поставивъ во главѣ длиннаго ряда дамъ, имѣвшихъ представиться императрицѣ. Тутъ подошла государыня Марія Александровна. Держала она себя такъ милостиво и привѣтливо, что я чувствовала себя совершенно непринужденно въ то время, какъ она меня разспрашивала, давно ли я въ городѣ, сжилась ли съ климатомъ, много ли гуляю, какъ мнѣ нравится ѣзда на саняхъ и пр.? Такимъ образомъ представленіе, предъ которымъ я нѣсколько робѣла, обошлось совершенно благополучно.

«Во время этого же бала мужъ меня познакомилъ съ многочисленными дипломатами и русскими сановниками, что̀ законнымъ образомъ ввело меня въ кругъ столичнаго общества. Въ числѣ прочихъ познакомилась я съ тремя русскими престарѣлыми княжнами К....., издавна почему-то излюбившими американскихъ посланниковъ и оказывавшими смѣнявшимся представителямъ нашего отечества всевозможныя любезности. Изо всѣхъ предшествовавшихъ посланниковъ особенно по сердцу княжнѣ Аннѣ пришелся Пикенсъ [1]). Не успѣла княжна Анна познакомиться съ Байярдомъ Тайлоромъ, какъ уже засыпала его вопросами, что̀ станется съ Пикенсомъ, если верхъ надъ югомъ возьмутъ сѣверяне.

— «Ну, тогда мы его вздернемъ на висѣлицу!—пригрозилъ мужъ, посмѣиваясь. Съ той поры, когда мужъ ни встрѣчался съ княжною Анною, та съ улыбкою начинала разговоръ стереотипною фразою: «Monsieur, de grâce, ne pendez pas mon Pickens, sauvez moi mon Pickens».

«Княжны часто устраивали маленькіе обѣды для дипломатовъ, но старшія двѣ княжны держали себя довольно пассивно, а княжна Анна неизмѣнно разыгрывала роль привѣтливой хозяйки. Только разъ старшая княжна высказалась предо мною довольно рѣзко по поводу освобожденія крестьянъ. Возможно, что, благодаря этой благодѣтельной мѣрѣ, недавно проведенной императоромъ Александромъ II, доходы княженъ сильно уменьшились—по крайней мѣрѣ, княжна, указывая на драгоцѣнныя серьги, висѣвшія въ ея ушахъ, съ горечью замѣтила: «Вѣдь это почти все равно, какъ если бы царь отобралъ у меня мои брилліанты».

«На одномъ изъ этихъ маленькихъ обѣдовъ моимъ сосѣдомъ оказался пожилой генералъ; сидѣли мы насупротивъ моего мужа. Болтая за обѣдомъ, генералъ вдругъ обратился ко мнѣ съ неожиданною фразою: «Я не могу не сдѣлать комплимента вашему су-

---

[1]) Френсисъ У. Пикенсъ, который 26-го ноября 1860 года былъ избранъ мятежнымъ штатомъ Южной Каролины въ губернаторы.

пругу. Рѣдко я видывалъ такого красиваго и остроумнаго человѣка». Генералъ былъ, впрочемъ, далеко не единственнымъ человѣкомъ, на котораго личность Тайлора дѣйствовала обаятельно. Великія княгини Елена и Марія (герцогиня Лейхтенбергская) отличали Тайлора при разныхъ случаяхъ, а на одномъ изъ маленькихъ придворныхъ баловъ и императрица удостоила Тайлора продолжительной бесѣды, которую мой мужъ отчасти велъ на русскомъ языкѣ, что, повидимому, императрицѣ очень понравилось.

«Государя, помимо придворныхъ баловъ, мы нерѣдко встрѣчали на частныхъ вечерахъ въ русскихъ аристократическихъ домахъ, и онъ вездѣ находилъ случай кинуть мнѣ и мужу нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Лично государь участія въ танцахъ не принималъ, и для него составлялась партія въ вистъ, въ которой нерѣдко принимала участіе старая графиня Разумовская. Эта почти 90-лѣтняя старуха являлась неизмѣннымъ украшеніемъ великосвѣтскихъ сборищъ. Туго затянутая въ корсетъ, напудренная и нарумяненная, черноволосая (или съ искусно сдѣланнымъ парикомъ), она, несмотря на преклонный возрастъ, не отказывалась ни отъ низко вырѣзаннаго лифа, ни отъ обнаженія рукъ. Говорила она густымъ басомъ, и когда я однажды была у нея въ гостяхъ, меня въ большое недоумѣніе привело, почему среди низкихъ тоновъ ея фразъ неожиданно прорывались рѣзкія крикливыя ноты; только потомъ я разглядѣла, что графиня не разстается съ собаченкою, пряча ее на рукѣ, прикрытой пышными кружевами».

Такъ какъ самъ Тайлоръ не танцовалъ и въ карты не игралъ, да и жена его не была охотницею до танцевъ, то петербургскіе балы имъ быстро прискучили.

«Приходилось слушать,—говоритъ г-жа Тайлоръ,—все тѣ же рѣчи; постоянная безсодержательная болтовня становилась настолько въ тягость, что не окупалась уже внѣшнимъ блескомъ. Нѣсколько интимныхъ обѣдовъ и маленькихъ вечеровъ составили пріятное исключеніе, а на время поста балы смѣнились раутами. По случаю бракосочетанія принца Валлійскаго въ англійскомъ посольствѣ произошло празднество, сопровождавшееся концертомъ, во время котораго мы восторгались чудною игрою на роялѣ молодого еще тогда Рубинштейна, успѣвшаго уже сдѣлаться избалованнымъ любимцемъ русской знати. Одно изъ послѣднихъ вечернихъ собраній за эту зиму состоялось въ графскомъ домѣ С... Это былъ, пожалуй, самый блистательный раутъ, на которомъ мнѣ довелось быть, но среди гостей представителей высшей знати оказалось не много. Объяснялось это тѣмъ, что хозяйка дома совершила mesalliance. Принадлежа по происхожденію къ одной изъ древнѣйшихъ княжескихъ фамилій и потерявъ перваго мужа, тоже принадлежавшаго къ родовой русской знати, она вышла замужъ за молодого француза, мѣщанскаго происхожденія. Чтобы возвести мужа во

дворянство, она пріобрѣла въ Бретани замокъ, вмѣстѣ съ которымъ на новаго владѣльца былъ перенесенъ титулъ графа К. и маркиза С. Въ сущности вновь испеченный графъ былъ человѣкъ образованный, пріятной наружности и обладалъ большимъ тактомъ, но ему не прощалось его происхожденіе. Когда однажды въ тѣсномъ кружкѣ, собравшемся за нашимъ чайнымъ столомъ, мой мужъ замѣтилъ, что графъ К., повидимому, большой философъ и какъ-то высказалъ Тайлору, что онъ ничему не удивляется, ни на что не негодуетъ и относится съ одинаковымъ равнодушіемъ къ счастью и несчастью, князь Г. возразилъ мужу: «Да иначе и быть не можетъ. Il a été si souvent dans l'entourage de la mort (онъ вѣдь такъ часто находился въ обществѣ смерти)».—Что вы хотите этимъ сказать?—удивилась я.—«Да развѣ вы не знаете, что отецъ графа былъ гробовыхъ дѣлъ мастеромъ?»

«Такъ какъ это было первое празднество, устроенное графинею по пріѣздѣ изъ Парижа, то она на его блескѣ и великолѣпіи захотѣла наверстать утраченное ею въ отношеніи прежняго престижа. Благодаря ея крупному богатству и великолѣпію дворца, переполненнаго рѣдкостями, ей это вполнѣ удалось, и даже русскіе, которыхъ не легко удивить роскошью, восклицали: «c'est imperial!» При этомъ случаѣ, согласно старинному обычаю, фамильныя драгоцѣнности были выставлены на показъ въ опочивальнѣ хозяйки дома. Огромное количество брилліантовъ, чудныхъ изумрудовъ и рубиновъ въ изящныхъ витринахъ покрывали огромный столъ и, составляя цѣлое состояніе, стереглись камерфрау и нѣсколькими лакеями».

Хотя Камеронъ и получилъ отъ Линкольна формальное обѣщаніе предоставить ему постъ посланника при петербургскомъ дворѣ, однако на должность эту былъ назначенъ м-ръ Клэй, а для успокоенія уязвленнаго самолюбія Тайлора доброхоты сулили создать для него дипломатическую миссію въ Тегеранъ.

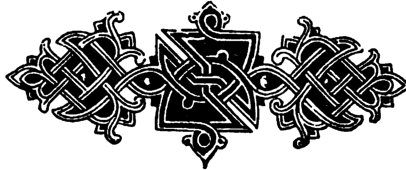
Когда выяснилось, что въ Петербургъ будетъ назначенъ м-ръ Клэй, занимавшій этотъ постъ передъ Камерономъ, эта вѣсть была въ петербургскомъ дипломатическомъ кружкѣ встрѣчена далеко не сочувственно.

Князь Горчаковъ выразилъ по этому поводу Тэйлору полное свое сожалѣніе. Уходъ Тайлора, на взглядъ французскаго посланника, составлялъ большую потерю для общества. Хотя Тайлорамъ, уже сжившимся съ Петербургомъ и завязавшимъ съ столичнымъ обществомъ пріятныя отношенія, не особенно пріятно было покинуть невскіе берега, тѣмъ не менѣе возвращеніе въ частную жизнь, сулившее полную независимость и свободу дѣйствій, казалось въ равной мѣрѣ привлекательнымъ и самому Тайлору и его женѣ. Послѣ продолжительнаго путешествія по Европѣ Тайлоры вернулись въ Америку, и бывшій chargé d'affaires вновь обратился къ

поприщу журналиста, читалъ лекціи, писалъ романы, обогатилъ англо-американскую литературу образцовымъ переводомъ Гетевскаго Фауста и только въ 1878 г., въ эпоху Берлинскаго конгресса, былъ приглашенъ занять постъ посланника при берлинскомъ дворѣ. Послѣднія страницы дневника г-жи Ганзенъ-Тайлоръ посвящены описанію сношеній ея мужа съ Сенъ-Пралье, Дизраэли, Салисбюри, кн. Горчаковымъ, кн. Бисмаркомъ, при чемъ подробно описывается посѣщеніе Берлина бывшимъ президентомъ Американской республики, генераломъ Грантомъ. Разстроенное непосильнымъ умственнымъ трудомъ здоровье Байярда Тайлора становилось все болѣе шаткимъ, и давнишній органическій недугъ, обострившись, неожиданно свелъ его въ могилу въ Берлинѣ, 19 декабря 1878 года.

Литературная и дипломатическая дѣятельность Байярда Тайлора нашла себѣ посмертную и разностороннюю оцѣнку въ объемистой его біографіи «Life and letters of Bayard Taylor».

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Е. П. Трифильевъ. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе императора Павла I. Харьковъ. 1904.

ОДЪ невполнѣ опредѣленнымъ заглавіемъ «Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи» авторъ описываетъ по новымъ документамъ волненія крестьянъ при Павлѣ I, одно изъ наиболѣе широкихъ и замѣчательныхъ народныхъ движеній въ нашей исторіи. Замѣчательно оно прежде всего той быстротой, съ какою распространилось почти по всей Россіи, въ 30 губерніяхъ, несмотря на свою полную неорганизованность. Въ концѣ ноября 1796 года, чрезъ 20 дней по вступленіи на престолъ Павла Петровича (6-го ноября 1796 года), начинаются волненія крестьянъ въ Орловской губерніи, и вслѣдъ затѣмъ, въ первой половинѣ декабря, вспыхиваютъ волненія на сѣверѣ въ далекой отъ г. Орла губерніи Пермской и одновременно въ столь же далекой отъ Перми губерніи Новгородской. Съ чрезвычайной быстротой движеніе распространилось затѣмъ по другимъ губерніямъ, главнымъ образомъ въ январѣ 1797 года, и въ теченіе года было уже всюду подавлено. Подготовки и организаціи никакой не было; волненія возникли въ отдѣльныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ по различнымъ разнообразнымъ поводамъ; примѣръ возмутившихся вліялъ на ограниченные районы сосѣднихъ имѣній или уѣздовъ. Главный толчокъ дала перемѣна царствованія, вступленіе на престолъ Павла I-го, отъ котораго еще при жизни Екатерины II крестьяне ждали облегченій тяжкаго гнета крѣпостного права Новый государь въ первые же дни по вступленіи на престолъ, казалось, началъ оправдывать эти ожиданія, когда приказалъ приводить крѣпостныхъ

къ присягѣ наравнѣ со всѣми вѣрноподданными, и указомъ 12-го декабря 1796 года разрѣшилъ крестьянамъ подавать на свое имя жалобы на притѣсненія помѣщиковъ. Тогда въ народѣ быстро распространились различные слухи о волѣ, послужившіе ближайшимъ поводомъ къ волненіямъ. Одинъ современникъ курьезно разъясняетъ, что главныя причины движенія заключаются именно въ этихъ слухахъ: «всему оному первая причина, по тѣмъ собственнымъ розыскиваніямъ—проѣзжавшіе курьеры, отъ которыхъ многіе въ пьяномъ состояніи, а другіе и безъ того, думавъ обрадовать народъ», разсказываютъ о разныхъ милостяхъ государя. Но, какъ первая причина, общія главныя основанія движенія заключались, конечно, не въ вѣстяхъ пьяныхъ курьеровъ, а въ темныхъ сторонахъ крѣпостного права, которыя рельефно выступаютъ въ многочисленныхъ слезныхъ жалобахъ, поданныхъ крестьянами Павлу I-му. Больше всего крестьяне жаловались на непомѣрные оброки и поборы всякаго рода, на изнурительныя барщинныя работы, оброкъ въ это время былъ въ 6 рублей, а многіе помѣщики взимали съ души до 15 рублей, нѣкоторые же до 30 рублей, при чемъ, установивъ этотъ «несносный, отяготительный» сборъ, требовали еще съ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ единовременныхъ взносовъ по 200 рублей. Очень много жалобъ было на жестокую продажу людей въ рекруты; проданные въ солдаты,—плакались крестьяне,—«оставили малолѣтнихъ своихъ дѣтушекъ, у кого четверо и пятеро и семеро, и остались отцы и матери старые». Исключительною жестокостью отличался одинъ изъ господскихъ приказчиковъ, Михеевъ, во Владимирской губерніи, засѣкшій четырехъ крестьянъ до смерти; но многіе помѣщики содержали провинившихся «въ желѣзахъ, цѣпяхъ и колодкахъ» и били «плетьми до кровавыхъ ранъ». Другіе пользовались своею безконтрольной властью надъ крестьянами для разврата: помѣщикъ Демидовъ, въ преклонномъ возрастѣ, бралъ себѣ «въ наложницы отъ отцовъ дочерей еще въ незрѣломъ возрастѣ и отъ мужей молодыхъ женъ»; секундъ-майоръ, съ характерной фамиліей «Выродовъ», приводилъ къ себѣ «малолѣтнихъ дѣвокъ для непотребства и молодыхъ бабъ по очереди»; третій, конной гвардіи сержантъ Раевскій, женщину въ одной рубахѣ выгналъ на морозъ и посадилъ въ прудъ, въ ледяную воду; женщина была беременна и, какъ только ее вывели изъ пруда, тутъ же на берегу родила мертваго младенца; вблизи была псовая охота помѣщика; собаки схватили, разорвали младенца и съѣли. Всѣ эти яркія картины ужасовъ крѣпостного права вполнѣ объясняютъ, почему крѣпостные крестьяне по всей Россіи сразу объединились въ общемъ движеніи противъ помѣщиковъ, какъ только у нихъ явилась надежда ослабить старыя заржавѣвшія оковы рабства.

Волненія крестьянъ въ общемъ подавлялись чрезвычайно гуманно, не только для того павловскаго, но и для нашего времени. Власти всюду почти дѣйствовали мѣрами увѣщанія, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчали вооруженное сопротивленіе крестьянъ, и лишь въ крайности прибѣгали къ силѣ оружія. Такъ дѣйствовалъ фельдмаршалъ князь Репнинъ даже при подавленіи наиболѣе сильнаго волненія—вооруженнаго бунта крестьянъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Бунтовавшихъ крестьянъ было здѣсь до 13.000; у нихъ былъ предводитель Емельянъ Чернодыровъ; центрами движенія были село Радогощи

въ имѣніи княгини Апраксиной и село Брасово генералъ-лейтенанта Апраксина. Губернаторъ 22-го января 1797 года прибылъ въ село Радогощи съ ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ и обратился къ крестьянамъ съ рѣчью. Но увѣщанія его были прерваны толпою крестьянъ, выбѣжавшихъ изъ мѣстнаго винокуреннаго завода съ нѣсколькими ружьями и дубовыми кольями; эта вооруженная толпа смѣло бросилась на нихъ и убила двухъ солдатъ. Губернаторъ Кашнинъ-Самаринъ, въ виду крайняго возбужденія толпы, грозившаго большимъ кровопролитіемъ, вывелъ полкъ изъ села. Вновь назначенный губернаторъ Воейковъ прибылъ въ то же село съ полкомъ 10-го февраля и сумѣлъ привести крестьянъ къ повиновенію безъ кровопролитія. Онъ сдѣлалъ три выстрѣла изъ пушекъ по избамъ, отчего нѣкоторыя строенія загорѣлись, и приказалъ имъ бросить дубины, «чему они, ставъ на колѣни, и повиновались». Въ послѣдней крайности прибѣгъ къ оружію и фельдмаршалъ князь П. В. Репнинъ, усмирявшій бунтъ крестьянъ въ сосѣднемъ съ Радогощью селѣ Брасовѣ. Когда онъ 13 февраля 1797 года прибылъ къ этому селу съ двумя полками, гусарскимъ и мушкатерскимъ, то увидѣлъ при въѣздѣ въ село толпу, вооруженную дубинами, кольями и рогатинами, а впереди четырехъ крестьянъ съ образомъ и портретомъ государя. Онъ обратился къ нимъ съ увѣщаніями, и, когда это не подѣйствовало, приказалъ стрѣлять изъ пушекъ; эскадронъ гусаръ поскакалъ на толпу, но крестьяне съ такой отчаянной храбростью бросились на солдатъ, что послѣдніе обратились въ бѣгство. Тогда только князь Репнинъ выдвинулъ противъ нихъ пушки, заряженныя картечью; не испугавшись картечи, крестьяне напали на ряжскій пѣхотный полкъ, и когда этотъ полкъ встрѣтилъ ихъ выстрѣлами, они побросали свои колья и рогатины и просили пощады. Всего во время этой стычки было убито 20 человѣкъ и ранено 70 [1]). Въ приказѣ малороссійскому кирасирскому полку относительно усмиренія крестьянъ силой оружія князь Репнинъ предупреждалъ полкового командира, что онъ «отвѣчать за то станетъ по всей строгости законовъ, что подобное крайнее дѣйствіе строгостью вынуждено было отъ него **самою послѣднею необходимостью**», и «что прежде сего принужденнаго (т.-е. вынужденнаго) **истощены были всѣ мѣры и увѣщанія кротостью**» (де-Пуле, стр. 557). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Тульской губерніи, въ имѣніи Юдина, воинскія команды, хотя и не стрѣляли въ крестьянъ, но позволяли себѣ насилія; пострадавшіе жаловались государю, что солдаты: «безъ всякаго нашего сопротивленія причинили намъ несносные побои, рубили пальцы, уши, брили головы и бороды». Такъ, напримѣръ, въ Медынскомъ уѣздѣ Калужской губерніи вице-губернаторъ Митусовъ усмирилъ волненіе увѣщаніями и страхомъ угрозъ, хотя здѣсь ожесточеніе крестьянъ дошло до того, что они убили старосту съ сыновьями, не слушались исправника, прибывшаго съ командою, и не сразу покорились вице-губернатору, явившемуся въ село во главѣ гусарскаго эскадрона (стр. 61).

---

[1]) Кромѣ книги г. Трифильева, стр. 37—51, свѣдѣнія объ этомъ же можно найти въ статьѣ Де-Пуле: «Русскій Архивъ», т. VII, 1869 года, стр. 552—571.

Въ книгѣ г. Трифильева очень много цѣнныхъ свѣдѣній объ этомъ крестьянскомъ движеніи, впервые извлеченныхъ изъ бумагъ государственнаго архива. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ изложенъ крайне неумѣло, не систематизированъ и не обработанъ. Авторъ не даетъ общаго обзора крестьянскаго движенія и такъ мало вникаетъ въ существо разнообразныхъ волненій въ различныхъ мѣстностяхъ, отъ простого неповиновенія помѣщику до вооруженнаго бунта, что и въ своемъ описаніи и въ своихъ выводахъ приравниваетъ къ такимъ волненіямъ мирныя жалобы крестьянъ на господъ, разрѣшенныя закономъ 12-го декабря 1796 года. Много разсуждая о причинахъ и поводахъ движенія, онъ приходитъ къ явно отмѣченному выводу, что главная причина заключалась въ стремленіи крестьянъ къ свободѣ, тогда какъ въ описаніи волненій постоянно самъ же указывалъ, что они вызывались тяжелымъ экономическимъ положеніемъ крестьянъ и злоупотребленіями помѣщиковъ, и что крестьяне въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не мечтая о свободѣ, стремились лишь ослабить крайности господскаго произвола. Н. П. Лѣсковъ.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Новыя извѣстія о Посошковѣ. Спб. 1904.

Выдающееся положеніе, какое занимаетъ Посошковъ среди публицистовъ Петровскаго времени, несомнѣнно, должно возбуждать и соотвѣтствующій интересъ къ этому замѣчательному самородку, всю жизнь самоотверженно работавшему надъ вопросами государственнаго и общественнаго устройства. Между тѣмъ, въ нашей исторической наукѣ все еще нѣтъ сколько нибудь правильной оцѣнки его дѣятельности, что̀ обусловливается, главнымъ образомъ, недостаткомъ свѣдѣній о немъ. Поэтому опубликованныя г. Павловымъ-Сильванскимъ и снабженныя вступительнымъ очеркомъ новыя извѣстія о Посошковѣ имѣютъ важное значеніе, какъ для біографіи крестьянина-публициста, такъ и для характеристики его дѣятельности въ качествѣ писателя и мыслителя.

Въ послѣднемъ отношеніи представляетъ большой интересъ напечатанное здѣсь «Доношеніе о исправленіи всѣхъ неисправъ», извѣстное раньше лишь по краткому и неточному сообщенію Пекарскаго. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые историки видятъ въ широкихъ преобразовательныхъ планахъ Посошкова не что иное, какъ отголосокъ Петровской реформы. Это мнѣніе подкрѣплялось ссылкою на то, что публицистическая дѣятельность Посошкова первоначально носила религіозно-нравственный характеръ, и лишь съ 20-хъ годовъ онъ сталъ затрагивать общественные и государственные вопросы. Дѣйствительно, главное сочиненіе его, въ которомъ говорится о необходимости радикальнаго переустройства Россіи, знаменитая «Книга о скудости и богатствѣ», писалось въ 1721—1724 годахъ, т.-е. въ самый разгаръ Петровскихъ реформъ, и можно думать, — говоритъ г. Павловъ-Сильванскій, — что названное сочиненіе «явилось слѣдствіемъ этихъ реформъ, что преобразовательная дѣятельность Петра побудила человѣка, наиболѣе интересовавшагося вопросами религіозно-нравственными, сосредоточить все вниманіе на вопросахъ государственныхъ».

На самомъ же дѣлѣ это не точно. Какъ показываетъ «Доношеніе», написанное въ 1704 году, Посошковъ интересовался государственными вопросами задолго еще до главныхъ Петровскихъ реформъ. Печатая это «Доношеніе», г. Павловъ-Сильванскій привелъ параллельныя мѣста изъ другихъ сочиненій Посошкова (изъ писемъ къ Стефану Яворскому, изъ «Книги о скудости и богатствѣ» и «Зеркала очевидности»), прекрасно показывающія, что послѣдній всегда ратовалъ противъ царившей вокругъ «закоренѣлой древней неправды», но, относясь одинаково отрицательно къ окружающей дѣйствительности, какъ въ «Доношеніи», такъ и въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ», онъ измѣнилъ лишь средства для ея пересозданія. Въ первомъ сочиненіи онъ высказывалъ мысль, что для проведенія широкой государственной реформы необходимо «избрать... разумнаго и желательнаго человѣка и власть имѣющаго таковую, чтобы ему никто изъ великихъ людей противенъ не былъ, но и духовнаго чина на его бы волю слагалися, и если сія вся тако великій государь состроитъ, то вѣмъ, еже подъ солнцемъ другаго такова славнаго, и богатаго, и храбраго государства не обрящется, и вся прежде бывшая наша поношенія обратятся въ возвышенія и славу». Во второмъ же сочиненіи, проектируя цѣлый рядъ реформъ, Посошковъ предлагаетъ обсудить ихъ «народосовѣтіемъ», «всѣмъ народомъ», «самымъ вольнымъ голосомъ», т.-е. предлагалъ прибѣгнуть къ земскому собору. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ онъ всю надежду возлагалъ на появленіе геніальной личности, каковою былъ впослѣдствіи Петръ; во второмъ, вѣроятно, не удовлетворяясь реформами Преобразователя, эту надежду возлагалъ на «весь народъ», т.-е. на представительное начало. Другіе матеріалы, за исключеніемъ доношенія Посошкова Петру I о «Книгѣ о скудости и богатствѣ» въ первоначальной редакціи, имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, для его біографіи. Изъ нихъ очень интересно письмо его племянника, дающее много бытовыхъ чертъ для характеристики нравовъ помѣщиковъ того времени, и нѣсколько купчихъ, заключающихъ свѣдѣнія о двухъ имѣньицахъ Посошкова. Послѣднія интересны еще въ томъ отношеніи, что реабилитируютъ Посошкова отъ недавно возведеннаго на него однимъ историкомъ обвиненія въ кулачествѣ, совершенно несправедливаго.

А. Я.

Мельгуновъ, С. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. М. 1904.

Въ указанной книгѣ авторъ пытается исторически изучить вопросъ о студенческихъ обществахъ, поставить его въ связь съ общимъ ходомъ академической жизни и даже шире—разсмотрѣть его на фонѣ общаго теченія государственной жизни. Въ срединѣ XVIII столѣтія, какъ указываетъ авторъ, для студенческихъ обществъ совершенно не было подходящей почвы, такъ какъ студенты, набранные изъ бѣднаго класса, не имѣя необходимыхъ книгъ, даже одежды, обуви и пропитанія, совсѣмъ не интересовались наукой, и въ 1765 году въ С.-Петербургѣ половина ихъ (изъ 18) «вышла въ отставку». Когда же Екатерина II принялась за просвѣтительную работу, то это пробудило и

студентовъ: изъ нихъ набрался цѣлый кружокъ добровольныхъ сотрудниковъ, которые участвовали въ тогдашнихъ журналахъ. Въ то же время при Московскомъ университетѣ возникаетъ первая научная студенческая организація, зародышъ которой лежалъ въ публичныхъ диспутахъ на разныя темы. Въ 1781 году проф. Шварцъ основалъ «Собраніе университетскихъ питомцевъ для упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ»; на засѣданіяхъ читались и обсуждались стихи, проза, изящные переводы, рецензіи. Работы участниковъ «Собранія» издавались. Въ 1789 году, по примѣру «Собранія», при вольномъ благородномъ пансіонѣ возникло самостоятельное литературное общество, цѣлью котораго было «исправленіе сердца, очищеніе ума и вообще обработка вкуса». Такой же кружокъ былъ основанъ и въ С.-Петербургѣ; онъ выпустилъ 24 книги своихъ сочиненій. Но вскорѣ, подъ вліяніемъ поворота во внутренней политики Екатерины II, кружки заглохли.

При Александрѣ I началось сильное общественное движеніе, благодаря чему первая четверть XIX вѣка является «классическимъ временемъ всякаго рода обществъ и кружковъ». Въ 1810 году при Московскомъ университетѣ возникаетъ «Общество математиковъ», уставъ котораго получилъ высочайшее утвержденіе; въ Казани— «Общество вольныхъ упражненій» (литературное); въ Кременецкомъ лицеѣ—«Общество для усовершенствованія въ авторствѣ и ораторствѣ» (въ 1815 г.); при Харьковскомъ университетѣ (въ 1819 г.)—«Общество студентовъ, любителей отечественной словесности» (членовъ общества было 8, но и они выпустили 1 томъ своихъ трудовъ). Эти кружки благотворно вліяли на студенческую среду, студенты принимали дѣятельное участіе въ тогдашней литературѣ. Послѣ извѣстнаго инцидента съ «Обществомъ лицейскихъ друзей», учрежденіе котораго государь призналъ ненужнымъ (въ 1822 г.), настала пора, неблагопріятная для какихъ бы то ни было научныхъ и литературныхъ студенческихъ обществъ. Въ высшихъ сферахъ появилось стремленіе «изгнать опасный духъ вольнодумства изъ учебныхъ заведеній, особенно изъ университетскаго преподаванія, и сочетать навсегда науку съ религіей». Это направленіе сказалось, напримѣръ, въ томъ, что преподаваніе новѣйшей исторіи было запрещено, даже сочиненія Карамзина были признаны проникнутыми якобинскимъ духомъ. Научныя общества терпятъ гоненія; сочувствіе же встрѣчаютъ лишь всевозможныя библейскія сотоварищества, гдѣ читались псалмы, велись разсужденія на благочестивыя темы.

При Николаѣ I начались еще большія ограничительныя мѣры противъ студентовъ; внѣшняя выправка, дисциплина, считались единственнымъ оплотомъ противъ «своеволія мысли» и «мечтательныхъ крайностей». Студентамъ была дана форма, начальство заботилось о манерахъ и прическахъ; студентовъ дѣлятъ на батальоны, обучаютъ фронтовой службѣ, даже вводятъ лагерныя занятія въ теченіе лѣтнихъ вакацій. Благодаря режиму, общій колоритъ тогдашней студенческой жизни носилъ характеръ пустоты и праздности; студентъ былъ врагъ полиціи, уличныхъ фонарей и гуляка. Но все же такое направленіе не могло совершенно затемнить просвѣтительной роли университетовъ, тѣмъ болѣе, что въ эту пору появляется рядъ талантливыхъ русскихъ профессоровъ, которые, изучивъ науку въ западныхъ университетахъ, при-

несли съ собой новѣйшія вѣянія европейской мысли. Лучшіе студенты составляютъ частные кружки. Въ это время образовалось два знаменитыхъ кружка вокругъ Герцена и Станкевича, а также кружокъ славянофиловъ. Въ 30-хъ годахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ были попытки среди студентовъ основать корпораціи (по образцу нѣмецкихъ), но начальство отнеслось къ этому неблагосклонно. Частные кружки студентовъ были въ Харьковѣ и Кіевѣ, но офиціально они не признавались, въ особенности не могло быть объ этомъ и рѣчи въ 50-хъ годахъ, когда подъ вліяніемъ революцій на Западѣ въ 1848 году репрессіи у насъ усилились.

Съ самаго начала царствованія Александра II студенческая жизнь пробуждается. Такъ, въ 1856 году въ С.-Петербургѣ возникаетъ кружокъ студентовъ, который издавалъ «Студенческій Сборникъ» (вышло 3 книги); потомъ была устроена касса взаимопомощи; частными кружками устраивались концерты, публичныя лекціи. Въ Кіевѣ тоже возникаетъ литературный кружокъ. Однако и въ 60-хъ годахъ студентамъ не было дано права организацій. Правда, по предложенію министра народнаго просвѣщенія Сабурова, студенты Московскаго университета выработали проектъ корпоративнаго устройства, и одно время, съ разрѣшенія начальства, у нихъ дѣйствовали собранія курсовыя, факультетскія и общестуденческія, были устроены кассы взаимопомощи и библіотеки, даже появилось нѣсколько десятковъ землячествъ, но вскорѣ же всѣ студенческія общества офиціально были закрыты. Въ 1882 году при С.-Петербургскомъ университетѣ, вопреки тогдашнимъ порядкамъ, открылось извѣстное «Общество проф. О. Миллера», изъ котораго вышло такъ много ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, но и оно было закрыто въ 1887 году. Университетскій уставъ 1884 года, а въ особенности позднѣйшія дополненія, совершенно не разрѣшали студенческихъ организацій. О ненормальности такого положенія очень краснорѣчиво говорили студенческія волненія послѣднихъ лѣтъ.

Совершенно на особомъ положеніи, по сравненію съ другими университетами, находился Дерптскій (Юрьевскій) университетъ. Здѣсь возникли (въ 1807—1809 г.г.) и получили офиціальную санкцію корпораціи: Curonia, Livonia, Estonia, Finnonia, а позднѣе Polonia и Ruthenia; вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и общестуденческія организаціи: «Дерптскій союзъ» и «Собраніе уполномоченныхъ» (Chargirten-Convent). Корпораціи были устроены по образцу германскихъ, сохранились въ университетѣ и до сего времени, въ особенности благодаря своему девизу: «студентъ—nicht politik», такъ что дерптскихъ студентовъ начальство обычно аттестовало, что они добродушные, благородные люди, послушные властямъ, любящіе науку» и «отличаются скромнымъ образомъ мысли». На ряду съ корпораціями устраивались и просто студенческія общества (verein'ы).

«Временныя правила организаціи студенческихъ учрежденій» въ настоящее время даютъ студентамъ возможность учреждать общества, во многихъ университетахъ они и открылись (объ этихъ организаціяхъ авторъ даетъ краткія свѣдѣнія). Однако временныя правила еще не представляютъ собой окончательнаго рѣшенія вопроса, а потому оцѣнивать ихъ исторически преждевременно. Авторъ склоненъ сомнѣваться въ томъ, чтобы эти офиціальныя обще-

ства давали надлежащій просторъ мысли и помогали студентамъ выработать цѣльное общественное міровоззрѣніе.

Таково содержаніе книги г. Мельгунова. Въ началѣ ея авторъ приводитъ литературу, которою онъ пользовался. Очень жаль, что онъ не использовалъ многаго того, что было сказано въ печати нѣсколько лѣтъ тому назадъ о студенческихъ организаціяхъ и объ университетской реформѣ, напримѣръ: проф. Лесгафта—«Проектъ студенческихъ организацій» («Новости», 1901, № 134); тоже (проф. С.-Петербургскаго университета — «Петербургскія Вѣдомости», 1901, № 119); Игнатова—«Условія студенческой жизни въ Москвѣ» («Русскія Вѣдомости», 1901, № 150); Ив. К—ва—«Русскіе студенты высшихъ учебныхъ заведеній» (ib., № 295); П. К.—«Студенческое общество въ Юрьевѣ» («Общество русскихъ студентовъ университета» — «Петербургскія Вѣдомости», 1901, № 211). Объ университетской же реформѣ, а въ связи съ ней и о студенческихъ организаціяхъ, въ періодической прессѣ былъ цѣлый рядъ статей проф. Шимкевича, проф. Никонова, проф. Будде, Фаминцына, Виноградова, Романовичъ-Словатинскаго, Обнинскаго и др. («Образованіе», 1901, №№ 5 и 6; «Вѣстникъ Права», 1901, № 9; «Русская Школа», 1901, № 9; «Вѣстникъ Европы», 1901, №№ 6 и 10; «Міръ Божій», 1902, № 1; «Русскія Вѣдомости», 1901, №№ 104 и 148). Также авторъ не использовалъ отвѣтовъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній на предложенные министерствомъ вопросы, въ числѣ которыхъ былъ и вопросъ о студенческихъ организаціяхъ. Вообще авторъ до 60-хъ годовъ довольно подробно останавливается на студенческихъ обществахъ, но потомъ даетъ слишкомъ бѣглую и отрывочную картину. Напримѣръ, онъ въ двухъ словахъ говоритъ о «землячествахъ», которыя въ настоящее время столь распространены среди студентовъ; не говоритъ онъ о «Союзныхъ совѣтахъ», «Комитетахъ» и т. д., которые въ студенческой жизни послѣднихъ годовъ играли такую видную роль. Въ текстѣ встрѣчаются и фактическія неточности: такъ авторъ уставу 1863 года приписываетъ выраженіе, что студентъ есть «отдѣльный посѣтитель университета» (стр. 60), тогда какъ ни уставъ 1863 года, ни даже уставъ 1884 года такого выраженія въ себѣ не содержитъ.

Несмотря на указанные недостатки, работа г. Мельгунова заслуживаетъ вниманія, такъ какъ изучаетъ столь интересный вопросъ и, давая общую историческую картину студенческихъ организацій, суммируетъ порой довольно удачно то, что разбросано по многочисленнымъ изслѣдованіямъ и статьямъ.

М. К.

С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Томъ I. (XIII в.—1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, «Введенія въ изученіе языка» Б. Дельбрюка. Спб. 1904.

Объемистая книга проф. С. К. Булича будетъ интересна не для однихъ спеціалистовъ. Мы думаемъ даже, что ея компилятивный характеръ, литературное изложеніе, отсутствіе именно того, съ чѣмъ связано представленіе о строгой научности труда—характера изслѣдованія и разысканія новыхъ науч-

ныхъ истинъ, — что эти черты сдѣлаютъ книгу общедоступной. По ней не трудно убѣдиться, что исторію русской филологіи можно начинать чуть ли не съ первыхъ по времени памятниковъ нашей старинной письменности, что среди дѣятелей этой области русскихъ изученій были талантливыя лица, и что въ общей сложности ихъ труды составляютъ нѣчто цѣльное и грандіозное, а потому нуждающееся въ обработкѣ и сведеніи итоговъ.

Древній періодъ исторіи русскаго языкознанія разсмотрѣнъ слишкомъ бѣгло и довольно поверхностно. Факты берутся изъ вторыхъ рукъ, кое-что пропущено совсѣмъ, многое возбуждаетъ сомнѣнія, но эти дефекты объясняются, повидимому, тѣмъ, что авторъ предпослалъ главной части своего труда нѣсколько вводныхъ главъ только для полноты: иначе нельзя объяснить замѣтные недостатки въ обзорѣ первоначальной поры въ исторіи языкознанія въ Россіи, на самомъ дѣлѣ, самаго интереснаго и важнаго отдѣла. Первая глава посвящена древне-русскимъ рукописнымъ грамматикамъ XIII—XVI вѣковъ, вторая—словарямъ XI—XVII вѣковъ, третья—печатнымъ грамматикамъ и грамматическимъ сочиненіямъ, авторы которыхъ извѣстны, напримѣръ, Зизанія, Смотрицкаго, Крижанича, Славинецкаго, Лихудовъ, Бурцова, Истомина. Слѣдующая глава обнимаетъ болѣе широкій вопросъ—«Знакомство съ языками въ древней и московской Руси и преподаваніе ихъ». Она написана легко и прочтется съ большимъ интересомъ; было бы желательно сдѣлать изъ нея популярную статью для широкой публики, и особенно—для учащихся. Слѣдующія главы идутъ въ такомъ порядкѣ: «Состояніе языкознанія при Петрѣ Великомъ», «Тредьяковскій, Сумароковъ, Ломоносовъ», «Дѣятельность академіи наукъ» и «Сравнительный Словарь Екатерины II», «Переходныя и оригинальныя сочиненія общаго характера по языкознанію во второй половинѣ XVIII вѣка», «Этимологическіе домыслы нашихъ историковъ Татищева, Щербатова и Болтина», «Знакомство съ древними и новыми европейскими языками при преемникахъ Петра I», «Изученіе восточныхъ языковъ въ XVIII вѣкѣ», наконецъ—«Состояніе языкознанія въ теченіе первой четверти XIX вѣка». Какъ одинъ изъ болѣе важныхъ отдѣловъ послѣдней, самой обширной главы, укажемъ «Возникновеніе русской палеографіи и археографіи»; къ сожалѣнію, авторъ не обращаетъ должнаго вниманія на изданія Мусина-Пушкина— Поученія Мономаха и Слова о полку Игоревѣ, какъ извѣстно, сыгравшаго большую роль въ первыхъ шагахъ нашей палеографіи. Не менѣе интересны тѣ курьезныя этимологіи, которыя предлагались въ свое время нѣмцами и русскими относительно названій, не возбуждающихъ теперь никакихъ сомнѣній; изъ отдѣльныхъ фактовъ и цѣлыхъ теорій, не имѣвшихъ научной почвы, но стоящихъ въ связи съ романтизмомъ въ изученіи старины, также можно было бы составить занимательный популярный очеркъ.

Изъ краткаго обзора видно, какими широкими задачами руководился профессоръ С. К. Буличъ въ своемъ капитальномъ трудѣ, и сколько цѣннаго заключаетъ въ себѣ огромный томъ въ 1248 страницъ. **А. Я**

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ русскихъ людей царствованій императрицы Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I (1762—1825). Художественно-историческое изданіе великаго князя Николая Михайловича. Томъ первый, выпускъ первый. Спб. 1905.

Всѣмъ любителямъ отечественной иконографіи извѣстно, что его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ уже много лѣтъ собираетъ портреты замѣчательныхъ русскихъ людей, писанные исключительно масляными красками, акварелью и въ миніатюрахъ. Благодаря любезности великаго князя, многія историческія изданія имѣли возможность воспроизвести на своихъ страницахъ портреты выдающихся дѣятелей, заимствованные изъ этого замѣчательнаго собранія, всегда радушно открытаго для пользованія лицъ, занимающихся исторіей.

Въ настоящее время великій князь предпринялъ еще не бывалое въ Россіи изданіе, которое составитъ эпоху въ нашей иконографіи и навсегда сохранитъ благодарную память къ его высочеству, наравнѣ съ покойнымъ Д. А. Ровинскимъ. Въ это изданіе войдутъ снимки съ портретовъ и миніатюръ русскихъ людей эпохи царствованій императрицы Екатерины II и императоровъ Павла I и Александра I, то-есть жившихъ и дѣйствовавшихъ между 1762—1825 годами. Преимущество будетъ отдаваться оригиналамъ извѣстныхъ мастеровъ, но новый типъ, возрастъ, болѣе соотвѣтствующій избранной эпохѣ, и другія соображенія могутъ склонить выборъ въ иныхъ случаяхъ въ пользу второстепенныхъ и неизвѣстныхъ оригиналовъ. Сюда войдутъ также изображенія, интересныя въ историческомъ отношеніи, но мало удовлетворительныя въ художественномъ отношеніи, если издателю не будетъ извѣстно другого, лучшаго оригинала даннаго лица. Кромѣ того, появится нѣкоторое число портретовъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, въ надеждѣ, что они путемъ опубликованія ихъ опредѣлятся и пополнятъ свѣдѣнія исторической иконографіи. Къ изображеніямъ мужей нерѣдко будутъ присоединены портреты женъ, къ знаменитымъ отцамъ менѣе извѣстныя дѣти и наоборотъ. Въ изданіи не устанавливается системы въ расположеніи портретовъ. Оно не будетъ словаремъ портретовъ, но къ каждому тому будетъ приложенъ алфавитный указатель, а съ послѣднимъ томомъ выйдетъ общій указатель ко всѣмъ томамъ. Каждое изображеніе будетъ сопровождаться краткой біографіей даннаго лица на русскомъ и французскомъ языкахъ. Матеріалами для изданія служатъ не одни оригиналы изъ собранія великаго князя, но преимущественно оригиналы, находящіеся въ дворцахъ, музеяхъ, галлереяхъ и составляющіе частную собственность. Въ распоряженіи издателя уже имѣется свыше 2.000 снимковъ, и число это продолжаетъ увеличиваться. Съ цѣлью достиженія наиболѣе точнаго ихъ воспроизведенія будутъ примѣнены лучшіе фотомеханическіе способы, а именно: геліогравюра для портретовъ, выдающихся своимъ художественными качествами, и для остальныхъ фототипія.

Изданіе формата in-4° будетъ выходить ежегодно по одному тому, по четыре выпуска въ каждомъ, заключающихъ въ себѣ сто таблицъ, изъ кото-

рыхъ 50 геліогравюръ и 50 фототипій. Общее число изображеній въ каждомъ томѣ около 200. Подписная цѣна за томъ въ четыре выпуска 50 рублей. Допускается разсрочка: при полученіи перваго выпуска вносится 26 рублей и при каждомъ изъ остальныхъ трехъ выпусковъ по 8 рублей.

Въ вышедшемъ теперь первомъ выпускѣ перваго тома воспроизведено 82 портрета. Перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста, и потому мы укажемъ лишь на болѣе замѣчательные или относительно рѣдкости, или художественности: императоръ Александръ I (Монье), императрица Елисавета Алексѣевна (Монье), графиня М. А. Румянцева (Митуара), князь Г. Г. Орловъ (Рокотова), княгиня Е. Н. Орлова (Левицкаго), графъ А. Строгановъ (Варнека), князь С. Н. Долгорукій (Боровиковскаго), князь Н. П. Румянцевъ (Г. Доу), Е. А. Архарова (Боровиковскаго), княгиня Т. В. Юсупова (Виже-Лебренъ), графиня Е. П. Ростопчина (Брауна), графъ Ѳ. В. Ростопчинъ (Кипренскаго), графъ Н. И. Панинъ (Рослена), княгиня Е. А. Суворова (Боровиковскаго), А. М. Грибовскій (Фюгера), Н. К. Загряжская (Васильевскаго), братья Архаровы (миніатюры), князь Н. Г. Репнинъ-Волконскій и его жена (Изабе), княгиня А. П. Гагарина (миніатюра), князь А. А. Суворовъ (миніатюра), графъ П. П. Салтыковъ и его жена (Ритта), С. С. Колычевъ (Ритта), графъ Н. М. Каменскій (Григорьева), графиня С. К. Потоцкая (Галла) и др.

Всѣ эти портреты, за исключеніемъ портрета Панина, извѣстнаго въ гравюрѣ Радига, воспроизведены въ изданіи великаго князя Николая Михайловича въ первый разъ и служатъ доказательствомъ, какое цѣнное значеніе оно будетъ имѣть для русской исторической науки. Геліогравюры и фототипіи исполнены экспедиціей государственныхъ бумагъ, которая относительно техники достигла высшей степени совершенства, передавая съ художественной точностью всѣ мельчайшія подробности оригиналовъ.

Біографіи, сопровождающія портреты, несмотря на ихъ краткость, составлены очень хорошо, фактически вѣрны и не ограничиваются лишь сухимъ формуляромъ, а, въ большинствѣ, даютъ характеристику описываемаго лица.

О. Ш.

А. И. Фаресовъ. Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905.

Новая книга г. Фаресова подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ представляетъ интересное явленіе въ нашей литературѣ, какъ попытка поставить на судъ исторіи образы и дѣятельность нѣкоторыхъ выдающихся участниковъ въ общественныхъ движеніяхъ семидесятыхъ годовъ, когда многіе представители нашей интеллигенціи, не удовлетворенные политическимъ и общественнымъ строемъ, созданнымъ въ предшествовавшій пореформенный періодъ, дѣлали попытки къ созданію иного строя на новыхъ началахъ жизни и въ этихъ тщетныхъ попыткахъ въ большинствѣ случаевъ надорвали свои недюжинныя силы и нашли себѣ здѣсь гибель. Передъ читателями книги г. Фаресова проходитъ небольшая галлерея портретовъ, нарисованныхъ добросовѣстно и старательно, при

чемъ авторъ почерпалъ свой матеріалъ для рисованія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ: изъ воспоминаній собственной жизни о личномъ знакомствѣ съ тѣми, съ кѣмъ ему приходилось жить и дѣйствовать, изъ переписки съ этими дѣятелями, изъ печатныхъ произведеній и отзывовъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ нашей литературѣ. Матеріалъ такимъ образомъ собранъ авторомъ достаточно полно и, если онъ не могъ освѣтить всѣхъ дѣйствующихъ лицъ своей галлереи всесторонне, то, думается, сдѣлалъ онъ это потому, что для таковаго освѣщенія еще не настало благопріятное время. Его очерки писаны не въ наши дни, когда о многихъ явленіяхъ русской жизни можно уже говорить свободнѣе, а еще много раньше, и помѣщались они притомъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, рамки условій печатанія для которыхъ были достаточно узки и тѣсны. Кромѣ того, хотя авторъ и не снабдилъ своей книги какимъ нибудь руководящимъ и объясняющимъ введеніемъ, но для читателя становится ясно, что онъ не имѣлъ въ виду создавать широкой картины всего движенія, а ограничилъ свою задачу нанесеніемъ на полотно отдѣльныхъ силуэтовъ, для которыхъ не наступили еще густыя сумерки забвенія. Поэтому г. Фаресовъ и не долженъ быть разсматриваемъ, какъ историкъ движенія семидесятыхъ годовъ, онъ скорѣе—мемуаристъ о той эпохѣ, которая ему близка, родственна, и въ которой онъ, какъ то уже извѣстно читателямъ «Историческаго Вѣстника», принималъ хотя и не первостепенное, но все же посильное участіе. Онъ былъ близокъ въ свое время къ А. Н. Энгельгардту, къ П. И. Войнаральскому, А. К. Маликову, Фрею и другимъ, раздѣлялъ увлеченія своего времени по извѣстному «хожденію въ народъ» и попыткамъ съ нимъ непосредственно сблизиться, проходилъ школу Энгельгардта и былъ въ числѣ тѣхъ «тонконогихъ», которые на хозяйствѣ знаменитаго агронома изучали жизнь народа, его соціальные и экономическіе идеалы и искали того опрощенія, которое фактически приближаетъ человѣка къ природѣ.

Хотя Энгельгардта собственно нельзя причислить непосредственно къ «семидесятникамъ», но онъ въ извѣстной и опредѣленной области былъ ихъ «учителемъ» и апостоломъ, около него многіе изъ нихъ собирались и отсюда создали то движеніе, которое извѣстно въ нашей литературѣ, какъ движеніе къ созданію «культурныхъ скитовъ», «культурныхъ земледѣльческихъ колоній». Поэтому и г. Фаресовъ съ полнымъ правомъ включаетъ біографію этого замѣчательнаго русскаго человѣка въ свою книгу и отводитъ въ ней главенствующее мѣсто именно біографіи и характеристикѣ Энгельгардта. Какъ біографъ послѣдняго, онъ у насъ пока единственный, и за нимъ остается большая заслуга по опубликованію многихъ чрезвычайно интересныхъ писемъ владѣльца Батищевскаго имѣнія какъ лично къ нему, г. Фаресову, такъ и къ другимъ лицамъ, напримѣръ, къ А. С. Ермолову, нынѣшнему министру земледѣлія, профессору г. Костычеву и другимъ. Побывавъ и поработавъ въ имѣніи А. Н. Энгельгардта, авторъ далъ рядъ живыхъ и непосредственныхъ картинокъ изъ Батищевской жизни, которыя лучше и яснѣе многихъ чисто-теоретическихъ разсужденій объ общественномъ значеніи Батищева рисуютъ намъ извѣстное Смоленское движеніе и тѣ соціальныя группы, которыя въ этомъ движеніи участвовали: тутъ и «тонконогіе» интеллигентные работники на землѣ

Энгельгардта, и работники изъ среды мужиковъ, и исправникъ, и священникъ и др., которые всѣ вмѣстѣ служатъ хорошимъ антуражемъ и живою обстановкой, на фонѣ которой во весь ростъ вырисовывается оригинальная фигура бывшаго популярнаго профессора и провозвѣстника новыхъ методовъ хозяйничанья въ Россіи.

Очеркъ объ А. Н. Энгельгардтѣ можно считать и по выполненію и по вложенному сюда фактическому матеріалу наиболѣе удавшимся г. Фаресову; должнаго вниманія заслуживаютъ и его очерки о П. И. Войнаральскомъ и А. К. Маликовѣ, этомъ оригинальномъ «предшественникѣ Льва Николаевича Толстого», какъ его удачно именуетъ авторъ книги. Войнаральскій, богатый пензенскій помѣщикъ, отдавшій все свое состояіе на дѣло «русской революціи», главный участникъ въ извѣстномъ «процессѣ 193», обрисованъ г. Фаресовымъ въ томъ періодѣ его злосчастной жизни, когда въ концѣ девяностыхъ годовъ, т.-е. черезъ 20 лѣтъ послѣ процесса и осужденія, онъ снова появился на аренѣ русской жизни съ надломленными уже силами, но не какъ участникъ большихъ событій крупнаго общественнаго значенія, а какъ дѣятель въ кругу инородческаго вопроса, работающій въ цѣляхъ разрѣшенія вопроса о переходѣ этихъ инородцевъ отъ промыслово-скотоводческаго быта къ земледѣльческому. И въ настоящемъ очеркѣ, какъ и въ очеркѣ объ А. Н. Энгельгардтѣ, авторъ «Семидесятниковъ» опубликовываетъ серію писемъ къ нему Войнаральскаго, раскрывающихъ передъ нами душевную драму этого интереснаго дѣятеля далекой Сибири и свидѣтельствующихъ, какъ у насъ на Руси трудно быть одному въ полѣ воиномъ, даже когда онъ борется за дѣло правое, никому ни въ какомъ отношеніи не опасное и не требующее для своего рѣшенія какихъ либо особыхъ денежныхъ ассигнованій и затратъ общественныхъ и государственныхъ суммъ. Благодаря матеріалу, нынѣ собранному г. Фаресовымъ, мы знакомимся въ лицѣ покойнаго Войнаральскаго съ основательно зарегистрованнымъ въ литературѣ типомъ «мученика труда», который въ свое время, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для этого труда, полагалъ всѣ силы на развитіе въ нашемъ отечествѣ земледѣльческихъ производительныхъ силъ, т.-е. типомъ той же категоріи, къ которой принадлежалъ и покойный А. Н. Энгельгардтъ. Съ совершенно инымъ типомъ—типомъ «мученика мысли», встрѣчается читатель въ очеркѣ, посвященномъ А. К. Маликову, небезызвѣстному въ свое время вожаку нѣкоторыхъ интеллигентныхъ кружковъ—«маликовцевъ», и явившемуся въ нашей жизни еще задолго до Льва Толстого провозвѣстникомъ начала евангельскаго непротивленія злу силой и борьбы съ этимъ зломъ исключительно христіанскими мѣрами. И съ Маликовымъ въ періодъ семидесятыхъ годовъ г. Фаресовъ имѣлъ случай познакомиться, встрѣчаться и бесѣдовать съ нимъ въ разные періоды его такъ оригинально и неудачно сложившейся жизни. Эти свои длинныя бесѣды онъ внимательно запомнилъ, зарегистрировалъ въ своихъ памятныхъ черновыхъ запискахъ и нынѣ опубликовываетъ ихъ, какъ цѣнный матеріалъ для характеристики русскихъ мечтателей-энтузіастовъ, стремившихся и у себя на родинѣ, и на далекой чужбинѣ подарить человѣчеству универсальное счастье и облагодѣтельствовать весь родъ людской. Изъ бесѣды Маликова съ г. Фаресовымъ

между прочимъ мы знакомимся съ организаціей «прогрессивной коммуны» Виллььяма Фрея въ Канзасѣ, участіе въ которой принимали и наши русскіе, отколовшіеся для чего-то отъ своей родины и устремившіеся въ невѣдомую имъ даль ради утопическихъ стремленій къ универсальному счастью.

Книга г. Фаресова очень содержательная и интересная для каждаго, кто желалъ бы познакомиться съ психологіей русскихъ людей, захваченныхъ живыми вопросами пореформенной Россіи, ихъ судьбою, скитаніями и тѣми духовными началами, которыя они стремились внѣдрить въ ту среду, куда ихъ забрасывала жизнь. Съ нѣкоторыми матеріалами изъ записокъ г. Фаресова читатели «Историческаго Вѣстника» еще встрѣтятся въ очеркахъ, посвященныхъ русской смутѣ и борьбѣ, когда будетъ итти рѣчь именно о періодѣ семидесятыхъ годовъ.

В. Глинскій.

Н. Кравченко. На войну! Письма, воспоминанія, очерки военнаго корреспондента. Съ иллюстраціями. Спб. 1905.

Мнѣ пришлось испытать одно изъ рѣдкихъ удовольствій въ наше сравнительно не очень богатое хорошими художественно-литературными произведеніями время. Я побывалъ на Байкалѣ, въ Маньчжуріи, въ Инкоу и въ Портъ-Артурѣ; я видѣлъ форты, шпіоновъ, китайцевъ, уличныхъ предсказателей; движенія войскъ, уличныхъ цырюльниковъ, японскаго унтеръ-офицера,—словомъ, я видѣлъ всю ту пеструю и разнообразную жизнь на Востокѣ, къ которой теперь прикованы глаза и напряженное вниманіе всей Россіи и Западной Европы. Я присутствовалъ при храбромъ боѣ «Баяна», и на моихъ глазахъ погибъ «Петропавловскъ», унесшій съ собою въ могилу адмирала Макарова и художника Верещагина. Я принималъ участіе въ бесѣдѣ съ ними; знаю каждаго изъ нихъ въ лицо и знакомъ съ характеромъ и мыслями обоихъ. Они умерли, но они передо мной, какъ живые. Былъ я на бивакѣ генерала Ренненкампфа, любовался вблизи корейской башней «Бейтасы», видѣлъ императорскія могилы около Мукдена и познакомился поближе съ героемъ Портъ-Артура генераломъ Стесселемъ... Гдѣ только я не былъ и чего только не видѣлъ!.. И сколько при этомъ я пережилъ удовольствія и эстетическаго наслажденія!..

Я не ѣздилъ для этого ни въ Маньчжурію, ни въ Корею, ни въ Портъ-Артуръ. Я пережилъ все это дома, за своимъ письменнымъ столомъ, читая посвященную памяти В. В. Верещагина книгу художника Н. Н. Кравченка: «На войну!» Авторъ поставилъ эпиграфомъ своей книги:... «правду, только правду!»—и сдержалъ свое слово. Онъ писалъ правду, не фантазируя, не измышляя, писалъ только то, что видѣлъ и слышалъ. Вся его книга дышитъ правдой—той безыскусственной, скромной и хорошей правдой, которая невольно располагаетъ къ себѣ и заподозрѣть которой не можетъ даже самый осторожный скептикъ. Книга не притязательна по формѣ: она представляетъ собою письма, воспоминанія и очерки военнаго корреспондента. Г. Кравченко начинаетъ свои воспоминанія съ Сибирской дороги. Онъ ѣдетъ. Въ его описаніи нѣтъ ни попытокъ во что бы то ни стало сгущать краски, ни стремленія

подчеркивать, ни невольнаго и такъ часто встрѣчающагося у авторовъ желанія навязать свой взглядъ и свои мнѣнія. Онъ просто ѣдетъ и наблюдаетъ, и особенность его наблюденій заключается въ томъ, что читатель съ первыхъ же строкъ съ удовольствіемъ дѣлается его спутникомъ, ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ и всю дорогу дѣлитъ съ нимъ радости и печали. Достигнуто это замѣчательной простотой и картинностью изложенія. А въ умѣніи изложить коротко и картинно авторъ показалъ себя большимъ мастеромъ. Онъ — художникъ и въ области искусства, и въ литературѣ. Въ дорогѣ онъ мимоходомъ набрасываетъ въ свой дорожный альбомъ эскизы, типы и сцены. Гдѣ можно, онъ пользуется фотографической камерой—и все это выходитъ у него и кстати, и хорошо, и просто. Выдающіеся историческіе моменты изложены у него тоже не многословно и даже скупо, но производятъ впечатлѣніе. Вотъ одинъ изъ такихъ моментовъ: «Не помню, на какой именно станціи,—пишетъ Н. И. Кравченко,—мы получили телеграмму о назначеніи А. Н. Куропаткина командующимъ арміей; эта вѣсть была встрѣчена всѣми съ восторгомъ, и веселыя застольныя рѣчи моихъ спутниковъ, подогрѣтыя лишнимъ стаканомъ вина, полились еще живѣе». Въ описаніи природы авторъ выступаетъ несомнѣннымъ художникомъ: «Зима, кругомъ зима. Море снѣга, несчастныя деревушки, занесенныя по самыя крыши, куцыя, мохнатыя лошаденки, то шагомъ, то рысью везущія за собой примитивныя дровни, да порой хорошіе лѣса въ чудномъ, зимнемъ уборѣ—вотъ что мелькало передо мной въ теченіе девяти сутокъ»... Гибель злополучнаго и памятнаго по унесеннымъ на дно моря крупнымъ жертвамъ «Петропавловска» описана такъ, что навѣваетъ грусть, отъ которой не скоро удается отдѣлаться. Воспоминанія о художникѣ В. В. Верещагинѣ проникнуты рѣдкой сердечной теплотой: «Бѣдный Василій Васильевичъ! Какъ жаль его, и какъ много въ его лицѣ потеряла Россія! Это тотъ самый В. В. Верещагинъ, который первый открылъ всѣмъ глаза на войну и показалъ весь ея ужасъ»... Прекрасно обрисованъ и покойный адмиралъ С. О. Макаровъ. Въ каждомъ описываемомъ авторомъ лицѣ виденъ живой человѣкъ, безъ прикрасъ и безъ утрировки. Будущій историкъ современной войны, вѣроятно, воспользуется этими правдивыми портретами и передастъ ихъ потомству въ связи съ описаніемъ ужасовъ войны и подвиговъ ея героевъ. Книгу Н. И. Кравченко—очень хорошую и дѣльную книгу—нельзя охарактеризовать въ короткой журнальной замѣткѣ. Ее нужно прочесть, а чтеніе ея доставитъ большое эстетическое наслажденіе. Она прекрасно иллюстрирована, и всѣ иллюстраціи дышатъ такою же художественною правдой, какъ и сама книга. **А. Оѣдой.**

Баронъ Н. В. Дризенъ. Матеріалы къ исторіи русскаго театра. Изд. А. А. Бахрушина. М. 1905.

Исторія русскаго театра далеко еще не разработана. Мы не имѣемъ капитальныхъ трудовъ, охватывающихъ жизнь русскаго театра въ XVIII и XIX вѣкахъ; въ нашемъ распоряженіи крайне мало статей и монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, которыя могли бы удовлетворить требованіямъ научной до-

бросовѣстности. Изъ статей, появившихся за послѣднее время, выгодно выдѣляются изъ другихъ изслѣдованія Н. В. Дризена. «Шестилѣтняя работа въ архивахъ,—пишетъ авторъ,—тщательное изученіе печатныхъ памятниковъ родной старины, наблюденіе надъ современными теченіями театральнаго искусства давали возможность автору изрѣдка останавливаться передъ отдѣльными моментами театральнаго прошлаго и писать о нихъ». Дѣйствительно, г. Дризенъ кладетъ въ основу своихъ статей архивные и неиспользованные матеріалы, подходя къ нимъ съ осторожной и тщательной критикой. Поэтому, фактическія картины, набрасываемыя г. Дризеномъ, носятъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности, а на выводы его можно полагаться. Съ внѣшней стороны его изслѣдованія по театру всегда оставляютъ хорошее впечатлѣніе: написаны они легко, читаются съ интересомъ. Поэтому нельзя не одобрить намѣренія г. Дризена выпустить отдѣльнымъ изданіемъ свои статьи. Въ его книгѣ обращаютъ вниманіе двѣ крупныхъ работы: одна—по исторіи любительскаго театра съ 1730 по 1824 годъ, другая—по исторіи драматической цензуры. Обѣ эти статьи представляютъ не маловажный вкладъ въ научную исторію русскаго театра. Любительскій театръ за разбираемый авторомъ періодъ, по своему значенію, совершенно не походилъ на современный любительскій. Въ исторіи любительскаго театра за 1730—1824 годы останавливаютъ вниманіе попытки удовлетворить культурнымъ запросамъ и обращеніе къ частной инициативѣ. Культурное значеніе этого театра велико, и трудъ г. Дризена, собравшаго печатныя и архивныя свѣдѣнія о театральныхъ любителяхъ этой эпохи, очень цѣненъ для изслѣдователя общей исторіи театра. Вторая крупная статья книги: «Очерки драматической цензуры», входитъ и въ исторію театра, и въ исторію русской цензуры. Она является первымъ опытомъ по исторіи спеціально драматической цензуры. Кромѣ отмѣченныхъ статей, въ книгѣ г. Дризена находимъ замѣтки о театральныхъ и сценическихъ дѣятеляхъ, мелочи театральной старины. Въ послѣднихъ есть очерки, имѣющіе значительный общій интересъ, какъ, напримѣръ, замѣтка о крѣпостныхъ артистахъ на службѣ императорскихъ театровъ (1827—1830 гг.).

Книгу г. Дризена прочтутъ съ интересомъ и пользой всѣ любители театра, а изслѣдователи будутъ признательны и за систематическій подборъ статей, и за указатель, приложенный къ книгѣ. П. П—въ.

К. Скальковскій. За годъ. Воспоминанія.—Историческіе очерки.—Публицистика.—Всячина. — Дневникъ меланхолика. — Путевыя впечатлѣнія. Спб. 1905.

Объ одной изъ новѣйшихъ книжекъ талантливаго нашего публициста, о его «Маленькой хрестоматіи для взрослыхъ», былъ сдѣланъ недавно отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ рекомендаціей читателямъ и самого автора. Къ сказанному о г. Скальковскомъ, какъ публицистѣ, не приходится прибавлять что либо новое примѣнительно къ разбору книги «За годъ». Въ ней та же бойкость пера, тотъ же блескъ слога и то же остроуміе, т.-е. всѣ тѣ его литератур-

ныя качества, которыя создаютъ ему широкій и громкій успѣхъ среди русскихъ читателей, привлекаютъ къ нему вниманіе критики и даютъ обильную пищу для полемики. Все, что написано г. Скальковскимъ, всегда интересно, не вызываетъ тоски и унынія, а шевелятъ умъ, дразнитъ мысль и вызываетъ желаніе послушать повѣствователя еще и еще. Онъ балагуритъ, говоря о серьезныхъ вещахъ, и серьезно говоритъ о самыхъ смѣшныхъ явленіяхъ; стоя внѣ партій, онъ съ одинаковыми то серьезностью, то улыбкою даритъ «комплименты» налѣво и направо, непрестанно памятуя при томъ изреченіе апостола Павла: «Слово ваше да будетъ всегда съ благодатью приправлено солью», изреченіе, которое онъ беретъ эпиграфомъ и для книги «За годъ».

Въ послѣднюю вошли главнымъ образомъ статьи, напечатанныя за послѣднее время въ «Новомъ Времени», изъ коихъ наиболѣе цѣнными должны считаться его воспоминанія объ Одессѣ и Новороссійскомъ краѣ, относящіяся ко временамъ еще дореформеннаго періода. Въ яркихъ краскахъ и въ пестрыхъ группахъ передъ читателями развертываются соціальныя картины юга, и возстаетъ такимъ образомъ цѣлая живая эпоха бытовой Россіи пятидесятыхъ годовъ. Много интимныхъ эпизодовъ изъ этой бытовой эпохи имъ обнародовано впервые, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ служатъ хорошей иллюстраціей и даже объясненіемъ для событій крупнаго общественнаго и историческаго значенія. Большою занимательностью отмѣченъ и его «Дневникъ меланхолика», представляющій собою продолженіе его «Дневника», напечатаннаго въ вышедшей прошедшимъ годомъ «Новой книгѣ». Въ этомъ дневникѣ авторъ изо дня въ день толкуетъ о вопросахъ современности, перемѣшивая свою бесѣду то полемическими экскурсіями, то воспоминаніями о былыхъ годахъ, то историческими справками и пр. и пр., при чемъ завѣтъ апостола никогда не ускользаетъ изъ его памяти, и на всѣхъ задѣтыхъ лицахъ и затронутыхъ событіяхъ обильно посыпано благодатной соли. В. Г.

Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. Книга вторая. Спб. 1905.

Вторая книга «Литературныхъ характеристикъ» г-жи Венгеровой (первая вышла, если не ошибаемся, въ 1899 г.) заключаетъ въ себѣ статьи о М. Метерлинкѣ, Э. Зола, А. Франсѣ, Г. Канѣ, Ж. Роденбахѣ, Э. Верхарнѣ, А. де-Ренье, Д. Рескинѣ, В. Моррисѣ, В. Пэтерѣ, Г. Сенкевичѣ, Ф. Ведекиндѣ. Эти статьи печатались въ свое время въ періодическихъ изданіяхъ (въ «Новомъ Пути», «Вѣстникѣ Европы»).

Всякій интересующійся новѣйшей литературой Запада съ удовольствіемъ прочтетъ вдумчивые, изящно и легко написанные очерки г-жи Венгеровой. Неотъемлемое достоинство критики г-жи Венгеровой составляетъ ея умѣнье проникнуть въ паѳосъ писателя, схватить основныя черты его духовной физіономіи, понять его надежды и волненія. Постройка всѣхъ статей болѣе или менѣе одинакова: г-жа Венгерова изображаетъ ту атмосферу, въ которой развивалась дѣятельность писателя, на этомъ фонѣ рисуетъ его портретъ, а затѣмъ, путемъ тщательнаго анализа его произведеній, возсоздаетъ духовный

его обликъ. Въ писателѣ г-жа Венгерова цѣнитъ прежде всего тонкость его душевной организаціи, внутреннюю правду его творчества. Г-жа Венгерова требуетъ, чтобы онъ изображалъ жизнь души, событія внутренняго міра. Произведенія, интересъ которыхъ основывается на внѣшнихъ событіяхъ, на занимательности фабулы и эффектности красокъ, вызываютъ съ ея стороны осужденіе. Такъ, напримѣръ, г-жа Венгерова очень сурово относится къ романамъ Сенкевича. Въ замѣчаніяхъ ея о знаменитомъ «Quo vadis» есть много правды, дѣлающей честь ея художественному чутью. «Романъ Сенкевича,— говоритъ г-жа Венгерова,—похожъ на историческія картины тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, на картины Пилотти, или на тѣ, которыя пишутъ въ настоящее время нѣмецкіе профессора живописи, въ родѣ Карла Беккера: въ нихъ все искусство сосредоточено на аксессуарахъ, на выписанности атласовъ и кружевъ, на пышности обстановки, и недостаетъ лишь одного — выразительныхъ лицъ. Такъ и въ романѣ Сенкевича много торжественныхъ и величественныхъ позъ, но нѣтъ правды, ни исторической, ни психологической». Міросозерцаніе писателя г-жа Венгерова стремится поставить въ связь съ духомъ страны, гдѣ онъ выросъ, и въ частности того культурнаго центра, который былъ ареною его дѣятельности. Этотъ методъ придаетъ закругленность критическимъ очеркамъ г-жи Венгеровой. Знакомство съ жизнью европейскихъ городовъ помогаетъ г-жѣ Венгеровой уловить соотвѣтствіе между душой художника и душой города. Красива характеристика Брюгге, «мертваго города съ великимъ прошлымъ», наложившаго печать уединенной задумчивости на творчество одного изъ главныхъ писателей Фландріи, Роденбаха: «этотъ маленькій городокъ дышитъ одухотворенной красотой, дѣлающей его достойной колыбелью искусства. Брюгге—своего рода Флоренція сѣвера, красота его очень изысканная; она лишена эффектныхъ зрѣлищъ, вся въ полутонахъ, въ мягкихъ очертаніяхъ, въ охватывающей душу тишинѣ спокойныхъ водъ, въ архаическихъ очертаніяхъ домовъ съ острыми фасадами, въ тонкости и высотѣ безчисленныхъ церквей и часовенъ, въ колокольномъ звонѣ, который составляетъ національную гордость Фландріи»... Эта картина затихшаго города, полнаго воспоминаній средневѣковья, оттѣняетъ и объясняетъ личность и характеръ поэзіи Роденбаха. Изображеніе оксфордской жизни дѣлаетъ понятнымъ міросозерцаніе критика-эстета В. Пэтера, питомца и профессора Оксфордскаго университета: «Послѣ назойливаго шума столицы путешественникъ попадаетъ въ странный городокъ съ затѣйливыми средневѣковыми зданіями, со стрѣльчатыми церквами, узорчатыми цвѣтными окнами и тихимъ населеніемъ, двигающимся по улицамъ такъ спокойно, какъ будто бы не было на свѣтѣ ни биржи, ни приходящихъ издалека нагруженныхъ пароходовъ, ни мыслей о наживѣ и разореніи, отъ которыхъ лица теряютъ человѣческое выраженіе. Чаще всего среди узкихъ своеобразныхъ улицъ встрѣчаются группы молодыхъ людей въ средневѣковыхъ мантіяхъ и шапочкахъ съ четырехугольными покрышками. Это — студенты разныхъ колледжей, сохраняющіе неприкосновенными традиціи университетской жизни среднихъ вѣковъ»... Г-жа Венгерова удачно объясняетъ роль университетовъ въ развитіи идейныхъ движеній въ Англіи: «Университетское образованіе не такъ распространено въ Англіи, какъ

въ другихъ странахъ. Далеко не всѣ люди стремятся получить университетскій дипломъ; всѣ тѣ, которые хотятъ посвятить себя практической дѣятельности, достигаютъ своей цѣли другими путями. Въ университетахъ же сосредоточена духовная жизнь. Тамъ выростаютъ поколѣнія диллетантовъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. истинно просвѣщенныхъ людей, которые нужны для того, чтобы помочь художникамъ и ученымъ прокладывать себѣ новые пути... Даже спортъ, процвѣтающій въ университетскихъ городахъ Англіи, содѣйствуетъ развитію умственнаго аристократизма, внося нѣчто аѳинское въ жизнь современнаго англичанина»... **Ал. Ол.**

М. П. Чеховъ. Синій чулокъ. Повѣсть. Спб. 1905. — Его же. Очерки и разсказы. Спб. 1905.

Михаилъ Павловичъ Чеховъ, уступая значительно дарованіемъ своему родному брату, Антону Павловичу, тѣмъ не менѣе пишетъ въ одномъ съ нимъ направленіи. Тотъ же общій кругъ наблюденій, та же среда, съ тѣми же неудачниками и заурядными людьми...

Въ «Синемъ чулкѣ» вложенъ драматическій сюжетъ изъ жизни современной дѣвушки, умѣвшей не только отвѣтить взаимностью на любовь земскаго къ ней врача, но и самой первой сдѣлать ему признаніе въ томъ. Результатъ оказался самый неожиданный: современному мужчинѣ это показалось «профанаціей настоящей, чистой, дѣвственной любви», и онъ сталъ избѣгать довѣрчивой дѣвушки. Оскорбленная такимъ къ себѣ подозрѣніемъ, она уѣхала въ Москву и поступила на курсы... Это стало казаться доктору рисовкой и игрой въ оригинальность. А когда послѣ тифа она остриглась и пріютила подброшеннаго къ ней чужого ребенка, то докторъ, до котораго доходили объ этомъ разныя сплетни, окончательно охладѣлъ къ «синему чулку».

Грустными словами утѣшаетъ несчастную дѣвушку ея болѣе опытная и пожилая подруга.

— Ты думаешь, что мужчина хоть когда нибудь проститъ тебѣ, если ты будешь вѣшаться къ нему на шею, или забудетъ вотъ эти короткіе волосы и даже не твоего ребенка? Нѣтъ, Соня, нѣтъ. Дорогое дитя мое, прости меня, но пока на свѣтѣ существуютъ любовь и бракъ, мужчина всегда будетъ искать въ тебѣ прежде всего не умъ, не образованіе, а женственность и чистоту. И разъ ты дала ему поводъ усомниться въ нихъ, тебѣ уже нечего ждать отъ жизни, и ты должна считать свою игру проигранной и свое счастье потеряннымъ навсегда.

Въ этихъ немногихъ словахъ вложено авторомъ очень много справедливаго и трагическаго для судьбы развитой женщины. Съ этой стороны такъ называемый «женскій вопросъ» у насъ очень рѣдко трактовался въ литературѣ, а между тѣмъ жизнь даетъ обильный матеріалъ къ выводу о неподготовленности мужчины къ той самой равноправности, которой онъ же распропагандировалъ современную женщину, внушая ей не приноравливаться къ мужской жизни, имѣть свои собственные вкусы, права и свободу дѣйствій...

На практикѣ сильная половина человѣческаго рода тотчасъ же скандализируется и загорается ненавистью къ самой дорогой женщинѣ, если она въ равной степени свободна, какъ и мужчина. Иное дѣло восхитительные разговоры объ этой равноправности и жизнь въ этомъ духѣ... Еще хорошо, если къ женщинѣ отнесутся, какъ къ «синему чулку»; бываетъ хуже... Современные беллетристы мало наблюдательны, и потому въ этомъ направленіи они не наблюдали жертвъ среди новыхъ женщинъ. Но М. П. Чехову удалось въ лицѣ Сони Игнатьевой и доктора Зарѣчнаго освѣтить «женскій вопросъ» съ оригинальной точки зрѣнія и рѣшить его не къ чести современнаго и развитаго мужчины. Одна эта повѣсть даетъ Чехову право занять не последнее мѣсто въ реалистической школѣ новѣйшихъ беллетристовъ и итти даже далѣе, освобождаясь отъ недостатковъ этой школы: возни съ мелкимъ фактомъ, съ затасканными сюжетами и полнаго невниманія къ заново слагающимся всюду характерамъ лицъ и отношеніямъ между ними. Если вообще вѣрно замѣчаніе о драмѣ, что въ ней обязательно долженъ быть какой нибудь еще неразрѣшенный людьми вопросъ, то повѣсть Чехова именно исполнена въ этомъ благородномъ смыслѣ драмы, и на сценѣ она имѣла бы несомнѣнный успѣхъ, давая публикѣ не только «настроеніе», но и размышленіе о судьбѣ новой женщины русскаго общества.

Переходя къ разсмотрѣнію новаго томика сочиненій М. П. Чехова, подъ заглавіемъ: «Очерки и разсказы», мы будемъ, къ сожалѣнію, болѣе сдержанны въ его оцѣнкѣ. Здѣсь авторъ идетъ общей со всѣми его современниками по беллетристикѣ банальной дорогой къ мелкимъ фактамъ и мелкимъ мыслямъ. На самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою овдовѣвшій и страдающій супругъ (разсказъ «Одинъ»), ищущій опору жизни въ однихъ обѣщаніяхъ заботиться о своей малолѣтней дочери; воспроизведеніе огорченій деревенскаго мальчика (разсказъ «Гришка»), у котораго на глазахъ взяли его любимаго теленка и повезли въ городъ на бойню; воспроизведеніе жизни семинариста, который живетъ въ городѣ на средства сельскаго священника, чтобы жениться на его дочери, которую онъ въ разлукѣ разлюбилъ (разсказъ «Сживется—стерпится») и т. д.? Та же повседневность и въ разсказахъ: «Вѣрочка», гдѣ пятнадцатилѣтняя дѣвочка обижается тѣмъ, что ей запрещаютъ rendez-vous съ гимназистомъ, несмотря на то, что собственная ея мать вышла замужъ въ 16 лѣтъ; «Итогъ», въ которомъ актеру приходится оставлять больную жену и итти играть въ театръ; «Трагедія», въ которой выведена мать, вообразившая, что ея ребенокъ проглотилъ крючекъ для ловли рыбы, а крючокъ-то оказался у нея въ подолѣ, и все въ томъ же родѣ и въ остальныхъ разсказахъ («Улика», «Осень», «Дурманъ», «Отъ скуки»).

Отмѣтивъ у М. П. Чехова маловажные разсказы, болѣе пригодные для чтенія въ дачныхъ поѣздахъ, мы съ удовольствіемъ опять останавливаемся на полныхъ мысли разсказахъ: «Грѣхъ» —по вопросу о наймѣ кормилицы и отнятіи отъ собственнаго ребенка для чужого; «Ложь» — по вопросу о «карточной чести»; «Стѣна»—по вопросу о разводѣ родителей при дѣтяхъ; «Непріятность»—о формальностяхъ при смерти покойника въ городской больницѣ и желаніи взять его домой для похоронъ; «Генеральша»—

о свѣтскомъ содомѣ; «Интрига»—по вопросу о городскихъ выборахъ и наконецъ «По совѣсти»—разсказъ объ ошибкѣ гг. присяжныхъ, которые двоемужницу признали на судѣ виновной, но заслуживающей снисхожденія, и такимъ образомъ возвратили ее къ первому ненавистному ей мужу, что оказалось для нея гораздо болѣе тяжелымъ наказаніемъ, чѣмъ бы въ томъ случаѣ, если бы судьи признали ее виновной безъ снисхожденія.

Словомъ, несмотря на скромное, художественное дарованіе, послѣдніе перечисленные разсказы М. П. Чехова свидѣтельствуютъ о присутствіи въ немъ вкуса и умѣнья наблюдать новыя и оригинальныя осложненія современной жизни, наиболѣе ярко воспроизведенныя авторомъ по преимуществу въ повѣсти «Синій чулокъ». А. Фаресовъ.

А. В. Кругловъ. Нищіе богачи. Разсказы. М. 1905.

Нищіе-богачи, — такъ мѣтко охарактеризованы авторомъ богачи сердца, а не богачи кармана. Недаромъ эпиграфомъ книжкѣ служитъ народное изреченіе: бѣденъ не тотъ, у кого денегъ нѣтъ; бѣденъ тотъ, у кого Бога нѣтъ... Въ самомъ дѣлѣ нищета, страданіе часто помогаютъ открываться лучшимъ чувствамъ въ душѣ человѣческой и стремиться къ добру. А «если кто захочетъ дѣлать добро и послужить ближнему, то никто не можетъ помѣшать въ этомъ. Не надо ни богатства, ни образованія, ни высокаго положенія, а нужно только желаніе горячее и сильное. При немъ и нищій—богачъ». Какая прекрасная канва, на которой можно выводить самые сложные психологическіе узоры!.. Въ самомъ дѣлѣ: взять хотя Прохоровну... Это—неграмотная старуха, но съ истинно добрымъ сердцемъ христіанки. Она вѣритъ, «не мудрствуя лукаво», и слѣпо слѣдуетъ обиходному и шаблонному житейскому кодексу. Только все у нея пропущено черезъ призму сердечной доброты. И какіе же результаты получились отъ этого? Да никакія соціальныя реформы не могли бы привести къ тому, къ чему повела безхитростная доброта и любовь этой простой женщины. Своего буяна и пьяницу мужа она уважала и все прощала ему, говоря:

— «Не чужой вѣдь онъ мнѣ, а законный мужъ. Въ церкви вѣнчались-то, а не въ полѣ около ракитова куста».

И она спасла его отъ окончательной гибели.

Затѣмъ, когда одни богатые евреи выгнали на улицу свою же еврейскую прислугу, согрѣшившую противъ седьмой заповѣди, то Прохоровна подобрала ее, на морозѣ окоченѣвшую, оставила ее у себя и окружила теплымъ участіемъ и посильной помощью въ бѣдѣ. Примѣръ Прохоровны — лучшая проповѣдь противъ племенной розни. Но никто не наставлялъ въ этомъ старуху. Сердечная доброта заставила ее увидать сестру въ страдающей еврейкѣ. Мы потому остановились подробно на этомъ очеркѣ, что Прохоровна является олицетвореніемъ живой и доброй русской народной души. Она сдѣлала въ жизни свое маленькое и въ то же время большое дѣло безъ позъ и громкихъ фразъ, единственно по влеченію сердца. Эта почти нищая старуха обладала несмѣтнымъ сокровищемъ сердца.

Такова идея и другихъ трехъ разсказовъ сборника: «За сестру» (гдѣ бѣдная прачка пріютила благородную сироту), «Лепта грѣшницы» (гдѣ кающаяся уличная Магдалина приняла на себя уходъ и попеченіе объ одной чахоточной кухаркѣ) и наконецъ «Старцы Филимоны» (добровольные радѣтели о маленькомъ школьномъ народѣ). Всѣ разсказы проникнуты теплотой, и на нихъ лежитъ печать какой-то особенной тихой грусти и своеобразной поэзіи

Этотъ сборникъ по теплотѣ изображенія можетъ быть поставленъ рядомъ съ двумя другими того же автора: «Живыми душами» и «Домнойректоршей». **А. Ѳ.**

Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905.

Самой страшной и въ то же время самой нелѣпой клеветой на еврейскій народъ, служившей чаще другихъ причиной кровавыхъ расправъ народа надъ евреями, является, конечно, легенда объ употребленіи евреями при отправленіи религіозныхъ обрядовъ христіанской крови и по преимуществу крови христіанскихъ дѣтей. Говорить о нелѣпости этого обвиненія теперь, конечно, не приходится: научными изслѣдованіями доказано, что въ священныхъ книгахъ евреевъ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на употребленіе крови при богослуженіяхъ. Подкладкой драмы, разбираемой въ книгѣ г. Гессена, служитъ именно эта легенда.

Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. 24-го апрѣля 1823 года, полиціи города Велижа Витебской губерніи было дано знать, что сынъ солдата Емельяна Иванова—Ѳедоръ, выйдя 22-го апрѣля изъ дома, пропалъ. 2-го мая трупъ его былъ найденъ случайно въ полуверстѣ отъ города въ лѣсу, «чѣмъ-то въ нѣсколькихъ мѣстахъ пронзенный». 25-го апрѣля къ матери убитаго пришла нѣкая Марія Терентьева, которая указала ей, при помощи пусканья воска на воду, что мальчикъ находится въ домѣ еврейки Мирки въ погребѣ, еще живъ, сегодняшнею ночью его намѣрены освободить, а когда не будетъ освобожденъ, то умертвятъ. Не довѣряя Терентьевой, Иванова отправилась къ какой-то «больной дѣвкѣ» Аннѣ Еремѣевой, которая ей дала указанія о мѣстѣ нахожденія ея сына, совпадающія съ указаніями Терентьевой. 1-го мая Терентьева опять пришла къ Ивановой и показала: «Ѳедоръ взятъ на мосту еврейкой и уведенъ во дворъ нѣкоего Евзиха Цетлина, гдѣ онъ и оставался до ночи, а потомъ переведенъ въ домъ Мирки Арнсонъ». Естественно, что для родныхъ убитаго этого было достаточно, чтобы заявить свои подозрѣнія въ преступленіи прямо на евреевъ вообще, тѣмъ болѣе, что штабъ-лѣкарь Левенъ констатировалъ мученическую смерть ребенка. Изъ всего вышеизложеннаго и создался процессъ, стоившій столькихъ жертвъ неповиннымъ ни въ чемъ евреямъ. Показанія Терентьевой и Еремѣевой на Цетлинъ и Арнсонъ повлекли за собой цѣлый рядъ арестовъ среди ихъ родныхъ и соплеменниковъ. Однако дѣло, возбужденное противъ арестованныхъ, за недостаткомъ уликъ, было прекращено 22-го ноября 1824 года.

Казалось бы, что этимъ дѣло должно было и кончиться, однако осенью 1825 года во время проѣзда черезъ Велижъ императора Александра I крестьянка Марія Терентьева подала ему жалобу, «будто сынъ ея (!) въ 1823 г. умерщвленъ евреями, и что по просьбамъ ея она не только не получила удовлетворенія, претерпѣвала еще истязанія содержаніемъ подъ стражей». На основаніи этой ложной жалобы Терентьевой, высочайшимъ повелѣніемъ отъ 22-го сентября 1825 года, дѣло было возбуждено вновь.

Князь Хованскій, витебскій генералъ-губернаторъ, возложилъ веденіе его на надворнаго совѣтника Страхова и своего адъютанта, штабсъ-ротмистра Бенкендорфа. Излагать всѣ перипетіи этого крайне интереснаго слѣдствія мы не можемъ за недостаткомъ мѣста. Авторъ весьма полно исчерпалъ архивные матеріалы, которыми онъ располагалъ. Лишь въ 1835 году окончилось это ужасное слѣдствіе, стоившее столькихъ жертвъ, и окончилось полнымъ оправданіемъ евреевъ.

Книга г. Гессена написана прекраснымъ языкомъ, удобное расположеніе матеріаловъ даетъ возможность вполнѣ нарисовать себѣ картину Велижской драмы, факта, имѣвшаго мѣсто почти 80 лѣтъ назадъ, но сущность которага и посейчасъ не утратила жгучаго интереса.

Правъ г. Гессенъ, говоря въ заключительныхъ словахъ вступленія къ своей книгѣ: «правда, въ послѣднія десятилѣтія почти всѣ ритуальные процессы и въ Россіи и въ Западной Европѣ завершились оправданіемъ евреевъ; судебное слѣдствіе обнаружило полную непричастность евреевъ къ данному фактическому или вымышленному злодѣянію. Но все же... все же за нами тянется столь длинный рядъ суровыхъ обвиненій, а будущее такъ темно».

В. У.

К. Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій. Переводъ Е. К. и И. Н. Леонтьевыхъ. Спб. 1905.

Книгу г. Каутскаго отнюдь нельзя причислить къ объективнымъ историческимъ изслѣдованіямъ. Авторъ пишетъ исторію соціализма съ древнѣйшихъ временъ, но пишетъ ее съ точки зрѣнія современной нѣмецкой соціалъ-демократической партіи и слишкомъ часто даетъ читателю почувствовать, что онъ не только историкъ, но и политическій боецъ. Книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ авторъ излагаетъ ученіе Платона о государствѣ и знакомитъ читателя съ коммунизмомъ древнихъ христіанъ. Во второмъ онъ занимается изслѣдованіемъ вопроса о взаимоотношеніи капитала и труда въ средніе вѣка, когда еще господствовало мелкое ремесло, и процвѣтала городская промышленность, а современное капиталистическое производство только начинало зарождаться. Наконецъ, въ третьемъ, самомъ обширномъ, г. Каутскій прослѣживаетъ судьбы коммунистическихъ ученій съ начала среднихъ вѣковъ вплоть до реформаціи. Здѣсь мы послѣдовательно знакомимся съ вальденсами, беггардами, меллордами и другими еретическими сектами. Особенно же обстоятельно авторъ разсматриваетъ судьбы гусситовъ и анабаптистовъ. Разсказомъ о Мюнстерскомъ возстаніи 1534—1535 годовъ заканчивается книга. Основная точка

зрѣнія автора на судьбы коммунистическихъ стремленій опредѣляется различеніемъ, которое онъ дѣлаетъ между двумя видами коммунизма: коммунизмомъ потребленія и коммунизмомъ производства. Въ средніе вѣка, какъ и въ древнее время, при отсутствіи капиталистическаго производства единственная возможная форма производства была индивидуалистическая. Поэтому и соціальные реформаторы въ противоположность современнымъ соціалъ-демократамъ требовали обобществленія не средствъ производства, а продуктовъ потребленія. Въ этомъ и коренилась причина неудачи всѣхъ коммунистическихъ начинаній разсматриваемой авторомъ эпохи. Какъ правовѣрный послѣдователь Маркса, г. Каутскій смотритъ на историческое развитіе сквозь призму экономическаго матеріализма и единственнымъ историческимъ факторомъ считаетъ форму производства. Поэтому онъ объясняетъ потребностями производства целибатъ католическаго духовенства, изъ развитія товарнаго производства и товарнаго обмѣна выводитъ ростъ средневѣковой мистики и т. п. Съ другой стороны, авторъ крайне пристрастно относится ко всему, что такъ или иначе связано съ ненавистнымъ ему «буржуазно-капиталистическимъ строемъ». Особенно ярко это обнаруживается въ краткомъ очеркѣ исторіи реформаціи въ Германіи (стр. 260—274). «Лютеръ вступилъ въ кружокъ гуманистовъ въ бытность свою студентомъ въ Эрфуртѣ. Но, повидимому, его больше привлекала ихъ веселая жизнь, нежели духъ ихъ ученія, такъ какъ духъ этотъ ничѣмъ не обнаружился впослѣдствіи, когда за весельемъ наступило похмелье, и Мартинъ рѣшилъ поступить въ монастырь» (267). Вотъ и все, что мы узнаемъ о сложной душевной драмѣ, приведшей Лютера въ монастырь. Во всей его дѣятельности г. Каутскій видитъ умѣлаго, сознательнаго политика, всегда хорошо знающаго, что выгоднѣе, и идущаго по линіи наименьшаго сопротивленія. Онъ былъ смѣлъ въ Вормсѣ, потому что зналъ, что его не дадутъ въ обиду, онъ поддѣлывался къ революціонерамъ, пока ему было выгодно, но въ то же время заискивалъ у Фридриха Саксонскаго и т. д. Очень можетъ быть, что дѣйствительно далеко не всѣ поступки Лютера такъ безукоризненны, какъ ихъ рисуютъ протестантскіе историки, но г. Каутскій оставляетъ свои слова безъ всякихъ доказательствъ (которыя онъ едва ли, впрочемъ, и могъ найти) и этимъ только подрываетъ вѣру къ своимъ утвержденіямъ. Несмотря на такого рода недостатки, книга г. Каутскаго изобилуетъ интереснымъ матеріаломъ. Особенно удался автору отдѣлъ второй: «Наемные рабочіе въ средніе вѣка и въ эпоху реформаціи». Авторъ здѣсь раздѣлывается съ установившимся традиціоннымъ взглядомъ о будто бы существовавшей въ средневѣковыхъ цехахъ гармоніи интересовъ между представителями капитала—мастерами, и представителями труда—подмастерьями и учениками. При помощи большого числа статистическихъ данныхъ авторъ показываетъ, что въ это время уже существовала вполнѣ опредѣленная рознь между представителями обоихъ классовъ, что бывали частыя столкновенія, но что дѣло часто могло кончиться и торжествомъ подмастерьевъ вслѣдствіе господства мелкаго производства. Очень интересна также глава, описывающая коммунистическія общины богемскихъ братьевъ (249—260) и анабаптистовъ въ Моравіи (387—411). Но самая важная часть книги—послѣдняя—изложеніе исторіи Томаса

Мюнцера и анабаптистовъ. Г. Каутскій утверждаетъ, что представленіе о нихъ жестокости и разнузданности ни на чемъ не основано. Всѣ свѣдѣнія, которыя мы о нихъ имѣемъ, исходятъ отъ ихъ заклятыхъ враговъ и нуждаются въ тщательной критической провѣркѣ. А разборъ источниковъ приводитъ г. Каутскаго къ выводамъ, совершенно расходящимся съ общепринятыми. Такъ знаменитая рѣчь Мюнцера, которую онъ сказалъ крестьянамъ предъ рѣшительной битвой при Франкенгаузенѣ и гдѣ обѣщалъ ловить въ рукавъ всѣ ядра, которыя будутъ пускать княжескія войска, оказывается, по мнѣнію г. Каутскаго, измышленіемъ Меланхтона такъ же, какъ извѣстіе о малодушіи его въ послѣднія минуты и униженныхъ просьбахъ о помилованіи. Точно также при ближайшемъ разсмотрѣніи источниковъ приходится совсѣмъ измѣнить взглядъ на Мюнстерское возстаніе анабаптистовъ. Терроръ въ осажденномъ городѣ оказывается ничуть не бо̀льшимъ, чѣмъ въ осаждавшей его арміи. Казни, которыя лично производили Іоаннъ Лейденскій и Книппердолингъ, объясняются не кровожадностью, а чисто демократическимъ взглядомъ, по которому всѣ одинаково должны были нести тяжелыя обязанности. Уничтоженіе частной собственности простиралось только на золото и серебро. Наконецъ, что касается разврата, то многоженство дѣйствительно было установлено въ Мюнстерѣ, такъ какъ во время осады, продолжавшейся больше года, число женщинъ внутри города въ нѣсколько разъ превышало число мужчинъ. Но, во-первыхъ, сами столпы лютеранства—Лютеръ и Меланхтонъ—не высказывались рѣшительно противъ многоженства (разрѣшеніе двоеженства ландграфу Филиппу Гессенскому), а, во-вторыхъ, всѣ извѣстія о разнузданныхъ оргіяхъ основаны на слухахъ и разсказахъ лицъ, не заслуживающихъ довѣрія. При скудости источниковъ объ этой эпохѣ трудно сказать, насколько вѣрны всѣ вышеприведенные выводы г. Каутскаго, но несомнѣнно въ нихъ есть значительная доля истины, и изложеніе судебъ анабаптистовъ въ его книгѣ является полезнымъ коррективомъ къ обычному взгляду на это движеніе въ исторіяхъ реформаціи въ Германіи.

Что касается перевода, то онъ въ общемъ недуренъ. Только знаменитая фраза Лютера: «Hiers tehe ich...», переведена почему-то: «Здѣсь стою я...» (269), да поражаетъ иногда своей странностью транскрипція собственныхъ именъ: магіары вмѣсто мадьяры (45), Оттокаръ II называется Оттономъ II (216), Сильвестръ де-Пріеріо—Приріасомъ (271), Янъ-Амосъ Коменскій—Коменіемъ (263) и т. п. **V.**

С. Лозинскій. Исторія Второй Французской республики. Кіевъ. 1904.

Исторія Февральской революціи 1848 г. и Второй республики далеко не пользуется у насъ такой популярностью, какъ исторія Великой революціи 1789 года. Конечно, нельзя сравнивать оба эти событія по ихъ значенію, какъ для Франціи, такъ и для остальной Европы. Тѣмъ не менѣе событія, разыгрывавшіяся на политической сценѣ Франціи въ 1848—1851 гг., заслужи-

ваютъ больше вниманія, чѣмъ имъ обыкновенно удѣляется со стороны нашего общества. Исторія Второй республики — глубокая историческая драма, и безъ знакомства съ этой эпохой, полной трагическихъ столкновеній между отдѣльными классами французскаго общества, впервые опредѣленно выставившими свои экономическіе интересы, чуть-чуть только прикрытые флеромъ политическихъ программъ, трудно понять и дальнѣйшую исторію Франціи, и современнную политическую жизнь Третьей республики. Сочиненіе г. Лозинскаго, посвященное этой эпохѣ, возбуждаетъ поэтому большой интересъ.

Авторъ хорошо изучилъ эпоху и работалъ по первоисточникамъ. Въ его трудѣ мы находимъ и статистическія цифры и рядъ свидѣтельствъ, заимствованныхъ имъ изъ современной событіямъ прессы, изъ показаній очевидцевъ и воспоминаній участниковъ тѣхъ или иныхъ событій. Авторъ предпослалъ своей исторіи небольшое введеніе (70 страницъ), въ которомъ далъ общую характеристику Реставраціи и Іюльской монархіи, а остальную часть своей книги посвятилъ изложенію судебъ Второй республики. Доказавъ неизбѣжность утвержденія республики на развалинахъ іюльскаго трона, авторъ подробно останавливается на дѣятельности временнаго правительства. Съ одной стороны, временное правительство старается опираться на демократическое населеніе Парижа, съ другой, своей экономической политикой въ пользу капитала и налогомъ въ 45 сантимовъ возстановляетъ противъ себя рабочихъ и крестьянъ. Подробно изложено устройство національныхъ мастерскихъ, задуманныхъ Мари и умѣренными республиканцами съ цѣлью подорвать популярность Л. Блана, и особое вниманіе обращено на вопросъ, обыкновенно мало занимающій историковъ,— на дѣятельность Люксембургской комиссіи, долженствовавшей удовлетворить интересы рабочихъ. Не менѣе обстоятельно и интересно изложено и ужасное столкновеніе умѣренныхъ и крайнихъ республиканцевъ въ іюнѣ 1848 г., и читатель вполнѣ ясно себѣ представляетъ, что уже въ это время республика подписала себѣ смертный приговоръ, и что вопросъ былъ только въ томъ, кому достанется ея наслѣдство. Избраніе Людовика-Наполеона, крайняя реакція, въ которую подъ страхомъ «краснаго призрака» впали вчерашніе либералы, республика безъ республиканцевъ съ законодательнымъ собраніемъ, состоящимъ на двѣ трети изъ монархистовъ, и съ президентомъ, открыто стремящимся къ императорской коронѣ, поразительная по своей близорукости политика легитимистовъ, орлеанистовъ и республиканцевъ на ряду съ настойчивымъ и увѣреннымъ движеніемъ впередъ Людовика-Наполеона и группы окружавшихъ его авантюристовъ приводятъ, наконецъ, къ кровавой катастрофѣ 2-го декабря и къ возстановленію имперіи. Авторъ подобралъ очень удачно матеріалъ и ярко характеризуетъ своими цитатами всю неизбѣжность такого финала. Книга проникнута чувствомъ презрѣнія къ узкой, своекорыстной политикѣ монархическихъ партій, не желавшихъ знать ничего внѣ своихъ классовыхъ и групповыхъ интересовъ, и къ шайкѣ «приказчиковъ» Наполеона, подготовившихъ и совершившихъ переворотъ. Но такой субъективизмъ не мѣшаетъ автору быть безпристрастнымъ. Если республиканская партія и не измѣняла ни разу своимъ принципамъ, то, съ другой стороны, она сдѣлала крупную политическую

ошибку, отказавшись отъ коалиціи съ монархистами въ 1851 г. и тѣмъ сильно облегчивъ выполненіе coup d'état 2 декабря.

Есть, конечно, въ книгѣ г. Лозинскаго и недочеты. Авторъ, напримѣръ, привелъ любопытныя статистическія данныя о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и ремесленниковъ во время Іюльской монархіи, но онъ не изобразилъ намъ того быстраго роста крупной промышленности и паденія мелкой, который переживала Франція въ первую половину XIX вѣка, и который такъ обострилъ соціальный вопросъ къ 1848 году. Г. Лозинскій сосредоточилъ весь свой интересъ на парламентской борьбѣ. Несомнѣнно, что парламентская борьба была въ высшей степени важна, но книга несомнѣнно выиграла бы, если бы авторъ больше интересовался провинціей. Авторъ почему-то избѣгаетъ характеристикъ своихъ героевъ, или даетъ ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Особенно неудачной является характеристика Людовика-Наполеона. На стр. 312—313 его краткая біографія едва ли внушитъ читателю высокое мнѣніе о его политическомъ умѣ, а между тѣмъ вся его дѣятельность, какъ ее описываетъ авторъ, какъ разъ свидѣтельствуетъ объ обратномъ, и загадочная личность будущаго «тюильрійскаго сфинкса» попрежнему остается загадкой. Сочиненіе г. Лозинскаго является не популяризаціей, а изслѣдованіемъ, какъ по своимъ размѣрамъ (544 стр.), такъ и по стремленію автора обставить свое изложеніе документальными данными. Между тѣмъ авторъ нигдѣ не дѣлаетъ ссылокъ на тѣ изданія, изъ которыхъ онъ беретъ цитаты, а иногда даже не приводитъ имени автора, котораго цитируетъ, выражаясь такъ: «одинъ консервативный историкъ» или «малоизвѣстный орлеанистскій депутатъ» и т. д. Съ другой стороны, именно тѣ пункты, которые особенно нуждаются въ обоснованіи, у г. Лозинскаго остаются мало доказанными. Мы привыкли употреблять, говоря объ исторіи XIX вѣка, термины «аристократія», «буржуазія», «армія» и пр. и характеризовать настроеніе соотвѣтственныхъ группъ общества цитатами изъ газетъ, которыя берутъ подъ свою защиту интересы этихъ группъ, но поскольку мнѣніе газеты соотвѣтствуетъ дѣйствительному мнѣнію класса, можно рѣшить только путемъ сложнаго изслѣдованія. И г. Лозинскій, объясняя результаты народныхъ выборовъ 1848 и 1849 гг. и плебисцита 1851 г., не идетъ дальше общихъ разсужденій и болѣе или менѣе случайныхъ цитатъ для объясненія тѣхъ или иныхъ результатовъ голосованія. Поэтому наиболѣе интересный вопросъ, какимъ образомъ населеніе Франціи въ 1848 г. высказалось за республику, а въ 1849 г. за монархію, остается въ сущности открытымъ. Да и былъ ли плебисцитъ 1851 г. только извращеніемъ воли державнаго народа, какъ это обыкновенно утверждаютъ? Въ заключеніе одно маленькое замѣчаніе. Г. Лозинскій французскія «prince» и «chef» по-русски всегда передаетъ «принцъ» и «шефъ», а это влечетъ къ недоумѣніямъ: если еще догадываешься, что «принцъ», которому возвратили въ 1849 г. римскій престолъ французскія войска, — папа Пій IX, что «шефъ» государства — глава государства, то «шефъ» полка по-русски совсѣмъ не обозначаетъ полкового командира. V.

Teodor Jeske-Choinski. Neofici Polscy. Materyały historyczne. Warszawa. 1905.

Исторія евреевъ на польской почвѣ представляетъ очень большой научный интересъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще нѣтъ вполнѣ научнаго труда, посвященнаго ей. Правда, мы имѣемъ такіе безусловно почтенные продукты ученаго трудолюбія, посвященнаго изученію историческихъ судебъ еврейскаго народа въ Польшѣ, какъ слѣдующія работы: Sternberg. Versuch einer Gesch. d. Juden in Polen seit deren Einwanderung in dieses Land bis zum J. 1848. Wien. 1860 (см. еще его работы въ Israel. Jahrbuch 1866 u. Geschichte d. Juden in Polen unter den Piasten und den Jagiell. Leipz. 1878 [1]); Kraushar. Historya żydów w Polsce. 1865—1866 [2]; Nussbaum. Historya żydow od Mojżesza do epoki obecnej, Warszawa, 1886—1891 (собственно V томъ: Żydzi w Polsce [3]),— правда, что мы имѣемъ и по болѣе частнымъ вопросамъ исторіи польскихъ евреевъ работы нерѣдко очень дѣльныя и хорошія, но правда и то, что во всѣхъ этихъ трудахъ нечего искать хоть малѣйшаго намека на научность методовъ и на высоту современной исторической критики, какъ мы понимаемъ ихъ въ настоящее время, не говоря уже о томъ, что о соціологической точкѣ зрѣнія на явленія исторіи, какъ о точкѣ зрѣнія, въ настоящее время обязательной для вполнѣ научно настроеннаго историка, въ нихъ нѣтъ и самаго отдаленнаго представленія. А между тѣмъ именно съ соціологической точки зрѣнія въ высокой степени любопытны взаимоотношенія между евреями и поляками въ теченіе всей исторической жизни ихъ съ момента, когда судьба связала ихъ узами взаимныхъ интересовъ, взаимной терпимости и вражды, взаимныхъ услугъ и гоненій. Какими общесоціологическими причинами обусловленъ тотъ громадный притокъ еврейскаго элемента въ чисто польскую среду, который наблюдается уже очень рано? каковы процессы той ассимиляціи, потокомъ которой громадная масса евреевъ вырвана изъ исконной родной національной стихіи и навсегда обращена въ поляковъ? каковы общія условія того терпимаго и даже благожелательнаго отношенія къ еврейской націи, которое въ одно время наблюдалось въ Польшѣ, между тѣмъ какъ во всей Европѣ въ то же самое время сыны этой поистинѣ многострадальной націи преслѣдовались и ненавистью и оружіемъ, между тѣмъ какъ даже по сосѣдству съ Польшей у народа, родственнаго ей по происхожденію, евреи подвергались «трепанію» (см. Костомаровъ: Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка, «Кіевская Старина», 1883 г., №№ 1 и 3), между тѣмъ какъ, наконецъ, въ настоящее время, время высоко культурныхъ идеаловъ, антисемитизмъ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ, выливаясь въ формы грубой и слѣпой ненависти и полнаго и абсолютнаго непониманія самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ еврейскаго народа? каковы общеисторическія причины той поразительной метаморфозы, какая произошла въ полякахъ, вообще въ польскомъ обществѣ,

---

[1]) См. «Historische Zeitschr.», herausg. v. Sylebel, VI, p. 281.
[2]) См. тамъ же, XVIII, p. 386.
[3]) См. «Prawda» за 1891 г., № 9.

въ своихъ историческихъ судьбахъ немало горечи и боли пережившемъ, немало упрековъ посылающемъ чуть ли не всему человѣчеству за несправедливости, жертвой которыхъ оно сдѣлалось, и тѣмъ не-менѣе по отношенію къ евреямъ въ настоящее время проявляющемъ, пожалуй, гораздо бо̀льшую нетерпимость, чѣмъ та, на какую оно само жалуется, готовомъ преслѣдовать ихъ мѣрами, пожалуй, гораздо болѣе жестокими, чѣмъ тѣ, какими оно само возмущается? Вотъ рядъ вопросовъ, число которыхъ, конечно, можно при желаніи увеличить во много разъ,—вопросовъ, чрезвычайно важныхъ, разрѣшеніемъ которыхъ и должна заняться научная исторія польскихъ евреевъ. Лежащая передъ нами книжка г. Хоинскаго и претендуетъ дать матеріалъ для рѣшенія одного изъ такихъ вопросовъ, касающагося чрезвычайно любопытнаго явленія, именно обращенія евреевъ въ христіанство, наблюдаемаго въ Польшѣ уже со временъ, предшествующихъ 1500 году, начиная съ котораго мы собственно и имѣемъ документальныя указанія на интересующее насъ явленіе. Строго научная, соціологическая точка зрѣнія могла бы въ данномъ вопросѣ вскрыть много любопытнѣйшихъ сторонъ и связать его съ всею соціальною исторіей Польши. Но г. Хоинскій не только не стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, но онъ, очевидно, даже совершенно и не понимаетъ и не знаетъ ея, судя по тому объясненію, которымъ онъ оправдываетъ свое изданіе (см. стр. 6--7). Знаете ли вы, почему исторія евреевъ такъ интересна именно для поляка? Понимаете ли вы, почему представляетъ историческій интересъ и вопросъ о неофитахъ польскихъ? Конечно, все это вы можете и знать и понимать, но, навѣрное, не такъ, какъ г. Хоинскій, пренаивнымъ образомъ формулирующій, какъ нѣчто новое и оригинальное, исторіософію, давно уже забытую и осмѣянную и до такой степени элементарную, что ее едва ли въ настоящее время признаетъ даже школьникъ. Оказывается, что, если бы воскресъ вѣкъ тому назадъ жившій полякъ и, взглянувъ на нынѣшнюю, напримѣръ, Варшаву, конечно, не узналъ ея совсѣмъ, то это объясняется не чѣмъ инымъ, какъ семитскою кровью, которая, по мнѣнію г. Хоинскаго, вливается въ чистую польскую кровь. Этими-то пустяками г. Хоинскій желаетъ объяснить интересъ къ исторіи евреевъ въ Польшѣ и оправдать свое изданіе. Но что представляетъ собою само это изданіе? Это лишь списокъ всѣхъ почти евреевъ, принявшихъ въ Польшѣ христіанство по католическому или протестантскому обряду. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что подобнаго рода списки очень полезны, но въ то же время не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что не въ однихъ же спискахъ дѣло. Г. Хоинскій очень тщательно составилъ эти списки, потративъ на это, конечно, немало времени, такъ какъ для этого нужно было перерыть буквально всѣ архивы костеловъ въ Варшавѣ и за ея предѣлами, но ограничиться одними лишь списками врядъ ли имѣло какой либо научный интересъ. Это, очевидно, чувствовалъ и самъ авторъ: передъ списками онъ далъ краткіе историческіе очерки, которые должны бы были осмыслить и изданіе и вообще весь матеріалъ. Но очерки эти въ высшей степени неудовлетворительны, не удовлетворяя даже самымъ минимальнымъ требованіямъ научности. Если бы этихъ очерковъ не было въ книгѣ и вовсе, то было бы лучше уже потому, что и требовать нечего было бы отъ издателя, который далъ лишь

метрическія выписки о крещеніи евреевъ, порывавшихъ связи со своею родною народностью и переходившихъ въ христіанство. Впрочемъ, есть одна симпатичная сторона въ книгѣ г. Хоинскаго. Это—отсутствіе антисемитическихъ чувствъ. Будь г. Хоинскій тѣмъ націонализмомъ, какимъ является въ Варшавѣ каждый «правовѣрный» патріотъ, то, несомнѣнно, онъ сумѣлъ бы объяснить переходъ евреевъ въ христіанство всякими неблаговидными мотивами. Конечно, въ такихъ мотивахъ недостатка не было, и г. Хоинскій это отмѣчаетъ, но думать, что такое сложное историческое явленіе, какъ массовое отреченіе отъ вѣры отцовъ своихъ, объясняется лишь корыстолюбіемъ и карьеризмомъ,—думать это было бы, разумѣется, несправедливо, и г. Хоинскій не оставляетъ почвы безпристрастія ни на минуту (см., напримѣръ, стр. 174—180).

Въ заключеніе нельзя все-таки изданія г. Хоинскаго не признать полезнымъ для всякаго занимающагося польской исторіей, хотя польза его и очень ограничена по размѣрамъ и состоитъ лишь въ томъ, въ чемъ вообще заключается польза указателей, оглавленій и т. п. **N. N.**

Ш. Диль. Очерки изъ культурной исторіи Византіи. Переводъ и предисловіе Г. Васькова. Харьковъ. 1904.

Существуютъ слова,—замѣчаетъ Диль въ введеніи къ своимъ очеркамъ,—за которыми установилась дурная репутація. Къ числу подобныхъ словъ относятся и слова «византинизмъ», «византійскіе разговоры», «византійскія церемоніи». Для большинства представленіе о Византіи неразрывно связано съ представленіемъ о народѣ, по преимуществу состоящемъ изъ «болтливыхъ идіотовъ», отшлифованныхъ и изукрашенныхъ допотопнымъ церемоніаломъ, забывающихъ за пустой болтовнею и безсмысленными формулами наиболѣе насущныя потребности національной жизни. Со времени Вольтера и Монтескье у историковъ принято считать Византію выродившейся жалкой наслѣдницей Римской имперіи. Такимъ образомъ пускаютъ на смарку десять столѣтій исторіи, въ которой имѣется много славныхъ моментовъ и много привлекающаго вниманіе изслѣдователя. Конечно, въ Византіи существовали свои крупные недостатки, которыми и объясняется ея дурная слава. Въ Византіи были часты дворцовые перевороты, солдатскія возмущенія, увлеченіе циркомъ и богословскими спорами, лакейскіе характеры, но въ этихъ чертахъ не вся исторія Восточной Греческой имперіи. За переворотами, спорами и скачками стоитъ другая Византія, богатая славными лицами, полная энергіи, способная къ великимъ усиліямъ, обладательница высокой художественной и умственной культуры.

Диль беретъ подъ свою защиту эту блестящую сторону тысячелѣтняго существованія Византійскаго государства. Въ данномъ случаѣ, конечно, французскій ученый не является новаторомъ. Болѣе внимательное, осмысленное и благожелательное изслѣдованіе началъ византійской жизни сказалось уже въ цѣломъ рядѣ трудовъ авторовъ различныхъ національностей. Достаточно назвать имена Крумбахера, Папарригопуло, Ѳ. И. Успенскаго, чтобы убѣдиться

въ этомъ. Но, тѣмъ не менѣе, заслуга Диля, какъ профессора Сорбонны, заключается въ томъ, что его чтенія и очерки знакомятъ съ Византіей кругъ читателей непосвященныхъ. Въ переведенныхъ г. Васьковымъ очеркахъ дается общее введеніе въ византійскую исторію, описываются византійскія государственныя учрежденія: верховная власть, центральныя установленія, областное управленіе, организація судебная, финансовая, военная; обрисовывается византійское общество: церковь, высшіе, средніе и низшіе классы; господствовавшіе вкусы византійскаго общества. Основною цѣлью очерковъ является справедливое желаніе доказать, что Византія, вопреки ходячему взгляду, не была царствомъ безграничнаго административнаго произвола, политической распущенности и умственнаго застоя.

Переводъ исполненъ удовлетворительно, хотя и приходится ему пожелать бо́льшей литературности. Г.

Bronisław Gembaczewski. Wojsko polskie. Księstwo Warszawskie. 1807—1814. Warszawa. 1905.

Г. Гембажевскій далъ въ своемъ сочиненіи полную картину организаціи польской арміи княжества Варшавскаго. Источники для своего труда онъ нашелъ въ архивахъ и библіотекахъ Варшавы, Петербурга и Парижа. Немалую пользу принесли автору многочисленныя записки и воспоминанія современниковъ, появившіяся въ печати на польскомъ и французскомъ языкахъ. Сказавъ о штабахъ и общей военной организаціи княжества, г. Гембажевскій даетъ читателямъ военно-психологическіе портреты кн. Іосифа Понятовскаго, генераловъ Домбровскаго и Заіончека. Симпатіи автора на сторонѣ Понятовскаго. Далѣе каждому роду оружія посвящается особый отдѣлъ. Авторъ начинаетъ съ пѣхоты. Онъ не ограничивается однимъ только перечисленіемъ полковъ и перечнемъ офицеровъ, но говоритъ, гдѣ и какой полкъ отличился, и какіе именно офицеры получили военныя награды. Помогая французамъ въ испанской кампаніи 1808—1809 гг. и въ походахъ 1812 г., польская пѣхота всегда поддерживала «l'honneur de l'aigle blanc». Гораздо ниже пѣхоты стояла кавалерія. Причину этого современники усматривали въ томъ, что каждый полковникъ обучалъ свой полкъ по-своему, не существовало общей, обязательной инструкціи. Это, однако, не помѣшало нѣкоторымъ польскимъ кавалерійскимъ полкамъ покрыть себя славою. Первымъ организаторомъ польской артиллеріи Варшавскаго княжества былъ генералъ Аксамитовскій, 29-го декабря 1806 г. онъ привелъ артиллеристовъ къ присягѣ и отправилъ въ Варшаву. Этотъ самый Аксамитовскій въ сентябрѣ 1807 г. назначенъ временнымъ начальникомъ артиллеріи княжества. Тогда же Наполеонъ передалъ полякамъ часть орудій артиллерійскаго парка, захваченнаго у пруссаковъ въ Познани. Орудія размѣстили на Прагѣ, въ Модлинѣ, Сероцкѣ и Торнѣ Въ артиллеріи было много очень способныхъ нижнихъ чиновъ. Зато недоставало образованныхъ офицеровъ. Поэтому назначили офицерами-инструкторами французовъ. Въ 1808 г. Даву, по просьбѣ кн. І. Понятовскаго, назначилъ Теллетье генеральнымъ инспекторомъ артиллеріи въ княжествѣ.

Корпусъ инженеровъ также состоялъ по преимуществу изъ офицеровъ-французовъ. Начальникъ его, полковникъ Мало, отличился укрѣпленіемъ валовъ подъ Варшавою. При немъ въ Брокѣ, на Бугѣ, устроили мостъ и передъ мостомъ шанецъ, укрѣпили Замостье, Модлинъ и Сандоміръ, построили плавучій мостъ на Вислѣ, ниже Пулавъ.

Далѣе г. Гембажевскій говоритъ о военныхъ школахъ (кадетскій корпусъ въ Калишѣ, начальная артиллерійская и инженерная школа, школы военно-хирургическая и медицинская), о военной администраціи, рекрутахъ, ополченіи, жандармеріи, гвардіи—національной и почетной, о ветеранахъ и инвалидахъ и объ отставныхъ офицерахъ. Авторъ оканчиваетъ свой цѣнный трудъ описаніемъ знака отличія военнаго ордена—«Virtuti militari», который ведетъ свое начало съ 1792 года. Звѣзду этого ордена имѣли только кн. І. Понятовскій и маршалъ Даву. Саксонскій король, когда надѣвалъ польскій мундиръ, то также возлагалъ на себя звѣзду «Virtuti militari». **Г. А. Воробьевъ.**

«Докучаевъ». Изданіе журнала «Почвовѣдѣнія». Спб. 1904.

Подъ такимъ нѣсколько ужъ слишкомъ обрубленнымъ заглавіемъ вышелъ небольшой, но изящно изданный сборникъ, посвященный памяти извѣстнаго геолога и почвовѣда, профессора Василія Васильевича Докучаева, и содержащій въ себѣ рядъ статей о немъ его учениковъ и почитателей — гг. П. Отоцкаго, А. Ферхмина, Н. Богословскаго, А. Ярилова, А. Павлова, Г. Морозова, Г. Танфильева, И. Мещерскаго, Н. Криштофовича. Въ сборникѣ данъ прежде всего очеркъ его жизни и нѣсколько личныхъ воспоминаній о немъ, сдѣланъ обзоръ нижегородскаго періода его дѣятельности, обрисованъ общій характеръ его научныхъ работъ, опредѣлено значеніе его работъ для лѣсоводства, для геоботаники и дана оцѣнка его, какъ геолога, какъ педагога и общественнаго дѣятеля. Изъ всѣхъ этихъ статей передъ читателями возстаетъ типъ превосходнаго ученаго и знатока своего дѣла, которому онъ служитъ страстно, всецѣло, со всѣмъ пыломъ натуры кипучей, характера энергичнаго и настойчиваго, съ беззавѣтной любовью къ своей спеціальности, понимаемой и толкуемой имъ подъ угломъ зрѣнія практическаго общественнаго служенія родинѣ, для которой онъ и дѣйствительно очень и очень много сдѣлалъ, и какъ ученый спеціалистъ-практикъ, и какъ общественный дѣятель-организаторъ научныхъ экскурсій, научныхъ обширныхъ обслѣдованій, и какъ администраторъ нашихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Это былъ человѣкъ, который не жалѣлъ своихъ силъ на служеніе родинѣ, жегъ свою жизненную свѣчку съ двухъ концовъ и въ результатѣ—въ далеко еще не старомъ возрастѣ трагически погибъ, раздавленный страшнымъ недугомъ, который г. Отоцкій опредѣляетъ, какъ крайнюю форму переутомленія, перешедшаго въ прострацію и подавленность воли въ сопровожденіи мучительнаго самоанализа и самоказненія. Кризисъ разразился со всею силою въ 1900 г., а черезъ три года страшныхъ мученій его не стало. Мученія покойнаго профессора были настолько невыносимы, что, по свидѣтельству г. Отоцкаго, больному часто ка-

залось, что онъ въ аду. «Самое ужасное то,—говоритъ біографъ,—что во все время болѣзни онъ сохранялъ сознаніе и неустанно молилъ Бога и близкихъ людей объ одномъ: «поскорѣе зарыть его въ сырую землю». Положительно трудно было смотрѣть безъ слезъ на этотъ измученный, измѣнившійся до неузнаваемости полутрупъ прежняго гиганта мысли и воли».

Признательные и любящіе ученики возложили настоящимъ сборникомъ на гробъ своего наставника не большой, но красивый вѣнокъ, на которомъ съ удовольствіемъ останавливается взоръ читателя, какъ на живомъ свидѣтельствѣ хорошаго чувства и прекрасной работы.

Къ изящно изданной книжкѣ приложенъ прекрасно выполненный портретъ по копіи профессора и списокъ его ученыхъ работъ. **В. Г.**

Восемнадцатый Вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Томъ второй. М. 1905.

Почетный членъ археологическаго института, князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Куракинъ, съ прошлаго года сталъ издавать новую серію историческихъ сборниковъ изъ своего обширнаго фамильнаго архива подъ названіемъ «Восемнадцатый Вѣкъ». Недавно вышелъ второй томъ, содержащій въ себѣ описаніе княже-куракинскихъ церквей и помѣстьевъ. Редакторъ сборника, директоръ московской X гимназіи, В. Н. Смольяниновъ, въ своемъ предисловіи объясняетъ значеніе этого историко-археологическаго очерка и составъ его. Въ архивѣ князя, передаетъ онъ, накопилось около ста тысячъ хозяйственныхъ документовъ разнаго рода, касающихся многочисленныхъ куракинскихъ имѣній. Изъ всего этого многосодержательнаго матеріала, рисующаго весьма подробно сельское хозяйство въ старину и деревенскій бытъ, прежде всего рѣшено выдѣлить то, что касается храмостроительства князей Куракиныхъ. Къ участію въ составленіи сборника были приглашены извѣстный знатокъ церковной археологіи, отецъ Н. А. Скворцовъ, и священники бывшихъ и настоящихъ куракинскихъ селъ. Въ результатѣ получилось болѣе или менѣе подробное описаніе четырехъ слободъ, двадцати одного села, трехъ погостовъ, двухъ имѣній и пятидесяти трехъ церквей въ разныхъ мѣстахъ Петербургской, Московской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Псковской, Орловской, Пензенской, Саратовской и Харьковской губерній. Наибольшее вниманіе удѣлено описанію храма во имя святого Николая Чудотворца при Страннопріимномъ домѣ князей Куракиныхъ въ Москвѣ. Этотъ храмъ, хорошо извѣстный въ народѣ своею древнею иконою «Николы Добраго», построенъ въ половинѣ XVIII столѣтія по завѣщанію князя Бориса Ивановича Куракина, современника Петра Великаго. У москвичей до сихъ поръ существуетъ повѣрье, что совершаемые здѣсь браки бываютъ неизмѣнно счастливыми.

Интересно описано село Борисоглѣбское, Саратовской губерніи, переименованное въ Надеждино, гдѣ поселился удаленный отъ двора императрицы князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, совоспитанникъ и другъ Павла I.

Здѣсь построилъ онъ огромный каменный дворецъ и разбилъ прекрасный англійскій паркъ, украсивъ его всѣми прихотями того времени. И наслѣдникъ престола, и князь Куракинъ оба чувствовали себя въ то время изгнанниками, одинъ въ Гатчинѣ, другой въ Надеждинѣ, и это настроеніе отразилось въ значительной степени въ планѣ англійскаго парка, гдѣ названія храмовъ и аллей были слѣдующія: «Цесаревичева», «Нелидовой», «Ожидаемаго благоденствія», «Воспоминанія прошедшихъ утѣхъ» и тому подобное.

Изъ другихъ имѣній наиболѣе подробно описано сельцо Степановское Тверской губерніи, названное такъ по имени обновителя его, князя Степана Борисовича Куракина. Въ этомъ очеркѣ, кромѣ подробной біографіи князя Степана, приложена характеристика князя Алексѣя Борисовича Куракина, съ теплымъ чувствомъ написанная его дочерью, статсъ-дамою Е. А. Нарышкиною.

По всей книгѣ попадаются интересныя картинки добраго стараго времени, въ которыхъ ярко выступаютъ отношенія помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ и къ священникамъ. Особенно обращаетъ на себя вниманіе, какъ изъ благочестиваго усердія тотъ или другой помѣщикъ искоренялъ насильственными мѣрами расколъ въ своихъ селахъ.

Каждое описаніе церкви предваряется выбранными стихами или афоризмами извѣстныхъ писателей. Къ первому очерку приложены прекрасные фотографическіе снимки Странноприіимнаго дома князей Куракиныхъ въ Москвѣ. Вообще внѣшность книги не оставляетъ желать ничего лучшаго.

И. Ю.

И. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. Часть первая, изданіе второе (автора), исправленное и дополненное, съ рисунками въ текстѣ и въ особомъ альбомѣ. Москва. 1905.

Извѣстный историкъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ напечаталъ съ немногими дополненіями сравнительно съ первымъ изданіемъ 1902 года второе изданіе своего сочиненія по исторіи Москвы, которое было имъ написано по порученію московской городской думы, данному еще въ 1881 году. Уже самое имя почтеннаго автора книги ручается за ея высокое достоинство. Но и безъ этого, такъ сказать, личнаго свидѣтельства она говоритъ сама за себя для всякаго, кто потрудится хоть бѣгло ее просмотрѣть. Богатство заключающихся въ ней свѣдѣній становится очевиднымъ еще изъ того, что вся книга въ 652 страницы посвящена исторіи одного только Кремля. Но еще прежде, чѣмъ приступить къ исторіи самаго Кремля (въ третьей главѣ), авторъ переносится мыслью въ глубь вѣковъ и, пользуясь данными, добытыми при разнаго рода раскопкахъ въ Московской области, раскрываетъ древнѣйшую исторію поселеній на мѣстѣ Москвы по рѣкамъ Всходнѣ (теперь неправильно называемой Сходнею) и Яузѣ не позднѣе IX или X вѣка нашей эры, а, можетъ быть, и гораздо раньше, до Рождества Христова. Изложенію историко-топографическихъ условій возникновенія Москвы, какъ всемірно историческаго города, именно въ ея настоящемъ мѣстѣ, посвящена первая глава книги (1—22 стр.). Изъ нея

видно, что Москва создалась «не по прихоти какого либо добраго и мудраго князя Юрья Владимировича, не по прихоти счастливаго капризнаго случая, но силою причинъ и обстоятельствъ болѣе высшаго или болѣе глубокаго порядка» (стр. 6).

Вторая глава (стр. 22—60) занята разборомъ сказаній о началѣ Москвы, какъ города, и о происхожденіи самаго имени «Москва». Если москвичи еще оставались въ границахъ лѣтописей и возводили Москву къ строителю городовъ, князю Олегу, якобы посадившему въ ней княжить своего сродника князя Юрья Владимировича, въ 1147 году звавшаго къ себѣ на пиръ «въ Москову» сѣверскаго князя Святослава Ольговича (это первое достовѣрное свидѣтельство о Москвѣ), то сказанія кіево-польской учености съ беззастѣнчивой смѣлостью производили нашу первопрестольную столицу и ея имя отъ Мосоха, шестого сына Іафетова, а академикъ Байеръ — отъ мужского монастыря: Moscoi отъ Mus (мужъ) и Music (мужикъ) и т. д. Самъ И. Е. Забѣлинъ, присоединяясь къ мнѣнію Ходаковскаго, находитъ, что «имя Москвы есть сокращеніе Мостковы, Мостквы, производнаго отъ слова мостъ» (стр. 57), потому что мѣстность, ею занимаемая, съ долинами близъ протекающихъ по непроходимымъ лѣсамъ рѣкъ, издревле служила перепутьемъ, соединительнымъ звеномъ или мостомъ (въ древнемъ именно такомъ значеніи слова) между окраинами русской равнины.

Третья глава (стр. 60—181) даетъ историческій обзоръ Кремля. Изслѣдователь начинаетъ съ историческаго зерна Москвы, Кремлевскаго Бора и первой церкви въ Кремлѣ Рождества св. Іоанна Предтечи, стоявшей, вѣроятно, на мѣстѣ древнѣйшаго капища, въ 120 шагахъ отъ Боровицкихъ воротъ въ направленіи къ углу Новаго большого дворца. Эта церковь, драгоцѣнная историческая святыня, безжалостно срыта и перенесена въ Боровицкую башню въ 1847 г. по желанію императора Николая Павловича и по одобренію митрополита Филарета потому, что она «нарушала красоту вида на вновь выстроенный дворецъ» (стр. 64). Между тѣмъ близъ этого храма впервые поселился св. митрополитъ Петръ, основатель величія и могущества не только города, но и всего Московскаго государства. Ему же она служила каѳедрою до постройки Успенскаго собора. Дальнѣйшее повѣствованіе позволяетъ читателю изнутри священныхъ стѣнъ Кремля, его соборовъ и теремовъ наблюдать зарожденіе и возрастаніе Московскаго царства и самодержавія, а съ ними и современной Россіи. Въ этомъ случаѣ исторія города Москвы уже выходитъ изъ тѣсной границы городской межи. Вереницей проходятъ эпизоды борьбы съ татарщиной и междоусобной крамолой, опустошенія отъ пожаровъ и грабежей, а рядомъ съ ними проходитъ удивительная параллель политическаго возмужанія Москвы съ радостными событіями постройки и освященія ея храмовъ, праздниковъ и другихъ церковныхъ торжествъ (стр. 129 сл.). Оканчивается глава печальными картинами запустѣнія и обезображенія Москвы въ императорскій періодъ нашей исторіи отъ великаго преобразователя-западника до ужасныхъ событій 1812 года и до нашихъ дней.

Съ 181 страницы до конца идетъ четвертая глава, въ которой излагается мѣстный обзоръ Кремля, то-есть обзоръ каждой въ отдѣльности его по-

стройки. Такой мѣстный обзоръ читается съ захватывающимъ интересомъ потому, что онъ позволяетъ намъ живо представить себѣ внутренность и населенность Кремля тамъ, гдѣ теперь лишь голыя мертвыя площади. Свое обозрѣніе авторъ начинаетъ отъ Спасскихъ воротъ, идя постепенно къ колокольнѣ Ивана Великаго, описывая сначала лѣвую, потомъ правую сторону бывшей Спасской улицы. Какъ тѣни прошедшихъ дней, встаютъ зданія Кирилловскаго и Крутицкаго подворій, дворы князей Ряполовскихъ, Мстиславскихъ, Сицкихъ, бояръ Морозова, Челядина и др.; Шемяки и братьевъ Іоанна III (гдѣ теперь памятникъ Александру II), церквей св. Николы Гостунскаго, Аѳанасія и Кирилла и др. Постепенно изслѣдователь доходитъ до Ивановской площади и рисуетъ характерными чертами зданія и порядки приказовъ. Затѣмъ авторъ послѣдовательно переносится къ Никольскимъ, Троицкимъ и Боровицкимъ воротамъ и такъ же, идя отъ нихъ къ Ивану Великому, попутно обозрѣваетъ постройки. Эти мѣстности, занятыя теперь громоздкими зданіями судебныхъ установленій, арсенала, казармъ и дворца, въ былое время пестрѣли множествомъ церквей, подворій, боярскихъ и княжескихъ дворовъ, бывшихъ свидѣтелями казней Грознаго, Смутнаго времени, возвышенія и паденія царя Бориса, домъ котораго занималъ часть пространства казармъ и дворовъ синодальной конторы и выходилъ угломъ какъ разъ тамъ, гдѣ теперь стоитъ царь-пушка. Особое вниманіе удѣляется патріаршему дому и домашней обстановкѣ патріаршаго быта. Описаніе Боровицкой мѣстности возстановляетъ картины начала Москвы, времени великой княгини Софіи Палеологъ, Самозванца и проч. Оканчивая мѣстный обзоръ, а вмѣстѣ и изданную первую часть своей работы, авторъ выводитъ читателя изъ Кремля опять таки Спасскими воротами, при чемъ обращаетъ его вниманіе на историческое ихъ значеніе въ быту русскаго духовенства и просвѣщенія.

Таковъ бѣглый очеркъ содержанія книги. Нечего и говорить, что она изобилуетъ множествомъ интереснѣйшихъ подробностей изъ прошлаго русскаго народа, его политической и бытовой жизни, является, такъ сказать, иллюстраціей къ сухимъ многотомнымъ исторіямъ и потому читается съ большимъ удовольствіемъ и пользою. Книга И. Е. Забѣлина имѣетъ высокое научное значеніе и въ томъ отношеніи, что помогаетъ оріентироваться всякому изслѣдователю, напримѣръ, былыхъ учрежденій Россіи, то есть приказовъ, коллегій и проч. Только жаль, что въ ней нѣтъ указателей и почти нѣтъ ссылокъ на богатый архивный матеріалъ, который былъ у автора подъ руками, и потому трудно сю воспользоваться, какъ руководствомъ къ отысканію нужныхъ документовъ. Жаль также, что при самой книгѣ нѣтъ плановъ древняго и современнаго Кремля и всей Московской области, поэтому весьма затруднительно чтеніе особенно первыхъ страницъ и мѣстнаго обзора. Приложенные отдѣльно планы 1610—1663 годовъ и XVIII вѣка не могутъ считаться вполнѣ достаточными. Слѣдовало бы спеціально составить планъ съ подробнымъ указаніемъ на немъ постепеннаго расширенія города и отношенія расположенія древнихъ построекъ современнымъ.

Къ книгѣ, въ настоящемъ второмъ изданіи дополненной восемью рисунками въ текстѣ, приложенъ «Альбомъ старинныхъ видовъ Московскаго Кремля» съ

подробнымъ описаніемъ его на стр. XXI—XXV предисловія къ Исторіи». Въ этомъ альбомѣ, кромѣ трехъ упомянутыхъ плановъ, находится еще 26 разныхъ видовъ Кремля и его отдѣльныхъ строеній, преимущественно XVII—XVIII вѣковъ.Всего 21 таблица. Рисунки отлично подобраны и переданы въ печати и еще больше возвышаютъ собою научное достоинство книги.

П. Верховской.

Эльпе. Изъ природы человѣка. Спб. 1904.

За послѣдніе годы въ нашемъ обществѣ отмѣчено стремленіе къ серьезной книгѣ и въ особенности къ книгѣ, разсматривающей и разработывающей вопросы по естествовѣдѣнію вообще и по біологіи въ частности. И дѣйствительно, на книжномъ рынкѣ появилось немало изданій подобнаго направленія, но большинство ихъ являются или компиляціями, или же переводами съ иностранныхъ языковъ. Оригинальныхъ авторовъ за это время появилось очень и очень мало. Поэтому весьма отрадно встрѣтить книгу г. Эльпе — съ одной стороны, какъ оригинальную и, съ другой, какъ научно-серьезную и отвѣчающую современнымъ требованіямъ читающаго общества. Одно изъ главныхъ и рѣдкихъ достоинствъ этого труда заключается въ добросовѣстности разработки тѣхъ вопросовъ, за разрѣшеніе которыхъ авторъ брался; и нужно при этомъ замѣтить, что здѣсь въ каждомъ письмѣ сквозитъ добросовѣстность не только ученаго, какимъ г. Эльпе заявилъ себя въ теченіе тридцати лѣтъ, но и человѣка. У автора нѣтъ ни предвзятыхъ теорій, ни тенденціознаго стремленія во что бы то ни стало отстоять ту или другую идею. Онъ выступаетъ безпристрастнымъ лѣтописцемъ развитія и теченія естественно-научной мысли. Онъ слѣдитъ за ходомъ науки на Западѣ и у насъ, толково рисуетъ картину этого хода и, гдѣ слѣдуетъ, приводитъ и собственное мнѣніе, объясняющее и глубоко продуманное. Все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ труду г. Эльпе особенную цѣнность, а простота, безыскусственность и увлекательность изложенія дѣлаютъ его книгу однимъ изъ выдающихся вкладовъ въ литературу по естествовѣдѣнію и отводятъ ей почетное мѣсто какъ въ библіотекѣ серьезнаго ученаго, такъ и въ обиходѣ всякаго образованнаго человѣка, чувствующаго потребность отдохнуть отъ житейской суеты за умной, серьезной и занимательной книгой.

Ч.

В. Ѳ. Боцяновскій. В. В. Вересаевъ. Критико-біографическій этюдъ. Съ портретомъ и факсимиле В. В. Вересаева. Спб. 1904.

Среди современныхъ писателей имя Вересаева занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Появленіе первыхъ его же разсказовъ возбудило всеобщій интересъ русскихъ читателей къ ихъ автору, а «Записки врача» заставили заговорить о немъ Европу. Поэтому его біографія и общая оцѣнка его творчества являются вполнѣ кстати. Книжка В. Ѳ. Боцяновскаго написана съ тѣми же пріемами и по тому же приблизительно плану, какъ и прежнія его работы о Горькомъ и Ан-

древѣ: изъ произведеній беллетристическихъ авторъ извлекаетъ все то, что имѣетъ автобіографическій интересъ, что выражаетъ основныя убѣжденія автора, и выдержками изъ тѣхъ же произведеній иллюстрируетъ общій литературный портретъ разбираемаго писателя. Такой пріемъ отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ отъ всякой критической работы, и выводы г. Боцяновскаго въ общемъ не вызываютъ сомнѣній.

Разборъ произведеній Вересаева онъ начинаетъ словами Страхова, сказанными сорокъ лѣтъ тому назадъ по поводу выхода «Отцовъ и дѣтей»: «Мы чувствуемъ нѣкоторое удовлетвореніе только тогда, когда хоть не надолго въ насъ вспыхиваетъ нравственный энтузіазмъ, или закипаетъ негодованіе и презрѣніе къ господствующему злу. Чтобы насъ затронуть и поразить, нужно заставить заговорить нашу совѣсть, нужно коснуться самыхъ глубокихъ изгибовъ нашей души. Иначе мы останемся холодны и равнодушны, какъ бы ни были велики чудеса ума и таланта. Живѣе всѣхъ другихъ говоритъ въ насъ потребность нравственнаго обновленія, и потому—потребность обличенія, потребность бичеванія собственной плоти». Эти слова настолько примѣнимы къ Вересаеву, что сопоставленіе приведенной выписки съ тѣмъ чувствомъ, которое вызываютъ въ читателѣ произведенія разбираемаго писателя, можно назвать удачнымъ. Дѣйствительно, идеи, факты, положенія, герои и ихъ рѣчи въ разсказахъ Вересаева необыкновенно характерны для тѣхъ теченій въ литературѣ и общественной жизни, которыми знаменуются восьмидесятые и девяностые годы. Если онъ не всегда разрѣшалъ мучительные вопросы, то во всякомъ случаѣ будилъ ихъ, и будилъ въ такой яркой формѣ, что самое уже разрѣшеніе представлялось читателю дѣломъ второстепеннымъ: въ писателѣ авторъ цѣнилъ «недовольнаго Сократа». Главная же причина успѣха Вересаева кроется въ той искренности, прямолинейности и энергіи писателя, которыя явились на смѣну равнодушію, эзоповщинѣ и дряблости предшествующаго времени и его представителей въ литературѣ. В. Боцяновскій думаетъ, что искренность Вересаева не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ его произведенія «въ сущности —его исповѣдь; все, что онъ говоритъ, выстрадано имъ самимъ, выстрадано глубоко и сильно, и потому-то за каждымъ его словомъ слышатся настоящія слезы и нервы». За біографіей его слѣдуетъ разборъ его «пропагаторства марксизма», на самомъ дѣлѣ мнимаго («Повѣтріе» и другіе разсказы), затѣмъ идетъ глава объ изображеніи у Вересаева молодого поколѣнія съ его исканіями новыхъ путей, съ его стремленіями къ идеализму во время всеобщаго «бездорожья» («На поворотѣ»). Послѣднія главы касаются отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи писательства Вересаева, между прочимъ, «Записокъ врача», и заканчивается книга обобщеніями, которыя сближаютъ молодого писателя съ Мопассаномъ, Метерлинкомъ, Чеховымъ и Л. Андреевымъ. **А. Я.**

Л. В. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. Спб. 1904.

Авторъ поставилъ задачей въ сравнительно небольшомъ очеркѣ (въ книгѣ всего 181 стр.) познакомить русскую читающую публику съ политической жизнью современной Германіи. Книга начинается краткимъ очеркомъ истори-

ческаго развитія государственнаго строя Германіи, начиная съ эпохи французской революціи. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на революціи 1848 года и на бурныхъ событіяхъ 60-хъ годовъ, закончившихся провозглашеніемъ Германской имперіи въ 1871 году. Послѣ изложенія и анализа имперской конституціи авторъ переходитъ къ государственному и общественному хозяйству Германіи. При помощи большого числа статистическихъ данныхъ онъ ярко показываетъ ростъ какъ имперскаго бюджета, такъ и бюджетовъ отдѣльныхъ государствъ и общинъ, при чемъ читатель видитъ и распредѣленіе государственныхъ доходовъ на затраты по отдѣльнымъ областямъ народной жизни. Другой рядъ статистическихъ данныхъ даетъ возможность познакомиться съ состояніемъ сельскаго хозяйства въ Германіи и съ удивительно быстрымъ ростомъ нѣмецкой промышленности и торговли за послѣднія 30 лѣтъ. Особенно любопытной является III глава, гдѣ авторъ опять на основаніи данныхъ статистики дѣлаетъ попытку проанализировать соціальную структуру нѣмецкаго общества и разложить его на составные элементы, какъ по степени экономической обезпеченности, такъ и по роду и характеру занятій. Несомнѣнно, что изобиліе цыфровыхъ данныхъ можетъ сначала отпугнуть читателя. Авторъ и самъ предвидитъ это въ предисловіи. Но только путемъ точныхъ цифръ статистики можно создать себѣ ясную картину положенія общества, и, побѣдивъ первое впечатлѣніе, читатель легко разберется въ сгруппированныхъ г. Новгородцевымъ цифрахъ. Тогда только обнаружится, что обиходныя фразы о борьбѣ капитала съ трудомъ есть необходимый выводъ изъ реальныхъ данныхъ.

Остальныя главы своей книги (IV—X) авторъ посвящаетъ характеристикѣ нѣмецкихъ политическихъ партій. 19 существующихъ партій онъ дѣлитъ на 5 группъ: консерваторы, либералы, центръ, соціалъ-демократы, національныя партіи. Авторъ начинаетъ обыкновенно съ историческаго очерка, въ которомъ рисуетъ возникновеніе партіи и ея дальнѣйшее развитіе. Затѣмъ подробно излагаетъ програму партіи, даетъ цифры голосовъ, подававшихся за нее при выборахъ, старается опредѣлить, какой именно общественный классъ стоитъ за данной партіей, знакомитъ, наконецъ, съ ея газетами и главными дѣятелями. Особенно интересенъ очеркъ, посвященный соціалъ-демократамъ. Авторъ подробно прослѣживаетъ перипетіи въ судьбѣ этой партіи со времени ея возникновенія и попутно знакомитъ читателя съ ея главными вождями: Лассалемъ, Либкнехтомъ, Бебелемъ и т. д. Много вниманія посвящено также ученію Бернштейна и расколу, возникшему, благодаря ему, въ партіи. Но зато очень ужъ мало сказано о роли творцовъ соціалъ-демократіи: Маркса и Энгельса. Книга отличается научностью и безпристрастіемъ изложенія. Нѣсколько только вредитъ этому впечатлѣнію погоня автора за хлесткими словечками въ кавычкахъ, которыми онъ любитъ уснащать свою рѣчь. V.

Разсказы Вазова. Переводъ и вступительная статья Андрея Сиротинина. Спб. 1904.

Среди представителей молодой болгарской литературы Вазовъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Его значеніе принято сравнивать съ заслугами Пушкина для русскаго языка и литературы. Въ этомъ взглядѣ есть доля правды: ни Славейковъ, ни Каравеловъ, ни Ботевъ не обладали такой силой рѣчи, какъ Вазовъ; съ другой стороны, одинъ Вазовъ такъ всесторонне схватилъ почти всю болгарскую жизнь и ярко представилъ ее во всѣхъ родахъ литературы—лирикѣ, эпосѣ, разсказахъ, романахъ и драмахъ. На русскій языкъ переведено многое изъ произведеній Вазова, можно сказать, все лучшее, и особенную цѣнность представляетъ переводъ его разсказовъ, сдѣланный А. Сиротининымъ красиво и близко къ оригиналу.

Отличительной чертой этихъ разсказовъ является ихъ безыскусственность, незатѣйливость сюжета, ихъ чарующая задушевность, искренность, братское отношеніе къ человѣку. Только тотъ, кто самъ испыталъ, что значитъ искренняя все прощающая любовь, только тотъ могъ написать такіе дивные, глубоко трогательные разсказы. Вотъ, напримѣръ, разсказъ «Павелъ Фертигъ».

Павелъ Фертигъ—юноша 18—20 лѣтъ, съ очень жалкой внѣшностью. На половину дурачекъ, на половину шутъ, онъ всегда веселъ и часто даже остроуменъ. Занятій у него никакихъ нѣтъ, а живетъ онъ подачками за услуги и различныя увеселенія. Часто можно было видѣть, какъ онъ пѣлъ, прыгалъ, кувыркался, перекидывался всѣмъ тѣломъ такъ, что только ноги мелькали въ воздухѣ. Особенно хорошо умѣлъ онъ изображать движеніе желѣзной дороги: крикнетъ «фертигъ»; сожметъ руки и побѣжитъ, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе и быстрѣе, и при этомъ издаетъ ртомъ звуки, напоминающіе шумъ паровоза. За всѣ эти штуки, а также за всегда веселую болтовню, обитатели любили Павла и давали ему денегъ. Но подачки эти всегда безслѣдно исчезали, хотя лично для себя Павелъ никогда ничего не тратилъ; онъ не покупалъ себѣ даже одежды и вѣчно ходилъ весь ободранный, босой, полуголодный; спалъ въ концѣ села въ конурѣ, сколоченной изъ кольевъ, кусковъ жести и тростника, а иногда и прямо у порога какой нибудь лавочки. Видя такую необыкновенную бережливость, люди искренно удивлялись Павлу и думали, что онъ копитъ деньги и прячетъ ихъ въ какомъ нибудь сокровенномъ уголкѣ. Никому не удавалось еще открыть истины. Но вотъ случилось обстоятельство, которое разомъ освѣтило всю нравственную фигуру Павла и показало, какъ велика и прекрасна была душа у этого несчастнаго бѣдняка.

Однажды къ Вазову подходитъ Павелъ и проситъ написать ему письмо въ «Швейцарское царство». «Что жъ ты пишешь брату?—спросилъ Вазовъ, догадавшись, что въ Швейцаріи живетъ его братъ.—Поклоны посылалъ?» Но вмѣсто отвѣта Павелъ, какъ всегда, сталъ дурачиться, запыхтѣлъ, какъ паровозъ, и убѣжалъ. Подъ вечеръ Вазовъ увидѣлъ дальняго родственника Павла, дядю Матю, болтливаго, какъ всѣ торговцы, завелъ съ нимъ рѣчь и вотъ что услышалъ: «Онъ будетъ браниться, онъ просилъ меня никому не говорить, чтобы не срамить его брата. Но вашей милости, такъ и быть, скажу. Это вѣрно,

вотъ уже цѣлые два года, какъ онъ содержитъ своего брата, прося тутъ милостыню... У брата его сначала были деньги, а какъ вышли, онъ хотѣлъ бросить свое ученіе... Но, узнавъ объ этомъ, Павелъ сказалъ: «Этому не бывать! Пусть доучивается!» «Денегъ своихъ онъ не тратитъ,—продолжалъ дядя Матя:— все туда отсылаетъ. Голодаетъ, мучится, треплется съ утра до вечера, а все для того, чтобы сдѣлать изъ своего брата человѣка... Братская любовь, господинъ! Онъ хоть и дурачекъ, а поумнѣе многихъ умныхъ будетъ»...

Конечно, не всѣ разсказы Вазова имѣютъ общечеловѣческое значеніе; встрѣчаются среди нихъ и нѣсколько наивные, какъ, напримѣръ, «негостепріимное село», гдѣ русскій путешественникъ Матвѣевъ заѣхалъ въ какое-то шопское село; шопы приняли его за нѣмца и до тѣхъ поръ не давали ему ѣсть, пока онъ съ отчаянія не разразился самыми площадными русскими ругательствами. По этой русской брани они и узнали, что онъ русскій, напоили, накормили его и всячески изъявляли ему свою любовь. Или, напримѣръ, довольно романтическій разсказъ «Во мракѣ», въ которомъ герой разсказа молодой инженеръ Керовъ, влюбленный и самъ любимый, осматривая только что прорытый туннель, вдругъ упалъ въ глубокій колодезь. Оставшись какимъ-то чудомъ въ живыхъ, онъ съ необыкновеннымъ трудомъ выбирается изъ него. Тутъ появляется его невѣста, Адель, начавшая уже безпокоиться о его долгомъ отсутствіи: въ колоддѣ онъ пробылъ нѣсколько дней. И все кончается самымъ лучшимъ образомъ, къ вящшему удовольствію, какъ автора, такъ и читателей: счастливый донельзя Керовъ женится на Адели.

Вообще, сдѣлавшись старше, Вазовъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался и оптимистомъ; напримѣръ, его разсказъ «На Пиринѣ» тоже оканчивается вполнѣ благополучно. Въ одну изъ страшныхъ, бурныхъ ночей, наканунѣ Рождества, молодой крестьянинъ Климъ изъ одного горнаго села заблудился въ горахъ. Долго блуждалъ онъ и думалъ уже, что приходится умирать, какъ вдругъ увидѣлъ себя въ родномъ селѣ, у своей избы. Само Провидѣніе спасло его и привело сюда голоднаго, почти замерзшаго.

Такъ, уже на склонѣ лѣтъ, проснулись въ Вазовѣ тѣ зачатки вѣры въ Бога, которые еще въ раннемъ дѣтствѣ его мать заложила въ его душу. Трудная, жестокая жизнь на время заглушила ихъ; первыя впечатлѣнія дѣтства замерли, чтобы воскреснуть вновь.

Среди разсказовъ Вазова есть нѣсколько такихъ, равныхъ которымъ не найдется во всей литературѣ. Когда вы ихъ читаете, вы совершенно проникаетесь ихъ прекраснымъ мягкимъ настроеніемъ, на сердцѣ дѣлается легко и отрадно, точно вы встрѣтили что-то давнымъ-давно знакомое, родное... Таковъ, напримѣръ, прелестный разсказъ «Епитропъ».

Вводная статья написана литературно и тепло; списокъ болгарскихъ словъ и замѣчанія о болгарскомъ языкѣ составлены толково и доступно. Пожелаемъ скораго выхода и другихъ переводовъ лучшаго юго-славянскаго беллетриста.

А. Яцимирскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Византійская живопись въ Египтѣ. Членъ французскаго института восточной археологіи въ Каирѣ, г. Кледа, напечаталъ отчетъ [1]) о своихъ археологическихъ работахъ которыя онъ велъ въ Среднемъ Египтѣ, съ 1901 года. Деревня Баутъ, гдѣ производились раскопки, не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ египетскихъ деревень съ ихъ лачугами изъ глины или сухого кирпича, съ кое-гдѣ попадавшимися болѣе видными домами, одиноко стоящими пальмами, нѣсколькими отгороженными садами, усаженными жидкими акаціями и смоковницами. На границѣ пустыни возвышаются желтоватые курганы, изъ которыхъ многіе достигаютъ девяти метровъ вышины. На этомъ самомъ мѣстѣ нѣкогда находился знаменитый монастырь египетскихъ христіанъ, основанный въ V или VI вѣкѣ послѣ Р. Хр. Въ цвѣтущемъ состояніи онъ оставался до XIII вѣка, но съ этого времени сталъ быстро приходить въ упадокъ, а черезъ нѣсколько столѣтій и совсѣмъ былъ покинутъ монахами. Вскорѣ монастырь такъ занесло пескомъ, что о его существованіи совершенно забыли. Только 15 лѣтъ тому назадъ феллахи, отыскивая селитренное удобреніе для своихъ полей, случайно набрели на мѣсто, гдѣ находится монастырь, и нашли одну изъ церквей почти нетронутой. Разрушивъ часть кирпичной стѣны, они унесли каменный барельефъ для украшенія новой мечети въ сосѣдней деревнѣ Дашлутъ, балки же съ рѣзьбою, которыя служили украшеніемъ зданія, взяли на топливо. Нѣкоторые изъ главныхъ предметовъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія, попали въ руки археологовъ весною 1901 года, а въ ноябрѣ того же года г. Кледа принялся за раскопки. Прежде всего онъ открылъ пятнадцать

---

[1]) Le Monastère et la Nécropole de Baout, par C. Cledat. Cairo. 1904.

различныхъ часовенъ, большинство которыхъ очень простой архитектуры и состоятъ изъ небольшихъ комнатъ съ слегка приплюснутыми куполами, какіе встрѣчаются обыкновенно на большинствѣ коптскихъ церквей. Отъ тяжести наноснаго песка своды осыпались и усѣяли обломками полъ внутри храмовъ. Всѣ крупныя части зданія были сдѣланы изъ сырого кирпича, соединеннаго простымъ известковымъ растворомъ и гладко покрытаго обмазкой изъ мелкой грязи, потомъ отштукатуренной—известкой. Дерево и камни употреблялись бережливо, чаще всего лишь для дверныхъ рамокъ и для колоннъ. Очень рѣдко стѣны покрывались живописью всѣ; чаще всего только куполъ, полотно фронтона, гдѣ находился алтарь и боковыя ниши. Остальныя же стѣны оставались бѣлыми, и на нихъ странники и богомольцы писали съ помощью острія черными и красными чернилами различныя довольно длинныя надписи, состоявшія изъ воспоминаній о своемъ странствованіи и проч. Эти надписи сдѣланы неумѣлыми руками и представляютъ какое-то безформенное царапанье, о чемъ, впрочемъ, жалѣть не приходится, такъ какъ и то, что можно прочесть,—мало интересно. То какой-то богомолецъ нацарапалъ свое имя, число и молитву, то начерчены молитвы къ святымъ монастыря, то воспоминанія о родителяхъ, то священныя воззванія, формулы заклинаній, строфы изъ священныхъ писаній и т. д. Впрочемъ между ними попадаются и болѣе цѣнныя; такъ въ первой часовнѣ оказались отрывки изъ календаря праздниковъ, изъ которыхъ многіе, повидимому, мѣстные. Въ часовнѣ № XII подъ фигурой каждаго значительнаго или мелкаго еврейскаго пророка приведены короткія выдержки изъ его пророчествъ. Самая любопытная надпись какихъ-то художниковъ, Георгія и Іакова, находится въ часовнѣ № III, конечно, если эти имена принадлежатъ не простымъ посѣтителямъ, а художникамъ, украсившимъ храмъ своими прекрасными работами. Украшеніемъ центральной части свода служитъ цѣлая система пальмовыхъ листьевъ, прикрѣпленныхъ двумя ромбами, въ центрѣ которыхъ находится розетка. Все это покрыто бѣлой краской, фонъ же—черный съ синею ретушью, служащей тѣнью, и которая какъ бы нарушаетъ сухость и рѣзкость чернаго и бѣлаго цвѣтовъ. Остальная часть свода до вертикальнаго отвѣса стѣнъ заполнена двѣнадцатью картинами, отдѣлявшимися другъ отъ друга греческимъ орнаментомъ, расположеннымъ крестообразно. Содержаніе картинъ взято изъ жизни царя Давида. Ихъ серія начинается съ западной стороны отъ входныхъ дверей. Первая изъ картинъ изображаетъ прибытіе пророка Самуила и миропомазаніе Давида сына Іессея. Это торжество происходитъ въ храмѣ съ колоннами, капители которыхъ коринѳскаго ордена. На головѣ Самуила надѣтъ вѣнецъ; его волосы и борода совершенно бѣлые. Онъ въ бѣлой мантіи и въ рукѣ держитъ длинный жезлъ,—обычный знакъ отличія пророковъ и египетскихъ кудесниковъ. У Давида также на головѣ вѣнецъ, но онъ безъ бороды, и единственной его одеждой служитъ короткая туника, безъ рукавовъ. На слѣдующей картинѣ онъ представляется Саулу, а на другой играетъ ему на лирѣ. Саулъ сидитъ на сѣдалищѣ съ изогнутой спинкой и находится подъ вліяніемъ одного изъ своихъ припадковъ гнѣва. Онъ размахиваетъ надъ головою дротикомъ и бросаетъ его, но Давидъ будто не замѣчаетъ опасности. На поясѣ, стягивающемъ тѣло Давида, изображенъ надъ бахромою пиковый тузъ. Эта подробность

имѣетъ большую важность, такъ какъ въ игорныхъ картахъ пиковый король всегда называется Давидомъ, по крайней мѣрѣ, во Франціи, слѣдовательно исторія картъ и ихъ происхожденіе находитъ нѣкоторое освѣщеніе въ найденныхъ развалинахъ коптскаго монастыря. Слѣдующія три картины изображаютъ моменты изъ борьбы Голіаѳа съ Давидомъ. Герой, одѣтый въ латы, выслушиваетъ одобренія царя; затѣмъ онъ представленъ на огороженномъ для поединка мѣстѣ, а потомъ въ тотъ моментъ, когда онъ поразилъ Голіаѳа ударомъ камня изъ пращи и готовится отрубить ему голову. Четыре послѣдніе изображенные эпизода относятся къ ссорѣ Давида съ своимъ повелителемъ. Одинъ эпизодъ представляетъ Ноабскаго первосвященника, Ахимелека, дающаго ему 12-ть хлѣбовъ, приносившихся въ святая святыхъ, а другой Іонаѳана, предупреждающаго его объ опасности, какой онъ подвергается, оставаясь жить вмѣстѣ съ Сауломъ. По несчастію, двѣ послѣднія картины слишкомъ испорчены, чтобы можно было возстановить ихъ содержаніе. Вообще во всѣхъ часовняхъ встрѣчаются сюжеты изъ Ветхаго Завѣта, перемѣшивающіеся вмѣстѣ съ сюжетами изъ Новаго Завѣта, и даже нѣкоторыя личности и событія слишкомъ очевидно заимствованы изъ апокрифическихъ писаній. Торжествующій, благословляющій народъ Христосъ, Божія Матерь, архангелы, апостолы, вмѣстѣ или отдѣльно, занимаютъ первое мѣсто почти въ каждой часовнѣ, а рядомъ съ ними помѣщены лица, принадлежащія къ монастырской іерархіи, прежніе святые и администраторы того времени—Киріакъ, Мэна младшій, набожный Аполлонъ, братъ Іеремія, священникъ Іоаннъ. Иногда къ этимъ сюжетамъ примѣшиваются сцены изъ охоты: убѣгающія газели и раненный левъ, набрасывающійся на охотника, поражающаго его стрѣлою. Техника этой живописи разнообразная: то она исполнена водяными красками, то клеевыми на отштукатуренномъ и выбѣленномъ известкой фонѣ. Ихъ работа чрезвычайно разнообразна и исполнена въ различныя эпохи различными руками. Многія изъ картинъ относятся къ VII вѣку, но нѣкоторыя къ XI. По мнѣнію г. Кледа, лучшими можно считать картины, относящіяся къ концу IX и началу X вѣковъ. Геометрическія орнаментаціи богаты и замѣчательно гармоничны, а художники, исполнявшіе ихъ, отличались легкостью руки и утонченнымъ постиженіемъ красокъ. Однако они менѣе ловки въ исполненіи человѣческихъ фигуръ и животныхъ; въ этой области живописи ихъ рисунокъ становится сухъ, а композиція далеко не искусной. Кромѣ того, краски тусклы, тяжелы и распредѣлены сплошнымъ, однообразнымъ колоритомъ, который кое-гдѣ нарушается болѣе темными штрихами или пятнами для обозначенія тѣни или для оживленія бѣлаго цвѣта. Когда разсматриваешь картины вблизи, то рисунки и колоритъ вмѣстѣ напоминаютъ декоративныя картины или миніатюры византійскихъ рукописей, и очень возможно, что онѣ принадлежали монахамъ, являвшимся изъ Константинополя, или египтянамъ, изучавшимъ живопись въ монастыряхъ имперіи. Сношенія между египетскими монастырями и другими частями свѣта на Востокѣ были постоянныя. На берегу Нила и въ пустыняхъ Нитріи находились сирійцы, армяне и греки, которыхъ привлекала репутація святости египетскихъ святилищъ, и которые оставили ихъ описаніе на своемъ родномъ языкѣ, потому очень возможно, что среди нихъ находились и худож-

ники, знавшие византійскія способы и образцы. Они возобновили традиціи, существовавшія въ странѣ съ завоеванія арабами, дополняли по-своему воспитаніе мѣстныхъ художниковъ и служили имъ учителями. Вліяніе ихъ преподаванія пережило ихъ самихъ, и, внимательно присмотрѣвшись, въ этихъ часовняхъ можно узнать по очевиднымъ особенностямъ, если не множество различныхъ школъ, то, по крайней мѣрѣ, различныхъ мастеровъ. Такимъ образомъ г. Кледа открылъ до сихъ поръ еще неизвѣстный типъ византійскаго искусства, хотя эти Вaутскія развалины не могутъ служить сокровищницей совершенныхъ образцевъ, ради которыхъ предпочтительнѣе производить работы въ Александріи и Египтѣ. Впрочемъ въ этомъ коптскомъ монастырѣ находится столько произведеній искусства многихъ лѣтъ, что они сами по себѣ уже могутъ служить матеріаломъ для цѣлой исторіи. Работы г. Кледа не окончились, а потому можно ожидать еще много новыхъ открытій.

— Новый трудъ по исторіи крестовыхъ походовъ. Французскій историкъ Маріусъ Фонтанъ, напечатавшій въ послѣдніе годы двѣнадцать томовъ своего громаднаго труда, озаглавленнаго: «Всемірная исторія», теперь присоединилъ къ нему тринадцатый томъ, посвященный крестовымъ походамъ [1]). Весь вышеупомянутый трудъ этого писателя тѣмъ болѣе интересенъ, что онъ не прибѣгаетъ къ пріемамъ сухой хронологіи, а даетъ полную послѣдовательную картину соціальной жизни народовъ. Въ ней онъ шагъ за шагомъ представилъ цивилизаторское переселеніе арійскихъ народовъ, когда они подъ священные звуки первобытныхъ ведическихъ гимновъ покинули Индію, и мало-по-малу, какъ рой пчелъ, собрались по дорогѣ въ Иранъ и Египетъ, создали Аѳины и Римъ, вошли въ сношенія съ христіанствомъ и исламизмомъ, черпая изъ того и другого лишь то, что имъ болѣе всего подходило, организовали средневѣковую Европу и, наконецъ, совершили крестовые походы, т.-е. послѣ движенія впередъ сдѣлали шагъ назадъ, съ запада опять на востокъ. Это былъ именно тотъ моментъ, послѣ котораго свѣтлый геній расы направилъ ихъ къ истинному ихъ предназначенію: эпохамъ возрожденія, реформы и революціи, дополнившимъ одна за другою просвѣтленіе индо-европейской души. Исторію этихъ послѣднихъ эпохъ французскій историкъ обѣщаетъ дать не въ далекомъ будущемъ.

Въ своемъ тринадцатомъ томѣ Фонтанъ на пятистахъ страницахъ резюмируетъ въ сжатомъ видѣ безполезную, хотя блестящую эпопею XII-го и XIII-го вѣковъ—попятные шаги, остановку, злосчастный и разорительный этапъ, выгодный монархіи и національности, но задержавшій шаги міровой цивилизаціи. Онъ даетъ ясное, синоптическое, бѣглое обозрѣніе арійскаго міра, какимъ онъ былъ въ тотъ моментъ, когда Европа, какъ бы зачарованная причудливымъ геніемъ Петра-Пустынника, ринулась на сарациновъ, желая завоевать въ Святой землѣ «своего новаго Бога, распятаго на Голгоѳѣ Іисуса». Предъ читателемъ то здѣсь, то тамъ выступаютъ политическія или народныя бродила, возбуждавшія и доведшія до зрѣлости общественное мнѣніе, всѣ вели-

---

[1]) Les Croisades (Histoire universelle), tome XIII, par Marius Fontane. Paris. 1904.

чайшіе подстрекатели, которымъ предстояло увеличить армію Христа, возбудить фанатизмъ въ избранныхъ лицахъ и въ народныхъ массахъ, привести на востокъ эту громадную, вышедшую изъ своихъ береговъ волну, которую ловкіе римляне, венеціанцы и византійцы пытались заключить въ каналъ и дать ей направленіе, согласно своимъ интересамъ. Позади фигуръ разнообразной толпы освободителей тѣла Христа—искателей приключеній, монаховъ, папъ и императоровъ, Фонтанъ выводитъ образъ смутнаго движенія работающаго народа, формирующихся государствъ и общинъ, подготовлявшихъ за счетъ своихъ отсутствующихъ господъ будущую эру своей свободы. Въ концѣ перваго крестоваго похода, послѣ тріумфа герцога лотарингскаго, отважныхъ Готфрида, Танкреда и Боэмонда, которыхъ не могли остановить ни мусульманскія полчища, ни хитрости Алексѣя Комнена, особенно послѣ взятія Іерусалима, феодализмъ сдѣлался полнымъ господиномъ, и великіе военно-монашескіе ордена хотѣли «доказать свое соціальное значеніе». Но этотъ опытъ былъ неудаченъ, и невѣрные сумѣли воспользоваться въ свою пользу ошибками побѣдителей. Однако, повидимому, мелкіе христіанскіе владѣтели и палестинскіе магометане кончили бы, какъ испанскіе, т.-е. жили бы довольно миролюбиво бокъ-о-бокъ, если бы не раздалось суроваго голоса святого Бернара, поученія папъ и произнесеннаго обѣта французскаго короля Людовика VII, отлученнаго отъ церкви папой. Все это возбудило второй крестовый походъ, окончившійся неудачей для христіанъ подъ стѣнами Дамаска и ускорившій паденіе неполитичныхъ феодаловъ, слабыхъ азіатскихъ бароновъ. Впрочемъ первый пылъ остылъ: народы и европейскіе государи поняли, что ихъ дѣятельность требуется на неотложныя нужды болѣе, чѣмъ на химерическія побѣды. Англія принялась работать съ пэрами противъ королевскаго деспотизма; Франція стала помогать королевству въ его борьбѣ противъ дворянства. Папа Евгеній III занялся борьбой съ республикой, провозглашенной въ Римѣ Арнольдомъ Бресчіанскимъ, и бросился въ объятія опаснаго союзника, императора Фридриха Барбароссы, а Филиппъ-Августъ вскорѣ замѣтилъ, что выгодами крестовыхъ походовъ пользуется главнымъ образомъ тотъ, кто умѣетъ оставаться дома, посылая въ походъ своего сосѣда. Его неудачный походъ съ Ричардомъ Львинымъ Сердцемъ, полный непріятныхъ приключеній и столкновеній съ послѣднимъ, все время ратоборствовавшимъ съ своими и ссорившимся съ союзниками, еще болѣе укрѣпилъ его въ этомъ мнѣніи. Онъ, пожалуй, былъ даже радъ, когда за отсылку своей жены Ингенбурги громы Иннокентія III-го избавили его отъ участія въ четвертомъ крестовомъ походѣ, которымъ такъ ловко воспользовался старый дожъ Дондола, чтобы разрушить Греческую имперію и обезпечить венеціанцамъ свободный доступъ въ Константинополь. Хотя папа и простилъ его послѣ того, какъ онъ отослалъ свою жену Агнесу де Мерани и вернулъ Ингебургу, но все-таки Филиппъ предоставилъ Жанну Бріенскому вести нѣмцевъ и венгровъ на новыя пораженія предъ Даміеттскими оплотами. Затѣмъ послѣдовалъ шестой крестовый походъ и эфемерная побѣда императора Фридриха II, давшая ему лузиньянскую корону, которую онъ самъ себѣ надѣлъ въ безмолвномъ, полномъ ненависти и пораженномъ ужасомъ Іерусалимѣ. Послѣ него Людовикъ IX отправлялся въ два крестовыхъ похода, также неудачные, благо-

даря чумѣ, хотя благородная фигура Людовика Святого придавала этому походу истинную красоту, величіе и убѣжденность. Въ первымъ изъ нихъ онъ попался въ плѣнъ, и его съ трудомъ удалось выкупить, а во второмъ онъ умеръ отъ чумы. Фонтанъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Крестовые походы привели къ уничтоженію европейско-христіанскаго вліянія на всю африканскую и азіатскую территорію. Восемь большихъ походовъ за Христа оставили господствующей и истощенной Европѣ неспособныхъ государей и скороспѣлыхъ феодаловъ. Во всякомъ случаѣ эта крупная арійская несостоятельность, изъ которой вышелъ торжествующій и выросшій исламъ, имѣла непредвидѣнныя послѣдствія и противодѣйствія: уничтоженіе вассаловъ, вступленіе на папскій престолъ неумѣренныхъ, раздражительныхъ, непроницательныхъ папъ, жестокую войну съ альбигойцами, которая дала возможность французскимъ королямъ округлить и объединить ихъ владѣнія. Національный характеръ своему дѣлу Филиппъ-Августъ придалъ оружіемъ, а Людовикъ Святой—законами; владѣтель Иль-де-Франса сдѣлался съ этихъ поръ владѣтелемъ владѣтелей, «господиномъ», и опираясь на законовѣдовъ, онъ сурово заставилъ почувствовать будущее королевское достоинство не только мятежныхъ вассаловъ, но папу и храмовниковъ. Наконецъ, благодаря, быть можетъ, неуспѣху крестовыхъ походовъ, который замыкаетъ циклъ великихъ общихъ движеній, монархія продолжаетъ свой путь,—мѣстные дворяне все болѣе и болѣе дѣлаются подчиненными, общины—связанными съ господствующими законами, власть монарха, идеальнаго, кельтическаго, «арійскаго» почти осуществилась въ этотъ моментъ, а будущее сдѣлалось неотмѣнно обреченнымъ на дальнѣйшую эмансипацію».

— *Жертвы террора.* Французская революція до сихъ поръ представляетъ для всякаго рода историческихъ статей и книгъ неистощимый источникъ, изъ котораго также почерпнули матеріалы для своей книги [1]) историческій писатель Анри Альмерасъ и пространной монографіи [2]) Лефебръ-Сентъ-Оганъ. Такъ много уже писали объ этой кровавой страницѣ во французской исторіи, что едва ли можно сказать о ней что нибудь новаго, а потому все, что говорится въ упомянутыхъ новинкахъ, намъ уже отчасти знакомо. Впрочемъ, онѣ представляютъ интересные эпизоды изъ революціонной эпопеи, характеристики героевъ той минуты и живо рисуютъ террористскую кровавую оргію, на которую привлекались жертвы, безъ вины виноватыя, не имѣвшія даже никакого отношенія къ политикѣ и жившія съ единственной мыслью очаровывать мужчинъ и наслаждаться роскошью съ помощью плодовъ своихъ побѣдъ. Къ такимъ жертвамъ террора принадлежали и героини означенныхъ разсказовъ. Госпожа Сентъ-Амарантъ была женою лейтенанта, бросившаго службу въ провинціи, перебравшагося въ Парижъ по желанію жены и занявшагося финансовыми дѣлами. Благодаря дядѣ жены, министру Бертену, имя Сентъ-Амаранта значилось въ спискѣ откупщиковъ. Но Парижъ совершенно закружилъ ему голову,

---

[1]) «Émilie de Sainte-Amaranthe, par Henri d'Alméras. Paris. 1904.

[2]) Les dames de Sainte-Amaranthe, par Lefebvre-Ogan. «Nouvelle Revue», 15 Octobre—1 Novembre—15 Novembre—1 Décembre, 1904.

и онъ разорился на танцовщицъ и карты. Преслѣдуемый кредиторами, онъ бросилъ жену и скрылся въ Испанію, гдѣ сдѣлался кучеромъ. Роскошный домъ былъ проданъ, и г-жа Сентъ-Амарантъ хотѣла удалиться отъ свѣта. Но она была хорошенькая, и всѣ ея друзья удержали ее отъ этого шага. Слухи шли, что еще при мужѣ она находилась въ любовной связи съ нѣкіимъ виконтомъ Понсъ, и у нея была отъ него дочь Эмили. Когда же ея мужъ бѣжалъ въ Испанію, то Понса замѣнилъ принцъ Конти, который болѣе всѣхъ настаивалъ, чтобы она не покидала Парижа, и позаботился о ея судьбѣ. «Подумать только,—говорила она,—что съ моимъ желтымъ цвѣтомъ лица, сѣдыми волосами и кривымъ носомъ мнѣ создали и сохранили жизнь, какъ хорошенькой женщинѣ». Но современники были о ней другого мнѣнія, и актеръ Флёри называлъ ее «самымъ красивымъ орудіемъ салона, какое только можно было найти въ концѣ добраго стараго времени». Притомъ она была умна и казалась еще умнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Ея слова «бросались въ голову», и, болѣе того, она еще придавала ума другимъ, что̀ было немалымъ соблазномъ. Легкомысленная голова, чудное сердце и четыре времени года въ день въ ея чувствахъ—вотъ портретъ г-жи Сентъ-Амарантъ. Несмотря на свой легкій нравъ, она заботливо наблюдала за дочерью и никогда не говорила съ нею о своихъ тайнахъ, такъ что дѣвушка считала себя дочерью Сентъ-Амаранта и питала къ нему культъ, вѣрнѣе къ его портрету, такъ какъ самъ онъ отсутствовалъ. Эмили была ослѣпительно прекрасна. Ея красота отличалась отъ материнской тѣмъ, что у г-жи Сентъ-Амарантъ вся прелесть заключалась въ выразительности лица, тогда какъ у Эмили главную роль играли правильныя черты лица. Злые языки увѣряли, что г-жа Сентъ-Амарантъ продала дочь графу Артуа, и у нея послѣ короткой связи съ нимъ родилась дочь; даже называли сумму, полученную отъ графа Артуа. Но сама г-жа Сентъ-Амарантъ со слезами отрицала это, говоря своей знакомой, г-жѣ Роланъ, что это клевета. Для избѣжанія этихъ скандальныхъ слуховъ она рѣшилась уѣхать съ дѣтьми и своимъ другомъ, нѣкіимъ Окканъ, прежнимъ плантаторомъ, замѣнившимъ умершаго принца Конти. Но этотъ отъѣздъ еще болѣе усилилъ злую клевету, и когда они снова возвратились въ Парижъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, то ихъ встрѣтили еще бо̀льшія клеветы. Въ началѣ революціи г-жа Сентъ-Амарантъ, состояніе которой находилось главнымъ образомъ въ акціяхъ Индѣйской компаніи, почувствовала всю тяжесть суровыхъ мѣръ учредительнаго собранія, которое не слушало совѣтовъ Неккера. Въ свою очередь, то же событіе разорило Оккана вслѣдствіе совершеннаго уничтоженія колоніальной торговли. Собравъ остатки своего состоянія и присоединивъ къ деньгамъ своихъ друзей, онъ задумалъ открыть игорный домъ въ Палэ-Роялѣ, подъ названіемъ «Академіи искусствъ». Въ эпоху революціи торговля и промышленность были совершенно парализованы, и не оставалось иного выхода, какъ открытіе игорныхъ домовъ. Всѣ деньги прятались, и только было можно ихъ видѣть за игорными столами, гдѣ процвѣтали «креспъ» и «бириби». Не было улицы, гдѣ не находилось бы двѣнадцати игорныхъ домовъ; въ одномъ Палэ-Роялѣ ихъ было шестьдесятъ. Ихъ прозвали академіями, и они были всевозможныхъ категорій для всякихъ соціальныхъ условій и для всякихъ кошельковъ. Въ улицѣ Тэтбу, у прежней актрисы, г-жи Жюльенъ, играли въ «тридцать одинъ»;

у г-жи Лафаръ, въ улицѣ Ришелье, гдѣ собирались аристократы на чай и завтракъ, по-англійски, былъ въ ходу «бирпби»; у г-жи Гюэ танцовали и играли; у г-жи Лакуръ, кромѣ того, были хорошая кухня, крѣпкое вино и плѣнительныя женщины, а у г-жи Сенъ-Ромэнъ въ Палэ-Роялѣ—хорошенькія племянницы. Въ улицѣ Траверсьенъ-Сентъ-Онорэ допускались лишь лица, пріѣзжавшія въ собственныхъ экипажахъ. Въ то время на игорные дома смотрѣли иначе, чѣмъ теперь. Вельможа, какъ графъ Шангранъ, не брезгалъ встать во главѣ такого учрежденія въ улицѣ Аркадъ, и его дочери не помѣшало это обстоятельство выйти замужъ за Рогана въ тюрьмѣ во время террора, а потомъ за графа Сенъ-Симона. Однако академія Оккана превосходила роскошью игорный домъ графа Шанграна, какъ по богатству банка, великолѣпію обстановки, такъ и строго избранному обществу. По словамъ прежняго банкира Делаборда, этотъ салонъ напоминалъ своимъ великолѣпіемъ игру короля въ Версалѣ. Чтобы придать болѣе блеска своему игорному дому, Окканъ подослалъ къ г-жѣ Сентъ-Амарантъ акціенеровъ съ просьбою пріѣзжать туда съ дочерью ежедневно и занимать мѣсто хозяйки за ужинами. Сознавая, въ какомъ она находится непрочномъ положеніи, г-жа Сентъ-Амарантъ была принуждена принять это предложеніе. По ея словамъ, въ «Академіи искусствъ» царствовала такая благопристойность, что можно было, не рискуя, являться съ дочерью. Но въ этомъ игорномъ домѣ не только играли, а еще собирались у г-жи Сентъ-Амарантъ въ сосѣднемъ салонѣ и бесѣдовали. Всѣ сливки общества, еще не переселившіяся изъ Парижа, встрѣчались тамъ и философствовали, какъ было въ модѣ того времени, пересыпая блестящими парадоксами свои рѣчи и проч. Днемъ все это общество являлось въ ея квартиру, и бесѣды продолжались. Среди аристократовъ тамъ бывали и актеры, между прочимъ Флёри и Литаръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Тріаля. По увѣренію г-жи Роланъ, послѣдній тамъ не бывалъ, что послужило причиной гибели г-жи Сентъ-Арамантъ, ея дочери и сына, Лили; будто бы по доносу, сдѣланному по злобѣ Тріалемъ за то, что она отказалась его принимать, вся семья была казнена. Напротивъ, Флёри въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о немъ, какъ о посѣтителѣ салона г-жи Сентъ-Амарантъ. За Эмили въ это время ухаживалъ графъ Тилли, и, по слухамъ, у нея была съ нимъ связь. Но мать мечтала объ иной партіи; ей предстояло выбрать для дочери мужа изъ трехъ ухаживателей. Всѣ три были сыновьями министровъ—Сартина, Миромениля и Мопу. Послѣдній былъ всѣхъ веселѣе, любезнѣе и сильнѣе влюбленъ въ Эмили. Сначала она оказывала ему предпочтеніе, но потомъ относилась къ нему такъ же равнодушно, какъ и къ остальнымъ. Дѣло въ томъ, что она любила личность, не бывавшую въ салонѣ ея матери, и даже съ которой ей не приходилось разговаривать—пѣвца Эллевіу изъ комической оперы, игравшаго въ пьесѣ «Филиппъ и Жоржетта», въ то время привлекавшей весь Парижъ. Пѣвецъ принадлежалъ къ хорошей семьѣ, былъ красивъ и хорошо воспитанъ. Романъ завязался чрезъ ouvreuse, подававшую каждый разъ ей цвѣты, говоря, что у нея отецъ садовникъ, и онъ былъ бы счастливъ, если бы его цвѣты понравились такой прелестной барышнѣ. Въ то время было въ модѣ носить букеты сбоку корсажа, и однажды тетка молодой дѣвушки замѣтила, что она не приколола букета, когда отправилась въ

театръ. Это была уловка: она хотѣла приколоть другой букетъ, который ей подастъ опугоцевъ. Однажды въ букетѣ была записка, которая послужила для начала романа. Эллевіу жилъ почти семейно съ танцовщицей Клотильдой, на которой впослѣдствіи женился Буальдье. Она приревновала Эмили къ своему любовнику, найдя въ его столѣ записку, подписанную «Жоржетта», и замѣтивъ нѣжные взгляды, которыми обмѣнивались пѣвецъ и Эмили, написала г-жѣ Сентъ-Амарантъ письмо, угрожая сдѣлать скандалъ, если этотъ романъ не прекратится. Г-жа Сентъ-Амарантъ ничего не сказала дочери о письмѣ, но, пользуясь тревожными событіями республики, она подъ этимъ предлогомъ уѣхала съ дѣтьми въ Руанъ, гдѣ было довольно спокойно, и рѣшила остаться тамъ на зиму. Она предложила Эмили условіе: или выйти замужъ, если она хочетъ возвратиться въ Парижъ, или остаться въ Руанѣ. Эмили выбрала Сартина, какъ менѣе стѣснительнаго мужа, и свадьба состоялась въ Руанѣ, а затѣмъ молодые съ матерью и братомъ опять переѣхали въ Парижъ. Въ это время революція была въ самомъ разгарѣ, и всѣ старые друзья г-жи Сентъ-Амарантъ покидали Парижъ. Однажды вечеромъ къ ней явился графъ Тилли и, объявивъ, что онъ тоже уѣзжаетъ изъ Парижа, совѣтовалъ и ей отправиться вмѣстѣ, предлагая къ утру достать паспорты. Но она утѣшала себя иллюзіями, что террора еще нѣтъ, и женщинамъ ничего не сдѣлаютъ; къ тому же ея дѣла были не устроены, и она не рѣшалась бросить ихъ и свой домъ на разграбленіе. Притомъ она знала, что многихъ бѣглецовъ останавливали во время бѣгства, а если бы они оставались дома, то о нихъ, можетъ быть, и забыли бы. Напротивъ, Эмили признавалась Тилли, что не раздѣляетъ мнѣнія матери и чувствуетъ, что это упорство будетъ стоить ей жизни. Тилли умолялъ ее уѣхать, но она вся въ слезахъ заявила ему, что не можетъ отдѣлить своей судьбы отъ судьбы матери. Но его слова оспариваются, такъ какъ Тилли добавилъ еще, что Эмили сказала ему, будто она еще его любитъ, тогда какъ извѣстно, что она любила одного только Эллевіу. Г-жа Сентъ-Амарантъ твердо рѣшилась не покидать Франціи и не эмигрировать, опасаясь болѣе всего униженій и бѣдности, даже болѣе смерти. Она была очень озабочена по возвращеніи въ Парижъ; акціи Индѣйской компаніи съ каждымъ днемъ падали въ цѣнѣ, дѣла игорнаго дома были не блестящи, такъ какъ большинство завсегдатаевъ «тридцати одного» бѣжали за границу, другіе же боялись выходить изъ дома. Согласно требованіямъ революціи, «Академія искусствъ» нѣсколько демократизировалась. Приглашенные, садившіеся за столъ, за которымъ предсѣдательствовала г-жа Сентъ-Амарантъ, платили издержки за ужинъ, а на поясѣ хозяйки теперь блестѣла связка ключей. Посѣтители «Академіи» были уже не столь блестящіе, какъ прежде, но хозяйка дома сознавала, что надо уважить «новыхъ господъ», и принимала членовъ конвента. Теперь игорный домъ находился въ улицѣ Сентъ-Аннъ, въ прежнемъ домѣ Гельвеція. Г-жа Сентъ-Амарантъ знала, что вліятельный Тріаль относится къ ней непріязненно; напротивъ, Колэнъ бывалъ у нея часто и увѣрялъ ее въ своей доброжелательности, но господствующее положеніе въ «Академіи искусствъ» занимали изящные жирондисты. Мирабо, являвшійся къ ней во время національнаго собранія, игралъ въ крупную игру и много проигрывалъ. Тамъ же бывали: Манюэль, Фабръ

д'Еглантинъ, Антонелль, Эро де-Сешелль, Сенъ-Жюстъ, Мерлэнъ, Петьонъ, Барреръ, Сьесъ, Шапелье, Бюзо, Барнавъ, Лувэ. Верньо сдѣлался другомъ и покровителемъ г-жи Сентъ-Амарантъ и такъ же, какъ Тилли, уговаривалъ ее уѣхать изъ Франціи, когда почувствовалъ свою партію побѣжденной. Младшій Робеспьеръ тоже посѣтилъ салонъ «Академіи искусствъ» вмѣстѣ съ Николя и Симономъ Дюплэ; ихъ привелъ туда Мишо изъ Французской комедіи. Камилль Демулэнъ былъ тамъ два раза, и относительно закрытія оперы онъ замѣтилъ Сартину: «Опера — это главное мѣсто цивилизаціи, и если ее закроютъ, то впадутъ въ варварство». Камилль Демулэнъ не понравился г-жѣ Сентъ-Амарантъ, и она обошлась съ нимъ холодно, такъ что онъ больше не возвращался. Но одинъ ея другъ замѣтилъ, что ей придется принимать гостей похуже Камилля Демулэна, на что она со смѣхомъ отвѣтила: «Довольно и этого!» Однако предсказанія ея друга сбылись, и въ одинъ прекрасный день въ ея салонъ вошелъ встревоженный слуга и объявилъ, что въ кухню явилась цѣлая банда марсельцевъ, и, когда ихъ главарь Мамэнъ, убившій принцессу Ламбаль, назвалъ свое имя, то съ женою слуги отъ страха сдѣлалось дурно. Они потребовали обѣдать, и Мамэнъ предупредилъ слугу: «Знаешь, братецъ, не давай мнѣ кухоннаго вина: я привыкъ пить Бордо и Эрмитажъ». Сначала всѣ были испуганы, но г-жа Сентъ-Амарантъ первая опомнилась и приказала дать имъ хорошаго вина. Марсельцы отобѣдали и удалились. Но на другой день, когда у нея были гости, слуга опять доложилъ о приходѣ марсельцевъ; на этотъ разъ они требовали, по праву равенства и братства, завтракать вмѣстѣ съ г-жой Сентъ-Амарантъ. Пришлось преклониться предъ обстоятельствами, и Мамэнъ былъ приведенъ въ столовую. Онъ былъ непріятнымъ на взглядъ, но держалъ себя прилично, не говорилъ лишняго, не пилъ и, несмотря на твердо принятое имъ рѣшеніе говорить всѣмъ «ты», онъ чаще употреблялъ «вы», особенно обращаясь къ дамамъ. Послѣ завтрака онъ предложилъ дамамъ по парѣ перчатокъ, на которыхъ были изображены Поль и Виргинія, и сказалъ: «Это васъ предохранитъ отъ всякихъ опасностей болѣе, чѣмъ цѣлая баттарея пушекъ». Онъ былъ особенно любезенъ съ г-жею Роланъ, и когда на другой день онъ встрѣтилъ ее при выходѣ изъ театра, то спросилъ, какъ нравится ей пьеса «Le petit sacristain», нѣсколько вольтерьянскаго направленія, и которую публика съ реакціоннымъ направленіемъ своими протестами остановила и не дала окончить. Услышавъ, что г-жа Роланъ хотѣла бы видѣть конецъ, Мамэнъ взялъ свою банду, которая, палками разогнавъ шумѣвшихъ, заставила актеровъ играть. На другой день Мамэнъ явился къ г-жѣ Сентъ-Амарантъ, чтобы услышать благодарность, и сказалъ г-жѣ Роланъ, что счастливъ былъ сдѣлать это для такой доброй гражданки, какъ она. Но она слишкомъ понадѣялась на свое могущество надъ нимъ и завела политическій разговоръ, затронувъ Марата. Тогда взбѣшенный Мамэнъ всталъ и произнесъ: «Я скорѣе принесу Марату голову Роланъ, чѣмъ отдѣлюсь отъ истиннаго друга народа!» — и вышелъ, не сказавъ никому «прощай». Вслѣдствіе своей неосторожности г-жа Роланъ принуждена была прятаться нѣсколько дней. Мамэнъ донесъ, что она предлагала ему свое расположеніе съ условіемъ, чтобы онъ принесъ ей голову Марата. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она была замѣчена Мамэномъ въ театрѣ и едва успѣла спастись отъ внезапнаго

ареста. Послѣ этого посѣщенія Мамэна г-жа Сентъ-Амарантъ рѣшилась покинуть, если не Францію, то по крайней мѣрѣ Парижъ, и перебралась въ свое имѣніе Сюси въ Бри. Съ нею отправились ея дѣти и Океанъ, который вслѣдствіе болѣзни не могъ вести дѣла игорнаго дома. Здѣсь они вели спокойный образъ жизни, и ихъ изрѣдка посѣщали оставшіеся въ Парижѣ друзья и знакомые. Г-жа Сентъ-Амарантъ должна была, однако, отправиться по дѣламъ въ Парижъ, и ея друзья заказали заранѣе въ ресторанѣ Розъ лучшій кабинетъ, гдѣ она съ семьею и г-жею Роланъ должна была обѣдать. Когда она пріѣхала въ ресторанъ, то хозяинъ,—ея бывшій поваръ,—извинился предъ нею, говоря, что этотъ кабинетъ занятъ гражданиномъ Дантономъ, и отвелъ ихъ въ сосѣднюю съ нимъ комнату. Судьбѣ было угодно, чтобы Дантонъ въ тотъ же вечеръ занялъ ложу противъ нея, а она изъ любопытства на время перешла въ сосѣднюю съ нимъ свободную ложу, съ цѣлью хорошенько его разсмотрѣть, и чтобы въ театрѣ присутствовалъ аббатъ Эспаньякъ, поставщикъ на республиканскую армію, который зналъ г-жу Сентъ-Амарантъ и давалъ ей совѣты относительно ея акцій Индѣйской компаніи. На другой день вся семья возвратилась въ Бри. Нѣсколько дней спустя, они узнали объ арестѣ Флёри и всей труппы Французской комедіи изъ-за «Памелы», направленіе которой революціонеры находили реакціоннымъ и аристократическимъ. Газеты ежедневно извѣщали о новыхъ казняхъ и арестахъ; жирондисты уже погибли и съ ними вѣрный другъ г-жи Сентъ-Амарантъ, Верньо, умолявшій ее покинуть Францію. Теперь ихъ посѣщала лишь г-жа Роланъ. Наступили «каникулярные дни революціи»; Морэнвиллъ, де-Прессакъ и Моранъ находились въ тюрьмѣ, другіе друзья г-жи Сентъ-Амарантъ скрывались или бѣжали. Только Феликсъ Лепеллетье де-Сенъ Фаржо совершенно перешедшій къ революціонерамъ, посѣщалъ ее. Правда, у нихъ бывалъ еще одинъ таинственный посѣтитель, который иногда бродилъ по ночамъ около ограды ихъ дома, что не разъ видѣли запоздавшіе крестьяне. Это былъ Эллевіу, являвшійся на тайное свиданіе къ Эмили въ тѣ вечера, когда у него не было представленія. Онъ пріѣзжалъ въ экипажѣ, оставлялъ его въ окрестностяхъ, пробирался по указанной Эмили тропинкѣ и проходилъ въ садъ чрезъ калитку, ключъ отъ которой она вручила ему лично. На окнѣ появлялся условный сигналъ, и онъ пробирался по кухонной лѣстницѣ къ ней. Она взяла въ привычку ежедневно удаляться къ себѣ въ комнату отъ семи до девяти часовъ, пока ея мужъ игралъ въ карты съ ея теткой, г-жею Бордо. Она не любила его и ожидала момента развестись съ нимъ и выйти замужъ за своего пѣвца, совершенно разставшагося съ Клотильдой. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда Эмили находилась въ своей комнатѣ съ Эллевіу, вдругъ раздались пѣніе, крики и сильный звонокъ. Это былъ отрядъ революціонной арміи; всѣ участники были въ красныхъ колпакахъ и вооружены пиками. Имъ поручили посѣтить всѣ богатые дома и захватить кухонную металлическую посуду для переработки ея на пушки. Обойдя дворъ, они вломились на кухню и закричали: «Откройте салонъ, или мы выломаемъ двери». Г-жа Сентъ-Амарантъ съ г-жею Роланъ знали о свиданіяхъ пѣвца съ Эмили и отправились ее предупредить; за ними пошла вся банда. Улыбающаяся Эмили уже ожидала ихъ на порогѣ комнаты, сосѣдней съ спальной. Одинъ изъ республиканцевъ былъ пораженъ красотою Эмили и инстинктивно прикоснулся рукою

до своего колпака, объяснивъ цѣль ихъ посѣщенія. На это не растерявшаяся Эмили весело отвѣтила: «Какъ, вы ищете кастрюли и прочіе подобные предметы въ комнатѣ молодой женщины? Вы здѣсь найдете только картонки, цвѣты и ленты; у меня есть синія, красныя и бѣлыя, и я вамъ отдамъ ихъ на кокарды». Вся банда поспѣшила въ комнату и стала весело плясать, въ то время время какъ Эмили, открывъ одинъ изъ шкаповъ, охапкой выбросила имъ ленты. Революціонеры весело закричали: «Ура, красивая гражданка!», при этомъ одни принялись снимать колпаки, другіе дѣлали ей честь по-военному, все время повторяя: «Ура, прекрасная, прекрасная гражданка!». Такимъ образомъ Эллевіу удалось ускользнуть. Въ первыхъ числахъ Жерминаля г-жа Сентъ-Амарантъ сидѣла въ своей гостиной, охваченная темными предчувствіями вслѣдствіе дурнаго сновидѣнія: она видѣла, что родила трехъ летучихъ мышей. Оккану только что сдѣлали вторую операцію и къ обѣду его принесли на креслѣ. Въ этотъ день къ нимъ пріѣхала изъ Парижа г-жа Роланъ. Послѣ обѣда, когда Лили читалъ вслухъ, раздался тихій звонокъ, и лакей ввелъ цѣлую толпу революціонеровъ, изъ которыхъ многіе были съ трехцвѣтными шарфами. Они назвали себя членами революціоннаго комитета въ Бри. Во главѣ явившихся былъ швейцаръ г-жи Сентъ-Амарантъ, который объявилъ ей, что по приказанію Комитета Общественной Безопасности онъ осмотритъ домъ и арестуетъ гражданина Оккана, гражданку Сентъ-Амарантъ, ея сына, гражданина и гражданку Сартинъ и прочихъ подозрительныхъ лицъ, какія окажутся въ домѣ. Оккана перенесли въ его комнату, чтобы онъ открылъ свой столъ для осмотра; затѣмъ перешли въ комнату г-жи Сентъ-Амарантъ и, найдя въ ея столикѣ миніатюры Эмили въ возрастѣ семи лѣтъ и Лили—пяти, приняли ихъ за сына и дочь Капета. Какъ ни старалась ихъ увѣрить г-жа Сентъ-Амарантъ, что это ея дѣти, все было тщетно. Найдя у Лили патріотическія пѣсни, они рѣшили, что онѣ были подложены съ умысломъ. Видя, что за г-жею Роланъ и Эмили никто не наблюдаетъ, г-жа Сентъ-Амарантъ шепнула имъ, что позади гравюры Республики лежатъ акціи англійскаго банка, которыя надо вручить вѣрному слугѣ Кренэ. Она это сдѣлала не только, чтобы сохранить ихъ отъ конфискаціи, но также изъ предосторожности, такъ какъ самымъ ужаснымъ обвиненіемъ считалось помѣщеніе фондовъ за границей, и этотъ проступокъ наказывался смертной казнью. Г-жа Бордо и г-жа Роланъ не были упомянуты въ записи лицъ, предназначенныхъ къ аресту, и потому ихъ оставили до поры до времени на свободѣ. Уже была полночь, когда арестованныхъ отправили въ каретѣ, окруженной жандармами. Въ то утро, когда была арестована г-жа Сентъ-Амарантъ, въ конвентѣ былъ поднятъ о ней вопросъ по поводу Дантона. «Въ то же время,—заявлялъ Сенъ-Жюстъ,—Дантонъ часто обѣдалъ у Розъ вмѣстѣ съ англичанами; онъ обѣдалъ съ испанцемъ Гюсманомъ три раза въ недѣлю и съ постыдной Сентъ-Амарантъ, д..... Сартинъ и Лакруа. Тамъ-то и устраивались нѣкоторые изъ этихъ обѣдовъ въ сто экю съ головы». Въ то же время Шенаръ, одинъ изъ товарищей Эллевіу, предупредилъ его, что поѣздки на дачу къ г-жѣ Сентъ-Амарантъ были замѣчены крестьянами и переданы Тріалю. Эллевіу былъ выданъ за Дантона, который будто бы устраивалъ въ обществѣ прекрасныхъ дамъ паденіе Робеспьера, и что первый актъ

заговора состоялся въ ресторанѣ Розъ. Ради спасенія обѣихъ женщинъ Шенаръ совѣтовалъ пѣвцу отправиться въ Комитетъ Общественной Безопасности и объявить, что не политика была цѣлью его посѣщеній Сюси. Но Эллевіу не послушался товарища, и, по словамъ г-жи Роланъ, это обстоятельство послужило причиной гибели всей семьи Сентъ-Амарантъ. Въ найденныхъ у Сенъ-Жюста бумагахъ находились замѣтки, относящіяся къ г-жѣ Сентъ-Амарантъ, какъ принимавшей подозрительное общество, и доносъ, помѣченный 13-мъ Фримэромъ, о замѣшанныхъ въ эти интриги Дефіё, Проли, Перейра, Дюбюссонъ и Шабо. Это были лица, съ которыми она вела денежныя дѣла, и о нихъ она не упоминала ни своимъ свѣтскимъ друзьямъ, ни г-жѣ Роланъ; они были казнены вмѣстѣ съ Дантономъ. Семейство Сентъ-Амарантъ было отвезено сначала въ Сентъ-Пелажи, а потомъ, нѣсколько дней спустя, въ «Монастырь англичанокъ». Дни проходили довольно весело въ «Монастырѣ англичанокъ»: всѣ болтали, играли въ трикъ-тракъ и тридцать одинъ, потомъ прогуливались въ саду за длинной оградой. Была весна и, по словамъ стариковъ, никогда не было «столь блестящаго солнца, яснаго неба и теплаго и чистаго воздуха, какъ въ тотъ годъ». Садъ заключенныхъ граничилъ съ кладбищемъ, гдѣ они просиживали до вечера, пока не наступалъ часъ удаляться въ душныя комнаты, гдѣ ихъ помѣщали по 8 человѣкъ. Сонъ узниковъ иногда прерывался стукомъ въ дверь и выкличкой. 28 флореаля въ 9 часовъ вечера узники были еще на дворѣ, когда явились жандармы, что̀ означало распоряженіе удалиться по своимъ комнатамъ, гдѣ производился обыскъ. Все было отобрано у заключенныхъ, начиная съ денегъ и кончая булавками. Одна Эмили пользовалась нѣкоторой свободой и выходила въ пріемную, въ которой находилась рѣшетка, сообщавшаяся съ входной дверью, и чрезъ эту рѣшетку ей позволили видѣться съ г-жею Роланъ. 26-го преріаля г-жа Роланъ случайно присутствовала на засѣданіи конвента, гдѣ Элю-Лакостъ читалъ рапортъ о тюремныхъ заговорахъ и между прочими заговорщиками упомянулъ г-жу Сентъ-Амарантъ, ея сына и дочь. Шенаръ попробовалъ обратиться къ Феликсу Лепеллетье де-Сенъ-Фаржо, умоляя его употребить все свое вліяніе, чтобы спасти ихъ. Послѣдній признался, что онъ не вѣритъ въ заговоръ, указанный Сенъ-Жюстомъ въ конвентѣ 12-го жерминаля, ни новымъ обвиненіямъ Элю-Лакоста, но сдѣлать ничего не можетъ, а только повредитъ себѣ. Несмотря на всѣ старанія скрыть отъ г-жи Сентъ-Амарантъ, что произошло въ конвентѣ, она все узнала, но духомъ не упала и сказала, «что не безпокоится, такъ какъ если губятъ только виноватыхъ, то ей нечего бояться, если же всѣ безъ разбора должны быть умерщвлены, то она менѣе несчастна, если будетъ казнена первой, такъ какъ ей придется менѣе сожалѣть о предшествовавшихъ ей казненныхъ». Съ минуты на минуту ожидали отправки жертвъ въ Консьержери, этотъ послѣдній этапъ по дорогѣ къ эшафоту. При всякомъ шумѣ экипажа всѣ вздрагивали. Цѣлыхъ три дня прошли въ подобной агоніи. Наконецъ, однажды вечеромъ въ 11 ч. предъ тюрьмой остановилась тяжелая телѣга, прозванная «движущимся гробомъ». Семья Сентъ-Амарантъ уже спала; вошелъ помощникъ тюремщика и разбудилъ узниковъ; они приблизились, и узнавъ, что находятся всѣ на одномъ листѣ приговоренныхъ, Лили и Эмили бросились обнимать мать, произнося:

«Ахъ, какъ мы рады, мама! Мы умремъ вмѣстѣ съ тобою!». 29-го прэріаля, въ десять часовъ съ половиной въ залѣ Свободы состоялось судилище. Обвинителемъ былъ Льедонъ, замѣнившій Фукье-Тенвиля. Когда были произнесены приговоры, жертвъ отправляли въ залъ канцеляріи въ ожиданіи приготовленій для слѣдованія на эшафотъ. Судьбѣ было угодно, чтобы г-жа Сентъ-Амарантъ и ея дочь оказались въ обществѣ актрисы Грандмэзонъ, на которую мужъ Эмили потратилъ немало денегъ. Затѣмъ всѣ вышли на грязный дворъ, полный заразы; здѣсь имъ обрѣзали волосы. Эмили передала свои волосы начальнику Консьержери со словами: «Сударь, я поступлю несправедливо съ палачемъ; но это единственное наслѣдство, которое я оставлю моимъ друзьямъ. Они узнаютъ объ этомъ и, можетъ быть, придутъ въ одинъ прекрасный день требовать этотъ знакъ памяти. Я полагаюсь на вашу честность...». Комитетъ Общественной Безопасности предписалъ надѣть на приговоренныхъ красныя одежды, какъ на убійцъ народа, но объ этомъ приказѣ вспомнили лишь въ послѣднюю минуту и достали гдѣ возможно красной матеріи, которую прикрѣпили веревками на шеѣ, какъ мантіи. Эмили не могла скрыть улыбки, увидя подобныя одѣянія, и заключила, что это будетъ походить на карнавальное шествіе. Было четыре часа, когда приговоренные сѣли въ телѣгу, и Фукье-Тенвилль очень хотѣлъ видѣть эффектъ, какой произведутъ красныя одѣянія. Съ этою цѣлью онъ смотрѣлъ изъ окна привратника Консьержери и остался доволенъ, говоря: «Можно подумать, что это компанія кардиналовъ». Увидя улыбающуюся Эмили, онъ произнесъ: «Вотъ нахальная..... Надо ее посмотрѣть тамъ, чтобы узнать, сохранитъ ли она до конца этотъ характеръ». Телѣга съ женщинами ѣхала впереди; за нею слѣдовала телѣга со стариками, въ которой былъ и Сартинъ, мужъ Эмили, хотя ему минуло только 35 лѣтъ. Ляли былъ съ матерью и сестрою, ободрявшею его словами: «Не лучше ли тебѣ умереть съ нами, чѣмъ жить съ убійцами нашей матери и слышать этихъ свирѣпыхъ каналій?». Она все время говорила съ нимъ. Въ толпѣ Эмили замѣтила Эллевіу, который все время забѣгалъ впереди телѣги, и только молящій взглядъ Эмили остановилъ его отъ дальнѣйшаго слѣдованія за телѣгой. Далѣе ея глаза встрѣтились съ глазами Клотильды, его покинутой любовницы; ея взглядъ выражалъ ненависть. Наконецъ печальное шествіе достигло эшафота. Приговоренные сошли съ телѣги. Палачъ надѣлъ красный кафтанъ. Начать казнь было предписано съ женщинъ, но г-жа Сентъ-Амарантъ упросила, чтобы ея сынъ Ляли былъ ранѣе ея казненъ, Эмили же послѣ нея. Когда палачъ взялъ мальчика, г-жа Сентъ-Амарантъ потеряла сознаніе, и ее привязали безчувственную къ доскѣ. Близъ площади, гдѣ казнили, былъ устроенъ ресторанъ, и на карточкѣ кушаній находились имена приговоренныхъ. Красотою обѣихъ Сентъ-Амарантъ всѣ восхищались, и съ того дня вошли въ моду красныя шали. Г-жа Роланъ узнала о казни своихъ друзей, когда газетчики выкрикивали на бульварѣ имена казненныхъ. Объ Окканѣ, можетъ быть, и забыли бы, если бы не генералъ Буланже, преемникъ Сантерра въ командованіи національной гвардіей. Онъ имѣлъ что-то противъ него и написалъ два письма Фукье-Тенвиллю, напоминая ему о немъ. Такъ какъ Оккану было лучше, то его перевезли на эшафотъ. 9-го термидора, когда народъ, вслѣдствіе слуха о событіяхъ въ конвентѣ, хотѣлъ

отпрячь лошадей и освободить приговоренныхъ, Окканъ просилъ спасти его спутниковъ, но оставить его умереть. Въ это время явился Анріо, саблею разогналъ народъ, и телѣга продолжала путь. Нѣсколько минутъ спустя, его самого выбросили изъ окна ратуши, а на другой день его казнили. Эллевіу набрался смѣлости и отправился въ Консьержери за волосами Эмили—вотъ все, что онъ сдѣлалъ для нея.

— Письма Эльвиры къ Ламартину. Какъ большинство романистовъ и поэтовъ, Ламартинъ въ нѣсколькихъ произведеніяхъ увѣковѣчилъ пережитую имъ въ жизни любовь, воспѣвъ предметы своей страсти. Извѣстно, что въ своемъ романѣ «Graziella» онъ вывелъ героиней одну молодую дѣвушку—свою первую любовь. Ее звали Граціелла, и она была дочерью искателя коралловъ на островѣ Просида, гдѣ онъ встрѣтился съ нею во время своего путешествія по Италіи. Расположеніе Граціеллы къ Ламартину перешло въ глубокую, страстную любовь, которою онъ имѣлъ жестокость развлекаться, впрочемъ полагая, что самъ питаетъ къ ней тѣ же чувства. Однако ему надо было ѣхать на родину, и, обѣщая возвратиться къ своей Граціеллѣ, онъ ее покинулъ. Своего обѣщанія онъ не сдержалъ, и бѣдняжка умерла съ горя. Да проститъ небо поэта за идеализированіе и опоэтизированіе его Граціеллы, только на самомъ дѣлѣ эта Граціелла была просто работницей на табачной фабрикѣ въ Неаполѣ, а вся идиллія—вымышленной; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ его критики, собравшіе вѣрныя свѣдѣнія. Какъ бы то ни было, но Ламартинъ хранилъ объ этой дѣвушкѣ жгучее воспоминаніе, а своимъ поклонникамъ оставилъ, благодаря ей, «Le premier regret». Эта вторая любовь была увѣковѣчена подъ именемъ Эльвиры въ произведеніяхъ его поэтическаго сборника «Méditations», какъ, напримѣръ, въ «Le lac» L'immortalité», «Le crucifix» и въ романѣ «Raphaël» подъ именемъ Жюли. Настоящее имя этой женщины было Жюли де-Дешереттъ. Въ 1804 году она вышла замужъ за знаменитаго физика Жака Шарля, а съ двадцатишестилѣтнимъ Ламартиномъ познакомилась въ 1816 году въ Э (въ Савойѣ), куда ее послали доктора въ виду ея болѣзни—чахотки. Здѣсь у нихъ завязался романъ, по увѣренію Ламартина, платоническій, и началась переписка, которую Ламартинъ тщательно, долго хранилъ и, судя по нѣсколько потертой бумагѣ, вѣроятно, очень часто перечитывалъ [1]). Послѣ смерти Жюли онъ собралъ всѣ ея письма, привелъ ихъ въ порядокъ и переплелъ; только въ 1849 году, когда онъ написалъ свой романъ «Raphaël», они были имъ уничтожены, но не всѣ. Какъ тяжело ему было разставаться съ ними, видно изъ его словъ въ «Raphaël»: «Страница за страницею я перелистывалъ эту переписку, распредѣленную по порядку и послѣ смерти переплетенную рукою благоговѣйной дружбы; я перечитывалъ ихъ съ первой записки до послѣдняго слова, написаннаго рукою, уже захваченной смертью, но которую еще подкрѣпляла любовь. Я ихъ перечиталъ и сжегъ, плача, запершись въ комнатѣ, какъ будто я совершалъ преступленіе, и оспаривая двадцать разъ у пламени на половину истребленныя страницы, чтобы ихъ снова пере-

[1]) «Les lettres d'Elvire à Lamartine»; par René Doumic. «Revue des deux mondes», 1 Fevrier 1905.

читать... Зачѣмъ? скажешь ты мнѣ... Я ихъ сжегъ потому, что даже самый ихъ пепелъ былъ бы слишкомъ горячъ для земли, и я бросилъ его по небесному вѣтру». Судя по оставшимся четыремъ письмамъ, сохраненнымъ Ламартиномъ, видно, что они дѣйствительно были переплетены и вырваны. Послѣднее письмо, очевидно, было написано въ минуту, свободную отъ страданій, унесшихъ Жюли въ могилу, пять недѣль спустя. Оно написано изящнымъ англійскимъ почеркомъ, но его характеръ уже тяжеловатый и не столь четкій: повидимому, оно было написано вопреки запрещенію доктора. Письма хранились вмѣстѣ съ ея волосами въ траурной записной книжкѣ—черной на бѣлой шелковой подкладкѣ. Послѣ смерти Ламартина они оставались въ секретномъ ящикѣ, въ его рабочемъ кабинетѣ въ Сенъ-Пуанѣ. Объ ихъ существованіи подозрѣвали, такъ какъ въ «Raphaël» герой, т.-е. Ламартинъ, часто упоминалъ о письмахъ, получаемыхъ имъ отъ Жюли, т.-е. Эльвиры, однако никто ихъ никогда не видалъ, и тайна оставалась не разрѣшенной. Только теперь они отыскались, и Шарль Монтеро, двоюродный внукъ Ламартина, разрѣшилъ редакціи журнала «Revue des deux mondes» снять съ нихъ копію и помѣстить въ февральской книгѣ. Весь интересъ этихъ писемъ заключается въ томъ: не слишкомъ ли идеализировалъ Ламартинъ предметъ своей любви, и дѣйствительно ли Жюли была такая чистая, цѣломудренная женщина, неземное созданіе, какою онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, ее представить. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствительной Эльвирѣ. Жюли-Франсуаза Дешереттъ родилась въ 1782 году въ Сенъ-Доминго въ семьѣ французскихъ креоловъ. Когда въ 1791 году черные избивали бѣлыхъ, семья Дешереттъ должна была спастись бѣгствомъ, во время котораго г-жа Дешереттъ погибла, а самъ Дешереттъ съ двумя дочерьми поселился въ Бретани. Жюли была помѣщена на воспитаніе въ учебное заведеніе, но не въ одинъ изъ домовъ Почетнаго Легіона, какъ представилъ Ламартинъ въ «Raphaël», такъ какъ въ это время ихъ еще не существовало. Точно также не вѣрно, что «знаменитый старецъ» отличилъ ее отъ другихъ воспитанницъ, во время своего посѣщенія для обзора заведенія. Подобный разсказъ не что иное, какъ повтореніе романа г-жи Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, которую увидѣлъ ея будущій мужъ во время осмотра пансіона, гдѣ она училась. На самомъ дѣлѣ Жюли, окончивъ ученіе, преспокойно переѣхала жить къ отцу въ Гранжъ, близъ Тура, и попала въ самую неблагопріятную обстановку, такъ какъ ея отецъ былъ пьяница, задорный, слабый и жестокій. Жизнь дѣвушки, несмотря на покровительство кроткаго дяди, становилась невыносимой, тѣмъ болѣе, что у нея были слабые нервы и плохое здоровье. Въ такой то незавидной обстановкѣ ее нашелъ Шарль, въ то время модный профессоръ пятидесяти семи лѣтъ, а не восьмидесяти, какъ представилъ его Ламартинъ, и человѣкъ вполнѣ цвѣтущаго здоровья. Жюли охотно дала свое согласіе на его предложеніе, считая его своимъ избавителемъ. Однако Шарлю пришлось бороться съ отцомъ Жюли, и только чрезъ пять недѣль послѣдній далъ свое согласіе на бракъ дочери. Семейная жизнь Жюли была спокойной и безмятежной; Шарль былъ прекрасный человѣкъ и берегъ свою, хотя молодую, но хворую жену. Въ его домѣ она встрѣтила кругъ друзей, придерживавшихся старыхъ традицій. Шарль полу-

чалъ пенсію отъ Людовика XVI и жилъ въ Луврѣ, гдѣ скрывалъ своего брата пастера, отказавшагося дать присягу; за это онъ едва избѣжалъ ареста, но никогда не былъ революціонеромъ, да еще «строгимъ революціонеромъ». Безмятежному спокойствію Жюли не суждено было длиться вѣчно. Ея здоровье ухудшалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней росло какое-то лихорадочное желаніе, необходимость расходовать себя, оказывать услуги, одолжаться, однимъ словомъ какое-то обманчивое желаніе дружбы, скрывавшее другое желаніе — болѣе нѣжнаго свойства. Ей было за тридцать лѣтъ—опасный возрастъ для женщины, почти умирающей, но еще не испытавшей любви. Въ такомъ настроеніи она пріѣхала въ началѣ іюля въ Ѳ. Вскорѣ она встрѣтилась съ Ламартиномъ, очаровательнымъ дикаремъ, выросшимъ въ деревнѣ, въ семьѣ строго-христіанской, и едва вышедшимъ изъ-подъ опеки отца. Правда, у него уже были кое-какія любовныя приключенія, но совершенно пошлыя, за исключеніемъ романа съ Граціеллой, но и здѣсь его сердце не играло роли. Въ то время, когда онъ встрѣтилъ Жюли, онъ находился въ трудномъ періодѣ—безъ занятій, безъ опредѣленной цѣли въ будущемъ; онъ скучалъ отъ бездѣйствія. Стихосложеніе было для него лишь препровожденіемъ времени, и онъ не думалъ дѣлать изъ него ремесла, тщательно стараясь добиться дипломатическаго поста. Отъ этого бездѣйствія его здоровье ухудшилось. Въ немъ смутно скоплялись всякаго рода стремленія, и онъ говорилъ въ своемъ признаніи Эмону Вирьё: «Я думаю, что, если бы на мое несчастіе я встрѣтилъ одну изъ тѣхъ женскихъ фигуръ, о которыхъ я мечталъ, то я такъ полюбилъ бы ее, какъ только могъ когда либо любить человѣкъ на землѣ». Наконецъ докторъ послалъ его въ Ѳ лѣчить болѣзнь печени. Онъ пріѣхалъ туда совершенно больной, страдая болѣзнью неудовлетворенной молодости, съ душою, тоскующей отъ неудовлетвореннаго желанія,—и встрѣтился съ Жюли. Что вышло изъ встрѣчи двухъ существъ, настроенныхъ въ униссонъ,—понятно всякому. Однако наступила осень, и надо было выйти изъ состоянія сказочнаго сна и вступить въ міръ дѣйствительности. Жюли поѣхала въ Парижъ, Ламартинъ—въ Милли, а потомъ въ Масонъ. Тамъ онъ принялся мечтать о поѣздкѣ въ Парижъ, но матеріальныя средства семьи были стѣсненныя. Впрочемъ счастье улыбнулось Ламартину: онъ узналъ, что его другъ Вирьё, отправившійся уже восемь мѣсяцевъ предъ тѣмъ въ Бразилію съ герцогомъ Люксембургъ, теперь возвратился въ Парижъ. 8 декабря Ламартинъ написалъ ему: «Я сгораю нетерпѣніемъ обнять тебя, такъ какъ я разсчитываю вскорѣ отправиться въ Парижъ, и это будетъ новымъ предлогомъ. Ничто не измѣнилось въ моемъ положеніи въ теченіе этихъ восьми мѣсяцевъ. Только одно мое сердце измѣнилось: увы! оно было счастливѣе во время твоего отъѣзда». 12 декабря Вирьё получилъ другое письмо, въ которомъ Ламартинъ просилъ его написать, что онъ приглашаетъ его пріѣхать и обѣщаетъ устроить мѣсто помощника префекта. Это было побудительной причиной, чтобы отецъ далъ денегъ на поѣздку въ Парижъ. Вирьё уступилъ одну изъ своихъ комнатъ въ домѣ маршала Ришелье. По пріѣздѣ въ Парижъ Ламартинъ немедленно явился къ Жюли, взявъ для приличія рекомендательное письмо отъ Вирьё, и вступилъ въ ея кружокъ. Первое свиданіе было прервано появленіемъ гостей, но, когда всѣ удалились, Жюли принялась за письмо. Это письмо полно горячей

любви и обожанія; въ немъ она называетъ Ламартина своимъ ребенкомъ и ангеломъ, котораго обожаетъ, упрекая «жестокихъ людей, ихъ разъединившихъ, которымъ они не сдѣлали никакого зла», и спрашиваетъ, что «общаго у васъ съ ними, что они вмѣшиваются между нами и говорятъ: не смотрите болѣе другъ на друга». Далѣе она благодаритъ небо, что оно вернуло ей ея Альфонса, и прибавляетъ, что оно справедливо, а потому, сблизивъ ихъ, не оторветъ внезапно другъ отъ друга. «Не люблю ли я васъ, какъ оно этого хочетъ, какъ сына, ангела и брата? А вы, вы, дорогое дитя, не обѣщали ли вы ему давно видѣть во мнѣ только мать?» Во второмъ письмѣ она опять повторяетъ много разъ, что онъ ея сынъ, и высказываетъ мысль что «мужчина долженъ пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ, а женщина подчиняться ему». «Какая я была бы хорошая женщина съ вами и какая обыкновенная съ другимъ! Что значитъ любовь! Какія добродѣтели внушаетъ она, когда предметъ, который ее зарождаетъ, достоинъ ея. Я чувствую, что мой Альфонсъ можетъ меня возвысить до прекраснаго». Въ этомъ письмѣ она касается посѣщенія Муни съ женою, приходя въ восторгъ отъ послѣдней, и говоритъ немного о политикѣ. Въ немъ проглядываетъ нѣчто болѣе, чѣмъ спокойная материнская любовь. «Я читала ваши стихи, или, скорѣе пожирала ихъ, дорогой Альфонсъ,—пишетъ она:—вы будете меня бранить, я въ этомъ увѣрена, но зачѣмъ же искушеніе было столь непреодолимо? Какъ же, имѣя ихъ на постели, я могла оставить ихъ, дорогое дитя, не исчерпавъ моего восторга и слезъ? О мой Альфонсъ, кто вамъ вернетъ Эльвиру? Кто будетъ такъ любимъ, какъ она? Кто этого заслуживаетъ? Эта ангельская женщина внушаетъ мнѣ даже въ могилѣ религіозный ужасъ. Я ее вижу такою, какой вы ее нарисовали, и спрашиваю себя, что во мнѣ есть, чтобы имѣть право на мѣсто, какое она занимала въ вашемъ сердцѣ. Альфонсъ, надо ее сохранить въ немъ, а я пусть буду всегда вашей матерью. Вы мнѣ дали это имя тогда, когда я думала, что заслуживаю другое болѣе нѣжное. Но съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла, чѣмъ была для васъ Эльвира, я увидѣла также, что вы не безъ размышленія почувствовали невозможность быть для меня не чѣмъ инымъ, какъ моимъ ребенкомъ. Я начинаю даже думать, что вы не должны быть ничѣмъ инымъ, и если я плачу, то потому, что не попалась на вашемъ пути, когда вы могли любить меня безъ угрызеній совѣсти, и прежде чѣмъ ваше сердце было израсходовано на другую. Что я сказала: израсходовано? Ахъ, простите, я вижу, что вы должны быть скорѣе тѣмъ, чѣмъ вы есть. Все дышитъ любовью въ вашихъ письмахъ до этого дорогого выраженія, которое вы создали! Не сказали ли вы сами, и не увѣрена ли я, что вы питаете ко мнѣ сыновнюю страсть? Дорогой Альфонсъ! я постараюсь довольствоваться ею. Пылкость моей души и моихъ чувствъ желали бы еще другой страсти вмѣстѣ съ этой, или, по крайней мѣрѣ, чтобы мнѣ было позволено любить васъ любовью и всевозможною любовью! Но если надо отъ васъ ее скрывать, о мой ангелъ, если вы настолько высоко въ небесахъ, что отталкиваете земныя страсти, то я смолкну, Альфонсъ. Я буду просить у Бога силы, и Онъ поможетъ мнѣ любить васъ, молча!» Это письмо слишкомъ краснорѣчиво выражаетъ земную страсть Эльвиры-Жюли, чтобы не разсѣять поэтическаго тумана, какимъ окуталъ ее Ламартинъ въ своемъ ро-

манѣ «Raphaël». Остается только невыясненнымъ, что именно помогло любви Эльвиры остаться столь чистой и въ то же время быть столь тревожной—цѣломудріе или таинственная болѣзнь, грозившая ей смертью, если она нарушитъ его. Ламартинъ еще приписываетъ себѣ обращеніе Эльвиры на путь христіанской вѣры. Онъ упорно настаиваетъ въ «Raphaël», что она, находясь среди ученыхъ и будучи женою профессора физики, неизбѣжно должна была заимствовать ихъ складъ ума, а потому признавала только существованіе Существа существъ, представляющагося для ума, какъ идея закона, и не вѣрила въ Провидѣніе, къ которому можно обращаться съ сердечной мольбой. Письма Жюли слишкомъ ясно опровергаютъ слова Ламартина, такъ какъ съ перваго письма въ Парижѣ въ нихъ на каждомъ шагу встрѣчается обращеніе къ Богу. Нельзя допустить, чтобы Жюли, мечтательная и печальная, на восемь лѣтъ старше Ламартина, утонченно культурная и чуткая, склонная къ религіознымъ чувствамъ и такъ свято относившаяся къ любви, скорѣе не повліяла бы сама на Ламартина, чѣмъ онъ на нее. Здоровье Жюли становилось все хуже, и когда Ламартинъ оканчивалъ «Le lac» 23-го сентября 1817 года, Жюли понемногу угасала въ Вирофлэ, куда ее перевезли въ самомъ печальномъ положеніи. Ламартинъ зналъ, что ея часы сочтены, но внезапно ей стало лучше, и она воспользовалась, чтобы ему написать. Ея послѣднее письмо серіозное, спокойное и оканчивавшееся словами: «Прощайте, мой другъ. Я васъ люблю, какъ добрая, нѣжная мать»,—было скорѣе ея послѣднимъ завѣтомъ и полной противоположностью сочиненнымъ Ламартиномъ письмамъ въ «Raphaël»; 18 декабря 1817 года она умерла. Къ ней пришелъ Вирьё, другъ Ламартина, взялъ распятіе, которое она цѣловала, и отнесъ его Ламартину. Горе Ламартина было глубоко, и когда его мать пріѣхала въ Мили, то увидѣла его спокойнымъ, печальнымъ, болѣе чѣмъ когда зарывшимся въ книги , а иногда писавшимъ стихи; онъ никогда ихъ не показывалъ, такъ какъ выраженное въ нихъ горе было еще слишкомъ свѣжо; это были «L'Isolement», «Le Désespoir», «Le Chrétien mourant», «Le Soir», «L'Apparition», «Souvenir», «Les Etoiles» и «Le Vallon». Жюли умерла, а вмѣсто нея стала жить Эльвира.

— Отголоски прошлогоднихъ юбилеевъ. Въ только что окончившемся году прошли незамѣченными два юбилея: во Франціи популярнаго романиста Эженя Сю, а въ Англіи знаменитаго государственнаго человѣка и романиста—Дизраэли. Французы только теперь догадались устроить литературное торжество въ честь автора «Парижскихъ Тайнъ» и одного изъ первыхъ соціалистовъ во Франціи. Двое современныхъ раціоналистовъ и друзей народа: Клеманъ Голь и Луи Мантлэ, образовали комитетъ для организаціи юбилея Эженя Сю, и хотя они немного опоздали, такъ какъ столѣтіе его рожденія было 10-го декабря прошлаго года, но все-таки 15-го января 1905 года состоялась многолюдная манифестація на Биржѣ Труда. Предсѣдателемъ собранія былъ депутатъ Сены, Фердинандъ Бюссонъ, а его помощниками два другихъ члена парламента—Поль Мёнье и Луи Мартэнъ; каждый изъ нихъ произнесъ горячую, пламенную рѣчь. Затѣмъ слѣдовали лекція сорбонскаго профессора Поля Вибера и чтеніе поэтическихъ произведеній въ честь Сю и отрывковъ изъ «Парижскихъ Тайнъ» и «Вѣчнаго Жида». Торжество закон-

чилось исполненіемъ музыкальныхъ произведеній—вокальныхъ и инструментальныхъ. Конечно, главнымъ предметомъ этихъ литературныхъ поминокъ было чествованіе юбиляра, какъ соціалиста. Извѣстно, соціализмъ во Франціи возникъ передъ революціей 1848 года, и въ литературѣ его распространили Пьеръ Леру въ своемъ сочиненіи «Humanité», Жоржъ Сандъ въ «Consuelo», Мишлэ въ «Peuple». Обращаясь къ рабочимъ, Ламнэ говорилъ впервые: «Вы можете громко говорить, вы можете требовать, чтобы васъ считали за что нибудь, такъ какъ вами существуетъ все общество». Эжень Сю былъ также увлеченъ въ общій водоворотъ; изъ свѣтскаго франта, основателя Жокей-Клуба, автора свѣтскихъ романовъ, онъ обратился въ народолюбца и народнаго писателя. Его другъ, радикалъ Феликсъ Піа, такъ описываетъ это замѣчательное превращеніе. «Однажды я повезъ Эженя Сю,—говоритъ онъ,—франтовски одѣтаго, въ перчаткахъ, лакированныхъ сапогахъ, пестромъ галстукѣ, однимъ словомъ одѣтаго фатомъ, къ рабочему, литографу Фюжеру, который принялъ насъ съ обнаженными, почернѣвшими отъ труда руками. Онъ говорилъ съ нами очень симпатично, горячо, съ пыломъ, а простой супъ, которымъ онъ насъ угостилъ, пришелся намъ по вкусу. Романистъ былъ побѣжденъ.—Я соціалистъ,—сказалъ онъ мнѣ, выходя на улицу. Съ этой минуты онъ принялся писать свой популярный, народный романъ: «Тайны Парижа», и напечаталъ его въ фельетонахъ «Journal des Débats». «Слава этой народной эпопеи достигла громадныхъ размѣровъ, а популярность Эженя Сю была окончательно закрѣплена «Вѣчнымъ Жидомъ», появившимся на страницахъ «Le Globe». Въ этомъ романѣ къ соціальнымъ и радикальнымъ идеямъ онъ прибавилъ еще анти-клерикальныя, что окончательно сдѣлало его баловнемъ французской демократіи. Въ 1848 году онъ участвовалъ въ революціонныхъ дняхъ и въ 1850 году былъ избранъ отъ департамента Сены депутатомъ въ законодательное собраніе, а 2-го декабря подвергся изгнанію и отправился въ Аннеси (въ Савойѣ). Съ этого времени и до дня смерти онъ жилъ тамъ. Кромѣ двухъ знаменитыхъ романовъ, онъ написалъ лучшее свое произведеніе: «Тайны народа», гдѣ изобразилъ исторію французскаго народа съ самыхъ дикихъ временъ до французской революціи и безконечное количество романовъ въ томъ числѣ: «Le Morne au diable», который въ настоящее время перепечатывается Жоресомъ въ его газетѣ «Humanité». Вообще, по случаю пропущеннаго буржуазной прессой юбилея Эженя Сю, многіе его романы перепечатываются въ народныхъ газетахъ, а Клемансо недавно помѣстилъ въ «Aurore» его «Тайны Парижа». Среди народныхъ слоевъ теперь составляется обширная подписка для воздвигнутія статуи этого популярнаго романиста на берегу озера Аннеси.

Юбилей Дизраэли 21-го декабря 1904 года также не былъ ознаменованъ въ Англіи ни политическимъ ни литературнымъ торжествомъ. Впрочемъ въ настоящее время въ литературномъ мірѣ происходитъ нѣкоторое движеніе въ пользу автора, если не популярныхъ, то довольно извѣстныхъ романовъ. Два изъ нихъ: «Вивіанъ Грэй» и «Революціонная эпопея», вышли новымъ изданіемъ, а въ «Times»'ѣ напечатаны девять главъ изъ неизданнаго романа Дизраэли, который написалъ ихъ въ послѣдніе дни своей жизни. Многіе изъ сторонниковъ автора съ нетерпѣніемъ ожидали появленія его посмертнаго произ-

веденія, но оно произвело всеобщее разочарованіе. «Этого романа совершенно достаточно для того, чтобы окончательно разсѣять мыльный пузырь славы Дизраэли,—говоритъ критикъ журнала «Academy».—Это произведеніе стараго, больного человѣка, но старый и больной человѣкъ, когда либо имѣвшій настоящій литературный талантъ, никогда не написалъ бы ничего подобнаго, до такой степени это новое произведеніе дышитъ съ первой строчки до послѣдней невозможной вульгарностью. Конечно, авторъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы не прикрыть этой вульгарности внѣшнимъ блескомъ, но все-таки она просвѣчиваетъ на каждомъ шагу». Мало этого, Дизраэли въ послѣднемъ произведеніи вывелъ своего знаменитаго соперника Глэдстона и, умирая, написалъ неприличный пасквиль, хотя скрывая имя Глэдстона подъ именемъ Джозефа Топлэди Фальконета, но эта маска чрезвычайно прозрачна: герой автора имѣетъ въ своемъ имени и фамиліи столько же буквъ, сколько Глэдстонъ, и, кромѣ того, оба они написали латинскій переводъ англійской поэмы. Правда, другой газетный критикъ увѣрялъ, что Дизраэли намѣренъ былъ вывести не Глэдстона, а Маколея, чѣмъ хочетъ немного его оправдать, но это совершенно тщетно, такъ какъ пасквиль «юркаго Дизи» на «народнаго Вилльяма» совершенно ясенъ. Несмотря на эту, болѣе чѣмъ неприличную, посмертную выходку лорда Биконсфильда, въ Англіи находятся люди, которые стараются его обѣлить во всѣхъ отношеніяхъ. Къ нимъ относятся Вольтеръ Ситчей, авторъ недавно вышедшей книги: «Дизраэли: изслѣдованіе его личности и идей», а также Горасъ Самюэль, написавшій въ февральскомъ номерѣ «Fortnightly Review» очеркъ: «Веніаминъ Дизраэли». Первый старается всѣми силами не только сдѣлать изъ него величайшаго человѣка Англіи, но и великаго романиста, слава котораго переживетъ даже его политическую популярность. Второй же одинаково пытается психологически очертить его замѣчательную фигуру, какъ государственнаго человѣка, такъ и романиста. По его словамъ, онъ былъ одолженъ своему еврейскому происхожденію энергіей и умѣніемъ, которыя вывели его въ люди, при чемъ онъ выказалъ себя столь же типичнымъ англичаниномъ, сколько типичнымъ евреемъ. Въ томъ же журналѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, именно въ ноябрѣ, Левисъ Мельванъ также помѣстилъ разборъ романовъ Дизраэли, но этотъ трудъ гораздо серіознѣе и трезвѣе перваго. Авторъ находитъ, что вообще англійскіе критики относятся несправедливо къ романическимъ произведеніямъ Дизраэли, и что, во всякомъ случаѣ, его слѣдовало бы отнести къ классическимъ писателямъ, благодаря замѣчательному уму, блестящему изложенію и юмору, которыми отличается каждая страница его свѣтскихъ и политическихъ романовъ. Наконецъ, офиціальная біографія лорда Биконсфильда, трудъ писателя Мониппэни, подвигается, хотя не быстро, и выйдетъ въ свѣтъ черезъ два года. Особое прибавленіе къ этой книгѣ составитъ только что напечатанный посмертный романъ Дизраэли.

Хотя столѣтіе французскаго гражданскаго кодекса пришлось 21-го марта прошлаго года, его юбилей отпраздновался только 30-го октября, что̀ не мѣшало празднеству быть торжественнымъ, благодаря присутствію президента республики и передовыхъ юристовъ Франціи. Не обошлось, конечно, безъ большого скандала со стороны женщинъ-депутатокъ противъ прославленія кодекса,

какъ поддерживающаго угнетеніе прекраснаго пола. Онѣ придумали забавную форму протеста,—наполнить залу Сорбонны, гдѣ происходило торжество, маленькими воздушными шарами съ надписью: «Долой кодексъ, губящій женщинъ и позорящій республику!» Но эта продѣлка не имѣла успѣха, такъ какъ имъ не удалось спустить шаровъ; зато вечеромъ тѣ же женщины, подъ предсѣдательствомъ Маргариты Дюранъ, устроили серіозный митингъ, на которомъ было прочитано письмо извѣстныхъ романистовъ, Поля и Виктора Маргерить, которые краснорѣчиво протестовали противъ кодекса, какъ не признававшаго законныя права женщинъ. «Кодексъ устарѣлъ,—говорятъ они,—и заслуживаетъ не гирляндъ и офиціальныхъ похвалъ, а могильнаго заступа». Совершенно иначе относится къ такъ называемому наполеоновскому кодексу принцъ Наполеонъ, теперешній бонапартистскій претендентъ, въ письмѣ къ историку Вандалю, которое помѣщено въ ноябрьской книжкѣ «Le Carnet». Онъ распространяется въ краснорѣчивомъ панегирикѣ законодательству, существующему не только во Франціи, но и въ половинѣ Европы. При этомъ онъ увѣряетъ, что этотъ кодексъ освѣтилъ принципы революціи и навѣки будетъ славнымъ памятникомъ Наполеона-Миротворца. Но самый главный памятникъ этому юбилею воздвигнутъ на-дняхъ въ видѣ изданія обширнаго серіознаго труда, подъ названіемъ «Книги Юбилея», въ двухъ томахъ. Этимъ замѣчательнымъ литературнымъ и научнымъ произведеніемъ занялось общество законодательныхъ занятій и отнеслось къ своей задачѣ бросивъ историческій и критическій взглядъ на гражданскій кодексъ. Въ числѣ авторовъ отдѣльныхъ статей, вошедшихъ въ составъ книги, участвовали не только замѣчательные французскіе юристы, но и профессора иностранныхъ университетовъ, такъ что составился сборникъ разнообразныхъ и безпристрастныхъ взглядовъ на великій законодательный трудъ. Авторы отдаютъ полную справедливость замѣчательной работѣ, исполненной сто лѣтъ тому назадъ французскими законодателями: Трельяромъ, Камбасерессомъ, Мерленомъ, Пурталиссомъ и другими, мимоходомъ не забывъ и заслуги въ этомъ случаѣ Наполеона, энергично поддерживавшаго ихъ общую дѣятельность. Въ то же время они признаютъ, что многое устарѣло въ этомъ законодательствѣ, и что необходимъ его пересмотръ, особенно въ отношеніи тѣхъ вопросовъ, которые далеко ушли впередъ въ теченіе этихъ ста лѣтъ, напримѣръ, законодательство о трудѣ, о женскомъ вопросѣ, о рабочихъ, о движимой собственности и такъ далѣе. «Намъ необходимъ другой кодексъ, противоположный нынѣшнему,—говоритъ извѣстный соціалистъ Ренэ Вивіани:—другой памятникъ, который былъ бы созданъ не изъ легкихъ листовъ бумаги, а изъ твердыхъ камней. Намъ необходимо настоящее революціонное зданіе, состоящее изъ столѣтнихъ трудовъ не революціи, а эволюціи».

Изъ юбилеевъ прошлаго года славнѣйшимъ былъ, конечно, по случаю шестисотлѣтняго дня рожденія Петрарки, и съ тѣхъ поръ постоянно въ честь его выходятъ книги и статьи на различныхъ языкахъ. Во Флоренціи появилось сочиненіе Карло Сегрэ: «Studi Petrarcheschi», въ которомъ авторъ сравнивалъ эклоги Петрарки подъ названіемъ: «Презрѣніе къ міру», съ сочиненіями св. Августина, котораго поэтъ глубоко уважалъ. По словамъ автора, Петрарка

отличался отъ Августина тѣмъ, что его духъ былъ вѣчно безпокоенъ, и что онъ далъ новому времени великій, хотя и горькій символъ: «страдать, чтобы дѣйствовать». Другой итальянскій писатель Витторіо Чіанъ помѣстилъ въ журналѣ «Nuova Antologia» любопытную статью о канцонахъ Петрарки, въ которыя онъ вложилъ весь свой геній: «Прекрасные глаза Лауры,—восклицаетъ онъ въ одной изъ этихъ канцонъ,—открыли мнѣ источникъ безконечной любви ея сердца, и, благодаря ей, возникли эти произведенія, которыя, я надѣюсь, сдѣлаютъ меня безсмертнымъ». Надежда Петрарки исполнилась, и онъ сталъ «первымъ человѣкомъ новаго времени». Англійскій писатель Мильсъ ознаменовалъ юбилей Петрарки страннымъ, оригинальнымъ сочиненіемъ подъ названіемъ «Тайна Петрарки». Эта книга состоитъ изъ двухъ частей: во-первыхъ, изъ изслѣдованія подлинности личности Лауры, ея мѣсторожденія, резиденціи и предполагаемой дѣвственности, а, во-вторыхъ, изъ написанной бѣлыми стихами поэмы, подъ названіемъ «Сердечной драмы», гдѣ описывается нѣсколько свиданій знаменитыхъ любовниковъ. И въ той и другой половинѣ встрѣчается много фантастическаго, и вообще Мильса нельзя причислить къ серіознымъ критикамъ Петрарки. Онъ развиваетъ цѣлую теорію, на основаніи которой Лаура родилась и провела всю свою жизнь на фермѣ близъ Комона, маленькаго городка на полдорогѣ между Авиньономъ и Воклюзомъ. По его увѣренію, она никогда не была замужемъ, и ее похоронили въ часовнѣ, сосѣдней съ ея домомъ. Эта легенда основана на преданіи, слышанномъ неаполитанскимъ гуманистомъ Галіота и повторенномъ профессоромъ Фламини, но самъ Петрарка ее опровергаетъ, утверждая, что Авиньонъ—городъ его возлюбленной. Точно также не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Лаура была женою Гюга де Сада, и самъ Петрарка говоритъ, что онъ увидѣлъ ее впервые въ Авиньонѣ, и она похоронена въ францисканской церкви того же города. Не менѣе оригиналенъ и своеобразенъ разсказъ Т. Сулливана: «Рука Петрарки», напечатанный въ ноябрьской книжкѣ «Scribner's Magazine». Это—поэтически-фантастическая легенда о томъ, что другъ Петрарки, мессеръ Энрико Капра, золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Бергамо, взялъ съ него обѣщаніе написать копію съ его итальянскихъ канцонъ. Для храненія этой драгоцѣнности Капра сдѣлалъ великолѣпную шкатулку и нѣсколько лѣтъ ожидалъ исполненія обѣщанія, но, несмотря на то, что великій поэтъ поручился ему своей правой рукой исполнить свое клятвенное обѣщаніе, онъ умеръ, не приславъ изъ Арки драгоцѣнной рукописи. Капра пришелъ въ отчаяніе и отправился въ Арку, гдѣ колдунья ему сказала, что Петрарка безпокойно лежитъ въ своей могилѣ отъ неисполненной клятвы, и его можно успокоить, только отрѣзавъ ему руку, и этимъ исполнится его обѣщаніе. Капра повиновался; онъ вскрылъ могилу Петрарки, отрубилъ ему руку и, вернувшись домой, положилъ ее въ драгоцѣнное хранилище. Онъ прожилъ не болѣе десяти лѣтъ послѣ Петрарки и завѣщалъ похоронить вмѣстѣ съ собою золотую шкатулку. Съ тѣхъ поръ эта легенда повторялась въ Аркѣ, гдѣ до сихъ поръ увѣряютъ, что Петрарка лежитъ въ своей могилѣ безъ правой руки.

— Смерть и похороны Луизы Мишель. 9-го января, умерла въ Марселѣ Луиза Мишель, которую одни звали «красной дѣвой и доброй Луизой», а

другіе петролейщицей, сумасшедшей и истеричной. Она родилась въ замкѣ Вронкуръ, въ департаментѣ верхней Марны 29-го марта 1830 г. и была дочерью горничной. Въ дѣтствѣ Луиза находилась на попеченіи своего стараго дѣда, ученика философовъ XVIII вѣка. Несмотря на ея незаконное рожденіе, онъ забавлялся ея воспитаніемъ на основаніи философскихъ принциповъ. «Дѣдушка,—разсказываетъ Мишель въ своей автобіографіи,—мнѣ представлялся съ различныхъ точекъ зрѣній: то онъ разсказывалъ мнѣ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ эпическія событія революціи, то съ саркастической проніей Вольтера и съ остроуміемъ Мольера онъ объяснялъ мнѣ книги, которыя мы читали вмѣстѣ, то съ пророческимъ предвидѣніемъ говорилъ онъ о вещахъ, которыя онъ предвидѣлъ въ будущемъ. Мы съ нимъ со слезами на глазахъ предвкушали живые образы будущаго прогресса и благородныя побѣды науки. Сидя на травѣ, мы читали все, начиная съ «Magasin pittoresque» и «Musée de famille», кончая Викторомъ Гюго, Ламартиномъ, Корнелемъ, Ламенэ и т. д.». Когда умеръ дѣдъ, то Луиза принуждена была съ своей матерью покинуть Вронкуръ, не имѣя ни та ни другая куска хлѣба. Мишель начала давать уроки, и любопытенъ отзывъ о ней, какъ объ учительницѣ, молодого академическаго инспектора, впослѣдствіи извѣстнаго писателя Фажэ: «способная учительница, но обладающая болѣе воображеніемъ и сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ и благоразуміемъ». Находясь въ сельской школѣ Оделонкурской общины, она начала выражать сочувствіе къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ; несмотря на то, что еще были времена имперіи, она собирала и распускала школу съ пѣніемъ «Марсельезы». Въ мѣстной газетѣ городка Шомона она писала фельетоны, въ которыхъ сравнивала императора съ Доминиціаномъ, за что ее призвалъ префектъ и объяснилъ ей, что если бы она не была такъ молода, то сослали бы ее въ Кайену. Луиза выслушала его съ улыбкой и продолжала писать въ томъ же духѣ. Въ началѣ франко-прусской войны она была учительницей въ Батиньолѣ, а во время осады Парижа служила сестрой милосердія и ухаживала за ранеными подъ непріятельскимъ огнемъ. Когда была провозглашена коммуна, то Луиза была уже пламенной и убѣжденной революціонеркой. Она одна изъ первыхъ женщинъ надѣла мундиръ національной гвардіи и не покидала его, пока длилось возстаніе. Вступившія въ Парижъ версальскія войска взяли Луизу съ ружьемъ въ рукахъ въ плѣнъ, и 16 декабря 1871 года она была отдана подъ военный судъ, приговорившій ее къ ссылкѣ въ укрѣпленную крѣпость. Несмотря на всѣ увѣренія судей, что наказаніе ей будетъ смягчено, если она раскается, пламенная революціонерка не хотѣла ни о чемъ слышать и только написала женѣ министра Жюля Симона: «Друзья, не зная моего характера, просятъ за меня о снисхожденіи, но я ничего подобнаго не просила; я только хлопочу предъ вами о судьбѣ моей матери. Я всецѣло отдала свое сердце революціи, сознавая, какой отвѣтственности подвергаюсь; я не боюсь ни ссылки, ни смерти, но, кажется, я ничѣмъ не заслужила, чтобы мнѣ приписывали подлыя намѣренія. Если узникъ имѣетъ какое либо право, то лишь право сохранить свою честь незапятнанной». Ея товарищи по изгнанію въ Новую Каледонію, и между прочимъ знаменитый Рошфоръ, называютъ Луизу Мишель старшей сестрой несчастныхъ и распро-

страняются о ея человѣколюбіи и добротѣ, которая обращалась даже на животныхъ. «Осторожнѣе, не подходите ко мнѣ, у меня въ карманѣ слѣпая кошка»,—сказала она ему однажды. Если бы не друзья, то она умерла бы съ голода, отдавая свою порцію другимъ голоднымъ. По возвращеніи изъ ссылки, Луиза Мишель приняла участіе въ мятежѣ 9-го марта 1883 года на бульварѣ Сенъ-Жерменъ, и ее судили за грабежъ булочной, хотя она увѣряла, что поддерживала только голодныхъ и несчастныхъ. Ея защитникъ призвалъ свидѣтелемъ Рошфора, который далъ слѣдующее показаніе: «меня удивляетъ подобное обвиненіе, я хорошо знаю Луизу Мишель. Въ Новой Каледоніи ея хижина была рядомъ съ моею, и мнѣ хорошо извѣстно, что она во время путешествія и на полуостровѣ Дюко во всемъ себѣ отказывала: спала на полу или землѣ, ходила босая и ничего не ѣла, чтобы давать несчастнымъ все, что только могла». Нѣсколько разъ Луиза перебивала Рошфора, говоря: «Молчите! молчите!» Наконецъ она не выдержала и сказала: «Я просила г. Рошфора не защищать меня, онъ заставляетъ меня слишкомъ страдать, и я умоляю его уйти». Рошфоръ удалился, и Луизу приговорили къ шести годамъ тюремнаго заключенія. Въ тюрьмѣ она раздавала все, что получала, болѣе несчастнымъ, чѣмъ она, а маленькую пенсію, выдаваемую ей Рошфоромъ, отсылала своей старой матери, которая вскорѣ умерла. Выпущенная на свободу, она стала произносить зажигательныя рѣчи въ общественныхъ собраніяхъ, за что снова попала въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ. По необъяснимой до сихъ поръ причинѣ, въ 1888 году, какой-то рабочій, по имени Люкасъ, выстрѣлилъ въ нее изъ пистолета и поранилъ ей ухо. Это событіе произвело такое сильное впечатлѣніе на всю Францію, что герцогиня Дюзе посѣтила ее послѣ покушенія и ухаживала за нею. Самымъ лучшимъ доказательствомъ ея неизмѣримаго человѣколюбія служило то обстоятельство, что она явилась на судѣ защитникомъ Люкаса и требовала къ нему снисхожденія. Принимая участіе во всѣхъ послѣдующихъ политическихъ смутахъ, она во время Буланжистскаго движенія бѣжала въ Англію съ своей неразлучной пріятельницей Шарлотой Вовель и основала тамъ международную школу. Пробывъ въ Лондонѣ семь лѣтъ и также, какъ прежде, раздавая бѣднымъ добываемыя ею средства, она вернулась во Францію въ 1895 году. Съ тѣхъ поръ, несмотря на свою старость и болѣзнь, она постоянно ѣздила изъ города въ городъ и произносила политическія рѣчи. Кромѣ своей пропаганды, она, съ цѣлью заработать немного денегъ для своихъ бѣдныхъ, писала много книгъ и брошюръ въ томъ же зажигательномъ духѣ. Изъ нихъ извѣстны: «Дочери народа», «Человѣческіе микробы», «Новая эра», «Мои мемуары», «Преступленіе эпохи» и т. д. Луиза пыталась съ цѣлью пропаганды писать и для театра, но безъ большого успѣха. Передъ смертью, уже семидесяти-четырехлѣтней старухой, она проповѣдывала соціалистическія идеи въ Марселѣ, гдѣ застала ее смерть. Друзья перевезли ея тѣло въ Парижъ и съ большимъ торжествомъ похоронили на кладбищѣ Леваллуа-Перрэ. Извѣстная соціалистка, г-жа Северинъ, произнесла на ея могилѣ краснорѣчивую рѣчь, а Себастьенъ Форъ, Камёлина, Жиро и другіе также помянули добрымъ словомъ «красную дѣву».

СМѢСЬ.

ОТКРЫТІЕ Суворовскаго музея. 13-го ноября въ Высочайшемъ присутствіи послѣдовало открытіе Суворовскаго музея при Николаевской академіи генеральнаго штаба. Изъ Суворовской церкви во второмъ часу дня съ пѣвчими лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и духовенствомъ вышелъ крестный ходъ, въ которомъ были несены хоругви и суворовскія иконы въ главный залъ музея. Въ углу его, передъ нишей, гдѣ помѣщенъ иконостасъ церкви Таганрогскаго полка, приготовлено мѣсто для богослуженія. Между тѣмъ большой залъ постепенно наполнялся приглашенными. Слѣва образовался плотный полукругъ изъ офицеровъ—слушателей академіи; справа сосредоточились лица гражданскаго вѣдомства, архитекторы, художники, администрація; прибыло множество генераловъ всѣхъ родовъ оружія, начальники военно-учебныхъ заведеній, командиры гвардейскихъ полковъ и частей, депутаціи отъ войскъ арміи, отъ Суворовскаго кадетскаго корпуса во главѣ съ директоромъ, командиры Фанагорійскаго полка, 1-го донского казачьяго имени генералиссимуса князя Суворова полка, 2-го драгунскаго полка и др., депутаціи отъ С.-Петербургской городской думы (городской голова Леляновъ, генералъ Дурново, гласный Потѣхинъ), отъ Боровичской думы (городской голова г. Шульгинъ и членъ управы), родственники покойнаго фельдмаршала—внуки, г-жа Хитрово съ двумя сыновьями пажами, г-жа Козлова съ дочерью, г. Молоствовъ, сыновья графини Зубовой. Скоро въ залѣ образовалось плотное кольцо изъ блестящей публики, упиравшееся въ новый бюстъ Суворова, возлѣ котораго стояли въ парадныхъ кафтанахъ пѣвчіе. Въ числѣ высокихъ военныхъ чиновъ были генералъ-адъютанты: андреевскій кавалеръ графъ Воронцовъ-Дашковъ, министры: военный Сахаровъ, Императорскаго Двора баронъ Фредериксъ, народ-

наго просвѣщенія ген.-лейт. Глазовъ; генералъ-адъютанты: графъ Игнатьевъ, Гессе, князь Васильчиковъ, князь Амилахвари, с.-петербургскій градоначальникъ Фуллонъ; свиты ген.-м.: Мосоловъ, Епанчинъ, Сперанскій, Порѣцкій, и другія лица свиты, исполняющій должность начальника главнаго штаба ген.-лейт. Фроловъ; генералы: Столѣтовъ, Шиповъ, Штубендорфъ, Винбергъ, Тутолминъ, Бергъ, Остроградскій, Вернандеръ, Ридигеръ, Мешетичъ, Якубовскій, Газенкампфъ и прочіе; весь составъ академіи во главѣ съ начальникомъ ея, генераломъ Михневичемъ. Изъ представителей флота были адмиралы: Геркенъ, Лавровъ, Зеленый, контръ-адмиралъ Ниловъ, флигель-адъютантъ Рудневъ. Прибыли также военные агенты: французскій (генералъ Мулленъ), германскій, итальянскій, шведскій, сербскій и другіе. На улицѣ по сторонамъ крыльца стояли шпалерами нижніе чины полуэскадрона при академіи. Къ 2 часамъ пріѣхали великіе князья Алексѣй Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Димитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Николай Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе. Въ началѣ третьяго часа прибылъ Его Величество Государь Императоръ съ августѣйшимъ братомъ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ. Государь былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Протопресвитеръ Желобовскій соборнѣ совершилъ молебствіе, въ концѣ котораго были возглашены: царское многолѣтіе, вѣчная память воину князю Александру и всѣмъ воинамъ, на полѣ брани убіеннымъ и на моряхъ погибшимъ. Государь, духовенство и вся церковь опустились при этомъ на колѣна. Протодіаконъ возгласилъ затѣмъ многая лѣта русскому побѣдоносному воинству и покровителямъ военныхъ наукъ. Государь и великіе князья прикладывались ко кресту. При пѣніи «Спаси, Господи, люди Твоя», протопресвитеръ окропилъ музей и центральный бюстъ Суворова, и духовенство съ крестнымъ ходомъ обратно пошло въ Суворовскую церковь. Государь подробно затѣмъ осматривалъ музей. Объясненія давалъ начальникъ академіи. Его Величеству были представлены члены Суворовской комиссіи: строитель музея архитекторъ фонъ-Гогенъ, художникъ Шабунинъ. Государь бесѣдовалъ также съ внучками генералиссимуса. Въ нишѣ большого зала Государь и августѣйшія особы начертали свои имена въ книгѣ музея. Въ 3 часа Государь Императоръ и августѣйшія особы отбыли изъ музея. Въ торжественномъ засѣданіи академіи генеральнаго штаба, послѣдовавшемъ по отъѣздѣ изъ музея Высочайшихъ особъ, въ залѣ, украшенномъ портретомъ Суворова, начальникъ академіи объявилъ музей съ Высочайшаго соизволенія открытымъ и высказалъ надежду, что всѣ русскіе люди почтутъ память великаго русскаго полководца и не откажутся содѣйствовать увеличенію богатствъ музея новыми предметами. Правитель дѣлъ генералъ-майоръ Чистяковъ прочиталъ очеркъ возникновенія музея. Докладчикъ сообщилъ о щедрыхъ вкладахъ въ музей Государя Императора, о дарѣ профессора Энгельгардта, сообщилъ цифровыя данныя по сооруженію, изъ которыхъ видно, что переносъ и постройка Суворовской церкви обошлись въ 30.000 рублей, а сооруженіе музея около 35.000 рублей безъ обремененія казны. Академія будетъ хранить музей, въ которомъ представлена слава русскаго воинства и связанная съ ней слава всей могучей дорогой Россіи. Начальникъ

академіи представилъ въ краткихъ чертахъ біографію Суворова. Генералъ отмѣтилъ прежде всего въ немъ типъ прирожденнаго военнаго дѣятеля и представилъ въ общихъ чертахъ доказательства великаго ума Суворова и его большой образованности. Онъ былъ великій тактикъ и свои правила «глазомѣръ, быстрота и натискъ» осуществлялъ во всѣхъ кампаніяхъ. Суворова можно сравнить только съ Аннибаломъ и Цезаремъ, и, какъ Цезарь, Суворовъ строилъ свои планы побѣдъ на моральной сторонѣ войска. Его главнымъ правиломъ было наступленіе, которое подымаетъ духъ войска, даетъ ему иниціативу. Своими выходками Суворовъ шелъ въ разрѣзъ съ современными ему теоріями, но онъ клеймилъ сарказмами не науку, а схоластику, не искусство, а рутину. Генералъ въ заключеніе возгласилъ славу великому русскому полководцу. Среди массы слушателей, наполнившихъ большой залъ, были депутаціи, родственники Суворова, много генераловъ и министръ народнаго просвѣщенія.

Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. 29 декабря въ большой конференцъ-залѣ академіи наукъ состоялось торжественное собраніе императорской академіи наукъ. Среди академиковъ были президентъ академіи, великій князь Константинъ Константиновичъ, вице-президентъ Никитинъ, Розенъ, Радловъ, Рыкачевъ, Е. Голубинскій, Кони, Кондаковъ, Веселовскій, Ольденбургъ и много другихъ; среди публики находился министръ народнаго простѣщенія Глазовъ и кіевскій митрополитъ Флавіанъ. Непремѣнный секретарь, академикъ Ольденбургъ, прочелъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи наукъ за 1904 годъ. Отчетъ представляетъ общую картину дѣятельности академіи въ разнообразныхъ проявленіяхъ ея академической жизни. Академикъ Ольденбургъ прочиталъ отчеты по присужденію премій: 1) имени профессора Иванова—профессору Московскаго университета Петру Лебедеву, 2) Ломоновская премія въ 1.000 р.—профессору Н. А. Меньшуткину 3) премія имени графа Д. Толстого—золотая медаль—профессору Юрьевскаго университета Е. В. Пѣтухову. Академикъ Е. Голубинскій прочелъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности академіи, въ которомъ отмѣтилъ незамѣнимую утрату, которую понесло отдѣленіе въ лицѣ умершаго академика А. Н. Пыпина. Академикъ Кони сказалъ рѣчь, названную въ программѣ: «Страничка изъ жизни Пушкина». Послѣ рѣчи А. Ѳ. Кони были провозглашены имена вновь избранныхъ академіею въ почетные члены и члены-корреспонденты; въ почетные члены избраны: бывшій директоръ обсерваторіи Врера въ Миланѣ, профессоръ Скіапарелли, состоявшій съ 1874 года членомъ-корреспондентомъ академіи по разряду математическихъ наукъ, непремѣнный секретарь королевской академіи наукъ въ Берлинѣ, профессоръ Ауверсъ, состоявшій членомъ-корреспондентомъ съ 1873 года, заслуженный ординарный профессоръ въ Москвѣ И. М. Сѣченовъ, состоявшій членомъ-корреспондентомъ съ 1869 года, крылошанинъ и кустосъ львовской митрополитальной консерваторіи о. А. С. Петрушевичъ. Въ члены-корреспонденты избраны по астрономіи Сиръ Норманъ Локіэръ и директоръ астрофизической обсерваторіи Мадонэ Жансенъ; по математикѣ профессоръ въ Падуѣ Леви Чивита; по разряду физическому: членъ французскаго института

въ Парижѣ Г. Муассанъ; по разряду біологическому: членъ французскаго института въ Парижѣ профессоръ Сорбонны Дастръ, профессоръ въ Кенигсбергѣ Людвигъ Стида, директоръ зоологической станціи въ Неаполѣ профессоръ А. Дорнъ; по отдѣленію русскаго языка и словесности ординарный профессоръ императорскаго Казанскаго университета А. С. Архангельскій; по историко-филологическому отдѣленію (разрядъ историко-политическихъ наукъ) статистикъ Ѳ. А. Щербина, по разряду классической филологіи и археологіи директоръ московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ заслуженный ординарный профессоръ императорскаго Московскаго университета И. В. Цвѣтаевъ; по разряду лингвистики профессоръ въ Гиссенѣ Христіанъ Бортоломэ. Изъ отчета состоящей при императорской академіи наукъ постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ за 1904 годъ видно, что въ отчетномъ году въ распоряженіи комиссіи имѣлось 50.857 рублей 13 коп. Въ 22 совѣщаніяхъ комиссіи разсмотрѣно 522 ходатайства, изъ коихъ удовлетворено 420 и отклонено 102. Не разрѣшенными остались 5 ходатайствъ въ виду еще не выясненныхъ обстоятельствъ дѣла. Въ отчетномъ году изъ капитала Императора Николая II израсходовано 50.422 рубля 5 коп. Единовременныхъ пособій выдано 319 лицамъ на сумму 11.431 рублей 85 копеекъ, въ томъ числѣ 21 разъ для уплаты за обученіе дѣтей и въ 6 случаяхъ на расходы по погребенію, въ томъ числѣ въ 143 случаяхъ была оказана помощь въ общей сложности на сумму 6.134 рубля. Выдано пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, 94 лицамъ, на сумму 21.161 рубль 20 коп. Пенсій имени Императора Николая II выдано 49 лицамъ на сумму 17.829 рублей.

Комитетъ имени Михаила Дмитріевича Скобелева. Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія сестра покойнаго М. Д. Скобелева, княгиня Надежда Дмитріевна Бѣлосельская-Бѣлозерская, и нѣкоторые изъ его бывшихъ сослуживцевъ и боевыхъ сподвижниковъ образовали комитетъ для сбора, путемъ добровольныхъ пожертвованій, капитала имени М. Д. Скобелева. Капиталъ этотъ предназначается для выдачи пособій воинскимъ чинамъ, потерявшимъ на войнѣ отъ ранъ или болѣзней способность къ труду. Въ составъ комитета, подъ предсѣдательствомъ княгини Н. Д. Бѣлосельской-Бѣлозерской, вошли: товарищемъ предсѣдательницы начальникъ Николаевской академіи генеральнаго штаба генералъ-майоръ Н. П. Михневичъ, членами—генералъ-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ, министръ путей сообщенія кн. М. И. Хилковъ, генералъ-адъютантъ свѣтл. кн. Д. Б. Голицынъ, генералъ отъ инфантеріи П. Д. Паренсовъ, свиты Е. И. В. генералъ-майоръ кн. К. Э. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, генералъ-майоры А. П. Масловъ, А. П. Эрдели и М. И. Ушаковъ, полковники А. В. Верещагинъ, Д. К. Абаціевъ и ротмистръ В. П. Воейковъ. Пожертвованія и прошенія о пособіяхъ слѣдуетъ направлять по слѣдующему адресу: Петербургъ, Суворовскій просп., 32, квартира начальника академіи, Скобелевскій комитетъ.

С.-Петербургское археологическое общество. I. 13-го ноября, подъ предсѣдательствомъ профессора С. Ѳ. Платонова, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія. Засѣданіе было оживленнымъ. Обсуждался докладъ Ѳ. А. Брауна: «Русскіе князья по исландскимъ сагамъ», сопровождавшійся горячими

преніями, въ которыхъ, между прочимъ; принимали участіе: сенаторъ графъ А. А. Бобринскій, профессоръ Н. Я. Гурляндъ, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ и др. лица. Докладчикъ, на основаніи изслѣдованныхъ имъ древнихъ сагъ, освѣтилъ прошлое изъ жизни первыхъ русскихъ князей—Рюриковичей. Данныя сагъ сообщаютъ намъ свѣдѣнія о русскихъ князьяхъ, начиная съ Владимира святого и кончая Владиміромъ Мономахомъ. Между прочимъ, саги указываютъ и на нѣкоторыя любопытныя особенности быта того времени. Такъ онѣ свидѣтельствуютъ о весьма самостоятельномъ и независимомъ положеніи, которое занимала женщина древней Руси. Жены князей играли видную политическую роль, имѣли свои собственныя матеріальныя средства, свои дворцы, свою дружину, принимая и въ общественной жизни своихъ мужей самое широкое участіе. Значительный интересъ представляетъ также указаніе сагъ на нѣкоторую финансовую зависимость князя отъ народнаго собранія. Сынъ св. Владимира полоцкій князь «Вартилафъ», какъ его называетъ сага, принимая на службу къ себѣ варяга Эймунда съ дружиною, говоритъ ему между прочимъ, что, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о наймѣ воиновъ, онъ долженъ спросить о томъ мужей своихъ, которые, по его словамъ, «даютъ ему деньги, а онъ ихъ только тратитъ». Затѣмъ князь дѣйствительно сзываетъ мужей своихъ въ «народное собраніе», передавъ на ихъ разсмотрѣніе вопросъ о наймѣ воиновъ. II. На состоявшемся 20-го ноября, подъ предсѣдательствомъ профессора И. В. Помяловскаго, засѣданіи классическаго отдѣленія общества, К. В. Хилинскій сообщилъ результаты своего изслѣдованія надъ греческими памятниками древности: побѣдными надписями пергамскаго царя Аттала I, жившаго во II столѣтіи до Р. Х. Царь этотъ велъ много войнъ, главнымъ образомъ въ Малой Азіи съ царями Сиріи Антіохомъ и Селевкомъ и съ галлами. Въ честь побѣдъ своихъ Атталъ воздвигъ въ Пергамѣ значительное число памятниковъ, которые представляютъ собою весьма интересный археологическій матеріалъ. Секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ прочелъ докладъ объ античныхъ издѣліяхъ изъ кости, хранящихся преимущественно въ римскихъ собраніяхъ предметовъ древности и изданныхъ Гревеномъ. Изданія эти относятся къ сравнительно позднему времени римской исторіи, къ императорской эпохѣ, большею частью къ IV—VI вѣкамъ по Р. Х. Главный интересъ ихъ заключается въ возможности путемъ детальнаго изслѣдованія установить весьма осязательную связь между издѣліями языческими и христіанскими. III. На состоявшемся 25-го декабря засѣданіи восточнаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ докладъ профессора Н. Я. Марра о монгольскомъ названіи христіанъ «аркаунъ». Происхожденіе этого слова давно уже занимаетъ востоковѣдовъ. Референтъ предложилъ гипотезу объ армянскомъ его происхожденіи въ промежутокъ времени съ VIII до XIII столѣтія христіанской эры. Въ этомъ періодѣ среди армянъ велась жестокая борьба двухъ религіозныхъ партій: халкедонитовъ и ихъ противниковъ. Послѣдніе остались побѣдителями. Халкедониты должны были покинуть страну. Невольные изгнанники направились въ разныя страны: значительная часть ихъ поселилась въ Грузіи и слилась съ грузинами; другая направилась въ Болгарію и Грецію; третья, занявшись торговлею, двинулась въ Среднюю Азію и основала тамъ колоніи.

Наиболѣе энергичные изъ армянъ-халкедонитовъ достигли даже Китая. Столкнувшись съ христіанами въ лицѣ армянъ, монголы назвали ихъ «аркаунъ» а затѣмъ названіе это распространилось и на всѣхъ остальныхъ христіанъ. Отъ Китая до Персіи, на всемъ обширномъ пространствѣ монгольскихъ владѣній, названіе христіанъ «аркаунъ» въ древнихъ офиціальныхъ документахъ является единственнымъ. За армянское происхожденіе слова «аркаунъ» говорятъ, по мнѣнію докладчика, какъ свидѣтельства древнихъ армянскихъ писателей, такъ и изслѣдованная докладчикомъ надпись на камнѣ (XIV столѣтія). Въ докладѣ, между прочимъ, была указана характерная черта, касающаяся отношеній халкедонитскаго монастыря въ Болгаріи къ грекамъ. Хотя была допущена полная свобода для поступленія въ монастырь для всѣхъ національностей, строго запрещалось, однако, принимать въ монахи грековъ. Они могли быть только писцами монастыря.

Общество любителей россійской словесности. 1-го декабря состоялось закрытое засѣданіе общества подъ предсѣдательствомъ В. А. Гольцева. Въ началѣ засѣданія В. А. Гольцевъ напомнилъ о постигшей общество утратѣ— смерти почетнаго члена академика А. Н. Пыпина, и предложилъ почтить его память вставаніемъ. Н. В. Давыдовъ сообщилъ свои воспоминанія о графѣ Ѳ. Д. Соллогубѣ († 1890 года) и прочелъ нѣкоторыя изъ неизданныхъ его стихотвореній. Племянникъ графа В. А. Соллогуба и Самариныхъ, онъ былъ разносторонне образованнымъ, необыкновенно своеобразнымъ и интереснымъ человѣкомъ. Это была прежде всего художественная натура, прекрасный рисовальщикъ, музыкантъ и поэтъ—изящный лирикъ и неподражаемый юмористъ. Страстный поклонникъ поэзіи Козьмы Пруткова, онъ былъ недюжиннымъ пародистомъ и выработалъ особую форму «испанскихъ» стихотвореній, которыя очень забавно высмѣивали напряженный, искусственный паѳосъ. Референтъ иллюстрировалъ свое сообщеніе многочисленными очень характерными данными изъ сочиненій графа Соллогуба и вызвалъ дружныя рукоплесканія собравшейся публики. Н. А. Янчукъ прочелъ докладъ: «Н. Ѳ. Щербина и его бумаги». Изложивъ въ общихъ чертахъ біографію этого забытаго нынѣ поэта, докладчикъ остановился главнымъ образомъ на его бумагахъ, поступившихъ въ библіотеку общества,—выпискахъ изъ разныхъ книгъ, записокъ произведеній народнаго творчества и т. д. Въ дѣйствительные члены избранъ В. Н. Ладыженскій.

НЕКРОЛОГИ.

Баранскій, Г. О. Неожиданно, въ расцвѣтѣ силъ, 9-го января, скончался одинъ изъ молодыхъ тружениковъ печати Георгій Осиповичъ Баранскій. Покойный родился въ 1878 году и происходилъ изъ бѣдной семьи. Одаренный отъ природы, вдумчивый и чуткій душою къ высшимъ запросамъ жизни — наборщикъ по профессіи,—покойный Баранскій съ юныхъ лѣтъ много читалъ и заботился о своемъ самообразованіи. Полтава, гдѣ Георгій Осиповичъ прожилъ до 22 лѣтъ, не могла удовлетворить потребностямъ покойнаго, который стремился въ столицу, какъ въ центръ умственной жизни. Но матеріальныя условія и чистая случайность занесли Г. О. въ Одессу, гдѣ онъ пристроился въ драматическую труппу, направившуюся въ г. Вознесенскъ на зимній сезонъ. Вскорѣ Г. О. возвращается обратно въ Полтаву, начинаетъ готовиться на аттестатъ зрѣлости и попутно помѣщаетъ статьи въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ». Мечты Баранскаго начинаютъ понемногу сбываться, и ему представляется возможность поѣхать въ Петербургъ. Литературный путь его на первыхъ шагахъ въ С.-Петербургѣ былъ очень тернистъ; много жизненныхъ невзгодъ пришлось вынести въ это время даровитому юношѣ, пока онъ не началъ работать въ качествѣ сотрудника-хроникера въ газетѣ «Биржевыя Вѣдомости»; здѣсь работа его длилась непрерывно до послѣднихъ дней. Одновременно покойный принималъ участіе въ журналахъ «Наборщикъ», «Живописное Обозрѣніе» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Артистическая дѣятельность покойнаго не исчерпывается провинціей,—прошлый сезонъ Г. О. игралъ въ Новомъ театрѣ въ труппѣ Яворской, гдѣ пользовался успѣхомъ въ нѣкоторыхъ роляхъ. Какъ человѣкъ и товарищъ, покойный пользовался любовью окружающихъ и неоднократно помогалъ имъ и словомъ и дѣломъ. Покойный точно предугадывалъ свою близкую смерть и еще наканунѣ ея вече-

ромъ въ кругу товарищей высказывалъ мысль о близкой кончинѣ. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8613; «Полтавскій Вѣстникъ», 1905 г., № 629; «Волгарь», 1905 г., № 20, и «Самарскій Курьеръ», 1905 г., № 207).

† **Бернардъ, Н. М.** 19-го января скончался одинъ изъ видныхъ нашихъ прежнихъ музыкальныхъ издателей Н. М. Бернардъ. Фирма Бернарда, прекратившаяся лѣтъ пять назадъ, насчитывала не менѣе 65 лѣтъ дѣятельности. Основанная отцомъ покойнаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ закончившагося столѣтія, она видѣла свой расцвѣтъ въ періодъ 50—70 годовъ, когда измѣнившіяся условія нашего музыкальнаго міра отразились на ней. Слабое здоровье владѣльца фирмы немало мѣшало ему слѣдить за музыкальными дѣлами съ тѣмъ интересомъ, который онъ абстрактно всегда проявлялъ къ нимъ. Покойный Н. М. издавалъ гораздо меньше своего отца, обративши особое вниманіе только на музыкальный журналъ «Нувеллистъ», который при немъ и подъ его руководствомъ достигъ извѣстнаго значенія и пріобрѣлъ большое распространеніе, особенно въ провинціи. Матеріальное благосостояніе Бернарда, бывшее раньше въ очень хорошемъ положеніи, разстроилось вслѣдствіе его антрепризъ съ итальянскою оперою. Онъ наконецъ вынужденъ былъ ликвидировать фирму. Покойный былъ не чуждъ литературѣ. Имъ написаны «Мрачные разсказы» и «Дѣтскіе разсказы». Въ обѣихъ книжкахъ, проникнутыхъ теплотою и сердечностью, виденъ несомнѣнный талантъ. По гуманности, отзывчивости и добротѣ Н. М. пользовался общею любовью не только своихъ служащихъ и лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣла, но и всѣхъ знавшихъ его. Онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ на 62 году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10373).

† **Бобровскій, П. О.** 3-го февраля скончался въ С.-Петербургѣ одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ людей, извѣстный военный историкъ, сенаторъ, генералъ отъ инфантеріи Павелъ Осиповичъ Бобровскій. Безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ трудился онъ надъ историческими изслѣдованіями, обогатившими нашу литературу, много поработалъ въ эпоху Д. А. Милютина, участвуя въ дѣлѣ реформъ по военному вѣдомству, по педагогической части, въ качествѣ начальника военно-юридической академіи содѣйствовалъ полному процвѣтанію этого высшаго заведенія и вообще оказалъ много важныхъ услугъ родинѣ. Всѣ ученые труды генерала Бобровскаго, начиная отъ описанія Гродненской губерніи и кончая исторіей Эриванскаго полка, представляютъ большую цѣнность. Въ первомъ трудѣ помимо обстоятельныхъ этнографическихъ данныхъ заключается крайне интересный историческій обзоръ о происхожденіи племенъ, въ которомъ изслѣдователь, на основаніи историческихъ памятниковъ и языка наличной массы населенія, доказываетъ, что край, занимаемый нынѣ Гродненской губерніей, былъ всегда русскимъ, что «почти съ самаго образованія Руси вѣра и языкъ славянскихъ племенъ между Припетью и Нѣманомъ всегда находились въ тѣсной связи съ племенами, жившими на сѣверъ, югъ и востокъ отъ этой губерніи». Какъ бы въ связи съ этимъ трудомъ находится брошюра П. О.—«Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племеннаго разграниченія славянъ Западной Россіи?», въ которой авторъ, полемизируя съ географомъ Эркертомъ, доказываетъ, что окатоличеннаго русскаго простолю-

дина нельзя считать полякомъ, и что при раздѣленіи славянъ Западной Россіи на русскихъ и поляковъ слѣдуетъ, прежде всего, принимать во вниманіе языкъ, а также нравы, обычаи и прочія характерныя племенныя особенности.

Солидной работой генерала Бобровскаго считается и его изслѣдованіе «Юнкерскія училища» въ трехъ объемистыхъ томахъ (1871—1874), широко задуманное и блестяще выполненное. Здѣсь подробно разсмотрѣны всѣ стороны этихъ военно-учебныхъ заведеній, условія ихъ существованія, ихъ педагогическое значеніе и проч. Его историко-юридическая монографія: «Артикулъ военный Петра Великаго» (2 тома), удостоена академіей наукъ большой золотой медали имени графа Толстого. Ему же принадлежитъ и изслѣдованіе о древней славянской супрасльской рукописи XI вѣка, открытой дядей генерала Бобровскаго, ученымъ славистомъ, пользовавшимся въ двадцатыхъ годахъ, при возрожденіи славянской науки, европейской извѣстностью: «Исторія русской греко-уніатской церкви до начала реформъ, приведшихъ уніатовъ Западной Россіи къ возсоединенію». Наконецъ, богатый вкладъ въ военную литературу представляютъ: его многотомная «Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго его величества полка за 250 лѣтъ», «Состояніе военнаго права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ», «Исторія старѣйшаго регулярнаго полка нашей арміи» и друг. Множество журнальныхъ статей и замѣтокъ разнаго содержанія генералъ Бобровскій помѣстилъ въ «Военномъ Сборникѣ», «Русской Старинѣ», «Педагогическомъ Сборникѣ», «Вѣстникѣ Западной Россіи», «Русскомъ Инвалидѣ», «Днѣ» Аксакова и другихъ изданіяхъ.

Сынъ доктора философіи и магистра правъ, Павелъ Осиповичъ Бобровскій происходитъ изъ древняго рода Дрогичинской земли, принадлежавшей галицкимъ князьямъ (нынѣ Бѣльскій уѣздъ, Гродненской губерніи), и родился 21-го марта 1832 года въ имѣніи Вакка, близъ Вильны. Воспитаніе онъ получилъ въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, давшемъ Россіи столько дѣятелей, прославившихся на различныхъ поприщахъ,—гдѣ пробылъ съ 1844 по 1849 г., послѣ чего для спеціальнаго образованія поступилъ въ Дворянскій полкъ. Окончивъ это заведеніе, онъ выпущенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ 7-го августа 1851 года. Съ началомъ крымской войны началась и его боевая дѣятельность, онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ екатеринбургскимъ полкомъ въ мало-валахскомъ отрядѣ и храбро сражался подъ Калафатомъ, а затѣмъ подъ Журжею. Война затихла, и П. О. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, курсъ которой съ отличіемъ окончилъ въ 1857 году и выпущенъ въ 1-й армейскій корпусъ старшимъ адъютантомъ. По порученію главнаго штаба имъ было составлено «Статистическое описаніе Гродненской губерніи», награжденное золотой медалью императорскаго русскаго географическаго общества. Служа батальоннымъ командиромъ 2-го Константиновскаго училища, онъ принималъ участіе въ преобразованіи этого училища, бывшаго Дворянскаго полка. Когда начались въ военномъ вѣдомствѣ реформы, Д. А. Милютинъ привлекъ къ разработкѣ ихъ полковника Бобровскаго. Состоя при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, онъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ Н. В. Исакова. Произведенный въ 1870 г. въ

генералъ-майоры, Н. О., спустя пять лѣтъ, былъ назначенъ начальникомъ военно-юридической академіи и училища и пробылъ въ этой должности вплоть до 1897 года, участвуя въ коренныхъ преобразованіяхъ этого учрежденія. Въ 1897 году ему повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, въ судебномъ департаментѣ. Генералъ Бобровскій былъ почетнымъ членомъ Александровской военно-юридической академіи и другихъ учрежденій и обществъ. (Некрологи его: «Слово», 1905 г., № 57; «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 28, и «Новое Время», 1905 г., №№ 10387 и 10390).

† **Владимировъ, А. П.** 29-го января скончался въ Петербургѣ на 75 году жизни членъ славянскаго благотворительнаго общества, одинъ изъ скромныхъ тружениковъ на литературномъ поприщѣ — Алексѣй Порфирьевичъ Владимировъ. Покойный родился въ Кинешмѣ. По окончаніи курса Московской духовной академіи былъ учителемъ и вскорѣ напечаталъ свою первую книгу «Книжка для милыхъ дѣточекъ» (сборникъ популярныхъ разсказовъ о явленіяхъ природы). Изучивъ въ совершенствѣ англійскій языкъ, онъ много переводилъ съ англійскаго. Въ Москвѣ въ шестидесятыхъ годахъ былъ главнымъ библіотекаремъ англійскаго клуба, а въ 1865 году онъ поѣхалъ на призывъ графа Муравьева въ Вильну, гдѣ устраивалъ виленскую публичную библіотеку изъ сотенъ тысячъ старинныхъ томовъ библіотекъ, конфискованныхъ при закрытіи римско-католическихъ монастырей. За это трудное дѣло былъ награжденъ орденомъ и чиномъ. Одновременно А. П. состоялъ штатнымъ преподавателемъ русскаго языка въ виленскомъ юнкерскомъ училищѣ и все свободное время посвящалъ журнальной и газетной работѣ. А. П. работалъ въ «Руси» Аксакова, въ «Новомъ Времени» (корреспонденціи изъ Вильны, Одессы и Сѣверо-Западнаго края), а также въ «Русскомъ Курьерѣ», въ «Вѣстникѣ Европы» и другихъ изданіяхъ. Издалъ цѣлый рядъ брошюръ съ популярнымъ изложеніемъ серьезныхъ вопросовъ: «Мясной вопросъ», «Чай и вредъ его», «За птицъ» и др. Послѣдніе годы жизни А. П. посвятилъ дѣятельности въ Славянскомъ обществѣ. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8643, и «Новое Время», 1905 г., № 10383).

† **Защукъ, А. І.** 30 января скончался въ Ялтѣ одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ Севастополя, отставной генералъ-майоръ Александръ Іосифовичъ Защукъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, родился въ 1828 году. По окончаніи курса въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ былъ произведенъ въ офицеры въ Орденскій драгунскій полкъ. Принималъ участіе въ Венгерской кампаніи въ 1848 г., въ турецкой войнѣ и въ севастопольской оборонѣ, когда былъ раненъ. Въ Севастополѣ состоялъ одно время ординарцемъ при главнокомандующемъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ. За военные подвиги получилъ два чина и нѣсколько орденовъ. Съ 1856 г. по 1880 г. покойный былъ послѣдовательно начальникомъ штабовъ 13-й и 32-й пѣхотныхъ дивизій и командиромъ полковъ Литовскаго и Старооскольскаго. Въ 1880 г. по болѣзни, вслѣдствіе полученной въ Севастополѣ раны, вышелъ въ оставку съ производствомъ въ генералъ-майоры. Покойный былъ извѣстенъ своими научно-литературными трудами: военно-статистическими очерками Херсонской губерніи и Бессарабской области, напе-

чатанными въ 1862 году. За послѣдній трудъ получилъ награду отъ военнаго министерства. Съ 1885 г. А. І. жилъ безвыѣздно вслѣдствіе болѣзни въ Ялтѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10386).

† **Грабовскій, В. В.** 2-го января скончался отъ паралича сердца помощникъ начальника матеріальной службы закавказской желѣзной, дороги Владимиръ Витольдовичъ Грабовскій. Покойный происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Кіевской губерніи. Родившись въ 1858 году, онъ скончался на 47 году жизни, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и недюжинныхъ дарованій. Въ минувшую русско-турецкую войну онъ, въ качествѣ вольноопредѣляющагося, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ противъ непріятеля въ отрядѣ наслѣдника цесаревича (впослѣдствіи императора Александра III) и за боевыя заслуги былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1880 года покойный поступилъ на службу на закавказскія желѣзныя дороги и прослужилъ почти 25 лѣтъ. Отличаясь высокой честностью, правдивостью и гуманнымъ отношеніемъ къ сослуживцамъ, В. В. Грабовскій снискалъ себѣ общее уваженіе и любовь. Обладая литературнымъ талантомъ, покойный сотрудничалъ въ газетахъ «Кавказъ», «Тифлисскій Листокъ», «Новое Обозрѣніе», «Черноморскій Вѣстникъ», «Каспій», «Кіевлянинъ» и др. Покойный заботился о разумныхъ развлеченіяхъ для служащихъ, устраивая спектакли, литературные вечера, и еще наканунѣ смерти распоряжался на устроенной въ зданіи управленія дорогъ елкѣ для дѣтей служащихъ, которыхъ онъ такъ любилъ. (Некрологъ его: «Кавказъ», 1905 г., № 6).

† **Ержемскій, А. К.** 31-го января скончался Александръ Константиновичъ Ержемскій. Покойный родился въ 1845 году. Окончивъ курсъ 1-й с.-петербургской гимназіи, поступилъ въ спб. технологическій институтъ, но вышелъ изъ него ранѣе окончанія курса. Въ 1873 году, совмѣстно съ А. Н. Канаевымъ, основалъ с.-петербургскую мастерскую учебныхъ пособій и игръ. На это дѣло А. К. вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ положилъ много труда и энергіи и правильною серьезною постановкою дѣла принесъ замѣтную пользу дѣлу воспитанія и обученія. Разработывая учебныя пособія, онъ принималъ участіе въ постоянной комиссіи по техническому образованію и состоялъ членомъ комиссіи по народнымъ чтеніямъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. А. К. работалъ между прочимъ надъ усовершенствованіемъ проекціонныхъ приборовъ и свѣтовыхъ картинъ, вырабатывалъ типы классной мебели и прочихъ принадлежностей класса. Занятіе фотографіей, первоначально для приготовленія картинъ къ проекціоннымъ фонарямъ, впослѣдствіи сдѣлалось его спеціальностью. Изучая всякое свое дѣло основательно, А. К. и въ этой отрасли достигъ глубокихъ знаній и въ художественномъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи, разработавшихъ ортохроматическую фотографію въ примѣненіи къ съемкѣ художественныхъ произведеній, и на многихъ выставкахъ въ Россіи и за границей удостоенъ наградъ за свои превосходныя работы. Спеціальная знанія по фотографіи А. К. дали основаніе пригласить его при учрежденіи Русскаго музея императора Александра II къ организаціи, а затѣмъ и къ завѣдыванію фотографическимъ отдѣломъ музея. Въ спеціальной фотографической литературѣ А. К. извѣстенъ своими

Сочиненіями по фотографіи. Изъ нихъ слѣдуетъ особенно отмѣтить «Самоучитель фотографіи», выдержавшій уже три изданія. Дѣятельность покойнаго въ Техническомъ обществѣ началась съ 1885 года. Работая въ качествѣ непремѣннаго члена фотографическаго отдѣла, организатора выставокъ, эксперта, предсѣдателя разныхъ комиссій, А. К. пріобрѣлъ общее уваженіе и любовь и въ 1900 году былъ избранъ предсѣдателемъ отдѣла. Въ этой должности оставался до своей кончины. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10386).

† **Карышевъ, Н. А.** 6-го февраля въ Москвѣ скончался одинъ изъ знатоковъ сельскаго хозяйства вообще и мелкаго крестьянскаго хозяйства въ частности, докторъ политической экономіи и статистики, Николай Александровичъ Карышевъ. Изъ множества его научныхъ работъ наибольшею извѣстностью пользуются «Экономическія бесѣды», въ которыхъ ясно, сжато и популярно изложены главнѣйшія основы политической экономіи. Сочиненіе это выдержало нѣсколько изданій. Затѣмъ въ своихъ диссертаціяхъ магистерской—«Вѣчно наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Западной Европы», и особенно въ докторской—«Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды», а также въ нѣсколькихъ другихъ научныхъ изслѣдованіяхъ онъ явился горячимъ поборникомъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, защитникомъ сельской общины и, можно сказать, впервые выяснилъ громадное значеніе для крестьянскихъ хозяйствъ внѣнадѣльныхъ арендъ. Имъ же составленъ цѣнный «Атласъ полѣсной статистики». Покойный родился въ 1855 году, кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета. Имѣя землевладѣніе въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, онъ занялся изученіемъ подворнаго хозяйства и одновременно разработкой многихъ мѣстныхъ вопросовъ, преимущественно экономическаго характера, печатая свои статьи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Днѣпрѣ», «Земствѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ» и другихъ изданіяхъ. Лѣсной институтъ пригласилъ его читать политическую экономію и статистику. Послѣ защиты магистерской диссертаціи въ 1885 г. отправился въ свое имѣніе и принялъ участіе въ земской дѣятельности, завѣдуя двѣнадцатью земскими начальными школами и преподавая нѣсколько предметовъ въ Гнѣдинскомъ ремесленномъ училищѣ, основанномъ редственникомъ покойнаго, извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Гнѣдинымъ. Съ 1888 г. по 1891 г. онъ былъ привать-доцентомъ Московскаго университета и читалъ прикладную политическую экономію, затѣмъ профессоромъ статистики въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. Въ 1893 г. защитилъ докторскую диссертацію. Въ послѣдніе годы онъ сосредоточилъ свою дѣятельность въ московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ. Кромѣ профессорскихъ занятій, покойный былъ однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства», въ которомъ не только печаталъ свои научно-популярныя статьи, но и велъ научно-экономическое обозрѣніе подъ заглавіемъ «Народно-хозяйственные наброски». (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10391).

† **Кочетовъ, Е. Л.** 26-го января въ Тульской губерніи скончался одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ «Новаго Времени», Евгеній Львовичъ Кочетовъ. Покойный родился въ 1845 г., происходилъ изъ дворянъ Тульской губерніи, первоначально воспитывался въ Тульской гимназіи, затѣмъ въ школѣ гвардей-

скихъ подпрапорщиковъ въ Петербургѣ. Въ 1863 г. вступилъ въ Лейбъ-Уланскій полкъ, участвовалъ въ подавленіи польскаго мятежа, по окончаніи котораго поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ. Затѣмъ покойный поступилъ на службу въ Московскую городскую думу и занялся литературой; въ 70-хъ годахъ имъ было выпущено нѣсколько книгъ: «Изъ недавнихъ воспоминаній», «Въ Сибирь на каторгу» и др., которыя имѣли значительный успѣхъ. Съ 1880 года Е. Л. Кочетовъ посвятилъ себя спеціально журналистикѣ, сначала у Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ составилъ себѣ имя подъ псевдонимомъ Евгенія Львова. Въ 1884 г. онъ перешелъ въ «Новое Время», гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ политическимъ корреспондентомъ, подписываясь «Русскій Странникъ» и прежнимъ псевдонимомъ. Политическія его статьи обращали всегда на себя вниманіе своей убѣжденностью, искренностью тона, горячностью. За это время имъ были написаны книги «Болгарія въ періодъ террора и анархіи», «Румелійскій переворотъ», «Правдивые разсказы» и «По студеному морю». Въ 1894 г. Е. Л. по приглашенію С. Ю. Витте поступилъ на службу въ министерство финансовъ и занялъ одну изъ вновь учрежденныхъ тогда только должностей агента министерства финансовъ въ Константинополѣ. Въ то же время онъ исправлялъ должность правительственнаго директора Черноморско-Дунайскаго пароходства. Въ 1902 г. назначенъ былъ агентомъ въ Америку, но вслѣдствіе сначала семейныхъ обстоятельствъ, а затѣмъ политическихъ осложненій не могъ оставаться въ этой должности и причислился къ министерству. Въ частной жизни такъ же, какъ и въ общественной, отличался всегда искренностью, энергіей и прямотой своихъ взглядовъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1905 г., № 10379, и «Южный Край», 1905 г., № 8350).

† **Куракинъ, Ѳ. В.** Скончался Ѳедоръ Владиміровичъ Куракинъ, въ былое время причастный къ повременной столичной печати. Покойный происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи, кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету и служилъ недолго по министерству народнаго просвѣщенія. Выйдя въ отставку, Ѳ. В. Куракинъ посвятилъ себя газетному труду и около тридцати лѣтъ писалъ по земскимъ вопросамъ въ «Голосѣ», «Новомъ Времени», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и др. газетахъ. Скончался онъ на 62-мъ году жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 10387).

† **Михаловскій, Д. Л.** 9-го февраля скончался въ своей скромной квартирѣ на углу Невскаго просп. и Перекупного переулка талантливый переводчикъ иностранныхъ поэтовъ и самъ оригинальный поэтъ Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій. Въ русской литературѣ стало меньше еще однимъ высокогуманнымъ, симпатичнымъ и даровитымъ дѣятелемъ, вся долгая литературная работа котораго такъ настойчиво была проникнута мотивами любви къ ближнему, вѣры въ прогрессъ и просвѣщеніе и поклоненіемъ передъ великими авторитетами и представителями западно-европейскихъ слова и мысли. Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій родился въ С.-Петербургѣ 26-го января 1828 года. Высшее образованіе онъ получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, окончивъ юридическій факультетъ котораго, Михаловскій служилъ сперва на Кав-

казѣ, затѣмъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ и впослѣдствіи по министерству финансовъ, въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, а также состоялъ при министрѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Литературная дѣятельность Михаловскаго, продолжавшаяся почти полъ-столѣтія, началась въ «Современникѣ», гдѣ онъ напечаталъ (1857 г., № 5) переводъ поэмы Байрона «Мазепа». Въ томъ же журналѣ онъ помѣстилъ свои очерки новѣйшей итальянской литературы (1859) и въ 60-хъ годахъ рядъ переводовъ изъ Байрона («Еврейскія мелодіи» и др. стихотворенія) и другихъ иностранныхъ поэтовъ. Затѣмъ онъ сотрудничалъ: въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1868—1880), гдѣ печаталъ переводы стихотвореній Лонгфелло, Теннисона, Дранмора, Ленау, Рюкерта, Эйхендорфа, Гейне, А. Мюссе, Фрейлиграта. Переводы изъ другихъ иностранныхъ поэтовъ, а также и свои оригинальныя стихотворенія Михаловскій печаталъ въ «Дѣлѣ», «Словѣ», «Вѣстникѣ Европы» (съ 1879 г.), «Семьѣ и Школѣ», «Русской Мысли» (1881—1889), «Живописномъ Обозрѣніи» и другихъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналахъ. Главные труды, которые выдѣлили Михаловскаго въ литературѣ, являются его переводы пяти драмъ Шекспира: «Юлій Цезарь», «Ричардъ II», «Генрихъ V», «Антоній и Клеопатра» и «Ромео и Джульетта» (Михаловскій также редактировалъ и вышедшее въ 1899 г. 5-е гербелевское изданіе «Полнаго собранія сочиненій» Шекспира), превосходный переводъ размѣромъ подлинника классической «Пѣсни о Гайаватѣ» Лонгфелло (въ «Современникѣ» 1866 г. и «Отечественныхъ Запискахъ» 1868—1869 гг., изданный затѣмъ въ 1876 и 1894 годахъ), переводъ «Записокъ Лоренцо Бенони» (Спб., 1861), гдѣ сообщаются достовѣрные факты біографіи знаменитаго борца за свободу и объединеніе Италіи—Мадзини. Михаловскій первый у насъ сталъ переводить историческіе романы извѣстнаго египтолога Георга Эберса, напечатавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1873 и 1877 гг.) переводы романовъ «Дочь египетскаго царя» и «Уарда». Ему же принадлежитъ переводъ соціально-бытового романа Германа Гримма «Непреодолимыя силы» и рядъ переводовъ другихъ нѣмецкихъ романовъ, напечатанныхъ имъ анонимно. Превосходно владѣя нѣсколькими европейскими языками, Михаловскій наравнѣ съ М. Л. Михайловымъ, Плещеевымъ, Мееиъ и П. И. Вейнбергомъ являлся однимъ изъ лучшихъ нашихъ переводчиковъ и по поэтическому дарованію, и по близости къ подлиннику. Въ особенности, напримѣръ, выдаются его переводы изъ «Чайльдъ-Гарольда» Байрона (въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1868 г., №№ 3 и 4), рядъ переводовъ стихотвореній изъ Лонгфелло (тамъ же, 1873—1874 и 1876—1877 гг.), Дранмора (тамъ же, 1875—1876 гг.), Томаса Гуда (1868—1869 гг.) и нѣкот. др. Какъ поэтъ оригинальный, Михаловскій выдавался менѣе замѣтно, чѣмъ какъ поэтъ-переводчикъ. Но и среди оригинальныхъ его стихотвореній есть вещи прекрасныя. Таковы, напримѣръ, его стихотворенія «Три могилы» («Русская Мысль» 1889 г.), «На сценѣ» и нѣсколько другихъ пьесъ, отмѣченныхъ несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ. Отдѣльно Михаловскій издалъ «Переводы иностранныхъ поэтовъ» (Спб., 1876 г.), при чемъ всю выручку отъ этого изданія пожертвовалъ Литературному фонду; затѣмъ слѣдовалъ сборникъ его стихотвореній «Поэтъ и муза» (Спб., 1880 г.), а изъ беллетристическихъ его произведеній

вышли: «Доброе слово пастыря. Эпизодъ изъ отечественной войны» и «Маленькіе герои и другіе разсказы» (Спб., 1894 г.). Человѣкъ высоко образованный и владѣющій превосходно иностранными языками, въ особенности нѣмецкимъ и англійскимъ, онъ удивительно улавливалъ психологію рѣчи переводимыхъ имъ классиковъ, и, самъ превосходный стилистъ, онъ умѣлъ эту рѣчь какъ нельзя совершеннѣе воплощать въ красивые обороты и періоды русскаго языка. Поэтому, когда на театрѣ Станиславскаго было рѣшено поставить «Юлія Цезаря» Шекспира, то завѣдующій театромъ остановился именно на переводѣ этой пьесы Михаловскимъ, какъ на переводѣ совершенномъ и наиболѣе удовлетворяющемъ передачѣ причудливой и оригинальной рѣчи геніальнаго драматурга.

Что касается его оригинальныхъ произведеній, то хотя они не могутъ быть отнесены къ образцамъ нашей первоклассной литературы, но всѣ они проникнуты именно тѣми индивидуальными чертами покойнаго писателя, которыя дѣлали его столь близкимъ и дорогимъ для всѣхъ его знавшихъ. Удивительная мягкость, теплота чувства проникаетъ всѣ его оригинальныя творенія, будя въ читателѣ лучшія струны души. Даже незадолго до своей смерти, можно сказать, стоя одною ногою въ гробу, онъ дрожащею и уже холодѣющею рукою набросалъ небольшое изящное стихотвореніе, гдѣ, прощаясь съ своимъ литературнымъ пегасомъ, спѣшитъ пригласить на упраздненное мѣсто новаго ѣздока, бодраго и смѣлаго, которому онъ какъ бы охотно вручаетъ освобожденное стремя. Когда вы читаете эти милыя риѳмованныя строки, невольная жалость охватываетъ васъ къ этому утратившему силы литературному дѣятелю, вы чувствуете признательность ему за все доброе имъ сдѣланное и благодарность за молодое будущее поколѣніе, въ которое онъ такъ горячо вѣритъ.

Личная жизнь Дмитрія Лаврентьевича прошла въ борьбѣ за существованіе, въ борьбѣ за каждый завтрашній день, который встрѣчалъ его не всегда ласково и привѣтливо. Эта жестокая и неблагодарная борьба за существованіе, конечно, не могла благотворно отражаться на его литературной работѣ, которая часто именно являлась результатомъ крайней необходимости, а не плодомъ чистаго вдохновенія и полета свободной отъ суетныхъ земныхъ узъ мысли. Симпатичной наружности, съ умнымъ проникновеннымъ и ласковымъ взоромъ изъ-подъ густо нависшихъ сѣдыхъ бровей, старикъ-литераторъ и заслуженный ветеранъ нашей изящной словесности, Михаловскій являлъ собою въ жизни типъ человѣка удивительно скромнаго, тихаго, какъ бы застѣнчиваго, не любящаго выставлять впередъ своей личности и своихъ немалыхъ заслугъ предъ родною литературою. Какъ тихо и скромно протекла его жизнь, такъ же скромно и малозамѣтно совершились и его похороны на фонѣ шумныхъ и грозныхъ событій современности. Проводить его до мѣста вѣчнаго упокоенія на литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища собралась лишь тѣсная группа друзей, знакомыхъ и весьма немногихъ литераторовъ. Надъ свѣжимъ могильнымъ холмомъ г. Сальниковъ произнесъ прощальное слово, а одинъ изъ молодыхъ поэтовъ прочелъ стихотвореніе, посвященное покойному старшему товарищу по служенію искусству.

† **Поливановъ, Н. К.** 30-го декабря скончался Николай Капитоновичъ Поливановъ. Покойный родился 19 марта 1874 года въ селѣ Боркахъ Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Отецъ покойнаго былъ небольшой чиновникъ, служившій по акцизному вѣдомству. По окончаніи въ 1893 году курса Рязанской учительской семинаріи Н. К. служилъ до 1898 года помощникомъ классонаго наставника въ Рязанскомъ реальномъ училищѣ и съ 20-го января 1898 года по 1-е іюля 1901 года на Сибирской желѣзной дорогѣ въ Томскѣ,—первоначально, одинъ годъ счетоводомъ въ службѣ пути, а затѣмъ учителемъ двухклассмаго Боготоловскаго желѣзнодорожнаго училища. Изъ г. Томска судьба забросила Н. К. на Сахалинъ, гдѣ онъ около двухъ лѣтъ служилъ преподавателемъ въ одномъ изъ училищъ острова, а затѣмъ состоялъ сотрудникомъ во владивостокскомъ «Дальнемъ Востокѣ» и другихъ дально-восточныхъ газетахъ. Въ этотъ періодъ покойный дважды ѣздилъ въ Японію и одинъ разъ въ Сѣверную Америку. Изъ Японіи и вообще съ Дальняго Востока Н. К. посылалъ свои корреспонденціи въ столичныя газеты, между прочимъ, въ «Новое Время». Послѣ открытія военныхъ дѣйствій, за прекращеніемъ выхода владивостокскихъ газетъ, онъ пріѣхалъ въ Екатеринбургъ и работалъ въ мѣстныхъ газетахъ. Несомнѣнно одаренный отъ природы высшими запросами, вдумчивый, тихій, скромный Н. К. Поливановъ подъ вліяніемъ несчастливо сложившихся житейскихъ условій и обстоятельствъ предался пороку, сведшему въ могилу не одного талантливаго русскаго человѣка, приведшему его къ трагическому концу. (Некрологъ его: «Уралъ», 1905 г., № 2191).

† **Половцовъ, А. В.** 21-го января въ С.-Петербургѣ скончался писатель, археологъ, завѣдывавшій общимъ архивомъ министерства императорскаго двора, тайный совѣтникъ, Анатолій Викторовичъ Половцовъ. Онъ родился 2-го января 1849 года и происходилъ изъ старинной дворянской семьи; по окончаніи курса въ петербургской пятой гимназіи, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по юридическому факультету, онъ прослушалъ курсъ наукъ археологическаго института. Службу началъ въ сенатѣ, откуда перешелъ въ земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ въ министерство государственныхъ имуществъ и, наконецъ, въ министерство императорскаго двора, гдѣ сперва завѣдывалъ земельнымъ, а потомъ административнымъ отдѣломъ кабинета его величества; съ 1899 года состоялъ завѣдывающимъ общимъ архивомъ министерства двора. И по долгу службы, и по собственной склонности А. В. Половцовъ немало потрудился, въ особенности въ 70-хъ годахъ, на поприщѣ изученія вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи и другихъ, съ нимъ связанныхъ. Между прочимъ, подъ его редакціей былъ изданъ «Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины»; кромѣ того, онъ скоро выступилъ авторомъ длиннаго ряда статей по крестьянскому вопросу, которыя обыкновенно помѣщалъ въ «Трудахъ вольнаго экономическаго общества», «Недѣлѣ», «Новомъ Времени», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и др. Изъ статей этого рода отмѣтимъ: «Къ вопросу о сельской общинѣ», «Вопросъ объ общинѣ на реальной почвѣ», «Первые шаги на пути фактическаго изслѣдованія сельской общины» и проч. Какъ человѣкъ, живо интересовавшійся земскими вопросами, онъ принималъ участіе въ редактированіи «Земскаго ежегодника».

Наконецъ, любовь къ археологіи и искусству сдѣлала покойнаго и на этомъ поприщѣ полезнымъ работникомъ. Его статьи и отдѣльныя изданія, какъ, напримѣръ, «Царьградъ и византійское искусство», «Соборъ св. Владимира въ Кіевѣ», «Прикладное искусство», «Голландская живопись», «Изслѣдованіе о Юрьевой божницѣ», «Прогулка по Русскому музею императора Александра III» и др.—въ свое время были приняты знатоками съ сочувствіемъ. Покойный не былъ чуждъ художественныхъ воспроизведеній старины и въ литературныхъ формахъ. Отмѣтимъ его переводъ и переработку пьесы Гонига «Петръ Михайловъ»—историко-бытовыя картины голландской жизни XVII вѣка (въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ прологомъ), и оригинальную его пьесу «Ломоносовъ», не имѣвшую, впрочемъ, большого успѣха. Свои газетныя статьи онъ нерѣдко подписывалъ псевдонимами: «Рязанецъ» и «Кончакъ». (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1905 г., № 19; «Новое Время», 1905 г., № 10376; «Биржевыя Вѣдомости», 1905 г., № 8629, и «Южный Край», 1905 г., № 8347).

† **Рощининъ, Ѳ. А.** 7-го января скончался отъ разрыва сердца лейбъ-медикъ Ѳедоръ Антиповичъ Рощининъ, родившійся въ 1841 году. Окончивъ въ 1856 году гимназическій курсъ, въ томъ же году онъ началъ свою педагогическую дѣятельность преподавателемъ русскаго языка въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ въ Курляндіи и, только нѣсколько лѣтъ спустя, поступилъ въ Москвѣ на историко-филологическій факультетъ. Чувствуя особое призваніе къ медицинѣ, Ѳ. А. перешелъ въ медико-хирургическую академію. Въ 1866 году, будучи еще студентомъ V-го курса, покойный, въ качествѣ земскаго врача, былъ командированъ въ Петербургскій уѣздъ во время холерной эпидеміи и устроилъ двѣ холерныя больницы: въ Ропшѣ и въ Гостилицахъ. По окончаніи курса въ академіи Ѳ. А. былъ приглашенъ на службу въ земство и былъ первымъ земскимъ врачемъ въ Россіи. Съ 1867 г. началась его врачебная дѣятельность, какъ земскаго врача. Въ этотъ періодъ времени покойнымъ была устроена масса волостныхъ больницъ съ пріемными покоями, учреждены аптеки, приглашены акушерки и т. д. Къ заслугамъ покойнаго относятся также устройство 1-го телятника для прививанія оспы и курсы для фельдшеровъ. Впослѣдствіи Ѳ. А. перешелъ на службу въ Петербургъ, перенеся свою энергичную дѣятельность изъ крестьянской среды во дворцы и палаты столицы, гдѣ онъ скоро занялъ мѣсто выдающагося практика и діагноста. Въ день священнаго коронованія императора Александра III Ѳ. А. былъ назначенъ почетнымъ лейбъ-медикомъ и опредѣленъ окружнымъ врачемъ с.-петербургскаго дворцоваго управленія и совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго комитета. Къ выдающимся ученно-медицинскимъ трудамъ покойнаго относятся сочиненія: «Почва города Петергофа и отношеніе ея къ холерной эпидеміи», и описаніе изобрѣтеннаго имъ прибора для повышенія дѣятельности сердца и многочисленные доклады въ медицинскихъ обществахъ, среди которыхъ выдается докладъ: «Броунсекаровская эмульсія и ея примѣненіе, какъ терапевтическаго средства», и докладъ о «сперминѣ Пелля». Перу покойнаго принадлежатъ многочисленные разсказы: «Изъ записной книжки доктора» и др. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости»,

1905 г., № 8621; «Новое Время», 1905 г., № 10372, и «Южный Край», 1905 г., № 8342).

† **Чельцовъ, И. М.** 29-го декабря скончался начальникъ научно-технической лабораторіи морского вѣдомства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Михайловичъ Чельцовъ. Покойный, по окончаніи курса наукъ по естественному разряду физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета со степенью кандидата, въ 1875 г. поступилъ лаборантомъ въ Кронштадтскій минно-офицерскій классъ для занятій по аналитической химіи и взрывчатымъ веществамъ. Съ 1881 г. И. М. былъ назначенъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ, а послѣ ухода профессора Шуляченка въ 1883 г. и общей химіи; за ученые труды въ томъ же году награжденъ орденомъ св. Владимира 4-ой степени; съ 1884 г. зачисленъ на государственную службу съ производствомъ въ коллежскіе секретари; въ 1885 г. съ высочайшаго разрѣшенія командированъ въ Копенгагенъ для изученія термохиміи въ приложеніи къ минному дѣлу; въ 1887 г. избранъ въ члены сотрудники морского техническаго комитета; въ 1890 г. съ высочайшаго разрѣшенія командированъ за границу для собранія свѣдѣній о бездымныхъ порохахъ; въ 1891 г. былъ командированъ въ С.-Петербургъ для наблюденія за работами по устройству научно-технической лабораторіи и въ томъ же году назначенъ начальникомъ этой лабораторіи для изслѣдованія пороховъ и взрывчатыхъ веществъ; въ 1893 г. за отличіе произведенъ въ надворные совѣтники и командированъ за границу для заказа аппаратовъ для завода бездымнаго пороха морского вѣдомства; въ 1895 г. за отличіе произведенъ въ коллежскіе совѣтники, въ 1899 г. назначенъ членомъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи; въ 1904 г. за отличіе произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 19-го іюля того же года по болѣзни уволенъ отъ службы съ мундиромъ и пенсіей. Какъ видно изъ этого краткаго формуляра, вся жизнь покойнаго И. М. Чельцова была связана съ теоретическимъ и прикладнымъ изученіемъ различныхъ взрывчатыхъ веществъ, въ изслѣдованіи которыхъ онъ явился чуть ли не первымъ русскимъ піонеромъ, всецѣло посвятившимъ себя только этому дѣлу, начиная съ миннаго класса и кончая научно-технической лабораторіей морского вѣдомства, при чемъ еще въ 80-хъ годахъ производились опыты съ тѣми взрывчатыми веществами, которыя служатъ основаніемъ современной техники этихъ матеріаловъ въ Россіи и за границей. Еще въ 1887—1888 гг. И. М. Чельцовымъ и покойнымъ же П. Я. Назаровымъ производились опыты съ новымъ взрывчатымъ веществомъ «громобоемъ», при взрывахъ котораго наблюдались явленія, очень схожія съ тѣми, которыя теперь наблюдаются при взрывѣ гранатъ, начиненныхъ японскимъ порохомъ «шимозе». Можно пожалѣть, что не имѣется въ нашихъ рукахъ хотя бы одной невзорвавшейся японской гранаты для опредѣленія состава «шимозе». Къ этому же времени относятся опыты съ пикриновой кислотой, родоначальницей современныхъ мелинитовъ, лиддитовъ и т. п. Въ 1889 г. И. М. Чельцовымъ совмѣстно съ Д. М. Кочетовымъ производились опыты полученія малыхъ количествъ бездымнаго пороха, и тогда же было установлено, что наилучше желатинируемой нитроклѣтчаткой для спирто-эѳирнаго растворителя будетъ служить такъ называемый коллодіонный пироксилинъ. Плодомъ много-

лѣтнихъ занятій И. М. Чельцова взрывчатыми веществами явился «Курсъ взрывчатыхъ веществъ», описательная часть котораго и до сихъ поръ считается однимъ изъ лучшихъ руководствъ въ русской литературѣ, а передѣлка теоретической части, къ сожалѣнію, не была закончена покойнымъ за болѣзнію. Изъ ученыхъ трудовъ, работъ и докладовъ,—напечатанныхъ въ различное время въ «Журналѣ Русскаго химическаго общества», «Морскомъ Сборникѣ», «Извѣстіяхъ» минно-офицерскаго класса и иностранныхъ журналахъ,—кромѣ «Курса взрывчатыхъ веществъ» и «Химическаго анализа», можно упомянуть слѣдующіе: опредѣленіе нитрованнаго хлопка въ пироксилинѣ; теплота образованія нѣкоторыхъ пикритовъ и водныхъ растворовъ хлористаго цинка; хлористоводородныя соединенія хлористаго цинка; удѣльные вѣса хлорнаго желѣза; о теоретическомъ сравненіи силы взрывчатыхъ веществъ; правила разложенія взрывчатыхъ веществъ при взрывѣ въ запертомъ пространствѣ и теорія энергіи ихъ; о сѣрнистомъ водородѣ въ продуктахъ взрыва пироксилина; теорія механической волны, развивающейся въ срединахъ при взрывѣ зарядовъ и примѣненіе ея къ объясненію передачи взрывовъ на разстояніе; примѣненіе теоріи механической волны къ измѣренію давленій около заряда при подводныхъ взрывахъ въ кольцахъ Аббота; пикриново-аммiачный порохъ и пикриновая кислота, ихъ свойства и взрывы подъ водой, усовершенствованная свинцовая бомба и примѣненіе ея для сравненія работъ взрывчатыхъ веществъ и др. Работы по бездымному пороху напечатаны въ отчетѣ научно-технической лабораторіи морского вѣдомства. По странной ироніи судьбы И. М. Чельцову пришлось заниматься съ разрушительными и приносящими увѣчья и смерть веществами, хотя по своему характеру, какъ могутъ засвидѣтельствовать это многочисленные сослуживцы и слушатели покойнаго, это былъ человѣкъ въ высшей степени мягкій, чуткій и отзывчивый, съ кѣмъ бы ни приходилось ему имѣть дѣло, при чемъ строже всего онъ всегда относился только къ себѣ самому. (Некрологъ его: «Котлинъ», 1905 г., № 29).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Еще о «Гавриліадѣ».

Въ 8-й книжкѣ «Старины и Новизны» за прошлый годъ г. Барсуковъ старается обѣлить А. С. Пушкина, коему приписываютъ многіе не безъ основанія авторство извѣстной поэмы «Гавриліада». Почтенный историкъ литературы приводитъ весьма шаткія доказательства въ защиту нашего великаго поэта, отвергая его авторство названной поэмы ссылкою на собственноручныя примѣчанія князя П. А. Вяземскаго, найденныя въ Остафьевской библіотекѣ, въ небольшой книженкѣ изданныхъ въ Берлинѣ стихотвореній А. С.

Пушкина, не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій. Несостоятельность заключенія г. Барсукова указана была въ достаточной степени въ замѣткѣ неизвѣстнаго автора въ газетѣ «Новое Время» (№ 10268), и хотя г. Барсуковъ отвѣчалъ на эту замѣтку возраженіемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но возраженіе это ничего не доказало, какъ справедливо замѣчено объ этомъ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (декабрь, 1904 г., стр. 1190).

Вопросъ о личности автора «Гавриліады» не разъ поднимался у насъ критикой, и авторство ея всѣми приписывалось Пушкину. Нужно думать, что она начата была еще во время пребыванія поэта въ лицеѣ, какъ и поэма «Русланъ и Людмила», въ періодъ фантастическихъ мечтаній его, страстныхъ порывовъ, юношескихъ проказъ и шалостей, чѣмъ и объясняется появленіе ея среди военной молодежи, а окончена была, вѣроятно, уже по выходѣ изъ лицея, когда юноша-поэтъ, увлекаясь наслажденіями земныхъ благъ, вполнѣ предавался свѣтской разсѣянной и даже разгульной жизни, едва не погубившей его (Ода на свободу). Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія мы имѣли въ рукахъ очень рѣдкую книгу, изданную въ Лейпцигѣ, въ коей помѣщены были всѣ произведенія нашего поэта, неудобныя для печати по нашимъ цензурнымъ правиламъ; тамъ напечатана была, между прочимъ, полностью и «Гавриліада (Благовѣщеніе)». Подъ каждымъ поэтическимъ произведеніемъ обозначена была и дата появленія его въ свѣтъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь припомнить года появленія въ свѣтъ поэмы, о которой идетъ рѣчь [1]). Она написана пятистопнымъ ямбомъ. Поэтическія уподобленія при сравненіи борьбы двухъ міровыхъ силъ въ поэмѣ, внутренняя сила и выразительность стиха, соединенныя съ изяществомъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что это шаловливое поэтическое созданіе есть произведеніе пера нашего великаго поэта. Это «пушкинскій стихъ»; такимъ стихомъ никто не владѣлъ въ то время.

Въ доказательство несомнѣнной принадлежности этого произведенія Пушкину мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь свидѣтельство объ этомъ А. С. Норова изъ дневника академика А. В. Никитенка. Вотъ что весьма интересное и неподлежащее сомнѣнію занесъ въ свой дневникъ покойный Никитенко:

«Вчера онъ (Авр. Серг. Норовъ), между прочимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ объ А. С. Пушкинѣ. Норовъ встрѣтился съ нимъ за годъ или за полтора до его женитьбы. Пушкинъ очень любезно съ нимъ поздоровался и обнялъ его. При этомъ былъ пріятель Пушкина, Туманскій. Онъ обратился къ поэту и сказалъ ему:

— «Знаешь ли, Александръ Сергѣевичъ, кого ты обнимаешь? Вѣдь это твой противникъ. Въ бытность свою въ Одессѣ онъ при мнѣ сжегъ твою рукописную поэму.

«Дѣло въ томъ, что Туманскій далъ Норову прочитать въ рукописи извѣстную непристойную поэму Пушкина. Въ комнатѣ тогда топился каминъ, и Норовъ, по прочтеніи поэмы, тутъ же бросилъ ее въ огонь.

---

[1]) Книга эта была изъ богатѣйшей библіотеки Н. И. Барышникова, землевладѣльца Орловской губерніи.

— «Нѣтъ,—сказалъ Пушкинъ:—я этого не зналъ, а, узнавъ теперь, вижу, что Авраамъ Сергѣевичъ не противникъ мнѣ, а другъ, а вотъ ты, восхищавшійся такою гадостью, какъ моя неизданная поэма, настоящій мой врагъ».

Всякій, хоть немного знакомый съ литературой, пойметъ, о какой поэмѣ говоритъ въ своемъ дневникѣ А. В. Никитенко. Правдивость категорическаго заявленія такого лица, какъ А. С. Норовъ, заподозрѣть нельзя; ему безусловно можно повѣрить. Изъ этого видно, во-первыхъ, что поэма «Гавриліада» есть произведеніе нашего великаго поэта, и, во-вторыхъ, что онъ впослѣдствіи сильно раскаивался въ своемъ легкомысленномъ юношескомъ увлеченіи.

Д. Иль—ко.

II.

Къ статьѣ «Польскіе планы въ 1876—1877 гг.».

На стр. 519 февральской книги «Историческаго Вѣстника» за 1905 годъ упоминается членъ англійскаго парламента Джонстонъ Бутлеръ (впослѣдствіи лордъ Нордкотъ), посланный торіями въ Константинополь для защиты британскихъ интересовъ.

У англичанъ, при наличности двухъ или болѣе фамилій, что̀ часто у нихъ бываетъ, главная, такъ сказать, настоящая, обыденно употребляемая, ставится всегда въ концѣ. Фамилія упоминаемаго лица Бутлеръ-Мунро-Джонстонъ (Henry-Alexander Butler-Munro-Johnstone). Онъ тогда былъ консервативнымъ членомъ парламента отъ города Кэнтербери, но на слѣдующихъ же парламентскихъ выборахъ въ 1878 году (кажется) замѣненъ другимъ лицомъ и болѣе членомъ парламента не былъ. Г. Джонстонъ никогда лордомъ Нордкотъ или другимъ какимъ либо лордомъ не былъ. Титулъ «лордъ Нордкотъ» вновь созданъ въ 1900 году для второго сына извѣстнаго политическаго дѣятеля Стаффорда-Генри-Нордкота, графа Иддеслейгъ (Iddesleigh)—Генри-Стаффорда-Нордкота, ничего общаго, кромѣ принадлежности къ консервативной партіи, съ г. Джонстономъ не имѣющаго.

И. А.

ПОСЛАННИЦА КОРОЛЯ-СОЛНЦА

(MARIE PETIT)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ЛЕО КЛАРЕТИ

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

Приложеніе къ журналу «Историческій Вѣстникъ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ, 13

1905

I.

ОРТЬ возьми! маркизъ, судя по твоей неудачѣ въ игрѣ, ты долженъ быть счастливъ въ сердечныхъ дѣлахъ.

— Опять ни одной взятки, кавалеръ! Ну, бросаю партію, и хотя бы даже моя Флоримонда измѣняла мнѣ, я цѣлую недѣлю не сяду за «три» или «ломберъ». По страшному пораженію, какое я перенесъ, меня можно принять за маршала Вилльруа.

— Полно! зеленое сукно игорнаго дома—не поле сраженія при Ромилльи. Развѣ тебѣ не разсказывали, маркизъ, объ остротѣ, сказанной королемъ несчастному маршалу, когда тотъ возвратился въ Лувръ?

— Нѣтъ.

— Она довольно мѣткая: «г-нъ маршалъ,—сказалъ король:—въ наши годы не везетъ счастье».

Оба собесѣдника сидѣли за игорнымъ столомъ въ одномъ изъ угловъ богато убраннаго зала, слишкомъ раззолоченнаго, слишкомъ грубо разукрашеннаго красной тканью, освѣщеннаго большимъ количествомъ свѣчей и оживленнаго присутствіемъ многочисленныхъ картежниковъ и картежницъ въ щегольскихъ нарядахъ. Это былъ игорный домъ Марй Пѣти въ улицѣ Мазарини.

Экипажи оставались стоять предъ его дверью далеко за полночь; время отъ времени дверь отворялась, чтобы пропустить сыновей знатныхъ семей; ихъ лица были блѣдны, изнурены, и они печально застегивали портупею шпаги и съ жестомъ отчаянія закутывались въ свои коричневые плащи. Ихъ шпаги уныло бряцали по пустынной мостовой, освѣщенной только фонаремъ съ кенкетомъ, висѣвшимъ на углу улицы Генего. Между тѣмъ, раздававшиеся

на верху взрывы смѣха, ласковые голоса кокетничавшихъ женщинъ, переливающіеся звуки золотыхъ луидоровъ, груды которыхъ скатывались золотистымъ потокомъ на зеленое сукно, призывъ банкомета, интимная болтовня собравшихся группъ—все это вносило въ залъ и смежныя комнаты веселье, маскировавшее завѣсой вздора и дурачества тоскливое безпокойство, лихорадочную алчность и полное отчаяніе.

Вертюгадекскій намѣстникъ съ треуголкой въ рукахъ, сидѣвшій, сложивъ ноги прямоугольникомъ, вытащилъ изъ кармана ониксовую табакерку, украшенную жемчугомъ, обрамлявшимъ портретъ актрисы Данкуръ, втянулъ въ себя щепотку табака и стряхнулъ остатки его съ жабо изъ дорогого кружева своими тонкими пальцами, на которыхъ блестѣли крупные драгоцѣнные камни. Потомъ, приподнявъ ножнами своей шпаги фалды темно-коричневаго кафтана, очень обтянутаго на бедрахъ, онъ сказалъ фальцетомъ:

— Но я не вижу нашей красавицы-арвернки.

— Какой арвернки?—спросилъ Альвейръ, только что прибывшій изъ Лиможа.

— Мы такъ прозвали хозяйку этого игорнаго дома, хорошенькую, восхитительную Марй Пёти, родомъ изъ Мулэна, въ Бурбонэ. Она овернка, но поэтичнѣе говорить арвернка.

— Землячка Верцингеторикса!—сказалъ Альвейръ.

Въ тотъ моментъ, какъ Альвейръ кончалъ свою фразу, приподнялась портьера, и вошла Марй Пёти.

— Верцингеториксъ?—воскликнула она весело:—это мой предокъ. Въ нашей семьѣ не дремлютъ.

Эти слова были встрѣчены шепотомъ, выражавшимъ симпатію и лестное одобреніе. Всѣ привѣтствовали появленіе красавицы-банкометки. Тотчасъ же къ ней приблизился намѣстникъ и шепнулъ ей на ухо:

— Да, не дремлютъ, только ваше сердце дремлетъ, жестокая! Должно быть, вы—ледяная, если не растаяли отъ моей вулканической любви.

— Полно, верзила, не начинайте вашихъ глупостей.

— Пеняйте только на себя, красавка, за глупости, которыя можно сдѣлать для васъ,—отвѣтилъ Альвейръ, улыбаясь:—или перестаньте быть до такой степени хорошенькой, что всѣ ваши ухаживатели творятъ безумія ради васъ.

— Я съ удовольствіемъ вижу, что мой новый кліентъ—еще одинъ новый обожатель,—возразила Марй, смѣясь.—Это дѣлу не вредитъ. Но предупреждаю васъ чистосердечно, что мѣсто уже занято. Спросите у другихъ.

Она удалилась, съ цѣлью тайно переговорить съ банкометомъ. Съ нимъ Марй обмѣнялась менѣе любезными рѣчами.

— Выручка?—спросила она коротко.

— Ничтожная,—отвѣтилъ банкометъ.—Совсѣмъ нѣтъ крупной ставки. Надо ихъ немного подогрѣть.

— Я спущу Флоризу на новаго посѣтителя. А Фабръ? Онъ еще не пришелъ?

— Нѣтъ, но я видѣлъ, какъ входилъ его племянникъ, г-нъ Жакъ; онъ прошелъ чрезъ прихожую.

Марй съ обнаженной шеей стояла, полусклонясь надъ стуломъ своего служащаго, обнаруживъ свой будто точеный затылокъ. Ея напудренные волосы были приподняты и зачесаны на макушку головы, гдѣ собраны въ довольно объемистый шиньонъ въ родѣ каски съ султаномъ. Нѣсколько развѣвавшихся завитушекъ ласкали ея виски. Среди облачка тонкихъ, едва осязаемыхъ перьевъ, приколотыхъ къ волосамъ, дрожали сверкавшіе драгоцѣнные камни. У Марй были большіе черные глаза, бархатистыя рѣсницы и ласкающій, блестящій взоръ. Ея слегка изогнутый носъ съ прозрачными, изящнаго очертанія, трепещущими ноздрями былъ покрытъ тонкой кожей. Ея губы были полныя, красныя, влюбчивыя. Когда она смѣялась, то на ея щекахъ появлялись хорошенькія ямочки, а тонкій пушекъ растушевывалъ спайки ея губъ. Ея подбородокъ былъ нѣсколько широковатъ, но это не дѣлало его непріятнымъ, а указывало лишь на энергичный характеръ и не совсѣмъ обыкновенную силу воли. Росту она была маленькаго, но прекрасно сложена: тонкая, съ сильно развитыми бедрами и соблазнительной грудью. Ея походка была легка и граціозна. Этой живой, смѣтливой и остроумной женщинѣ могло быть лѣтъ двадцать девять.

Она поспѣшно направилась къ молодому человѣку, Жаку Фабру, у котораго спросила съ лихорадочной тревогой:

— Гдѣ вашъ дядя?

— Онъ говорилъ мнѣ за обѣдомъ, что у него состоялось свиданіе съ г. Паншартреномъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ; послѣ обѣда я его болѣе не видѣлъ.

— Опять это проклятое посольство,—сказала тихо Марй, лицо которой внезапно сдѣлалось задумчивымъ.

— Какъ поживаетъ Пьеръ?—спросилъ молодой человѣкъ.

Марй Пётй сообщила ему благопріятныя извѣстія о своемъ сынѣ, девятилѣтнемъ мальчикѣ, котораго она имѣла отъ Жана Фабра.

— Я поднимусь на верхъ и поцѣлую его,—сказалъ Жакъ.— До скораго свиданія, обожаемая тетя.

Жакъ Фабръ, двадцатипятилѣтній красивый молодой человѣкъ, съ бѣлокурыми усами, тоже любилъ Марй, которую всѣ обожали. Она не доводила его до отчаянія своей холодностью, но и не позволяла ему ничего лишняго, перенеся на племянника часть той любви, какую она питала къ его дядѣ, Жану Фабру, богатому марсельскому купцу, ея любовнику. Однако всегда найдется нѣсколько искорокъ, которыми можно поживиться у костра!

Когда Марй возвратилась въ залъ, партія въ «три» была очень оживлена. Альвейръ, стоя въ амбразурѣ двери, болталъ съ только что вошедшимъ изящнымъ вельможей, завсегдатаемъ этого дома. Отдѣленная отъ нихъ лишь смирнской портьерой, Марй могла слышать весь ихъ разговоръ, не вызвавъ въ нихъ подозрѣнія.

— Ей-Богу,—сказалъ Альвейру виконтъ де-Сенъ-Грабенъ:— у тебя хорошій вкусъ. Эта арвернка прехорошенькая, и я желаю тебѣ полнаго успѣха.

— Ей-ей! нельзя въ этомъ не признаться?... Я ее только что видѣлъ не болѣе минуты и совсѣмъ сошелъ съ ума. Признайся, что она во всѣхъ отношеніяхъ восхитительна—и весела и хорошо сложена...

— Поудержись немного отъ твоихъ панегириковъ. Я тебѣ скажу новость, которая тебя преисполнитъ блаженства, счастливый плутъ.

— Какую? Ты возбуждаешь во мнѣ любопытство! Не орденъ ли Синяго Орла? Ну, что мнѣ до него за дѣло? Дай мнѣ помечтать о моей красавицѣ Марй.

— Простофиля ты съ своимъ орломъ!

— А! такъ это о Данфренскимъ аббатствѣ! Благодарю, что это тебя занимаетъ, но мнѣ болѣе нечего съ нимъ дѣлать: я хочу посвятить себя всего моей новой любви.

— Но, чортъ возьми! Дай людямъ сказать! Ну, хорошо, говори самъ, я не произнесу болѣе ни слова.

— Полно, любезный Сенъ-Грабенъ, не злись. Что ты хотѣлъ мнѣ сказать?

— Ты самъ меня до этого довелъ! Ну, сегодня я присутствовалъ при отходѣ ко сну короля; тамъ только и толковали что о послѣдней новости. Жана Фабра посылаютъ чрезвычайнымъ посланникомъ для заключенія торговаго трактата съ персидскимъ шахомъ; ты можешь быть спокоенъ въ продолженіе пяти или шести лѣтъ, если только Жанъ возвратится.

Альвейръ съ испугомъ посмотрѣлъ на своего друга и сказалъ, смѣясь:

— Что ты тамъ мнѣ разсказываешь? Какой Фабръ? Какой персидскій шахъ? И что мнѣ за дѣло до всѣхъ этихъ исторій? Что ты бредишь или глумишься надо мною?

— Такъ ты ничего не знаешь? Красавица арвернка—женщина неприступной добродѣтели, конечно, если хочешь, относительной; у нея есть любовникъ, богатый купецъ, Жанъ Фабръ, ради котораго она обрекла себя на стѣснительную вѣрность. Она имѣетъ отъ него сына. Если честными женщинами называются имѣющія только одного любовника разомъ, то среди безпорядочныхъ женщинъ наша арвернка—Пенелопа. Она очень ловко ведетъ свой игорный домъ, знаетъ, какъ расточать улыбки, которыя помѣщаетъ очень выгодно, отличается искусствомъ воспламенять сердца, предоставляя

имъ сгорать отъ собственнаго огня. Его игорный домъ — самая блестящая приманка Парижа, вмѣстѣ съ своей хозяйкой, доводящей всѣхъ до отчаянія.

— Ты мнѣ сообщаешь поразительныя вещи!

— Ну, вотъ почему персидскій шахъ замѣшанъ въ твоемъ дѣлѣ. Г. Поншартренъ подписалъ сегодня вечеромъ вѣрительныя грамоты Фабру, и послѣдній отправляется въ Персію; со 2-го марта 1705 года предъ тобою откроется свободное поле дѣйствій; пускай свои стрѣлы и овладѣй мѣстомъ. На этотъ разъ ты меня понялъ?

— Какъ все чудесно устраивается, мой дорогой! А вотъ и она идетъ: надо приготовиться къ первымъ пріемамъ обольщенія.

— Обольщенія?

— О, она прехорошенькая,— сказалъ молодой человѣкъ и подошелъ къ своему кумиру, сжавъ сердечкомъ губы и сложивъ руки, какъ бы съ мольбою.

Марй была блѣдна, ея губы слегка дрожали; она все слышала, и мысль о возможномъ отъѣздѣ ея друга причиняла ей жестокое волненіе, отогнавшее всю кровь изъ ея венъ; она чувствовала въ головѣ какъ бы глухіе удары молотка. Но было необходимо притворяться, ждать и думать лишь о томъ, какъ «разогрѣть игру».

— Вы играете, Альвейръ?—спросила она.

Онъ предложилъ довести ее до стола и поставить на ея счастіе, но она была такъ взолнована, что предпочла избавиться отъ его заботъ и представила своего кавалера высокой блондинкѣ, Флоризѣ, въ такихъ выраженіяхъ, которыя не оставили никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣдней надо дѣлать.

Въ эту минуту открылась дверь, и лакей посторонился, чтобы пропустить Жана Фабра.

Послѣдній пересѣкъ дорогу виконту Сенъ-Грабену, который, пожавъ ему руку, сказалъ:

— Поздравляю васъ, г. посланникъ!

— Тише! не говорите еще объ этомъ ради Марй, — сказалъ Жанъ Фабръ, приложивъ палецъ къ губамъ.

— Это — правда,—какой я опрометчивый!—сказалъ Сенъ-Грабенъ.

И вечеръ продолжался такъ весело и оживленно, что никто не могъ разгадать, насколько была озабочена обезумѣвшая отъ горя любовница Фабра.

Между тѣмъ на пустынной улицѣ появился ночной сторожъ съ фонаремъ въ рукахъ; звонъ его колокола совпадалъ съ медленнымъ темпомъ призыва ко сну:

«Полночь, засыпайте, еще бодрствующіе люди».

Марй Пёти сдѣлала знакъ, и слуги принесли запоздавшимъ гостямъ ихъ плащи, доломаны и треуголки. Картежники и картежницы стали противиться, говоря: «Неужели нельзя нарушить правило, какъ это часто дѣлалось? Заложенъ крупный банкъ развѣ

можно бросить его?» Но Марй Пёти была неумолима; она жаждала поскорѣе остаться наединѣ съ своимъ другомъ.

— Останься,—сказала она ему повелительно шепотомъ.

Гостямъ же она сослалась на строгость г. Аржансона, начальника полиціи.

Вскорѣ на темной лѣстницѣ исчезли послѣднія пары. Жанъ и Марй очутились одни въ маленькой гостиной, гдѣ слуги оставили зажженный канделябръ.

Въ игорномъ залѣ, совершенно темномъ, виднѣлись лишь красныя точки затушенныхъ свѣчей, ѣдкій дымъ которыхъ распространялъ запахъ сала. На столахъ и коврахъ были разбросаны цѣлые потоки картъ, смятыя бумаги и разсѣяны жетоны.

Какъ только лакей съ золоченными пуговицами закрылъ дверь, Марй сѣла напротивъ Жана и, устремивъ на него пристальный взглядъ, сказала:

— Итакъ, ты уѣзжаешь?

— Какъ?

— Я знаю все. Твои грамоты подписаны сегодняшнимъ числомъ.

Жанъ Фабръ нѣсколько времени молчалъ.

Это былъ красивый, широкоплечій мужчина, съ бѣлокурыми, нѣсколько приподнятыми усами и непринужденной увѣренностью во взглядѣ. Ему можно было дать отъ тридцати пяти до сорока лѣтъ, но его жизнь уже была цѣлымъ романомъ. Сынъ крупнаго марсельскаго купца, онъ велъ дѣла отцовскаго торговаго дома. Въ двадцать два года онъ женился на итальянкѣ. Ихъ бракъ былъ неудачнымъ. Онъ прожилъ съ нею только три года въ Константинополѣ, куда былъ посланъ въ качествѣ представителя національныхъ интересовъ верхней торговой палаты. По природѣ онъ былъ пронырливъ, подвиженъ, любезенъ и вкрадчивъ.

Въ Константинополѣ онъ разссорился съ женою, Эмили Фабръ, честолюбивой кокеткой, которой льстило ухаживаніе посланника, графа Ферріоля. Когда Фабръ возвращался во Францію, она отказалась слѣдовать за нимъ и скрылась у своего любезника-дипломата. Покинутый мужъ ничего не предпринялъ для ея возвращенія и, можетъ быть, даже поздравлялъ себя съ избавленіемъ отъ нея.

Возвратившись одинъ въ Парижъ, Фабръ, часто посѣщая различныя увеселительныя мѣста, познакомился съ Марй Пёти, въ то время бѣлошвейкой въ улицѣ Прувэръ. Онъ привязался къ ней и обезпечилъ ея будущность. Угождая ея вкусу къ смѣлымъ предпріятіямъ, онъ далъ ей средства открыть игорный домъ.

Жанъ дѣлалъ для нея все, она же платила за его доброту слѣпой и преданной любовью, не знавшей границъ, потому что сердце дѣятельныхъ женщинъ обыкновенно отдается труднѣе; въ вихрѣ занятій и развлеченій оно ускользаетъ отъ захвата, но когда оно на-

ходитъ человѣка, достойнаго привязанности, то отдается ему вполнѣ.

Марй повторила вопросъ:

— Итакъ, ты уѣзжаешь? Безъ сомнѣнія, ты изъ честолюбія искалъ и принялъ эту миссію, которую я ненавижу. Ты далъ себя ослѣпить такими погремушками, какъ почести, титулы и отличія, и ты не удѣлилъ ни одной мысли дорогимъ существамъ, которыхъ оставишь здѣсь, можетъ быть, на многіе годы. Твой сынъ нуждается въ опорѣ, а ты бѣгаешь по прихожимъ министровъ, съ цѣлью добиться посольства. Что тебѣ за дѣло до сына и любовницы? По правдѣ сказать, развѣ не стòитъ пожертвовать любимой женщиной ради званія посланника? Ахъ! посольство играетъ странную роль въ твоей жизни, и оно тебѣ приноситъ счастіе? Не возмездіе ли это съ твоей стороны? Первый разъ тебя бросили для дипломатіи, теперь, въ свою очередь, ты хочешь покинуть меня ради нея? Что мнѣ за дѣло до Поншартрэна и персидскаго шаха? Я защищаю и берегу мою жизнь и мою душу, моего ребенка и моего любовника! Развѣ въ министерствѣ не хватитъ посланниковъ, которые исполнили бы порученіе не лучше и не хуже тебя? Но у меня, у меня только одинъ ты, и ты не можешь удалиться отъ меня, какъ не можешь уйти отъ своей тѣни. Смотри! я болѣе не гнѣваюсь и отрекаюсь отъ гадкихъ словъ, только что произнесенныхъ мною; умоляю тебя на колѣняхъ ради твоего сына, ради твоей Марй, скажи, что ты отправишься завтра въ министерство просить объ отставкѣ. Скажи мнѣ это!

— Моя бѣдная подруга, это невозможно; надо итти противъ теченія. Приказъ отданъ, приготовленія сдѣланы, корабль вступилъ подъ паруса, капитанъ, г. Тюржи, ожидаетъ моего пріѣзда въ Тулонъ, и 2-го марта готовъ принять меня на свой корабль, уже расцвѣченный флагами съ лиліями; насъ сопровождаетъ д-ръ Робэнъ въ качествѣ хирурга при миссіи; всѣ консулы уже получили инструкціи относительно моего проѣзда; персоналъ моего посольства ожидаетъ меня въ Тулонѣ съ государственными подарками шаху. Я болѣе не принадлежу себѣ: я—послушный слуга короля и долженъ ему повиноваться. Но зачѣмъ такъ отчаиваться? Я уѣзжаю не надолго. Путешествіе въ Персію — простая прогулка для меня, объѣхавшаго, въ полномъ смыслѣ слова, Средиземное море и уже посѣщавшаго государства Леванта. Это дѣло нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Посмотри на кавалера Шардэна, онъ въ теченіе десяти лѣтъ совершилъ два раза путешествіе, и его домашніе на это не жаловались, какъ благодаря его извѣстнымъ разсказамъ, такъ и благодаря его теперешнему блестящему положенію въ англо-индійской компаніи. Ты слишкомъ опасаешься за мое короткое отсутствіе и не думаешь о радостномъ возвращеніи. Вообрази только, какія почести, какая слава ожидаетъ насъ. Если, какъ я надѣюсь, мнѣ

удастся привезти оттуда выгодный торговый трактатъ, то уваженіе и благодарность короля — обезпечены: тогда не будетъ такого завиднаго поста, на который я не могъ бы имѣть притязаній. Такъ какъ и ты возвысишься вмѣстѣ со мною, то подумай, насколько ты не благодарна, обвиняя меня, тогда какъ, напротивъ, я работаю для твоего предстоящаго величія и будущности нашего ребенка.

— А въ рукахъ ли у тебя эти почести?—возразила Марй.—Въ какихъ смутныхъ, туманныхъ греaзахъ онѣ тебѣ рисуются? Ужъ не въ видѣ ли флибота корсаровъ, который захватитъ тебя при выходѣ изъ Тулона, и все твое посольство очутится въ водѣ или подъ оружейнымъ огнемъ? Не старайся меня развеселить и обольстить твоими утопіями; подъ моими завитушками болѣе здраваго смысла и практическаго ума, чѣмъ подъ твоимъ бѣлокурымъ парикомъ благоразумія. Ну, уходи! Ты никогда меня не любилъ, какъ я этого хотѣла бы; честолюбіе всегда занимало наполовину твое сердце, и спрашивается, чѣмъ я провинилась предъ небомъ, что оно не допустило тебя оставить меня въ моемъ скромномъ и спокойномъ ничтожествѣ.

Затѣмъ она прибавила отрывисто:

— Отправляйся. Я увижу, что мнѣ предпринять. Я сдѣлаюсь, чѣмъ могу. Что касается до нашего ребенка, то, въ ожиданіи возвращенія самаго изъ равнодушныхъ отцовъ, я буду воспитывать его, счастливая тѣмъ, что необходимость сохранитъ до конца того, кто принадлежитъ его матери.

Эта внезапная покорность Марй уязвила Жана болѣе, чѣмъ ея припадокъ гнѣва.

— Но что же ты хочешь, что бы я теперь сдѣлалъ?—спросилъ онъ ее.—Отказать королю значитъ погубить себя, и въ Бастиліи я буду еще дальше отъ тебя, чѣмъ въ Персіи.

Вдругъ Марй поднялась съ энергіей и рѣшительностью.

— Ну, такъ есть единственный исходъ, и надо на него рѣшиться,—сказала она.—Я отправлюсь вмѣстѣ съ тобою. Возьми меня.

Жанъ горько улыбнулся, какъ бы видя въ этомъ пустую мечту. Онъ поблагодарилъ Марй за преданность, но тотчасъ же предъ нимъ предстали крупныя препятствія: утомленіе отъ далекаго путешествія, трудно преодолимаго женщинами, длинные переходы, тяжелыя остановки въ снѣжныхъ горахъ Кавказа и, въ особенности, невозможность для посланника, представителя короля-солнца—въ глазахъ восточныхъ народовъ—путешествовать въ пріятномъ обществѣ женщинъ, не рискуя нанести ударъ достоинству своей миссіи и уваженію къ его величеству. Конечно, увѣрялъ ее Жанъ, онъ ее обожаетъ и уважаетъ, но затрудненія были безысходны: его положеніе по отношенію къ любовницѣ могло сдѣлаться источникомъ опасностей и истолковано въ смыслѣ оскорбленія величе-

ства. Это было тѣмъ болѣе опасно, что страна занята, главнымъ образомъ, іезуитами, пользующимися могуществомъ въ царствованіе суровой подстрекательницы насилія, фаворитки г-жи Ментенонъ.

Марй заплакала. Затѣмъ внезапно, будто осѣненная мыслью свыше, она встала и захлопала въ ладоши:

— Нашла,—сказала она.—Ты не можешь путешествовать съ женщиной, которая тебѣ не жена? Но племянникъ можетъ тебя сопровождать? Этимъ племянникомъ буду я. Я одѣнусь мужчиной. Всѣ препятствія устранены. Мой Жанъ, не говори, нѣтъ, это будетъ моей смертью.

Жанъ Фабръ былъ побѣжденъ этой преданной настойчивостью. Онъ согласился. Марй бросилась въ его объятія и воскликнула:

— Я тебя обожаю, я дамъ себя убить ради тебя. Рѣшено, ты берешь меня съ собою. Вѣрь мнѣ, я могу иногда оказать тебѣ услугу, и, можетъ быть, придетъ тотъ день, когда ты не пожалѣешь, что взялъ меня съ собою.

II.

Чтобы видѣть самую красивую панораму Тулона, надо подняться въ Шато д'О, такъ называемые Шаги Маски, на Фаронѣ.

Терраса Шаговъ Маски была отдѣлана на славу. Ряды плотныхъ грабинъ вели къ широкому перрону, который заканчивался справа и слѣва двумя мраморными перилами, украшенными бронзовыми вазами съ зелеными апельсиновыми деревцами. Площадка была усыпана мелкимъ пескомъ. Направо громадный фонтанъ бросалъ потоки клокотавшей воды въ широкій ониксовый водоемъ. Основаніемъ портика служилъ прежній порталъ часовни въ честь Куртинской Богоматери. Предъ этимъ портикомъ, на коврѣ изъ гранитнаго мха, въ сладострастной позѣ лежала мраморная наяда, держа одной рукой опрокинутую урну, откуда била ключемъ вода въ обширный водоемъ.

Вблизи этого прохладнаго уголка находились бесѣдки, украшенныя глицинами, гдѣ трактирныя служанки съ улыбкою подавали прохладительные напитки. Рѣшетка, съ помѣщенными по обѣимъ сторонамъ каменными львами, отдѣляла отъ террасы княжеское помѣстье какого-то сосѣдняго вельможи. Съ другой стороны находился кокетливый павильонъ, выходившій окнами на багряный горизонтъ. Въ этотъ часъ дня, подъ косыми лучами заходящаго солнца, площадка посѣщалась многочисленными гуляющими, зѣваками и торговцами. На выравненной площадкѣ мирные граждане играли въ шары и движеніемъ головы слѣдили за ихъ направленіемъ. Пары проходили въ столь же нѣжныхъ позахъ, какъ розовый цвѣтъ женскихъ платьевъ: молодыя женщины склоняли подъ

крохотными кружевными зонтиками свои нарумяненныя лица съ мушками, тогда какъ мужчины въ длинныхъ сливочнаго цвѣта жилетахъ, съ цвѣточками, въ пунцовыхъ кафтанахъ, съ треуголками, надѣтыми нѣсколько набокъ на ихъ короткихъ парикахъ, шли, гордо выставивъ грудь.

Игроки въ шары продолжали свою партію, обмѣниваясь новостями.

— Такъ посланникъ скоро отправляется?

— Объ этомъ говорили въ портѣ. Они отплываютъ ночью, чтобы достичь открытаго моря, не боясь корсаровъ.

— Еще бы! Они берутъ съ собою ящики и тюки! Если персидскій шахъ будетъ этимъ не доволенъ, то я не знаю, что ему еще надо. Развѣ это не несчастіе мотать такимъ образомъ деньги! Тысячи и тысячи экю отправляются на этомъ кораблѣ, и неизвѣстно ни для какой цѣли, ни куда; эти деньги, все равно, что брошенныя въ воду, такъ какъ, по моему мнѣнію, персидскій шахъ не увидитъ ихъ, а эта напрасная щедрость спасла бы отъ голода болѣе двухсотъ крестьянъ. Боже мой! если бы я сдѣлался королемъ, то прежде чѣмъ посылать такіе пустяки персидскому шаху, подумалъ бы, какъ утѣшить бѣдный народъ. Да не дальше, какъ сегодня утромъ, возвращаясь пѣшкомъ, я встрѣтилъ маленькую дѣвочку, съ виду лѣтъ семи, которая вся въ лохмотьяхъ сидѣла у забора. Я ее спросилъ, который ей годъ: оказалось ей тринадцать лѣтъ, но она была такая тщедушная, хилая и блѣдная, потому что у нихъ никогда нѣтъ дома хлѣба, и они ѣдятъ отваръ сурѣпицы и ржи, вслѣдствіе чего животъ малютки былъ раздутъ, какъ у беременной женщины. И во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ одно и то же. Развѣ это не жалость?..

— Берегитесь, другъ Дюверъ,—перебилъ его школьный учитель, Жанаръ, тоже игравшій въ шары съ важностью педагога, пропитаннаго ученостью:—берегитесь, такія рѣчи—опасны, а предметъ разговора—страшенъ. Вспомните о покойномъ Жанѣ Расинѣ, скончавшемся, благодаря королевской немилости, которой онъ подвергся вслѣдствіе состраданія къ бѣдному люду. Что касается посланника въ Персію, edepol! онъ совсѣмъ не внушаетъ мнѣ довѣрія, и я очень удивлюсь, если онъ будетъ въ состояніи хорошо исполнить королевское порученіе, взявъ съ собою такого племянника, какъ его, delicatum nepotem ac nebulonem.

— Онъ походитъ на бабенку,—смѣясь, сказалъ своимъ грубымъ голосомъ толстякъ Тома, торговецъ пряностями.

— Я полагаю,—продолжалъ поучительно педагогъ:—что необходима лира Катулла, чтобы воспѣть прелести этого племянника, и красивый миньонъ кажется мнѣ малополезнымъ въ серіозной экспедиціи.

Въ концѣ аллеи медленно прогуливалась парочка, любуясь пейзажемъ, озареннымъ заходящимъ солнцемъ. Линіи отдаленныхъ

холмовъ были растушеваны фіолетовымъ цвѣтомъ, смѣшаннымъ съ жгучимъ оттѣнкомъ воспламененнаго неба; вдали крѣпость Сентъ-Эльмъ выдѣляла силуэты своихъ зубчатыхъ бастіоновъ на темно-зеленомъ фонѣ контрфорсовъ, погрузившихся въ море у мыса Капэ; темная зелень лимонныхъ деревьевъ выдѣляла живую окраску береговъ и синеватый оттѣнокъ рейда, расположенныхъ предъ изящными домиками и рощицами Тамариса. Мачтовый лѣсъ поднимался въ глубинѣ бухты со стороны Сейны; съ другой стороны горизонта, пышная растительность и золотистый тонъ скалъ, озаренныхъ солнцемъ, придавали окрестностямъ Брюнскаго мыса живописный и пестрый видъ греческихъ береговъ. Вдали клочья морской пѣны бѣлѣлись, покрывая какъ бы ватой волнующіеся гребни волнъ, и среди загромождающихъ рейдъ кораблей выдѣлялся, какъ бѣлый сигнальный значекъ, флагъ съ лиліями на кораблѣ посланника.

Въ тотъ моментъ, какъ парочка проходила близъ каменной пирамиды, служившей центромъ круглой площадки, ихъ узналъ молодой человѣкъ, который тоже гулялъ, любуясь красивой панорамой. Онъ быстро подошелъ къ нимъ.

— Какъ, вы здѣсь? Какой чортъ сказалъ бы мнѣ, что я встрѣчу въ Тулонѣ красавицу Флоризу и украшеніе салона моей тетки, волокиту Альвейра!

— А, наконецъ, вотъ и Жакъ Фабръ. Мы думали васъ встрѣтить до отплытія корабля; намъ сказали, что вы осматриваете городъ, и мы послѣдовали вашему примѣру.

— Очень мило, что вы явились съ нами распроститься.

— Какъ распроститься? Но мы тоже ѣдемъ!

— Возможно ли? Куда же вы отправляетесь?

— Съ вами въ Персію!

— Клянусь моими усами! Вотъ такъ презабавное и препріятное приключеніе! Но благодаря какому случаю и по какой причинѣ рѣшились вы на такое длинное путешествіе?

Они объяснили, что съ того дня, какъ Марй сблизила ихъ за игорнымъ столомъ и какъ бы утвердила ихъ союзъ, они понравились другъ другу и сошлись; теперь имъ нужно совершить свадебное путешествіе, и случай представился самъ собой: Флоризѣ— сопровождать свою подругу Марй, а Альвейру—сдѣлаться секретаремъ и помощникомъ Жана Фабра, какъ онъ ему это предлагалъ, колеблясь довѣрить эту обязанность одному Жаку, въ виду его молодости. Они долго колебались и рѣшились лишь, когда посольство покинуло Парижскую заставу. Наконецъ, имъ удалось прибыть во время; они слѣдовали съ мѣста на мѣсто за королевской миссіей, но такъ какъ частные кучера ничего не стоили сравнительно съ королевскими курьерами, то вотъ почему имъ не удалось догнать путешественниковъ ранѣе.

Въ этотъ моментъ они остановились предъ перилами, чрезъ которыя стали любоваться на море и низкій берегъ, гдѣ луга и огороды вырисовывались шашечницей; нѣсколько крадратныхъ башенъ и колокольня обозначали мѣстонахожденіе бастіона и церкви; казармы же, военныя квартиры и арсенальные доки были окружены кое-какими жилищами.

— Солнце садится,—сказалъ Альвейръ:—спустимся внизъ.

Они вышли за городъ и, миновавъ посадъ и дворы, засаженные коренастыми чинарами, очутились въ гавани, вдоль которой шли нѣкоторое время.

Внезапно изъ-за арсенальной стѣны они вышли на набережную, полную оживленія, вызваннаго скорымъ отплытіемъ кораблей. Изъ низкихъ подозрительныхъ лавченокъ выходили сгорбившись, тяжелыми шагами, матросы, съ короткими трубками въ зубахъ. Въ корзинахъ лежала мелкая рыба, выставляя на показъ, какъ на окнѣ брильянтщика, свои отливчатыя великолѣпныя окраски. Здѣсь была макрель съ опало-перламутровымъ брюшкомъ, покрытымъ изумрудовымъ глянцемъ съ оранжевымъ отблескомъ, сафировымъ, рубиновымъ и агатовымъ сіяніемъ, въ розовомъ и лиловомъ тонѣ, крапчатый палтусъ, блестящій мерланъ, золотистокоричневая камбала и лангустъ темноватый, какъ рукоятка кинжала. Предъ лавками птичниковъ стояли клѣтки съ пронзительно кричавшими трехцвѣтными какаду, торговцы же сукнами выставили куски синяго полотна для одежды отправлявшихся въ путь матросовъ.

Затѣмъ они прошли мимо бойни. Тамъ подъ котломъ, висѣвшимъ на трехъ кольяхъ, поставленныхъ козлами, горѣлъ огонь; вдоль берега, между старыми боченками, врытыми въ землю вмѣсто пограничныхъ знаковъ, были выравнены въ прямую линію ряды бочекъ съ виномъ; торговецъ продàвалъ жестяные фонари, висѣвшіе гроздами на крюкѣ, а работники съ бойни плетями загоняли стадо быковъ въ раскрытый выгонъ. На крюкахъ висѣли громадные куски говядины, распространявшей въ воздухѣ запахъ крови.

Докъ былъ загроможденъ цѣлыми горами ящиковъ съ названіемъ и гербомъ готоваго къ отплытію судна, которое называлось «Грозный». На нихъ были надписаны названія товаровъ: свѣчи, горчица, сахаръ, мерланъ. Полураздѣтые негры, въ красныхъ платкахъ на головахъ и желтыхъ полотняныхъ штанахъ, отпрягали изъ телѣгъ лошадей въ остроконечныхъ и разукрашенныхъ хомутахъ; возлѣ нихъ офицеръ пробѣгалъ глазами кипу коносаментовъ.

Немного далѣе они пересѣкли дорогу группѣ изъ четырехъ каторжниковъ, въ красныхъ колпакахъ, желтыхъ штанахъ и алыхъ курткахъ; грудь ихъ была обнажена, а ноги босы. Скованные попарно длинной цѣпью, заклепанной у каждаго изъ нихъ на ло-

дыжкѣ ноги или кисти руки, они взваливали ее на плечи для облегченія тяжести, и при этомъ оглашали воздухъ обычнымъ крикомъ каторжниковъ: «у».

Ихъ сопровождалъ смотритель въ синемъ мундирѣ съ красными отворотами и въ желтыхъ штиблетахъ.

— Несчастные люди,—сказала Флориза.

Услышавъ эти слова соболѣзнованія, одинъ изъ каторжниковъ засмѣялся и свободной рукой сдѣлалъ непристойный жестъ.

Предъ грубой галерой, выкрашенной въ зеленый цвѣтъ, среди кувшиновъ и бочекъ, алжирецъ въ бурнусѣ курилъ тонкую длинную трубку. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега съ шумомъ работалъ черпакъ, и возмущенная вода кружила буй и понтонные плоты.

На другомъ берегу двигались взадъ и впередъ работающіе на сушѣ въ грубой одеждѣ моряки, послушные призыву трубы. За ними виднѣлся артиллерійскій паркъ съ рядами пушекъ, пирамидами круглыхъ ядеръ и связками банниковъ.

Флориза пришла въ восторгъ отъ оживленія суетившейся толпы.

У нихъ еще оставалось свободное время, и они продолжали путь. Обогнувъ бастіонъ, они очутились среди черныхъ скалъ, куда горожане приходили наслаждаться вечерней прохладой.

На морѣ виднѣлись увеселительныя лодки съ балдахинами; на ихъ носовой части находился или барабанщикъ, бившій въ узкій, длинный барабанъ, или флейтистъ, или рожечникъ.

Это была настоящая ярмарочная суматоха, напоминавшая Сенъ-Лоранскую ярмарку, только на синихъ волнахъ и при заревѣ заходящаго солнца.

На песчаномъ берегу торговки съ большими бутылями въ ивовыхъ плетенкахъ за небольшое вознагражденіе продавали питье. Толпа мальчишекъ купалась въ очень первобытной одеждѣ; съ оконечностей своихъ худенькихъ рукъ они побѣдоносно стряхивали крабовъ, которыхъ вынимали изъ-подъ камней.

Расположившіеся въ грязной палаткѣ изъ тряпья гаеры устроили представленіе предъ своимъ жилищемъ. Въ одеждѣ Пьерро и Коломбины они танцовали предъ любопытными зрителями bourrée, подъ звуки скрипки и флейты. Воспламененныя страстью пары укрывались въ береговыхъ извилинахъ. Бродяги сидѣли на утесахъ, свѣсивъ ноги, и смотрѣли на небо.

— Вечеръ обѣщаетъ быть прекрасный,—сказалъ Жакъ.

— Море намъ благопріятствуетъ.

Съ минуту они смотрѣли на площаднаго фокусника, но день склонялся къ вечеру, и Альвейръ замѣтилъ, что, можетъ быть, время собираться въ портъ, гдѣ капитанъ «Трезубца», г. Тюржи, назначилъ имъ свиданіе въ 7 часовъ.

III.

5-го марта 1705 года уже минуло три дня, какъ «Трезубецъ» находился въ морѣ. Вѣтеръ былъ благопріятный; мачтовый часовой еще не подавалъ сигнала о появленіи на горизонтѣ какого, либо флибота съ пиратами; плаваніе обѣщало быть благополучнымъ.

Раздался звонъ обѣденнаго колокола, и въ каютъ-кампанію одинъ за другимъ собрались пассажиры, чтобы сѣсть за столъ. Посланникъ, Жанъ Фабръ, занялъ почетное мѣсто рядомъ съ капитаномъ корабля, Тюржи. Противъ посланника сѣлъ его ложный племянникъ, Арманъ,—не кто иной, какъ переодѣтая Марй,—его другой племянникъ, Жакъ, влюбленная парочка—Альвейръ съ Флоризой, докторъ Робэнъ, посольскій врачъ, толстый, короткій, багровый весельчакъ, любящій хорошо покушать, сынъ Марй, маленькій Пьеръ, и его гувернантка Лизонъ, разбитная, румяная толстушка лѣтъ тридцати. Кромѣ того, за столомъ находились еще монахъ—капуцинъ, отправлявшійся въ Смирну, съ цѣлью присоединиться къ своему ордену, лѣсопромышленникъ, котораго дѣла призывали въ Ливанскія горы, торговецъ подержанными вещами, отправлявшійся попытать счастье въ Левантъ, и приказчикъ, странствующій съ благовонными товарами, наперерывъ съ докторомъ Робэномъ ухаживавшій за г-жею Лизонъ.

Разговоръ шелъ о состояніи моря и вѣтра, и, повидимому, все предсказывало прекрасный, тихій день.

Между тѣмъ, въ воздухѣ носилась буря. Альвейръ, находясь съ Марй въ столь тѣсной и продолжительной близости, неизбѣжной на кораблѣ, не могъ не подпасть подъ могущественныя чары красавицы-банкометки, какъ и въ тотъ вечеръ, когда онъ увидѣлъ ее впервые въ улицѣ Мазарини. Очень возможно, что, несмотря даже на свою связь съ Флоризой, перспектива сопровождать Марй были причастна къ его поспѣшному рѣшенію отправиться съ Жаномъ Фабромъ.

Онъ сдѣлался втайнѣ усерднымъ поклонникомъ красавицы-банкометки и, опираясь на дружбу Флоризы, уже болѣе не покидалъ Марй. Во время жаркаго полдня всѣ собирались подъ навѣсомъ на мостикѣ и проводили тѣснымъ кружкомъ цѣлые часы, растянувшись на длинныхъ креслахъ. Переодѣтая мужчиной, Мари сдѣлалась для Альвейра еще соблазнительнѣе и пикантнѣе. Различныя затрудненія и опасенія выдать предъ экипажемъ переодѣваніе Мари, возбудить подозрѣнія Жана Фабра и пробудить недовѣрчивость Флоризы—все это еще болѣе разжигало страсть Альвейра. Въ отвѣтъ на его ухаживанье Марй только улыбалась и слабо обнадеживала его, принимая все за шутку.

Однако Альвейръ сдѣлалъ ошибку, не остерегаясь другого тайнаго обожателя Марй, который былъ преданъ ей до смерти,—

Жака, и отъ котораго не ускользнули всѣ уловки Альвейра, такъ какъ любовь проницательна относительно соперничества.

Обѣдъ окончился, и всѣ поднялись на мостикъ. Приказчикъ, странствующій съ благовонными товарами, и докторъ Робэнъ сопровождали г-жу Лизонъ, осыпая ее пошлыми любезностями и бросая другъ на друга враждебные взгляды. Вдругъ она выронила изъ рукъ клубокъ шелку, который, покатившись къ отверстію въ абордажной сѣткѣ, упалъ въ море. Оба обожателя въ одно и то же время бросились его поднимать, но въ своемъ рвеніи ударились лбами и, перекувырнувшись, нанесли себѣ удары рукою по глазной впадинѣ. Увидя своихъ ухаживателей лежавшими на спинѣ и бившими по воздуху ногами и руками, какъ опрокинутыя сѣнокосилки, г-жа Лизонъ едва удержалась отъ взрыва смѣха. Она съ большимъ трудомъ охладила ихъ желаніе кончить ссору кулачнымъ поединкомъ, и они заключили миръ изъ любви къ прекраснымъ глазамъ своего кумира.

Впрочемъ въ этотъ моментъ г-жа Лизонъ увидѣла маленькаго Пьера, карабкавшагося по вантамъ вмѣстѣ съ юнгами, съ которыми онъ уже подружился, и, громко воскликнувъ, такъ высоко всплеснула руками, что лопнули всѣ швы ея лифа. Отъ страха она поблѣднѣла при мысли, что мальчикъ можетъ упасть, и воскликнула сдавленнымъ голосомъ:

— Пьеръ! ради неба сойди!

Маленькій проказникъ отвѣчалъ ей сверху:

— Сначала вы придите за мною сюда, г-жа Лизонъ, и вы будете похожи на архангела, летящаго по воздуху.

Тюржи вмѣстѣ съ Жаномъ Фабромъ поднялись на вахтенный мостикъ; они изслѣдовали горизонтъ, посмотрѣли на легкій полетъ перистыхъ облаковъ и на чаекъ, на лету задѣвавшихъ крыльями гребни волнъ, покрытыхъ бѣляками. Дельфинъ-великанъ выбрасывалъ двойной столбъ воды, падавшей кривой линіей, какъ два хрустальные рога. Въ зрительную трубу Тюржи замѣтилъ виднѣвшуюся вдали маленькую точку: онъ еще не могъ опредѣлить, было ли это судно или морской рифъ.

Марй тоже поднялась изъ-за стола и отправилась въ сопровожденіи Флоризы въ свою каюту. Онѣ должны были вскорѣ возвратиться и подняться на мостикъ для послѣобѣденнаго отдыха.

Марй вышла первая и на минуту очутилась одна съ Альвейромъ въ углѣ коридора. Послѣдній, подъ вліяніемъ нервнаго раздраженія отъ морского бездѣльничанья и чрезмѣрнаго послѣобѣденнаго возбужденія, внезапно обезумѣвъ, соблазнился случаемъ и, схвативъ Марй за талью, поцѣловалъ въ затылокъ.

Послѣдняя, освобождаясь изъ его объятій, только засмѣялась и слегка ударила его ладонью по лицу.

— Вы съ ума сошли! Смотрите, кто-то есть.

— Никто не видѣлъ,—сказалъ Альвейръ, смѣясь.

Но въ тотъ моментъ, когда произошла эта сцена, изъ-за угла показался Жакъ. Онъ прикинулся, что ничего не видѣлъ. Въ свою очередь вошла и Флориза; они всѣ поднялись на мостикъ и растянулись на длинныхъ креслахъ. Только одинъ Жакъ не сѣлъ и, обратясь къ Альвейру, сказалъ:

— Пройдемтесь по палубѣ.

— Охотно,—отвѣчалъ Альвейръ.

Оба они прохаживались молча, инстинктивно нервничая, переступая чрезъ свернутый такелажъ, желѣзныя цѣпи, швартовъ кабестана, проходя вдоль обмазанныхъ дегтемъ и липкихъ стѣнокъ каютъ, мимо шкаповъ для флаговъ, лафетовъ коронадъ, тумбы компаса, перилъ лѣстницъ, спускавшихся въ складочныя каюты и, не произнося ни слова, достигли кормы, возвышавшейся надъ названіемъ судна и золоченымъ изображеніемъ Нептуна, опиравшагося на трезубецъ.

Первый прервалъ молчаніе Жакъ:

— Сударь, вы только что при мнѣ оскорбили женщину, которая мнѣ вдвойнѣ дорога, какъ подруга моего дяди и кумиръ моего сердца.

— Развѣ вамъ я долженъ дать удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное вашему дядѣ?

— Не надо, чтобы онъ объ этомъ зналъ, сударь. Я такой же соперникъ ему, какъ и вамъ, если можно назвать соперничествомъ ревнивую и преданную любовь, которая готова заплатить жизнью за счастье своего предмета любви. Это дѣло между нами.

Въ тотъ моментъ съ вахтеннаго мостика раздался свистокъ.

Это былъ сигналъ тревоги, увѣдомлявшій о появленіи корсаровъ. Черная точка, за которою наблюдалъ Тюржи, увеличилась и оказалась флиботомъ. Матросы забѣгали во всѣ стороны, начали вставлять пушечные заряды и вынимать изъ козелъ арсенала ружья, а нѣкоторые изъ нихъ отправлялись на свой постъ къ пушкамъ. Обезумѣвшія женщины съ криками спасались по лѣстницамъ.

— Вотъ и корсары, сударь, приступимте скорѣе,—сказалъ Жакъ.

Цѣлая гора тюковъ скрывала ихъ отъ постороннихъ взоровъ. Они обнажили шпаги. Корабль подвергся такой сильной килевой качкѣ, что они должны были уцѣпиться лѣвой рукой, такъ какъ острія шпаги отклонялись.

При вторичномъ ихъ наступленіи въ воздухѣ раздался свистъ, за которымъ послѣдовалъ грохотъ: надъ ихъ головами пронеслось ядро и ударилось въ нижнія реи бизань-мачты, которыя съ шумомъ упали обломанной стороной впередъ. При паденіи онѣ едва не коснулись головы Альвейра и не раскроили ему черепа. Жакъ въ невольномъ порывѣ бросилъ шпагу, схватилъ въ охапку своего противника, приподнялъ его и бросилъ на такелажъ.

Въ одинъ моментъ они были покрыты обрывками снастей и парусовъ и слегка задѣты остріемъ реи.

Только теперь понялъ Альвейръ поступокъ Жака.

Онъ поднялся и, протянувъ молодому человѣку руку, сказалъ:

— Я обязанъ вамъ жизнью, Жакъ: она въ вашемъ распоряженіи.

Тѣмъ временемъ флиботъ приблизился; это были алжирскіе корсары, съ хитростью поднявшіе бѣлый флагъ, чтобы заманить корабль. На ихъ первые выстрѣлы Тюржи не отвѣчалъ и далъ имъ приблизиться.

Когда же разстояніе оказалось надлежащимъ, онъ приказалъ поднять королевскій флагъ и открыть огонь. Разомъ было выпущено восемь зарядовъ, настолько очистившихъ палубу флибота, что послѣдній, сильно поврежденный, немедленно повернулъ и пустился въ открытое море.

Жакъ и Альвейръ, поднявъ свои шпаги, бросились бѣжать, опасаясь абордажа.

Когда же опасность миновала, Жакъ отвелъ въ сторону своего противника и сказалъ ему:

— Альвейръ, вы не обязаны мнѣ жизнью; я сдѣлалъ, что вы сами сдѣлали бы въ подобномъ случаѣ; ваша неожиданная смерть не удовлетворила бы меня.

— У меня есть шпага и у васъ тоже, такъ возобновимъ; я ожидаю васъ,—сказалъ Альвейръ безъ всякаго гнѣва и ненависти, а съ мягкой развязностью изысканнаго придворнаго, беззаботно относящагося къ жизни и смерти, легкомысленнаго и въ то же время отважнаго.

— Нѣтъ, — сказалъ Жакъ,—повѣрьте мнѣ, Альвейръ, хотя я моложе, но, можетъ быть, здравомыслящѣе васъ. Вы мнѣ обязаны жизнью, и я вамъ продиктую мои условія. Вы любите Марй, но у васъ есть другая связь; я тоже ее люблю, но долженъ уважать, какъ подругу моего дяди. Вмѣсто того, чтобы разжигать наши несбыточныя страсти, соединимъ ихъ вмѣстѣ и будемъ покровительствовать во всѣхъ обстоятельствахъ этой восхитительной женщинѣ, которая, по всей вѣроятности, подвергнется тысячамъ опасностей. Она можетъ разсчитывать только на насъ, если несчастью будетъ угодно оставить ее одинокой съ ея ребенкомъ въ чужой странѣ. Скажите, развѣ это не благородная и не прекрасная миссія для двухъ любящихъ сердецъ—соединить свою ревность, совмѣстить свое разномысліе и найти гарантію безопасности женщины въ общности ихъ пылкой любви къ ней.

Аристотель философски объяснилъ, почему благодѣтель болѣе привязанъ къ благодѣтельствуемому, чѣмъ послѣдній къ первому, и этотъ законъ человѣческой души еще разъ нашелъ примѣненіе на «Трезубцѣ», примиривъ недавнихъ враговъ.

Альвейръ протянулъ обѣ руки Жаку и сказалъ:

— Жакъ, у васъ честное сердце: я былъ безумецъ.

И оба мужчины обнялись. Достигнувъ палубы, они не могли удержаться отъ смѣха при видѣ продавца благовонныхъ товаровъ и доктора; они сидѣли на такелажѣ блѣдные и вытирали себѣ лобъ, испуганные нападеніемъ корсаровъ и забывъ о Лизонъ.

Остальное плаваніе прошло безъ приключеній; только однажды, на зарѣ, были замѣчены три галіота съ пиратами; они направлялись къ «Трезубцу»; море было спокойно и пустынно: опасность была велика въ виду малочисленности и безсилія экипажа, несмотря на свои десять мортиръ, каронады и ружья. Тогда Тюржи прибѣгнулъ къ хитрости, выказавъ большую рѣшительность, и смѣло продолжалъ путь.

Галіоты направлялись на «Трезубецъ» полнымъ попутнымъ вѣтромъ, но видя, что галера не измѣняетъ направленія, пираты испугались и оставили ее въ покоѣ.

IV.

Въ разукрашенномъ залѣ французскаго посольства въ Константинополѣ, на грудѣ вышитыхъ шелковыхъ подушекъ лежала въ изящномъ домашнемъ нарядѣ г-жа Фабръ. Она забавлялась разговоромъ съ маленькой семилѣтней дѣвочкой. Эта дѣвочка была впослѣдствіи знаменитой Аиссэ, нѣжной, любящей и преданной кавалеру Эди, чистой въ своемъ паденіи и полной самоотверженія среди скандаловъ Палэ-Рояля и Регентства, вложившей все свое счастье въ счастье предмета своей любви, и прелестную переписку которой можно сравнить съ крикомъ раненой голубки въ лѣсу, переполненномъ сатирами.

Въ ушахъ хорошенькой дѣвочки красовались кольца, а на головѣ уборъ изъ цехиновъ; ея маленькія ручки выходили изъ кисейныхъ рукавовъ, ниспадавшихъ до земли, талія же была перетянута широкимъ шелковымъ поясомъ.

— Такъ завтра, сударыня, годовщина моего пріѣзда во дворецъ?

— Да, моя дорогая, завтра ровно четыре года, какъ злые турки похитили тебя у твоихъ родителей, а графъ Ферріоль выкупилъ тебя.

— Какъ же называется моя родина?

— Я уже тебѣ говорила: Кавказъ. Ты очаровательная маленькая черкешенка, восторгъ—какая хорошенькая!

— Я это знаю, сударыня; вы увидите завтра, какую мнѣ надѣнутъ для моего праздника красивую вышитую золотомъ шапочку. Я очень довольна, что нахожусь здѣсь. Я такъ испугалась, когда турки пришли въ нашу деревню! Мнѣ не было еще четы-

рехъ лѣтъ, но я все-таки объ этомъ помню. Сосѣднія хижины пылали, всѣ люди кричали, спасались и толкали другъ друга. Я болѣе не видала мамы; желтый человѣкъ, съ густыми черными усами, взялъ меня на руки и отнесъ въ палатку, гдѣ было уже много женщинъ со связанными руками, и всѣ онѣ плакали. Всѣ онѣ были очень красивы.

— Какое варварство! какія нравы!—сказала г-жа Фабръ:—и какой позоръ эти публичные рынки!

— Да, сударыня, меня продали, и это было большое счастье, потому что графъ Ферріоль могъ меня купить. Мнѣ такъ здѣсь хорошо!

Она удивилась, увидя грустное лицо своей взрослой подруги; она задала ей тысячу вопросовъ, которые были мучительны для бѣдной изгнанницы, бросившей мужа ради дворца своего могущественнаго друга. Она спрашивала ее: есть ли у нея родители, чѣмъ занимается ея мужъ, почему онъ не съ нею? Она осыпала ее вопросами о ея родинѣ, о Франціи, которую ей обѣщали показать, о знаменитомъ Парижѣ, куда обѣщалъ ее взять въ одинъ прекрасный день ея покровитель, и гдѣ, двадцать лѣтъ спустя, она была царицей красоты и ума.

Г-жа Фабръ была великолѣпная темноволосая женщина, съ самымъ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, прозрачной, какъ перламутръ, кожей, слегка испещренной синими жилками, съ миндалевидными глазами, длинными рѣсницами, гибкимъ роскошнымъ тѣломъ. Ея кошачьи лѣнивыя движенія свидѣтельствовали скорѣе о страстной томности, чѣмъ объ энергіи.

Она была любовницей посланника, маркиза Аржанталя, графа Ферріоля, въ продолженіе 11 лѣтъ, т.-е. со дня, когда покинула своего мужа, явившагося въ Константинополь въ качествѣ делегата отъ верхной торговой палаты.

Въ первые годы она вполнѣ вкусила всѣ радости честолюбія и любви. Она занимала почетное мѣсто на всѣхъ празднествахъ, и брильянтщики Стамбула изощрялись въ придумываніи для нея самыхъ модныхъ уборовъ.

Но теперь ея любовникъ уже не ухаживалъ за нею и не ласкалъ ея, какъ прежде: привычка притупила страсть и породила пресыщеніе. Графъ Ферріоль теперь искалъ развлеченій внѣ дома, и сердце ея друга ускользало отъ нея почти безвозвратно.

Графъ Ферріоль обладалъ страннымъ характеромъ—фантастическимъ, вспыльчивымъ и жестокимъ. Онъ никогда не имѣлъ аудіенціи у султана, отказавшись появиться предъ нимъ безъ шпаги, какъ предписывалъ придворный этикетъ. Благодаря своимъ грубымъ выходкамъ, онъ лишался самыхъ нѣжныхъ привязанностей и былъ полонъ капризовъ и чудачествъ. Впрочемъ, какъ извѣстно, онъ окончилъ жизнь сумасшедшимъ.

Г-жа Фабръ, чувствуя себя въ свою очередь покинутой, съ горечью думала о прошедшемъ. Она представлялась себѣ совсѣмъ ребенкомъ, тѣхъ же лѣтъ, какъ Аиссэ, взлелѣяннымъ въ родной семьѣ, затѣмъ—замужемъ за богатымъ марсельцемъ, котораго сдѣлала несчастнымъ. Она мечтала о томъ, что ея существованіе могло бы сложиться совершенно иначе у семейнаго очага, оживленнаго улыбкою близкихъ.

Вмѣсто спокойнаго счастья оказалось изгнаніе, тоска, бездѣлье, безпокойная скука вѣтреной натуры, утомленной однообразіемъ давней связи. Въ одно и то же время она любила и ненавидѣла эти невольно-жестокіе вопросы и нескромности маленькой Аиссэ. Она занялась ея воспитаніемъ, заставляла ее читать французскія книги, и молодая невольница приводила всѣхъ въ восторгъ своимъ скороспѣлымъ развитіемъ. Съ душею и со вкусомъ, она исполняла на клавесинахъ трудныя пьесы и прелестно играла на маленькой арфѣ, заказанной графомъ по ея росту.

Ее очень занимала географія, и она заставляла разсказывать себѣ о нравахъ и обычаяхъ различныхъ народовъ, особенно интересуясь Парижемъ, зная, что въ одинъ прекрасный день она увидитъ его. У нея даже была оптическая игрушка съ раскрашенными видами городовъ и памятниковъ Франціи.

Онѣ разговаривали о Парижѣ, когда раздавшійся въ сѣняхъ шумъ оружія янычаръ извѣстилъ о приходѣ посланника.

Дверь отворилась, и появился графъ Ферріоль, именно такимъ, какъ его рисовалъ художникъ Жувнэ: съ угловатыми скулами, густыми бровями, суровымъ взоромъ, широкой шеей, плоскимъ подбородкомъ—вообще угрюмой наружности. На немъ былъ просторный мундиръ, разукрашенный орденами, сбоку висѣла шпага, ударявшая его по икрамъ въ обтянутыхъ красныхъ чулкахъ; задки его башмаковъ были высокіе, какъ у наѣздника, на воротѣ рубашки красовалась лента, а на головѣ согласно послѣдней модѣ былъ надѣтъ квадратный парикъ изъ конскаго волоса, напудренный добѣла, такой, какъ носили уже около двухъ лѣтъ въ Парижѣ, что̀ заставляло пудрить и одежду, чтобы она не казалась загрязненной.

Онъ разговаривалъ съ сопровождавшимъ его мужчиной. Это былъ граверъ Ле-Гэ, которому онъ заказалъ богатое собраніе эстамповъ, представляющее типы восточныхъ народовъ, очень цѣнное въ настоящее время. Позади посланника шли два янычара и несли громадную папку изъ зеленаго сафьяна съ посольскимъ гербомъ и шифромъ.

— Эмили,—сказалъ посланникъ:—представляю вамъ великаго художника, г. Ле-Гэ; онъ проведетъ нѣкоторое время здѣсь, чтобы произвести на мѣстѣ нашу прекрасную работу восточныхъ типовъ; ея изящные пробные листы вы уже видѣли.

— Дѣйствительно, сударь, — отвѣтила она: — я уже оцѣнила точность и тонкость вашего таланта и счастлива, что имѣю случай поздравить васъ.

Художникъ почтительно поклонился.

— Любезный Ле-Гэ,—сказалъ посланникъ:—надо вамъ представить мою маленькую невольницу Аиссэ. Не думаю, чтобы для начала серіи нашихъ восточныхъ женщинъ вы могли найти типъ красивѣе, правильнѣе и удачнѣе, чѣмъ эта очаровательная черкешенка. Оставляю васъ; познакомьтесь съ нею и изучите ее, прежде чѣмъ нарисуете ея портретъ,—это существенное условіе для достиженія совершеннаго сходства. Въ портретѣ физическое сходство—аксессуары, главное—нравственное сходство.

— Вы думаете и выражаете мысли, какъ законченный художникъ,—замѣтилъ на это Ле-Гэ.

— Моя дорогая,—прибавилъ графъ, обращаясь къ г-жѣ Фабръ:—извините меня, что сегодня я не обѣдаю съ вами. Вы останетесь съ г. Ле-Гэ. Въ скоромъ времени собирается совѣтъ по поводу важныхъ извѣстій, сообщенныхъ мнѣ депешей изъ Леванта, и очень вѣроятно, что меня долго задержатъ.

— Нѣтъ ли чего тревожнаго въ этихъ извѣстіяхъ?—спросила она.

— Ничего нѣтъ,—удовольствовался отвѣтить посланникъ, избѣгая настоятельныхъ вопросовъ.

Потомъ, обернувшись къ янычарамъ, которые принесли папку, онъ грубо приказалъ:

— Ну, негодяи, положите эту папку къ ногамъ барышни и убирайтесь.

Въ то время, какъ оба солдата бросились укладывать папку на подушку, смягчившійся графъ поднялъ маленькую Аиссэ на руки и, поцѣловавъ, сказалъ:

— Я думалъ о тебѣ, моя маленькая черкешенка, и вотъ для твоего праздника самыя красивыя картинки, какія только дѣлаются отъ Босфора до Кавказа.

Съ минуту онъ перелистывалъ альбомъ вмѣстѣ съ нею: страницы были изъ шелковой затканной узорами матеріи, шелковой грузинской ткани съ вышитыми фигурами и армянской бумаги съ миніатюрами, покрытыми позолотой. Но посланникъ очень торопился и, быстро поднявшись, сказалъ:

— Покидаю васъ, меня ожидаетъ совѣтъ.

И онъ вышелъ.

Ле-Гэ никогда не видалъ г-жи Фабръ, ничего о ней не зналъ, даже ея имени. Она была молода и красива, и потому онъ изо всѣхъ силъ старался ей понравиться. Желая показаться, какъ можно болѣе любезнымъ, онъ поспѣшилъ расхвалить Аиссэ ея эстампы.

Они разсматривали эти любопытныя страницы миніатюръ бухарскихъ художниковъ, наброски Акхлати и астрономическія фи-

гуры, заимствованныя изъ зодіака. На одной страницѣ была представлена богиня, въ фіолетоваго цвѣта одѣяніи; изъ ея шелковисто-черныхъ волосъ выходило пламя, и она обладала тремя глазами, подъ ея ногами лежалъ отброшенный ею тюлень; другой же, на брюхѣ котораго красовалась голова тигра, находился предъ ея грудью. На слѣдующей страницѣ было изображеніе всадника, скитавшагося среди розовыхъ горъ, усѣянныхъ трехлопастными цвѣтами; надъ нимъ разстилалось ослѣпительно-лазоревое безоблачное небо. То встрѣчались восхитительныя по сложности и тонкости отдѣлки цвѣтныя мозаики, изображавшія двери мечетей, окраймленныя тонкой сѣтью разноцвѣтныхъ арабесокъ. При каждомъ новомъ изображеніи маленькая Анссэ хлопала въ ладоши. Просто и завлекательно объяснилъ ей Ле-Гэ значеніе рисунковъ, и г-жа Фабръ, заинтересовавшись его объясненіями, любовалась вмѣстѣ съ ними необычайною тонкостью мусульманскаго искусства.

— Ихъ искусство привлекательнѣе самой страны и нравовъ,— сказала она.

— Константинополь, сударыня, какъ я вижу, не имѣетъ счастія нравиться вамъ.

— Я до смерти здѣсь скучаю. Французская колонія малочисленна; что же касается до проѣзжихъ французовъ, то они такъ рѣдки, и людей чѣмъ нибудь замѣчательныхъ видишь не болѣе двухъ въ годъ.

— Вѣроятно, вы видите всѣхъ посланниковъ, отправляемыхъ въ эти страны его величествомъ Людовикомъ XIV?—спросилъ Ле-Гэ.

— Конечно. Не такъ давно проѣзжалъ здѣсь маркизъ Пёти де-Лакруа, сынъ, возвращаясь во Францію. Онъ разсказывалъ презабавныя исторіи о происках голландцевъ.

— Это правда,—сказалъ Ле-Гэ:—они скрываютъ отъ арабовъ пораженія, нанесенныя имъ его величествомъ, нашимъ королемъ Людовикомъ XIV, и повсюду разсказываютъ о своихъ побѣдахъ. Но г. Пёти де-Лакруа обратилъ въ ничто ихъ ложь, и Франція многимъ ему обязана. Онъ сочинилъ для народовъ Малой Азіи апологію «Солнце и Лягушки», на арабскомъ языкѣ; она представляетъ самую строгую сатиру на Голландію и пользуется столь значительнымъ успѣхомъ, что нѣтъ такой цырульни и перекрестка, гдѣ бы ея не разсказывали.

— Онъ очень любезный человѣкъ и краснорѣчивый собесѣдникъ,—замѣтила г-жа Фабръ.

— Но, сударыня, развѣ здѣсь еще не говорятъ о прибытіи французскаго посланника, котораго, конечно, вы будете имѣть честь принимать у себя? Онъ не заставитъ васъ долго себя ожидать. Я только совершенно случайно узналъ о его пріѣздѣ. Съ цѣлью раздобыться особенно красивой точкой зрѣнія на Эйумъ съ моря, я нанялъ

каикъ, и мой лодочникъ, узнавъ по моему выговору, что я французъ, разсказалъ мнѣ, будто нѣсколько часовъ тому назадъ онъ перевозилъ тюки одного французскаго дворянина. Этотъ господинъ пріѣхалъ съ азіатскаго берега и щедро заплатилъ лодочнику. Его сопровождало нѣсколько молодыхъ людей, повидимому, очень красивыхъ: это были его секретари. Ради возбужденія въ лодочникѣ усердія, они разсказывали ему, что онъ везетъ французскаго посланника и его богатства. Не знаю, можетъ быть, они надъ нимъ насмѣхались.

— Вы, должно быть, ошибаетесь, сударь: въ данный моментъ здѣсь нѣтъ никакой французской миссіи.

— Вы не ожидаете никакого посланнаго отъ Людовика XIV?

— Навѣрно, никакого, развѣ только онъ вынырнетъ изъ волнъ, какъ тритонъ. Полноте! подобные случаи часто бываютъ: это какой нибудь незначительный купецъ. Они пользуются этимъ средствомъ ради своей безопасности и успѣха своего дѣла, ложно прикрываясь въ деревняхъ официальнымъ характеромъ миссіи.

— Очень возможно, что вы правы,—тѣмъ болѣе онъ, повидимому, не имѣетъ никакой свиты. Должно быть, это какой нибудь крупный купецъ. Кажется, я помню его имя: конечно, вы знаете его не болѣе моего, и онъ не принадлежитъ къ дипломатическому кругу.

— Какъ его фамилія?

— О! настоящая купеческая: на валявшемся отклеенномъ ярлычкѣ значится: Жанъ Фабръ, изъ Марселя.

Эмили поблѣднѣла и выпрямилась во весь ростъ.

— Какъ вы сказали? Жанъ Фабръ въ Константинополѣ?

— Что съ вами, сударыня? Могъ ли я знать, что это имя вамъ извѣстно, и что оно васъ взволнуетъ? Не былъ ли я нескроменъ? Чѣмъ я могу исправить невольное зло?..

— Ничѣмъ,—отвѣтила г-жа Фабръ.—Полноте, сударь. Прошу васъ извинить меня, я не совсѣмъ здорова и принуждена васъ оставить. Извините меня, прошу васъ. Пойдемъ, Аиссэ.

Она вышла, или, скорѣе, исчезла по направленію къ галлереѣ, которая вела въ ея аппартаменты:

— Жанъ здѣсь подъ ложнымъ предлогомъ!—шептала она.— Все кончено! Я пропала.

V.

Разставшись съ г-жею Фабръ и Ле-Гэ, графъ Ферріоль направился въ свой кабинетъ, куда онъ вошелъ, повидимому, очень озабоченный.

Кабинетъ посланника помѣщался въ роскошно убранномъ залѣ. Тяжелыя салоникскія ткани покрывали стѣны, украшенныя богатымъ оружіемъ чеканной и наборной работы. На различныхъ ла-

кированныхъ подставкахъ съ ножками, разукрашенными тонкими арабесками изъ перламутра, стояли искусно сработанныя мѣдныя блюда, вышитые чепраки и фаянсовыя, покрытыя глазурью, вазы разнообразныхъ цвѣтовъ. Изящныя чаши изъ опала, нефритовые кубки, курильницы, жаровни чеканной работы переполняли столики, открытые шкафы и столы съ рѣзными ножками, изображавшими трехлопастный входъ въ мечеть. По обѣ стороны двери, предъ старой позеленѣвшей пушкой, вытащенной изъ Босфора и поставленной на лафетѣ изъ желѣзнаго дерева, находились стойки съ длинными карабинами, приклады которыхъ были плоски.

Тотчасъ же придверникъ доложилъ посланнику:

— Г. Мишель, частный секретарь вашего превосходительства, ожидаетъ вашихъ приказаній.

— Пусть войдетъ,—отвѣтилъ графъ Ферріоль.

Придверникъ впустилъ секретаря, привезеннаго посланникомъ съ собою изъ Франціи. Это былъ уроженецъ Лиля, здоровенный человѣкъ, горбоносый, съ плоскимъ лбомъ, впалыми глазами и остроконечной бородою, съ виду очень рѣшительный; на немъ былъ парикъ и касторовая шляпа съ перомъ.

— Ну,—быстро спросилъ графъ:—есть извѣстія о Фабрѣ?

— Недостаточныя, сударь. Съ тѣхъ поръ, что онъ покинулъ Алеппо, я потерялъ его слѣдъ.

— Дуракъ!—отвѣтилъ графъ.—Слушай же хорошенько: я не хочу, чтобы Фабръ отправился въ Персію. Этотъ человѣкъ меня стѣсняетъ. Это—нахалъ, котораго я едва не наказалъ во время его проѣзда чрезъ Константинополь, когда онъ нагло осмѣлился спорить со мною относительно статей трактата марсельской торговой палаты. Впрочемъ,—прибавилъ онъ съ свирѣпой улыбкой:—я у него отнялъ жену. Это было началомъ ссоры. Но если онъ снова дается мнѣ въ когти, то не надо, слышишь ли, не надо, чтобы отъ нихъ ускользнулъ. Знай одно: то, что я сказалъ, самъ чортъ не можетъ измѣнить. Требовать и добиться посольства въ Персію, которое по праву принадлежитъ мнѣ,—значитъ нанести мнѣ оскорбленіе. Онъ думалъ отмстить мнѣ, захвативъ эту честь въ свою пользу: клянусь, она будетъ для него гибельной. Благодаря какой интригѣ удалось ему похитить у меня эту миссію? Какъ осмѣлились не поручить ее посланнику, самому близкому къ Персіи, какъ я? Не изъ Парижа, а отсюда долженъ отправиться посланникъ короля. Только я могу руководить этимъ дѣломъ. Я буду имъ руководить, или погублю свое имя. Итакъ, вотъ прежде всего мои распоряженія. Ты способный, вѣрный и преданный малый, и я, согласно моей неограниченной власти, оффиціально уполномочиваю тебя быть посланникомъ при персидскомъ дворѣ. Вотъ твои вѣрительныя грамоты, я пошлю въ Парижъ курьера, поручу ему опозорить Фабра и достать для тебя утвержденіе твоей миссіи. Я вполнѣ от-

вѣчаю за твои дѣйствія и шаги: будь же увѣренъ въ твоемъ счастливомъ будущемъ. Я великодушно дарю тебѣ цѣлое состояніе, въ признательность за твои прежнія заслуги.

Мишель преклонилъ колѣно и воскликнулъ:

— Какъ благодарить васъ за такую доброту, и чѣмъ могу я отплатить за ваше великое благодѣяніе! Будьте убѣждены, ваше превосходительство, что у васъ никогда не будетъ болѣе преданнаго повѣреннаго, чѣмъ вашъ признательный слуга. Нѣтъ такого дѣла, котораго я не предпринялъ бы, утвердившись на своемъ посту, благодаря вашей высокой поддержкѣ; Фабръ—пропащій человѣкъ: считайте его погибшимъ.

— Слава Богу!—отвѣтилъ графъ:—вотъ это именно я и хотѣлъ отъ тебя слышать. Итакъ, ты—посланникъ французскаго короля при дворѣ персидскаго шаха.

Убѣдившись, что его служащій не посмѣетъ ни сопротивляться, ни возражать и можетъ пуститься, очертя голову, въ опасное предпріятіе, графъ Ферріоль открылъ ему свои намѣренія и представилъ свой планъ во всемъ его трагическомъ ужасѣ. Опозорить Фабра было недостаточно,—требовалось стереть его съ лица земли, какъ бы вслѣдствіе несчастнаго случая, чтобы безнаказанно, не медля, занять его мѣсто и даже вызвать за такое рвеніе королевскую похвалу.

— Но отъ твоего старанія я ожидаю иного: въ этомъ замѣшанъ прежде всего твой интересъ,—сказалъ графъ Ферріоль.—Фабръ, должно быть, спрятался въ окрестностяхъ Алеппо, и, можетъ быть, онъ скрылся въ Ливанскихъ горахъ. Необходимо сначала его отыскать. Возьми съ собою какого нибудь ловкаго человѣка, способнаго въ назначенное время стереть съ лица земли эту стѣснительную личность. Впрочемъ, я тебѣ дамъ сильную стражу, но ты лучше достигнешь этого посредствомъ хитрости, и лучше имѣть одно довѣренное лицо.

— Сударь, я на все готовъ. У меня есть среди вашей стражи одинъ негодяй, который устроитъ все дѣло; это—настоящій каторжникъ, готовый продать свою душу за стаканъ сидра.

— О комъ ты говоришь?

— О Сюферѣ, дезертирѣ.

— О томъ, что задушилъ приказчика голландскаго купца, и я его спасъ отъ казни?

— Точно такъ.

— Намъ такого и надо. Впрочемъ не думай, что смерть Фабра будетъ для меня простымъ любопытствомъ, развлеченіемъ. Если требуется его исчезновеніе, то вслѣдствіе того, что необходимо отнять у него вѣрительныя грамоты. Ты овладѣешь ими такъ же, какъ и подарками, посланными каролемъ шаху: ты только будешь продолжать неудачно прерванное посольство. Мнѣ гораздо

удобнѣе, если бы министръ утвердилъ тебя, какъ преемника Фабра, а не какъ его соперника, и дѣло пошло бы своимъ естественнымъ путемъ. Пойми все хорошенько; это важно. Фабръ умеръ, и посылая тотчасъ же, безотлагательно, его замѣстителя, я оказываю услуги дѣлу моего короля, и этотъ замѣститель имѣетъ право на благодарность властей. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, сударь. Дѣло рѣшено.

— Итакъ, я полагаюсь на тебя. Возьми свои вѣрительныя грамоты и этотъ вексель; онъ дастъ тебѣ возможность удовлетворить всѣ расходы во время пути. Сегодня утромъ долженъ пріѣхать алеппскій консулъ, Бланъ: онъ уже вручилъ прошеніе объ аудіенціи. Ты примешь его и соберешь отъ него всѣ необходимыя справки относительно твоихъ розысковъ. Но прежде чѣмъ мы разстанемся, и ты увезешь бумаги, подпиши это заявленіе, чтобы я могъ лучше держать тебя въ рукахъ.

Мишель принялся его читать.

«Я, нижеподписавшійся, секретарь графа Ферріоля, маркиза Аржанталя, посланника при блестящей Портѣ высокаго и могущественнаго величества короля Франціи, удостовѣряю и признаю, что вѣроломно убилъ его превосходительство Жана Фабра, чрезвычайнаго при персидскомъ дворѣ посланника его величества Людовика, четырнадцатаго короля этого имени. Я въ этомъ обвиняю себя, ожидая возмездія».

Мишель колебался.

— Ну! Я вижу, ты не годишься для крупныхъ дѣлъ,—сказалъ графъ съ грубымъ равнодушіемъ.—Предположимъ, что мы съ тобою ни о чемъ не говорили, и въ ожиданіи моихъ приказаній возвратись въ свою канцелярію.

Секретарь болѣе не колебался. Онъ зналъ, что его отказъ послѣ того, какъ ему было довѣрено дѣло, равняется смертному приговору. Сдѣлавъ тотчасъ же выборъ между прибыльнымъ сообщничествомъ и гибельнымъ отказомъ, онъ подписалъ заявленіе.

Едва графъ успѣлъ вынуть ключъ изъ потаеннаго ящика, куда онъ убралъ компрометирующее заявленіе, какъ раздались три удара въ дверь.

— Что вамъ отъ меня нужно?—воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ.

Въ дверяхъ появился дрожащій отъ страха драгоманъ и палъ ницъ предъ графомъ. Ферріоль спросилъ его сердито.

— Что случилось? Почему ты безпокоишь меня безъ моего приказанія?

Драгоманъ принялся извиняться. Онъ былъ посланъ начальникомъ полиціи со спѣшнымъ порученіемъ.

— Вели ему войти, скотина!

Вошелъ полицейскій офицеръ. На немъ была богатая парчевая одежда, стянутая въ тальѣ поясомъ; сбоку на золотой цѣпи ви-

сѣлъ палашъ съ рукояткой и ножнами изъ драгоцѣнныхъ камней. Султанъ его бѣлаго шелковаго тюрбана придерживался брильянтовой застежкой. Онъ былъ въ красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, доходящихъ до шароваръ.

Графъ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться и говорить.

— Я васъ не задержу,—сказалъ полицейскій офицеръ:—г. Фабръ въ Константинополѣ.

— Боже мой! Нахалъ!—завопилъ графъ.—Ступай, Мишель, не теряй времени: онъ у насъ въ рукахъ!

VI.

Константинополь не находится на пути изъ Парижа въ Испагань, поэтому неудивительно, что Эмили, жена Фабра, и графъ Ферріоль, его прежній соперникъ, два существа, интересовавшіяся каждымъ его шагомъ, не безъ причины удивились его появленію на берегахъ Босфора. Зачѣмъ онъ туда пріѣхалъ?

Вотъ что произошло.

Какъ только графъ Ферріоль былъ дипломатически извѣщенъ о миссіи Фабра въ Персію, то сильно разгнѣвался и тотчасъ же составилъ планъ всѣми средствами ему помѣшать. Онъ предупредилъ объ этомъ консула Алеппо, конечнаго пункта для путешественниковъ, отправлявшихся въ эту сторону, и такъ дѣйствовалъ, что Фабра ожидалъ на всемъ пути самый холодный пріемъ со стороны чиновниковъ и туземцевъ.

Послѣдній сразу это замѣтилъ.

Ускользнувъ отъ корсаровъ, Тюржи направилъ корабль на островъ Кипръ. «Трезубецъ» быстро обогнулъ гору Олимпъ, покрытую фіолетовымъ верескомъ, и вступилъ въ портъ Никозію, откуда онъ могъ безпрепятственно достичь рейда Александретты, Алеппскаго порта. Они прибыли ночью.

Портъ былъ не достаточно глубокъ для корпуса «Трезубца», и онъ остановился въ морѣ. Вокругъ него собрались фелуки съ явившимися для его разгрузки неграми, въ красныхъ фескахъ, съ синими кисточками; вокругъ громадной темной массы засверкали факелы, прицѣпленные къ каикамъ. Игра блуждающихъ огоньковъ тысячу разъ отражалась въ безчисленныхъ граняхъ волнъ, какъ будто морская поверхность была покрыта миріадами искръ.

Тюржи приказалъ бросить якорь и депешею извѣстилъ коменданта порта, что дождется дня для высадки пассажировъ и выгрузки товаровъ. Всѣ огни были потушены, только виднѣлся раскачивавшійся на вершинѣ мачты фонарь, да фонарикъ ночного сторожа, дѣлавшаго обходъ позади абордажныхъ сѣтокъ.

На зарѣ, въ то время, какъ матросы складывали паруса и поднимали на мачты французскіе флаги со всѣми обычными сигналами, Марй Пѣтй стояла на мостикѣ, не переставая любоваться великолѣпнымъ пейзажемъ.

Она была очень хорошенькая въ своемъ нарядѣ молодого маркиза, въ золотисто-коричневомъ кафтанѣ, со шпагою, треуголкою, въ парикѣ, высокихъ сапогахъ и въ дорожномъ плащѣ.

У ея ногъ, на палубѣ копошились матросы, рабочіе, носильщики и желтолицые, съ лоснящейся кожей и толстыми губами гребцы. Всѣ они сталкивались и посылали другъ другу проклятія, какъ обыкновенно бываетъ при значительныхъ выгрузкахъ.

На самомъ концѣ носовой части, около сторожевой мачты, стоялъ Тюржи въ блестящемъ мундирѣ и разговаривалъ съ комиссарами оттоманскаго правительства, поднявшимися на бортъ; они провѣряли путевыя бумаги, коносаменты, паспорты и прочіе документы, удостовѣряющіе національность и цѣль поѣздки пассажировъ. Турецкій писарь съ чернильницей у пояса заносилъ отмѣтки въ вѣдомость, откуда свѣшивалась на широкой затканной золотомъ лентѣ печать султана.

Вдоль корабельнаго корпуса полуобнаженные негры нагружали фелуки ящиками, бочками и тюками, составлявшими кладь посольства и подарки шаху.

На главной мачтѣ развѣвался флагъ французскаго короля, синій, съ золотыми лиліями.

Цѣлый лѣсъ мачтъ и рей торговыхъ судовъ и рыбачьихъ лодокъ возвышался со стороны порта, какъ бы разрисовывая небо клѣтками. Здѣсь были суда всякаго рода и происхожденія: даміетскіе, финикійскіе, яффскіе, асколярскіе, бейрутскіе, смирнскіе и константинопольскіе, а также большіе египетскіе корабли. Въ воздухѣ, колеблемомъ легкимъ вѣтеркомъ, развѣвались вымпелы различныхъ флаговъ съ полумѣсяцами на разноцвѣтномъ фонѣ.

Изъ-за Аинтабскихъ горъ взошло ослѣпительное солнце и освѣтило набережную, оживленную суетившейся и грязной толпой: тутъ были искатели жемчуговъ и コралловъ, кипрцы, сирійцы, марониты, друзы и горцы Тавра. Рядомъ съ резиденціей коменданта порта, представителя турецкаго султана, стояло нѣсколько лачугъ.

Впрочемъ, это не былъ ни посадъ ни городъ, а только рейдъ, окруженный нѣсколькими скученными хижинами—складочное мѣсто для товаровъ. Торговцы расположились прямо на открытомъ воздухѣ, и Марй издали видѣла ихъ камлотовыя палатки и силуэты неуклюжихъ верблюдовъ, спавшихъ со связанными ногами; лошади стадомъ паслись за оградой. Послѣдніе горные уступы Ливана и Альма-Дага выдѣлялись на горизонтѣ своими хребтами съ снѣжными вершинами, тогда какъ ихъ склоны, покрытые радужной окраской самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, исчезали въ золотистыхъ пескахъ Келиса и Антакіи.

Жанъ Фабръ въ сапогахъ, парадномъ мундирѣ, круглой поярковой шляпѣ, съ пистолетомъ за поясомъ оканчивалъ свои дѣла съ комендантомъ порта. Увидѣвъ на мостикѣ Марй, онъ подошелъ къ ней. Она пожала ему руку; глаза ея были полны восторга отъ восхитительной панорамы, развернувшейся предъ нею отъ устья рѣки Оронта до Джихуна. Но въ то же время въ ея глазахъ было и смущеніе при видѣ страны, которая дѣлала грозной тайной будущее, непредвидѣнное, неизвѣстное и загадочное.

— Вотъ наша обѣтованная земля,—сказалъ ей Жанъ улыбаясь.

— Кто знаетъ?—отвѣтила она, склонивъ голову:—мнѣ страшно.

Жанъ успокоилъ ее, объяснивъ ея нервную тревогу усталостью и возбужденіемъ, перенесенными во время путешествія. Чего имъ теперь опасаться? Достигнувъ Эривани, они будутъ на персидской землѣ; цѣль—близка, рукой подать; имъ остается лишь миновать Курдистанъ и Арменію; Оттоманская же имперія была въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей: тамъ имъ бояться будетъ нечего, и путешествіе безъ всякихъ затрудненій совершится въ нѣсколько недѣль.

— Да услышитъ тебя Богъ, мой Жанъ,—сказала она:—и да поможетъ Онъ намъ.

Тѣмъ временемъ появились одинъ за другимъ пассажиры. Флориза поднялась изъ каюты, завязывая розовыя ленты своей шляпы изъ тонкой соломы, съ отдѣлкой изъ голубыхъ цвѣтовъ; докторъ и Лизонъ нѣжно любовались другъ другомъ, скрывшись за спасательными лодками; маленькій Пьеръ смотрѣлъ, какъ въ ботикахъ, отвязанныхъ отъ бригантинъ рейда, гребли негры. Жакъ и Альвейръ слѣдили за выгрузкой изъ трюмовъ клади.

Разстилая на мостикѣ коверъ, чтобы оказать почесть посланнику въ тотъ моментъ, когда онъ будетъ покидать судно среди свистковъ маневрированія и движенія экипажа, матросы обмѣнивались между собою мыслями.

— Кажется, почести не переступятъ далѣе борта корабля,—говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Не очень-то они торопятся выслать парадный вельботъ,—замѣтилъ другой.

— По моему мнѣнію, ему лучше отправиться на торговомъ баркасѣ,—отвѣчалъ третій.

— Не похоже, чтобы на берегу дѣлались какія нибудь приготовленія: ему предоставятъ ѣхать одному, какъ на исповѣдь.

Тюржи былъ нѣсколько удивленъ; онъ ожидалъ, что на зарѣ къ нему явятся нѣсколько делегатовъ отъ алеппскаго консула, Блана, для привѣтствія королевскаго посланника. Но наступило утро, и Тюржи, видя, что никакое парадное судно не является, долженъ былъ извиниться предъ своимъ знатнымъ пассажиромъ. Они свалили это маловажное препятствіе на неисправность курьера,

на возможность ошибиться числомъ и на забывчивость подчиненныхъ. Была подана шлюпка, вызванная въ рупоръ; матросы выстроились шпалерой, и Тюржи, занявъ мѣсто на мостикѣ, обратился къ Жану Фабру съ трогательными прощальными словами, поздравляя себя съ такимъ важнымъ и въ то же время любезнымъ пассажиромъ и выразивъ ему пожеланія полнаго успѣха въ еще столь отдаленномъ предпріятіи, хотя полпути уже было сдѣлано. Онъ пожалъ руку Жану Фабру, а также Маріи и обнялъ маленькаго Пьера. Шлюпка была привязана къ нижнему концу лѣстницы. Въ нее спустился посланникъ со всей своей свитой. Сбоку пристали каики, чтобы забрать тюки.

Въ Александреттѣ посланника никто не встрѣтилъ, и комендантъ порта не получилъ никакого приказа объ ихъ пріемѣ.

— Это странно,--сказалъ Фабръ.

— Надо добраться до Алеппо,—предложила тотчасъ же Марія.

Немедленно были собраны верблюды и наняты носильщики. Жакъ и Альвейръ суетились, желая увеличить персоналъ этого неудачнаго посольства. Европейскіе слуги учили новымъ обязанностямъ негровъ, набранныхъ на службу въ посольство. Вскорѣ подъ лучами палящаго солнца двинулось шествіе по песчанымъ слѣдамъ, между кустарниковъ. Здѣсь были верблюды, нагруженные кладью и съ сѣдоками, паланкины съ задернутыми полотняными занавѣсами; ихъ нéсли на спинахъ люди. Лизонъ ѣхала въ маленькой красной тележкѣ, запряженной муломъ, а раскраснѣвшійся докторъ, вытирая потный лобъ, сидѣлъ верхомъ на ослѣ, который былъ слишкомъ широкимъ въ спинѣ для его коротенькихъ ногъ.

Солнце уже закатывалось, когда они приблизились къ Алеппо. Жанъ Фабръ подалъ знакъ къ остановкѣ. Рѣшено было отправить Жака и Альвейра впередъ и узнать въ консульствѣ, приготовлено ли для посольства помѣщеніе. Имъ также поручено было спросить, почему допустили посланника явиться въ Алеппо безъ эскорта, совершенно одного.

Оба парламентера отправились на своихъ маленькихъ лошадяхъ рысью; они взобрались по отлогой горѣ къ главному входу въ городъ. Переступивъ раскрашенную разноцвѣтными красками заставу, гдѣ выдѣлялась бѣлая рука на охровомъ фонѣ съ синими и алыми полосами орнаментовъ, они попали въ узкія улицы, окаймленныя лавчонками. О дорогѣ въ консульство они спросили у проходившаго іезуита и по его указанію достигли хорошо укатанной площади, на которой было посажено нѣсколько пальмъ. Маленькая дверь, пробитая въ длинной бѣлой стѣнѣ, вела въ мечеть. Напротивъ, желѣзная рѣшетка отдѣляла дворъ низкаго зданія, простая архитектура котораго представляла неудачное соединеніе европейской моды съ азіатской. Отрядъ тѣлохранителей со-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1905 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

I. Богословіе.

Никаноръ, еписк. Толковый апостолъ. Часть I. Объясненіе книги дѣяній св. апостоловъ и соборныхъ посланій. Изд. 1. Часть II. Объясненіе первыхъ семи посланій св. апостола Павла. Изд. 3-е. Часть III. Общедоступное объясненіе послѣднихъ семи посланій св. апостола Павла. Спб. 1902—1905. Ц. I ч. и II по 3 р.; III—2 рубля.

Никольскій, А., прот. Страстная и великая седьмица. Евангельская исторія и богослуженіе каждаго ея дня. Изд. 5-е, испр. и доп. Кіевъ. 1905. Ц. 75 к.

Поляковъ, Петръ, свящ. Православіе, какъ основа жизни. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Преображенскій, Василій, прот. Святые учители вѣры и благочестія. Душеспасительныя чтенія на каждый день года. Іюнь, Іюль. М. 1904. Ц. кажд. 1 р. 50 к.

Спасскій, А. Обращеніе императора Константина Великаго въ христіанство. Св.-Тр. Сергіева лавра. 1905. Ц. 40 к.

Талмудъ. Критическій переводъ Н. Переферковича. Томъ 7-й. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Тидебаль, П. С. Какъ я нашелъ истинную церковь. Изд. 3-е. Спб. 1905. Ц. 65 к.

Чельцовъ, М., свящ. Была ли нужда при п. Никонѣ исправлять церк. богослужебныя книги. Изъ бесѣды съ Мельниковымъ. Спб. 1904. Ц. 10 к.

II. Философія, психологія, логика.

Виндельбандъ, В. О свободѣ воли. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 80 к.

Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. съ англ. Изд. 5-е. М. 1905. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Овидій Назонъ, Публій. Наука любви. Въ русскомъ переводѣ съ примѣч. А. Н. Манна. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Сведенборгъ, Эммануилъ. О божественной любви и божественной мудрости. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Страховъ, Н. Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи. Изд. 3-е. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

Таубе, А. М., баронъ. Христіанство и международный миръ. М. 1905. Ц. 25 к.

Шестовъ, Л. Апоѳеозъ беспочвенности. Опытъ адогматическаго мышленія. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

III. Ботаника, зоологія, минералогія, геологія, физика, химія.

Волосатовъ, Н. М. Что такое движеніе? Органическая жизнь въ механическихъ явленіяхъ. Урокъ всеобщей сравнительной біологіи. Спб. 1905. Ц. 1 р.

***Кайгородовъ, Дм.** Черная семья. (Птицы вороньяго рода). Изд. 4-е. Спб. 1905. Ц. 20 к

Келлеръ, К., проф. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 8 р.

Палладинъ, В. И., проф. Морфологія и систематика растеній. Съ 315 рис. въ текстѣ. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Фабръ. Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Перев. съ франц. Томъ II. Спб. 1904. Ц. въ пап. 3 р.

Федоровъ, П. А. Популярная химія для дѣтей. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Шевыревъ, Ив. Права первенства по вопросу о внѣкорневомъ питаніи. Спб. 1904. Ц. 25 к.

Якобсонъ, Г. Г. Жуки Россіи и Западной Европы. Руководство къ опредѣленію жуковъ. Вып. I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

IV. Математика, астрономія и метеорологія.

Зутеръ, Г. Исторія математическихъ наукъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Тарнарицеръ, Ѳ. Описанія методовъ калибрированія Неймана, Тизена и Гальона, употребляемыхъ въ международномъ бюро мѣръ и вѣсовъ въ Севрѣ близъ Парижа. М. 1904. Ц. 75 к.

V. Словесность.

Авсѣенко, В. Г. Скрежетъ зубовный. Романъ въ 6 част. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Алтаевъ, А. Бенвенуто Челлини. Біографич. повѣсть. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Апулей, Л. Амуръ и Психея. Перев. съ латинск. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Безе, А. Я. Птичка. Повѣсть изъ московской жизни. М. 1905. Ц. 75 к.

Вильде, Н. Н. Катастрофа. Романъ Софья Михайловны и другіе. М. 1905. Ц. 1 р.

Волинъ, В. А. Повѣсть. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Волковичъ-Вель. Влажь! водевиль съ куплетами въ 1 дѣйств. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Глибовъ, Леонидъ. Творы. Байки, загадки, жарты, поезіи и пр. Кіевъ. 1904. Ц. 75 к.

Гливенко, И. И. Мопассанъ и Чеховъ. Сравнительный этюдъ. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

— Типы героевъ въ литературѣ въ ихъ отношеніи къ дѣйствительности. Историко-литературн. гипотеза. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

Гомеевъ, В. П. Повѣсть временныхъ седьмицъ. М. 1904. Ц. 50 к.

Гофманъ, Викторъ. Книга вступленій. Лирика 1902—1904. М. 1904. Ц. 1 р.

Діонео. Англійскіе силуэты. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Додэ, Альфонсъ. Сафо. Жены знаменитостей. Сокровище Арлатана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Единорогъ, Г. Дьячки Софоній и Сасоній. Разсказы о двухъ дьячкахъ, покинувшихъ свою должность. М. 1905. Ц. 25 к.

Живыя рѣчи отошедшихъ друзей. С. А. Спб. 1905. Ц. 85 к.

Замотинъ, И. И. Предразсвѣтныя тѣни. Къ характеристикѣ общественныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ А. П. Чехова. Казань. 1904. Ц. 50 к.

Кологривова, Л. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 1 р. 10 к.

Конанъ-Дойль. Союзъ рыжихъ. (Прикл. Шерл. Холмса, томъ II). Спб. 1905. Ц. 1 р.

— Приключенія Шерлока Холмса. М. 1904. Ц. 1 р.

— Воскресшій Шерлокъ Холмсъ. Новые мемуары. Томъ II. Перев. съ англ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Костомаровъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Книга пятая. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Кристи, Е. К. Стихотворенія. Одесса. 1904. Ц. 1 р.

Крыжановская, В. И. (Рочестеръ). Свѣточи Чехіи. Истор. романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. Спб. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Курдюмовъ, Г. С. «Сюрпризъ» и «Свиданіе». Двѣ одноактныя пьесы для любит. спектаклей. Воронежъ. 1905. Ц. 25 к.

Лагерлефъ, Сельма. Въ Іерусалимѣ. Картины современнаго духовнаго движенія среди шведскаго крестьянства. Романъ. Перев. со шведскаго. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Любовичъ-Кошуровъ, І. А. Въ Портъ-Артурѣ. Разсказы изъ боевой жизни. М. 1905. Ц. 60 к.

Марденъ (Светъ), Орисонъ. Строители судьбы, или путь къ успѣху и могуществу. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 к.

Мопассанъ (Гюи, де). Коробейникъ. Второй сборникъ разсказовъ. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 85 к.

Мошинъ, Алексѣй. Гашишъ и другіе новые разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Наборъ, Феликсъ. Крестовый походъ дѣтей. Разсказъ изъ временъ XIII вѣка. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ниманъ, Августъ. Міровая война. Фантазія германца. Романъ. 1905. Ц. 85 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н., проф. Л. Н. Толстой, какъ художникъ. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Петрищевъ, Аф. Замѣтки учителя. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Петровъ, Г. С., свящ. Божьи свѣчи. Изд. 2-е. 1905. Ц. 20 к.

Плетневъ, Алексѣй. Упитанные и отъѣвшіеся. (Преступность денегъ). Очерки. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Рой, Христина. Работникъ. Разсказъ. Переводъ свящ. Г. Петрова. Спб. 1905. Ц. 8 к.

Самсаганская, Анна. Разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Сборникъ товарищества «Знаніе» за 1904 годъ. Книга III. Содержаніе: Скиталецъ. Памяти Чехова. А. Купринъ. Памяти Чехова. М. Горькій, Дачники. И. Бунинъ. Памяти Чехова. Л. Андреевъ. Красный смѣхъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Серафимовичъ, А. Разсказы. Томъ I. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Сѣрошевскій, В. Предѣлъ скорби. Китайскіе разсказы. Хайлакъ. Перев. съ польскаго. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 1 р.

— Дальній Востокъ. Очерки. Изд. 2-е, доп. Перев. съ польск. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Таежный, О. Д. Китаянка Лю-Шу. Очерки изъ жизни Дальняго Востока. Оренбургъ. 1904. Ц. 50 к.

Чарская, Л. А. Какъ любятъ женщины. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.

— Проблемы любви. Разсказы о женскомъ сердцѣ. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Шапиръ Ольга. Не повѣрили. Повѣсть. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Шебуевъ, Н. Японскіе вечера. Негативы. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Юшкевичъ, Семенъ. Разсказы. Томъ II. Спб. 1905. Ц. 1 р.

VI. Исторія.

Архивъ Юго-Западной Россіи, изд. коммиссіею для разбора древн. актовъ. Ч. I, т. X. Акты, относящіеся къ исторіи Галицко-Русской православной церкви (1423—1714 гг.). Кіевъ. 1904. Ц. 2 р.

— Тоже. Ч. I, т. XI и XII. Акты, относящіеся къ исторіи Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Кіевъ. 1904. Ц. кажд. тома 2 р.

Бобровъ, Евгеній, проф. Къ біографіи Гавріила Петровича Каменева. Варшава. 1905. Ц. 75 к.

Брентелло (Функъ). Вастилія, ея архивы и легенды. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Ефименко, Александра. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Томъ I. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Иллюстрированная исторія царствованія императора Александра II. М. 1904. Ц. 80 к.

Латышевъ, В. В. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Томъ II. Латинскіе писатели. Выпускъ I. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Петръ Великій и женщины. Истор. очеркъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

— Неполонинскій царевичъ. Истор. легенда о королевскомъ происхожденіи Димитрія Самозванца. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Матеріалы для исторіи Рязанскаго губернскаго земства. Посмертное изданіе трудовъ А. Д. Повалишина съ примѣч. кн. Н. С. Волконскаго. Ч. I, ч. II, вып. I и ч. II, в. 2. Рязань. 1903—1904. Ц. за 3 кн. 2 р. 50 к.

Миловидовъ, А. Педагогическія воззрѣнія императрицы Екатерины II и вліяніе ихъ на реформу духовной школы. Вильна. 1905. Ц. 20 к.

— Современная лѣтопись. Прошлое и современное положеніе археологіи въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Вильна. 1905. Ц. 15 к.

Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Сост. и изданъ учениками В. И. Ламанскаго. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Очерки по исторіи Германіи въ XIX вѣкѣ. Томъ I. Происхожденіе современной Германіи. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. 2 р.

Повалишинъ, А. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губ. въ XIX столѣтіи. Рязань. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Родзевичъ, Н. Н. Уваровскій университетъ. Харьковъ. 1904. Ц. 59 к.

Розенбергъ, Вл., и Якушкинъ, В. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. Статьи. М. 1905. Ц. 1 р.

Русско-японская война. Офиціальныя телеграммы съ 27 января по 28 апрѣля. 1904. Спб. 1905. Ц. 70 к.

Сперанскій, М. Н. Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣдованіе и тексты. М. 1904. Ц. 5 р.

Щербатовъ, кн. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Томъ VII, 1850—1856 гг. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Щербатовъ, А. Г., кн. Значеніе для Россіи войны съ Японіей. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Юркевичъ, М. В. (М. Горюнинъ). 25-лѣтніе итоги княжества Болгаріи (1879—1904). Т. I, книга I. Землевладѣніе. Софія. 1904. Ц. 6 р. 50 к.

VII. Географія.

Нечаевъ, А. П. Почва и ея исторія. Геологическій этюдъ. Спб. 1905. Ц. 60 к.

— Картины родины. Типичные ландшафты Россіи въ связи съ ея геологическимъ прошлымъ. Съ 62 рис. Спб. 1905. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.

VIII. Сельское хозяйство.

Гесдёрферъ, М. Комнатное садоводство. Вып. 4-й. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. по под. 4 р. 50 к.

Гуринъ, Г. М. Бѣшенство у животныхъ. Съ рис. М. 1905. Ц. 3 к.

— Сибирская язва, сапъ и мытъ у животныхъ, съ рис. М. 1905. Ц. 5 к.

Келлеръ, К., проф. Жизнь моря. Животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Перев. съ нѣм. Вып. 4-й. Ц. по подп. на 3 тома 24 р.

Ошанинъ, М. А. Промышленное огородничество для крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Отчетъ дѣятельности ново-ошанскаго опытнаго огороднаго хозяйства въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ., за время съ 1893 по 1903 г. Ростовъ Яросл. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

— Томаты, какъ ихъ вырастить, приготовить изъ нихъ консервы и какъ съ выгодою продать. Ростовъ-Ярославскій. 1901. Ц. 25 к.

Синорскій, В. Л. Рыбоводство въ прудахъ и озерахъ. I. Объ устройствѣ рыбоводныхъ прудовъ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

IX. Технологія.

Абрамовъ, Н. М. Изгибъ рельсовъ статической нагрузкой съ изученіемъ упругихъ свойствъ. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Борзовъ, И. Устройство и улучшеніе желѣзнодорожныхъ водоснабженій. Вып. II. Краткія объяснительныя и расчетныя данныя. Спб. 1904. Ц. 2 р. 75 к.

Бурдуковъ, П. Гончарныя издѣлія Средней Азіи, Спб. 1905. Ц. 4 р.

Владимировъ, Л. Л. Постепенное развитіе и современное состояніе судоходства и грузооборота на Маріинской системѣ. Съ чертежами, картой и съ XII табл. приложеній. Спб. 1904. Ц. 1 р. 80 к.

Грузинцевъ, А. П. О разрядномъ потенціалѣ. Харьковъ. 1904. Ц. 30 к.

— Дисперсія металловъ. Харьковъ. 1904. Ц. 80 к.

Киферъ, Л. Г. Изгибъ кривого бруса. Теорія и примѣры расчетовъ. Пособіе при проектированіи для инженеровъ, техниковъ и студентовъ. М. 1904. Ц. 80 к.

Любимовъ, Л. Н., инжен. Восемнадцатифунтовый рельсъ и его служба на Сибирской дорогѣ. Томскъ. 1903. Ц. 2 р.

— Очеркъ эксплоатаціи Сибирской жел. дороги въ первые три года послѣ соединенія западно-сибирскаго участка таковой съ средне-сибирскимъ. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Номенклатура паровоза сер. В. Владикавказской жел. дор. Ростовъ на Дону. 1904. Ц. 15 р.

Сборникъ С.-Петербургскаго округа путей сообщенія. Вып. VI, съ атласомъ чертежей. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Чиковъ, Е. И. Отъ лучины до электричества. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Шиллингъ, К. Руководство по винокуренію. Сост. по 8-му изданію Меркера и друг. новѣйшимъ источникамъ. Рига. 1904. Ц. 10 р.

X. Правовѣдѣніе.

Амонъ, А. Детерминизмъ и вмѣняемость. Перев. съ франц. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ачкасовъ, Алексѣй. «Повѣяло весною»... Рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго и толки о нихъ прессы. Изд. 2-е, доп. М. 1905. Ц. 1 р.

Вилимовичъ, Ал. Д. Крестьянскій правопорядокъ по трудамъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Кіевъ. 1904. Ц. 50 к.

Волковъ, Л. Что нужно? Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

Германскій имперскій законъ 5 іюля 1900 г. о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Голицынъ, Ѳ. С., кн. Кустарное дѣло въ Россіи. Т. I, ч. I. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Грабарь, В. Э. Объявленіе войны въ современномъ международномъ правѣ. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Гурляндъ, Я. І. Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVII столѣтіе. Казань. 1904. Ц. 1 р.

Дополнительная конвенція къ договору о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Германіей отъ 29-го января (10 февраля) 1894 г., заключенная 15-го (28-го) іюля 1904 г. Измѣненія въ таможенномъ тарифѣ. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Еллинекъ, Г. Декларація правъ человѣка и гражданина. Перев. съ нѣм. М. 1905. Ц. въ пер. 40 к.

Заустинскій, подполковн. Когда и какъ окончится наша война съ Японіей? Спб. 1905. Ц. 20 к.

Зомбартъ, Вернеръ. Современный капитализмъ. II томъ. Теорія капиталистическаго развитія. М. 1905. Ц. 2 р.

Катковъ, М. Н. Осамодержавіи и конституціи. М. 1905. Ц. 30 к.

Кауфманъ, А. А. Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ по Кавказу, области войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Лакинъ, І. И. Хозяйственно-экономическіе очерки и наблюденія (Астраханское казачье войско, Астраханская и Саратовская губерніи). Вып. I. Астрахань. 1904. Ц. 75 к.

Мигулинъ, П. П. Война и наши финансы. Харьковъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Миклашевскій, Александръ. Обмѣнъ и экономическая политика. Юрьевъ-Дерптъ. 1904. Ц. 3 р. 50 к.

Пановъ, А. А. Сахалинъ, какъ колонія. Очерки колонизаціи и современнаго положенія Сахалина. М. 1905. Ц. 1 р.

Рескинъ, Джонъ. Письма къ рабочимъ и земледѣльцамъ Великобританіи. Перев. съ англ. М. 1905. Ц 1 р. 50 к.

Риттихъ, А. А. Крестьянскій правопорядокъ. Спб. 1904. Ц. 2 р.

— Крестьянское землепользованіе. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Сулержицкій, Л. Въ Америку съ духоборами. Изъ записной книжки. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Тимоѳеевъ, А. Г. Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ. Изд. II, перераб. и доп. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Тайновъ, И. Г. Золотыя точки (gold-points) и ихъ практическое значеніе по опредѣленію прилива и отлива золотой монеты изъ народнаго обращенія при международныхъ расчетахъ главнѣйшихъ государствъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Хитрово, Н. П. Законодательные памятники XVI и XVII столѣтій. М. 1905. Ц. 2 р. 25 к.

Шараповъ, Сергѣй. Снѣгъ. М. 1905. Ц. 30 к.

XI. Медицина.

Афанасьевъ, М. И., проф., и Ваксъ, П. Б., д-ръ. Малярія. Въ сжатомъ монографическомъ изложеніи. Съ 3 рис. Спб. 1905. Ц. 75 к.

Буксбаумъ, Б., д-ръ. Учебникъ гидротерапіи. Съ 34 рис. и 24 табл. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Dumont, F. L., prof. Руководство по общей и мѣстной анестезіи. Для врачей и студентовъ. Съ 116 рис. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 1 р. 70 к.

Измайлова-Цилинская, Л. Популярныя бесѣды по гигіенѣ. Со мног. рис. въ текстѣ. Кіевъ. 1904. Ц. 20 к.

Кпарр, L., prof. Основы лѣченія гинекологическимъ массажемъ. Спутникъ для студентовъ и врачей. Съ 6 рис. Перев. съ нѣм. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Ланге, Максъ, проф. Краткій учебникъ акушерства. Съ 137 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. Кіевъ. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Поспѣловъ, А. И. Руководство къ изученію кожныхъ болѣзней для врачей и студентовъ. Изд. 5-е, испр. и доп. М. 1905. Ц. 5 р.

Forel, A., prof. Гипнотизмъ и лѣченіе внушеніемъ. Перев. д-ра Г. М. Бубиса. Спб. Ц. 1 р. 60 к.

Хейгъ, Александръ. Діета и пища по отношенію къ силѣ, выносливости, тренировкѣ и атлетикѣ. Перев. съ англ. Кіевъ. 1904. Ц. 75 к.

XII. Искусство.

Альбомъ иконостасовъ. Изд. Имп. Спб. общества архитекторовъ. Спб. 1904. Ц. 8 р. 30 к.

Картины современныхъ художниковъ въ краскахъ. Вып. 6. М. 1904. Ц. по подп. на 12 вып. 12 р.

Мироносицкій, П. П. Записки по теоріи музыки. Спб. 1904. Ц. 80 к.

Московская городская художественная галлерея П. и С. Третьяковыхъ. Вып. 25. М. 1904. Ц. по подп. на кажд. 12 вып. 24 р.

Московская Румянцевская галлерея. Вып. 9-й. М. 1904. Ц. по подп. на 18 вып. 36 р.

Озаровскій, Ю. Э. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Вып. II. «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Спб. 1905. Ц. 10 р.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтія. Томъ I. Спб. 1905. Ц. по подп. на 4 тома 50 р.

Сенигова-Курланова, Е. П. Начатки музыки (подготовительный курсъ по теоріи). Изд. 3-е, испр. и дополн. Спб. 1905. Ц. 40 к.

XIII. Военное и морское дѣло.

Кутурьенко, М. Новый учебникъ-программа для молодыхъ солдатъ пѣхоты по недѣлямъ. Изд. 2-е. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Шеловъ, А. В. Историческій очеркъ крѣпости Кронштадта. Кронштадтъ. 1904. Ц. 4 р. 50 к.

XIV. Коммерческія науки.

Домовладѣльческая бухгалтерія, расчетно-кассовая книга и календарь на 1905 г. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ротшильдъ, М. Коммерческая Энциклопедія, подъ ред. С. О. Григорьева. Настольная справочная книга по всѣмъ отраслямъ коммерческихъ наукъ. 4 тома. Спб. 1905. Ц. 12 р.

XV. Воспитаніе и обученіе. Дѣтскія книги. Народныя книги.

Бенетова, Ек. Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Изд. 4-е. М. 1905. Ц. въ пап. 80 к.

Ланге, Георгій. Краткая англійская грамматика. Юрьевъ. 1904. Ц. 30 к.

Либровичъ, Сигизмундъ. Семнадцать дочерей. 17 разсказовъ для юныхъ читательницъ всѣхъ возрастовъ. Изд. 2-е. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Лукашевичъ, Клавдія. Кузовокъ. Сборникъ разсказовъ, сказокъ, стихотвореній, работъ, занятій и т. п. для дѣтей младшаго возраста. М. 1904. Ц. въ пап. 1 р. 25 к.

— Славная севастопольская оборона. Очерки. Съ рис. М. 1905. Ц. въ пап. 30 к.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммисіи Кіевскаго общества грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Вып. II. Кіевъ. 1904. Ц. 40 к.

Педагогическая мысль. Подъ ред. проф. И. А. Сикорскаго и Н. И. Гливенко. Вып. I и II. 1904. Кіевъ. 1904. Ц. кажд. 1 р.

Пикъ, А. А. Систематическое обученіе. Какъ безъ помощи учителя подготовиться къ любому экзамену. Изд. 2-е, доп. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Позняковъ, Н. И. Завѣтныя пѣсни и сказки. Выборъ изъ стихотвореній Н. И. Познякова примѣнительно къ юнымъ читателямъ. М. 1905. Ц. въ пап. 75 к.

Смирновъ, А. И. Наша доля—Божья воля. Очерки и разсказы для дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1903. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

XVI. Справочный отдѣлъ.

Аріанъ, П. Н. Первый женскій календарь на 1905 г. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Безгинъ, И. Г. Описаніе всѣхъ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. Отдѣлъ X. Изданія, вышедшія въ 1880—1889 годахъ. Вып. I. Спб. 1905. Ц. 25 к.

Вахнинъ, А. Правила и программы для производства испытаній лицамъ, желающимъ поступить въ военную службу вольноопредѣляющимися 2-го разряда. Изд. 3-е, испр. и доп. Одесса. 1905. Ц. 25 к.

«Весь Кіевъ»—адресная и справочная книга на 1905 г. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р.

Гамалѣй, А., д-ръ. Совѣты ѣдущимъ за границу. Варшава, Вѣна, Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Одесса, Константинополь, Іерусалимъ. Спб. 1904. Ц. 30 к.

Календарь для врачей на 1905 годъ. Изд. Риккера. Спб. 1904. Ц. въ пер. 2 р.

Календарь для электротехниковъ на 1905 годъ. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Календарь сельскаго хозяина на 1905 годъ. Спб. 1905. Ц. въ пер. 1 р.

Меркуловъ, В. А. Путеводитель по горамъ Кавказа. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Музыкальный календарь на 1905 г. Спб. 1904. Ц. въ пер. 1 р.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1905 годъ. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р.

Полная чаша. Словарь хозяйственныхъ свѣдѣній по дачѣ, имѣнію и усадьбѣ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Русскій астрономическій календарь на 1905 годъ. Н.-Новгородъ. 1905. Ц. 50 к.

Сибирскій торгово-промышленный и справочный календарь на 1905 годъ. Томскъ. 1905. Ц. 2 р.

Техническій календарь Н. М. Вихеле на 1905 г. 2 части. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Уральскій торгово-промышленный адресъ-календарь на 1905 годъ. Пермь. 1904. Ц. въ пап. 1 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

Дозволено цензурою 24-го февраля 1905 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

3 2044 022 676 886

